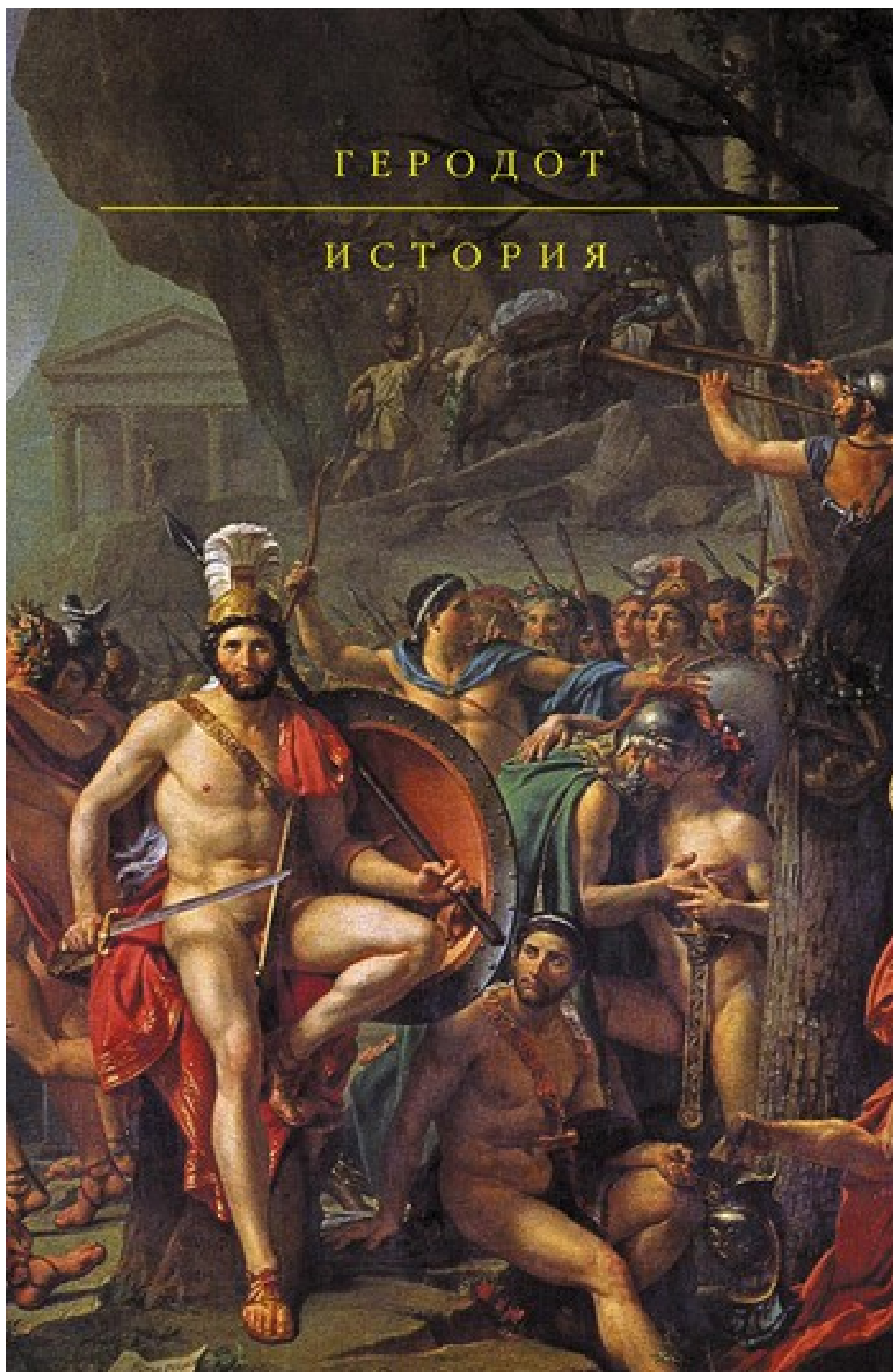

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

Геродот История

Книга первая Клио

Введение и мифическая старина Лидии (1–5). История Лидии от Креза: переход власти от Гераклидов к Мермнадам (6–13). Царствование Гигеса, Ардиса, Садиатта, Алиатта; отношения их к эллинам; случай с Арионом (14–25). Крез, посещение его Солоном (26–33). Домашние бедствия Креза; испытание оракулов (34–52). Приготовления к войне с персами; обращение к афинянам и спартанцам и дела сих последних (53–70). Война с персами, падение Сард, порабощение мидян персами; судьба Креза (71–94). Азия до господства персов: владычество ассирийцев, история мидян; Кир до завоевания Мидии (95–129). Покорение мидян персами; нравы и обычаи персов (130–140). Города ионян и эолийцев (141–153). Завоевания Кира на материке и островах (154–177). Ассирия с Вавилоном, покорение Вавилона, достопримечательности Ассирии (178–200). Поход на массагетов; гибель Кира; нравы массагетов (201–216).

1. Нижеследующие изыскания Геродот из Галикарнасса представляет для того, чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей, а также чтобы не были бесславно забыты огромные и достойные удивления сооружения, исполненные частью эллинами, частью варварами, главным же образом для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла между ними война.

Персидские ученые утверждают, что виновниками распри были финикияне, именно: прибыв от так называемого Эрифрейского моря к Нашему* и поселившись здесь в той земле, которую занимают и теперь, финикияне немедленно обратились к мореплаванию в далекие страны; с египетскими и ассирийскими товарами они заходили в разные земли, между прочим и в Аргос. Аргос в то время был в нынешней Элладе первенствующим во всех отношениях государством. По прибытии сюда финикияне занялись продажей своих товаров. На пятый или шестой день, когда все почти было продано, пришла на морской берег в числе других женщин дочь тамошнего царя Инаха по имени Ио, – так

называют ее и эллины. Расположившись у кормы, женщины покупали товары, какие наиболее нравились каждой из них. Тогда финикияне, согласившись между собой, кинулись на женщин; большая часть их спаслась бегством, но Ио вместе с несколькими другими была захвачена финикиянами. Бросив женщин на корабль, они отплыли к Египту.

2. Так прибыла в Египет Ио, по рассказам персов; но не так повествуют о том эллины. По словам персидских ученых, это была первая обида. После того, продолжают они, несколько эллинов высадились у финикийского города Тира и похитили здесь царскую дочь Европу; племени эллинов персы не знают; должно быть, это были критяне. Таким образом за нанесенную финикиянами обиду эллины отплатили равною обидою. После этого новую несправедливость совершили эллины: на длинном корабле они прибыли в Эю, что в Колхиде, на реке Фасис, и там по исполнению возложенного на них поручения похитили царскую дочь Медею. Царь Колхиды послал было в Элладу глашатая с требованием дочери обратно и удовлетворения за ее похищение; но эллины на это отвечали, что финикияне ничего не заплатили им за похищение аргивянки Ио, а потому и колхи не получают от них никакого удовлетворения.

3. В следующем поколении, по рассказам персов, сын Приама Александр, узнав о случившемся, возымел желание похитить для себя женщину из Эллады, будучи вполне убежден в безнаказанности похищения, ибо не понесли же наказания похитители – эллины. Похитил он Елену. Эллины прежде всего порешили отправить послов в Азию с требованием возратить Елену и уплатить пеню за похищение. Но в ответ на эти требования им напомнили о похищении Медеи, с укором, что сами они не заплатили никакой пени и на выдачу похищенной женщины не согласились, между тем как от других желали бы получить удовлетворение.

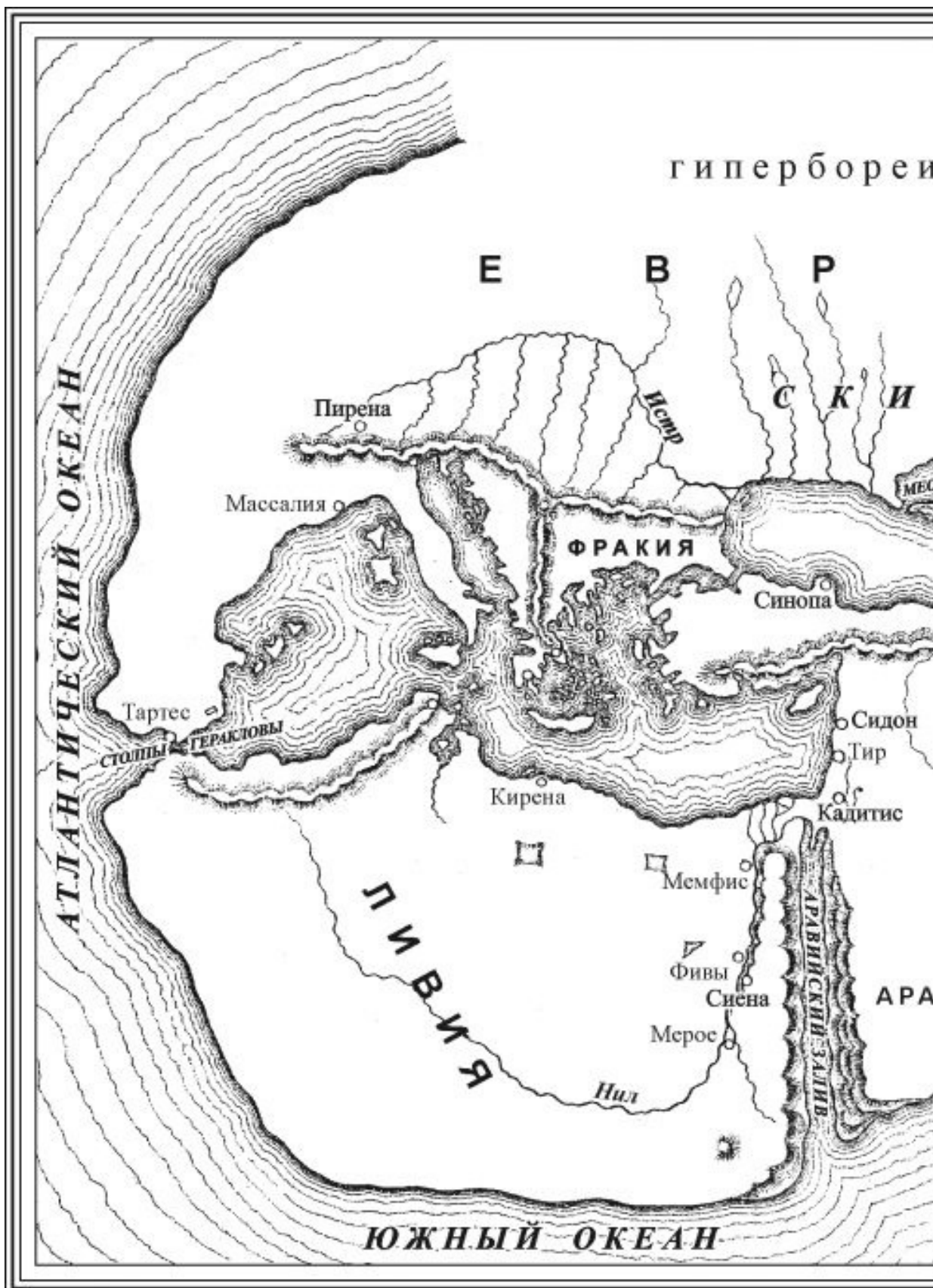
4. До сих пор с обеих сторон были похищения отдельных лиц, а с этого времени эллины становятся тяжело виновными: они вторгаются с войском в Азию прежде, нежели персы вторглись в Европу. Вообще похищение женщин персы считают делом наглецов, месть же за похищенных, по их мнению, прилична глупцам; благоразумным людям вовсе не подобает заботиться о похищенных, ибо женщины не были бы похищаемы, если бы не желали того сами. Вот почему обитатели Азии, говорят персы, и не обращали никакого внимания на похищение их женщин, между тем как эллины из-за одной женщины – лакедемонянки собрали огромное войско и, придя в Азию, разрушили царство Приама. С этого-то времени персы всегда считали эллинов своими врагами:

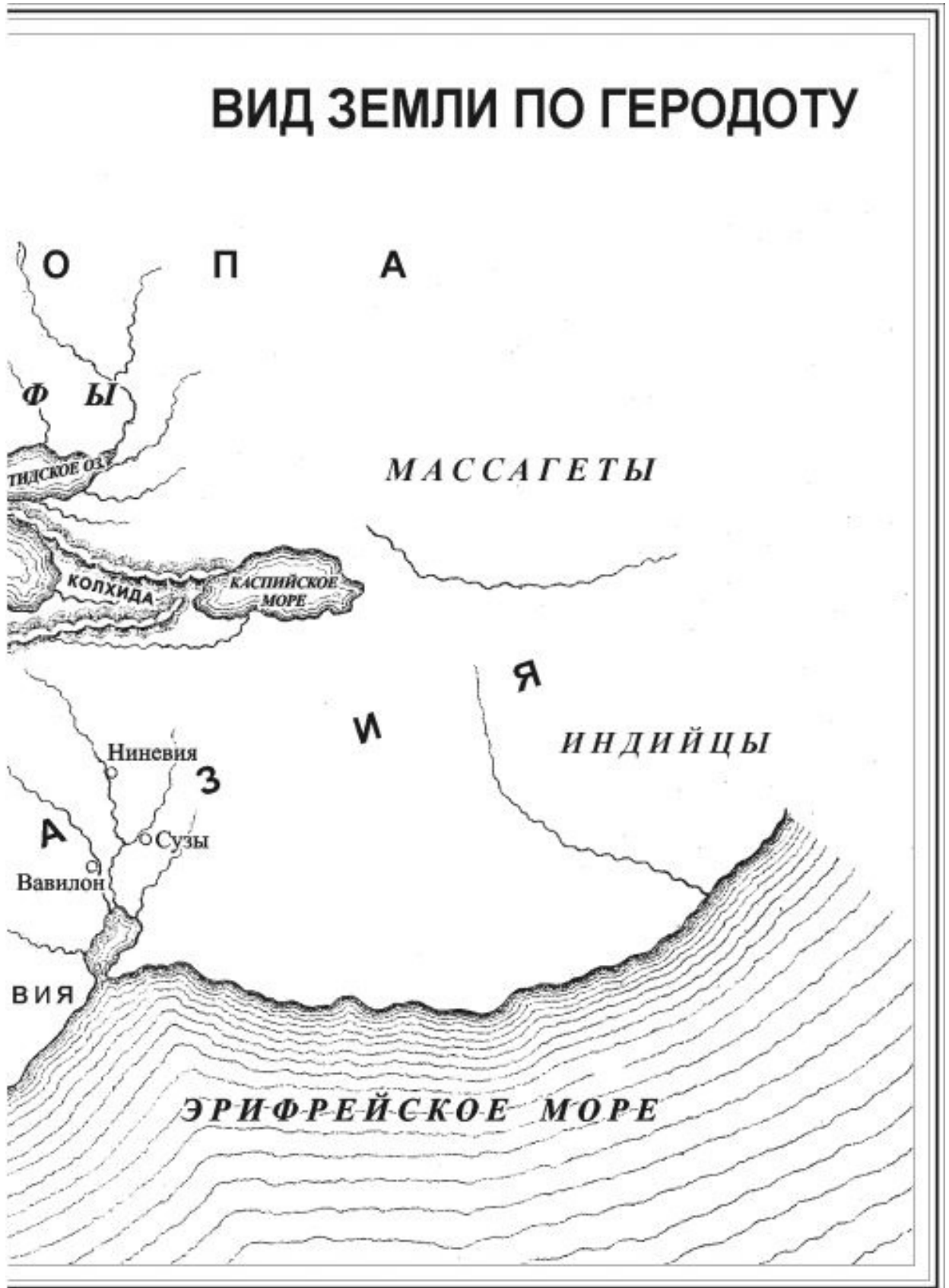
почитая Европу с эллинами за отдельную страну, они присваивают себе Азию с живущими в ней народами.

5. Так рассказывают персы, называя разрушение Трои причиной вражды своей к эллинам. Относительно Ио финикияне не согласны с персами. Не силою доставили они ее в Египет, рассказывают финикияне, но в Аргосе она вступила в связь с хозяином корабля, потом, заметив свою беременность и не желая открывать ее из страха перед родителями, добровольно отплыла с финикиянами. Таковы рассказы персов и финикиян. Со своей стороны я не стану входить в рассуждение, так ли это было или иначе, но назову лицо, которое считаю первым обидчиком Эллады, и буду продолжать мое повествование, одинаково обозревая малые и большие города, ибо большие некогда города сделались впоследствии малыми, и наоборот: города, значительные в мое время, были прежде малыми. Я знаю, что человеческое счастье непостоянно, а потому и буду упоминать как о больших, так равно и о малых городах.

6. Крез был лидиец по происхождению, сын Алиатта, и владычествовал над народами по эту сторону реки Галис, протекающей с юга между сирийцами* и пафлагонцами и изливающейся на север в так называемый теперь Евксинский Понт. Из всех известных нам варваров Крез первый подчинил своей власти некоторых из эллинов, заставив их платить дань, а с другими вступил в дружбу. Покорил он ионян, эолийцев и живущих в Азии дорийцев, а друзей приобрел себе в лакедемонянах. Раньше царствования Креза все эллины были свободны, ибо предшествовавшее задолго до Креза вторжение киммерийцев, которые доходили до Иовии, не было покорением государств, а лишь хищническим набегом.

7. Принадлежав вначале Гераклидам, власть перешла потом в род Креза, к так называемым Мермнадам, следующим образом. Правителем Сард был Кандавл, именуемый эллинами Мирсилом, потомок Алкея, сына Геракла. Агрон, сын Нина, внук Бела, правнук Алкея, был из рода Гераклидов первым царем Сард, а Кандавл, сын Мирса, последним. Владыки, царствовавшие в этой стране раньше Агрона, происходили от Лида, сына Атиса, по имени которого назван целый лидийский народ, прежде называвшийся меонами. Они-то и облекли Гераклидов властью, доставшеюся им по изречению оракула. Гераклиды происходили от рабыни Иардана и Геракла, управляли страной в лице двадцати двух поколений на протяжении пятисот пяти лет в непрерывной преемственности от отца к сыну до Кандавла, сына Мирса.

8. Этот Кандавл страстно любил свою жену и воображал поэтому, что владеет красивейшей в свете женщиной. У царя был копьеносец, сын Даскила, Гигес, к которому царь был весьма расположен; ему поверял Кандавл важнейшие дела свои и, между прочим, перевозил красоту жены. Немного времени спустя Кандавлу суждено было

погибнуть, царь обратился к Гигесу с такой речью: «Мне кажется, Гигес, ты не доверяешь моим словам о красоте жены, ибо слух у человека не так доверчив, как зрение; поэтому постарайся увидеть ее обнаженной». В ответ на это Гигес вскрикнул: «Неразумные речи слышу я от тебя, владыка! Неужели ты велишь мне посмотреть на мою нагую госпожу? Ведь вместе с платьем женщина совлекает с себя и стыд. Давно существуют у людей прекрасные изречения; из них следует черпать уроки; в числе изречений есть следующее: «всякий смотри свое». Я верю, что жена твоя красивейшая женщина, и пожалуйста, не требуй от меня недозволенного».

9. Замечанием этим Гигес надеялся защитить себя от беды, потому что опасался, как бы отсюда не вышло для него какого несчастья. Но Кандавл возразил: «Будь смелее, Гигес; не думай, что я предлагаю тебе это ради испытания, не бойся ничего и со стороны женщины моей. Все дело с самого начала я устрою так, что она и не заметит, когда ты будешь смотреть на нее: поставлю тебя в нашей почивальне за открытой дверью; тотчас за мною войдет в спальню к ложу и жена моя. Подле дверей стоит стул; раздеваясь, она будет складывать на него свое платье одно за другим, а ты спокойно можешь ее осматривать. Когда она отойдет от стула к постели и обернется к тебе спиной, постарайся проскользнуть в дверь так, чтобы она тебя не заметила».

10. Видя, что уклониться нельзя, Гигес согласился. Когда пришла пора ложиться спать, Кандавл ввел Гигеса в опочивальню, а вслед затем вошла и жена. Гигес глядел на нее, когда она, войдя в комнату, снимала с себя платье. Когда же царица повернулась к нему спиной и направилась к постели, Гигес украдкой вышел вон. Но при этом жена Кандавла увидела его и поняла, что все устроено ее мужем; она сильно застыдилась, но не крикнула и не выдала себя, в душе затаив месть Кандавлу. Дело в том, что у лидийцев, как у всех почти варваров, даже мужчина считает для себя большим позором, если его увидят нагим.

11. Итак, ничего тогда не обнаружив, она сохранила спокойствие; но на следующий день немедленно подготовила вернейших слуг своих и велела позвать Гигеса. Он пошел на зов, не подозревая, что жена Кандавла знает что-нибудь о случившемся: и прежде он являлся каждый раз, когда царица звала его. При появлении Гигеса она обратилась к нему с такою речью: «Я даю тебе, Гигес, на выбор одну из двух дорог, лежащих перед тобою, которую из них ты предпочтешь: или, убив Кандавла, владей мной и всем лидийским царством, или ты умрешь тотчас сам, чтобы впредь в угоду Кандавлу ты не глядел на то, на что тебе не подобало. Поэтому должен погибнуть или он за то, что устроил

это, или ты за то, что глядел на меня обнаженную и тем совершил недозволенное». Сначала речи царицы изумляли Гигеса, потом он умолял ее не принуждать его к такому выбору. Но та оставалась непреклонной, и Гигес увидел себя действительно вынужденным или убить своего господина, или умереть самому; он предпочел остаться в живых. «Так как ты заставляешь меня против воли убить моего господина, – сказал тогда Гигес царице, – то научи, как нам напасть на него». Согласившись на это, она сказала: «Нападение должно быть сделано с того самого места, с которого он показал тебе меня обнаженную, и смерть постигнет его во время сна».

12. Когда замысел был готов и наступила ночь, Гигес последовал за царицей в опочивальню; до этого момента его не отпускали, и ему не было никакого спасения от выбора – или умереть самому, или погубить Кандавла. Дав в руки меч, царица скрыла Гигеса за той самой дверью. Когда после этого Кандавл лег спать, Гигес вышел из-за двери, убил царя и таким образом завладел женою его и царством (об этом упомянул в ямбическом триметре и Архилох из Пароса*, живший в то же время).

13. Получив власть, Гигес упрочил ее за собою при содействии дельфийского прорицалища. Когда по случаю убийства Кандавла лидийцы было вознегодовали и восстали с оружием в руках, тогда бунтовщики с Гигесом во главе договорились с остальными лидийцами на том, что он будет царствовать над ними, если оракул признает его царем; если же нет, то он передаст царство обратно Гераклидам. Оракул признал Гигеса, и он после этого воцарился. Однако пифия тогда же возвестила, что Гераклиды будут отомщены в пятом поколении Гигеса. Ни лидийцы, ни цари их не обращали никакого внимания на изречение оракула, пока оно не исполнилось.

14. Так Мермнады получили власть, отняв ее у Гераклидов, а по воцарении Гигес послал в Дельфы многочисленные дары: сколько ни есть серебряных даров, бо́льшая часть их от него и находится в Дельфах. Кроме серебра, он пожертвовал в большом числе и золотые сосуды; в числе их наиболее достойны упоминания шесть золотых чаш. Весят они триста талантов и помещаются в сокровищнице коринфян; впрочем, говоря по правде, сокровищница эта есть дело не Коринфского государства, но Кипсела, сына Этиона. Насколько мы знаем, Гигес первый из варваров после Мидаса, фригийского царя, сына Гордия, послал дары в Дельфы. Мидас посвятил оракулу царский трон, сидя на котором он прежде творил суд, – замечательное произведение; трон находится на том самом месте, где и чаши Гигеса. То золото и серебро,

которое подарил Гигес, дельфийцы называют Гигадами, по имени жертвователя.

15. Сделавшись царем, Гигес тоже совершал военные походы на Милет и Смирну и взял нижний Колофон; впрочем, тридцать восемь лет своего царствования он не ознаменовал ничем достойным. Поэтому ничего больше о нем я говорить не буду, упомяну только о сыне его Ардисе, царствовавшем после Гигеса. Ардис покорил Приену и ходил войною на Милет; в его царствование киммерийцы, теснимые из своей родины кочевыми скифами, пришли в Азию и овладели Сардами, за исключением акрополя.

16. Ардису, царствовавшему сорок девять лет, наследовал сын его Садият и царствовал двенадцать лет, а за Садиятом следовал сын его Алиатт. Этот последний воевал с Киаксаром, внуком Деиока, и прогнал киммерийцев из Азии; он покорил Смирну, заселенную жителями Колофона, и напал на Клазомены. Однако отсюда он возвратился домой не так, как желал, но потерпев жестокое поражение. Другие важнейшие дела его царствования следующие.

17. Он вел войну с Милетом, унаследовав ее от отца. Отправившись с войском против Милета, он разорял город следующим образом: ежегодно в ту пору, когда на полях созревали плоды, он врывался с войском на городские земли; войско шло под звуки свирелей, струнных инструментов, с женскими и мужскими флейтами*. Войдя в Милетскую область, Алиатт не разрушал домов на тамошней земле, не сжигал их и не ломал в них дверей; дома оставались в покое, но каждый раз уничтожал деревья и посевы и затем возвращался назад. Так как море было во власти милетян, то правильная осада города была бы бесполезна; дома же щадил лидийский царь для того, чтобы милетяне, живя в них, имели возможность засеивать и обрабатывать поля, а он снова своими нападениями опустошал бы обработанные земли.

18. Такого рода войну он вел одиннадцать лет, и за это время милетяне претерпели два жестоких поражения, одно на своей же земле, в Лименее, другое на равнине Меандра. В течение шести лет из одиннадцати лидийцами управлял еще Садиятт, сын Ардиса, который в это время совершал походы в Милетскую область; Садиятт же и начал эту войну. Остальные пять лет из одиннадцати, следовавшие за теми шестью, вел войну сын Садиятта Алиатт; приняв ее от отца, о чем сказано было выше, он воевал с неослабевающей ревностью. Никто из ионян не помогал в этой войне милетянам, за исключением хиосцев,

которые платили услугой за такую же услугу: раньше милетяне помогали хиосцам в войне их с эрифрейцами.

19. Наконец, на двенадцатом году, когда лидийцы снова зажгли нивы, случилось следующее: лишь только поле занялось огнем, ветер направил пламя на храм Афины по прозванию Ассесии*, и храм сгорел. На это не было сначала обращено никакого внимания, а по возвращении войска в Сарды Алиатт заболел. Так как болезнь его затянулась, то по совету ли другого, или по собственному решению он послал в Дельфы спросить божество о причине болезни. Пришедшим в Дельфы пифия сказала, что она не станет говорить им ничего до тех пор, пока они не восстановят храм Афины, сожженный в Ассесе, что подле Милета.

20. Я знаю это со слов дельфийцев. Милетяне, впрочем, прибавляют, что сын Кипсела Периандр, нежнейший друг тогдашнего милетского тирана Фрасибула, узнав об изречении оракула Алиатту, сообщил через посланца изречение это тирану для того, чтобы тот знал его и сообразно с ним вел бы свои дела.

21. Так рассказывают об этом милетяне. Между тем Алиатт, получив ответ оракула, тотчас послал глашатая в Милет для заключения мира с Фрасибулом и милетянами на такое время, какое потребовалось бы для сооружения храма. Посланец явился в Милет, а Фрасибул, будучи уведомлен заранее обо всем и зная намерения Алиатта, устроил следующее: весь хлеб, какой был в городе у него самого и у частных лиц, он велел снести на площадь и предупредил милетян, чтобы они по данному им сигналу собирались все вместе и шумными толпами ходили из дома в дом.

22. Устраивал и говорил так Фрасибул для того, чтобы глашатай из Сард увидел большую кучу хлеба, веселящееся население и известил бы об этом Алиатта. Так действительно и случилось. Когда глашатай увидел все это, сообщил поручение царя своего Фрасибулу и возвратился обратно в Сарды, перемирие было заключено, как я узнаю, именно по этой, а не по какой-либо другой причине: Алиатт полагал было, что в Милете сильнейшая нужда в хлебе и что жители его в крайне бедственном положении, а теперь вернувшийся из города глашатай принес вести противоположные и неожиданные. Когда перемирие было заключено на условии взаимной дружбы и союза и в честь Афины было сооружено в Ассесе два храма вместо одного, Алиатт выздоровел. Так ведена была Алиаттом война с милетянами и с Фрасибулом.

23. Тот Периандр, который открыл Фрасибулу изречение оракула, был сыном Кипсела. Он был тираном в Коринфе. По рассказам

коринфян, а с ними согласны лесбосцы, в жизни Периандра случилось чрезвычайное чудо, а именно: на Тенар вынесен был на дельфине мефимнянин Арион, лучший в то время кифаред; он первый, насколько нам известно, составил дифирамб*, дал ему имя и исполнил его в Коринфе.

24. Рассказывают, что этот Арион, проводивший бо́льшую часть жизни в Коринфе у Периандра, пожелал однажды посетить Италию и Сицилию и, стяжав там большие богатства, собрался отплыть в Коринф. Доверяя больше всего коринфянам, он нанял в Таранте коринфское судно и оттуда отъехал. На открытом море коринфяне вознамерились выбросить Ариона в море и завладеть его имуществом. Узнав об этом, Арион умолял их оставить ему жизнь и предлагал им свои богатства; но перевозчики были непреклонны и предложили ему или умертвить себя с тем, что они погребут его на суше, или кинуться немедленно в воду. В этом крайне трудном положении Арион просил, если уж так им угодно, позволить еще спеть песню, стоя на корме в полном своем наряде; он обещал по исполнению песни умертвить себя. В ожидании удовольствия от пения лучшего певца перевозчики удалились от кормы корабля на середину его. Арион надел на себя полный наряд свой, взял в руки кифару и, став на досках кормы, исполнил песню высокого тона; по окончании песни он, как был в полном одеянии, бросился в море. Перевозчики поплыли дальше в Коринф, а дельфин, как рассказывают, взял Ариона на себя и вынес на Тенар. Выйдя на берег, он отправился в своем платье в Коринф и там рассказал все, что с ним случилось. Не доверяя Ариону, Периандр содержал его под стражей, никогда не отпускал, но велел следить также и за корабельщиками. Как только судно прибыло, он позвал перевозчиков и расспрашивал их об Арионе; те отвечали, что он в Италии, здравствует и что они оставили его, благоденствующего, в Таранте. Тогда Периандр показал им Ариона в том виде, как он бросился в море. Перевозчики были изумлены и на улики не могли ничего возразить. Так повествуют коринфяне и лесбосцы, а на Тенаре находится пожертвованное Арионом медное небольшое изображение – сидящий на дельфине человек.

25. Лидийский царь Алиатт царствовал пятьдесят семь лет и умер по окончании войны с милетянами. За излечение от болезни он, второй из этого дома, пожертвовал в Дельфы большую серебряную чашу и железный спаянный подчашник; среди священных даров в Дельфах это последнее жертвоприношение заслуживает внимания; подчашник сделан Главком Хиосским, единственным изобретателем пайки железа*.

26. По смерти Алиатта власть наследовал сын его Крез на тридцать пятом году жизни; жители Эфеса были первые из эллинов, на которых он пошел войною. Осажденные им эфесцы посвятили свой город Артемиде, в знак чего протянули веревку от ее храма к городской стене; расстояние между старым городом, который тогда был в осаде, и храмом было семь стадиев. Итак, эфесцы первые подверглись нападению Креза; потом и остальные ионяне и эолийцы испытали то же, одни за другими, причем каждый раз Крез выставлял новые предлоги, измышляя против одних тяжкие обвинения, против других ничтожные.

27. Когда таким образом Крез покорил всех азиатских эллинов и сделал их своими данниками, он задумал соорудить флот и напасть на жителей островов. Все уже было готово к сооружению флота, когда, по словам одних, пришел в Сарды Биант из Приены, по словам других, Питтак из Митилены, и известиями об Элладе приостановил постройку судов, а именно: на вопрос Креза, нет ли чего нового, гость отвечал: «Островитяне, царь, скупают лошадей в большом числе, намереваясь идти войной на Сарды и на тебя». Полагая, что тот говорит правду, Крез заметил: «Если бы боги внушили островитянам мысль идти на сынов лидийских на лошадях!» А гость на это сказал: «Кажется, царь, ты сильно желал бы встретить островитян на суше конными, и ты совершенно прав; но разве ты не думаешь, что, прослышав о твоём намерении соорудить против них флот, они больше всего пожелают напасть на лидийцев на море и отомстить им за тех эллинов на суше, которых ты обратил в рабство?» Как говорят, замечание это очень понравилось Крезу; он нашел его остроумным и убедительным и приостановил сооружение флота; с живущими на островах ионянами заключил после этого дружественный союз.

28. С течением времени покорены были Крезом почти все народы, обитающие по сю сторону реки Галис, за исключением киликийцев и ликийцев (именно: лидийцы, фригийцы, мисийцы, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракийцы, фины и вифины, карийцы, ионяне, дорийцы, эолийцы, памфилы).

29. После покорения этих народов (и присоединения их к лидийцам) стали приходить из Эллады в цветущие богатством Сарды всякие мудрецы по различным побуждениям; в числе их был и афинянин Солон*, который составил афинянам по их поручению законы и потом в течение десяти лет путешествовал под предлогом любознательности, а на самом деле для того, чтобы не быть вынуждену отменить что-либо из составленных им законов. Сделать это без Солона

афиняне не могли, потому что обязали себя грозными клятвами пользоваться данными им Солоним законами в течение десяти лет.

30. Итак, отправившись путешествовать ради этого и из любопытства, Солон прибыл в Египет к Амасису и в Сарды к Крезу*. Крезом он был принят радушно в царском дворце. На третий или на четвертый день по прибытии в Сарды царские слуги по повелению Креза водили Солона по сокровищницам и показывали ему все богатства, всю роскошь и великолепие царя. После того как Солон все это видел и внимательно рассмотрел, Крез сказал ему: «О твоей мудрости и о твоих путешествиях, любезный афинянин, до нас доходит громкая молва; из жажды к знанию и из любопытства ты посетил многие земли, а потому я желал бы спросить тебя: видел ли ты уже счастливейшего человека?» Крез задал такой вопрос в уверенности, что счастливейший из людей он сам. Ничего этого не подозревая, Солон чистосердечно отвечал: «Афинянина Телла, царь». Изумленный Крез поспешно спросил: «Почему же Телла считаешь ты счастливейшим?» Солон отвечал: «Во – первых, родное государство Телла было счастливо; он имел прекрасных детей и дожил до той поры, когда у всех них дети родились и благополучно выросли; во – вторых, средства к жизни были у него, по нашим понятиям, достаточные, а кончил он дни свои славной смертью, а именно: во время сражения афинян с соседями при Элевсине он помог своим обратить врагов в бегство и умер мужественной смертью; афиняне похоронили его на государственный счет на том самом месте, где он пал, и почтили высокими почестями».

31. Когда подробными рассказами о счастливой судьбе Телла Солон еще больше возбудил внимание Креза, сей последний снова спросил его, кого же он считает вторым счастливцем, будучи уверен, что ему принадлежит по крайней мере второе место. «Клеобиса и Битона, – отвечал, однако, Солон. – Родом они аргивяне, имели достаточные средства к жизни и обладали такой физической силой, что оба вместе вышли победителями из состязания. Рассказывают об этом так: однажды в праздник Геры Аргосской их матери настоятельно было необходимо приехать в повозке в храм богини; быки не подоспели вовремя с поля, нужно было торопиться, тогда юноши сами наложили на себя ярмо и потащили повозку к храму на протяжении сорока пяти стадиев; на повозке сидела мать их. Совершив это на глазах праздничного собрания, юноши умерли прекраснейшей смертью, а божество показало на них, что для человека гораздо лучше умереть, нежели жить. Присутствовавшие аргивяне прославляли юношей за силу, а мать за таких детей; сама же мать, восхищенная подвигом

сыновей своих и доставшейся ей на долю славой, молилась перед ликом богини о том, чтобы Клеобису и Битону божество даровало наилучшую человеческую участь. После этой молитвы они совершили жертву и участвовали в праздничной трапезе, потом заснули в том самом храме и более не вставали; таков был конец их жизни. Аргивяне сделали статуи юношей и пожертвовали в Дельфы как изображения достойнейших людей».

32. Таким образом вторыми победителями в счастье Солон признал этих юношей. Тогда Крез с досадой спросил: «Неужели же, любезный афинянин, ты не во что ставишь мое счастье и меня считаешь ниже простых людей?» Солон на это отвечал: «Я знаю, Крез, что всякое божество завистливо и любит смуту, а ты спрашиваешь меня о человеческом счастье. Как много в своей долгой жизни человек вынужден видеть того, чего он не желал бы видеть, и как много он должен испытать! Пределом человеческой жизни я почитаю семьдесят лет; эти семьдесят лет составляют двадцать пять тысяч двести дней, не считая вставного месяца. Если же каждый второй год увеличить на один месяц для того, чтобы времена года точно совпадали с летосчислением, то на семьдесят лет получится вставных месяцев тридцать пять, что составит тысячу пятьдесят дней. Из всех этих дней в семидесяти годах, а их двадцать шесть тысяч двести пятьдесят, ни один никогда не приносит с собою того, что другой. Таким образом, Крез, человек весь не более как случайность. Ты конечно очень богат и царствуешь над многими народами, но назвать тебя счастливым я могу не раньше, как узнав, что век свой ты кончил счастливо. Ибо человек очень богатый ничуть не счастливее того, который имеет лишь насущный хлеб, если только первому не суждено, имея все блага, счастливо кончить дни свои. Ибо многие очень богатые люди несчастны, тогда как многие другие с умеренным состоянием счастливы. Очень богатый, но несчастный человек превосходит счастливого, но малоимущего в двух только отношениях, а счастливый превосходит несчастного богача во многом. Тогда как первый имеет возможность удовлетворять свои страсти и перенести большую приключившуюся с ним беду, последний превосходит его в следующем: будучи не в состоянии удовлетворять страсти и переносить несчастья подобно первому, второй огражден от них своим счастьем; он не подвергается испытаниям, свободен от болезней, не впадает в несчастья, имеет детей, благообразен. Если ко всему этому конец жизни его прекрасен, то вот тебе тот, о ком спрашиваешь, — человек, достойный называться счастливым. Все-таки ранее смерти его воздержись с приговором, не называй его счастливым,

но лишь благоденствующим. Совмещение всего в одном лице невозможно, подобно тому как ни одна страна не довлеет себе во всем, но, имея одно, нуждается в другом, и та страна наилучше, которая имеет больше всех. Подобно этому нет ни одного человека, довлеющего себе во всем: одно он имеет, в другом нуждается; кто владеет наибольшим числом благ до конца дней и в благополучии кончает жизнь, того, царь, по моему мнению, справедливо назвать счастливым. Во всяком деле следует смотреть на конец: многих людей божество ласкало надеждою счастья и потом окончательно ниспровергло их».

33. Речи эти неприятны были Крезу; на Солона он посмотрел с пренебрежением и отпустил его; глупцом казался ему тот, кто не обращает внимания на настоящие блага и советует во всяком деле взирать лишь на конец.

34. После отъезда Солона постигло Креза тяжкое возмездие от божества, как кажется, за то, что он почитал себя счастливейшим из всех людей. В первую же ночь во сне явился ему призрак и правдиво предсказал несчастья, грозившие его сыну. У Креза было два сына; один из них был калека, глухонемой; другой во всем далеко превосходил своих сверстников; назывался он Атис. На этого-то Атиса и указало сновидение Крезу, говоря, что он погибнет от раны, нанесенной железным копьем. Проснувшись, Крез пришел в себя и в ужасе от сновидения тотчас решил женить сына; и, хотя прежде Атис обыкновенно становился во главе лидийского войска, Крез не отпускал его больше в военные походы. Равным образом велел перенести из зал в дальние покои дротики, копье и всякое иное оружие, чтобы оно со стен не упало на сына.

35. Во время свадьбы сына в Сарды пришел человек, запятнанный невольным преступлением, с нечистыми еще руками; по происхождению фригиец, он был царского рода; пришел он в дом Креза и согласно тамошним обычаям просил об очищении. Крез очистил его. Обряд очистительный у лидийцев походит на тот же обряд у эллинов. Совершив обычное очищение, Крез стал расспрашивать гостя, откуда и кто он: «Кто ты, странник, из какой части Фригии пришел к моему очагу? Какого мужчину или какую женщину умертвил ты?» «Царь, – отвечал гость, – я сын Гордия, внук Мидаса; имя мое Адраст, а умертвил я нечаянно родного брата и явился сюда, изгнанный отцом и лишенный всего». Крез на это заметил ему: «Ты – сын друзей наших и пришел к друзьям; находясь в нашем доме, ты ни в чем не будешь нуждаться. Несчастье свое переноси терпеливо, и это послужит тебе на благо». Так он жил в доме Креза.

36. В это самое время на Мисийском Олимпе появился свирепый кабан; спускаясь с горы, он опустошал поля мисийцев. Много раз уже мисийцы выходили на зверя, но не причиняли ему никакого вреда, напротив, сами от него терпели. Наконец, к Крезу пришли посланцы от мисийцев с просьбой. «В нашей земле, царь, – сказали они, – появился огромный кабан, опустошающий наши поля; при всех усилиях мы не можем одолеть его. Теперь просим тебя, пошли к нам своего сына и избранных юношей с собаками, чтобы прогнать дикого зверя из нашей земли». Так просили они Креза, но царь, памятуя сновидение, сказал им: «О сыне моем больше и не вспоминайте; к вам не пошлю я его; он недавно женился и теперь занят супругой. Но я дам вам отборных лидийцев и всех моих охотничьих собак. И прикажу приложить всяческие старания к тому, чтобы вместе с вами прогнать зверя из вашей земли».

37. Таков был ответ Креза, и мисийцы остались довольны им. Но сын Креза слышал их просьбу и также пришел сюда. Так как отец отказался отпустить его вместе с мисийцами, то юноша обратился к отцу с такою речью: «Прежде, отец мой, лучшим и благороднейшим занятием моим было ходить на войну, охотиться и тем снискивать себе славу. Теперь ты удерживаешь меня от войны и охоты: ни трусость моя, ни малодушие не озабочивают тебя. Какими глазами глядеть мне теперь на людей, когда я иду на площадь или возвращаюсь оттуда? Что станут думать обо мне наши граждане? Каким покажусь я жене моей? Что за мужа имеет во мне, подумает она. Поэтому или отпусти меня на охоту, или докажи мне, что иначе поступать не следует».

38. Крез на это отвечал: «Я поступаю так, дитя мое, вовсе не из равнодушия к трусости в тебе или к какому иному недостатку, но потому что явившийся во сне призрак сказал мне, что ты недолговечен и что умрешь от железного копья. Во внимание к сновидению я ускорил твою свадьбу; удерживаю тебя от предприятий и принимаю всевозможные меры к тому, чтобы при моей жизни сохранить тебя невредимым; ведь ты единственный у меня сын; другого, лишённого слуха от рождения, я не считаю».

39. Юноша на это отвечал: «Тебе позволительно, отец, после такого сновидения оберегать меня. Но я осмелюсь сказать тебе, что кое – чего ты не постигаешь и в толковании сновидения заблуждаешься. По твоим же словам, сновидение предсказало мне смерть от железного копья, а разве у кабана есть руки или железное копье, которого следовало бы опасаться? Если бы сновидение сказало тебе, что я умру от зуба или от чего-нибудь другого подобного, тогда ты должен был бы делать то, что

делаешь теперь; между тем привидение сказало: «От копья». Поэтому отпусти меня: сражаться с людьми нам не предстоит».

40. «Сын мой, – заметил Крез, – этим объяснением сновидения ты отчасти убеждаешь меня; решение свое я изменяю и отпускаю тебя на охоту».

41. После этого Крез позвал к себе Адраста и сказал ему: «Когда несчастная доля постигла тебя, Адраст, я не укорял тебя, очистил, приютил в моем доме и доставляю тебе все нужное. Поэтому ты обязан заплатить мне добром за добро, содеянное для тебя раньше; я прошу тебя, береги моего сына, который отправляется теперь на охоту, как бы по дороге не напали на вас разбойники и не причинили бы ему какой беды. Помимо этого и тебе следует отправиться туда, где ты можешь отличиться: охота – исконное занятие в вашем роду, к тому же ты силен».

42. «При других обстоятельствах, – сказал Адраст, – я не пошел бы на такое дело; при моем несчастье не подобает идти в круг счастливых сверстников, и у меня нет к тому охоты; я воздерживался еще и по многим другим причинам. Но теперь, когда ты настаиваешь и мне необходимо угодить тебе, я обязан отплатить тебе добром, я готов сделать это, а сын твой, которого ты поручаешь мне, будь уверен, возвратится невредимым, насколько то зависит от его охранителя».

43. После такого ответа Крезу Адраст и Атис вышли в сопровождении отборных юношей и собак. Подойдя к горе Олимп и после поисков найдя зверя, они обступили его кольцом и метали в него копья. Тогда чужестранец, тот самый, который незадолго перед тем был очищен от убийства и носил имя Адраста, метнул копье, но попал не в кабана, а в сына Креза. Пораженный насмерть копьем, юноша, таким образом, оправдал предсказание призрака. Между тем кое-кто побежал известить обо всем Креза и, придя в Сарды, рассказал царю об охоте и о смерти сына.

44. При известии о смерти сына Крез пришел в исступление, больше всего жалуясь на то, что убийцей сына оказался тот самый человек, которого он очистил. Тяжко удрученный несчастьем, Крез взывал к Зевсу Катарсию в свидетели того, что учинил ему гость, взывал к Зевсу Эфестию и Зевсу Этерию*, называя по имени одно и то же божество; Эфестия призывал он потому, что принял странника, убийцу сына, в дом свой и, ничего не предчувствуя, кормил его; Этерия потому, что отпустил сына вместе с чужеземцем, как с стражем его, а нашел в нем ненавистнейшего врага.

45. Затем явились лидийцы с трупом на руках; позади них шел убийца. Он стал перед телом, протянул руки в знак покорности, предавая себя Крезу и умоляя убить его подле праха сына; он вспоминал свое прежнее несчастье, прибавляя, что он поверг в несчастье и того, кто его очистил, и что ему нельзя жить больше. Слушая это, Крез сжалился над Адрастом, как ни было велико собственное горе, он сказал: «Признавая себя виновным в смерти моего сына, ты, чужеземец, даешь мне полное удовлетворение. Не ты виновник моего несчастья, будучи лишь невольным исполнителем, но какое-нибудь божество, давно уже предварившее меня о случившемся». Сына Крез похоронил с подобающими почестями, а Адраст, сын Гордия, внук Мидаса, убийца родного брата и убийца сына очистителя, более всех людей, по его собственному убеждению, преследуемый роком, умертвил себя на могиле юноши после того, как водворилась там тишина.

46. В тяжелой скорби об утраченном сыне Крез два года ничего не предпринимал. Конец его скорби положили сокрушение могущества Астиага, сына Киаксара, Киром, сыном Камбиса*, и усилением Персидского царства. Тогда он вознамерился приостановить, насколько возможно, дальнейшее усиление Персидского царства, дабы не дать ему усилиться чрезмерно. Остановившись на этой мысли, Крез немедленно послал спросить оракулов эллинских и ливийских; одни посланцы отправились в Дельфы, другие – в фокидские Абы, третьи – в Додону; иные отправлены были также к Амфиараю и Трофонию, а иные к Бранхидам в Милетской земле*. Таковы были эллинские оракулы, к которым Крез обратился за советом. К Амону* ливийскому он послал других лиц. Целью Креза было испытать правдивость оракулов и затем, если они окажутся знающими истину, послать к ним вторично и спросить, предпринимать ли ему поход против персов.

47. Для испытания оракулов Крез приказал отправлявшимся в путь лидийцам поступить следующим образом: вести счет дням со времени выхода из Сард и в сотый день обратиться к оракулам с вопросом: что делает в это время лидийский царь Крез, сын Алиатта? Что бы ни сказали оракулы, вопрошающие должны записать ответы и доставить их Крезу. Об ответах остальных оракулов не говорит никто; но как только лидийцы вступили в храм дельфийский и спросили божество так, как им было приказано, пифия в шестистопных стихах отвечала следующее:

Я знаю количество песка и меру моря,

Я постигаю мысли глухонемого и слышу
безгласного,
Ко мне дошел запах крепким щитом защищенной
черепахи,
Она варится в медном сосуде вместе с мясом
ягненка;
Медь разостлана внизу и медь положена сверху.

48. Записав изречение пифии, лидийцы удалились и возвратились в Сарды. Остальные послы также явились туда с изречениями оракулов. Тогда Крез стал рассматривать записи, разбирая их одну за другой. Ни одна из них не удовлетворяла его; лишь узнав изречение дельфийского оракула, он проникся чувствами благоговения и веры, находя действительным оракулом только дельфийский, так как он один открыл то, что сделал Крез. Дело в том, что, отправив к оракулам вопрошателей, царь дождался назначенного дня и устроил следующее: изрубил вместе черепаху и ягненка и сам варил их в медном котле, будучи уверен, что ни придумать, ни угадать этого никто не сможет.

49. Таков был ответ, полученный Крезом из Дельф. Не знаю, что сказал лидийцам оракул Амфиарая после того, как они исполнили установленные в храме правила, никто не говорит о том; только Крез убедился, что и это святилище имеет правдивого оракула.

50. После этого Крез умилоствлял дельфийское божество обильными жертвами, а именно: он принес ему в жертву всякого рода животных по три тысячи голов, соорудил огромный костер и сжег на нем ложа, частью позолоченные, частью посеребренные, золотые чаши, пурпурные плащи и хитоны; этим он надеялся вернее расположить к себе божество. Кроме того, царь велел всем лидийцам участвовать в жертвоприношении, в какой мере каждый из них может. По окончании жертвоприношения он велел переплавить огромное количество золота, приготовить из него полукирпичи в числе ста семнадцати, каждый в шесть ладоней длины, в три ширины и в одну ладонь высоты; из них четыре кирпича из чистого золота, каждый в два с половиной таланта весом, остальные из белого золота, каждый весом в два таланта. Кроме того, он велел приготовить изображение льва из чистого золота весом в десять талантов. Когда горел дельфийский храм, лев этот упал с полукирпичей, на которых стоял, и лежит теперь в коринфской сокровищнице; весу имеет он шесть талантов с половиной, ибо три с половиной таланта расплавились.

51. Сверх всего этого Крез послал в Дельфы две большие чаши – одну золотую, другую серебряную; золотая помещена была в храме на правой стороне от входа, серебряная – на левой. Но и эти чаши во время пожара сдвинуты были со своих мест; золотая находится теперь в клазоменской сокровищнице и весит восемь с половиной талантов и двенадцать мин; серебряная, вмещающая в себе шестьсот амфор, стоит в углу предхрамия: чашу эту дельфийцы наполняют разбавленным вином в праздник Феофаний. По словам дельфийцев, это – произведение Феодора из Самоса, и я верю им, потому что оно выдается из ряда обыкновенных. Крез послал еще четыре серебряные бочки, находящиеся в коринфской сокровищнице, а также две кропильницы, золотую и серебряную; на золотой начертана надпись, в которой неправильно лакедемоняне называют себя жертвователями ее. На самом деле и эта чаша – дар Креза, а надпись начертал некто из дельфийцев в угоду лакедемонянам; имя его я знаю, но не назову. Лакедемонянами пожертвовано изображение мальчика, сквозь руку которого течет вода, а не кропильница. Вместе с этими дарами Крез послал еще и другие предметы, со всеми не обозначаемые отдельно, между прочим, круглые литые вещи из серебра, золотое изображение женщины в три локтя высотой; по словам дельфийцев, это женщина, выпекавшая хлеб для Креза. Наконец он пожертвовал ожерелья своей жены и ее пояс.

52. Таковы были дары Креза в Дельфы. Узнав о деяниях и судьбе Амфиарая, он послал ему золотой щит, золотое полновесное копье, в котором как древко, так и острие были целиком из золота. Еще в мое время оба эти жертвоприношения находились в Фивах, в храме Аполлона Исмения.

53. Тем лидийцам, которые довели эти дары в храмы, Крез наказывал спросить оракулов, начинать ли ему войну с персами, и не должно ли ему соединить со своим какое-нибудь другое войско. Придя к тем оракулам, к которым были посланы, лидийцы посвятили дары и потом спросили оракулов в следующих выражениях: «Царь лидийцев и прочих народов Крез, почитая этих оракулов единственными у людей, присылает вам дары, достойные ваших изречений, и спрашивает вас, вести ли ему войну с персами и не соединиться ли с каким-нибудь войском». Таков был вопрос их; ответы обоих оракулов были одинаковы, а именно: если Крез предпримет войну против персов, то он сокрушит обширное царство; кроме того, оракулы советовали найти могущественнейших из эллинов и заключить с ними союз.

54. Услышав данные оракулами ответы, Крез остался вполне доволен, рассчитывая «сокрушить царство» Кира. Он послал снова к пифийскому оракулу и, узнав количество дельфийцев, одарил каждого из них двумя золотыми монетами. В благодарность за это дельфийцы даровали Крезу и лидийцам на вечные времена преимущество перед всеми вопрошающими, свободу от дани, место в передних рядах на общественных празднествах; кроме того, каждому лидийцу предоставлено было право сделаться дельфийским гражданином.

55. Одарив дельфийцев, Крез обратился к оракулу в третий раз: он стал спрашивать его особенно часто после того, как убедился в его правдивости. На сей раз он вопрошал, долговечна ли его власть. Пифия на это отвечала:

Когда мул воцарится над лидийцами,
Тогда, слабоногий лидиец, беги к каменистому
Герму,
Не останавливайся и не стыдись прослыть
трусом.

56. Этому ответу Крез наиболее обрадовался, надеясь на то, что мул вместо человека никогда не будет царем лидийцев; следовательно, ни он сам, ни дети его не потеряют власти. После этого царь старался узнать могущественнейших из эллинов с тем, чтобы войти с ними в дружбу. В поисках своих он открыл, что лакедемоняне и афиняне занимают первое место, одни в дорийском племени, другие в ионийском. Это были тогда главные племена. Ионяне издревле были пеласгийского происхождения*, дорийцы – эллинского. Первое из этих племен никогда не переселялось, другое странствовало очень долго. При царе Девкалионе дорийцы занимали область Фтиотиду, а при Доре, сыне Эллина, область, что у подножия Оссы и Олимпа, называвшуюся Гистиеотидой; потесненные кадмейцами из Гистиеотиды, они поселились у Пинда под именем македнов, впоследствии отсюда перешли в Дриопиду, а из Дриопиды наконец в Пелопоннес, где и названы были дорийцами.

57. На каком языке говорили пеласги, в точности не могу сказать. Если позволительно делать заключение по тем из пеласгов, которые уцелели еще до нашего времени, живут выше тирренов в городе Крестоне и некогда занимали пограничные с нынешними дорийцами земли – они жили в нынешней Фессалиотиде, – равно по остаткам тех пеласгов, которые некогда жили вместе с афинянами, а потом заняли

Плакию и Скиллак на Геллеспонте, равно как и по всем другим пеласгическим поселениям, которые более так не называются; если можно судить по этому, то пеласги говорили языком варварским. Если таково было и все пеласгическое племя, то, значит, население Аттики, бывшее пеласгическим, с переходом в эллинов переменяло и язык свой. Язык крестонян не похож ни на один из языков соседних народов, равно как и язык плакиян; но жители этих двух городов говорят одинаковым языком; очевидно, они сохранили то самое наречие, на котором говорили при выселении в эти места.

58. С другой стороны, для меня ясно, что эллины с самого начала и всегда говорили на одном и том же языке. Отделившись от пеласгического племени, они первоначально были слабы; но ничтожные вначале, они стали потом сильны, разрослись в несколько народов благодаря главным образом тому, что с ними соединились пеласги и многие другие варварские племена. Мне кажется, что, по крайней мере, раньше, будучи еще варварским, пеласгийский народ никогда не был ни особенно многочисленным, ни сильным.

59. Из этих двух народов аттический, как узнал Крез, был угнетен и раздроблен Писистратом, сыном Гиппократ, тогдашним афинским тираном. Когда Гиппократ в качестве частного лица присутствовал на Олимпийских играх, он увидел чрезвычайное чудо: во время совершения жертвы поставленные им котлы, наполненные мясом и водой, закипели без огня, и вода потекла через край. Присутствовавший здесь лакедемонянин Хилон видел чудо и дал совет Гиппократу прежде всего не вводить в свой дом женщины и не иметь от нее детей; если же такая женщина у него уже есть, то второй совет – отпустить ее, а если она имеет сына, то отречься от него. Однако Гиппократ, как рассказывают, не пожелал следовать внушениям Хилона. У него после этого родился тот самый Писистрат*, который во время междоусобной распри между паралиями и педиэями* – первые с Мегаклом, сыном Алкмеона во главе, вторые с Ликургом, сыном Аристолаида*, – замыслил сделаться тираном и с этой целью образовал третью партию. Собрав около себя мятежников и на словах выдавая себя за вождя гиперакриев*, он совершил следующее: изранив себя и мулов своих, он в повозке отправился в таком виде на площадь, как бы убегая от врагов, которые будто бы желали убить его на пути, за город, и упрашивал народ дать ему от себя какую-либо стражу. Раньше этого Писистрат прославился в войне с мегарцами тем, что взял Нисею, и другими громкими подвигами. Афинский народ дался в обман и выбрал для Писистрата из среды граждан несколько человек; они были, впрочем, не

копьеносцами Писистрата, но дубиноносцами, потому что следовали за ним с дубинами в руках. С Писистратом во главе они подняли восстание и завладели акрополем. Писистрат, таким образом, достиг власти над афинянами; однако он оставил нетронутыми существующие государственные учреждения, не изменил законов и управлял государством правильно и честно согласно установившимся порядкам.

60. Царствовал он недолго: сторонники Мегакла и Ликурга пришли к соглашению между собою и изгнали Писистрата. Так он в первый раз овладел Афинами и потерял власть потому, что она не была еще упрочена. Однако по изгнании Писистрата противники его снова затеяли между собой распрю, и Мегакл, теснимый собственной партией, предложил Писистрату, не желает ли он жениться на его, Мегакла, дочери и получить за это власть. Писистрат изъявил готовность и согласился на предлагаемые условия. Для возвращения в Афины соумышленники его придумали, по моему мнению, нелепейшее средство; эллины ведь давно уже отделились от варваров, были сообразительнее их и более свободны от глупой наивности, и однако же эти люди употребили в то время против афинян, которые считаются первыми по рассудительности среди эллинов, следующую хитрость: в Пеонийском деме была женщина по имени Фия, красивой наружности и четырех локтей без трех пальцев росту. Надев на женщину полное вооружение, они поместили ее на колеснице, придали ей такое положение, в каком она казалась бы наиболее представительной, и так направились в город. Впереди бежали глашатаи, которые, прибыв в город, говорили согласно данному им приказанию такие речи: «Афиняне, примите Писистрата радушно; сама Афина почтила его больше, чем кого-либо, и теперь возвращает его на свой акрополь». Непрерывно повторяли они это на пути к городу; тотчас в деревнях разнеслась молва, что Афина возвращает Писистрата, и горожане поверили, что женщина эта – сама богиня; они молились ей и принимали Писистрата.

61. Захватив этим способом власть в свои руки, Писистрат по уговору с Мегаклом женился на его дочери. Так как у него были уже взрослые сыновья, а род Алкмеонидов считался проклятым, то Писистрат, не желая иметь детей от молодой жены, воздерживался от супружеской связи с нею. Жена сначала скрывала это, но потом рассказала матери, которая спросила ее об этом, а быть может и нет, а та передала своему мужу. Мегакл считал себя сильно оскорбленным и в гневе на Писистрата немедленно примирился с соумышленниками. Писистрат узнал о замыслах против него, со всем своим достоянием

покинул страну, удалился в Эретрию и там устроил совещание с детьми. Взяло верх мнение Гиппия, а именно что власть они должны приобрести снова. Тогда они стали собирать приношения от городов, которые раньше были чем-либо им обязаны. Многие города доставили им большие средства, фиванцы превзошли в этом отношении всех. Потом, говоря кратко, по прошествии некоторого времени они приготовили все к возвращению в Афины: из Пелопоннеса явились аргивские наемники, а из Наксоса присоединился к ним по доброй воле некто по имени Лигдамид, доставивший с собою денег и людей и обнаруживший величайшее усердие к делу.

62. Так, на одиннадцатом году они выступили из Эретрии и явились обратно. В Аттике они прежде всего заняли Марафон. Когда они расположились в этой местности лагерем, к ним пришли из города соумышленники их, из деревень явились и другие люди, которым тирания была милее свободы; там они собирались. Находившиеся в городе афиняне не обращали никакого внимания ни на соби́рание средств Писистратом, ни на занятие им Марафона; только узнав, что из Марафона он двинулся на город, афиняне решились встретить врага. Со всем войском они вышли против возвращающихся и подле храма Афины Паллены встретились с сообщниками Писистрата; оба войска расположились лагерем. В это время по божескому соизволению явился к Писистрату акарнанин Амфилит, прорицатель, и в шестистопных стихах изрек ему следующее:

Сеть заброшена и тенета расставлены,
Туда устремятся тунцы в лунную ночь.

63. Таково было предсказание вдохновенного прорицателя; Писистрат понял смысл изречения, доверился ему и повел войско. Афинские горожане были заняты в то время обедом; после обеда одни стали играть в кости, другие заснули. Войско Писистрата напало на афинян и обратило их в бегство. Когда афиняне бежали, Писистрату пришла счастливейшая мысль, чтобы они не могли собраться вновь, но оставались бы рассеянными: двум сыновьям своим он велел сесть на лошадей и послал их вперед; догнав бегущих, они передали им увещание Писистрата не бояться и вернуться каждому к родному очагу.

64. Афиняне вняли совету, и Писистрат, таким образом, в третий раз овладел Афинами. На сей раз он укрепил власть многочисленным войском и доходами; часть их он получал из Аттики, часть от реки Стримон. От оставшихся в городе афинян он взял в качестве

заложников сыновей их и поместил на Наксосе; Писистрат покорил и этот остров, передав его Лигдамиду. Сверх этого он, согласно изречению оракула, очистил остров Делос следующим образом: на всем пространстве, какое можно было видеть от храма, он велел вырыть из могилы трупы и перенести их в другую часть острова. Так Писистрат владычествовал над афинянами; из афинян одни пали в сражении, другие покинули родину вместе с Алкмеонидами.

65. Вот что услышал Крез об афинянах и о тогдашнем их положении, а относительно лакедемонян узнал, что они спаслись от большой беды и вышли уже победителями из войны с тегейцами. В царствование Леонта и Гегесикла в Спарте все войны вели лакедемоняне счастливо, и только тегейцы одерживали над ними верх. Ранее этого они управлялись законами менее совершенными, чем у каких-нибудь других эллинов, и не имели никаких сношений с иноземцами. Беспорядок сменился у них благоустройством таким образом: знаменитый спартанец Ликург* отправился в Дельфы к оракулу и, лишь только вошел в храм, пифия сказала ему:

Ты пришел, Ликург, в мой богатый храм,
Ты, угодный Зевсу и всем обитателям Олимпа.
Колеблюсь, как назвать тебя, божеством или
человеком,
Думаю, скорее божеством, Ликург.

Некоторые прибавляют при этом, что сама пифия поведала ему государственное устройство, которое существует теперь у спартанцев. По словам самих лакедемонян, Ликург принес законоположения из Крита в то время, когда был опекуном Леобота, своего племянника и царя Спарты. Лишь только он сделался опекуном, немедленно изменил все законоположения и следил за их ненарушаемостью. Впоследствии Ликург устроил военное дело, составив сплоченные клятвою дружины, отряды по тридцать человек и сисситии*, наконец, учредил эфоров и геронтов*.

66. Таким-то образом лакедемоняне достигли благоустройства. Ликургу после смерти сооружен был храм и оказаны высокие почести. Так как лакедемоняне жили в стране плодородной и не скудно населенной, то быстро поднялись и достигли благосостояния. Не желая далее оставаться в бездействии и считая себя сильнее аркадцев, они обратились к дельфийскому оракулу с вопросом касательно всей Аркадии. Но пифия отвечала им:

Ты требуешь у меня Аркадии? Многого требуешь;
не дам тебе этого.

Аркадия населена множеством людей,
питающихся желудями,

Они тебе воспрепятствуют, сама же я не
возбраняю.

Дам тебе Тегею для размеривания шнуром,
Удобную для хоровых танцев, прекрасную
равнину.

Когда лакедемоняне узнали о таком изречении, они покинули мысль об остальных аркадцах и пошли войной на тегейцев, захватив с собою и цепи; они полагались на двусмысленное изречение оракула и рассчитывали обратить тегейцев в рабство. Однако лакедемоняне были побеждены в сражении, а попавшие в плен «меряли шнуром» тегейское поле с цепями на ногах и обрабатывали землю. Те самые цепи, в которые были закованы пленники, сохранились в целости в Тегее до нашего времени; они висят в храме Афины Алеи.

67. В прежних войнах с тегейцами лакедемоняне всегда терпели поражения, но во время Креза и в царствование Анаксандрида и Аристона в Лакедемонии спартанцы приобрели перевес над тегейцами. Случилось это так: постоянно терпя поражение от тегейцев, лакедемоняне послали в Дельфы спросить, к какому божееству следует им обратиться с молитвами для того, чтобы победить тегейцев. В ответ на это пифия велела добыть кости Ореста, сына Агамемнона. Так как они не могли найти могилы Ореста, то послали снова спросить божеество, где покоится прах Ореста. Вопрошателям пифия отвечала следующее:

Там, в Аркадии, на ровной земле, где находится
Тегея,

Дуют два ветра, возбуждаемые сильным
давлением,

[Слышен] удар и обратный удар, и беда лежит на
беде,

Там дающая жизнь земля содержит в себе
Агамемнонова сына;

Его ты возьмешь с собою и будешь покорителем
Тегеи.

Но и после ответа оракула лакедемоняне столь же мало знали, где покоится прах Ореста, как и раньше, несмотря на все старания отыскать его; наконец, открыл его спартанец Лих, один из так называемых «благодетелей»*. Благодетели – граждане, всегда старейшие в числе тех, которые выходят из сословия всадников, по пять ежегодно; в течение последнего года всаднического служения спартанцы эти рассылаются в различные местности ради общественной службы, и остановка в каком-либо месте им не позволяется.

68. Из числа их и был Лих, открывший в Тегее гробницу благодаря случайности и собственной сообразительности. В пору мирных отношений с тегейцами он зашел в кузницу, смотрел, как куют там железо, и удивлялся работе. Кузнец заметил его изумление и, приостановив работу, сказал: «Если ты, лаконец, удивляешься обработке железа, то тем больше было бы твое изумление, если бы ты видел мною виденное. Вознамерившись сделать колодезь в своем дворе, я стал копать и при копании попал на гроб в семь локтей. Не допуская, чтобы когда-либо были люди больше теперешних, я открыл гроб и нашел, что покойник совершенно такой же длины, как и гроб; измерив, я снова засыпал гроб землей». Кузнец рассказывал, что видел, а слушатель вник в рассказ и заключил, что согласно изречению оракула это и есть Орест, заключил он так на следующем основании: два раздувальных меха кузнеца были ветры, наковальня и молот – удар и обратный удар, железо, которое куют, – беда на беде лежащая, ибо, думал он, железо изобретено на беду человеку. С такой догадкой Лих явился в Спарту и рассказал все лакедемонянам. Они для вида обвинили его в вымышленном преступлении и изгнали. Лих пошел в Тегею, рассказал кузнецу о несчастье и просил отдать ему в наем свой двор; кузнец не соглашался. Позже Лих убедил-таки кузнеца нанять ему двор; поселившись там, он разрыл могилу, собрал кости покойника и с ними удалился обратно в Спарту. С этого времени в каждом столкновении лакедемоняне оказывались гораздо сильнее тегейцев и уже покорили себе бо́льшую часть Пелопоннеса.

69. Проведав обо всем этом, Крез послал в Спарту послов с подарками и с просьбой о союзе, поручая сказать лакедемонянам следующее: «Послал нас к вам Крез, царь лидийцев и прочих народов, с такою речью: «Так как, лакедемоняне, божество повелело мне вступить в дружбу с эллином, а я знаю, что вам принадлежит первенство в Элладе, то согласно изречению оракула обращаюсь к вам, желая быть с вами в дружбе и союзе без хитрости и обмана»». Вот это Крез сказал

лакедемонянам через послов, а лакедемоняне, выслушав ответ оракула Крезу, радовались прибытию лидийцев и заключили с ними клятвенную дружбу и союз тем более, что раньше Крез оказал уже им некоторую услугу, а именно: когда они посылали в Сарды за покупкой золота на изображение Аполлона, которое теперь находится в Форнаке в Лаконии, то Крез подарил им это золото.

70. Лакедемоняне согласились на союз с Крезом как по этой причине, так и потому еще, что он избрал их друзьями предпочтительно перед всеми остальными эллинами; поэтому-то они готовы были принять предложение, лишь только Крез обратился к ним. Кроме того, они сделали для Креза медную чашу с украшениями по краям снаружи, желая отблагодарить его подарком за подарок; чаша вмещала в себе триста амфор. Однако до Сард она не дошла, о чем рассказывается двояко: по рассказам лакедемонян, чаша на пути в Сарды подошла к Самосу; жители острова узнали об этом, пришли на длинных кораблях и отняли чашу. Сами же самосцы говорят, что перевозившие чашу лакедемоняне запоздали и, узнав, что Сарды и Крез уже в руках неприятелей, продали ее на Самосе частным лицам, которые и пожертвовали чашу в храм Геры; по прибытии в Спарту продавшие рассказывали, будто они ограблены самосцами. Такова история чаши.

71. Крез не постиг оракула и предпринял поход в Каппадокию в надежде сокрушить Кира и Персидское царство. Во время приготовлений к походу против персов к Крезу явился один из лидийцев по имени Санданис, он и прежде почитался за мудреца, а последним советом царю стяжал себе у лидийцев громкую славу, – сказал: «Ты, царь, готовишься в поход на тех людей, которые носят кожаные штаны и имеют из кожи всякую одежду, живут в земле суровой, едят не столько, сколько хотят, а сколько имеют; вина не употребляют, но пьют воду, не едят ни фиг, ни других сладостей. Если ты и останешься победителем, что возьмешь у такого народа, который ничего не имеет? Если же будешь побежден, потеряешь много: вкусив наших благ, они не пожелают отказаться от них и будут добиваться их неотступно. Я благодарю богов за то, что они не внушают персам мысли воевать с лидийцами». Речи эти не убедили, однако, Креза. До покорения лидийцев персы действительно не знали ни роскоши, ни благосостояния.

72. Каппадокийцы называются у эллинов сирийцами. До владычества персов сирийцы были подвластны лидийцам, а потом Киру. Границу между царством мидийским и лидийским составляла река Галис. Вытекая из Арменской горы и протекая сначала земли

килийцев, она оставляет потом вправо матиенов, влево фригийцев; пройдя через эти страны, река поворачивает на север и проходит между сирийскими каппадокийцами направо и пафлагонцами налево. Таким образом, река Галис отрезает почти всю Азию, к нам обращенную, что тянется от моря против Кипра до Евксинского Понта. Полоса эта – шея названной страны; в длину она имеет пять дней пути для бодрого пешехода.

73. Крез начал войну с Каппадокией по следующим причинам: во – первых, он желал присоединить к своим владениям земли Каппадокии, во – вторых и главным образом доверяясь оракулу, он рассчитывал отомстить Киру за Астиага. Кир, сын Камбиса, покорил своей власти Астиага, сына Киаксара, царя мидян, шурина Креза. Шурином Креза стал он таким образом: толпа скифов – номадов вследствие междоусобий удалилась в Мидийскую землю в то время, когда мидянами управлял Киаксар, сын Фраорта, внук Деиока. Сначала Киаксар принял скифов благосклонно, как молящих о покровительстве; он даже высоко оценил их и поручал им мальчиков для обучения языку их и стрельбе из лука. Прошло так некоторое время; скифы, ходя на охоту, всегда приносили что-либо с собою домой; однажды случилось, что они не принесли ничего, возвратились без добычи. Киаксар, видимо, человек вспыльчивый, обошелся с ними чрезвычайно оскорбительно. Считая недостойным себя такое обращение Киаксара, они порешили зарезать одного из обучавшихся у них мальчиков, приготовили его так, как обыкновенно готовят дичь, и поднесли Киаксару под видом охотничьей добычи, а после этого очень скоро удалились к Алиатту, сыну Садиятта, в Сарды. Так это произошло. Киаксар и сидевшие с ним за столом ели мясо мальчика, а скифы после этого искали защиты у Алиатта.

74. Алиатт на требование Киаксара не выдал скифов, откуда и возникла война между лидийцами и мидянами и продолжалась пять лет. В этой войне многие победы были одержаны мидянами над лидийцами, а равно лидийцами над мидянами; между прочим, имело место подобие ночной битвы. Война ведена была обеими сторонами с одинаковым успехом, и на шестом году, когда они сошлись снова и загорелось сражение, день внезапно превратился в ночь. Фалес Милетский предсказал ионянам эту перемену дня, определив заранее тот самый год, в котором затмение случилось. Когда лидийцы и мидяне увидели ночь вместо дня, они приостановили битву и поспешили заключить мир между собой. Лица, примирившие их, были киликиец Сиеннесий и вавилонянин Лабинет. Они ускорили заключение мирного договора и

устроили сватовство, а именно: посоветовав Алиатту выдать замуж дочь свою Ариенис за Астиага, сына Киаксара, потому-де что без тесных уз непрочны и договоры. Сами договоры заключаются этими народами точно таким же способом, как и у эллинов, с той однако разницей, что обе стороны разрезают себе кожу на руках и друг у друга слизывают кровь.

75. Этого-то Астиага Кир покорил своей власти невзирая на то, что тот был отцом его матери: причину этого я расскажу впоследствии. Поэтому Крез негодовал на Кира, посылал к оракулу за советом, воевать ли ему с персами, и когда был получен двусмысленный ответ, он признал его благоприятным для себя и пошел войной в персидские владения. Когда Крез подошел к реке Галис, отсюда, как я думаю, он перевел свое войско по лежавшим там мостам, а по рассказу, весьма распространенному у эллинов, перевел войско Фалес Милетский. Дело происходило будто бы так: когда Крез был в затруднении, как ему перевести войско через реку, так как теперешних мостов тогда еще не было, то присутствовавший в лагере Фалес устроил так, что река, протекавшая до того времени с левой стороны войска, потекла теперь с правой. Сделал он это следующим образом: выше лагеря велел выкопать глубокий ров, имеющий вид полумесяца, чтобы река, отведенная в этом месте от своего старого русла в канаву, обтекла лагерь с задней стороны, а обойдя стоянку, снова возвращалась бы в первоначальное русло. Действительно, когда река таким образом разделилась, она тотчас сделалась переходимой с обеих сторон. Некоторые утверждают даже, что старое русло было совершенно высушено. Но с этим я не согласен, потому что каким же образом они перешли бы реку на обратном пути?

76. Перейдя с войском реку, Крез вступил в так называемую Птерию в Каппадокии. Птерия – укрепленнейший пункт в стране; находится она вблизи Синопы, почти у самого Евксинского Понта. Здесь он расположился лагерем и опустошал поля сирийцев. Город птерийцев он взял, а жителей его обратил в рабство, покорил также все соседние города и изгнал ни в чем не повинных сирийцев. Между тем Кир собрал свое войско, присоединил к нему живущие на пути народы и выступил против Креза. Впрочем, прежде чем открыть сражение, он послал глашатаев к ионянам с предложением отложиться от Креза; но ионяне не приняли этого предложения. Когда Кир явился и расположился лагерем против Креза, у Птерии произошло ожесточенное с обеих сторон сражение; противники потеряли много

убитыми, а по наступлении ночи разошлись, причем ни на одной стороне не было победы.

77. С одинаковым мужеством сражались оба войска. Но Крез находил свое войско малочисленным; и в самом деле, оно было гораздо меньше Кирова. Поэтому на следующий день, так как Кир не напал более, Крез отступил в Сарды, решив привлечь египтян к союзу – с Амасисом, египетским царем, он заключил союз еще раньше, нежели с лакедемонянами, – а также пригласив к участию вавилонян, которые состояли с ним в союзе; вавилонским царем был в то время Лабинет; наконец решил он объявить лакедемонянам, чтобы они в определенное время явились к нему. План его состоял в том, чтобы, соединив этих союзников и собрав собственное войско, выступить против персов после зимы, в начале весны. С такими планами возвратился Крез в Сарды, откуда послал глашатаев к союзникам, предлагая им явиться в Сарды на пятый месяц после этого. Войско же свое, состоявшее из иноземцев, которое сражалось с персами, он отпустил все, будучи уверен, что Кир после такого исхода битвы не решится более при подобных условиях напасть на Сарды.

78. В то время как Крез занят был такими планами, все предместье города наполнилось змеями, а лошади покидали свои пастбища, шли туда и поедали змей. Крез принял это за чудо, как оно и было на самом деле. Тотчас послал он спросить тельмесских толкователей чудес. Послы прибегли к гадалкам, узнали от них смысл чуда, но им не удалось уже сообщить ответ Крезу: прежде чем на обратном пути они достигли Сард, Крез был взят в плен. Тельмесцы, впрочем, предсказали это, говоря, что чужое войско, следует ожидать, вторгнется в страну, покорит туземцев, потому что змея – дитя земли, а лошадь – неприятель и чужеземец. Тельмесцы дали такой ответ Крезу уже в то время, когда царь был в плену, и они еще ничего не знали ни о Сардах, ни о самом Крезе.

79. Когда после сражения при Птериисе Крез отступил, и Кир узнал, что Крез намерен распустить свое войско по домам, он сообразил, что для него очень выгодно напасть возможно скорее на Сарды, прежде чем лидийские войска будут вновь собраны. Задумано – сделано, так что Кир сам явился к Крезу вестником о войне. Крез пришел в сильное замешательство, потому что все случилось совершенно противно его ожиданиям и расчетам, однако повел лидийцев в битву. В то время в Азии не было народа сильнее и воинственнее лидийцев; сражались они на лошадях с длинными копьями в руках и были прекрасными всадниками.

80. Войска встретились перед городом Сарды на большой чистой равнине, по которой, кроме других рек, протекает и Гилл, изливающийся в наибольшую здесь реку под названием Герм; эта последняя вытекает из священной горы Матери Диндимены* и вливается в море подле города Фокеи. Когда Кир увидел перед собой ряды лидийцев, выстроившихся к бою, он пришел в ужас от лидийской конницы и по совету мидянина Гарпага поступил следующим образом: всех верблюдов, которые следовали за его войском и были нагружены хлебом и разными запасами, он велел собрать вместе, снять с них ношу и посадить на них людей в вооружении всадников; затем он велел им идти впереди остального войска против конниц Креза; за верблюдами шла пехота, а за пехотой вся конница. Когда войско выстроилось в ряды, Кир убеждал воинов убивать беспощадно всякого попадающегося всадника, щадить только самого Креза даже в том случае, если он будет схвачен и станет защищаться. Такова была его речь. Верблюдов Кир поставил против лидийской конницы потому, что лошадь боится верблюда и не выносит ни вида его, ни запаха. Придуманно все это было с той целью, чтобы сделать конницу Креза бесполезной для него, ту самую конницу, на которую Крез возлагал блестящие надежды. Но лишь только оба войска сошлись, лошади завидели верблюдов и услышали запах их, как повернули назад, и надежды Креза исчезли. Однако и после этого лидийцы не потеряли мужества: заметив испуг лошадей, они спешили и пешими сражались с персами. Только когда с обеих сторон пали многие воины, лидийцы, обратясь в бегство, оттеснены были в акрополь и там осаждены.

81. Осада была начата. В надежде, что она продлится долго, Крез из акрополя снова послал послов к союзникам, ибо прежние приглашали союзников явиться на пятый месяц, между тем как высылаемые теперь должны были просить союзников явиться немедленно, так как Крез в осаде.

82. В числе других союзников посольство явилось и к лакедемонянам. В это самое время спартанцы были во вражде с аргивянами из-за Фиреи. Дело в том, что Фирея эта принадлежала Арголиде, но спартанцы отрезали ее и присвоили себе. Аргивянам принадлежала также материковая земля к западу от Арголиды до Малеев, затем остров Кифера и прочие острова. Аргивяне выступили на защиту отнимаемой у них части владений, и сошедшиеся неприятели условились в следующем: с обеих сторон будут сражаться только по триста воинов; какие из них останутся победителями, тем и должна принадлежать спорная земля; обе армии должны были возвратиться по

домам, каждая на свою родину, и не присутствовать при сражении. Последнее условие постановлено для того, чтобы побеждаемая сторона не была поддержана своим войском, если войска будут присутствовать. Войска разошлись; остались только избранные от обеих сторон, и враги сразились. Сражение велось с равным успехом; при наступлении ночи осталось из шестисот человек только трое: из аргивян Алкенор и Хромий, из лакедемонян Офриад. Двое аргивян, считая себя победителями, бежали в Аргос, между тем лакедемонянин Офриад снял доспехи с убитых, вооружение их доставил на место стоянки спартанского войска и занял там свое место. На следующий день обе стороны явились узнать, чем кончилось состязание, причем каждая сторона присваивала победу себе: одни потому, что из их числа осталось больше в живых, другие же потому, что указывали на бегство противников, тогда как их воин остался на месте и обнажил трупы врагов. Спор перешел в сражение, с обеих сторон много пало, и победителями остались лакедемоняне. С этого времени аргивяне стригли себе волосы – прежде они обязаны были носить волосы длинные – и постановили, что ни один аргивянин не отпустит себе волос, а женщины не будут носить золотых украшений до тех пор, пока Фирея не будет возвращена. Лакедемоняне сделали противоположное постановление: носить с этого времени длинные волосы, хотя раньше не носили таких. При этом говорят, что один из трехсот, оставшийся в живых, Офриад, считал для себя постыдным возвратиться в Спарту после того, как товарищи его пали в сражении, и в Фирее лишил себя жизни.

83. Спартанцы находились в этом положении, когда из Сард явился глашатай с просьбой помочь осаждаемому Крезу. Выслушав глашатая, спартанцы изъявили готовность помочь царю. Но когда приготовления были закончены и корабли снаряжены, пришло другое известие, что крепость лидийцев взята и Крез в плену. Спартанцы приостановили сборы ввиду этого тяжкого для них несчастья.

84. Сарды были взяты так: на четырнадцатый день осады Кир разослал всадников по стоянке с обещанием царской награды тому, кто первый взойдет на укрепление. Когда после этого все войско сделало попытку приступа и потерпело неудачу, в среде отступивших оказался один из мардов по имени Гиреад, который решился взойти на укрепление в том пункте, где не поставлено было никакой стражи: в этом месте вовсе не боялись нападения, потому что стена здесь отвесна и неприступна; поэтому только здесь прежний царь Сард Мелес не велел пронести льва*, которого родила ему наложница: по словам

тельмессцев, обнесение льва кругом акрополя должно было делать Сарды неприступными. Когда Мелес велел носить льва вокруг укрепления в тех местах, где можно было взойти на стену, он пропустил один лишь этот пункт как отвесное и неприступное место; обращено оно к Тмолу. Итак, мард Гиреад видел накануне, как в том самом месте какой-то лидиец сошел со стены за шлемом, скатившимся сверху, и поднял его; заметил это Гиреад и решился: он взошел на укрепление, по следам его поднялись другие персы и, когда на стены взошли многие воины, Сарды были взяты и весь город разорен.

85. Такая судьба постигла Креза. У него был сын, о котором я уже упоминал, глухонемой, хотя во всех отношениях человек достойный. В минувшую пору своего благополучия Крез делал и придумывал все для излечения сына: между прочим, он посылал в Дельфы спросить о нем оракула. Пифия тогда ответила:

Лидиец родом, царь многих народов, не в меру
простодушный Крез,
Не желай слышать в доме речей твоего
говорящего сына,
Речей, которые ты так жаждешь слышать;
Гораздо лучше оставаться ему глухонемым,
Так как впервые он заговорит в роковой день.

Во время взятия крепости кто-то из персов, не узнав Креза, направился к нему с целью лишить его жизни. Заметив это, Крез, угнетенный постигшим его горем, оставался неподвижным, ибо равнодушно относился к смерти. Но глухонемой сын его, объятый ужасом при виде нападающего перса, воскликнул: «Человек, не убивай Креза!» В этот момент он заговорил впервые и уже до конца жизни владел речью.

86. Итак, Сарды были взяты, а Крез попал в плен. Царствовал он четырнадцать лет, четырнадцать дней находился в осаде и согласно оракулу разрушил свое собственное великое царство. Захватив Креза, персы отвели его к Киру; тот велел сложить большой костер, взвести на него в оковах Креза вместе с четырнадцатью сыновьями лидийцев*; делая это или во исполнение обета, или из желания посвятить богам первые плоды победы, или же потому, что знал Креза за благочестивого человека и хотел испытать, не спасет ли его от сожжения какое-нибудь божество. Так велел сделать Кир. Стоя на костре, подавленный бедствиями Крез вспомнил вдохновенное изречение Солона, что никто

не может считать себя счастливым раньше смерти. При этом воспоминании Крез вздохнул и после продолжительного молчания трижды воскликнул: «Солон!» Услыхав это восклицание, Кир велел переводчикам спросить Креза, кого зовет он, что переводчики и исполнили. На их вопросы Крез сначала отвечал молчанием и только после настоятельных требований отвечал: «Много бы я дал, лишь бы тот, кого я назвал, поговорил со всеми владыками». Ответ был неясен, и Креза снова стали расспрашивать о значении его слов; персы продолжали настаивать, беспокоили его; тогда Крез рассказал, как некогда пришел к нему афинянин Солон, осмотрел все его великолепие, но презрел все богатства. При этом Крез добавил, что Солон предсказал ему все, что с ним потом случилось, относя это, впрочем, не столько к нему лично, сколько вообще ко всем людям, особенно к тем, которые почитают себя счастливыми. Когда Крез говорил это, костер был уже зажжен и горел по краям. От переводчиков Кир узнал, что говорил Крез, и смутился при мысли, что он, человек, предал пламени другого живого человека, не менее счастливого, чем он сам; кроме того, он устрасился и возмездия, памятуя, что у людей нет ничего постоянного. Немедленно Кир приказал затушить горящий костер, свести оттуда Креза и тех, что были там вместе с ним, но усилия потушить огонь ни к чему не приводили.

87. Тогда Крез, так рассказывают лидийцы, узнав о перемене решения Кира и видя, что все хотят потушить огонь, но не могут одолеть его, громко воззвал к Аполлону, говоря, что, если какие-нибудь дары его были угодны божеству, оно должно явиться и спасти его от смерти. С плачем взывал Крез. Вдруг на ясном, чистом небе показалось облачко, потом разразилась гроза, полил сильнейший дождь и затушил костер. Узнав, таким образом, что Крез угоден богам и добродетелен, Кир велел свести его с костра и спросил его: «Кто из людей, Крез, внушил тебе мысль идти войной на мои владения и стать моим врагом, а не другом?» – «Я сделал это, царь, на счастье тебе и на горе себе. Виновно же в том эллинское божество, подвигнувшее меня на войну, потому что нет никого столь нерассудительного, чтобы предпочесть войну миру: во время мира сыновья хоронят отцов, во время войны отцы хоронят сыновей. Но так угодно было богам».

88. После этого Кир велел снять оковы с Креза, посадил его подле себя и оказывал ему чрезвычайное почтение; глядя на Креза, дивился и сам Кир, и все присутствовавшие. Крез был задумчив и молчал. Потом он повернулся в сторону и, видя, как персы разоряют город, заметил: «Могу ли я тебе сказать, царь, что думаю, или должен молчать?» Кир

ободрил его, предлагая говорить все, что он желает. Тот спросил: «Эта большая толпа народа, что она делает с таким рвением?» «Грабит твой город, – отвечал Кир, – и расхищает твои сокровища». На это Крез заметил: «Не мой город разоряют они и не мои сокровища расхищают; у меня ничего нет больше. Расхищают они твое достояние».

89. Кир смущен был речами Креза; он удалил всех и спросил его, что дурного находит он в происходящем. Крез отвечал: «Так как боги сделали меня рабом твоим, то я считаю своим долгом поучать тебя в тех случаях, когда постигаю лучше других людей. Персы по природе своей не знают меры, но они бедны. Если теперь ты дозволишь им грабить и присваивать себе большие деньги, то отсюда могут быть такие последствия: присвоивший себе больше всего восстанет потом на тебя. Поступи теперь так, как я скажу, если тебе угодно: из числа копьеносцев поставь у всех ворот стражей – пускай они отбирают сокровища у тех, кто будет выносить их, замечая, что десятую часть их необходимо посвятить Зевсу. Таким образом, ты не будешь отнимать у них сокровища силой и не вооружишь их против себя; напротив, они сознают, что ты действуешь справедливо, и охотно отдадут взятое».

90. С большим удовольствием слушал Кир, находя совет Креза превосходным. Он осыпал его похвалами и, приказав копьеносцам исполнить совет Креза, сказал ему: «Так как ты, Крез, царственный муж, готов сделать и посоветовать благое, то проси у меня подарка, какого хочешь; тотчас я дам тебе». «Ты доставишь мне величайшее удовольствие, Кир, – отвечал Крез, – если позволишь послать эти цепи божееству эллинов, которое я чтит больше всех божеств, и спросить его: таково ли правило его – обманывать своих благодетелей». На вопрос Кира, в чем он хочет упрекнуть божеество, Крез сообщил ему все свои прежние замыслы, ответы оракулов, а главным образом перечислил все свои пожертвования и рассказал, как оракул подвинул его на войну с персами. Он кончил свою речь опять просьбой – дать ему возможность укорить божеество. Кир улыбнулся на это и сказал: «И это получишь от меня, Крез, и все, чего бы и когда бы ни пожелал». Засим Крез послал в Дельфы несколько лидийцев с поручением положить цепи на пороге храма и спросить, не стыдно ли божееству, что оно подвинуло своими советами Креза на войну с персами, обещая разрушение царства Кирова, от которого теперь у Креза такие вот первые «плоды победы»; при этом они должны были указать на цепи и спросить также о том, не есть ли вообще неблагодарность закон для эллинских богов.

91. Когда лидийцы пришли в Дельфы и поступили согласно поручению Креза, пифия, говорят, сказала следующее: «Самое

божество не в силах избежать назначенной ему доли. На Крезе исполнилась месть за преступление пятого предка его, копьеносца Гераклидов, который, повинувшись женскому коварству, умертвил своего господина, завладел его царством без всякого на то права. Хотя Локсий* и сильно желал, чтобы Сарды постигнуты были несчастьем при детях Креза, а не при нем самом, но отвратить Рок не было возможности; все, что дозволено было Роком, Локсий сделал и направил к пользе Креза, а именно: он на три года замедлил покорение Сард, и пускай Крез знает, что он взят в плен столькими же годами позже, нежели определено было ему первоначально. Вторично бог помог ему, когда он горел на костре. Все случилось так, как сказано было оракулом, и потому упреки Креза несправедливы. Ибо Локсий предсказал, что, если Крез пойдет войной на персов, разрушит обширное царство. Если бы Крез был осторожен, то послал бы опять спросить, о его ли царстве говорит оракул или о Кировом. Но Крез не понял изречения, не спросил вторично оракула, а потому пускай винит самого себя. Не понял Крез и того, что говорил Локсий о муле в ответ на последний вопрос его оракулу. На самом деле мулом этим был Кир: родители его не одинакового происхождения, ибо его мать более знатного рода, нежели отец. Мать его мидянка, дочь мидийского царя, а отец – перс, находился под властью мидян и во всех отношениях был ниже царицы, с которой жил». Так отвечала пифия лидийцам, которые доставили ответ в Сарды и сообщили Крезу; этот последний, услышав послов, убедился в том, что виновен он сам, а не божество.

92. Такова история царствования Креза и первого покорения Ионии. Крезом были сделаны еще многие пожертвования в Элладе сверх тех, о которых мы сказали выше. Так, в Фивах Беотийских находится золотой треножник, пожертвованный им Аполлону Исмению, в Эфесе – золотые коровы и большинство колонн; в храме Афины Пронии, что в Дельфах, – большой золотой щит. Эти жертвования уцелели до моего времени, а некоторые погибли. Жертвованные Крезом предметы в Бранхидах милетян, как я узнал, одинаковые с дельфийскими по весу и похожие на них... Жертвования в Дельфы и в храм Амфиарая сделаны на собственные средства Креза или на первую долю полученного от отца наследства, остальные жертвования на средства врага его, который раньше воцарения Креза был его противником и ревностно помогал Панталеонту овладеть царством. Панталеонт этот был сын Алиатта, единокровный брат Креза; мать Креза была родом из Карики, а мать Панталеонта ионянка, обе – жены Алиатта. Когда Крез по воле отца получил царскую власть, он

велел казнить своего противника на «чесальном гребне»*, а имущество его, еще раньше обещанное на храмы, он пожертвовал сказанным выше способом в упомянутые местности. О пожертвованиях Креза достаточно.

93. Достопримечательностей, заслуживающих описания, каковые имеются в других странах, в Лидии нет, за исключением золотого песка, который вода несет с Тмола. Есть, впрочем, громаднейшее сооружение, уступающее по величине только египетским и вавилонским, а именно гробница отца Креза, Алиатта; основание ее из больших камней, все остальное – курган. Соорудили ее торговцы, ремесленники и публичные женщины. Еще до моего времени сохранились на могиле пять пограничных столбов с надписями; в надписях обозначено, какую часть могилы соорудил каждый разряд строителей; при вычислении оказывается, что наибольшая доля принадлежит публичным женщинам. Вообще в среде лидийского народа все дочери занимаются проституцией, собирая себе таким способом приданое; они делают это до замужества и выдают себя замуж сами. Окружность могилы шесть стадиев и два плефра, а ширина ее тринадцать плефров. Подле могилы есть большое озеро, которое, по словам лидийцев, никогда не высыхает; называется оно Гигесовым озером. Такова могила.

94. Обычай лидийцев похожи на эллинские, кроме разве того, что они торгуют телом дочерей своих. Они первые, насколько нам известно, ввели в употребление золотую и серебряную чеканную монету, они же были первыми мелочными торговцами. По словам самих лидийцев, употребительные теперь игры у них и у эллинов изобретены ими; единовременно с этим изобретением они заселили Тиррению. Рассказывают они об этом так: в царствование Атиса, сына Манеса, была большая нужда в хлебе по всей Лидии. Вначале лидийцы терпеливо сносили голод; потом, когда голод не прекращался, они стали измышлять средства против него, причем каждый придумывал свое особое. Тогда-то, говорят они, и были изобретены игры в кубы, в кости, в мяч и другие, кроме шахматной игры; изобретения шахмат лидийцы себе не приписывают. Изобретения эти служат для них средством против голода: один день они играли непрерывно, чтобы не думать о пище, на другой день ели и оставляли игру. Таким образом они жили восемнадцать лет. Однако голод не только не ослабевал, но все усиливался; тогда царь разделил весь народ на две части и бросил жребий с тем, чтобы одной из них остаться на родине, а другой выселиться; царем той части, которая по жребию оставалась на месте, он назначал себя, а над выселявшейся поставил сына своего по имени

Тиррен. Те из них, которым выпал жребий выселиться, отправились в Смирну, соорудили там суда, положили на них нужные им предметы и отплыли отыскивать себе пропитание и местожительство. Миновав многие народы, они прибыли наконец к омбрикам, где основали города и живут до настоящего времени. Вместо лидийцев они стали называться по имени сына того царя, который побудил их выселиться, имя его они присвоили себе и названы были тирренами.

95. Итак, лидийцы поработаны были персами. С этого времени повествование наше будет следить за Киром: кто он, этот разрушитель Крезова царства, и за персами, какими средствами достигли они преобладания в Азии. Я буду писать по рассказам некоторых персов, не желающих прославлять через меру подвиги Кира, но передающих настоящую правду; однако я знаю о Кире еще три других рассказа.

96. Ассирийцы владычествовали в Верхней Азии в течение пятисот двадцати лет. Первые отпали от них мидяне. Они сражались с ассирийцами за свободу и, кажется, доказали свою доблесть, свергнув с себя иго рабства и добыв свободу. После этого и остальные народы поступили так же, как мидяне. Таким образом, все народы азиатского материка, освободившись, стали самостоятельны, но вскоре опять подпали под иго. Произошло это так: в числе мидян был некто Деиок, сын Фраорта, человек умный; он страстно домогался власти и употреблял для этого следующие меры: мидяне жили в то время отдельными деревнями; в родной деревне Деиок уже и прежде пользовался доброй славой; теперь он еще строже соблюдал справедливость, между тем как по всей Мидии царило беззаконие; притом он знал, что несправедливые враждуют со справедливыми. За такое поведение жители его деревни выбрали себе Деиока в судьи, а он, стремясь к власти, судил честно и справедливо. Этим образом действий Деиок стяжал себе большие похвалы от сограждан, так что жители остальных деревень узнали его, как единственного праведного судью; подвергаясь прежде несправедливым приговорам, они, прослышав о Деиоке, охотно обращались к нему за разбором своих дел, пока наконец не стали доверять ему одному.

97. Число обращающихся к Деиоку становилось все больше благодаря тому, что разносилась молва о справедливости его приговоров. Деиок увидал, что обойтись без него больше не могут; тогда он не захотел, как прежде, садиться публично и так творить суд и совсем отказался судить впредь, так как для него убыточно, говорил он, по целым дням разбирать дела соседей в ущерб собственным. Между тем грабеж и беззаконие по деревням сделались еще больше, нежели

прежде; поэтому мидяне собрались в одно место, совещались между собой и обсуждали положение дел. Как мне кажется, главным образом друзья Деиока говорили так: «При теперешних порядках мы не можем дольше жить в нашей стране, поэтому поставим над собою царя; тогда страна будет пользоваться благими законами, мы сами займемся нашими делами, и беззаконие не вытеснит нас из родины». Так приблизительно говорили они и убеждали друг друга подчиниться царской власти.

98 . Когда вслед за сим стали совещаться, кого поставить царем, все настойчиво предлагали Деиоку, восхваляли его, пока наконец не согласились сделать своим царем. Тогда Деиок приказал соорудить для него дом, достойный звания царя, и оградить его власть вооруженной стражей копьеносцев. Мидяне сделали это: они построили для него обширный дворец на месте, указанном им самим, и предложили ему самому выбрать стражу из всех мидян. Получив таким образом царскую власть, он принудил мидян образовать один город, сосредоточить заботы на нем только и обращать поменьше внимания на остальные местности. Склонив и к этому мидян, он велел возвести большие крепкие стены, теперь носящие название Акбатаны, причем одна стена кольцом замыкалась в другой. Акрополь устроен был так, что одно кольцо возвышалось над другим только своими зубьями. Такое устройство достигнуто было частью благодаря холмистой местности, частью с помощью искусства. Всех колец – стен было семь, в последнем из них помещались царский дворец и сокровищница. Наибольшая из крепостных стен почти такого же объема, как обводная стена в Афинах. Зубцы первой снаружи стены белые, второй – черные, третьей – ярко – красные, четвертой – голубые, пятой – цвета сурика. Так покрашены краской зубья на пяти стенах. Одна из двух последних стен имеет зубцы посеребренные, а другая – позолоченные.

99 . Такой акрополь воздвиг Деиок для себя и такими стенами окружил дворец; остальному народу он велел селиться за пределами акрополя. Когда постройки были сооружены, Деиок впервые ввел следующий порядок: никому не входить к царю, но во всех делах сноситься с ним через вестников, лицезреть царя также никому не дозволяется, равным образом считать непристойным смеяться или плевать в присутствии царя. Всем этим Деиок возвысил себя для того, чтобы его сверстники, с ним вместе воспитывавшиеся, не уступавшие ему ни по происхождению, ни по личным достоинствам, не оскорблялись при виде Деиока и не восставали против него. Если они

не будут его видеть, думал он, то станут почитать его за существо совершенно от них отличное.

100. Установив такой порядок и тем укрепив свою власть, он при всей справедливости был суровый владыка. Подававшие жалобы писали их и посылали к царю, а царь разбирал жалобы и по решению отсылал назад. Так поступал он с жалобами; в остальном у него было так: если он узнавал, что кто-нибудь совершил преступление, то велел звать преступника к себе и назначал наказание, соответствующее вине каждого; кроме того, по всему царству содержал он соглядатаев и подслушивателей.

101. Так Деиок объединил мидийский народ и царствовал над ним. Племен мидян шесть: бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги*. Из стольких племен состоит мидийский народ.

102. У Деиока был сын Фраорт, который после смерти отца, царствовавшего пятьдесят три года, наследовал царскую власть. Став царем, Фраорт не довольствовался властью над одними мидянами, но напал на персов. Они были первые, подвергшиеся его нападению и покоренные им. Затем, имея под своей властью эти два народа, оба сильные, он стал покорять другие народы Азии один за другим, пока не пошел наконец войной и на ассирийцев, на тех именно ассирийцев, которые жили в Нине и раньше владычествовали над всеми. Хотя все союзники отпали от ассирийцев и оставили их одних, но вообще ассирийцы были еще довольно могущественны. Во время похода на них Фраорт погиб, процарствовав двадцать два года; с ним вместе пала и бо́льшая часть его войска.

103. По смерти Фраорта наследовал власть Киаксар, внук Деиока. Он, говорят, был еще воинственнее своих предков и первый поделил подчиненные народы Азии на особые военные отряды по способу вооружения: копейщики, стрелки из лука и всадники; прежде все это было перемешано в беспорядке. Он воевал с лидийцами, когда во время сражения день сменился ночью; он же объединил под своим главенством всю Верхнюю Азию по ту сторону реки Галис; потом собрал все подвластные ему народы и пошел войной на Нин, желая отомстить за отца и завоевать этот город. Когда после победы над ассирийцами Киаксар осаждал Нин, появилось большое скифское войско под предводительством царя Мадиеса, сына Протофиея, скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами; преследуя бегущих киммерийцев, они вошли таким образом в Мидийскую землю.

104. Расстояние между озером Меотида* и рекой Фасис и Колхидой тридцать дней пути для здорового пешехода; путь из Колхиды в Мидию невелик. Между этими двумя странами живет один только народ, саспиры; миновав его, вступаешь в Мидию. Скифы шли, однако, не этим путем; от прямого пути они уклонились и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея с правой стороны Кавказские горы. В этом месте мидяне сразились со скифами, но были разбиты, потеряли господство над Азией, а скифы завладели ею.

105. Отсюда скифы направились на Египет. Когда они стали в Сирии Палестинской, египетский царь Псамметих* вышел навстречу им и просьбами и подарками удержал их от дальнейшего движения. Когда на обратном пути скифы были в сирийском городе Аскалон, большинство их прошло дальше, не трогая города; остались только немногие и ограбили храм Афродиты Урании*. Это, как я узнал, древнейший из всех храмов богини, ибо кипрское святилище основано выходцами отсюда, как говорят о том сами жители острова; равным образом на Кифере храм Афродиты сооружен финикийцами, происходящими из Сирии. На тех скифов, которые ограбили храм в Аскалоне, равно как и на потомство их, божество ниспослало женскую болезнь. Поступок этот был, по словам скифов, причиной господствующей у них болезни и того, что приходящие в Скифскую землю иноземцы находят больных, которых скифы называют энареями*, в таком жалком положении.

106. Скифы владычествовали над Азией в течение двадцати восьми лет, своими излишествами и буйством разорили и опустошили всю Азию. Кроме того, что с каждого народа они взимали положенную ими дань, скифы совершали набеги и грабили все, что тот или другой народ имел у себя. Киаксар и мидяне пригласили их однажды на пир, напоили и перебили. Так мидяне спасли царство и снова приобрели власть такую, какая была у них прежде; кроме того, они покорили Нин – как они покорили его, расскажу в другой истории* – и подчинили себе ассирийцев, за исключением Вавилонской области.

107. После этого Киаксар умер, процарствовав сорок лет, включая сюда и время господства скифов; после него власть наследовал Астиаг, сын Киаксара. У Астиага родилась дочь, которую он назвал Манданой. Однажды Астиагу снилось, что дочь его выпустила из себя такое количество мочи, что главный город весь наполнился ею, и вся Азия была затоплена. Сновидение это Астиаг рассказал снотолкователям из магов, и когда они подробно объяснили ему смысл сновидения, он испугался. Когда Мандане пришла пора выходить замуж, Астиаг из

страха сновидения не желал выдать ее за человека одинакового с нею положения; он выдал ее за перса по имени Камбис из знатного дома и спокойного характера; Астиаг считал его гораздо ниже среднего мидянина.

108. На первом году супружеской жизни Манданы с Камбисом Астиаг видел другой сон. Ему снилось, что из детородных частей дочери выросла виноградная лоза, покрывшая собою всю Азию. Сообщив и это сновидение снотолкователям, он вызвал дочь из Персии, когда наступило время родов, и содержал ее под стражей, решившись сгубить новорожденного, так как сновидение, по объяснению толкователей, означало, что сын его дочери будет царствовать вместо него. Опасаясь этого, Астиаг, когда родился Кир, позвал к себе Гарпага, родственника, надежнейшего и довереннейшего человека, и сказал ему: «Не относись легко, Гарпаг, к тому делу, которое я поручу тебе, не предай меня из расположения к другим и самому себе не приготавливай беды в будущем. Возьми рожденного Манданой ребенка, снеси его к себе, умертви и похорони, где сам желаешь». – «Никогда прежде, царь мой, ты не видел от меня ничего неприятного тебе, и впредь я буду стараться ни в чем не провиниться перед тобой. Теперь, если такова твоя воля, мне необходимо надлежаще выполнить ее».

109. Таков был ответ Гарпага. Ему передали ребенка, одетого на смерть, и он с плачем понес его домой. Придя к жене, Гарпаг сообщил ей всю беседу с Астиагом, после чего она спросила: «Как же ты намерен поступить теперь?» «Не так, как повелел мне Астиаг, – отвечал Гарпаг. – Пускай он гневается, неистовствует более теперешнего; я не поступлю согласно его решению и не приму на себя такого злодеяния. Не желаю губить младенца по многим причинам: и потому, что мне самому он родственник, и потому, что Астиаг стар и не имеет мужского потомка. Если бы по его смерти власть перешла к его дочери, сына которой он желает теперь сгубить через меня, то от этого разве не была бы для меня величайшая беда? Если же ребенку необходимо умереть ради моей безопасности, то убийцей его пускай будет кто-нибудь из людей Астиага, а не из моих».

110. После этого Гарпаг тотчас послал вестника к одному из царских пастухов, пастбище которого лежало в горах, изобиловавших дикими зверями, и потому казалось Гарпагу наиболее соответствующим его плану. Имя пастуха было Митрадат. Женат он был на рабыне того же Астиага по имени Кино на эллинском языке, а по – мидийски Спако (что значит «собака»). Стадо свое пастух пас на склонах гор к северу от Акбатан, по направлению к Евксинскому Понту. Там, со стороны земли

саспиров, Мидия очень гориста, возвышенна, покрыта сплошным лесом; остальная часть Мидии совершенно ровная. Пастух явился на зов немедленно. Гарпаг сказал ему: «Астиаг приказывает тебе взять этого ребенка, положить его на самой дикой горе, чтобы он погиб как можно скорее. При этом он велел сказать тебе следующее: если ты не сгубишь ребенка, а каким бы то ни было способом сохранишь его живым, то он казнит тебя мучительнейшей казнью. Мне приказано наблюдать за тем, чтобы ребенок был выброшен».

111. Выслушав это, пастух взял с собой ребенка, отправился в обратный путь и пришел в свою хижину. В это время жена его целый день уже ожидала разрешения от бремени, и как бы по божьему соизволению родила как раз тогда, когда пастух ушел в город. Супруги озабочены были мыслями друг о друге: пастух в страхе ждал родов жены, жена недоумевала, почему муж ее так неожиданно позван Гарпагом. Когда пастух возвратился и был у ложа больной, жена, неожиданно увидав его перед собою, спросила, зачем так внезапно позвал его Гарпаг. А тот рассказал ей в ответ: «По приходе в город я увидел и услышал, чего не следовало бы мне видеть и чего не пожелал бы я своим господам. Все в доме Гарпага плакали, когда в страхе я вошел туда. Как только вошел, я увидел лежащего открыто младенца; он барахтался и громко плакал; одет он был в золото и шитые одежды. Гарпаг, лишь только заметил меня, тотчас велел взять младенца с собой и бросить на самой дикой горе, прибавляя, что таково распоряжение Астиага, и угрожая жестоким наказанием, если повеления этого я не исполню. Я взял ребенка и понес с собой, полагая, что принадлежит он кому-либо из слуг Гарпага: не мог же я наверное знать его родителей. Однако я был удивлен, что ребенок одет в золото и пышные одежды, а также тем, что в доме Гарпага стоял громкий плач. Однако пустившись в путь, я тотчас узнал от слуги всю правду, а именно что это сын Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира*, и что Астиаг приказал умертвить ребенка. Теперь гляди, вот он». С этими словами пастух открыл ребенка и показал жене.

112. Когда жена увидела ребенка, здорового и красивого, она со слезами обняла колени мужа и убеждала его ни за что не выбрасывать младенца. Но муж отвечал, что иначе поступить ему нельзя, потому что придут от Гарпага соглядатаи для удостоверения смерти, и он сам погибнет жестокой казнью, если не исполнит приказания. Не убедив мужа, она сказала ему затем: «Так как не могу убедить тебя не выбрасывать ребенка, то поступи следующим образом, если уж действительно необходимо показать, что он выброшен: ведь родила и я,

но родила мертвого; возьми его и брось на горе, а сына Астиаговой дочери мы станем воспитывать, как родное дитя. Таким образом, и ты не будешь наказан за ослушание господам, и мы не сделаем дурного дела; мертвый ребенок будет погребен в царской гробнице, а живой не лишится жизни».

113. Совет жены очень понравился пастуху, и он тотчас сделал все, как она говорила. Того ребенка, которого он принес с собой для умерщвления, передал жене, а мертворожденного положил в корзинку, в которой принес царского младенца, одел его в платье царского сына и бросил на дикой горе. На третий день после того, как младенец был выброшен, пастух пошел в город, оставив при трупe сторожем пастуха, одного из своих помощников. Придя в дом Гарпага, он заявил, что готов показать труп ребенка. Гарпаг послал туда надежнейших оруженосцев, через них убедился в достоверности сообщения и похоронил сына пастуха, назвав его не Киром, но каким-то другим именем.

114. На десятом году жизни случай обнаружил происхождение Кира. Однажды в той деревне, где паслись стада, он играл на улице со своими сверстниками. Игравшие дети стали выбирать себе кого-нибудь в цари и выбрали сына пастуха, как называли Кира. Он разделил играющих на группы, возложил на одних обязанности оруженосцев, другим поручил сооружение дворца, одного назначил «оком царя»*, другому приказал доставлять царю известия, так что каждому дал особое занятие. Один из игравших, сын знатного мидянина Артембара, не исполнил приказания Кира; тогда последний велел остальным мальчикам схватить его; те повиновались, и Кир жестоко наказал его бичом. Лишь только мальчика отпустили, он, чувствуя себя оскорбленным, горько жаловался на обиду, а придя в город, со слезами рассказал отцу, что он претерпел от Кира, называя его, впрочем, не Киром – этого имени он еще не носил, – но сыном Астиагова пастуха. Разгневанный Артембар вместе с сыном немедленно отправился к Астиагу и рассказал, какую обиду нанесли мальчику. «Нас, царь, так оскорбляет твой раб, сын пастуха». При этом он обнажил спину мальчика.

115. Выслушав и увидев это, Астиаг пожелал наказать Кира за оскорбление Артембара и послал за пастухом и его сыном. Когда они явились, Астиаг взглянул на Кира и сказал: «Как ты осмелился, будучи сыном этого пастуха, оскорбить так дитя первого после меня человека?» «Я поступил в этом деле совершенно правильно, – отвечал Кир, – ибо мальчики той деревни, из которой и я родом, затеяли игру и меня поставили царем над ними, потому что я казался им наиболее для этого

пригодным. И вот тогда, как остальные дети исполняли мои приказания, один он ослушался и не обращал на меня никакого внимания, за что и получил должное наказание. Если за это я заслуживаю какой-нибудь кары, изволь, я здесь».

116. Когда мальчик говорил это, Астиаг узнавал его. Черты лица Кира походили на черты Астиага, ответ мальчика казался слишком свободным, а время, когда ребенок был выброшен, совпадало с возрастом сына пастуха. Астиаг в смущении некоторое время молчал. Потом, едва придя в себя и желая удалить Артембара, дабы наедине расспросить пастуха, он сказал: «Артембар, я поступлю так, что ни тебе, ни твоему сыну не в чем будет упрекнуть меня». Затем он отпустил Артембара и велел своим слугам ввести Кира во внутренние покои. Теперь, когда перед ним остался один пастух, Астиаг спросил, откуда у него этот мальчик и кто его передал пастуху. Тот отвечал, что это его сын и что родительница его живет с ним и теперь. Астиаг на это заметил, что пастух поступает неблагоприятно, вынуждая царя прибегнуть к пыткам. Сказав это, он велел своей страже схватить пастуха. Ведомый на пытку, тот чистосердечно рассказал все и закончил речь мольбой о милости и прощении.

117. Когда пастух рассказал всю правду, Астиаг простил его, но сильно негодовал на Гарпага и велел копьеносцам позвать его. Когда Гарпаг явился, Астиаг спросил его: «Какой смертью, Гарпаг, умертвил ты ребенка моей дочери, которого я передал тебе?» В присутствии пастуха Гарпаг не решился прибегнуть ко лжи, чтобы не быть уличенным в ней, и сказал: «Взяв от тебя ребенка, царь, я озабочен был тем, чтобы исполнить твою волю: не быть виноватым перед тобою, но не быть в то же время и убийцей перед твоей дочерью и перед тобой. Поступил я поэтому так: позвал этого пастуха и передал ему ребенка, сказав, что ты приказываешь сгубить его; в этом я не лгал, потому что такова была твоя воля. Передавая ему ребенка, я приказал бросить его на дикой горе и сторожить, пока он не умрет; угрожал ему всяческими наказаниями в случае ослушания. Когда исполнено было мое распоряжение и ребенок умер, я послал туда вернейших из моих евнухов, через них убедился в смерти ребенка и велел похоронить его. Так поступил я в этом деле, и такой смертью умер ребенок».

118. Гарпаг рассказывал правдиво. Астиаг скрыл чувство гнева, которое он питал против него за случившееся, и прежде всего рассказал ему это происшествие так, как слышал сам от пастуха; повторив рассказ, он заключил: «Мальчик пускай живет, и благо, что так случилось. Меня сильно мучила совесть, – продолжал он, – за поступок

с этим мальчиком, и упреки за него от моей дочери я не легко переносил. Теперь, так как судьба ребенка изменилась к лучшему, пришли, во – первых, своего сына к моему внуку, недавно пришедшему, а потом приходи и сам ко мне на пир: спасение внука должен я отпраздновать жертвоприношением: такая честь подобает богам».

119. Выслушав это, Гарпаг пал ниц перед царем и сильно обрадовался, что его послушание так благополучно разрешилось и что он приглашен на пир по столь счастливому случаю; с этим он пошел домой. Придя туда очень скоро, Гарпаг отослал своего сына к Астиагу, приказав исполнять все, что бы царь ему ни повелел; у него был единственный сын, имевший около тринадцати лет от роду. Сам Гарпаг в сильной радости рассказал все случившееся жене. Между тем Астиаг, когда пришел к нему сын Гарпага, велел резать его, поделить тело на части, одну из них сварить, другие сжарить, хорошо приправить их и держать наготове. Ко времени пира явились Гарпаг и другие приглашенные; Астиагу и остальным лицам поставлены были столы, полные бараньего мяса, а Гарпагу подали мясо его родного сына – все, кроме головы, пальцев рук и ног, которые лежали отдельно в закрытой корзине. Когда, казалось, Гарпаг насытился, Астиаг спросил, доволен ли он яством; тот отвечал, что очень доволен. Тогда слуги, которым было это приказано, поднесли Гарпагу прикрытую голову его сына, руки и ноги, предлагая открыть корзину и взять оттуда, что угодно. Гарпаг последовал приглашению и, открыв корзину, увидел остатки своего дитяти, однако овладел собой и не ужаснулся при виде их. На вопрос Астиага, узнает ли он, какую дичь ел, Гарпаг отвечал утвердительно, прибавив: все хорошо, что царь ни делает. После этого он забрал оставшееся мясо и пошел домой с намерением, как мне кажется, собрать останки сына и похоронить их.

120. Так Астиаг наказал Гарпага, а по случаю появления Кира позвал тех самых магов, которые прежде истолковали ему сновидение. На вопрос, как они объяснили ему сновидение, явившиеся маги отвечали то же самое, что и прежде, а именно что сыну его дочери суждено быть царем, если он остался в живых и не умер раньше. Тогда Астиаг сказал им: «Мальчик этот родился и живет; воспитывался он в деревне, и жившие там же мальчики поставили его над собою царем. Он все сделал и устроил совершенно так, как поступают настоящие цари: установил звание телохранителей, привратников, вестников и все прочие. По вашему мнению, что все это значит?» Маги отвечали: «Если мальчик живет и стал царем без чьего-либо предумышления, то будь спокоен и бодр духом: вторично он не будет царствовать. Иные

изречения оракулов разрешаются ничем, равно как и иные сновидения оказываются не имеющими никакого значения». «Я сам такого же мнения, – заметил Астиаг. – Если мальчик был назначен царем, то тем самым сновидение оправдалось, и мальчик этот более не опасен для меня. Однако хорошо рассудите и дайте совет наиболее безопасный для моего дома и для вас». – «Для нас самих, царь, весьма важно упрочить твою власть, ибо в том случае, если бы власть перешла к мальчику, по происхождению персу, мы, мидяне, обратились бы в рабов, были бы презираемы персами, как чужие для них. Напротив, пока царствуешь ты, наш соплеменник, до тех пор и мы пользуемся долей участия во власти, и через тебя оказывают нам большие почести. Таким образом, нам подобает всячески заботиться о тебе и о власти твоей. И теперь, если бы мы замечали какую-либо опасность, то обо всем предупредили бы тебя; но сновидение кончилось ничем, а потому мы и сами спокойны, и тебе советуем то же. Мальчика и его родителей отошли от себя к персам».

121. Астиаг выслушал это с радостью, потом позвал Кира и сказал ему: «Из-за пустого сновидения я было обидел тебя, дитя мое, но тебя спасла судьба. Теперь иди с миром к персам, вместе с тобой я пошлю проводников. Придя туда, разыщи отца и мать, только не таких, как Митрадат и жена его». С этими словами Астиаг отпустил Кира.

122. Когда Кир возвратился в дом Камбиса, родители приняли его, а когда потом узнали, кто он и откуда, то нежно ласкали, потому что были убеждены, что сын их умер тотчас после рождения, и не спрашивали, каким образом он спасся. Мальчик рассказывал им все, прибавляя, что раньше он не знал этого, пребывая в полнейшем неведении; все испытанные им превратности он узнал только дорогой. Прежде он думал, что пастух Астиага – отец его, пока на пути в Персию не узнал всего от проводников. Он рассказывал, как воспитывала его жена пастуха, непрерывно хвалил ее, и имя Кино не сходило с уст его во время рассказа. Родители воспользовались этим именем для того, чтобы представить спасение сына еще более чудесным, и распространили молву, будто выброшенный Кир вскормлен собакой*. Отсюда и пошла эта басня.

123 . Сильно желая отомстить Астиагу, Гарпаг старался с помощью подарков расположить к себе Кира, уже возмужавшего и из всех сверстников наиболее блестящего и любимого. Гарпаг понимал, что он сам, как частное лицо, не в силах покарать Астиага, и потому искал союза с юношей Киром, полагая, что сей последний претерпел от Астиага столько же, как и он, Гарпаг. Еще раньше этого он сделал

следующее: так как Астиаг был жесток с мидянами, то в беседах с мидийскими вельможами, с каждым порознь, Гарпаг убеждал их лишиться власти Астиага и поставить царем Кира. Достигнув этого и уже приготовившись, Гарпаг решился открыть свой замысел Киру, жившему в Персии. Так как пути сообщения охранялись тогда стражей, то Гарпаг прибег к такой хитрости: он приготовил с этой целью зайца, разрезав ему живот так ловко, что не тронул шерсти, вложил туда письмо, в котором сообщал свой план, потом зашил живот зайцу и передал его вместе с сеткой, будто охотнику, вернейшему слуге своему. Так он отправил его в Персию, приказав отдать зайца Киру и на словах сказать, чтобы он разрезал его собственноручно и чтобы никого при этом не было.

124. Все было сделано согласно приказанию, и Кир разрезал зайца. Найдя в нем письмо, он прочитал его. Письмо гласило следующее: «Боги хранят тебя, сын Камбиса; иначе ты не поднялся бы на такую высоту. Отомсти Астиагу, твоему убийце. Он желал твоей смерти; ты живешь только благодаря богам и мне. Я полагаю, что все давно тебе известно: и то, как поступили с тобою, и то, как я наказан Астиагом за то, что не погубил тебя, а передал пастуху. Если пожелаешь довериться мне, будешь царем всей земли, в которой царствует теперь Астиаг. Склони персов к восстанию и иди войной на мидян. Если Астиаг назначит полководцем меня в войне с тобою, то случится желательное для тебя; если же кого-нибудь другого из знатных мидян, все равно, ибо мидийская знать прежде всех отложится от него и постарается вместе с тобою низвергнуть Астиага. Так как здесь все готово, то действуй, действуй возможно скорее».

125. Прочитав это, Кир стал обдумывать, каким бы наиболее верным способом поднять персов. Среди размышлений он изыскивает удобное средство и поступает так: написав в письме, что он задумал, он собрал персов, вскрыл перед ними это письмо и по прочтении объявил, что Астиаг назначает его военачальником персов. «Теперь, персы, – сказал он, – предлагаю всем вам явиться сюда с косами в руках». Таков был приказ Кира. Родов персидских много; лишь некоторые из них были собраны Киром и отторгнуты от мидян. Роды эти, в зависимости от которых находятся все прочие персы, таковы: пасаргады, марафии, маспии. Значительнейший из них – пасаргады; в их среде находится и дом Ахеменидов, откуда происходят цари – персеиды. Остальные персы: панфиалеи, дерусиеи, германиеи. Все эти роды – земледельческие, прочие – кочевники: даи, марды, дропики, сагарты.

126. Когда все персы явились с косами, Кир приказал им выкосить в один день место, совсем заросшее терновником и имевшее в объеме от восемнадцати до двадцати стадиев. Когда заказанная работа была выполнена, Кир предложил им явиться вторично на следующий день, но предварительно обмывшись. Тем временем он велел согнать в одно место отцовские стада коз, овец и быков, порезать их и изготовить обильный запас пищи и вина, собираясь угостить персидский народ. Когда на следующий день персы явились, Кир пригласил их расположиться на лугу и стал угощать. После пира он спросил их, что они предпочитают: вчерашнее ли времяпрепровождение, или сегодняшнее. Они отвечали, что между двумя днями большая разница: вчерашний день – лишь одни тягости, сегодня – только удовольствия. Подхватив эти слова, Кир стал объяснять им все дело, говоря: «Таково ваше положение, персы. Если вы последуете за мной, то будете пользоваться этими и многими другими благами, будете свободны от работ, приличных рабам; если же не захотите, то будете обременены, как вчера, многочисленными работами. Поэтому идите за мной и будьте свободнее. Мне кажется, божеским определением назначен я выполнить это дело, а вас я считаю ничем не ниже мидян и к войне не менее их способными. Поэтому отлагайте от Астиага немедленно».

127. Найдя себе вождя, персы готовы были добиваться свободы, потому что они давно уже тяготились властью мидян. Узнав о таких приготовлениях Кира, Астиаг позвал его через вестника к себе; но Кир велел через вестника же объявить царю, что он придет к нему раньше, чем того желает Астиаг. Услышав этот ответ, Астиаг вооружил всех мидян, назначив полководцем Гарпага; божество помрачило его рассудок, и он забыл, что он учинил Гарпагу. Когда выступившие в поход мидяне встретились с персами, в сражении участвовала только часть их, только те именно, которые не были в заговоре, иные открыто переходили на сторону персов; большинство не желало сражаться и бежало.

128. Лишь только Астиаг узнал о позорном поражении мидийского войска, он грозно воскликнул: «Не сдобровать же Киру!» Засим тотчас позвал снотолкователей – магов, которые посоветовали ему отпустить Кира, и велел распять их, потом вооружил оставшихся в городе мидян, юношей и старцев. Отправившись с ними в поход и сразившись с персами, он был разбит, сам взят живым в плен, а бывшие с ним мидяне пали в битве.

129. К находившемуся в плену Астиагу явился Гарпаг; со злорадством и насмешкой он говорил ему оскорбительные речи и в

заклучение спросил, что такое рабство вместо царской власти в сравнении с тем пиром, на котором он был угощен мясом сына? Астиаг посмотрел на него и спросил в свою очередь, не причастен ли он к делу Кира. Гарпаг отвечал, что он сам об этом деле написал Киру и что оно действительно – его дело. Тогда Астиаг стал доказывать Гарпагу, что он глупейший и бессовестнейший человек: глупейший потому, что облакает властью другое лицо, тогда как сам мог бы быть царем, ибо все устроено им же самим; бессовестнейший потому, что из-за яства обратил в рабство мидян. Если уж непременно нужно было облечь царской властью кого-либо другого, а не пользоваться ею самому, то было бы гораздо честнее предоставить ее мидянину, а не персу. Теперь ни в чем не повинные мидяне из господ стали рабами, а персы, бывшие прежде рабами мидян, стали господами их.

130. Так кончилось царствование Астиага, продолжавшееся тридцать пять лет. Мидяне покорены были властью персов вследствие жестокости Астиага. Владычество мидян над Азией, лежащей по ту сторону реки Галис, продолжалось сто двадцать восемь лет, но не следует считать времени господства скифов. Впоследствии они раскаялись, восстали против Дария*, но были разбиты в сражении и снова поработаны. Позже, во время Астиага, персы и Кир восстали против мидян и с этого времени господствовали над Азией. Астиагу Кир не причинил никакого вреда и держал его при себе до смерти. Таким-то образом Кир родился, воспитался и вступил на царство; раньше рассказано, как он покорил Креза, который первый напал на него. После этого он сделался владыкой всей Азии.

131. О нравах и обычаях персов я знаю следующее: ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у них не дозволяется; тех, кто поступает противно их установлениям, они обзывают глупцами, потому мне кажется, что не представляют себе богов человекоподобными, как делают это эллины. У них в обычае приносить Зевсу жертвы на высочайших горах, причем Зевсом они называют весь небесный свод*. Приносят жертвы они также солнцу, луне, земле, огню, воде и ветрам*. Этим одним божествам приносят они жертвы искони; кроме того, от ассирийцев и арабов заимствовали почитание Урании. Ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы – Алилат, персы – Митра*.

132. Жертвоприношение названным божествам совершается у персов следующим образом: для совершения жертвы они не воздвигают алтарей и не возжигают огня; не делают возлияний, не играют на флейте, не употребляют ни венков, ни ячменя. Кто желает принести жертву какому-нибудь божеству, тот, украсив себя тиарой*, а чаще

миртовой веткой, отводит животное на чистое место и там молится божеству. Молиться только за себя совершающий жертву не вправе; он молится о благополучии всех персов и царя, а в число всех персов входит и он сам. Затем он разрезает на части жертвенное животное, варит мясо, подстилает самую мягкую траву, чаще всего трилистник, и на нее кладет все мясо; потом присутствующий маг поет священную песню, каковой служит у них повествование о происхождении богов*. Совершать жертву без мага у персов не в обычае. Спустя немного жертвователю уносит с собой мясо и употребляет его по своему усмотрению.

133. Из всех дней персы считают обязательным чтить день рождения каждого человека. В этот день они готовят более обильный стол, нежели в остальные. В такой день богатые люди жарят в печах целиком быка, лошадь, верблюда и осла, бедняки довольствуются мелким скотом; главных блюд у них мало, зато дополнительные подаются в изобилии одно за другим. Поэтому персы говорят, что эллины кончают обед, не утолив голода, потому что после обеда у них не подносят ничего, стоящего внимания; если бы что-нибудь подносилось, то эллины ели бы не переставая; вино персы очень любят. Плевать или мочиться в присутствии кого-нибудь у них не позволено. Между прочим, важнейшие дела обсуждают они во хмелю, причем принятое мнение предлагается снова уже трезвым на следующий день хозяином того дома, в котором происходило совещание. Если решение это нравится и в трезвом виде, оно принимается, если же нет – отвергается. С другой стороны, если о чем-либо они предварительно совещаются в трезвом виде, то решают его во хмелю*.

134. При встрече на улицах по следующему признаку можно определить, одинакового ли общественного положения встретившиеся: в этом случае они приветствуют друг друга не на словах, но поцелуями в губы. Если один немного ниже другого, то целуются в щеку, если же один гораздо ниже, чем другой, то первый падает ниц перед последним и целует ему ноги. Наибольшим уважением у персов пользуются ближайшие соседи, за ними следуют живущие далее народы; следовательно, уважают они сообразно с расстоянием, так что наименее чтимые народы у персов те, которые живут далее всего от них. Себя они считают во всем гораздо доблестнее остальных народов; остальные причастны к доблести по мере расстояния от них, и для каждого перса живущий наидальше – самый дурной народ. Во время мидийского владычества один народ господствовал над другим: мидяне – над всеми

народами, и прежде всего над своими ближайшими соседями, эти последние – над своими соседями, те – над пограничным с ними народом и т. д. Теперь и персы по этой самой мере распределяют свое уважение: чем дальше какой-либо народ живет, тем и место власти его и управление дальше.

135. Обычай чужеземцев персы перенимают охотнее всякого другого народа. Они носят даже мидийское платье, находя его красивее туземного, а для войны облачаются в египетские панцири; через знакомство они заимствуют всякого рода удовольствия и в подражание эллинам имеют любовное общение с мальчиками. У каждого из них много законных жен, но гораздо больше наложниц.

136. Важнейшей доблестью мужчины после военной храбрости считается у них произведение на свет многих сыновей; произведшему наиболее детей царь ежегодно посылает подарки. Начиная с пятилетнего возраста и кончая двадцатилетним обучают они детей только трем предметам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. Раньше пяти лет от роду мальчик не является на глаза отцу, но проводит время среди женщин. Делается это для того, чтобы отец не скорбел по ребенку, если тот умирает в раннем детстве.

137. Обычай такой я нахожу похвальным, равно как и тот, что ни сам царь не предаст никого смерти за одну вину, ни другой кто-либо из персов не наказывает смертью своих слуг, провинившихся однажды. Только проверив и убедившись, что виновный совершил много преступлений и что причиненный ими вред превышает заслуги виновного, только тогда персы изливают свой гнев. Говорят, что ни один из них не убил никогда своего отца или матери, и если подобные случаи бывали, то по исследовании всегда с полной очевидностью обнаруживалось, что убийцами бывали или подкидыши, или побочные дети. Поистине невозможно, говорят они, чтобы родитель был умерщвлен своим дитятей.

138. Чего у них не позволено делать, того не позволено и говорить. Лживость считают они постыднейшим пороком; вторым после него – иметь долги, между прочим и главным образом потому, говорят они, что должнику необходимо лгать. Кто из граждан заболевает проказой или покрывается белыми струпьями, тот не допускается в город и с остальными персами не имеет сношений. Говорят, что болезнь эта постигает больного за какой-нибудь грех против Солнца. Всякого иноземца, заболевшего этой болезнью, они изгоняют, прогоняют тоже и белых голубей*, считая их виновниками

болезни. В реку они не выпускают мочи, не плюют, не моют в ней рук и никому другому не позволяют этого: реки чтут они очень высоко.

139. У персов есть еще одна черта, которой сами они не замечают, но которую мы подметили. Все имена их, означающие отдельных лиц и важные государственные звания, оканчиваются на одну и ту же букву, которая у дорийцев называется *сан*, а у ионян *сигма*. Обратив на это внимание, убеждаешься, что такое окончание имеют все имена персов, а не только некоторые.

140. Все это я знаю достоверно. Нижеследующая подробность сообщается как тайна, явно о ней не говорят, а именно что труп умершего перса погребается не ранее, как его разорвет птица или собака. Что так поступают маги, я знаю доподлинно, потому что они делают это открыто. Персы покрывают труп воском и затем хоронят в земле. Маги резко отличаются от остальных людей и от египетских жрецов. Жрецы египетские свято блюдут правило не умерщвлять ничего живого, кроме жертвы; маги, напротив, собственноручно умерщвляют всякое животное, кроме собаки и человека, а также вменяют себе в заслугу умерщвление возможно большего числа муравьев, змей и других пресмыкающихся и летающих животных. Но пускай этот обычай остается в том виде, как он установлен искони, а мы возвратимся к прежнему повествованию.

141. Вскоре после того, как лидийцы покорены были персами, ионяне и эолийцы послали вестников в Сарды к Киру, изъявляя готовность быть в подданстве у него на том же положении, на каком они были у Креза. В ответ на это предложение Кир рассказал им басню, как один флейтист, увидев рыб в море, стал играть на флейте в ожидании, что те выйдут к нему на сушу. Обманувшись в надежде, он взял сеть, закинул ее и вытащил огромное множество рыбы. Видя, как рыба бьется, он сказал ей: «Перестаньте плясать; когда я играл на флейте, вы не хотели выходить и плясать». Кир потому рассказал эту басню ионянам и эолийцам, что прежде они не послушались его, когда он просил их отложиться от Креза, а теперь, когда дело кончилось для него благополучно, они готовы покориться Киру. Так в гневе сказал он им. Когда весть об этом дошла до городов, жители каждого города окружили себя стенами, и все, кроме милетян, сошлись в Панионий. С одними только милетянами Кир заключил такой союз, в каком был с ними лидийский царь. Остальные ионяне на общем совещании порешили послать в Спарту послов с просьбой о помощи.

142. Те ионяне, которым принадлежит Панионий, основали свои города под таким небом и в таком климате, благодатнее которых мы не

знаем ни в какой другой стране. С Ионией не могут сравниться ни страны, лежащие выше и ниже ее, ни те, что лежат на восток от нее или на запад: одни страдают от холода и сырости, другие от жары и засухи. Ионяне говорят не на одном и том же языке, но на четырех наречиях. Первым из этих городов на юге лежит Милет, за ним следуют Миунт и Приена; все три города находятся в Карию, и жители их говорят одним и тем же языком. В Лидии находятся следующие города: Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея. Говоря между собой на одном и том же языке, они с прежде названными городами не имеют по языку ничего общего. Из трех остальных ионийских городов два лежат на островах Самос и Хиос, один – Эрифры – на суше. Жители Хиоса и Эрифры говорят на одном языке, а жители Самоса стоят по языку отдельно от них. Таковы четыре наречия языка.

143. Таким образом, милетяне благодаря заключенному союзу были вне опасности, равно как нечего было бояться и островитянам: финикияне не были еще подчинены персам, а сами персы не занимаются мореплаванием. От остальных ионян союзные ионяне отделились некогда не почему-либо другому, а только потому, что в то время весь эллинский народ был слаб, а слабее и незначительнее всех племен были ионяне; кроме Афин, у них не было ни одного достойного внимания города. Как афиняне, так и остальные ионяне избегали называться ионянами, и теперь, как мне кажется, большинство ионян стыдится своего имени. Напротив, двенадцать ионийских городов гордились своим названием, для себя только соорудили союзное святилище, которое называли Панионием, не допуская к участию в нем никого из прочих ионян; этого участия и не добивался никто, кроме смирнейцев.

144. Подобно этому, дорийцы нынешнего пятиградия, того самого, которое прежде называлось шестиградием, стараются не допускать никого из соседних дорийцев к участию в Триопийском святилище; даже из своей среды они лишали участия в святилище тех дорийцев, которые поступали противно его установлениям. Издавна в храме установлены в качестве награды победителям на играх в честь Аполлона Триопийского медные треножники; но получающие эту награду обязаны не уносить ее с собой из храма, а оставлять там в жертву божеству. Один галикарнассек по имени Агасикл одержал на состязании победу, но нарушил правило: треножник унес к себе домой и там повесил на гвозде. За эту вину пять остальных городов – Линд, Иалис, Камир, Кос и Книд – исключили шестой город – Галикарнасс из

участия в общем святилище. Такое наказание положили они на жителей Галикарнасса.

145. Что касается ионян, то они образовали союз из двенадцати городов и не желали никого больше допускать в него потому, как мне кажется, что и во время пребывания в Пелопоннесе они делились на двенадцать частей; равным образом из двенадцати частей состоят в наше время ахейцы, изгнавшие из Пелопоннеса ионян. Первый город их, начиная от Сикиона, Пеллена, за ним следуют Эгира и Эги, в которых протекает никогда не высыхающая река Крафис, по имени ее названа и река в Италии; далее лежат Бура и Гелика, в которую бежали ионяне, разбитые в сражении ахейцами, далее Эгий, Рипы, Патры, Фары, Олен (где течет большая река Пир); наконец, Дима и Тритеи – две последние общины, лежащие внутри материка. Это двенадцать частей нынешних ахейцев и древних ионян.

146. Вот почему ионяне основали двенадцать городов. Было бы крайне неразумно утверждать, будто азиатские ионяне более настоящие, нежели остальные, или более высокого происхождения. Напротив, немалую долю их составляли абанты с острова Евбея, которые никогда не обозначаются одним именем с ионянами; с ними смешались также минийцы орхоменские, кадмейцы, дриопы, восставшие фокейцы, молоссы, аркадские пеласги, дорийцы из Эпидавра и многие другие племена. Даже те из ионян, которые отправлялись от афинского пританея и считают себя благороднее всех остальных, даже и эти не взяли с собой женщин в колонию, но сочетались с кариянками, родителей которых умертвили. Вследствие такого убийства женщины эти установили в своей среде обычай, скрепили его клятвой и передали в наследие дочерям – никогда не сидеть за одним столом с мужьями, не называть их по имени за то, что они убили их отцов, мужей, детей и потом сделали их своими сожительницами. Это случилось в Милете.

147. Одни из них поставили себе царей из среды ликийцев, происходящих от Главка, сына Гипполоха; другие – из пилосских кавконов, происходящих от Кодра, сына Меланфа, третьи – из тех и других. Более всех прочих ионян они придерживаются своего имени, и действительно, это ионяне чистой крови, именно все те, которые происходят от афинян и совершают празднество Апатурий*, а празднество это отправляют все ионяне, кроме жителей Эфеса и Колофона; эти одни из всех ионян не празднуют Апатурии, и то вследствие обвинения в каком-то убийстве.

148. Панионий – священная местность на Микале, на северной стороне мыса, посвященная ионийским союзом Посейдону Геликонию.

Микале – мыс, выдающийся на запад по направлению к Самосу. Сюда собираются из городов ионяне на праздник, названный ими Паниониями.

149. Таковы ионийские города. Города эолийские следующие: Кима, называемая Фриконидой, Ларисы, Неон Тихос, Темнос, Килла, Нотий, Эгироесса, Питана, Эгеи, Мирина, Гриния. Эти одиннадцать городов эолийцев первоначальные; один из эолийских городов, Смирна, отнят у них ионянами; эолийских городов на материке было двенадцать. Эолийцам пришлось занять страну, хотя более плодородную, нежели ионянам, но не со столь благодатным климатом.

150. Эолийцы потеряли Смирну так: они приняли было к себе колофонских жителей, побежденных согражданами и изгнанных из родного города. Затем колофонские изгнанники выбрали то время, когда жители Смирны за стенами города совершали празднество в честь Диониса; они заперли за ними ворота и овладели городом. Когда все эолийцы пришли на помощь взятому городу, стороны согласились на том, что ионяне выдадут все движимое имущество, эолийцы оставят город за ионянами. Так поступили жители Смирны; остальные одиннадцать городов поделили их между собою и сделали своими гражданами.

151 . Таковы эолийские города на суше; мы не считаем еще эолийцев, живущих на горе Иде и стоящих особо. Из городов, лежащих на островах, пять находятся на Лесбосе; жители тамошнего шестого города – Арисбу – обращены в рабство мефимнейцами, несмотря на единство происхождения; один город находится на Тенедосе и один – на так называемых «Ста островах»*. Жителям Лесбоса и Тенедоса, так же как и островным ионянам, не угрожало никакой опасности; прочие города сообща порешили сообразоваться в своих действиях с поведением ионян.

152. Когда в Спарту прибыли послы от ионян и эолийцев – необходимо было действовать поспешно, – они выбрали из своей среды оратором фокейца по имени Пиферм. Оратор надел на себя пурпурный плащ для того, чтобы спартанцы, узнав об этом, сошлись в возможно большем числе; он выступил вперед и в многословной речи просил их о помощи. Лакедемоняне, конечно, не слушали его и порешили не помогать ионянам. Послы ушли. Однако те самые лакедемоняне, которые отвергли просьбу ионян, выслали на пятидесятивесельном судне людей с целью, как мне кажется, наблюдать за ходом дел Кира и ионян. Прибыв в Фокею, они послали в Сарды знатнейшего из своей среды по имени Лакрин, и тот должен был сообщить Киру требование

лакедемонян не вредить никакому городу земли эллинской, так как они не потерпят этого.

153. В ответ на речь глашатая Кир, как говорят, обратился к находившимся при нем эллинам с вопросом: что за люди лакедемоняне и как велико число их, что они обращаются к нему с подобным требованием. Узнав, кто они, Кир сказал спартанскому глашатаю: «Никогда не боялся я таких людей, которые имеют посередине своего города определенное место, собираются туда и под клятвой обманывают друг друга. Если я буду здоров, то им придется болтать не о делах ионян, а о своих собственных». Объявленная Киrom угроза обращалась ко всем эллинам, так как все они имеют у себя рынки для купли и продажи. Персы, напротив, рынками вовсе не пользуются, и базарных площадей у них нет совсем. После этого Кир поручил охрану Сард персу Табалу, а золото Креза и прочих лидийцев отдал на хранение лидийцу Пактию. Сам он отправился в Акбатаны, взял с собой Креза, не обратив вначале никакого внимания на ионян. На пути Кира лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне; в войне с ними он собирался предводительствовать лично, а против ионян решил послать полководцем другого.

154. По уходе Кира из Сард Пактий поднял лидийцев против Табала и Кира; он спустился к морю и, имея в своих руках все золото Сард, нанял вспомогательное войско и убедил прибрежное население идти с ним на войну. Отправившись на Сарды, он запер Табала в акрополе и осадил его.

155. Кир узнал об этом в дороге и сказал Крезу: «Чем все это кончится, Крез? Как кажется, лидийцы не перестанут причинять тревогу мне и себе самим. Не будет ли лучше, думаю я, обратить лидийцев в рабство? Мне кажется, до сих пор я поступал с ними так, как если бы кто убил отца и пощадил детей. Так, я лишил их тебя, того, кто для них больше, нежели отец, и вожу тебя с собой, между тем самим лидийцам возвратил город и после того еще удивляюсь, что они восстают против меня». Кир говорил чистосердечно. Крез испугался, как бы он совсем не обезлюдил Сарды, и сказал ему: «Ты говоришь правду, царь. Однако не поддавайся гневу, не уничтожай древнего города, нисколько не повинного ни в прошлом, ни в настоящем. Прошрое совершил я и терплю за него достаточно; в настоящем виноват Пактий, которому ты доверил Сарды; он должен быть наказан. Самим лидийцам даруй прощение, а чтобы они не бунтовали против тебя, сделай такое распоряжение: отправь туда посла и запрети им носить оружие, прикажи надеть хитоны под верхнее платье и подвязывать

высокие башмаки, вели им также обучать детей своих игре на кифаре и на арфе и торговле, и ты, царь, скоро увидишь их женщинами, а не мужчинами, и больше не нужно будет опасаться, что они восстанут против тебя».

156. Таков был совет Креза, ибо он полагал, что для лидийцев исход этот предпочтительнее обращения в рабство и поступления в продажу. Он знал, что если не представит Киру достаточных доводов, то не уговорит его переменить решение; потом Крез опасался, что если лидийцы, избежав беды в настоящем, опять восстанут против персов, то окончательно погибнут. Кир обрадовался совету, перестал гневаться и сказал, что последует внушению Креза. Потом он позвал мидянина Мазареса и поручил ему поступать с лидийцами так, как ему советовал Крез; кроме того, велел продать в рабство всех тех, кто вместе с лидийцами ходил на Сарды, а самого Пактия привести к нему пленного.

157. Все эти распоряжения Кир сделал в пути и затем отправился дальше в землю персов. Между тем Пактий узнал, что идущее на него войско уже близко, и в страхе бежал в Киму. Мидянин Мазарес явился с частью Кирова войска в Сарды, но не нашел более соумышленников Пактия. Тогда он прежде всего распорядился, чтобы приказания Кира приведены были в исполнение, вследствие чего лидийцы совершенно изменили образ жизни. После этого Мазарес послал в Киму послов с требованием выдать Пактия. Но кимейцы решили спросить об этом предварительно божество, что в Бранхидах. Здесь издревле учреждено было прорицалище, которым обыкновенно пользовались все ионяне и эолийцы. Местность эта находится в Милетской области, выше гавани Панорма.

158. Послали кимейцы в Бранхиды спросить оракула, как поступить им с Пактием, чтобы угодить богам. Оракул приказал выдать Пактия персам. Услышав такой ответ, кимейцы решили выгнать Пактия. Когда народ готов уже был сделать это, знатный гражданин Аристоклик, сын Гераклида, удержал их, не доверяя изречению и полагая, что послы сказали неправду; наконец были отправлены за советом о Пактии другие послы, в числе их и Аристоклик.

159. По прибытии в Бранхиды Аристоклик, выбранный для этого остальными, обратился к оракулу со следующим вопросом: «Владыка, пришел к нам с просьбой о защите лидиец Пактий, спасаясь от насильственной смерти от персов. Персы требуют его выдачи и понуждают к тому кимейцев. Хотя мы и боимся могущества персов, однако не дерзаем выдать пришельца до тех пор, пока ты ясно не скажешь, что нам делать». Так вопрошал он оракула, а божество дало

тот же ответ, приказывая выдать Пактия персам. Тогда Аристоклик по заранее задуманному плану поступил так: обходя храм кругом, он разорял гнезда воробьев и разных других птиц, какие только ютились в храме. В это время, как рассказывают, изнутри храма слышался голос, обращенный к Аристоклику: «На что ты посягаешь, нечестивец? Ты истребляешь ищущих у меня защиты». Аристоклик не смутился этим и отвечал: «Ты, владыка, так охраняешь молящих тебя о защите, а кимейцам приказываешь выдать их просителя». Ему на это отвечали: «Я приказываю это для того, чтобы вы скорее погибли через ваше нечестие и чтобы впредь не приходили к оракулу за советом о выдаче просящих».

160. Когда кимейцы услышали этот ответ, они не желали ни выдавать Пактия, дабы не погибнуть, ни оставлять его у себя, боясь осады, а потому отослали его в Митилену. Мазарес послал к митиленцам посла с требованием выдачи, и они готовы были выдать Пактия за известное вознаграждение; точно определить сумму я не могу, так как переговоры ничем не кончились. Узнав о таком намерении митиленцев, кимейцы послали судно на Лесбос, чтобы оттуда перевезти Пактия на Хиос. Здесь он был насильно выведен из храма Афины Полиухос и выдан персам; выдали его хиосцы в обмен на Атарней. Атарней – местность в Мисии против Лесбоса. Получив Пактия, персы содержали его под стражей для того, чтобы доставить Киру. За то в течение долгого времени ни один хиосец из Атарнея не жертвовал никакому божееству здешнего хлеба, не посылал ячменных зерен и не пек пирогов; вообще все, что рождал Атарней, исключалось из жертвоприношений.

161. Итак, хиосцы выдали Пактия. Тогда Мазарес пошел войной на тех, кто участвовал в осаде Табала, жителей Приены продал в рабство, прошел по всей равнине Меандра и отдал ее в добычу своему войску. Точно так поступил он с Магнесией. Скоро после этого Мазарес умер.

162. По смерти его командование войском принял Гарпаг, также мидянин родом, тот самый, которого мидийский царь Астиаг угостил столь нечестивым яством и который помог Киру достигнуть царской власти. Когда он, будучи назначен Киром в военачальники, явился в Ионию, то покорила города при помощи земляных насыпей: победив граждан в открытом сражении, он затем насыпал валы кругом стен и таким образом овладевал городом.

163. Первый город Ионии, на который напал Гарпаг, был Фокея. Фокейцы прежде всех эллинов стали совершать далекие путешествия по морю, открыли Адриатический залив, Тиррению, Иберию и Тартес;

для этого они пользовались не круглыми судами, а пятидесятивесельными*. В Тартесе они снискали себе расположение тартесского царя по имени Арганфоний, царствовавшего в Тартесе восемьдесят лет и прожившего не менее ста двадцати лет. Фокейцы так понравились Арганфонию, что он предложил им покинуть Ионию и поселиться в его земле, где им угодно; но ему не удалось склонить их к этому. Узнав от фокейцев, как велико могущество мидян, Арганфоний дал им денег на возведение стен кругом города, и дал щедро, ибо в окружности стена их имеет много стадиев, вся сложена из больших, хорошо прилаженных камней.

164. Так фокейцы поставили свои стены. Когда Гарпаг повел на них войско и начал осаду, он объявил им, что довольствуется вполне, если фокейцы сломают хоть один зубец на стене и пожертвуют хоть одним зданием. Вознегодовав при мысли о рабстве, фокейцы в ответ потребовали день на размышление, обещая, что потом дадут ответ; на время совещания они предложили Гарпагу отвести свое войско от городской стены. Гарпаг отвечал, что он знает их замыслы, однако позволяет им поразмыслить. В то время как Гарпаг отвел войско от стены, фокейцы спустили на море свои пятидесятивесельные суда, поместили на них детей, жен, все движимое имущество, кроме того, кумиры из храмов и другие священные предметы, за исключением меди, камня и картин; все это поместили на суда, взошли на них сами и отплыли к Хиосу. Персы овладели покинутой жителями Фокеей.

165. На желание фокейцев купить себе у хиосцев острова, называемые Энуссами, хиосцы отвечали отказом, опасаясь, что после этого Энуссы сделаются торговым центром и их собственный остров потеряет через то всякое торговое значение; поэтому фокейцы направили свой путь к острову Кирн, где двадцать лет тому назад согласно изречению оракула основали город по имени Алалия. Арганфония в то время уже не было в живых. Собравшись в Кирн, они сначала возвратились в Фокею, истребили там персидский гарнизон, который охранял принятый от Гарпага город. Совершив это, они призывали тяжкие проклятия на тех из своего отряда, кто отстанет от него. При этом они бросили в море большой кусок железа и поклялись не возвращаться в Фокею до тех пор, пока железо это не покажется на поверхности моря. Однако из тех фокейцев, которые поплыли к Кирну, бо́льшая часть так стосковалась по городу, так жалела о нем, о родных местах, что нарушила клятву и отплыла обратно в Фокею. Оставшиеся верными клятве снялись с Энусс и поплыли дальше [на Кирн].

166. По прибытии на Кирн фокейцы поселились там вместе с людьми, которые пришли сюда пять лет тому назад, и соорудили храмы своим богам. Так как они занимались грабежом всех соседей, то на них общими силами пошла войной тиррены и карфагеняне, причем союзники имели по шестидесяти кораблей. Фокейцы со своей стороны снарядили суда числом шестьдесят и вышли навстречу неприятелям в так называемом Сардинском море. В морском сражении фокейцы одержали так называемую Кадмейскую победу*: сорок кораблей их были уничтожены, а уцелевшие двадцать сделались негодными к употреблению, так как потеряли металлические носы. После этого фокейцы возвратились в Алалию, взяли там своих детей, женщин и различное имущество, сколько могли вместить корабли их, покинули Кирн и поплыли в Регий.

167. Бо́льшую часть людей с погибших судов захватили карфагеняне и тиррены в свои руки; они высадили пленных на сушу и побили камнями. После этого у агиллейцев все, что проходило мимо того места, на котором были убиты фокейцы, бывало калечено, уродуемо, убиваемо, как мелкий и рогатый скот, так равно и люди. Желая очиститься от преступления, агиллейцы послали в Дельфы вопрошателей. Пифия приказала им делать и дальше то, что они делают теперь: агиллейцы приносят обильные жертвы убитым фокейцам, устраивают гимнастические и конные состязания. Такой смертью погибла эта часть фокейцев; те, что бежали в Регий, отправились оттуда и приобрели в земле Энотрии город, который называется теперь Гиела. Заселили они этот город потому, что узнали от одного из жителей Посейдонии, что пифия в совете о заселении Кирна говорила о Кирне городе, а не об острове.

168. Так было с Фокеей в Ионии. Подобным образом поступили жители Теоса. Когда акрополь их был взят Гарпагом с помощью насыпи, они все сели на суда и отплыли к Фракии и там заняли город Абдеры, ранее этого основанный клазоменцем Тимесием; но он не воспользовался плодами своего дела, будучи изгнан фракийцами. Теперь теосцы абдерские чтут Тимесия как героя.

169. Это – единственные из ионян, не вынесшие рабства и потому покинувшие родину. Остальные ионяне, за исключением милетян, решились сразиться с Гарпагом подобно тому, как поступили и выселившиеся ионяне; все они мужественно сражались за свободу, но были побеждены, взяты в плен, потом остались на своих местах и исполняли все приказания завоевателей. Милетяне, как было сказано выше, оставались в покое благодаря заключенному с Киром союзу.

Таким образом, Иония порабощена была вторично. После того как Гарпаг покорил ионян, живших на материке, островные ионяне испугались этого и добровольно подчинились Киру.

170. Когда ионяне, невзирая на неудачи, собрались в Панионий, им подал полезнейший совет, как мне передают, житель Приены Биант; если бы они ему последовали, то были бы счастливее всех эллинов. Он предлагал собраться всем ионянам и вместе отплыть в Сардинию, основать там общеионийское государство и, таким образом избавившись от рабства, жить благополучно, занимая наибольший остров и владея над остальными островами; если же они останутся в Ионии, то, утверждал он, не увидят больше свободы. Таков был совет Бианта из Приены ионянам в то время, когда могущество их было уже сокрушено. Но еще раньше испытанного ими поражения благой совет был дан ионянам Фалесом из Милета (по своим предкам финикиянином). Он советовал ионянам учредить общую думу на Теосе – Теос лежит посередине Ионии, – причем остальные города продолжали бы существовать по – прежнему, но почитались за деревенские общины. Таковы советы, данные этими двумя людьми ионянам.

171. Покорив Ионию, Гарпаг пошел войной на карийцев, кавниев и ликийцев, имея в своем войске ионян и эолийцев. Карийцы эти перешли на материк с островов. Первоначально они были подвластны Миносу, назывались лелегами и занимали острова; не платили они, однако, никогда дани, насколько я могу проникать в древность по рассказам, хотя поставляли команду для кораблей всякий раз, когда требовал того Минос. В то время как Минос покорил уже многие земли и прославился военными удачами, карийский народ был тоже знаменитейшим из всех народов. Ему принадлежат три изобретения, которыми воспользовались и эллины: карийцы научили украшать шлемы султанами, делать на щитах эмблемы, и они же первые сделали к щитам рукоятки; раньше того все, имевшие обыкновение употреблять щиты, носили их без рукояток, придерживая кожаными ремнями, которые перекидывались на шею и через левое плечо. Много времени спустя карийцев вытеснили с островов дорийцы и ионяне. Таким-то образом они и перешли на материк. Так о карийцах рассказывают критяне. Однако сами карийцы не согласны с критянами, почитая себя за автохтонов на материке, искони носившими имя карийцев. В доказательство этого они указывают на древнее святилище Зевса Карийского в Миласах; в святилище принимают участие, как братья карийцев, мисийцы и лидийцы: Лид и Мис, как говорят, – братья Кара. Только эти народы и

участвуют в святилище, а все остальные, чуждые карийцам по происхождению, хотя и говорящие на одном с ними языке, никакого участия в храме не принимают.

172. Кавнии, наоборот, кажутся мне автохтонами, хотя сами говорят, что они из Крита. По языку они примыкают к карийцам или карийцы к кавниям, не могу сказать этого в точности; по образу жизни резко отличаются и от карийцев, и от всех других народов. Для них нет ничего лучше, как собираться в обществе на пирушки по возрасту и по дружбе, отдельно мужчинам, женщинам и детям. Хотя они и приняли некогда поклонение чужим божествам, но впоследствии нововведение это им не понравилось; они решили поклоняться только отеческим богам. Тогда все кавнии, способные носить оружие, вооружились и, ударяя копьями по воздуху, проследовали до области Калинды, говоря, что они изгоняют таким образом чужеземных богов. Таковы их нравы.

173. Ликийцы издревле происходят из Крита, на котором первоначально жили только варвары. Там некогда поссорились между собой из-за царской власти сыновья Европы, Сарпедон и Минос. Минос вышел из спора победителем, изгнал Сарпедона и его соумышленников. Изгнанники прибыли в Азию, в землю Милиаду. Страна, которую населяют теперь ликийцы, была в древности Милиадой, а килии назывались тогда солимами. Пока царствовал над ними Сарпедон, они назывались тем самым именем, какое принесли с собой в Азию и каким называют ликийцев соседи их, а именно термилами. Только после того, как к термилам и Сарпедону пришел из Афин Лик, сын Пандиона, изгнанный братом Эгеем, они названы были по имени Лика ликийцами. Нравы и обычаи их частью критские, частью карийские. Только следующий обычай у них совершенно особенный, отличающий их от всех других народов: они называют себя по матери, а не по отцу. Если кто спросит соседа о его происхождении, тот сообщает свою родословную с материнской стороны и перечисляет матерей своей матери; и если женщина – гражданка сочетается браком с рабом, то дети их признаются благороднорожденными, но если мужчина – гражданин, хотя бы самый знатный среди них, возьмет в жены чужеземку или наложницу, то дети их не имеют прав гражданства.

174. Карийцы были покорены Гарпагом, не совершив ничего достославного; достославного не совершили и все те эллины, которые живут в этой земле, а живут здесь, помимо других, и лакедемонские поселенцы книдяне. Часть земли книдян, обращенная к морю, называется Триопием; с другой стороны она начинается от полуострова Бибассии, а вся Книдская область, за исключением узкой полосы,

омывается водой: северная сторона ее граничит с заливом Керамик, а с юга она прилегает к морю у острова Симы и Родоса. Узкая полоса невелика, не более пяти стадиев. Книдяне начали было перекапывать ее в то время, когда Гарпаг завоевывал Ионию, думая превратить свою область в остров. Вся Книдская область лежит по эту сторону перешейка, так как там, где она оканчивается у материка, находится перешеек, который они и начали перекапывать. Множество книдян было уже за работой; но когда стали разбивать скалу, оказалось, что разные части тела, особенно глаза рабочих, были изранены каким-то сверхъестественным способом. Тогда книдяне послали в Дельфы спросить о причине несчастья. Как рассказывают сами книдяне, пифия дала в триметрах следующий ответ:

Не укрепляйте перешейка и не перекапывайте!
Зевс поместил бы там остров, если бы это было
ему угодно.

После такого ответа пифии книдяне приостановили прорытие перешейка, и когда Гарпаг подошел к ним с войском, сдались ему без боя.

175. Внутри материка над Галикарнассом жили педасийцы. У жрицы их богини Афины выросла большая борода, что каждый раз предвещает какую-нибудь беду и им самим, и соседям их; случалось это трижды. Они одни из жителей Карии сопротивлялись некоторое время Гарпагу и причинили ему величайшие затруднения, укрепившись на горе под названием Лида. Педасийцы покорены были не скоро.

176. Когда Гарпаг пришел с войском на равнину Ксанфа, ликийцы выступили против него, в небольшом числе сразились с многочисленным войском и обнаружили храбрость, но были разбиты и оттеснены в город; в акрополе они поместили женщин, детей, имущество и прислугу и подожгли его, дабы акрополь сгорел весь. Сделав это и связав друг друга грозными клятвами, ксанфии вышли против врага и все пали в сражении. Нынешние ликийцы, выдающие себя за ксанфиев, – пришельцы, за исключением восьмидесяти семейств; эти восемьдесят семейств в то время случайно находились в чужих краях и потому остались в живых. Так Гарпаг овладел Ксанфом; подобным же способом взял он и город Кавн, потому что кавнии поступили почти так же, как и ликийцы.

177. Итак, Нижнюю Азию обезлюдил Гарпаг, а Верхнюю* сам Кир, покоривший там один народ за другим и не пощадивший ни одного из

них. О большей части их мы говорить не будем; упомяну только о тех городах, которые причинили ему наибольшие затруднения и наиболее заслуживают описания.

178. Покорив своей власти все народы материка, Кир начал наступление на ассирийцев. В Ассирии есть много больших городов, но самым знаменитым и наиболее укрепленным городом, резиденцией царя после разрушения Нина был Вавилон. Город этот таков. Лежит он в обширной равнине, имеет вид четырехугольника, каждая сторона которого содержит в себе сто двадцать стадиев; число всех стадиев, составляющих объем города, четыреста восемьдесят. Такова величина города, а устроен он так прекрасно, как ни один известный нам город. Вавилон, прежде всего, окружен рвом, глубоким, широким и заполненным водой; за рвом следует стена шириной в пятьдесят царских локтей, а высотой в двести локтей. Царский локоть больше обыкновенного на три пальца.

179. При этом мне следует сказать еще, на что употреблена была земля, вынутая из канавы, и каким способом сооружена стена. Копая ров, рабочие в то же время выдывали кирпичи из вынимаемой земли; приготовив достаточное количество кирпичей, обжигали их в печках. Цементом служил им горячий асфальт, а через каждые тридцать рядов кирпича они закладывали в стене ряд тростниковых плетенок; укрепили сначала края рва, а потом таким же способом возвели и саму стену. На стене по обоим краям ее поставлены были одноярусные башни, одна против другой; в середине между ними оставался проезд для четверки лошадей. Стена имеет кругом сто ворот, сделанных целиком из меди, с медными косяками и перекладинами. На расстоянии восьми дней пути от Вавилона лежит другой город по имени Ис. Там протекает небольшая река, имя которой также Ис и которая изливается в реку Евфрат. Река Ис выбрасывает вместе с водой большую массу асфальта, который доставлялся и на стены в Вавилоне.

180. Таким-то образом Вавилон был окружен стеной. Состоит он из двух частей, потому что посередине города протекает Евфрат, большая глубокая и быстрая река; вытекает она из Армении и вливается в Эрифрейское море. Стены обеими своими сторонами доходят до реки; начиная от реки стены изгибаются и тянутся вдоль обоих берегов в виде плотины из обожженного кирпича. Самый город полон домов трех- и четырехъярусных и пересекается прямыми улицами, как теми, которые идут вдоль реки, так и поперечными, ведущими к реке. На каждой поперечной улице в плотине, идущей вдоль реки, были ворота, которых

было столько же, сколько и улиц; эти ворота тоже медные и ведут к самой реке.

181. Стена эта как панцирь обнимает город. Другая стена тянется кругом внутри первой; она лишь немного слабее наружной и у́же ее. В одной части города за большой крепкой стеной находится царский дворец, в другой – храм Зевса Бела* с медными воротами. Это четырехугольник, каждая сторона которого имеет два стадия, уцелел до моего времени. Посередине храма стоит массивная башня, имеющая по одному стадию в длину и ширину; над этой башней поставлена другая, над второй – третья и так далее до восьмой. Подъем на них сделан снаружи; он идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины подъема, находишь место для отдыха со скамейками; восходящие на башни садятся здесь отдохнуть. На последней башне есть большой храм, а в храме стоит большое, прекрасно убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакого кумира в храме, однако, нет. Провести ночь в храме никому не позволено, за исключением одной только туземки, которую выбирает себе божество из числа всех женщин. Так рассказывают халдеи, жрецы этого божества.

182. Они же говорят, чему однако я не верю, будто божество само посещает храм и почивает на ложе; нечто подобное точно таким же способом совершается в египетских Фивах, по словам египтян; и там будто бы ложится спать женщина в храме Зевса Фиванского, причем ни вавилонянка, ни фивянка не имеют, говорят, вовсе сношений с мужчинами. Подобно этому в Патарах Ликийских прорицательница – если только она бывает, ибо оракул там не постоянный – запирается по ночам в храме.

183. В вавилонском святилище есть внизу еще другой храм, в котором находится большое золотое изображение сидящего Зевса; перед ним стоят большой золотой стол, золотая скамеечка и такой же трон. Все это сделано, как говорят халдеи, из восьмисот талантов золота. Подле храма есть золотой жертвенник. Есть еще другой жертвенник, большой, на котором приносится в жертву пришедший в возраст мелкий скот; на золотом жертвеннике можно приносить в жертву только сосущих еще животных. Кроме того, на большом жертвеннике возжигается ежегодно халдеями тысяча талантов ладана во время праздника этого божества. В то время, при Кире, в пределах святилища был еще массивный золотой кумир в двенадцать локтей, я не видел его и говорю со слов халдеев. Дарий, сын Гистаспа, замышлял было завладеть кумиром, но не дерзнул взять его; взял же его сын Дария Ксеркс*, убивший при этом жреца за то, что тот не позволял касаться

кумира. Так был украшен этот храм. В нем было еще много и частных пожертвований.

184. В Вавилоне царствовали многие цари. В ассирийской истории я упомяну о тех из них, которые соорудили и украсили стены и храмы; в числе их были и две царицы. Одна из них, царствовавшая раньше и жившая за пять поколений до другой, носившая имя Семирамиды*, соорудила на равнине достойные внимания плотины; ранее того река заливала обыкновенно всю равнину.

185. Другая, следовавшая за Семирамидой царица по имени Нитокрис, не была так нерассудительна, как первая. Она оставила по себе памятники царствования, которые я и опишу. Замечая обширность и беспокойный характер мидийского народа, в числе других городов завоевавшего и Нин, она приняла всевозможные меры предосторожности. Прежде всего течение реки Евфрата, первоначально прямое, проходившее посередине города, она сделала извилистым с помощью прорытых над городом каналов, так что к одной ассирийской деревне река эта подходит теперь три раза; деревня, к которой подходит так Евфрат, называется Ардерикка. Поэтому, если кто отправляется теперь от Нашего моря в Вавилон по реке Евфрат, то он в течение трехдневного плавания трижды подъезжает к одной и той же деревне. Кроме того, царица сделала вдоль обоих берегов реки набережные, достойные внимания по величине и высоте; много выше города она велела выкопать бассейн для озера, очень близко к реке, углубленный до уровня воды, имеющий в объеме четырехста двадцать стадиев; из той земли, которую вынимали из канала, она велела сооружать набережные. По вырытии бассейна доставлены были сюда по ее распоряжению камни и сделана круглая стена по краям озера. То и другое сделала царица – изгибы в русле реки и бассейн для озера – с той целью, чтобы река, изламываясь по многочисленным уклонам, текла медленнее, чтобы путь в Вавилон был кривой и чтобы плывущие объезжали еще большее в объеме озеро. Сооружения эти царица совершила в той части своих владений, где находятся проходы в Мидию и кратчайший путь из нее, дабы мидяне не имели сношений с ее страной и не выводывали бы дел ее.

186. С помощью таких укреплений, вырытых в глубине земли, царица защитила себя от врага; вскоре после этого она сделала другие, дополнительные работы. Так как город состоял из двух частей и между ними протекала река, то при прежних царях всякий, желавший перейти из одной части города в другую, должен был переезжать на судне, а это было, как мне кажется, затруднительно. Царица позаботилась и об этом.

Выкопав бассейн для озера, она оставила по себе сверх этого еще следующий памятник: велела вытесать большой длины камни; когда камни были готовы и бассейн вырыт, она направила всю воду реки в вырытый бассейн. Когда бассейн наполнился водой, а прежнее русло реки совершенно высохло, она велела прежде всего края речных берегов в городе и спуски, ведущие от ворот до реки, выложить обожженным кирпичом по такому же способу, как была сделана стена; потом велела приблизительно посередине города положить мост из кусков высеченного камня, причем цементом служили железо и свинец. На этом мосту в начале дня по ее распоряжению клали четырехугольные бревна, по которым и переходили вавилоняне; на ночь бревна снимались для того, чтобы вавилоняне не переходили через реку и не обворовывали друг друга. Когда вырытый бассейн наполнился водой реки и образовал озеро и когда постройка моста была кончена, царица снова отвела воду реки Евфрата из озера в первоначальное русло; таким образом, оказалось, что бассейн, превратившийся теперь в болото, сделан на случай опасности извне, а для жителей города устроен был мост.

187. Та же царица придумала следующую хитрость: над теми из городских ворот, через которые народ ходил чаще всего, она поставила для себя гробницу, выше самих ворот; на гробнице начертала такого рода надпись: «Если кто из следующих за мной царей будет нуждаться в деньгах, то пускай откроет гробницу и возьмет оттуда денег, сколько захочет; если же он не будет нуждаться, то ни под каким видом не должен вскрывать гробницы, ибо пользы от того ему не будет». Гробница оставалась нетронутой до времени царствования Дария. Дарию казалось нелепым не пользоваться этими воротами и не взять лежащих в гробнице денег, хотя они сами на то напрашивались. Воротами не пользовался он вовсе потому, что труп во время проезда через ворота находился бы над его головой. Он открыл гробницу, но денег в ней не нашел; нашел покойника и следующую надпись: «Если бы ты не был так насытен к деньгам и не преисполнен низкой алчности, то не открывал бы гробниц мертвецов». Такова, по рассказам, была эта царица.

188. Кир предпринял поход против сына этой женщины; назывался он по имени отца своего Лабинетом и был царем ассирийцев. Всякий раз великий царь во время военного похода берет с собой из дому большой запас пищи и скота; при нем есть и вода для питья из реки Хоасп, что протекает мимо Суз; царь пьет воду только из этой реки и ни из какой другой; куда бы царь ни ехал, всегда за ним следуют в

большом числе четырехколесные повозки, запряженные мулами, с серебряными бочонками, наполненными кипяченой водой из Хоаспа.

189. Когда царь в походе на Вавилон пришел к реке Гинд, источники которой находятся в Матиенских горах, которая протекает через область дарданов и вливается в другую реку – Тигр, а Тигр протекает мимо города Опиды и вливается в Эрифрейское море, – когда Кир подошел к этой судоходной реке и пытался перейти через нее, одна из его священных лошадей отважно бросилась в реку, желая переплыть ее; но вода поглотила и унесла лошадь. Кир сильно вознегодовал на реку за такое насилие и погрозил сделать ее настолько незначительной, чтобы впредь могли переходить ее и женщины, не замочив себе колен. Произнеся угрозу, он приостановил поход на Вавилон, разделил свое войско на две части и расположил его длинными рядами по обоим берегам реки, шнуром отмерил в различных направлениях на каждом берегу по сто восемьдесят прямых канав, отвел каждому отряду его место и приказал копать. Хотя работу эту производило большое количество людей, однако на выполнение ее ушло все лето.

190. Когда Кир наказал реку Гинд тем, что разделил ее на триста шестьдесят каналов, и когда наступила следующая весна, он пошел на Вавилон. Вавилоняне ожидали его с войском за стенами города. Когда он подошел близко к городу, вавилоняне сразились с его войском, но были разбиты и оттеснены в город. Так как они еще раньше знали Кира как человека беспокойного и видели, что он безразлично нападает на все народы, то запаслись съестными припасами на долгие годы; поэтому на осаду они не обращали никакого внимания; между тем Кир находился в большом затруднении: времени уходило много, а дело нисколько не подвигалось вперед.

191. Посоветовал ли ему кто-нибудь в его трудном положении, или он сам понял, что ему следует сделать, только Кир поступил следующим образом: часть войска он поставил у того места реки, где она входит в город, другую часть поместил позади города, там, где река из города выходит, и затем отдал войску приказ: вступить по руслу реки в город, когда найдут его удобным к переходу. Так распределил свое войско Кир и сделал такое распоряжение; сам он с неспособными к сражению воинами отступил к озеру и здесь с рекой и озером повторил то же самое, что раньше его было сделано вавилонской царицей. С помощью канала он отвел воду из реки в озеро, которое до того было болотом; когда вода в реке убыла, то старое русло ее стало проходимым. Тогда персы, поставленные вдоль реки для упомянутой выше цели, когда вода в реке убыла настолько, что не доставала человеку до

середины бедра, вступили по руслу в Вавилон. Если бы вавилоняне заранее узнали или как-нибудь заметили то, что было устроено Киром, они допустили бы персов войти в город и потом жестоко истребили бы их; для этого им оставалось только запереть все ворота, ведущие к реке, а самим занять набережные, которые тянулись вдоль речных берегов; они захватили бы персов, как рыбу в верше. Теперь персы предстали перед ними неожиданно. По словам тамошних жителей, вследствие обширности города вавилоняне, жившие в центре, не знали о том, что жители окраин уже взяты в плен; по случаю праздника они в это самое время танцевали, веселились, пока, наконец, с полной достоверностью не узнали о случившемся.

192. Так взят был Вавилон в первый раз. Сколь велики богатства вавилонян, я могу показать многими примерами, в особенности нижеследующим. Вся страна, над которой царствует великий царь, разделена в видах содержания самого царя и его войска на части; сверх этого взимается и обыкновенная подать; из двенадцати месяцев года четыре месяца содержит его Вавилония, а восемь месяцев остальная Азия. Таким образом, Ассирия по количеству богатств составляла третью часть всей Азии. Управление этой областью, которую персы называют сатрапией, доходнее всех прочих наместничеств; там Тритантехму, сыну Артабаза, получившему эту область от царя, поступала ежедневно полная артаба серебра. Артаба – персидская мера больше аттического медимна на три аттических хеника. Что касается лошадей, то, кроме боевых, он держал для себя восемьсот жеребцов и шестнадцать тысяч кобылиц; каждый жеребец имел случку с двадцатью кобылицами. Индийских собак содержалось у него такое множество, что четыре больших деревни равнины, свободные от других податей, обязаны были поставлять провизию для этих собак. Таковы были доходы правителя Вавилонии.

193. Земля ассирийцев орошается дождем мало; дождевой воды достаточно только для питания корней хлебных растений; вырастает же посев и созревает хлеб при помощи орошения из реки; река эта не разливается, впрочем, по полям, как в Египте; орошают здесь руками и с помощью насосов. Вавилония вся, так же как и Египет, изрезана каналами; наибольший из них, судоходный, тянется от Евфрата на юг до другой реки, Тигра, на котором лежит город Нин. Эта страна – плодороднейшая из всех нам известных в отношении хлеба; во всем остальном она терпит крайний недостаток, например в фруктовых деревьях, каковы фи́га, виноград, олива. Напротив, плоды Деметры здесь так обильны, что обыкновенно земля родит сам – двести, а при

наибольшем урожае сам – триста*. Там же листья пшеницы и ячменя имеют часто в ширину четыре пальца; что просо и сесам* вырастают здесь величиной с дерево, я, хотя и знаю, лучше упоминать не буду, так как убежден, что и сказанное о плодах содержит в себе много невероятного для тех, кто не бывал в Вавилонии. Оливкового масла они вовсе не употребляют, а готовят себе масло из сесама. Пальмы растут у них по всей равнине; большинство их приносит плоды, из которых готовятся хлеб, вино и мед. Пальмы они воспитывают тем же способом, что и фиговые деревья, в том отношении главным образом, что плоды так называемых у эллинов мужских пальм привязывают к пальмам, дающим плоды; делается это для того, чтобы оса вошла в плод и содействовала бы его созреванию и чтобы плод не отпадал, ибо в плодах мужских пальм живут осы, так же как и в диких фигах.

194. Теперь я приступлю к тому, что в этой стране после самого города, на мой взгляд, наиболее достопримечательно. Суда их, плавающие по реке в Вавилон, имеют круглую форму и целиком сделаны из кожи. В земле армений, что живут выше ассирийцев, вавилоняне нарезают ивы и делают из них бока судна, потом обтягивают их покровом из кож и делают подобие дна, не раздвигая стенок кормы и не суживая носа, но придавая судну круглую форму щита. После этого все судно наполняют соломой, нагружают и спускают вдоль по реке. Груз состоит преимущественно из пальмовых бочек с вином. Судно направляется с помощью двух рулей двумя стоящими людьми; один из них тянет руль к себе, другой толкает свой руль от себя. Суда эти бывают и очень большие, и поменьше; наибольшие из них поднимают пять тысяч талантов груза. В каждом судне помещается по одному ослу, а в судах большего размера – по несколько. Придя на судах в Вавилон и распродав груз, они сбывают также остов судна и всю солому; кожи навьючивают на ослов и отвозят их к армениям. Вверх по реке вследствие быстрого течения суда вовсе не могут плыть, поэтому-то и делают их не деревянными, а кожаными. По прибытии с ослами обратно к армениям ассирийцы таким же способом делают себе новые суда. Таковы у них суда.

195. Одежда ассирийцев следующая: спускающаяся до ног льняная туника, сверху другая туника шерстяная, и затем набрасывается небольшой белый плащ; употребительная там обувь похожа на беотийские башмаки. Волосы на голове длинные и укрепляются повязкой; все тело умащается. Каждый из них носит перстень с печатью и хорошо сделанную палку; палка сверху украшена искусственным

яблоком, или розой, или лилией, или орлом, или каким-нибудь другим изображением; носить палку без украшения у них не в обычае. Так обращаются они с телом.

196. Что касается их обычаев, то, по моему мнению, мудрейший из них, свойственный также, как я знаю, иллирийским энетам, состоял в следующем: в каждой деревне однажды в год созывали всех девушек, достигших половой зрелости, и выводили всех их толпой в одно место; кругом их располагалась толпа мужчин; глашатай вызывал каждую поодиночке и продавал одну за другой, прежде всех самую красивую; когда первая была продана за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую по красоте за первой; девушки продавались под условием супружеской жизни с ними. Все богатые вавилоняне, достигшие половой зрелости, одни перед другими покупали себе красивейших девушек, а такого же возраста люди простые вовсе не искали красивой наружности и с деньгами готовы были брать и очень некрасивых. Покончив с продажей красивейших девушек, глашатай вызывал потом самую безобразную или калеку и спрашивал, кто желает жениться на ней с наименьшим вознаграждением; девушка вручалась тому, кто соглашался на ней жениться с наименьшей додочей денег. Деньги же выручались от продажи красивых девушек, так что красивые выдавали замуж безобразных и калек. Выдавать свою дочь самому, за кого было бы желательно, у них не позволялось, равно как уводить к себе домой купленную девушку без поручителя: поручители должны были засвидетельствовать, что купивший женится на девушке, и только тогда он уводил ее с собой. Если же поженившиеся не сходились друг с другом, то закон требовал возвратить деньги. Желавший купить себе девушку мог прийти и из другой деревни. Это был у них прекраснейший обычай; в настоящее время его нет; но недавно они придумали другую меру, чтобы не обижать девушек и не заставляя их уходить в чужой город, а именно: когда вследствие завоевания они впали в нужду и несчастья, то простой народ из крайности стал торговать телом дочерей.

197. Следующий по степени мудрости обычай у них таков: больных выносят они на площадь, потому что врачей у них нет. К больному подходят и говорят с ним о болезни; подошедший сам, быть может, страдал когда-либо такой же болезнью, как больной, или в такой болезни видел другого. Люди эти, подойдя, беседуют с больным и советуют ему те самые средства, которыми они излечились сами от подобной болезни или видели, что излечились этими средствами другие

больные. У них не позволено пройти мимо больного молча, не спросив о болезни.

198. Трупы хоронят они в меду, а погребальные песни их похожи на египетские. Всякий раз после общения с женщиной вавилонянин воскуряет фимиам; в другом месте то же самое делает женщина; потом при наступлении утра оба они обмываются; прежде чем обмыться, они не прикасаются ни к какому сосуду. То же самое делают арабы.

199. У вавилонян есть, однако, следующий отвратительный обычай: каждая туземная женщина обязана раз в жизни иметь сообщение с иноземцем в храме Афродиты. Многие женщины, гордые своим богатством, не желая смешиваться с другими, отправляются в храм и там останавливаются в закрытых колесницах; за ними следует многолюдная свита. Большинство женщин поступает следующим образом: в святилище Афродиты садятся в большом числе женщины с веревочными венками на головах; одни из них приходят, другие уходят. Между женщинами во всевозможных направлениях сделаны совершенно прямые проходы, по ним ходят иноземцы и выбирают себе женщин. Севшая здесь женщина возвращается домой не раньше, как иноземец бросит ей монету на колени и сообщится с нею за пределами святилища. Бросив женщине монету, следует сказать: «Приглашаю тебя во имя богини Милитты». Милиттой называют ассирийцы Афродиту. Как бы мала ни была монета, женщина не вправе отвергнуть ее, потому что деньги принадлежат божеству. Она следует за первым, бросившим ей деньги, и не пренебрегает никем. После сообщения и, следовательно, выполнения священного долга относительно богини женщина возвращается домой, и с этого времени нельзя иметь ее ни за какие деньги. Женщины, выдающиеся красотой и сложением, уходят из храма скоро; все некрасивые остаются там долго, потому что долго не удается им исполнить свою обязанность по отношению к богине; иные должны ждать по три и по четыре года. Подобный обычай существует и в некоторых местах на Кипре.

200. Таковы нравы и обычаи вавилонян. Кроме того, три колена их питаются только рыбой и ничем другим. Пойманную рыбу они вялят на солнце, а далее поступают так: бросают высушенную рыбу в ступку, разбивают ее пестами и просеивают через холст; из этого каждый по своему вкусу или приготовляет сырое тесто, или печет хлеб.

201. Когда и этот народ подпал под власть Кира, царь возымел сильное желание покорить массагетов. Народ этот считается многочисленным и воинственным, живет на востоке, по ту сторону реки Аракс, против исседонов. По мнению некоторых – это скифский народ.

202. Одни говорят, что Аракс больше Истра, другие – что меньше. На Араксе лежит, как рассказывают, много островов, по величине подходящих к Лесбосу; население островов питается всевозможными кореньями, которые оно летом выкапывает; зимой оно употребляет в пищу плоды некоторых деревьев; их отыскивают и в зрелом состоянии собирают про запас. Говорят, что они нашли еще другие деревья, плоды которых собирают кучами в одном месте, потом зажигают костер, садятся кругом него и бросают плоды в огонь; нюхая брошенные в огонь и горящие плоды, они пьянеют от их запаха так же, как эллины от вина, пьянеют все сильнее по мере того, как бросают больше и больше плодов, наконец пускаются в пляску и начинают петь. Вот что рассказывают об их образе жизни. Река Аракс вытекает из земли матиенов, откуда берет свое начало и река Гинд, которую Кир разделил на триста шестьдесят каналов и которая изливается сорока устьями; все устья за исключением одного теряются в болотах и топях; здесь живут, говорят, люди, питающиеся сырой рыбой и одевающиеся в тюленьи шкуры. Единственный из рукавов Аракса протекает по открытой местности и впадает в Каспийское море. Это – отдельное море, не сливающееся ни с каким другим. То море, по которому во всех направлениях плавают эллины, и море по ту сторону Геракловых Столпов, а также Эрифрейское составляют, собственно, одно море.

203. Море Каспийское – другое, особое, имеющее длину пятнадцать дней плавания для весельного судна, а в ширину в том месте, где оно наиболее широко, восемь дней. Вдоль западного берега этого моря тянется Кавказ, обширнейшая из гор по объему и самая высокая. В Кавказских горах живет множество различных народов, которые все почти питаются дикими лесными деревьями. Говорят, из числа тамошних деревьев некоторые имеют странные листья; их растирают, мешают с водой и этой смесью делают узоры на одеждах. Изображения эти не смываются и изнашиваются вместе с шерстью самой одежды, как будто с самого начала они вотканы в материю. Половые сношения у этих народов совершаются открыто, как в стадах животных.

204. Итак, с запада Каспийское море ограничено Кавказом, с востока к нему примыкает равнина на необозримом пространстве. Значительную часть этой обширной равнины занимают массагеты, против которых и задумал идти войной Кир. К этому походу у него были многие важные побуждения и поводы, прежде всего его рождение, в силу которого он мнил себя чем-то выше человека, потом то счастье, с

каким он вел войны: куда бы он ни пошел со своим войском, ни один народ не мог устоять против него.

205. Царицей массагетов в это время была вдова умершего царя; называлась она Томирис. Кир через послов пытался было свататься для виду, как бы желая иметь ее своей женой. Но Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение. Когда хитрость не удалась, Кир двинулся с войском к реке Аракс и открыто начал войну против массагетов; для переправы войска он положил через реку мосты, а на судах поставил башни с переправляющимися воинами.

206. Когда Кир занят был этой работой, Томирис послала к нему вестника со следующими словами: «Перестань, царь мидян, хлопотать над тем, чем ты занят теперь; ведь ты не можешь знать, благополучно ли кончатся твои начинания. Остановись, царствуй над своим и не мешай нам царствовать над тем, над чем мы царствуем. Но если не желаешь последовать этим советам и ни за что не хочешь оставаться в покое; если, напротив, у тебя есть сильная охота померяться с массагетами, изволь, но не трудись над соединением речных берегов; на три дня пути мы отойдем от реки, тогда переходи в нашу землю. Если же предпочитаешь допустить нас в твою землю, то сделай то же самое». Выслушав это, Кир созвал персидских вельмож, собрал их вместе и изложил перед ними дело, спрашивая, как поступить ему. Мнения всех их сошлись на том, чтобы Томирис и войско ее пропустить в их землю.

207. Однако присутствовавший здесь лидийский царь Крез осуждал это мнение и в следующих выражениях предложил план противоположный: «Так как Зевс отдал меня во власть тебе, царь, то с самого начала я обещал отвращать по возможности всякую беду от твоего дома; испытанные мною несчастья стали для меня печальным уроком. Если ты мнишь себя бессмертным и воображаешь, что таково же и войско твое, в таком случае мне вовсе нет нужды высказывать свое мнение. Но если сознаешь, что ты человек и что твои подданные также люди, то прежде всего знай, что человеческие дела представляют круговорот и что круговращение не допускает того, чтобы одни и те же люди были счастливы постоянно. Итак, о настоящем деле я имею мнение, противоположное совету этих лиц. Если мы решим допустить неприятеля в нашу землю, то от этого произойдет для тебя следующая опасность: в случае поражения ты погубишь все твое царство, ибо ясно, что раз массагеты победят, они не убегут назад, но устремятся в твои владения. В случае победы ты не одолеешь их настолько, чтобы, перейдя в землю массагетов, победоносно следовать всюду за

обращенными в бегство врагами, – в этом случае я предполагаю то же, что и в первом, а именно: если ты одержишь победу над врагом, то двинешься вперед во владения Томирис. Но и помимо сказанного будет нестерпимым позором, если Кир, сын Камбиса, побежденный женщиной, уступит ей страну. Поэтому я полагаю, что нам следует перейти реку и подвинуться вперед настолько, насколько отступит враг и только после того попытаться одолеть его. Насколько я знаю, массагеты не вкусили благ персидской жизни, и им не знакомы большие удовольствия. Поэтому советую зарезать для этого народа множество скота и приготовить угощение в нашем лагере, поставив там, кроме того, в изобилии чаши чистого вина и всякого рода яства; все это сделав, советую оставить в лагере негоднейшую часть войска, а с остальным возвратиться к реке. Если только в своем предположении я не ошибаюсь, неприятель при виде стольких благ кинется на них, а нам останется прославить себя громкими подвигами».

208. Советы были противоположны. Кир отверг прежний совет и предпочел мнение Креза; затем предложил Томирис отступить, так как он сам вступает в ее владения. Царица отступила согласно первоначальному обещанию. Креза Кир передал на руки сыну своему Камбису*, к которому переходила и царская власть, причем настойчиво наказывал ему чтить Креза, делать все в угоду ему, если бы поход на массагетов кончился несчастливо. Сделав такое распоряжение и отослав их обоих к персам, Кир вместе с войском стал переправляться через реку.

209. Когда войско перешло Аракс, Кир ночью в земле массагетов видел такой сон: снилось, что он видит старшего из сыновей Гистаспа с крыльями на плечах; одним крылом он осеняет Азию, другим Европу. У Гистаспа, сына Арсама, из дома Ахеменидов, старшим сыном был Дарий; в то время ему было около двадцати лет, и он оставлен был в Персии, потому что по возрасту был еще не годен к войне. Проснувшись, Кир стал размышлять о сновидении; когда оно показалось ему многозначительным, царь позвал Гистаспа и наедине сказал ему: «Сын твой, Гистасп, виновен в заговоре против меня и моей власти. Я докажу, что знаю это достоверно. Боги заботятся обо мне и предуведомляют меня обо всем предстоящем. Сегодня ночью во сне я видел твоего старшего сына с крыльями на плечах; одним крылом он осенял Азию, другим – Европу. Это сновидение не может не свидетельствовать, что он злоумышляет против меня. Поэтому возможно скорее возвращайся в Персию и постарайся представить сына

твоего на суд к тому времени, когда я покорю эту страну и возвращусь домой».

210. Кир говорил так в том предположении, что Дарий злоумышляет на него; между тем божество давало ему заранее знать, что он сам умрет здесь, в земле массагетов, и что царство его перейдет к Дарию. Гистасп отвечал царю так: «Не родиться бы лучше, царь, тому персу, который злоумышляет на тебя, а если такой есть, то пускай он погибнет тотчас! Злоумышлять на того, кто из рабов сделал персов свободными и вместо подчинения дал им владычество над всеми народами! Если сновидение знаменует, что юный сын мой замышляет против тебя восстание, я отдам его тебе: делай с ним, что хочешь».

211. Так отвечал Гистасп и, перейдя Аракс, направился в Персию, дабы в угоду Киру заключить сына своего Дария под стражу. Тем временем Кир отошел от реки Аракса вперед на восемь дней пути и привел в исполнение совет Креза. После этого Кир вместе с боевой частью войска отступил назад к Араксу, тогда как на месте остались негодные к битве персы. Засим третья часть войска массагетов напала на покинутых воинов Кира, перебила их не без сопротивления и, заметив приготовленное угощение, расположилась пировать как бы после победы над врагом; наелись досыта, напились и легли спать. В это время персы напали на них, многих умертвили, но гораздо больше взяли в плен, между прочим и сына царицы, предводителя массагетов; назывался он Спаргапис.

212. Узнав об участии своего войска и сына, царица послала к Киру вестника со следующими словами: «Ненасытно жадный до крови Кир! Не гордись случившимся, тем, что с помощью виноградного плода, которым вы напиваетесь сами и от которого неистовствуете так, что по мере наполнения вином все больше сквернословите, – не гордись, что столь коварно, такими средствами овладел ты моим сыном, а не в сражении и не воинской доблестью. Теперь послушай меня, потому что советую тебе благое: возврати мне моего сына и удаляйся из нашей страны свободный от наказания за то, что так нагло ты поступил с третьей частью моего войска. Если же не сделаешь этого, клянусь солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты и ненасытен».

213. На речь посла Кир не обратил однако никакого внимания. Сын царицы Томирис Спаргапис, протрезвев и постигнув всю меру своего несчастья, просил Кира освободить его от оков, и, получив свободу и возможность располагать руками, тотчас умертвил себя. Так умер Спаргапис.

214. Когда Кир не послушал Томирис, она собрала все военные силы и напала на него. Мне кажется, сражение это было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары. Происходило оно, как я слышал, так: вначале оба войска обстреливали друг друга из луков на значительном расстоянии, потом, когда стрелы были истощены, перешли в рукопашную и бились копьями и мечами. Войска долго стояли друг против друга, и ни одна сторона не обращалась в бегство; наконец массагеты победили. Бо́льшая часть персидского войска пала на месте сражения, сам Кир был убит. Пролетал он двадцать восемь лет. Томирис наполнила мешок человеческой кровью и велела разыскать среди павших труп Кира. Найдя, она погрузила голову его в мешок и, издеваясь над нею, сказала: «Хотя я, вижу, и победила тебя в сражении, но ты причинил мне тяжкое горе, коварством отняв у меня сына, и я насыщу тебя кровью, как угрожала». Относительно смерти Кира существует много рассказов, я привел наиболее правдоподобный.

215. По одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов. Сражаются они верхом на лошадях и пешие: знают оба способа войны; сражаются луками и копьями; обычно вооружены боевыми секирами. Все предметы у них из золота и меди: все, что требуется для копий, стрел и секир, готовится из меди; головные уборы, пояса и перевязи украшаются золотом. Также из меди делают они грудные панцири для лошадей; напротив, уздечки, удила и фалеры готовят из золота. Железа и серебра они вовсе не употребляют, потому что этих металлов нет в их стране, тогда как золото и медь в изобилии.

216. Обычай их таков: хотя каждый из них женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща. По словам эллинов, таков обычай у скифов; на самом деле так поступают не скифы, а массагеты. Если какой-нибудь массагет пожелает иметь сообщение с женщиной, он вешает колчан свой перед ее повозкой и спокойно сообщается. Предела жизни у них не устанавливается вовсе, но кто состарится днями, к тому сходятся все родственники, убивают его, а вместе с ним и разный скот, варят это вместе и поедают. Такой конец жизни считают они счастливейшим. Умершего от болезни они не съедают, но хоронят, горюя о том, что ему не пришлось быть убитым. Они ничего не сеют, питаются домашними животными и рыбой, которую в изобилии доставляет им река Аракс. Они пьют молоко. Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой такой, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное.

Книга вторая Евтерпа

Поход Камбиса в Египет (1). Опыт Псамметиха над детьми; природные свойства Египта (2–18). Свойства реки Нил (19–34). Характер и нравы египтян; религиозные верования их и культы; зависимость эллинов от египтян (35–65). Священные животные, другие нравы египтян (66–85). Бальзамирование (86–90). Другие бытовые нравы египтян (91–98). История египетских царей до Амасиса; сооружения их; разделение египтян на классы (99–182).

1. По смерти Кира царство наследовал Камбис, сын Кира и Кассанданы, дочери Фарнаспа; когда она умерла, Кир сильно горевал сам и всем подданным велел по ней печалиться. Сын именно этой женщины и Кира, Камбис, смотрел на ионян и эолийцев как на рабов, полученных по наследству; он предпринял поход на Египет, и в его войсках вместе с другими подданными находились и подвластные ему эллины.

2. До царствования Псамметиха египтяне считали себя первым по происхождению народом. Когда царем сделался Псамметих, он пожелал узнать, какой народ древнее всех прочих, и с того времени египтяне считают фригийцев древнее себя, а себя древнее всех остальных. Так как Псамметих в своих разысканиях о том, кто были первые люди, решительно не мог напасть на верную дорогу, то придумал наконец следующее: двух новорожденных мальчиков простого звания передал он пастуху на воспитание среди стада, причем сделал распоряжение, чтобы никто в присутствии детей не говорил ни одного слова, дабы они были предоставлены самим себе в уединенной хижине, и чтобы только пастух в определенные часы пригонял к младенцам коз, кормил бы их козьим молоком и делал все прочее, что понадобится. Все это было сделано и приказано Псамметихом из желания услышать, какое первое слово прорвется у детей после бессвязного младенческого лепета. Так и было сделано. Когда после двух лет такого воспитания пастух открыл дверь и вошел в хижину, оба младенца припали к нему и, протягивая ручонки, говорили *бекос*. Первое время пастух слушал эти звуки равнодушно; но так как ему часто приходилось слышать их, всякий раз, когда он приходил к детям и ухаживал за ними, то, наконец, сообщил об этом своему господину и по его приказанию привел к нему детей. Услышал то же слово и сам Псамметих; тогда он стал разыскивать, какой народ и что называет словом *бекос*, и узнал, что так фригийцы

называют хлеб. Только тогда, на основании такого свидетельства египтяне допустили, чтобы фригийцы считались древнее их. Такой рассказ я слышал от жрецов Гефеста, что в Мемфисе. Эллины в числе других нелепостей рассказывают, будто Псамметих велел вырезать языки нескольким женщинам и им-то передал детей на воспитание.

3. Так рассказывали мне о воспитании детей. Много другого узнал я в Мемфисе из бесед со жрецами Гефеста*; потом побывал в Фивах и Гелиополе с целью убедиться, согласуются ли тамошние рассказы с мемфисскими, так как гелиопольцы слывут наиболее сведущими из египтян. Сообщать о том, что я слышал о божествах, я не имею охоты, за исключением лишь имен божеств, полагая, что все люди знают об этих божествах одинаково недостаточно; если же и буду упоминать что-либо об этом, то лишь настолько, насколько вынудит к тому ход повествования.

4. Что касается деяний человеческих, то названные жрецы рассказывали о них согласно друг с другом так: египтяне первые установили год, разделив времена его на двенадцать частей; руководствовались они при этом наблюдением небесных светил. Египетское летосчисление потому, мне кажется, правильнее эллинского, что эллины для согласования летосчисления с переменами года должны через два года на третий прибавлять вставной месяц; между тем египтяне, считая двенадцать месяцев по тридцати дней каждый, ежегодно прибавляют только к этому числу по пять дней, и круговорот годовых перемен всегда совершается у них в одно и то же время. Жрецы говорили также, что египтяне первые ввели в употребление наименования двенадцати богов, заимствованные от них эллинами; они же первые поставили богам алтари, кумиры и храмы и высекали изображения на камнях. Уверения свои они подтверждали большей частью фактами. По словам их, первым египетским царем из людей был Мин*. В его время весь Египет, за исключением Фиванского округа, представлял болото, и на всем пространстве ниже Меридского озера не было свободного от воды пункта; до Меридского озера от моря семь дней плавания вверх по реке.

5. Мне кажется, о стране своей они говорили верно. Для каждого здравомыслящего человека (даже если он об этом раньше и ничего не слышал) та часть Египта, которую посещают эллины, является для египтян страной недавнего происхождения и даром реки; такова же и другая часть страны, простирающаяся на три дня плавания выше Меридского озера, хотя жрецы и не говорили о ней чего-либо подобного. Природные свойства Египта таковы: когда ты только еще

подъезжаешь к Египту, находясь на расстоянии одного дня пути от суши, и бросишь лот, то вытащишь ил, причем глубина моря всего одиннадцать сажений; а это доказывает, как велики там речные наносы земли.

6. Далее, Египет вдоль моря имеет шестьдесят схенов длины, согласно тому, как мы определяем Египет от Плинфинского залива до Сербонидского озера, подле которого тянется хребет Касий; шестьдесят схенов именно от этого озера. Все малоземельные народы измеряют свои страны на сажени, менее малоземельные – на стадии, имеющие много земли измеряют на парасанги, а очень богатые землей – на схены. В парасанге содержится тридцать стадиев, а в каждом схене, составляющем египетскую меру, шестьдесят стадиев. Таким образом, прибрежная полоса Египта тянется на три тысячи шестьсот стадиев.

7. Отсюда по суше до Гелиополя Египет широк, на всем пространстве ровен, обилен водою и тенист. Путь от моря вверх до Гелиополя по длине такой же, как тот, что идет из Афин от жертвенника Двенадцати богов до Писы к храму Зевса Олимпийского. Если бы кто сравнил эти две дороги, то нашел бы между ними лишь ничтожную разницу по длине, не более как на пятнадцать стадиев, а именно: дороге из Афин в Пису не достает только пятнадцати стадиев до тысячи пятисот, а дорога от моря до Гелиополя содержит в себе это последнее число стадиев полностью.

8. От Гелиополя далее вверх Египет узок. По одной стороне его тянется хребет Аравии с севера на юг, направляясь непрерывно вверх к так называемому Эрифрейскому морю. В этом хребте есть каменоломни, из которых добывали камень для пирамид в Мемфисе. Здесь хребет не тянется дальше, но поворачивает к упомянутой выше границе. Как я узнал, в самой широкой части хребет имеет два месяца пути в направлении с востока на запад. На восточных окраинах его растет ладан. Таков один из хребтов. Со стороны Ливии тянется другой хребет Египта, также скалистый, в котором сооружены пирамиды; он покрыт песком, тянется в том самом направлении, что и часть Аравийского хребта, идущая на юг. От Гелиополя вверх Египет занимает уже немного земли, так как на расстоянии четырнадцати дней плавания по реке он узок. Пространство, лежащее между упомянутыми хребтами, представляет гладкую равнину; однако, как мне кажется, Египет имеет здесь, в наиболее узком месте, между Аравийским хребтом и так называемым Ливийским, не больше двухсот стадиев. Дальше Египет широк. Таковы свойства этой страны.

9. От Гелиополя вверх до Фив девять дней плавания, а по суше – четыре тысячи восемьсот шестьдесят стадиев, или восемьдесят один схен. Если все стадии сложить, то получится длина Египта вдоль моря, отмеченная уже раньше, в три тысячи шестьсот стадиев; каково расстояние от моря в глубь страны до Фив, я скажу, именно шесть тысяч сто двадцать стадиев. От Фив до города, называемого Элефантиной, тысяча восемьсот стадиев.

10. Бо́льшая часть названной страны, как я сам думал и как говорили мне жрецы, является добавленной. Для меня было очевидно, что пространство между названными выше хребтами к югу от Мемфиса составляло некогда морской залив, подобно тому как окрестности Трои, Тевтрания, Эфес и равнина Меандра, насколько позволительно малое сопоставлять с большим. Действительно, ни одна из рек, образовавших своими наносами эти местности, не может быть по величине сближаема даже с одним каким-либо из устьев Нила, а устье он имеет пять. Есть, однако, другие реки, не равняющиеся по величине Нилу и все-таки сделавшие много. Поименно я назову из числа этих рек прежде всего Ахелой, который протекает через Акарнанию и изливается в море; он превратил в часть материка уже половину Эхинадских островов.

11. В Аравии недалеко от Египта есть морской залив, от Эрифрейского моря углубляющийся в материк, очень длинный и узкий, как я покажу. Длина залива от самого углубленного пункта до открытого моря сорок дней плавания для весельного судна; ширина залива в самом широком месте – полдня плавания. Прилив и отлив бывают там ежедневно. Мне кажется, и Египет был некогда таким же заливом; тянулся он от Северного моря* к Эфиопии, тогда как другой, Аравийский, от Южного океана к Сирии так, что бухтами своими они почти входили один в другой, разделяясь только узкой полосой земли. Если предположить, что Нил направил бы свои воды в Аравийский залив, то нет ничего невозможного в том, что этот залив через двадцать тысяч лет наполнился бы илом этой реки; впрочем, я полагаю, он наполнился бы илом и в десять тысяч лет. Почему же за время, протекшее до моего рождения, залив, правда, гораздо больший Аравийского, не мог бы наполниться илом столь большой и деятельной реки?

12. Этим рассказам о Египте я верю и сам думаю о нем совершенно то же, и вот почему: я видел, что Египет выступает в море дальше смежной страны, что на горах лежат раковины, а почва покрывается солью, выходящей из земли, разъедающей даже пирамиды, что из всех египетских гор одна только, проходящая выше Мемфиса, покрыта

песком, что, кроме того, Египет не похож на пограничные страны, Аравию и Ливию, ни на Сирию – прибрежную полосу Аравии занимают сирийцы, – почва в Египте черноземная, рыхлая, так как она состоит из ила и наносов, отбрасываемых рекой из Эфиопии*. Ливия, напротив, как нам известно, имеет почву красноватую и песчаную, а Аравия и Сирия – глинистую и каменистую.

13. Касательно такого происхождения страны жрецы указывали мне, как на важное свидетельство, на то, что в царствование Мерида* река затопляла Египет ниже Мемфиса, когда вода в ней поднималась всего на восемь локтей; между тем от смерти Мерида прошло менее девятисот лет. В настоящее время река не разливается по стране, если вода в ней не поднимается на шестнадцать или по крайней мере на пятнадцать локтей. Поэтому я делаю такое заключение: если Египет будет подниматься в такой же мере, как и прежде, и настолько же приращаться, если Нил не будет более наводнять страну, то жители той части Египта, которая лежит ниже Меридского озера, особенно жители Дельты, будут впредь всегда терпеть то, что они предсказывали эллинам, а именно: они слышали, что вся страна эллинов орошается не реками, как их земля, а только дождями, и замечали, что некогда надежды эллинов будут обмануты и они претерпят сильный голод. Замечание это означает, что если божееству не угодно будет ниспослать эллинам дождь и оно пожелает продлить засуху надолго, то эллины погибнут от голода, ибо нет-де у них иного источника воды, кроме Зевса.

14. Это замечание египтян об эллинах верно; но и самим египтянам я скажу теперь, каково их положение. Если, как я сказал выше, часть их страны ниже Мемфиса, то есть та, которая приращается, будет подниматься в такой же мере, как поднималась в прошлом, то наверное живущие там египтяне подвергнутся голоду, если только земля их не будет орошаться дождем и река не в состоянии будет наводнять поля. Теперь они действительно собирают земные плоды с меньшим трудом, нежели прочие народы и остальные египтяне: они не трудятся над тем, чтобы провести борозды плугом, чтобы взрыхлить землю кирками или исполнить какую-нибудь другую работу над пахотным полем, обязательную для всякого иного народа. Сама собою река наводняет и орошает поля, а оросив, вступает обратно в свои берега; тогда каждый засеивает свое поле и пускает на него свиней, которые и втаптывают семена в землю; затем он ждет жатвенной поры, вымолачивает зерно свиньями и получает таким образом хлеб.

15. Если бы мы пожелали принять мнение о Египте ионян, по словам которых только Дельта составляет Египет, именно от так называемой сторожевой башни Персея вдоль моря до пелусийских рыбосолелен, – здесь сорок схинов ширины, – от моря внутрь страны эта часть Египта тянется до города Керкасора, где Нил разделяется и течет одним рукавом к Пелусию, другим – к Канобу, остальной Египет, по их словам, относится частью к Ливии, частью к Аравии, – если бы мы последовали этому мнению, то могли бы доказать, что прежде у египтян вовсе не было земли; ибо Дельта их, как говорят сами египтяне и как мне думается, представляет землю наносную и, можно сказать, новейшего происхождения. Но если когда-нибудь у египтян не было земли, то какую же глупостью была бы их вера в то, что они древнейший народ! В таком случае им не было бы нужды в испытании детей, на каком языке они заговорят прежде всего. Со своей стороны я не думаю, что египтяне произошли в одно время с той страной, которую ионяне называют Дельтой, что, напротив, они существовали искони с того времени, как произошел род человеческий, и по мере того как земля их выступала вперед, многие из египтян оставались на прежних местах, а многие постепенно спускались вниз. Ведь в древности только Фивы назывались Египтом, а в округности область эта имеет всего шесть тысяч сто двадцать стадиев.

16. Если наше мнение о Египте верно, то ионяне заблуждаются. Если же ионяне правы, то я покажу, что ни эллины, ни сами ионяне не умеют считать, если они утверждают, что вся земля делится на три части: Европу, Азию и Ливию; если Дельта Египта не относится ни к Азии, ни к Аравии, то они должны считать ее за четвертую часть земли. Действительно, согласно с мнением ионян о Дельте Нил вовсе не отделяет Азию от Ливии; но так как он разделяется у вершины Дельты, то сама Дельта должна быть помещена в промежутке между Азией и Ливией.

17. Мнение ионян мы, впрочем, оставляем, а сами думаем об этом предмете так: Египет есть вся та страна, которая населена египтянами, как Киликия населена киликийцами, а Ассирия ассирийцами, причем мы не знаем в действительности никакой другой границы между Азией и Ливией, кроме Египта. Если мы примем мнение эллинов, то тем самым должны будем признать, что весь Египет, начиная от Катадупов и города Элефантины, разделяется на две части и сообразно с этим причастен к наименованиям обеих стран, потому что одна половина входит в состав Ливии, другая – Азии. Начиная от Катадупов, Нил протекает посередине Египта до моря, разделяя страну на две

половины. До города Керкасора Нил течет одной рекой, а от этого города разделяется и идет по трем направлениям: один рукав, обращенный на восток, называется Пелусийским, другой обращен на запад и называется Канобским, а прямой путь Нила идет так: река направляется сверху и достигает вершины Дельты, отсюда, разделяя Дельту пополам, вливается в море; этот рукав доставляет в море немалое количество воды и пользуется некоторой известностью. Называется он Себеннитским. Есть еще два других рукава, отделяющиеся от Себеннитского и вливающиеся в море. Имена их таковы: одного Саисский рукав, другого Мендесийский. Больбитский и Буколийский рукава не естественного, но искусственного происхождения.

18. Что Египет занимает столь значительное пространство, как я говорю, подтверждается и изречением оракула Амона; я узнал о нем уже после того, как составил себе понятие о Египте. Жители городов Марей и Аписа в той части Египта, которая граничит с Ливией, считали сами себя ливийцами, а не египтянами; стесняясь египетским способом почитания богов, а именно: не желая воздерживаться от употребления в жертву коров, они послали сказать Амону, что между ними и египтянами нет ничего общего; живут-де они за пределами Дельты, во всем отличаются от египтян и желают, чтобы им позволено было употреблять всякую пищу. Но божество не разрешило этого, говоря, что Египет есть вся та земля, которую водами своими орошает Нил, и все люди, которые живут ниже города Элефантины и пьют нильскую воду, – египтяне. Таков был ответ оракула. Во время наводнения Нил заливал не только Дельту, но и некоторые части тех местностей, которые причисляются к Ливии и Аравии, на два дня пути по обеим сторонам реки, иногда даже больше этого, другой раз меньше.

19. О природе Нила я не мог узнать ничего ни от жрецов, ни от кого-либо другого. От них я пытался узнать причину, по которой в Ниле прибывает вода начиная от летнего солнцестояния в продолжение ста дней, а по истечении этого времени река возвращается в свои берега, так как вода в ней убывает; таким образом, в течение всей зимы непрерывно вода в Ниле стоит низко до нового летнего солнцестояния. Ни от кого из египтян я не мог узнать ничего этого, хотя и расспрашивал, почему Нил по своим естественным свойствам так резко отличается от прочих рек. Посредством расспросов я желал узнать причину этого явления, а также и то, почему из всех рек от одного Нила вовсе не дуют ветры.

20. Однако некоторые эллины, желая прославиться мудростью, предлагают относительно Нила тройное объяснение. Два способа объяснения я считаю не стоящими упоминания, разве только кратко отмечу их. Одно из этих объяснений состоит в том, будто прибывание воды в реке производится пассатными ветрами, так как они препятствуют Нилу изливаться в море. Но пассатные ветры много раз не дули вовсе, а с Нилом все-таки происходило то же самое. Кроме того, если бы пассатные ветры действительно были причиной этого явления, то и все прочие реки, текущие противно пассатам, подвергались бы тому же самому, что и Нил, притом настолько больше, насколько реки эти меньше и течение в них слабее, нежели в Ниле. Между тем в Сирии и Ливии течет много рек, и с ними не бывает ничего подобного тому, что происходит с Нилом.

21. Второе объяснение еще нелепее первого*, еще, можно сказать, изумительнее, а именно: будто такого рода повышение и понижение воды в Ниле бывает потому, что он течет из Океана*, а Океан кругом-де обтекает всю землю.

22. Третье объяснение кажется правдоподобнее, хотя на самом деле оно наиболее ложно. Говоря, что Нил вытекает из тающих снегов, объяснение это не говорит ровно ничего. На самом деле Нил вытекает из Ливии, проходит через середину Эфиопии и вливается в Египет. Каким же образом Нил может вытекать из снегов, если он течет от самых теплых стран в такие, которые большей частью холоднее первых? Для человека, способного понимать подобные предметы, первым важнейшим свидетельством против уверения, будто Нил вытекает из снегов, является то, что дующие из тех стран ветры теплые. Во – вторых, та страна никогда не имеет ни дождей, ни льда: если где падает снег, то за ним через пять дней должен идти и дождь; следовательно, если бы в этих странах выпадал снег, то шел бы и дождь. В – третьих, тамошнее население имеет вследствие зноя черный цвет кожи; коршуны и ласточки остаются там целый год; журавли, спасаясь от скифской стужи, улетают на зиму в эти местности. Если бы в тех местах, через которые Нил проходит и в которых он начинается, было хоть немного снега, то, несомненно, все это было бы невозможно.

23. Кто говорит об Океане, тот впутывает в объяснение неизвестные предметы, и потому мнение его не подлежит даже обсуждению. Я не знаю о существовании какой-либо реки Океан; мне кажется, что Гомер или другой кто-нибудь из прежних поэтов выдумал это имя и внес его в поэзию.

24. Если, отвергая прежние мнения, необходимо высказаться самому о предмете темном, то я сообщу свое предположение, почему летом Нил разливается. В зимнюю пору солнце вытесняется бурями из своего обычного пути и проходит через Верхнюю Ливию. Этим в кратких словах все сказано. Если только это божество, солнце, находится очень близко к какой-нибудь стране и проходит прямо над ней, то естественно такая страна испытывает сильнейшую жажду, и тамошние реки высыхают.

25. Говоря более подробно, дело состоит в следующем. Проходя по Верхней Ливии, солнце производит следующее действие. Так как в стране этой воздух всегда ясен, земля нагрета и нет ветров, то во время своего прохождения оно действует так, как в летнюю пору, когда находится в середине неба, а именно: оно притягивает к себе воду, а притянув, снова отталкивает ее в верхние земли; ветры подхватывают воду, рассеивают ее, и пары снова превращают в жидкость. Вот почему дующие из этих стран ветры, южный и юго – западный, дождливы более всех прочих ветров. Однако мне кажется, солнце отпускает не всю ту воду, которую притягивает ежегодно из Нила; часть ее оно удерживает при себе. Когда зимние холода уменьшаются, солнце опять возвращается на середину неба и с того времени тянет к себе воду одинаково из всех рек. До этой поры реки имеют большую воду, потому что к ней в изобилии примешивается вода дождевая, когда землю орошают дожди и изрывают потоки; напротив, летом, когда реки не получают воды из дождей, а солнце притягивает к себе воду, они уменьшаются. Между тем Нил, вовсе не получающий дождевой воды, но притягиваемый солнцем, единственный из всех рек должен быть в зимнюю пору гораздо скуднее водой, нежели в летнюю, ибо летом Нил притягивается солнцем одинаково с прочими реками, а зимой солнце пьет воду только из него одного. Таким образом, источником этого явления я считаю солнце.

26. По моему мнению, солнце является виновником и того, что воздух здесь сухой, так как оно накаляет свой путь. Поэтому-то в Верхней Ливии – постоянное лето. Если бы порядок времен года был обратный, так что юг и южный ветер были бы там, где теперь северный ветер и холод зимы, и наоборот, северный ветер был бы там, где теперь южный, если бы так случилось, то солнце было бы оттеснено с середины неба холодом зимы и северным ветром и проходило бы в верхних частях Европы так, как теперь оно проходит в Ливии, и я полагаю, что, совершая путь через всю Европу, солнце производило бы такое же действие на Истр, какое теперь производит на Нил.

27. То, что со стороны Нила не дует ветер, я объясняю тем, что вообще никаких ветров не бывает из стран очень теплых, что, напротив, ветер дует обыкновенно из страны холодной.

28. Но пускай это остается, как есть и как было искони. Что касается истоков Нила, то ни один из тех, с кем приходилось мне беседовать, ни из египтян, ни из ливийцев, ни из эллинов не говорил, что знает их за исключением блюстителя священных сокровищ Афины в египетском городе Саисе*. Но мне кажется, что и он лишь шутя уверял меня, что знает истоки Нила в точности. По его словам, между городами Фиваиды Сиеной и Элефантиной есть две горы с острыми вершинами, из которых одна называется Крофи, другая Мофи; между этими горами и лежат будто бы бездонные истоки Нила, причем половина воды направляется к Египту на север, а другая половина – к Эфиопии на юг. Что истоки Нила бездонны, говорит он, это узнал египетский царь Псамметих: он велел сплести канат длиной в несколько тысяч сажений; его опустили к источникам и все-таки дна не достали. Этим рассказом хранитель сокровищ, если только говорит он искренне, хотел, как мне думается, сказать, что в том месте существуют сильные водовороты и течения в противоположные стороны, вода разбивается о скалы, вследствие чего опущенный туда лот и не может достать дна.

29. Ничего другого ни от кого я не мог узнать об этом предмете. Но я узнал кое-что другое о Египте на очень большом пространстве, потому что до города Элефантины я доходил сам и был здесь очевидцем, а о местностях, далее лежащих, узнавал из рассказов. Вверх от города Элефантины местность поднимается; судно здесь необходимо тащить, как быка, веревками, привязанными с обеих сторон его; если канат оборвется, то судно уносится сильным течением вниз. Такой путь имеет протяжения четыре дня плавания; в этом месте Нил извилист наподобие Меандра; этим способом нужно плыть на протяжении двенадцати схенов. Засим мы входим в гладкую равнину, где Нил обтекает остров, носящий имя Тахомпсо. Область выше Элефантины занимают эфиопы, и половину этого острова населяют они, а другую половину острова – египтяне. За островом следует большое озеро, на берегах которого живут эфиопы – кочевники; переплыв через озеро, вступаем в русло Нила, который в это озеро изливается; дальше следует путь вдоль реки в сорок дней, потому что в Ниле торчат острые подводные камни и многочисленные утесы, делающие плавание по реке невозможным. Сделав этот путь по суше в сорок дней, мы снова садимся в другое судно и плывем двенадцать дней, затем вступаем в большой город по имени Мерое, считающийся метрополией остальных

эфиопов. Здешние жители признают из богов только Зевса и Диониса*, воздавая им великие почести; у них есть и прорицалище Зевса. Они совершают военные походы только тогда, когда им посоветует поход божество через своего оракула, и идут только туда, куда божество укажет.

30. Следуя дальше от этого города, мы за то же самое время, пятьдесят шесть дней, в какое от Элефантины дошли до метрополии эфиопов, приходим к «перебежчикам». Перебежчики эти называются *асмах*, египетское слово, по – эллински означающее «стоящие по левую руку царя». Это были египетские военные люди, в числе двухсот сорока тысяч отложившиеся от египтян и перешедшие к эфиопам по следующей причине. При царе Псамметихе они составляли в городе Элефантине гарнизон против эфиопов, в Дафнах при Пелусии – против арабов и сирийцев, в Марее – против Ливии; еще и теперь стоят гарнизоны персов, как стояли при Псамметихе, в Элефантине и в Дафнах. Египтяне прослужили было три года в гарнизоне, и никто не сменял их; тогда они обсудили свое положение, по общему решению отложились от Псамметиха и перешли в Эфиопию. Получив весть об этом, Псамметих пустился за ними в погоню и, догнав, долго упрашивал их не покидать отеческих богов, детей и жен. Рассказывают, что один из беглецов в ответ на увещевания царя взялся рукой за детородные части и, указывая на них, сказал: «Где будет это, там будут и дети, и жены». Затем они пришли в Эфиопию и передались во власть эфиопскому царю, а тот наградил их так: некоторые из эфиопов были с царем во вражде, он предоставил египтянам изгнать их, а землю заселить самим. С переселением египтян к эфиопам эти последние стали более благодушны, усвоив себе египетские нравы.

31. Итак, Нил известен, не считая своего течения в Египте, на четыре месяца пути, отчасти водного, отчасти по суше; столько именно месяцев получится, если сложить все дни пути от Элефантины до «перебежчиков». Нил до этого места течет с запада; о направлении его дальнейшем никто не знает ничего достоверного, так как страна эта вследствие зноя пустынна.

32. Однако вот что я слышал от киренцев, ходивших, по их словам, к оракулу Амона и там беседовавших с амонским царем Этеархом; между прочим, речь заходила и о Ниле, о том, что никто не знает его источников; тогда Этеарх заметил, что к нему приходили однажды насамоны. Это – ливийский народ, занимающий земли на Сирте и небольшую область на восток от него. Явившиеся насамоны на вопрос царя, не имеют ли они более обстоятельных сведений о пустынях

Ливии, рассказали такую историю. Некогда сыновья знатнейших насамонов, люди своевольные и отважные, в зрелом возрасте проделывавшие всевозможные странности, между прочим, выбрали из своей среды по жребию пятерых, которые должны были отправиться в пустыню Ливии и посмотреть, не узнают ли чего-нибудь нового там, куда не проникали еще прежние посетители пустыни. Часть Ливии, прилегающую к Северному морю, начиная от Египта и кончая мысом Солоентом, крайней оконечностью Ливии, всю эту часть за исключением местностей, заселенных эллинами и финикиянами, занимают ливийцы и многие ливийские племена. Но Ливия, лежащая внутри материка выше моря и приморских жителей, занята дикими зверями, а еще выше тянется песчаная полоса, страшно безводная, голая пустыня. Итак, говорил Этеарх, молодые люди, посланные своими сверстниками с достаточным запасом воды и пищи, прошли сначала населенную область, перейдя ее, вступили в землю, изобилующую дикими зверями, а отсюда проникли в пустыню, совершая по ней путь в направлении к западу. Пройдя значительную часть песчаной пустыни, они много дней спустя увидели растущие на равнине деревья, подошли к ним и ели висевшие на них плоды; в это время напали на них маленькие люди, ростом меньше обыкновенных людей, взяли их и увели с собой; языка их насамоны не понимали вовсе, а равно и уводившие их люди не знали ничего по – насамонски; молодых людей провели через обширнейшие болота, а потом они прибыли в город, все жители которого были такого же роста, как и их проводники, притом черного цвета; мимо этого города протекала большая река в направлении от запада на восток, а в реке были крокодилы.

33. О рассказе Этеарха Аманийского сообщено достаточно; прибавлю разве, что, по его словам, насамоны возвратились домой, как передавали киренцы, и что тот народ, к которому они приходили, состоит весь из колдунов. Что касается протекающей там реки, то уже Этеарх предполагал, что это Нил, и здравый смысл так говорит. Действительно, Нил берет свое начало в Ливии и перерезает ее пополам; если позволительно заключать о неизвестном по сходству с известным, то я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр. Ибо река Истр начинается в земле кельтов, подле города Пирены и на своем пути пересекает Европу. Кельты живут по ту сторону Геракловых Столпов, граничат с кинетами, из всех европейских народов наиболее крайним на западе. В конце течения Истр, протекая через всю

Европу, вливается в море, именуемое Евксинским Понтом, там, где лежит Истрия, колония милетян.

34. Если Истр, протекая по населенным землям, известен многим, то об источниках Нила никто не в состоянии утверждать что-либо наверное, потому что необитаема и пустынна та часть Ливии, через которую Нил протекает; о течении его я сообщил раньше, насколько можно было узнать. Наконец, он входит в Египет. Египет расположен почти напротив гористой Киликии, откуда в Синопу, что на Евксинском Понте, пять дней прямого пути для бодрого путника. Синопа лежит против устья Истра. Таким образом, думается мне, Нил, проходя через всю Ливию, по направлению своему уподобляется Истру.

35. Сказанного о Ниле достаточно. О Египте я буду говорить обстоятельно, потому что в нем есть очень много достопримечательного, есть несказанно громадные сооружения, бо́льшие, нежели в какой-либо другой стране. Ради этого-то о Египте и будет сказано у меня больше. Как небо над египтянами отличается особенными свойствами и река их по своей природе отличается от всех прочих рек, так, подобно этому, почти все нравы и обычаи их противоположны нравам к обычаям остальных народов. Женщины у них посещают площадь и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут; у прочих народов при тканье толкают уток вверх, у египтян – вниз; мужчины их носят тяжести на головах, женщины – на плечах; женщины мочатся стоя, мужчины сидя; испражняются дома, а едят за домом, на улицах, объясняя это тем, что все непристойное, хотя бы и необходимое, следует делать сокрыто, а пристойное публично. Ни одна женщина не исполняет жреческих обязанностей ни при мужском, ни при женском божестве; жрецами состоят только мужчины как при богах, так и при богинях. Сыновья вовсе не обязаны, если не желают, содержать родителей, дочери, напротив, обязаны непременно, хотя бы того и не желали.

36. В других местах священнослужители носят длинные волосы, в Египте жрецы стригутся. У остальных народов в обычае, что ближайšie к покойнику лица в знак траура стригут себе волосы; египтяне же в случае смерти родственника отпускают себе волосы и бороду, а обыкновенно ходят стриженные. У других народов люди живут отдельно от животных, египтяне живут вместе с ними. Другие питаются пшеницей и ячменем, у египтян такого рода питание – величайший позор; они готовят себе хлеб из олиры, которую иные называют полбой. Тесто египтяне месят ногами, глину руками; руками же подбирают навоз. Прочие люди оставляют детородные части

в их естественном виде, за исключением тех, которые усвоили себе египетский обычай, а египтяне совершают обрезание. Мужчины носят по два платья, женщины – по одному. Парусные кольца и веревки привязываются у всех других народов снаружи, у египтян внутри корабля. Эллины пишут и считают камешками от левой руки к правой, а египтяне – от правой к левой, хотя и утверждают, что они пишут к правой руке, а эллины к левой. Египтяне употребляют двоякое письмо; одно называется священным, другое простым.

37. Египтяне чрезвычайно религиозны, гораздо больше всех других народов. Соблюдают они следующие обряды: пьют только из медных сосудов, которые чистят ежедневно; делают это все, а не так, что один делает, другой нет. Платье носят полотняное, всегда свежeweымытое, и это составляет для них предмет большой заботы. Обрезают себя ради чистоты, предпочитая быть опрятными, нежели красивыми. Жрецы через день стригут себе волосы на всем теле для того, чтобы не иметь на себе ни вшей, ни какой-либо другой скверны во время служения богам. Одежда жрецов только полотняная, а обувь из папируса; им нельзя носить ни платья иного, ни обуви. Моются они два раза в день и два раза в ночь. Разных других обрядов соблюдают они, можно сказать, бесчисленное множество. За то жрецы пользуются у них немалыми выгодами. Из собственного состояния они ничего не потребляют и не тратят: у них есть печеный священный хлеб; воловьего мяса, гусей каждый из них имеет ежедневно в изобилии; им доставляется и виноградное вино. Употреблять рыбу в пищу жрецам запрещено. Бобов в Египте не сеют вовсе, а если они и вырастают, то их не едят ни сырыми, ни вареными; жрецы не позволяют себе даже смотреть на бобы, считая их нечистым зельем. Каждому божеству служит не один жрец, но много, причем один из них главный; если кто-нибудь из них умирает, то звание его наследуется сыном.

38. Быков египтяне считают принадлежностью Эпафа*, и потому подвергают их такому искусу: если испытующий заметит на быке хоть один черный волос, он считает его уже запретным. Испытание производится назначенным для того жрецом, в присутствии которого животное сначала ставят, а потом кладут; вытягивают ему язык, чтобы убедиться, свободен ли он от особых знаков, о которых я скажу в другом месте. Затем он осматривает волосы на хвосте, обыкновенного ли они качества или нет. Если от всего этого бык чист, то жрец отмечает его, заворачивая рога в папирус и накладывая на него печать из глины; глину придавливает своим перстнем; только после этого быка уводят. За умерщвление немеченного быка следует смертная казнь.

39. Так производится исследование жертвенного животного, а жертва совершается следующим образом: меченное животное ведут к алтарю, в то место, где желают принести жертву, и разжигают огонь, потом делают возлияние вином на алтарь и на жертвенное животное, взывают к божеству и убивают жертву; убитому животному отрезают голову. Туловище быка обдирают, а над головой произносят различные заклинания и несут ее на рынок, где имеют жительство эллинские купцы; принеся туда голову, спешат продать ее; если эллинов нет, то голову бросают в реку. Произносимые над головами заклятия гласят так: «Если самим совершителям жертвы или целому Египту угрожает какая-нибудь беда, то пускай обратится она на эту голову». Что касается голов приносимых в жертву животных и возлияния вином, то все египтяне при всех жертвоприношениях соблюдают одинаковые обряды; в силу такого обычая ни один египтянин не употребляет в пищу головы никакого животного. Напротив, потрошение и сжигание животных производится относительно разных животных не одинаково.

40. Я скажу о том, какое божество у них главнейшее и которому из них устраивается торжественнейшее празднество*. Сняв кожу с быка и произнеся заклинания, тотчас вынимают из него целиком желудок, оставляя внутренности и жир, отрезают бедра, хвостец, плечи и шею. После всего этого наполняют туловище быка чистым хлебом, медом, изюмом, винными ягодами, ладаном, смирной и другими благовонными веществами. Наполнив животное и обильно возлив на него масла, сжигают его. Перед совершением жертвы египтяне постятся, а когда жертва сжигается, все в слезах сокрушаются; по окончании плача устраивают пир из остатков жертвы.

41. Непорочных быков и телят приносят в жертву все египтяне; коров же им не позволено приносить в жертву, так как они посвящены Исиде*. Изображение Исиды представляет женщину с рогами коровы, подобно тому как эллины изображают Ио; вообще все египтяне чтут коров гораздо больше, нежели остальных животных. Вот почему ни египтянин, ни египтянка не поцеловали бы эллина в губы, не стали бы употреблять ножа, вилки, котла, принадлежащих эллину, не стали бы даже есть непорочного быка, если он разрезан ножом эллина. Павших животных они погребают так: коров бросают в реку, а быков каждый зарывает в землю в своем предместье, причем один рог или оба торчат над землей для обозначения места погребения. Когда труп быка сгниет, и после этого пройдет определенный срок, в каждый город приходит судно с острова, называемого Просопитидой. Остров этот лежит в Дельте и имеет в окружности девять схенов. На острове Просопитиде

среди многих других городов есть и тот, из которого приходят суда за костями быков; город этот называется Атарбехис; в нем есть высокочтимый храм Афродиты*. Многие жители Атарбехиса странствуют по разным городам, вырывают там кости быков, увозят их и хоронят в одном месте. Таким же образом, как и быков, погребают египтяне всех вообще павших животных с соблюдением тех же правил; иных они не убивают.

42. Все те египтяне, которые имеют на своей земле храм Зевса Фиванского или живут в Фиванском округе, не употребляют для жертвы овец, а только коз. Не все египтяне одинаково чтут одних и тех же богов, за исключением Исиды и Осириса, который, по их словам, есть тот же Дионис; только эти божества одинаково почитаются всеми египтянами. Напротив, те египтяне, у которых есть храм Мендеса или которые живут в Мендесском округе, приносят в жертву овец, а не коз. Фиванцы и все те египтяне, которые не употребляют для жертвоприношения овец*, рассказывают следующее о происхождении этого обычая: однажды Гераклу сильно захотелось посмотреть на Зевса, а Зевс вовсе не желал, чтобы тот видел его; наконец, так как Геракл продолжал настаивать, Зевс схитрил: он снял руно с барана, покрыл им себя, потом отрезал барану голову и, держа ее перед лицом, в таком виде показался Гераклу. С этого времени египтяне изображают Зевса с головой барана, а от египтян этот способ изображения переняли и амонииты; эти последние происходят от египтян и эфиопов, и язык их занимает середину между языками этих двух народов. Мне кажется, что и название амониитов они присвоили себе на основании своего происхождения: Амониом египтяне называют Зевса. Фиванцы не приносят баранов в жертву по той же причине: бараны у них считаются священными животными. Только раз в год, в праздник Зевса, они убивают одного барана, снимают с него руно, надевают его точно так же, как надевает на себя божество на изображении Зевса, и потом подносят к нему другое изображение, Геракла. Устроив это, все присутствующие у храма плачут по барану и затем хоронят его в священной гробнице.

43. Относительно Геракла я слышал, что он находится в числе двенадцати богов. О другом Геракле, которого знают эллины, я не мог нигде узнать. Что не египтяне заимствовали у эллинов имя Геракла, но эллины у египтян, и именно те эллины, которые сыну Амфитриона дали имя Геракла, в пользу этого есть у меня многие доказательства, в числе их то, что оба родителя Геракла, Амфитрион и Алкмена, через своих предков происходят из Египта*; потом египтяне утверждают, что имена

Посейдона и Диоскуров им неизвестны и что эти боги не стоят у них в числе богов. Если бы они заимствовали имя какого-либо божества от эллинов, то, я полагаю и в том убежден, они не забыли бы, а, напротив, отлично помнили бы именно это божество; ведь в то время египтяне уже плавали по морю, были мореплаватели и в среде эллинов; таким образом, имена этих божеств были бы египтянам более известны, нежели имя Геракла. Но у египтян Геракл одно из старейших божеств; как сами они говорят, за семнадцать тысяч лет до воцарения Амасиса от восьми божеств произошло двенадцать*, в числе которых называют они и Геракла.

44 . Желая добыть относительно этого точные сведения, откуда бы то ни было, я поплыл в Финикию, в Тир, так как я узнал, что там есть высокочтимый храм Геракла. Я увидел, что храм изобилует многочисленными пожертвованиями, что, между прочим, в нем есть два столпа, один из чистого золота, другой, ярко сверкающий по ночам, из смарагда. В беседах со жрецами этого божества я спросил, сколько прошло времени от сооружения храма; оказалось, что они не согласны в этом случае с эллинами. По их словам, храм сооружен в одно время с Тиром, а от основания Тира прошло две тысячи триста лет. В Тире же я видел другой храм Геракла, носящего название Фасийского. Был я и на Фасосе, где нашел храм Геракла, сооруженный финикийцами, которые отплыли было на поиски за Европой и заняли Фасос. Случилось это за пять поколений до рождения в Элладе Амфитрионова сына Геракла. Сведения наши доказывают ясно, что Геракл есть древнее божество. Мне кажется, основательнее всего поступают те из эллинов, которые соорудили у себя два храма Геракла, причем одному из них приносят жертвы как бессмертному, по прозванию Олимпиец, другому воздают почести как герою.

45 . Эллины рассказывают много неосновательного; нелепа и та басня их о Геракле, будто, когда он пришел в Египет, египтяне наложили на него венок и с процессией повели его для принесения в жертву Зевсу. Сначала Геракл был спокоен; потом, когда у алтаря приступили к жертвоприношению, он, собравшись с силами, перебил будто бы всех присутствовавших. Мне кажется, эллины рассказывают это потому, что совершенно не знают ни характера египтян, ни их обычаев. Дело в том, что убивать животных, кроме свиней, быков и телят, если только они чисты, а также гусей, у них не позволено; каким же образом они могли бы приносить в жертву людей? Кроме того, естественно ли, чтобы Геракл один, к тому же человек, перебил,

как говорят, огромное множество народа? Впрочем, да простят нам боги и герои за то, что мы столько наговорили о них.

46. Те из египтян, о которых я сказал выше, не употребляют в жертву коз и козлов по следующей причине. Мендесийцы помещают Пана в число восьми божеств, а эти восемь божеств, по их словам, были раньше двенадцати. Живописцы и скульпторы египтян делают изображение Пана с теми же чертами, что и эллины: с головой козы и с ногами козла; при этом они не считают его действительно козлом, но похожим на прочих богов. Почему они изображают Пана в таком виде, у меня нет охоты говорить. Мендесийцы чтут всех коз, притом самцов больше, нежели самок; равным образом козопасы пользуются большим почтением, нежели пастухи другого скота; один из козлов пользуется особенным почетом, так что, когда он умирает, весь Мендесский округ повергается в тяжкую скорбь. И козел, и Пан называются по – египетски Мендес. В том округе в мое время было такое чудо: козел имел сообщение с женщиной публично; это совершалось на виду у людей.

47. Свинью египтяне считают нечистым животным; поэтому если кто-нибудь коснется мимоходом свиньи, то спешит тотчас к реке, чтобы омыться в ней вместе с платьем. Потом, только свинопасы, хотя бы они были туземного происхождения, не входят в Египте ни в один из храмов; равным образом никто из египтян не желает выдавать своей дочери за свинопаса, ни жениться на дочерях свинопасов; эти последние женятся и выходят замуж только в собственной среде. У египтян не дозволяется приносить свиней в жертву никакому божеству, за исключением Селены и Диониса; им свиньи приносятся в жертву в одно и то же время, в самый день полнолуния. Затем по совершении жертвы они едят свиное мясо. Почему египтяне так гнушаются свиней на прочих празднествах, а на этом приносят их в жертву, об этом существует у египтян рассказ; хотя я и знаю его, но неприличным считаю сообщать. Принесение в жертву свиней Селене совершается так: убив животное, жрец складывает вместе кончик хвоста, селезенку и сальник, покрывает это всем тем жиром, что на животе, и затем сжигает в огне; остальное мясо съедается в тот же день полнолуния, в который приносится жертва; ни в какой другой день нельзя было бы есть этого мяса. Бедняки по скудости своего хозяйства лепят свиней из теста, пекут и приносят их в жертву.

48. Каждый египтянин вечером накануне праздника убивает в честь Диониса поросенка перед дверью своего дома и потом отдает убитое животное продавшему его свинопасу, чтобы тот унес его обратно.

Остальную часть празднества Диониса египтяне совершают во всем, за исключением хоров, почти так же, как эллины. Впрочем, вместо фаллосов они ввели в празднество нечто другое, а именно: маленькие кумиры почти в локоть вышиной, приводимые в движение крепкими нитками; женщины носят эти изображения по деревьям, причем детородный член, лишь немного меньший своего кумира, то поднимается, то опускается. Впереди выступает флейтист, за ним следуют женщины, воспевающие Диониса. Почему детородный член в изображении так велик и почему из всего тела он один приходит в движение, об этом существует священное сказание.

49. Мне кажется, что Меламподу, сыну Амифеона, празднество это было небезызвестно; напротив, он знал его хорошо, почему и просветил эллинов относительно имени Диониса, его праздника и процессии с фаллосом. Однако, выражаясь точно, Мелампод не изложил предмета во всем его объеме; полнее значение культа было объяснено следовавшими за ним сведущими людьми. Что касается фаллоса, который носят в честь Диониса в торжественной процессии, то он был введен уже Меламподом, и тому, что теперь и эллины совершают, научились они через него. По моему убеждению, Мелампод, как человек умный, сам научился искусству прорицания, многие культы узнал из Египта, между прочим, служение Дионису, и только с небольшими изменениями перенес их к эллинам. Я не могу допустить, чтобы служение египетское совпадало с эллинским лишь случайно; в противном случае культ Диониса согласовался бы с нравами эллинов и не был бы у них позднейшего происхождения. Равным образом не могу я допустить и того, чтобы египтяне заимствовали от эллинов это или какое-нибудь другое богослужение. Мне кажется, что сведения свои о культе Диониса Мелампод позаимствовал главным образом от тирийца Кадма и его спутников, прибывших из Финикии в ту страну, которая теперь называется Беотией.

50. Из Египта перешли в Элладу имена почти всех божеств. Что они заимствованы от варваров, это я знаю наверное из расспросов, и мне кажется, что скорее всего имена эти перешли из Египта. Действительно, за исключением Посейдона и Диоскуров, о чем сказано было выше, а также Геры, Гестии, Фемиды, Харит и Нереид, имена всех божеств искони и всегда были туземными у египтян. Я говорю это со слов самих египтян. Те божества, имен которых египтяне, по их собственным словам, не знают, названы, как мне кажется, пеласгами, кроме, впрочем, Посейдона; это последнее божество эллины узнали от ливийцев, потому что никакой другой народ, кроме ливийцев, не имел

имени Посейдона издревле; а ливийцы искони, неизменно чтут это божество. Почитания героев у египтян нет вовсе.

51. Это и многое другое, о чем я буду говорить еще, эллины переняли от египтян. Однако делать кумиры Гермеса со стоящим детородным членом научились эллины не от египтян, но от пеласгов; из всех эллинов афиняне первые позаимствовали это от пеласгов, а от них остальные эллины. Уже в то время, когда афиняне принадлежали к эллинам, пеласги жили в соседстве с ними в их стране, потому и начали почитать их за эллинов. Всякий, посвященный в таинства Кабиров*, которые совершаются самофракийцами по заимствованию от пеласгов, понимает, о чем я говорю. Дело в том, что первоначально Самофракию занимали те самые пеласги, которые жили рядом с афинянами, и самофракийцы от них позаимствовали свои таинства. Первые из эллинов афиняне, научившись от пеласгов, сделали изображения Гермеса со стоящим членом. Пеласги сообщали об этом священное сказание, содержание которого представлялось в мистериях на Самофракии.

52. Первоначально пеласги совершали всякие священнодействия и молились богам, как мне рассказывали, в Додоне, не называя по имени ни одного из богов, потому что никаких имен они и не знали. *Богов*, *Jeoi*, называли так вследствие того, что все предметы поставлены ими в *порядок* [Jeuntej], и все их распределение боги имели в своей власти. Только много времени спустя пеласги узнали имена богов, перешедшие из Египта, а Диониса узнали лишь гораздо позже. Впоследствии пеласги вопрошали оракула в Додоне относительно имен; прорицалище это считается древнейшим из всех эллинских оракулов; и в то время это был единственный оракул. Когда пеласги обратились с вопросом к додонскому прорицалищу, принимать ли им имена богов варварских, оракул отвечал утвердительно. С того времени они при совершении жертвы называли богов по именам; от пеласгов обыкновение это заимствовали впоследствии эллины.

53. Однако откуда произошли боги, всегда ли они существовали, каковы лики их, эллины ничего этого не знали, так сказать, до самого недавнего времени. Действительно, я полагаю, что Гесиод и Гомер жили раньше меня не более как за четыреста лет; между тем они составили для эллинов родословную богов, снабдили имена божеств эпитетами, поделили между ними достоинства и занятия и начертали их образы. Что касается поэтов, именуемых более древними, нежели Гесиод и Гомер*, то, мне кажется, они были позже их. Первая часть этих

сведений сообщена додонскими жрицами, вторая, относительно Гесиода и Гомера, принадлежит мне.

54. Египтяне передают следующий рассказ об оракулах у эллинов и в Ливии: по словам жрецов Зевса Фиванского, две женщины – жрицы были увезены финикиянами из Фив, причем одна из них, как они слышали, была продана в Ливию, а другая эллинам; эти женщины и были первыми основательницами оракулов у указанных народов. Когда я спросил, откуда они знают это, что говорят с такой уверенностью, жрецы отвечали, что с их стороны были произведены тщательные розыски этих женщин, но они не могли найти их и только впоследствии узнали то, что мне и рассказали.

55. Слышал я это от жрецов фиванских. Напротив, додонские прорицательницы сообщают следующее: две черные голубки, снявшиеся в Фивах египетских, прилетели одна в Ливию, другая в Додону; эта последняя села на дубе и человеческим языком проговорила, что здесь должно быть учреждено прорицалище Зевса; жители Додоны приняли эти слова за повеление божества и согласно с ним поступили. Другая голубка, говорят они, удалилась к ливийцам и приказала им основать прорицалище Амона; и это прорицалище принадлежит Зевсу. Додонские жрицы, рассказавшие мне это, назывались так: старшая Промения, средняя Тимарета, младшая Никандра. Согласно с ними рассказывали и прочие додонцы, прислуживающие в храме.

56. Мое мнение об этом таково. Если верно, что финикияне увезли священных женщин и одну из них продали в Ливию, а другую в Элладу, то мне кажется, что эта вторая женщина продана была в ту именно часть нынешней Эллады, именовавшейся раньше Пеласгией, которую населяют феспроты, что впоследствии, будучи рабыней, она соорудила здесь под настоящим дубом святилище Зевса; естественно было, что женщина, служившая в Зевсовом храме в Фивах, сохранила о нем память и там, куда потом прибыла; со временем научившись эллинскому языку, она основала здесь прорицалище. Вероятно также, она рассказывала, что сестра ее продана в Ливию теми самыми финикиянами, которые продали и ее.

57. Я полагаю, что женщины названы были у додонцев голубками потому, что они были варварки и, казалось, говорили по – птичьи. По словам додонцев, голубка со временем заговорила человеческим языком, то есть после того, как женщина стала говорить понятно для туземцев; пока она говорила на чужом языке, то казалась им говорящей по – птичьи, ибо каким же образом голубка могла бы говорить на

человеческом языке? Называя голубку черной, додонцы обозначают этим, что женщина была египтянка.

58. Действительно, способы прорицания в египетских Фивах и в Додоне оказываются сходными. Гадание по жертвам точно так же перешло из Египта. Египтяне раньше всех других народов стали устраивать общенародные праздничные собрания, процессии и жертвенные приношения; от египтян научились этому эллины, подтверждением чего служит для меня следующее обстоятельство: в Египте действия эти совершаются с очень давних времен, у эллинов они новейшего происхождения.

59. Праздничные собрания у египтян бывают не один раз в году, но многократно; чаще и охотнее собираются они в городе Бубастисе в честь Артемиды, потом в Бусирисе в честь Исиды; в этом последнем городе находится наибольший храм Исиды; а самый город стоит в середине Дельты. Исида на эллинском языке называется Деметрой. В – третьих, собираются они на празднество Афины в городе Саисе, в – четвертых, в Гелиополе в честь Гелиоса, в – пятых, в городе Буто в честь Латоны, в – шестых, в городе Папремис в честь Ареса.

60. На пути в город Бубастис египтяне ведут себя так: едут туда мужчины и женщины вместе, причем в каждом судне помещается много тех и других. Несколько женщин в продолжение всего путешествия трещат трещотками, а несколько мужчин играют на флейтах, остальные женщины и мужчины поют песни и хлопают в ладоши. Подплывая к какому-нибудь другому городу, они пригоняют судно к берегу, причем некоторые женщины проделывают то же, что и прежде, другие кричат и издеваются над женщинами этого города, третьи пляшут, четвертые подпрыгивают, поднимают платье и обнажаются. Едущие проделывают это у каждого города, лежащего на речном пути. Когда наконец они прибывают в Бубастис, устраивают там празднество с обильными жертвами, и виноградное вино выпивается тогда в большем количестве, нежели за все остальное время года. Собирается здесь мужчин и женщин, не считая детей, около семисот тысяч душ, как рассказывают туземцы. Таково празднество в Бубастисе.

61. Как совершается празднество в Бусирисе, я сказал уже прежде, а именно: после жертвоприношения все мужчины и женщины в числе многих десятков тысяч сокрушаются в слезах; по ком они сокрушаются, грешно было бы говорить. Все те карийцы, которые живут в Египте, делают еще больше этого: ножами разрезают себе кожу на лице, из чего видно, что они не египтяне, а пришельцы.

62. На праздничном собрании в городе Саисе все участвующие зажигают в одну из ночей во время жертвоприношений множество лампад под открытым небом, вокруг дома, причем лампадами служат чашки, наполненные солью и маслом; сверху плавают светильня. Лампады горят целую ночь, и сам праздник называется Возжением лампад. Те из египтян, которые не попадают на празднество, все-таки соблюдают эту праздничную ночь и сами зажигают лампы; благодаря этому огни горят не в одном только Саисе, но по всему Египту. Ради чего эта ночь освещается и почитается, объясняется в одном священном сказании.

63. На собраниях в Гелиополе и Буто только совершается жертвоприношение. В Папремисе жертвоприношение и празднество совершаются точно так же, как и в других местах. Впрочем, когда солнце склоняется к западу, несколько жрецов бывают заняты около кумира божества, а большинство их с деревянными дубинками в руках стоит у входа в храм. На противоположной стороне помещается толпа людей в тысячу с лишним человек во исполнение обета; все они тоже с дубинками. Изображение божества, помещающееся в небольшом деревянном позолоченном храме, переносится накануне празднества в другое священное строение. С другой стороны те немногие жрецы, которые оставались подле кумира, подвозят четырехколесную повозку с храмом и кумиром в нем, а стоящие у входа в храм жрецы не пропускают повозки, причем исполняющие обет спешат к божеству на помощь и наносят удары не пропускающим божества жрецам; эти последние защищаются. Следствием этого бывает ожесточенная битва, дерущиеся бьют дубинами друг друга по головам, и, как я полагаю, многие умирают от этих ушибов. Египтяне, правда, уверяют, что убитых не бывает тогда вовсе. По словам туземцев, происхождение празднества таково: некогда в храме этом жила мать Ареса*; воспитанный и возмужавший вдали от матери, сын пришел однажды к ней и желал посетить ее; слуги матери, никогда раньше не видевшие Ареса, не желали впустить его и гнали прочь; однако Арес привел с собой людей из другого города, жестоко расправился со слугами матери и вошел к ней. Отсюда, говорят они, и ведет свое начало это побоище в честь Ареса на его празднике.

64. Египтяне первые воспретили половые сообщения в храмах и первые стали не позволять после сообщения входить в храм не обмывшись. Действительно, почти все народы, кроме египтян и эллинов, позволяют себе сообщаться с женщинами в храмах, а после сообщения не обмывшись входить в храм. Они полагают, что между

людьми и прочими животными нет никакой разницы; эти народы видят, говорят они, что другие животные и различные породы птиц сообщаются в храмах богов и в посвященных богам местах; если бы богам было неуютно, то животные этого и не делали бы.

65. Впрочем, как в других случаях, так и в нижеследующем египтяне обнаруживают чрезвычайное религиозное настроение. Хотя Египет граничит с Ливией, но он не особенно богат животными; зато все имеющиеся в нем животные почитаются там священными, причем некоторые породы содержатся вместе с людьми, а другие отдельно от них. Если бы я стал объяснять, почему египтяне почитают животных священными, я бы коснулся религиозных представлений; между тем я строжайше воздерживаюсь говорить о них, и то, что до сих пор сказано об этом, было вынуждено только необходимостью. Обращаются египтяне с животными так: для ухода за каждой породой животных назначены особые сторожа мужского или женского пола, причем звание сторожа переходит у них по наследству от отца к сыну. Кроме того, жители городов так выполняют данные ими обеты: давая обет тому божеству, которому принадлежит известное животное, они стригут своим детям или всю голову, или половину, или третью часть головы и взвешивают волосы на серебро; сколько весят волосы, столько вручают они серебра служительнице, а она покупает на это серебро рыбы, режет ее на мелкие куски и отдает животному в пищу. Таково их питание. Если кто-нибудь убьет это животное с умыслом, то наказывается смертной казнью, если же без умысла, то подвергается такому штрафу, какой будет наложен жрецами. Но кто убьет ибиса или ястреба, с умыслом ли или без умысла, должен быть казнен.

66. Как ни много есть животных, которые содержатся вместе с людьми, но их было бы гораздо больше, если бы кошек не постигала такая участь: окотившиеся самки не идут больше к самцам, самцы, напротив, ищут случая сообщить с самками, но не находят их. Тогда они пускаются на хитрость: у самок похищают котят и умерщвляют их, но трупов не пожирают. Будучи лишены детенышей и сильно желая иметь их опять, самки после этого обращаются к самцам, потому что это – животное чадолубивое. Если случается пожар, то на кошек нападает что-то необыкновенное: став на некотором расстоянии друг от друга, египтяне в таком случае стерегут кошек, вовсе не заботясь о тушении пожара; однако кошки проскальзывают между ними или перепрыгивают через них и кидаются в огонь. Подобные случаи причиняют египтянам сильное огорчение. Если кошка в каком-нибудь

доме умрет своею смертью, то все обитатели этого дома стригут себе одни брови; если умрет собака, то остригают все тело и голову.

67. Умерших кошек перевозят в священные помещения, бальзамируют и хоронят в Бубастисе. Собак хоронят все в своих городах в священных гробницах. Ихневмонов хоронят так же, как и собак. Землероек и ястребов отвозят в город Буто, а ибисов в Гермополь. Медведей, которые у них редки, и волков, которые немного больше лисиц, хоронят там, где находят их трупы.

68. Нравы крокодилов таковы: это четвероногое земноводное животное ничего не ест в течение самых суровых четырех зимних месяцев; кладет и высиживает яйца на суше, на суше же проводит и бо́льшую часть дня, а целую ночь живет в реке, потому что в воде теплее, нежели под открытым небом во время росы. Это единственное из всех известных нам животных, которое из очень маленького становится очень большим. Действительно, яйца крокодила только немного больше гусиных, новорожденный по величине соответствует яйцу, а с возрастом увеличивается до семнадцати локтей и даже больше. Глаза он имеет свиные, большие зубы и клыки, соответствующие размерам всего тела. Это – единственное животное, не имеющее языка. Нижней челюстью крокодил не двигает, и из всех животных он один опускает верхнюю челюсть на нижнюю; когти у него крепкие, а кожа чешуйчатая, на спине непробиваемая. В воде он слеп, а на открытом воздухе имеет острое зрение. Так как он живет обыкновенно в воде, то пасть его всегда полна пиявок. Все птицы и звери избегают крокодила; с одной тиркушкой живет он в ладу, потому что пользуется ее услугами, а именно: когда крокодил выходит из воды на сушу, он открывает свою пасть – почти всегда по направлению к западному ветру, тиркушка входит в пасть и пожирает пиявок. Это доставляет крокодилу удовольствие, и он не причиняет тиркушке никакого вреда.

69. Для одной части египтян крокодилы священны, для другой нет, и эти последние обращаются с ними как с врагами. Особенно священными почитают крокодилов в Фивах и в окрестностях Меридова озера. Жители обеих этих местностей кормят одного отборного крокодила, сделав его ручным, вешают ему в уши серьги из стекла и золота, на передние лапы надевают кольца, дают ему особенную пищу и приносят жертвы, вообще при жизни обращаются с ним с чрезвычайною заботливостью, а умершего бальзамируют и кладут в священной гробнице. Напротив, жители окрестностей Элефантины не считают крокодилов священными и употребляют их в пищу. В Египте называются они, впрочем, не крокодилами, а *хампсами*; крокодилами

назвали их ионяне, уподобляя их по виду тем ящерицам, или крокодилам, которые попадаются у них на стенах.

70. Охотятся на крокодилов многочисленными разнообразнейшими способами; я опишу один из них, по моему мнению, наиболее того заслуживающий. Свиной хребет накалывается для приманки на крючок и опускается в воду посередине реки, сам охотник становится в это время на берегу реки с живым поросенком и бьет его. Услышав крик поросенка, крокодил бежит на него, нападает на хребет и глотает его; тогда крокодила вытаскивают на сушу, и охотник прежде всего грязью залепляет ему глаза. После этого очень легко справиться с крокодилом, а иначе было бы трудно.

71. Гиппопотамы в Папремитском округе – священные животные, а для прочих египтян они не священны. Наружный вид животного таков: четвероногое, с раздвоенными копытами, с тупым носом, с лошадиной гривой, с выступающими наружу клыками, с лошадиным хвостом и голосом, величиною с самого большого быка. Кожа его так толста, что ее засушивают и делают из нее копейные древки.

72. В Ниле водятся также выдры, почитаемые священными. Из числа рыб священными считаются так называемая чешуйчатка* и угорь; египтяне говорят, что рыбы эти посвящены Нилу; из птиц священна кархаль.

73. Есть, впрочем, и другая священная птица; называется она феникс*. Я не видел ее, разве на рисунке только. Действительно, по словам гелиопольцев, она редко посещает Египет, раз в пятьсот лет; прилетает птица тогда, говорят они, когда умрет ее отец. Величина и наружный вид ее таковы, если только верно изображают ее: цвет перьев феникса частью золотистый, частью пурпурный; по величине и строению он походит больше на орла. Следующие действия приписываются фениксу, чему, однако, я не верю: будто он отправляется из Аравии в храм Гелиоса и несет туда положенного в благовонную смолу своего отца и там хоронит его. Феникс поступает при этом так: прежде всего он приготавливает из смирны яйцо такой величины, что едва может поднять его, потом для пробы несет яйцо. После испытания делает в нем отверстие и кладет туда труп отца, другим куском смирны замазывает отверстие яйца, в которое положен отец, после чего вес яйца остается первоначальным. С ним феникс улетает по направлению к Египту в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта птица.

74. В области Фив есть священные змеи; они не причиняют людям никакого вреда, малы и имеют два рога на верхушке головы*; по смерти

хоронят их в храме Зевса, потому что, говорят фиванцы, змеи посвящены этому божеству.

75. В Аравии, очень недалеко от города Буто, есть местность, куда я совершил путешествие для разведок о крылатых змеях. Там я увидел несказанное множество змеиных костей и остовов. Они лежали целыми многочисленными кучами, большими, несколько меньшими и еще меньшими. Местность, в которой лежат кучи этих костей, представляет узкую горную долину, которая выходит на обширную равнину, а эта последняя граничит с равниной египетской. Существует рассказ, что при начале весны змеи летят из Аравии в Египет, но навстречу им вылетают ибисы до самой теснины, не пропускают их в Египет и истребляют. За эту-то услугу, говорят арабы, и пользуются ибисы таким почетом у египтян*; согласно с этим объясняют свое почтение к ибисам и сами египтяне.

76. Наружный вид ибиса таков: весь он совершенно черный*, на журавлиных ногах, с сильно изогнутым клювом, величиной почти с птицу крек. Такова наружность черных ибисов, воюющих со змеями. Но те ибисы, которые больше держатся среди людей – потому что есть два вида ибисов, – имеют голову и всю шею обнаженные, перья белые, кроме головы, шеи, концов крыльев и гузки: все это, как мы сказали, совершенно черного цвета; ноги и клюв такие же, как и у черного ибиса. Наружный вид крылатых змей такой же, как и у водяных. Крылья их без перьев; очень похожи на крылья летучей мыши. Достаточно о священных животных.

77. Что касается самих египтян, то те из них, которые занимают обрабатываемую часть Египта и ревниво сохраняют память о прошлом, оказываются наиболее сведущими из всех исследованных мной народов. Образ жизни их нижеследующий: в уверенности, что все болезни приключаются людям от употребляемой ими пищи, они в заботах о здоровье ежемесячно в течение трех дней очищают себе желудок рвотными и клистирами. Вообще египтяне после ливийцев самый здоровый народ, благодаря, как мне кажется, климату, именно постоянству погоды. Действительно, болезни у людей происходят большей частью от всякого рода непостоянства, главным образом от перемен погоды. Питаются египтяне хлебом из полбы, называемым у них *киллестис*. Вино готовится у них из ячменя, так как виноград в их земле не растет. Рыбу частью вялят на солнце и едят в сыром виде, частью солят и едят в рассоле. Из птиц они солят и едят сырыми перепелок, уток и вообще мелкую птицу. Всех остальных имеющихся у них птиц и рыб, за исключением тех, конечно, которые почитаются

священными, египтяне употребляют в пищу в жареном или вареном виде.

78. В богатых домах на пиршествах по окончании обеда обносят лежащее в гробу деревянное изображение мертвеца, мастерски сделанное и раскрашенное, величиной в один или два локтя; каждому из пирующих показывают его со словами: «Пей и наслаждайся, но взгляни и на него; по смерти ты будешь таким же». Так поступают они на пирах.

79. Верно соблюдая отеческие обычаи, египтяне не заимствуют ничего от иноземцев. Многие обычаи их заслуживают упоминания; есть у них, между прочим, одна песня Лина*, такая самая, какую поют в Финикии, на Кипре и в других местах, причем у каждого народа она имеет особое название; с ней совершенно сходна и та песня, которую под именем Лина поют эллины. Много в Египте возбуждало во мне удивление, в том числе и песня Лина, а именно откуда египтяне заимствовали имя Лина. Они очевидно искони поют эту песню. Лин по – египетски называется Манерос. Египтяне мне рассказывали, что он был единственным сыном первого египетского царя, который после безвременной смерти был почтен жалобными излияниями в песне; это-де и была у них первая и единственная мелодия.

80. И в другом отношении египтяне имеют сходство с эллинами, но из эллинов только с одними лакедемонянами, а именно: младшие при встрече со старшими уступают им дорогу, сворачивают, а когда старшие подходят близко, младшие встают со своих мест. Следующая черта отличает египтян от всех других народов: на улицах они приветствуют друг друга не словесно, но низким поклоном, причем одну руку опускают до колена.

81. Египтяне носят полотняные туники с бахромой у голеней, так называемые *каласирис*. Поверх туники надевается белая шерстяная одежда внакидку, однако в шерстяных одеждах грешно входить в храм или хоронить покойников. В этом отношении обычаи египтян согласуются с орфическими и вакхическими обрядами, в сущности египетскими и пифагорейскими*: посвященному в эти таинства грешно быть погребенным в шерстяных одеждах. Об этом обычае, впрочем, существует священное сказание.

82. Египтяне придумали еще и многое другое, например: каждый месяц и каждый день у них посвящены особым божествам, и по тому, в какой день кто родился, можно угадать, какова будет его судьба, какую смертью умрет он и какой будет у него характер. Этими правилами воспользовались из эллинов те, которые занимались поэзией. Чудесных

знамений у египтян наблюдается больше, нежели у всех других народов вместе; если случается какое-нибудь знамение, они записывают его и наблюдают исход; если потом подобное знамение случится вторично, они ожидают такого же исхода.

83. Искусство прорицания находится у них в таком положении: оно принадлежит не кому-либо из людей, но некоторым божествам. Здесь есть прорицалища Геракла, Аполлона, Афины, Артемиды, Ареса и Зевса; но ни одно из них не пользуется таким уважением, как прорицалище Латоны в городе Буто. Самые способы прорицания у разных оракулов различные.

84. Врачебное искусство разделено у них таким образом, что каждый врач излечивает только одну болезнь. Поэтому везде у них полно врачей; одни лечат глаза, другие голову, третьи зубы, четвертые желудок, пятые внутренние болезни.

85. Оплакивание покойника и похороны совершаются у них так. Если в каком-нибудь доме умирает мужчина с известным уважением, то немедленно все женщины этого дома намазывают себе грязью голову, а иногда и лицо, потом, оставив покойника в доме, бегают сами по городу с плачем, подпоясавшись и обнажив груди; вместе с ними делают то же и все родственницы покойника. Мужчины со своей стороны предаются печали, подпоясавшись подобно женщинам. Только после этого тело уносят для бальзамирования.

86. В Египте есть особые лица, занимающиеся бальзамированием трупов и владеющие этим искусством. Когда принесут к ним покойника, они показывают принесшим деревянные раскрашенные образцы покойников; при этом совершеннейший способ бальзамирования, говорят они, применен к тому существу, назвать которое по имени я считаю для себя в настоящем случае грехом; затем показывают они второй способ, менее совершенный и не столь дорогой, наконец третий, самый дешевый. После объяснений они спрашивают лиц, принесших покойника, по какому из трех способов желательно им бальзамировать труп. Родственники уславливаются в цене и удаляются, а остающиеся в своей мастерской бальзамировщики производят бальзамирование по наилучшему способу таким образом. Прежде всего с помощью железного крючка извлекают из головы через ноздри мозг; так извлекается, впрочем, только часть мозга, другая часть – посредством вливаемых туда медикаментов; потом острым эфиопским камнем* делают в паху разрез и тотчас вынимают из живота все внутренности. Вычистив полость живота и выполоскав ее пальмовым вином, снова вычищают ее перетертыми благовониями; наконец живот

наполняется чистой растертой смирной, касией* и прочими благовониями (только не ладаном) и зашивается. После этого труп кладут в самородную щелочную соль* на семьдесят дней; дольше держать в соли не допускается. По прошествии семидесяти дней, покойника обмывают, все тело обворачивают в тонкий холст, порезанный тесьмой и снизу смазанный гумми*, который в большинстве случаев употребляется у египтян вместо клея. Тогда родственники получают тело обратно, готовят деревянную человекоподобную фигуру, кладут туда покойника, закрывают ее и сохраняют в могильном склепе, поставив стоймя подле стены.

87. Так бальзамируют покойников по самому дорогому способу. Если же родственники покойного, во избежание больших расходов, желают бальзамировать по умеренной цене, то бальзамировщики поступают таким образом: в клистирные трубки наливают кедрового масла и наполняют им живот, но при этом не делают разреза в паху и не вынимают внутренности; масло вливают через задний проход, не выпускают промывательного назад и кладут труп в соль на определенное число дней; в последний день выпускают из живота кедровое масло, влитое в него раньше. Свойство этого масла такое, что вместе с собой оно вырывает и живот, и распустившиеся внутренности; в соли распускается мясо, так что от покойника остаются только кожа да кости. После этого немедленно возвращают покойника родственникам, потому что ничего больше с ним не делают.

88. Третий способ бальзамирования, употребительный для бедняков, состоит в следующем: редечным маслом вычищают живот покойника и потом кладут его на семьдесят дней в соль; по прошествии этого времени тело возвращается.

89. Если умирает жена лица значительного, то покойницу отдают бальзамировать не тотчас, равно как трупы женщин очень красивых и пользовавшихся уважением; бальзамировщикам передают таких покойниц только на третий или на четвертый день после смерти. Делается так для того, чтобы бальзамировщики не общались с покойницами. Действительно, рассказывают, что один из бальзамировщиков уличил своего товарища в том, что он имел сообщение со свежим еще трупом женщины, в чем и был пойман на месте.

90. Если кто-либо из египтян ли или чужеземцев, безразлично, оказывается умершим от крокодила, похитившего его, или утонувшим в реке, то жители того города, к которому труп такого покойника будет занесен водой, непременно обязуются набальзамировать его, возможно

лучше убрать и похоронить в священных гробницах. Никто не вправе касаться такого покойника ни из родственников, ни из друзей его, одни только жрецы Нила принимаются за него и хоронят как некое высшее, чем человек, существо.

91. Египтяне избегают заимствований от эллинов, и не только, впрочем, от эллинов, но вообще от какого бы то ни было народа. Сообразно с этим так все египтяне и поступают. Однако в Фиванском округе вблизи Неаполя есть большой город Хеммис: в этом городе имеется четырехугольный храм Персея, сына Данаи, вокруг которого растут пальмы. Преддверие храма каменное, обширное, а у входа в него стоят два колоссальных каменных кумира. В ограде стоит дом божий, а в нем помещается кумир Персея. По словам жителей Хеммиса, Персей часто появляется у них в разных местах их страны, иногда внутри храма; они прибавляют, что здесь находят его сандалию величиной в два локтя и что, как только она появляется, весь Египет благоденствует. Так они рассказывают и вот что устраивают в честь Персея по примеру эллинов: учреждают состязательные игры всякого рода, причем наградами служат скот, плащи и кожа. Когда я спросил, почему Персей является лишь им одним и почему, в отличие от прочих египтян, они устраивают у себя состязание, хеммисийцы отвечали, что Персей происходит из их города, что хеммисийцы Данай и Линкей отплыли в Элладу; ведя родословную этих двух лиц вниз, они доходили до Персея. В Египет прибыл Персей, по их рассказам, по той же причине, о какой говорят и эллины, а именно за головой Горгоны. За этим прибыл он в Египет, явился к ним и здесь узнал всех своих родственников, а в Египет прибыл-де потому, что раньше из рассказов матери узнал имя Хеммиса; по его-то внушению они и учредили состязание.

92. Все эти учреждения существуют у египтян, живущих над болотами. Что касается тех египтян, которые занимают область болот, то, говоря вообще, нравы и обычаи их такие же, как и остальных; между прочим, подобно эллинам каждый из них имеет одну жену. Однако ради удешевления пропитания они придумали следующее особое средство: когда река выступает из берегов и заливают равнину, на воде вырастают в большом числе лилии, называемые у египтян лотосом; они срезают их, сушат на солнце, потом разбивают макоподобные семена лотоса, добываемые из середины цветка, и приготавливают тесто, которое пекут на огне. Корень этого лотоса также съедобен и имеет довольно приятный сладковатый вкус; он круглый и величиной с яблоко. В реке бывает и другой вид лилии, похожий на розу; плод цветка помещается в особой чашечке, вырастающей из корня

сбоку; он похож по виду на соты осы. В чашечке содержится множество съедобных зерен величиной с косточку маслины; их едят сырыми или сушеными. На болотах же вырывают однолетний папирус; верхнюю часть его срезают и употребляют на различные поделки, а остающуюся нижнюю, длиной почти в локоть, поедают. Если кто желает иметь особенно вкусный папирус, то поджаривает его в пылающей печи и ест в таком виде. Некоторые из этих египтян питаются только рыбой; поймав рыбу и вынув из нее внутренности, ее сушат на солнце и в сухом виде едят.

93. Те рыбы, которые держатся в воде толпами, в здешних реках водятся мало; находятся они обыкновенно в озерах, причем замечается следующее: всякий раз, когда наступает пора оплодотворения, они толпами устремляются в море. Впереди идут самцы и мечут семена, а следующие за ними самки проглатывают их и оплодотворяются. Оплодотворившись в море, рыбы отплывают обратно на свои обычные места жительства. При этом предводительствуют уже не самцы, но самки; предводительницы плывут толпами и делают то же самое, что прежде делали самцы, а именно: выбрасывают из себя по несколько яиц величиной с пшено, а следующие за ними самцы глотают их вместе с водой; зернышки эти есть рыбы; рыбы рождаются из уцелевших зерен, не проглоченных самцами. Пойманные на пути в море рыбы оказываются с ссадиной на левой стороне головы, а пойманные на обратном пути в озера имеют ссадину с правой стороны головы. Происходит это вот отчего: когда они плывут в море, то держатся левого берега реки, того же берега держатся и на обратном пути, причем рыба идет очень близко к берегу и трется об него, чтобы течением не быть сбитой с пути. Когда вода в Ниле начинает прибывать, то наполняются просачивающейся из реки водой прежде всего впадины и болота, лежащие вдоль реки; и лишь только эти места наполнятся водой, как их переполняет мелкая рыба. Мне кажется, я верно объясняю, отчего это обыкновенно происходит: каждый год в то время, когда вода в Ниле начинает убывать, рыба кладет яйца в ил и потом уходит вместе с последней водой; по прошествии некоторого времени вода возвращается снова, и рыба немедленно рождается из покинутых яиц. Столько о рыбах.

94. Занимающие болотные пространства египтяне готовят себе масло, которое называется у них *кики*, следующим образом из плодов силликиприя*: этот силликиприй, растущий у эллинов в диком состоянии, египтяне сеют по берегам рек и озер; посевы приносят обильные плоды, но с дурным запахом. Собранные плоды или толкут и

таким образом выжимают масло, или высушивают и варят, а вытекающее из них масло собирают. Масло это жирно и не менее оливы пригодно для освещения, только имеет тяжелый запах.

95. Против огромного множества комаров египтяне придумали следующее средство: выше болот живущие египтяне пользуются для этой цели башнями, куда взбираются на время сна, ибо ветер мешает комарам летать высоко. Жители болотных пространств вместо башен прибегают к следующему средству: каждый из них запасается неводом; днем он ловит им рыбу, а ночью ставит его кругом той постели, на которой спит, потом подползает под невод и спит под ним. Если бы он спал в шерстяном или полотняном платье, то комары кусали бы через него, но через сетку они не пытаются кусать.

96. Грузовые суда строят они из темной акации, которая по наружному виду очень похожа на киринейский лотос, а смола ее служит гумми. Из этого дерева вырезают доски локтя в два длиной, складывают их вместе как кирпичи; затем эти ряды двухлоктевых бревен скрепляются проходящими насквозь гвоздями, деревянными, густо вбиваемыми. Сколотив таким образом плот, кладут на него связывающие доски поперек. Ребер такое судно не имеет вовсе; пазы изнутри законопачиваются папирусом. Судно имеет один руль, который проходит через самую нижнюю часть дна. Мачта делается из акации, а паруса изготавливаются из папируса. Суда эти не могут ходить вверх по реке, разве при сильном ветре, и обыкновенно их тянут стоящие на берегу люди. Вниз по течению судно идет так: из тамарискового дерева готовят решетку, обтянутую тростниковым плетением, и берут просверленный камень весом в два таланта. Решетку на канате пускают впереди судна, а камень на другом канате бросают сзади; под напором течения решетка плывет быстро и увлекает за собою *барис* – так называется это судно, – между тем как тянувшийся сзади в глубине камень дает направление судну. Такого рода суда у египтян в большом употреблении, и некоторые из них тянут по несколько тысяч талантов груза.

97. Во время разливов Нила поверх воды виднеются только города подобно островам на Эгейском море. Действительно, весь Египет превращается тогда в море, над поверхностью которого выдаются города. В такое время суда ходят не по руслу реки, но напрямик по равнине; так, плывущий из Навкратиса вверх к Мемфису проходит мимо самих пирамид; обыкновенный же путь лежит мимо вершины Дельты и подле города Керкасора. С другой стороны от моря и Каноба в

Навкратис путь лежит через равнину мимо города Анфиллы и так называемого Архандрова города.

98. Из этих городов Анфилла – город значительный; со времени персидского господства в Египте предназначен поставлять супруге каждого египетского царя обувь. Другой город назван, как мне кажется, по имени зятя Данаева Архандра, сына Фтия и внука Ахея, потому что город называется Архандровым. Если бы даже был и другой Архандр, то все же название это не египетское.

99. До сих пор я излагал по личному наблюдению, а также собственные заключения и сведения, добытые расспросами; далее буду сообщать рассказы египтян так, как я слышал их, прибавляя, впрочем, кое-что и из собственного наблюдения. По словам египетских жрецов, первый царь Египта Мин оградил плотинами Мемфис. Первоначально река протекала вдоль песчаного хребта со стороны Ливии, а Мин соорудил на сто стадиев выше Мемфиса плотину и тем упразднил рукав реки к югу от города, прежнее русло оставил сухим и направил реку по новому руслу между двух гор. Еще и теперь персы ревниво охраняют этот рукав Нила и следят за тем, чтобы река не прорвала плотины, и потому ежегодно укрепляют ее. Действительно, если бы река прорвала в этом месте плотину и потекла бы через нее, то всему Мемфису угрожала бы опасность затопления. Осушив прежнее русло посредством плотины, первый царь Египта Мин основал на том самом месте нынешний Мемфис; Мемфис в самом деле лежит в узкой части Египта. Снаружи с севера и запада он обвел город озером, которое питается Нилом, а сам Нил ограничивает город с востока. В городе царь поставил обширный и достойный упоминания храм Гефеста.

100. Жрецы перечислили по книге после Мина еще триста тридцать имен других царей Египта. В этом числе человеческих поколений восемнадцать царей были эфиопы, одна женщина туземная, а все прочие цари – египтяне. Царица Египта называлась Нитокрис* так же, как и царица вавилонская. По словам жрецов, она отомстила египтянам за своего брата, египетского царя, которого египтяне убили, а царскую власть передали Нитокрис; в отмщение за него она коварно перебила множество египтян таким образом: соорудив очень длинную подземную залу, она делала вид, что желает освятить ее, но замысел был иной. Царица устроила большой пир, на который позвала лиц, наиболее причастных к убийству брата; во время пиршества царица открыла потайной большой канал и выпустила на пировавших воду из реки. Ничего больше жрецы о ней не рассказывали, кроме разве того,

что она, боясь наказания за свой поступок, бросилась в комнату, наполненную пеплом.

101. Что касается остальных царей, то они не ознаменовали себя ни сооружениями, ни какими-либо блестящими подвигами, за исключением одного из них, последнего, Мерида. Он соорудил памятник, портик к храму Гефеста, обращенный к северу, а также выкопал еще озеро; сколько стадиев имело оно в окружности, я скажу после; наконец поставил на озере пирамиды, о величине которых я скажу при описании озера. Вот что совершил этот царь; из остальных ни один ничего больше.

102. Умолчав об этих царях, я расскажу о том, который царствовал после них, и назывался Сесострисом*. Жрецы рассказывали, что он первый вышел из Аравийского залива на длинных кораблях и покорил жившие вдоль Эрифрейского моря народы*; он шел все дальше, пока не достиг моря, неудобного для плавания по причине мелей. Тогда он возвратился в Египет и, как рассказывают жрецы, собрал большое войско; затем выступил в поход по суше, покоряя себе каждый народ, какой встречался ему на пути. Если он сталкивался с народом воинственным и высоко ценившим свободу, то в земле такого народа он ставил столпы с надписями, гласившими о том, как называется царь и его родина, а также о том, что этот народ покорен силой оружия; если же какой-нибудь город он брал без сопротивления и легко, в том он ставил столпы с такой же надписью, как и у народов воинственных, но прибавлял еще женский детородный орган с целью показать, что народ этот труслив.

103 . Так прошел он материк, пока наконец из Азии не перешел в Европу, где покорил скифов и фракийцев. Мне кажется, это самый дальний пункт, до которого доходило египетское войско; действительно, в землях этих народов стоят еще упомянутые выше столпы, а дальше их нет. Отсюда он повернул назад и потом появился на реке Фасис. Наверное я не могу сказать, отделил ли сам Сесострис часть своего войска и поселил его в этой стране, или же некоторые из его воинов остались на реке Фасис, так как были утомлены странствованиями.

104. Колхи, очевидно, египтяне; сам я пришел к такому заключению прежде еще, чем услышал о том от других. Так как это занимало меня, то сразу спрашивал и колхов, и египтян, причем первые лучше помнили последних, нежели наоборот. Однако египтяне говорили, что, по их мнению, колхи происходят от войска Сесостриса. Я и сам предполагал так на том основании, что колхи имеют кожу черного цвета и курчавые волосы; но признаки эти ничего не

доказывают, так как есть и другие такие же народы. С большим основанием я заключил так из того, что из всех народов только колхи, египтяне и эфиопы искони совершают обрезание. Что касается финикийцев и палестинских сирийцев, то они сами говорят, что заимствовали обычай этот от египтян, а те сирийцы, что живут при реках Фермодонт и Парфения вместе с соседями своими макронами, утверждают, что недавно переняли обрезание от колхов. Это единственные народы, обрезающие себя, и очевидно, они подражают в этом египтянам. Относительно египтян и эфиопов я не могу решить, кто из них заимствовал обрезание у другого; у обоих оно существует искони. Что другие народы позаимствовали этот обычай из Египта вследствие торговых сношений с ним, доказывается для меня, между прочим, следующим важным обстоятельством: все те финикияне, которые живут в Элладе, не подражают более египтянам и не обрезают своих детей.

105. О колхах я могу сообщить еще кое-что в доказательство родства их с египтянами. Так, только колхи и египтяне готовят полотно одинаковым способом; кроме того, весь образ жизни и язык обоих народов одинаковы. Правда, колхидское полотно эллины называют сардинским, а получаемое из Египта – египетским.

106. Большинства тех столпов, которые в разных странах водрузил египетский царь Сесострис, очевидно, нет более; но в Палестинской Сирии я сам видел столпы с такой надписью, как сказано выше, и с женскими половыми органами. В Ионии есть два изображения этого царя, высеченные в скале, одно на пути из Эфеса в Фокею, другое на пути из Сард в Смирну. На обоих местах высечена мужская фигура в четыре с половиной локтя вышиной, с копьем в правой руке и с луком в левой; остальное вооружение ее наполовину египетское, наполовину эфиопское; на груди от одного плеча до другого находится высеченная священными египетскими письменами надпись, гласящая так: «Плечами своими я приобрел эту страну». Кто и откуда изображенный человек, Сесострис поясняет не здесь, но в другом месте. По мнению некоторых, видевших изображения, это – фигура Мемнона; но они сильно заблуждаются.

107. Жрецы рассказывали, что царь Египта Сесострис на обратном пути вел за собою множество народа из покоренных им стран, а когда пришел в пелусийские Дафны, то брат, которому поручено было управление Египтом, пригласил на пир его самого и детей его, потом обложил дом дровами и велел их поджечь. Как скоро Сесострис заметил это, он посоветовался с супругой, которая всегда находилась при нем.

Та посоветовала положить на дрова двух из шести их сыновей в виде моста через огонь, перейти по ним и таким образом спастись. Сесострис так и сделал: два сына были сожжены, а остальные вместе с отцом спаслись.

108. Возвратившись в Египет, Сесострис наказал брата, а с той толпой, которую привел с собой, поступил так: громадные камни, которые в его царствование доставлены были из храма Гефеста, притащены этими людьми; потом он заставил их выкопать все те каналы, которые имеются в настоящее время в Египте; этим, сами того не желая, они сделали Египет, ранее того удобный для езды верхом и в повозке, совершенно непроезжим. Действительно, с того времени Египет представляет равнину, хотя и гладкую, но непроходимую ни для лошадей, ни для повозок, виной этому каналы, многочисленные, идущие во всевозможных направлениях. Царь изрезал всю страну по следующему побуждению: все те египтяне, которые жили в городах не при реке, но в глубине материка, лишались воды всякий раз, как Нил входил в русло, и вынуждены бывали пить солоноватую воду, добываемую из колодцев. Ради этого Египет и был так изрезан каналами.

109. Жрецы же рассказывали, что этот царь разделил страну между всеми египтянами, причем все они получили по одинаковому четырехугольному участку земли; этим он создал для себя доходы, приказав уплачивать ежегодно известный налог. Если река отрывала кусок от какого-нибудь участка, то владелец его являлся к царю и объявлял о случившемся. Царь посылал нескольких людей для осмотра и измерения, насколько потерпевший участок уменьшился, дабы впредь владелец его платил все-таки соответственно установленному первоначально налогу. Мне кажется, таково было происхождение геометрии, из Египта перешедшей в Элладу. Что касается солнечных часов, солнечного показателя и деления дня на двенадцать частей, то все это эллины заимствовали от вавилонян.

110. Сесострис один только из египетских царей владычествовал над Эфиопией. Памятниками по себе он оставил два каменных изображения перед храмом Гефеста, в тридцать локтей каждое, его самого и супруги его, а также четыре изображения сыновей – в двадцать локтей каждое. Много времени спустя жрец Гефеста не позволил персидскому царю Дарию поставить свое изображение впереди двух первых; жрец при этом заметил, что Дарий не совершил столько дел, сколько совершено было царем Сесострисом Египетским, а именно: Сесострис покорил не меньше народов, как и Дарий, а сверх того и

скифов, которых Дарий не мог одолеть. Поэтому несправедливо было бы поставить его изображение впереди памятников Сесостриса, так как подвигами он не превзошел этого последнего. Как рассказывают, Дарий согласился с этим замечанием.

111. По смерти Сесостриса царскую власть наследовал, как говорят, сын его Ферон, который не совершил ни одного военного похода и случайно ослеп вот при каких обстоятельствах. Однажды в его царствование вода в реке поднялась выше, нежели когда-либо, до восемнадцати локтей, так что затопила поля; от сильного ветра заволновалась река. Царь в исступлении схватил копье и бросил его в самую пучину реки; немедленно после этого он заболел глазами и ослеп. Десять лет он был слепым; на одиннадцатом году царь услышал изречение оракула, что в городе Буто, гласившее, что время наказания его исполнилось, что он прозреет, если промоет себе глаза мочой женщины, которая имеет сообщение только со своим мужем и других мужчин не знала. Он прежде всего испытал мочу собственной жены и когда не прозрел, подверг испытанию всех женщин подряд, пока наконец не прозрел. Тогда он собрал всех женщин, которых испытывал, кроме той, от мочи которой прозрел, в один город, именуемый теперь Эрифраболом, и всех их сжег вместе с городом; на той женщине, от мочи которой прозрел, царь сам женился. За исцеление глаз он разослал дары во все известные храмы, между прочим, что особенно заслуживает упоминания, пожертвовал замечательные предметы в храм Гелиоса, именно два каменных обелиска, каждый обелиск из цельного камня, вышиной во сто, а шириной в восемь локтей.

112. По словам жрецов, после Ферона царскую власть наследовал житель Мемфиса, который по – эллински назывался Протеем. Еще и теперь есть в Мемфисе посвященное ему место, очень красивое и хорошо устроенное, лежащее к югу от храма Гефеста. В окрестностях его живут тирские финикияне, почему самое место называется Кварталом тирийцев. На той же площади Протея находится храм, называющийся храмом «чужеземной Афродиты». По моему предположению, это храм Елены, дочери Тиндарея. Действительно, я слышал рассказ, что Елена жила у Протея, притом храм носит название храма «чужеземной Афродиты»; между тем ни один из прочих храмов Афродиты так не называется.

113. На мои расспросы о Елене жрецы рассказывали следующее: с похищенной Еленой Александр отплыл из Спарты в родной город. Когда он был в Эгейском море, противные ветры отбросили его в Египетское море; отсюда, так как ветер не унимался, он приплыл к

Египту, а в Египте к нынешнему так называемому Канобскому устью Нила и к рыбосолельням. Там на берегу стоял, да стоит еще и теперь храм Геракла. Если раб, чей бы он ни был, укроется в этом храме и отметит себя священными черточками в знак принадлежности божеству, то он становится неприкосновенным. Этот закон соблюдается неизменно издревле до нашего времени. Когда слуги Александра узнали о существовании такого закона в храме, они покинули Александра и, сидя в храме в качестве просителей божества, обвиняли Александра с целью навредить ему; при этом они рассказали все, как было с Еленой и какую обиду причинил Александр Менелаю. Во всем этом слуги обвиняли его в присутствии жрецов, а также блюстителя этого устья по имени Фонис.

114. Выслушав обличителей, Фонис тотчас послал в Мемфис Протею следующее известие: «Прибыл сюда чужеземец, тевкр по происхождению, совершивший в Элладе нечестивое дело, а именно: он обманул жену своего хозяина и увез ее вместе со многими сокровищами, но ветры занесли его в твою землю. Отпустить ли нам его невредимым или отнять у него то, с чем он прибыл?» В ответ на это Протей прислал такое распоряжение: «Человека этого, поступившего столь нечестиво со своим хозяином, захватите и доставьте мне; послушаю, что он станет говорить».

115. В силу такого приказанья Фонис схватил Александра и задержал его корабли; потом отвел в Мемфис его самого и Елену вместе с сокровищами, а равно и просителей. Когда все были представлены, Протей спросил Александра, кто он и откуда плывет. Александр перечислил ему своих предков, назвал свою родину и рассказал ему, откуда плывет. Затем Протей спросил, откуда он взял Елену. Александр путался в показаниях и не открывал правды; тогда присутствовавшие здесь просители изобличили его и изложили всю историю учиненной им обиды. В заключение Протей объявил присутствующим такой приговор: «Если бы я не считал для себя обязательным не предавать смерти никого из чужеземцев, сколько бы их ни занес ветер в нашу землю, то в отмщение за эллина казнил бы и тебя, бесчестнейший человек, за то, что ты так нечестиво поступил с радушным хозяином; ты пришел к жене твоего хозяина, но этого тебе было мало: ты возбудил в ней желания и воровски увез ее с собой. Однако и этим ты не довольствовался: ограбил дом твоего хозяина и с награбленным добром явился сюда. И вот теперь, хотя я ни за что не позволю себе убить чужеземца, не допущу, чтобы ты увез с собою эту женщину и сокровища; я сохраню все для хозяина эллина к тому времени, когда он

придет сюда сам и пожелает получить свое обратно. Что касается тебя и твоих спутников, то приказываю вам удалиться из моей земли в какую-нибудь другую страну в течение трех дней; в противном случае велю поступить с вами как с врагами».

116. Так-то, по рассказам жрецов, Елена очутилась у Протея. Мне кажется, что и Гомеру рассказ этот был известен; только он не был так удобен для его поэтического произведения, как другой рассказ, которым поэт и воспользовался, а потому он сознательно опустил его, при этом, однако, дал понять, что знает и другой рассказ. Ясно это именно из описания странствования Александра в «Илиаде» – нигде в другом месте он к нему не возвращается, – где рассказывается, что Александр во время блужданий с Еленой заносим был в различные страны, между прочим, попал и в Сидон в Финикии. Гомер упоминает об этом в песни о геройских подвигах Диомеда в следующих выражениях*:

Там у нее сохранились пышноузорные ризы,
Жен сидонских работы, которых Парис
боговидный
Сам из Сидона привез, преплывая пространное
море.
Сим он путем увозил знаменитую родом Елену.

Упоминается об этом и в «Одиссее» в следующих словах*:

Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых,
ядовитых.

А вот что в другом месте говорит Менелай Телемаху*:

Все еще боги в отечество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил
гекатомбы.

Из этих стихов ясно, что поэт знал странствование Александра в Египет; Сирия граничит с Египтом, а финикияне, которым принадлежит Сидон, живут в Сирии.

117. Равным образом эти стихи совершенно ясно показывают, что не Гомер, а какой-нибудь другой поэт составил «Киприи»*; здесь ведь сказано, что Александр вместе с Еленой прибыл в Трою на третий день по отъезде из Спарты, по спокойному морю при попутном ветре, тогда как в «Илиаде» говорится, что Александр блуждал с Еленой. Но оставим Гомера и «Киприи».

118 . Когда я спросил жрецов относительно повествования эллинов о Трое, нелепо ли оно или правдиво, они на это отвечали, что знают происшествие из рассказов самого Менелая, а именно: что после похищения Елены прибыло в Тевкрскую землю огромное войско эллинов на помощь Менелая, что, высадившись на сушу и расположившись лагерем, эллины отправили в Трою послов, вместе с ними пошел и сам Менелай, что, войдя в городские укрепления, они требовали обратно Елену, уворованные Александром сокровища, а также удовлетворение за обиду; в ответ на эти требования тевкры тогда и впоследствии говорили одно и то же, под клятвой и без клятвы, что ни Елены, ни требуемых сокровищ у них нет, но что все это находится в Египте, и потому несправедливо было бы подвергать ответственности их за то, чем владеет египетский царь Протей. Но эллины думали, что те смеются над ними, и продолжали осаду города, пока не взяли его. Когда акрополь был взят, Елены не оказалось в городе; эллины услышали тот же рассказ, что и прежде; тогда они отрядили к Протею самого Менелая.

119. По прибытии в Египет Менелай отправился водой в Мемфис, там рассказал все, как было, нашел очень радушный прием, получил обратно Елену, здоровую и невредимую, и сверх того все свои сокровища. Однако за все это Менелай отплатил египтянам обидой. Противные ветры не давали ему отплыть, и так как это затянулось надолго, то он совершил следующее нечестное деяние: схватил двух детей туземцев и принес их в жертву. Когда злодеяние стало известно, он, ненавидимый и преследуемый, бежал со своими кораблями в Ливию; куда он направился оттуда, египтяне не могли уже сказать. Все это знают они, говорили жрецы, частью из расспросов, частью потому, что случилось это у них и им достоверно известно.

120. Рассказывали так египетские жрецы; к сообщенному ими рассказу об Елене я по собственному соображению могу прибавить следующее: если бы Елена была в Трое, то ее отдали бы эллинам, с согласия ли Александра или вопреки ему. В самом деле, ни Приам, ни прочие близкие ему люди не были же настолько безумны, чтобы рисковать собственной жизнью, детьми своими и государством из-за

того только, дабы Александру жить с Еленой. Если бы даже в первое время Приам и его родственники были действительно так настроены, то после гибели многих троянцев, павших в битвах с эллинами, после того, как в каждом сражении сам Приам терял по два, по три и даже больше сыновей, – раз только можно говорить на основании поэтического произведения, – то я уверен, что после всего этого, если бы даже сам Приам жил с Еленой, он возвратил бы ее ахейцам в надежде избавиться от удручавших Троию бедствий. Кроме того, царская власть не переходила к Александру, так что при старости Приама государственные заботы не на нем лежали; наследовать власть Приама должен был Гектор, как старший и более мужественный; ему не подобало потворствовать несправедливым действиям брата, особенно тогда, когда через это и на него самого, и на всех прочих троянцев обрушивались грозные несчастья. Троянцы говорили правду, что не могут выдать Елену; но эллины не верили им; по моему мнению, которое я и высказываю, случилось так по божескому соизволению ради того, чтобы поголовная гибель троянцев дала ясно понять людям ту истину, что за тяжкие неправды следуют от богов и тяжкие наказания. Таково мое мнение.

121. Жрецы говорили, что после Протея царскую власть получил Рампсинит. Памятником ему остался портик в Гефестовом храме, обращенный на запад; против него он поставил два кумира величиной в двадцать пять локтей каждый; один из них, стоящий на север, египтяне называют «лето», другой, обращенный на юг, – «зима». Перед тем кумиром, что называется летом, египтяне благоговеют, чтят его приношениями, а с кумиром зимы обращаются совершенно противоположно. По словам жрецов, Рампсинит был так богат и имел столько денег, что ни один из последующих царей не только не мог превзойти его в этом отношении, но даже приблизиться к нему. Для сохранения своих сокровищ в безопасности он велел построить каменную кладовую, одна стена которой примыкала к наружной стороне его дворца. Однако архитектор со злым умыслом устроил так, что один из камней можно было легко вынимать из стены двум человекам или даже одному. После сооружения кладовой царь поместил в ней свои сокровища. По прошествии некоторого времени строивший кладовую архитектор незадолго перед смертью подозвал к себе сыновей – у него их было два – и рассказал им, что он сделал при постройке царской сокровищницы в заботливости о том, чтобы они жили богато. При этом отец в точности объяснил все касательно выемки камня, дал им мерку его и в заключение добавил, что, если они сохранят ее, будут

казначейями царской сокровищницы. По смерти архитектора дети его не замедлили приступить к делу: ночью отправились в царский дворец, нашли в стене камень, который вынули без труда, и унесли с собой много сокровищ. Отворив кладовую, царь с изумлением заметил, что в сосудах не доставало сокровищ, и не знал, кого обвинять в краже, так как печати на дверях были целы и кладовая оставалась запертой. Когда, открывая кладовую второй, третий раз, он видел, что сокровищ становится все меньше, так как воры не переставали обкрадывать его, тогда он поступил так: заказал капканы и поставил их кругом сосудов с сокровищами. Воры пришли по – прежнему; один из них пролез в сокровищницу, подошел к сосуду, но тотчас попал в капкан. Почувствовав беду, вор поспешно окликнул брата, объяснил ему случившееся, посоветовал тотчас взлезть и отрубить ему голову; иначе, если его увидят и узнают, кто он, то должен будет погибнуть вместе с ним и брат. Тот согласился с этими доводами, поступил по совету брата и, приладив камень, поспешил домой с головой брата. На следующий день царь вошел в кладовую и был поражен видом обезглавленного трупа в западне, тогда как кладовая оставалась нетронутой, не было в нее ни входа какого-либо, ни лазейки. Царь был в недоумении и придумал следующее: велел повесить труп вора на стене и подле него поставил стражу, обязанную согласно его приказанию арестовать и вести к нему всякого, у кого она заметит слезы или сострадание. Когда труп был повешен, мать сильно скорбела, о чем и говорила с оставшимся в живых сыном, наконец потребовала от него каким бы то ни было способом снять труп со стены и доставить ей; в противном случае, угрожала мать, она пойдет к царю и откроет, что сокровища у ее сына. Вообще мать сильно нападала на оставшегося в живых сына, и увещания его не успокаивали матери. Тогда он пустился на такую хитрость: снарядил несколько ослов, навьючил на них полные мешки вина и погнал. Подойдя близко к повешенному трупу и его страже, он потянул к себе свесившиеся концы двух или трех мехов и развязал их; вино потекло, а он бил себя по голове и громко кричал, делая вид, будто не знает, к какому из ослов ему прежде броситься. Стража при виде текущего в изобилии вина стала сбегаться на дорогу с сосудами в руках и собирала пролитое вино, как доставшееся на их долю; а тот ругал то одного, то другого из них и притворно сердился; когда стража стала утешать его, он притворился, что мало – помалу смягчается, что гнев его проходит, наконец прогнал ослов с дороги и снова навьючил их. Стража еще больше разговорила с ним, а один из сторожей подшучивал над ним и рассмешил его, за что и получил в подарок мех

вина. Стража расположилась тут же, где стояла, и принялась пить, причем пригласила и его, предлагая остаться и пить вместе с ними. Тот послушался их и остался. Так как во время попойки сторожа обращались с ним очень ласково, то он подарил им и другой мех вина. Стража выпила много, опьянела и заснула глубоким сном на том самом месте, где пила. Когда наступила глухая ночь, вор снял труп брата, а всей страже в знак поругания остриг правую бакенбарду; труп положил на ослов и погнал их домой, исполнив, таким образом, повеление матери. Царь вознегодовал, когда ему объявили, что труп вора украден. Желая во что бы то ни стало открыть виновного в этих проделках, царь, чему я, впрочем, не верю, употребил следующее средство: родную дочь он поместил в публичном доме и приказал ей допускать к себе одинаково всех мужчин, только прежде сообщения заставляя каждого сказать ей, что в своей жизни он сделал самого хитрого и бессовестного; кто из них расскажет ей происшествие с вором, того она обязана схватить и не отпускать. Девушка действительно поступала так, как приказывал ей отец; но вор дознался, зачем все это устроено, и порешил перехитрить царя. Поступил он для этого так: отрезал у свежего трупа руку по плечо, спрятал ее под плащ и так вошел к царской дочери. В ответ на вопрос, предложенный ему так же, как и прочим мужчинам, он рассказал, как бессовестнейший поступок в своей жизни, тот случай, когда отрезал голову брату, попавшему в капкан в царской сокровищнице, а самая хитрая проделка его состояла в том, что он напоил стражу допьяна и снял висевший труп брата. При этих словах девушка схватила его, но вор, пользуясь темнотой, протянул ей мертвую руку; та схватила руку и крепко держала в уверенности, что у нее рука нужного ей мужчины; между тем вор, оставив ей руку, выбежал в двери. Когда царю донесли о случившемся, он изумился изворотливости и дерзости этого человека и наконец велел по всем городам объявить, что он дарует безнаказанность этому человеку и обещает ему большие подарки, если он только предстанет пред царские очи. Вор поверил обещанию и явился к царю. Рампсинит восхищался им и выдал за него дочь как за умнейшего из людей; египтян он считал мудрейшим из народов, а этого человека мудрейшим из египтян.

122. После этого, рассказывали жрецы, царь живым нисходил в то место, которое эллины считают преисподней; там он играл будто бы в кости с Деметрой*, причем частью выигрывал, частью проигрывал, наконец опять возвратился на землю и принес с собой от богини в подарок золотое полотенце. В память нисхождения Рампсинита в преисподнюю, говорили жрецы, египтяне установили со времени

возвращения царя празднество, которое, как мне известно, совершают они до сих пор; однако я не могу сказать, таково ли происхождение этого празднества или иное. В сам день праздника жрецы ткнут плащ; немедленно по изготовлении его они накладывают одному из своей среды повязку на глаза, одевают его в плащ и выводят на ту улицу, которая ведет в храм Деметры, а сами возвращаются назад. Говорят, что этого жреца с завязанными глазами провожают два волка* к храму Деметры, отстоящему от города на двадцать стадиев, и потом из храма приводят его обратно на то самое место.

123. Пускай принимает рассказы египтян тот, для кого они заслуживают веры. Я же во всем моем повествовании желаю изложить то, что́ от кого-либо слышал. По словам египтян, над преисподней царствуют Деметра и Дионис*. Египтяне первые высказали учение, что душа человека бессмертна, что с разрушением тела она вселяется в другое животное, которое рождается в то же самое время; обойдя всех животных, земных, морских и пернатых, душа вселяется снова в нарождающееся тело человека; круговращение совершается в течение трех тысяч лет. Учение это излагали и некоторые эллины как свое собственное, одни раньше, другие позже; имен их я не сообщаю, хотя и знаю.

124 . По рассказам жрецов, до царя Рампсинита господствовала в Египте полнейшая законность и страна пользовалась цветущим состоянием. Но после него царь египетский Хеопс* поверг Египет во всевозможные беды. Прежде всего он запер все храмы и воспретил египтянам приношение жертв, потом заставил всех египтян работать на него. Одни обязаны были таскать камни из каменоломен, что в Аравийском хребте, к Нилу; по перевозке камней через реку на судах их должны были принимать другие египтяне и тащить к хребту, называемому Ливийским. Таким образом, работало непрерывно в течение каждых трех месяцев по сто тысяч человек. Народ томился десять лет над проведением дороги, по которой таскали камни, работа, как мне кажется, только немного легче сооружения пирамид; действительно, дорога имеет пять стадиев в длину, десять сажень в ширину и восемь в самом высоком месте в вышину; она вымощена шлифованным камнем с высеченными на нем изображениями. Десять лет продолжалась постройка дороги и подземных покоев в том холме, на котором стоят пирамиды; покои эти он сооружал для себя как усыпальницу на острове, для чего провел канал из Нила. Само сооружение пирамиды длилось двадцать лет; каждая из четырех сторон ее имеет восемьсот футов длины и столько же высоты; сделана она из

шлифованных камней, в совершенстве пригнанных друг к другу; кроме того, нет ни одного камня меньше, как в тридцать футов.

125 . Сделанная уступами, которые у иных называются зубцами, у других алтарчиками, пирамида эта сооружалась таким образом: по окончании уступов поднимали остальные камни машинами, сложенными из коротких кусков дерева, сначала с земли на первый ряд уступов; каждый положенный здесь камень перекладывали на другую машину, уже стоявшую в первом ряду ступенек; отсюда камень поднимался с помощью третьей машины во второй ряд. Вообще или машин было столько, сколько рядов ступеней в пирамиде, или же машина была одна, удобоподвижная, которую переносили с одного ряда на другой, лишь только камень был снят с нее; о двух способах мы говорим потому, что и нам так рассказывали. Прежде всего отделаны верхние части пирамиды, потом следовавшие за ними снизу, наконец самые нижние части, те, что лежат на земле. В египетской надписи, начертанной на пирамиде, обозначено, сколько издержано было для рабочих на редьку, лук и чеснок; как я хорошо помню, переводчик при чтении надписи говорил мне, что всего было выдано тысяча шестьсот талантов. Если это действительно так, то сколько же должно быть издержано на железные орудия для работы, на пищу и одежду рабочих? На все эти работы употреблено столько времени, сколько мною сказано; немало времени пошло также, думается мне, на ломку и доставку камней и на земляные работы.

126. Подлость Хеопса доходила до того, что, нуждаясь в деньгах, он поместил в публичный дом родную дочь и обязал ее зарабатывать определенную сумму денег; сколько именно, мне не говорили. Дочь зарабатывала столько, сколько требовал с нее отец, а для себя решила поставить памятник. С этой целью от каждого приходившего к ней мужчины она требовала подарить ей один камень на постройку. Мне говорили, что из таких именно камней сооружена пирамида, по величине средняя из трех, стоящая впереди большой пирамиды; каждая сторона ее имеет длину полтора фута.

127 . По словам египтян, Хеопс царствовал пятьдесят лет, а по смерти его царская власть перешла к брату его Хефрену*. Он во всем подражал предшественнику, между прочим, построил пирамиду, уступавшую по величине пирамиде брата; мы сами измеряли ее. Под ней нет подземных покоев; к ней не проведен канал из Нила, как к пирамиде брата; там река течет по искусственному руслу и кругом омывает остров, на котором, говорят, и покоится Хеопс. Хефрен сделал цоколь пирамиды из пестрого эфиопского камня, но его пирамида ниже

той, первой пирамиды, находящейся вблизи. Обе пирамиды стоят на одном и том же холме, имеющем около ста футов вышины. Хефрен царствовал, как говорят, пятьдесят шесть лет.

128. Насчитывают сто шесть лет, в течение которых египтяне терпели всевозможные беды, и запертые храмы их не открывались. Из ненависти к этим царям египтяне неохотно называют имена их, а пирамиды приписывают пастуху Филитису, который в этих местах пас в то время свои стада.

129. Жрецы говорили, что после Хефрена царем Египта был Микерин, сын Хеопса*. Деяний отца своего он не одобрял, отворил храмы и позволил народу, угнетенному до крайности, вернуться к своим занятиям и празднествам; кроме того, он справедливее всех египетских царей разрешал тяжбы, за что хвалят его египтяне больше, нежели какого-либо из предшествовавших ему царей Египта. Действительно, решения его всегда были справедливы, а если кто оставался недоволен его приговором, тому он выдавал возмещение потери из собственного имущества и тем удовлетворял недовольного. Невзирая на то, что Микерин был так благодушен к гражданам и так заботился о них, его постигли некоторые несчастья, прежде всего смерть дочери, единственного ребенка в доме. Несчастье повергло царя в тяжкую скорбь и, желая похоронить дочь необыкновенным способом, он велел сделать из дерева пустую корову, позолотил ее снаружи и в ней похоронил умершую дочь.

130. Корова эта не была зарыта в землю; она стояла открыто еще в мое время в городе Саисе и помещалась в царском дворце, в прекрасно отделанном покое. Ежедневно сжигаются перед ней всевозможные благовония, и каждую ночь горит лампада от вечера до утра. Подле коровы в другом покое находятся статуи наложниц Микерина, как говорили еще жрецы в городе Саисе, именно там стоят деревянные колоссы в числе двадцати, изображающие женщин. Но кто такие эти женщины, не могу ничего сказать больше того, что слышал.

131. Некоторые по поводу этой коровы и колоссов рассказывают следующую историю. Микерин был влюблен в родную дочь и изнасиловал ее; девушка после этого с горя повесилась, а царь похоронил ее в этой корове. Мать девушки отрубила руки тем служанкам, которые выдали дочь отцу; еще и поныне изображения их показывают, что они претерпели при жизни. Все это, мне кажется, пустая болтовня, особенно рассказ о руках колоссов. Мы сами видели, что руки кумиров отвалились от времени и еще в мое время лежали тут же, у ног их.

132. Корова закрыта пурпурным покрывалом, только шея и голова ее обложены толстой золотой бляхой; между рогами помещено золотое изображение солнца. Корова не стоит прямо, но полулежит на коленях; величина ее почти натуральная. Ежегодно корову выносят из ее помещения в то время, когда египтяне оплакивают божество, которого нельзя мне назвать в этом повествовании. Тогда-то и корову выносят на свет, причем рассказывают, что дочь перед смертью просила отца своего Микерина дать ей возможность однажды в год видеть солнце.

133. После смерти дочери случилась с этим царем, как рассказывают, другая беда, а именно: из города Буто получено было изречение оракула, что он проживет всего шесть лет, а на седьмом умрет. Царь вознегодовал и послал к оракулу укор божеству такого рода: тогда как его отец и дядя заперли храмы, забыли богов, губили людей и все-таки жили долго, он при всем благочестии своем должен умереть так рано. Тогда от оракула пришло другое изречение, гласившее, что именно этим он и сократил себе жизнь, так как не сделал того, что должен был сделать: Египту суждено было бедствовать сто пятьдесят лет, что и поняли два предшествовавших ему царя, а он не понял. Выслушав такой приговор себе, Микерин заказал множество лампад и велел зажигать их, лишь наступала ночь, затем пил, наслаждался непрерывно днем и ночью, бродил по болотам и лесам, везде, где рассчитывал найти возможно больше наслаждений. Все это он делал с целью изобличить лживость оракула, показать превращением ночей в дни, что ему остается жить двенадцать лет, а не шесть.

134. Микерин также оставил после себя пирамиду, правда, гораздо меньше отцовской; каждая из четырех сторон ее имеет в длину по триста футов без двадцати; наполовину сделана из эфиопского камня. По ошибочному уверению некоторых эллинов, пирамида эта сооружена публичной женщиной Родопис; говорящие так не знают даже, что за женщина Родопис; иначе они не приписали бы ей пирамиды, на которую израсходованы, можно сказать, бесчисленные тысячи талантов. Не знают они также, что Родопис жила в царствование Амасиса, а не Микерина. Действительно, Родопис жила много лет спустя после тех царей, которые соорудили эти пирамиды; по происхождению она была фракиянка, рабыня самосского жителя Иадмона, сына Гефестополя, которому принадлежал также баснописец Эзоп. Что Эзоп был рабом Иадмона, это особенно ясно из следующего обстоятельства: когда дельфийцы много раз по внушению оракула вызывали, кто мог бы получить выкуп за убитого у них Эзопа, никто не объявлялся; наконец,

получил выкуп внук этого Иадмона, тоже Иадмон. Следовательно, Эзоп принадлежал тому Иадмону.

135. Родопис доставлена была в Египет жителем Самоса Ксанфом для промысла телом, но ее выкупил за большие деньги митиленец Харакс, сын Скамандронима, брат поэтессы Сапфо. Родопис таким образом была освобождена, но осталась в Египте и благодаря своим прелестям заработала большие деньги, большие для Родопис, но недостаточные для сооружения подобной пирамиды. Десятую часть ее сокровищ может видеть всякий желающий и теперь еще; судя по этому, ей нельзя приписывать большого богатства. Дело в том, что Родопис сильно желала оставить по себе памятник в Элладе, и для этого заказала такую вещь, какая не была еще никем придумана и поставлена в храме; эту память по себе она пожертвовала в Дельфы, а именно: на десятую часть состояния сделала множество железных вертел, столько, сколько можно было сделать на такие деньги, и отослала их в Дельфы. И теперь еще они лежат там в куче позади жертвенника, посвященного хиосцами, прямо против храма. Кажется, впрочем, что в Навкратисе публичные женщины вообще прелестны; но публичная женщина, о которой теперь идет речь, так прославилась, что имя Родопис стало известно всем эллинам. Другая была позже ее, по имени Архидика; ее воспевали по всей Элладе, хотя говорили о ней меньше, нежели о первой. После выкупа Родопис Харакс возвратился в Митилену, а Сапфо жестоко осмеяла его за это в одном стихотворении. Но о Родопис довольно.

136. Жрецы говорили, что царем Египта после Микерина был Асихис*, который соорудил на восточной стороне Гефестова храма портик, из всех портиков самый великолепный и обширный. Все портики украшены рельефными изображениями и представляются на вид до бесконечности разнообразными произведениями, но портик Асихиса далеко превосходит остальные. По словам жрецов, в его царствование был большой недостаток денег в обращении, почему издан был закон, в силу которого берущий деньги займы обязан оставлять под залог мумию отца. Этот закон дополнен был другим, по которому дающий деньги займы становится владельцем всего фамильного склепа должника, а заимодавец, взявший под такой залог деньги, подвергается следующему наказанию, если откажется уплатить долг: ни сам должник, ни кто другой из его родственников не может быть после смерти похоронен ни в фамильном склепе, ни в какой-либо другой гробнице. С целью превзойти своих предшественников на египетском престоле царь этот в память о себе соорудил пирамиду из

кирпича, а на ней поместил высеченную на камне такую надпись: «Когда сравниваешь меня с каменными пирамидами, то не пренебрегай мною: я превосхожу их настолько, насколько Зевс превосходит остальные божества. В озеро погружали шест, потом собирали ту глину, которая на шесте задерживалась, из нее выделяли кирпичи и таким способом построили меня». Столько совершено было этим царем.

137. После Асихиса царствовал в Египте человек слепой, родом из города Анисиса, по имени также Анисис*. В его царствование на Египет напали с большим войском эфиопы под предводительством своего царя Сабака*. Слепой ларь бежал в страну болот, а в Египте воцарился эфиоп и царствовал в течение пятидесяти лет. За это время он поступал так: кто бы из египтян ни совершал преступление, он никого не казнил смертью; каждого преступника соответственно вине его он присуждал насыпать землю подле родного города, в котором тот или другой преступник жил. Благодаря этому города стали еще выше; раньше, при царе Сесострисе, земля была насыпана теми, которые проводили каналы, а вторично поднята, притом на большую высоту, в царствование эфиопа. Хотя в Египте города вообще высоки, но выше всех насыпана почва, как мне кажется, в Бубастисе; здесь же находится и замечательнейший храм Бубастис*; есть, правда, некоторые храмы более обширные и более великолепные, но нет ни одного столь очаровательного на вид. Бубастис – значит на эллинском языке Артемида.

138. Храм этой богини имеет следующее устройство: за исключением входа – это остров, потому что идущие из Нила каналы не сливаются друг с другом; до самого входа каналы эти омывают храм с двух разных сторон; каждый из них осенен деревьями и имеет сто футов в ширину. Портик храма имеет десять сажений высоты и украшен достойными внимания шестилоктевыми фигурами. Храм стоит посередине города и потому виден со всех сторон, притом сверху. В самом деле, почва в городе была высоко поднята насыпной землей, а храм оставался нетронутым с того времени, как построен; поэтому-то он и виден кругом. Он окружен каменной стеной с высеченными фигурами, а в пределах ограды, кругом большого храма, есть роща очень высоких деревьев; внутри храма находится кумир богини; в длину и ширину храм имеет один стадий. Ко входу в храм ведет вымощенная камнем улица на протяжении почти трех стадиев, которая проходит через рынок в восточном направлении; ширина ее около четырехсот футов; по обеим сторонам улицы посажены высочайшие деревья; ведет она к храму Гермеса. Таков этот город.

139. Причиной того, что эфиопский царь удалился из Египта, было следующее сновидение: увидел он во сне человека, который подошел к нему и посоветовал собрать вместе всех египетских жрецов и каждого из них рассечь пополам. Увидев такой сон, царь сказал, что, по его мнению, боги дают ему этот совет затем только, чтобы он оскорбил святыню и тем навлек бы на себя какую-нибудь беду от богов или от людей; поэтому, сказал он, он не поступит так, как внушает ему сновидение, но удалится из Египта, так как согласно оракулу кончился уже срок царствования его в Египте. Действительно, когда он был еще в Эфиопии, тамошние оракулы объявили, что ему суждено царствовать в Египте пятьдесят лет. Поэтому, когда срок этот истек, Сабак, смущенный сновидением, добровольно покинул Египет.

140. Когда наконец эфиопский царь удалился из Египта, слепец возвратился из области болот и снова стал царствовать. В болотах он прожил пятьдесят лет и за это время насыпал там остров из земли и золы. Всякий раз, когда тайком от эфиопа являлись к нему египтяне со съестными припасами в том порядке, как им было приказано, он требовал доставить ему в подарок еще и золы. Никто раньше Амиртея не мог открыть этого острова; в течение более семисот лет он оставался неизвестным для египетских царей, предшественников Амиртея. Имя острова Эльбо, а величина его десять стадиев в длину и столько же в ширину.

141. После Анисиса царствовал жрец Гефеста по имени Сетос. Он презирал и ни во что ставил военное сословие египтян, как будто нисколько не нуждался в нем: всячески оскорблял достоинство воинов и лишил их участков земли, тогда как при прежних царях каждый из них получил в дар по двенадцати лучших полевых участков. После этого на Египет напал с большим войском Санахариб, царь арабов и ассирийцев*; но египетские воины не желали помогать царю. В затруднительном положении жрец вошел в храм и перед кумиром жаловался на угрожающую беду. Царь еще плакал, когда на него снизошел сон, и во сне ему показалось, что явилось божество и ободряло его тем, что с ним не случится никакой беды, если он выступит против арабского войска, что тогда само божество пошлет ему помощников. Полагаясь на сновидение, царь взял с собою египтян, добровольно последовавших за ним, и расположился с войском в Пелусии, там, где лежит вход в Египет. Из воинов не пошел за ним никто; при нем находились мелочные купцы, ремесленники и базарные торговцы. На вступивших сюда неприятелей напали ночью полевые мыши и погрызли им колчаны, луки, рукоятки у щитов, так что на

следующий день они, безоружные, обращены были в бегство и пали в большом числе. В настоящее время в храме Гефеста стоит каменное изображение этого царя с мышью на руке и со следующей надписью: «Глядя на меня, учись благочестию».

142. До сих пор излагали историю египтяне и жрецы их, указывая на то, что от первого египетского царя до последнего, которым был жрец Гефеста, прожило триста сорок одно поколение людей, что за это время было в Египте столько же первосвященников и царей. Триста человеческих поколений составляют десять тысяч лет, потому что три поколения образуют столетие; остальные сорок одно поколение сверх трехсот – тысячу триста сорок лет. Таким образом, в течение одиннадцати тысяч трехсот сорока лет не было, по словам жрецов, ни одного человекообразного божества; не было чего-нибудь подобного, продолжали они, ни прежде этого времени, ни при последующих царях Египта. Они говорили также, что за это время солнце четыре раза покидало обычное место восхода, что дважды оно восходило там, где теперь заходит. Между тем за то же самое время не произошло в Египте, по их словам, никакой перемены ни в произведениях земли или реки, ни в свойствах болезней или видах смерти.

143. Когда несколько ранее историк Гекатей излагал в Фивах свою родословную и соединил род свой в шестнадцатом колене с божеством, жрецы Зевса поступили так же, как и со мною, хотя я и не излагал им своей родословной, а именно: они ввели меня в большую залу, показывали и пересчитывали колоссальные деревянные изображения людей. Их было точно столько, как я сказал, потому что каждый первосвященник ставит при жизни свое изображение. Жрецы при этом объяснили мне, что каждое из показываемых и пересчитываемых изображений представляет сына своего предшественника – отца; они начали счет с изображения первосвященника, умершего позже всех, подводили меня к каждому, пока не показали всех изображений. Так как Гекатей излагал собственную генеалогию и в шестнадцатом колене связывал ее с божеством, то жрецы после упомянутого перечисления выставляли против него свои генеалогии, не допуская при этом, чтобы человек произошел от божества. Свои ответные родословные вели жрецы так, что, по их словам, каждый колосс был *пиромис*, происходивший от пиромиса; таким образом, они показали ему на трехстах сорока пяти изображениях, что пиромис происходит от пиромиса, причем не ставили их в связь ни с героем, ни с божеством. «Пиромис» значит в переводе на эллинский язык «честный и мужественный».

144. Жрецы при этом объяснили, что все те лица, изображения которых находились там, были именно такими, какими изображены, то есть совершенно отличными от богов. Напротив, раньше этих людей царствовали в Египте боги, жили они вместе со смертными, и всегда только один из них бывал владыкой; последний из богов, царствовавших в Египте, был Ор, сын Осириса, именуемый у эллинов Аполлоном; лишив власти Тифона, он последним царствовал в Египте. Осирис называется по – эллински Дионисом.

145. У эллинов самыми младшими божествами почитаются Геракл, Дионис и Пан, а у египтян Пан – одно из старейших божеств и принадлежит к сонму первых восьми богов, Геракл – к сонму двенадцати вторых богов, Дионис – к сонму третьих, происшедших от этих двенадцати богов. Уже раньше я сказал, сколько лет, по словам самих египтян, прошло от Геракла до царя Амасиса; от Пана они насчитывают еще больше, а от Диониса наименьше, и все-таки от этого последнего до царя Амасиса они насчитывают пятнадцать тысяч лет. Египтяне уверяют, что они знают это достоверно, так как непрерывно ведут летосчисление и записывают годы. Они говорят, что Дионис, сын Семелы, Кадмовой дочери, жил приблизительно за тысячу шестьсот лет до нашего времени, а Геракл, сын Алкмены, за девятьсот лет; от Пана, сына Пенелопы – эллинские сказания производят от нее и Гермеса, – прошло до нашего времени еще меньше, нежели от Троянской войны, именно около восьмисот лет.

146. Что касается этих двух счислений, то каждый может принимать то из них, которое кажется ему вероятнее; свое мнение о них я высказал. В самом деле, если бы и эти два божества, Дионис, сын Семелы, и Пан, сын Пенелопы, столь же прославились у эллинов, как Геракл, сын Амфитриона, и оставались бы в Элладе до старости, то можно было бы сказать, что и эти божества подобно Гераклу были первоначально людьми, получившими свои имена от предшествовавших им богов. Между тем на самом деле о Дионисе эллины говорят, что он тотчас по рождении зашит был Зевсом в бедро и отнесен на Нису, лежащую выше Египта в Эфиопии; а относительно Пана они совсем не могут сказать, что с ним случилось после рождения. Для меня, таким образом, очевидно, что эллины узнали имена этих двух богов позже, нежели прочих, причем и родословную этих божеств ведут с того самого времени, с какого впервые узнали их.

147. Все это рассказывают сами египтяне; теперь я передам то, что рассказывается другими народами об этой стране и с чем египтяне соглашаются; впрочем, добавлю кое-что и из собственного наблюдения.

По освобождении от эфиопов, после царствования жреца Гефестова, египтяне поставили себе двенадцать царей – без царей они не могли никогда обходиться, – причем весь Египет разделили на двенадцать частей. Цари породнились между собою и царствовали с соблюдением такого уговора, чтобы не свергать друг друга с престола, не добиваться превосходства одному над другим и жить в возможно более дружественных отношениях. Договор этот цари заключили и верно соблюдали, для чего и поступали так: тотчас по получении ими власти было изречение оракула, по смыслу которого тот из них будет царствовать над целым Египтом, кто сделает возлияние из медной чаши в храме Гефеста; поэтому на все священнодействия они являлись вместе.

148. Цари эти пожелали оставить о себе общий памятник, ради чего соорудили лабиринт немного выше Меридского озера, подле так называемого Города Крокодилов. Я видел его и нашел, что он выше всякого описания. Действительно, если бы собрать вместе все эллинские укрепления и другие сооружения, то оказалось бы, что они стоили меньше труда и денег, нежели лабиринт, хотя в Эфесе и на Самосе есть замечательные храмы. Правда, были и пирамиды, превосходящие описание. Каждая из них стоила многих, даже огромных сооружений эллинов, но лабиринт превосходит сами пирамиды. Это – двенадцать крытых зал, порталами своими расположенных одна против другой и соединенных между собой в одно помещение; шесть зал обращены на север, а шесть – на юг. Снаружи они окружены общей стеной. Покои в лабиринте двоякого рода, одни подземные, другие – на поверхности земли над первыми; всех покоев три тысячи, по полторы тысячи в каждой половине. Покои наружные мы видели сами, ходили по ним, рассматривали их и на основании этого говорим о них, тогда как о покоях подземных мы узнавали только по рассказам. Египетские сторожа ни за что не хотели показывать их нам, потому что, говорили они, там помещаются гробницы царей, соорудивших лабиринт, и священных крокодилов. Таким образом, о подземных покоях мы говорим по слухам, а наружные, превосходящие дела рук человеческих, мы осматривали сами. Действительно, переходы через покои и извилистые повороты от одной залы до другой, исполненные разнообразнейшего великолепия, представляли тысячи чудес, когда, бывало, переходишь из залы в покои, из покоев в коридоры, из коридоров в другие покои, из этих покоев в новые залы. Крыша над всеми помещениями, равно как и стены, сделана из камня; на стенах в изобилии рельефные изображения; каждая зала снабжена

кругом колоннами из кусков белого камня, отлично сложенных. К тому самому углу, где кончается лабиринт, тесно примыкает пирамида в сорок сажень вышиной с огромными высеченными в стенах изображениями; к пирамиде ведет подземный ход.

149. Если таков лабиринт, то еще большим чудом представляется так называемое Меридское озеро, у которого построен лабиринт. Озеро имеет в окружности три тысячи шестьсот стадиев, или шестьдесят схенов, столько же, сколько имеет Египет вдоль моря. Озеро тянется в длину с севера на юг и имеет глубины в самом глубоком месте пятьдесят сажень. То, что озеро это искусственное, вырытое, видно по нему самому: почти посередине озера стоят две пирамиды, поднимающиеся над поверхностью воды на пятьдесят сажень и на столько же сидящие под водой; на каждой из них помещено по колоссальному каменному изображению, сидящему на троне*. Таким образом, высота пирамид сто сажень, а сто сажень составляют один стадий в шестьсот футов, если сажень имеет шесть футов, или четыре локтя; фут состоит из четырех, а локоть из шести ладоней. Озеро наполняется водой не из источников, потому что вся эта местность до крайности безводна; вода проведена сюда по каналу из Нила, причем шесть месяцев она течет в озеро и шесть месяцев вытекает из него. Когда вода уйдет из озера, то в царскую казну оно приносит в течение шести месяцев каждый день по одному таланту, выручаемому за рыбу, а когда озеро наполнится водой, то только по двадцати мин.

150. По словам туземцев, озеро это изливается под землей в ливийский Сирт, причем направляется на запад, в глубь материка, вдоль хребта, что над Мемфисом. Так как я, к удивлению моему, нигде не замечал той земли, которая была выкопана, то спрашивал ближайших к озеру жителей, где ссыпана вырытая земля; они указали место, куда вывезена была земля, и я легко поверил им. Из рассказов я знал, что нечто подобное было и в Нине, ассирийском городе, а именно: однажды воры задумали похитить громадные сокровища царя Нина Сарданапала*, хранившиеся в подземных кладовых. Воры начали рыть подкоп, начиная от своих жилищ по направлению к царскому дворцу, а выносимую из канавы землю по наступлении ночи бросали в реку Тигр, протекающий мимо Нина, пока работы свои не привели к желанному концу. Подобным образом действовали, как я слышал, и при отрытии Меридского озера в Египте, с той разницей, конечно, что здесь работа производилась не ночью, а днем; вынимаемую землю египтяне относили в Нил, который и размывал ее. Так, рассказывают, выкопано это озеро.

151. Двенадцать царей управляли страной справедливо. Однажды при совершении жертвы в храме Гефеста, когда в последний день праздника они должны были совершить возлияние, первосвященник вынес им золотые чаши, из которых обыкновенно совершалось возлияние царями, но ошибся и вынес одиннадцать чаш для двенадцати царей. Таким образом, один из царей, Псамметих, стоявший с краю, не получил чашу; тогда он снял с головы своей медный шлем и подставил его для того, чтобы совершить из него возлияние. Все прочие цари также носили шлемы и тогда были в шлемах. Псамметих подставил свой шлем без всякого злого умысла, но прочие цари обратили внимание на поступок Псамметиха и нашли его отвечающим изречению оракула, что тот из них будет единственным царем Египта, который совершит возлияние из медной чаши. Но, припомнив предсказание оракула, они не нашли нужным лишать жизни Псамметиха, так как по исследованию убедились, что поступок совершен был без всякого умысла. Поэтому они порешили лишить его значительной доли власти и сослать в болота с воспрещением отлучаться оттуда или общаться с остальным Египтом.

152. Раньше Псамметих бежал от эфиопского царя Сабака, убившего отца его Нехо*; тогда он бежал в Сирию, но египтяне Саисского округа призвали его назад, когда эфиоп бежал из Египта по внушению виденного им во сне призрака. Потом он сделался царем и из-за шлема был вторично изгнан одиннадцатью царями в область болот. Считая поступок их тяжкой для себя обидой, Псамметих задумал отомстить своим гонителям. С этой целью он послал в город Буто, где находится правдивейшее египетское прорицалище, спросить оракула Латоны; в ответ получено было изречение, что месть наступит с моря, когда появятся медные люди; он совсем не поверил тому, будто получит помощь от медных людей. Между тем немного спустя ионяне и карийцы во время разбойничьих странствований по морю занесены были в Египет. Они высадились на сушу в медных доспехах, о чем какой-то египтянин, придя в болото, и дал знать Псамметиху; никогда ранее он не видел людей в медном вооружении и потому сообщал теперь, что с моря явились медные люди и опустошают равнину. Изгнанник усмотрел в этом исполнение прорицания, оказал ионянам и карийцам радушный прием и щедрыми обещаниями склонил их остаться у него на службе, а потом при их содействии и вместе с охотниками из египтян сверг царей с престола.

153 . Псамметих, таким образом, овладел целым Египтом; в храме Гефеста в Мемфисе он соорудил на южной стороне его портик,

выстроил против него двор для Аписа, где он и содержится, лишь только появится на свет. Двор этот окружен со всех сторон колоннами и украшен множеством изображений; вместо столбов двор поддерживают громадные изображения в двенадцать локтей высотой каждое. Апис называется по – эллински Эпафом.

154. Пособникам своим, ионянам и карийцам, Псамметих отвел для поселения земли, лежащие одна против другой и разделенные Нилом; эти участки земли получили название лагерей. Кроме земли, царь дал им все, что обещал, а также детей египтян отдавал к ним для обучения эллинскому языку; от них-то научились эллинскому языку теперешние переводчики в Египте. Ионяне и карийцы занимали эти земли долгое время; лежат они подле моря немного ниже города Бубастиса, на так называемом Пелусийском устье Нила. Впоследствии царь Амасис переселил их отсюда в Мемфис, образовав из них стражу для себя против египтян. Благодаря поселению этих отрядов в Египте и сношениям с ними эллинов, мы знаем достоверно все, что делается в Египте со времени царя Псамметиха и позже; это были первые иноязычные поселенцы в Египте. На покинутых местах жительства еще в мое время были следы корабельных стоянок и обломки домов. Так Псамметих овладел Египтом.

155 . Много раз уже я упоминал об оракуле в Египте; но он заслуживает особого рассказа. Этот египетский оракул есть святилище Латоны, находящееся в большом городе подле так называемого Себеннитского устья Нила, на пути от моря вверх. Имя города, в котором находится оракул, Буто, как сказано уже раньше. В Буто есть святилище Аполлона и Артемиды. Храм Латоны, в котором помещается оракул, велик и имеет портик в десять сажений вышиной. Что касается внешности храма, то вот что поразило меня наиболее: в священной ограде есть монолитный храм Латоны, одинаковой длины и высоты, и все стены его одинаковой величины, а каждое измерение сорок локтей. Кровлей служит другой камень с карнизом в четыре локтя.

156. Из открытых для публики окрестностей святилища наиболее изумительным показался мне этот храм, а потом остров по имени Хеммис. Лежит он на глубоком обширном озере подле святилища в Буто; египтяне считают его плавучим. Сам я не замечал, чтобы остров плавал или передвигался, и с крайним изумлением слушал, когда называли его плавучим. На острове есть большой храм Аполлона и три жертвенника; растет на нем множество пальм и других деревьев, фруктовых и диких. Называется остров плавучим, египтяне приводят для этого следующее основание: первоначально остров не был

плавучим, пока Латона, одно из восьми первых божеств, обитавшая в Буто и имевшая там это прорицалище, не получила от Исиды Аполлона на сохранение и не скрыла его на острове, который считается теперь плавучим; в то время Тифон бросался всюду в поисках сына Осириса. Аполлона и Артемиду называют детьми Диониса и Исиды, а Латона была их кормилицей и спасительницей. Аполлон по – египетски называется Ором, Деметра – Исидой, Артемида – Бубастис. Из этого, а не из какого-либо другого рассказа Эсхил, сын Евфориона, позаимствовал то, о чем я скажу и в чем он был единственным из прежних поэтов, а именно: представил Артемиду дочерью Деметры*. Говорят, что поэтому-то остров и стал плавучим. Таков рассказ египтян.

157. Псамметих царствовал в Египте пятьдесят четыре года, из которых двадцать девять лет он провел в осаде большого сирийского города Азота, пока не взял его. Из всех известных нам городов Азот дольше всех выдерживал осаду.

158. У Псамметиха был сын Нехо*, который после него и сделался царем Египта. Он первый начал прорытие канала, ведущего в Эрифрейское море, того самого, который потом был вырыт персидским царем Дарием. Длина канала четыре дня плавания, а широк он настолько, что по нему могут идти гонимые веслами две триремы рядом; вода в него проведена из Нила. Канал начинается немного выше города Бубастиса, проходит подле арабского города Патума и впадает в Эрифрейское море. Прежде всего он идет в той части египетской равнины, которая граничит с Аравией, у подножия того хребта, который тянется выше равнины к городу Мемфису и в котором есть каменоломни. У подножия этого хребта канал тянется в длину от запада к востоку, потом уклоняется в сторону по направлению к югу и, проходя через ущелья, вливается в Аравийский залив. Кратчайшим путем от Северного моря до Южного, или Эрифрейского, считается тот, что идет от хребта Касия, отделяющего Египет от Сирии и содержащего в себе до Аравийского залива ровно тысячу стадиев. Это – кратчайший путь; канал гораздо длиннее, потому что гораздо более извилист. При проведении этого канала погибло сто двадцать тысяч египтян. Нехо приостановил работы на половине, будучи смущен изречением оракула, что он работает для варвара, а варварами египтяне называют всех, говорящих не на одном языке с ними.

159. По прекращении работ над каналом Нехо занялся военными походами. С этой целью сооружены были триремы частью на Северном море, частью в Аравийском заливе у Эрифрейского моря; места стоянок их видны еще и теперь. В случае нужды он всегда пользовался этими

триремами. Сирийцев Нехо разбил в сухопутном сражении при Магдоле, а после сражения овладел обширным городом Сирии Кадитисом. То платье, в котором совершены были эти подвиги, царь пожертвовал Аполлону и отослал в Бранхиды милетян. После того он умер, процарствовав всего шестнадцать лет и передав царство сыну Псаммису.

160 . В царствование Псаммиса прибыли в Египет послы элейцев с целью похвалиться, что они устроили Олимпийские игры правильнейшим и превосходнейшим способом, и заявить, что сами египтяне, мудрейший из всех народов, не изобрели бы ничего подобного. Когда элейцы объяснили причину своего посещения, царь созвал тех из египтян, которые слыли мудрейшими людьми. Египтяне собрались, и на их расспросы элейцы рассказывали все, что соблюдали они при устройстве состязаний. Сообщив все это, послы объявили, что они прибыли в Египет с целью узнать, не могут ли египтяне придумать что-нибудь лучше этого. Египтяне посоветовались между собою и спросили элейцев, принимают ли участие в состязании и сограждане их. Те отвечали, что участвовать в состязании позволено каждому желающему, из них ли или из прочих эллинов, безразлично. Египтяне на это заметили, что такое правило грубо нарушает справедливость, ибо невозможно для них не быть пристрастными к состязующемуся гражданину и не обидеть таким образом иноземца. Поэтому если им желателен справедливый порядок состязания и если ради этого прибыли они в Египет, то следует устраивать состязания только для иноземцев и не допускать к ним никого из элейцев. Такой совет египтяне дали элейцам.

161. Псаммис царствовал в Египте только шесть лет; он умер вскоре после похода в Эфиопию, а ему наследовал его сын Априй*. После Псамметиха, деда его, он был счастливее всех царей, ему предшествовавших. Царствовал он двадцать пять лет и за это время совершил поход на Сидон и сражался на море с тирским царем. Однако ему суждено было претерпеть беду, о причине чего я подробнее скажу в повествовании о Ливии, а теперь ограничусь немногими словами, а именно: Априй послал войско против Кирены и потерпел жестокое поражение; египтяне обвинили его в неудаче и восстали против него, полагая, что Априй умышленно послал их на явную опасность с целью погубить часть египтян и тем спокойнее царствовать над остальными; подозрение это возмутило тех египтян, которые возвратились из похода, а равно друзей погибших, и они восстали открыто.

162. Априй узнал об этом и послал Амасиса, чтобы тот подействовал на них увещанием. Когда Амасис явился туда, старался удержать их, уговаривал их бросить свои замыслы, один из египтян стал сзади, надел на него шлем, говоря, что это в знак царского достоинства. Предложение не было противно желанию Амасиса, что он и дал понять. Когда мятежники провозгласили его царем, он стал готовиться к нападению на Априю. Получив известие об этом, Априй послал против Амасиса одного из своих приближенных, знатного египтянина по имени Патарбемис с приказанием доставить ему Амасиса живым. Когда, подойдя к Амасису, Патарбемис звал его отправиться вместе, тот, сидевший в то время верхом на лошади, поднял бедро и испустил ветер, предлагая доставить это Априю. Однако Патарбемис, говорят, продолжал требовать, чтобы Амасис шел к царю, если тот шлет за ним. Амасис отвечал тогда, что давно уже собирается сделать это и что Априй не будет жаловаться на него, так как он и сам придет, и других приведет с собой. Патарбемис понял, что хотел сказать Амасис, к чему он собирался, и поспешил уйти, чтобы возможно скорее известить царя о положении дел. Когда он пришел к Априю без Амасиса, царь не дал сказать ему ни слова и в сильном гневе велел отрезать ему нос и уши. Остальные египтяне, до тех пор стоявшие еще на стороне царя, при виде того, какому позорному наказанию подвергается знатнейший из них, не медлили более, соединились с противниками царя и перешли на сторону Амасиса.

163. Узнав об этом, Априй вооружил наемное войско и пошел на египтян; с ним было тридцать тысяч наемных солдат, карийцев и ионян, а дворец его, обширный и замечательный, находился в городе Саисе. Следовательно, Априй со своим войском шел на египтян, а Амасис со своим на иноземцев. В городе Момемфисе сошлись оба войска и здесь решились померяться силами.

164. У египтян есть семь классов: жрецы, воины, пастухи рогатого скота, свинопасы, купцы, переводчики и кормчие; столько классов у египтян, а имена даны им по роду их занятий; но воины называются каласириями и гермотибиями и занимают следующие округа – потому что весь Египет разделяется на округа.

165. Округа гермотибиев: Бусирис, Саис, Хеммис, Папремис, остров Просопитида и половина Нафо. Такие-то округа заняты гермотибиями, число которых доходит до ста шестидесяти тысяч человек. Никто из них не знает никакого ремесла; они заняты только военным делом.

166. Каласириям принадлежат другие округа: Фивы, Бубастис, Афгис, Танис, Мендес, Себеннис, Атрибис, Фарбаис, Фмуис, Онуфис, Анисис, Миекфорис; этот последний округ находится на острове против города Бубастиса. Округа эти заняты каласириями, число которых доходит до двухсот пятидесяти тысяч человек. Им также не подобает заниматься никаким ремеслом; занятия их исключительно военные, притом наследуемые сыном от отца.

167. Заимствовали ли эллины эти порядки от египтян, не могу решить достоверно, ибо я вижу, что фракийцы, скифы, персы, лидийцы, то есть почти все варвары, меньше ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслами, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд, но которые ведают только военное дело. Это заимствовано всеми эллинами, больше всего лакедемонянами; а менее всех презирают ремесленников коринфяне.

168. Из египтян только воины и жрецы пользуются большой привилегией, а именно: каждый из них получил по двенадцати полевых участков, свободных от налога, а участок содержит в себе сто египетских квадратных локтей; египетский локоть равняется самосскому. Этой привилегией пользовались все воины, но другая, следующая, распределялась между ними в известном порядке, причем никогда не пользовались ею все вместе, а именно: тысяча каласириев и столько же гермотибиев служили в течение года телохранителями при царе; они каждый день получали за это, помимо земельных участков, по пяти мин хлеба, по две мины говядины, по четыре меры вина. Всегда выдавалось это тем, которые исполняли службу телохранителей.

169. Априй со своими наемными солдатами, а Амасис со всеми египтянами сошлись у города Момемфиса, и там завязалась битва. Иноземцы дрались храбро, но, сильно уступая неприятелю в численности, потерпели поражение. Говорят, Априй был настроен так, что самое божество, казалось ему, не в силах было бы заставить его отказаться от царской власти, – таким несокрушимым считал он свой престол. Теперь, разбитый в сражении и взятый в плен, он отведен был в город Саис, в тот дворец, который прежде был его, а теперь принадлежал Амасису. Некоторое время его содержали здесь, в царском дворце, и Амасис обходился с ним хорошо. Наконец, египтяне стали укорять его в несправедливости за то, что он так содержит злейшего врага их и своего; тогда Амасис выдал Априя египтянам. Они задушили его и похоронили в фамильной гробнице, находящейся в святилище Афины, очень близко к алтарю, на левой стороне от входа. Всех царей из своего округа саисцы погребли в этом святилище. Правда, гробница

Амасиса стоит дальше от алтаря, нежели гробница Априя и его предков, но и она помещалась во дворе святилища. Гробница Априя представляет обширную каменную залу, обставленную колоннами в виде пальм и вообще разукрашенную; в зале есть две двери, а между ними царская гробница.

170. В Саисе – в святилище Афины, позади храма, вдоль всей стены его – есть гробница того божества, назвать которое по имени в этом случае я считаю для себя грехом. В ограде храма стоят два больших каменных обелиска, а подле них озеро с каменным цоколем и по краям прекрасно отделанное; озеро это, как мне кажется, такой же величины, как и то, которое находится на Делосе и называется Колесовидным.

171. На этом озере египтяне устраивают мимические представления страстей божества, именуемые мистериями. Хотя я знаю это таинство во всех подробностях, но благоговейно умолчу о нем; умолчу также и о празднестве Деметры, которое эллины называют Фесмофориями, за исключением разве таких подробностей, о каких не грешно говорить. Дочери Даная вывезли это празднество из Египта и научили ему пеласгийских женщин. Впоследствии, когда жители Пелопоннеса были вытеснены дорянами, празднество это исчезло; сохранили его только те пелопоннесцы, которые остались в своей земле и не были вытеснены, а именно аркадцы.

172. По низвержении Априя воцарился Амасис; родом он был из Саисского округа, из города по имени Сиуф. Первое время египтяне пренебрегали Амасисом и нисколько не ценили его, так как ранее того он был простым гражданином незнатного рода. С течением времени он расположил египтян к себе ловким и грубым средством, а именно: у него было множество различных сокровищ, в числе их золотая лохань, в которой сам Амасис и все его застольники обмывали себе ноги. Лохань эту он изломал в куски, сделал из нее кумир божества и поставил его на самом видном месте в городе. Египтяне подходили к кумиру и оказывали ему большое почтение. Узнав о таком поведении горожан, Амасис созвал египтян и объяснил им, что кумир сделан из лохани, в которую прежде египтяне плевали, мочились, в которой мыли ноги, а потом ей же оказывают большое почтение. То же самое, что с лоханью, случилось, сказал он, и с ним самим: хотя прежде он был простым гражданином, но в настоящее время – царь их, а потому советовал им чтить его и высоко ценить.

173. Таким-то образом Амасис расположил к себе египтян и подчинил их. Порядок занятий его был таков: рано утром, когда

городская площадь не наполнялась еще народом, он усердно занимался текущими делами, потом пил, шутил со своими застольными товарищами, неприлично дурачился с ними и забавлялся. Друзья его смущались этим и с целью подействовать на него говорили: «Ты ведешь себя, царь, несогласно со своим достоинством, потому что слишком предаешься грубым забавам. На важном посту следует и сидеть важно и весь день проводить в занятиях. Тогда и египтяне сознают, что ими управляет великий человек, и будут прославлять твое имя. Теперь ты поступаешь совсем не по – царски». Царь на это отвечал им: «Владеющие луком натягивают тетиву, когда имеют нужду в луке, и отпускают ее, когда лук более не нужен; если бы тетива оставалась натянутой все время, лук лопнул бы, и им нельзя было бы воспользоваться в случае нужды. Так и с человеком: если бы человек пожелал заниматься делами непрерывно и совсем не отдыхал бы в забавах, то, наверное, он незаметно для себя или сошел бы с ума, или совсем отупел бы. Я знаю это и потому отдаю свою долю и труду, и забаве». Так он отвечал друзьям своим.

174 . Об Амасисе, впрочем, говорят, что, еще будучи простым гражданином, он любил выпить, веселиться и вовсе не любил серьезных занятий. Когда вследствие пьянства и развлечений он впадал в нужду, то бродил по окрестностям и воровал. Когда обворованные утверждали, что вещи их у него, а он отрицал это, то его водили к оракулу, какой был в той местности. Во многих случаях оракулы изобличали его, а в других оправдывали. Став царем, он поступил так: о храмах всех тех божеств, которые не признавали его вором, он вовсе не заботился, ничего не жертвовал на содержание их, не совершал в них жертв, ибо они ничего не заслуживали, а прорицания их считал лживыми; напротив, о всех тех божествах, которые объявляли его вором, он очень заботился как о божествах действительных и владевших правдивыми прорицаниями.

175. В Саисе в честь Афины Амасис соорудил достойный удивления портик, далеко превзошедший портики всех строителей высотой и обширностью, величиной и достоинством камней. Потом поставил он огромные колоссы и длиннейшие мужские сфинксы, кроме того, велел свозить необычайной величины камни на сооружение храма. Часть камней была доставлена из каменоломен, что подле Мемфиса, другая часть, громаднейшие камни, доставлена из города Элефантины, отстоящего от Саиса на двадцать дней плавания. Но более всего удивляет меня следующее: он велел перевезти из города Элефантины монолитный храм, доставка которого продолжалась три года, а заняты

были ею две тысячи человек, причем все они были кормчими. Что касается размеров покоя, то длина его снаружи двадцать один локоть, ширина четырнадцать, а высота восемь локтей. Таковы размеры того монолитного покоя снаружи, а изнутри длина восемнадцать локтей и двадцать пальцев, ширина двенадцать, а высота пять локтей. Находится этот священный покой у входа в святилище; внутрь святилища не втащили его, как говорят, по следующей причине: в то время, когда покой тащили, архитектор сильно стонал и утомлялся работой, которая тянулась так долго; Амасис придал этому большое значение и не позволил тащить храм дальше. Другие рассказывают, что один из рабочих, занятых передвижением покоя, был раздавлен и что из-за этого покой и не был втащен внутрь святилища.

176. Вообще во все знаменитые храмы Амасис пожертвовал замечательные по величине предметы; между прочим, в Мемфисе перед храмом Гефеста он поставил кумир в семьдесят пять футов высотой, изображающий лежащего на спине человека. На том же цоколе стоят два колосса из эфиопского камня, по правую и по левую сторону главного кумира. Другой столь же громадный колосс стоит в Саисе и представляет, как и в Мемфисе, лежащую фигуру. Амасис соорудил в Мемфисе еще храм для Исиды, обширный и замечательный.

177. Говорят, в царствование Амасиса Египет наслаждался полнейшим довольством как в том, что страна получает от реки, так и в том, что дает народу земля, а всех населенных городов в Египте было в то время двадцать тысяч. Амасис издал для египтян закон, в силу которого каждый египтянин ежегодно обязан указать областному начальнику все свои средства к жизни; тот, кто этого не сделает или кто не может показать, что он живет законными средствами, наказывался смертью. Этот закон Солон заимствовал от египтян и издал его для афинян, безукоризненный закон, и афиняне должны бы соблюдать его вовеки.

178. Амасис любил эллинов, некоторым из них сделал много добра, а переезжающим в Египет отвел для поселения город Навкратис. Если кто из них не думал поселяться в Египте и приезжал туда только по торговым делам, для тех отводились участки земли, где они могли бы поставить жертвенники и храмы своим богам. Наибольший из этих храмов, наиболее известный и посещаемый, называется Эллением. Следующие города соорудили храм общими усилиями: Хиос, Теос, Фокея, Клазомены – ионийские, Родос, Книд, Галикарнасс, Фаселида – дорийские и только один город эолийцев – Митилена. Храм Эллений принадлежит всем этим городам; они же назначают и блюстителей

тамошней торговли; все прочие города, заявляющие свои притязания на участие, не имеют на то никакого права. Город Эгина отдельно для себя построил храм Зевса; другой храм, Геры, построили себе самосцы, а храм Аполлона – милетяне.

179. В древности один только Навкратис был местом торговли для иноземцев, никакого другого порта в Египте не было. Если кто-нибудь заходил в другое устье Нила, он должен был поклясться, что зашел туда невольно и, дав клятву, отплыть на том же самом корабле в Канобское устье; если противные ветры мешали плаванию, то следовало перевезти груз на лодках вокруг Дельты до Навкратиса. Таковы были привилегии Навкратиса.

180. Когда амфиктионы* отдали в подряд сооружение дельфийского храма за триста талантов – прежний храм случайно сгорел, – то на долю дельфийцев выпало доставить четвертую часть подрядной суммы. Во время странствований по городам за сбором пожертвований дельфийцы получили немало в Египте: Амасис пожертвовал им тысячу талантов квасцов*, а жившие в Египте эллины пожертвовали двадцать мин.

181. С киренцами Амасис вступил в дружбу и заключил военный союз. Он решил даже взять оттуда жену себе или из желания иметь супругой эллинку, или для нового скрепления дружбы с киренцами. По словам одних, он женился на дочери Батта, по словам других, на дочери Аркесилая, по словам третьих, на дочери знатного гражданина Критобула, носившей имя Ладика. Каждый раз, когда возлежал с нею, Амасис оказывался неспособным иметь сообщение, хотя другими женщинами и пользовался. После многих таких случаев царь сказал наконец Ладике: «Ты, жена, чарами своими причинила мне это, и тебе нет спасения от самой ужасной смерти, какою когда-либо умирала женщина». Никакие оправдания Ладика не могли смягчить Амасиса; тогда она мысленно дала обет Афродите пожертвовать кумир богини в Кирену, если только в ближайшую ночь Амасис будет иметь сообщение с нею: только это и могло спасти ее от смерти. После такой молитвы Амасис в ту же ночь сообщился с Ладикой. С этого времени он сообщался с нею всякий раз, как являлся к ней, и горячо полюбил ее. Ладика во исполнение обета заказала кумир Афродиты и отослала в Кирену; он уцелел до моего времени и стоял за городом киренцев. Это та самая Ладика, которую Камбис после покорения Египта спросил, кто она, и невредимой отпустил в Кирену.

182. Пожертвования сделал Амасис также в Элладу, а именно: в Кирену позолоченное изображение Афины и собственное нарисованное

изображение, потом в Линд Афине пожертвованы два каменных кумира и замечательный льняной панцирь, на Самос Гере два собственных деревянных изображения, которые сохранялись в большом храме до моего времени позади дверей. На Самосе сделано пожертвование ради дружбы Амасиса с Поликратом, сыном Эака, в Линд не по дружбе с кем-либо, но потому, что находящийся там храм Афины, как говорят, сооружен дочерью Даная в то время, когда они, убегая от сыновей Эгипта*, высадились у Линда. Таковы пожертвования Амасиса. Кипр он завоевал первый и наложил на него дань.

Книга третья Талия

Поход Камбиса в Египет; союз его с арабами и нравы последних (1–9). Поражение египтян от Камбиса (10–16). Неудачные походы Камбиса на карфагенян, аммониев и эфиопов (17–26). Неистовства Камбиса (27–38). Судьба Поликрата Самосского и война лакедемонян с Самосом; судьба Периандра (39–60). Восстание магов против Камбиса, смерть Камбиса (61–66). Низвержение магов и воцарение Дария (67–88, 118–119). Административное деление Персии на сатрапии (89–98). Окраины земли (99–117). Гибель Поликрата (120–125). Гибель Орета (126–128). Врач Демокед (129–138). Война персов с самосцами (139–149). Вторичное завоевание Вавилона персами (150–160).

1. Против этого-то Амасиса выступил в поход сын Кира, Камбис, причем в войске его, кроме других подданных, были из эллинов ионяне и эолийцы. Причина похода была следующая: через отправленного в Египет посла Камбис просил у Амасиса руки его дочери. Сделал он это по внушению одного египтянина, питавшего злобу на Амасиса за то, что из всех египетских врачей он его одного оторвал от жены и детей и послал в Персию на службу в то время, когда Кир через посла просил у Амасиса самого лучшего в Египте глазного врача. Раздраженный этим, египтянин не переставал своими советами подстрекать Камбиса просить дочь у Амасиса, рассчитывая на то, что тот или с прискорбием выдаст дочь, или отказом вызовет войну со стороны Камбиса. Действительно, Амасис боялся могущества персов и в страхе перед Камбисом не знал, что делать: отдать ли дочь Камбису или отказать ему, ибо он хорошо знал, что Камбис домогается его дочери не в жены, а лишь в наложницы. Поэтому Амасис поступил так: у прежнего царя

Априя была дочь, прекрасно сложенная и красивая девушка, одна из всей семьи оставшаяся в живых; звали ее Нитетис. Эту девушку Амасис велел нарядить в пышное платье, надеть на нее золотые украшения и под видом родной дочери отправил в Персию. Когда впоследствии Камбис ласкал ее и называл по имени отца, женщина эта сказала: «Ты, царь, и не подозреваешь обмана. Амасис нарядил меня и прислал тебе в дар как родную дочь, между тем на самом деле я дочь Априя, бывшего владыки Амасиса; против отца моего он восстал вместе с египтянами и умертвил его». Слова женщины и все это происшествие сильно разгневали Кирова сына Камбиса и побудили его к войне с Египтом. Таков рассказ персов.

2. Египтяне считают Камбиса своим на том основании, что будто бы эта самая дочь Априя была его матерью, так как за дочерью Амасиса присылал-де Кир, а не Камбис. Но это неверно. Египтянам небезызвестно, так как учреждения персов знают они не хуже других, что, во – первых, по персидским законам побочный сын не может быть царем, если жив сын законный, а во – вторых, что Камбис был сыном Кассанданы, дочери Фарнаспа из рода Ахеменидов, а вовсе не египтянки. Притязания египтян на родство с Камбисом извращают историю. Таковы эти отношения.

3. Есть, впрочем, еще другой рассказ, но я не верю ему: будто какая-то персиянка, посетив однажды жен Кира, увидела подле Кассанданы красиво и хорошо сложенных детей, восхищалась ими и долго рассыпалась в похвалах им. На это супруга Кира Кассандана заметила: «И вот меня, мать таких детей, Кир вовсе не ценит, между тем как окружает почетом другую женщину, привезенную из Египта». Так говорила царица в досаде на Нитетис, причем будто бы старший сын ее, Камбис, заметил: «В таком случае, мать, я, возмужав, все переверну в Египте». Камбису было тогда лет десять отроду, и замечанием своим он изумил женщин. Впоследствии он никогда не забывал своей угрозы и, возмужав, по получении царской власти пошел войной на Египет.

4. Ко времени этого похода случилось еще одно обстоятельство такого рода: во вспомогательном войске Амасиса был один галикарнассеец по имени Фанес, человек умный и храбрый воин. Рассердившись за что-то на Амасиса, он сел на корабль и бежал из Египта, чтобы переговорить с Камбисом. Так как он пользовался большим уважением вспомогательных отрядов и достоверно знал положение дел в Египте, то Амасис немедленно принял все меры к тому, чтобы поймать его, и послал за ним погоню. Для этого снаряжена была трирема, на которой отправился вернейший из царских евнухов;

он захватил Фанеса в Ликии, но не доставил обратно в Египет. Фанес перехватил его: напоил допьяна стражу и сам бежал в Персию. Он явился к Камбису в то время, когда тот собирался выступить в поход и недоумевал только, как ему пройти безводное пространство. Фанес сообщил царю о положении дел Амасиса вообще, а также научил его, как провести войско, а именно: он посоветовал обратиться через посла к арабскому царю с просьбой предоставить войску безопасный путь через его владения.

5. Только на этом пути и был свободный доступ в Египет. От Финикии до города Кадитиса тянется область так называемых палестинских сирийцев. Кадитис, по моему мнению, значительный город, немного лишь менее Сард. Между Кадитисом и городом Ианисом лежат на морском побережье торжища, принадлежащие арабскому царю; от Ианиса до Сербонидского озера следует полоса сирийцев, а подле озера проходит к морю хребет Касий. От Сербонидского озера, в котором, говорят, сокрыт Тифон, начинается уже Египет. Пространство между городом Ианисом, хребтом Касием и Сербонидским озером – не малое, дня на три пути, совершенно безводное.

6. Только немногие посещающие Египет обращают внимание на то, о чем я сейчас скажу. Два раза ежегодно из целой Эллады, а также из Финикии привозят в Египет глиняные сосуды с вином, и при этом в Египте почти нельзя найти ни одного пустого сосуда. Куда же, спросит кто-нибудь, деваются эти сосуды? Об этом-то я и скажу. Всякий местный старшина обязан собрать в своем околотке всю глиняную посуду и доставить ее в Мемфис, а старшины Мемфиса обязуются препроводить ее, наполнив предварительно водой, в эти безводные части Сирии. Таким образом, вся та посуда, которая направляется в Египет и там опорожняется, отправляется в Сирию в дополнение к прежней.

7. По завоевании Египта персы проложили путь в эту страну, снабжая ее водой описанным выше способом. Но во время похода запасов воды на этом пути еще не было, и Камбис, наученный галикарнасцем, обратился через посла к арабскому царю с просьбой о предоставлении безопасного прохода для его войска. Просьба была уважена, и они заключили между собой договор.

8. Арабы соблюдают договоры вернее, нежели какой-нибудь другой народ, а заключают их следующим образом: если двое пожелают заключить договор, то третье лицо становится между ними и острым камнем делает у большого пальца договаривающихся продольный

разрез на внутренней стороне руки, вытягивает по клоку шерсти из их платья и намазывает кровью положенные между договаривающимися семь камней; при этом он взывает к Дионису и Урании. По окончании всего этого заключивший договор представляет иноземца или соплеменника, если договор заключен с соплеменником, своим друзьям, которые с этого времени считают долгом уважать состоявшийся договор. Из богов арабы чтят только Диониса и Уранию и говорят, что они стригут себе волосы совершенно так, как стригся сам Дионис, а именно: они стригутся в кружок, причем подстригают волосы на висках. Диониса они называют Оротальтом, а Уранию – Алилат.

9. Итак, заключив договор с послами, явившимися от Камбиса, арабский царь устроил следующее: наполнил водой мехи из верблюжьей кожи, навьючил ими всех своих верблюдов и затем выступил в пустыню, где дожидался Камбисова войска. Таков более вероятный рассказ, но следует передать и менее вероятный, который также можно слышать. В Аравии есть большая река по имени Корис, вливающаяся в так называемое Эрифрейское море. Как рассказывают, арабский царь велел сшить из сырых бычьих и других кож водопровод, достигавший пустыни, из реки провел через него воду, а в пустыне велел выкопать обширные вместилища, которые принимали бы в себя воду и сохраняли ее. От реки до пустыни двенадцать дней пути. Воду царь провел тремя водопроводами в три пункта.

10. В ожидании Камбиса сын Амасиса Псамменит расположился с войском при Пелусийском устье Нила. Дело в том, что во время похода на Египет Камбис не застал уже в живых Амасиса, умершего после сорокачетырехлетнего царствования; за это время не случилось с ним никакой большой беды. По смерти он был бальзамирован и погребен в той гробнице в храме*, которая им же была сооружена. В царствование в Египте сына Амасиса Псамменита египтяне видели величайшее чудо: в египетских Фивах шел дождь, хотя ни прежде, ни после до моего времени Фивы никогда дождем не орошались, как говорят сами фиванцы; вообще в верхнем Египте дождь не идет вовсе, да и в то время в Фивах выпали лишь капли дождя.

11. Перейдя безводную пустыню, персы расположились вблизи египтян с целью сразиться с ними. Воины вспомогательных отрядов египетского царя, именно эллины и карийцы, негодуя на Фанеса за то, что он привел на Египет чужеземное войско, придумали ему следующее наказание: у Фанеса в Египте оставались сыновья; их привели в лагерь, поставили на виду у отца между обеими стоянками чашу, потом вывели туда поодиночке детей Фанеса и над чашей зарезали их. Зарезав всех

детей, они влили в ту же самую чашу вина с водой, все воины вспомогательного войска напильсь крови и тогда пошли в сражение. Бой был ожесточенный, с обеих сторон пало множество воинов, наконец египтяне обратились в бегство.

12. Там я видел удивительную вещь, о которой рассказывали мне ранее туземцы: кости воинов, павших в этом сражении с одной и с другой стороны, свалены в две отдельные кучи; в одном месте лежат кости персов, в другом египтян, так как разделены они были при погребении; черепа персов так ломки, что их легко продырявить брошенным мелким камешком; черепа египтян, напротив, так крепки, что их едва можно разбить ударами камня. Разница эта, как мне говорили, и я этому легко верю, зависит от того, что египтяне начиная с детства стригут себе волосы, и черепа их грубеют от солнца; по той же самой причине египтяне не лысеют; плешивых можно видеть у них меньше, нежели у другого какого народа. Вот почему египтяне имеют крепкие черепа. Что у персов черепа слабые, объясняется следующим обстоятельством: с раннего детства они изнеживают себе черепа употреблением войлочных шапок. Таковы черепа египтян и персов. Нечто подобное наблюдал я в Папремисе, где вместе с Ахеменом, сыном Дария, истреблены были персы Инаром, ливийским царьком.

13. Покинув поле сражения, египтяне бежали в крайнем беспорядке и загнаны были в Мемфис. Тогда Камбис отправил к ним вверх по реке на митиленском судне своего посла, перса по происхождению, с предложением мира. Но когда египтяне увидели, что к Мемфису подошел этот корабль, толпой бросились с укреплений, разбили корабль, людей изрубили в куски и с телами их вернулись на укрепления. После этого египтяне были осаждены и спустя некоторое время сдались. Судьба Египта устрасила смежных с египтянами ливийцев, которые и сдались персам без боя, сами наложили на себя дань и послали Камбису подарки. Подобно ливийцам поступили, будучи также перепуганы, киренцы и баркейцы. Камбис принял благосклонно присланные от ливийцев подарки, а подарками киренцев остался недоволен, потому, мне кажется, что они были незначительны: киренцы прислали всего пятьсот мин серебра; он взял серебро и собственноручно разбросал его своим солдатам.

14. На десятый день по взятии акрополя в Мемфисе Камбис посадил в предместье на посрамление египетского царя Псамменита после шести месяцев царствования; он посадил там царя вместе с другими египтянами и подверг его мужество следующему испытанию: дочь царя велел одеть в рабское платье и вместе с другими избранными

девушками знатнейших египетских семейств послал с кувшинами по воду; другие девушки были одеты так же, как и царская дочь. Когда девушки с воплями и жалобами проходили мимо отцов своих, эти последние при виде позора детей громко рыдали вместе с ними; один Псамменит, взглянув и поняв все, молча поник головой. Когда девушки с водой прошли, Камбис послал царского сына вместе с другими египтянами, его сверстниками в числе двух тысяч человек; все они имели веревки на шее и были взнузданы; так вели их на казнь в отместку за тех митиленцев, которые погибли в Мемфисе вместе с кораблем. Такой приговор постановили царские судьи, а именно казнь десяти знатнейших египтян за каждого убитого. Псамменит видел, как осужденные проходили мимо, понял, что идущий во главе египтян сын его будет казнен, но он держал себя так же, как и при виде дочери, тогда как все прочие египтяне, сидевшие подле него, плакали и громко выражали свое отчаяние. Когда и эти прошли, случилось следующее: один из застольных друзей Псамменита, человек довольно старый, потерявший все состояние и впавший в нищету, просил милостыни у солдат и проходил мимо сына Амасиса, Псамменита, и сидевших с ним в предместье египтян. Увидев его, Псамменит громко зарыдал, назвал друга по имени и бил себя по голове. Подле него находилась стража, которая докладывала Камбису обо всем, что делал Псамменит каждый раз при виде проходящих. Камбиса удивил поступок Псамменита, и он через своего вестника спросил его: «Царь Камбис спрашивает тебя, Псамменит, почему ты не вопил, не плакал при виде опозоренной дочери, при виде сына, ведомого на казнь, но этими знаками скорби почтил нищего, который, как царь слышал, вовсе даже не родственник тебе». В ответ на это Псамменит сказал: «Собственное мое горе, сын Кира, слишком велико для того, чтобы его оплакивать; но достойно слез бедствие друга, который на пороге старости от довольства и счастья перешел к нищете». Замечание это Камбис нашел верным. По словам египтян, Крез, сопровождавший Камбиса в Египет, заплакал, равно как и присутствовавшие здесь персы. Сам Камбис был тронут и тотчас велел спасти царского сына от рук палачей, а самого Псамменита доставить из предместья к нему.

15. Однако посланные не нашли уже юноши в живых, так как он был казнен первым; самого Псамменита они взяли с собой и привели к Камбису. С этого времени он жил у Камбиса, не испытывая никакой обиды; мало того: если бы он сумел остаться спокойным и не замышлять козней, то получил бы в управление Египет, потому что персы обыкновенно относятся почтительно к царским детям. Что такое

поведение составляет их правило, в этом можно убедиться по многим случаям, между прочим, на примере сына Инара, Фаннира, которому отдана была такая самая власть, какая принадлежала отцу его, и на примере Павсириса, сына Амиртея; и этот последний получил власть, принадлежавшую его отцу. Между тем никто не причинил персам больше вреда, как Инар и Амиртей. Теперь Псамменит понес наказание за злоумышление: он уличен был в подстрекательстве египтян к восстанию. Узнав об этом, Камбис велел напоить его бычьей кровью, и Псамменит тотчас умер. Таков был его конец.

16. Из Мемфиса Камбис перешел в город Саис ради того, что он действительно там и сделал, а именно: вошел во дворец Амасиса и тотчас распорядился выбросить вон из гробницы труп царя; когда это было исполнено, он велел стегать труп бичом, оборвать на нем волосы, колоть его и вообще наносить всевозможные оскорбления. Когда исполнители царских приказов наконец утомились – потому что труп был бальзамирован, выдерживал все и не распадался на части, – Камбис отдал нечестивое приказание сжечь труп. Между тем персы почитают огонь за божество. Действительно, сжигание трупов вовсе не в обычае ни у персов, ни у египтян: у персов по причине, сказанной выше, именно потому, что они считают непозволительным давать божеству тело человека, у египтян же потому, что огонь считается у них одушевленным существом, которое пожирает все, что бы ни приняло, и потом, насытившись едой, умирает вместе с пищей. Вот почему у них строго воспрещается отдавать трупы зверям на съедение, и потому они бальзамируют трупы, чтобы не оставлять их в земле на съедение червям. Таким образом, Камбис отдал приказание, противное обычаям обоих народов. Впрочем, как говорят египтяне, жертвой истязаний был не Амасис, а какой-то другой египтянин, одинакового роста с Амасисом; оскорбляя его, персы думали, что оскорбляют Амасиса. Рассказывают, что Амасис был предупрежден оракулом относительно того, что случится с ним после смерти, и потому во избежание угрожающего позора похоронил этого человека, умершего в то время, а теперь избитого бичом, в своем собственном склепе, у входа в него, а себя завещал сыну похоронить в наиболее углубленной части усыпальницы. Однако мне кажется, что Амасис вовсе не делал таких распоряжений касательно погребения себя и того человека и что это не более как праздная болтовня египтян.

17. После этого Камбис вознамерился совершить три военных похода: один против карфагенян, другой против аммониев и третий против долговечных эфиопов, живущих в Ливии у Южного моря.

Против карфагенян он решил снарядить флот, против аммониев часть пехоты, а к эфиопам послал прежде всего соглядатаев для удостоверения в том, действительно ли там находится «солнечный стол», помещаемый в земле этих эфиопов, и вообще для осмотра страны под предлогом преподнесения подарков эфиопскому царю.

18. О «солнечном столе» рассказывают так: это – луг в городском предместье, покрытый вареным мясом всякого рода четвероногих; куски мяса тайком приносят туда по ночам все должностные лица народа, а днем каждый желающий идет на луг и ест это мясо, причем туземцы говорят, будто бы каждую ночь сама земля производит его. Таков, по рассказам, «солнечный стол».

19. Решив послать соглядатаев, Камбис немедленно вызвал из города Элефантины из племени ихтиофагов* нескольких людей, знающих эфиопский язык. В ожидании их Камбис отправил флот против Карфагена. Но финикияне отказались исполнить его приказание, так как они были связаны грозными клятвами не совершать нечестия и не ходить войной на родных детей. За отказом финикиян никакой другой из подвластных народов не мог поставить годного для этого похода войска. Таким образом, карфагеняне избежали порабощения персами. Камбис не считал себя вправе употребить насилие по отношению к финикиянам, потому что они подчинились персам добровольно и вся морская сила персов держалась на финикиянах. Также добровольно подчинились персам и жители Кипра, которые участвовали в походе на Египет.

20. По прибытии ихтиофагов из Элефантины, Камбис послал их к эфиопам с поручением сказать царю, что нужно, и поднести ему в дар пурпурное платье, золотую цепь на шею, браслеты, алебастровый сосуд с миррой и кувшин пальмового вина. Говорят, что эфиопы, к которым послал Камбис, самый рослый и красивейший народ. У них существуют совершенно особенные порядки, отличающие их от прочих народов; таков, в частности, выбор на царство: достойным царской власти они признают того из соплеменников, который окажется наибольшего роста и соответствующей этому силы.

21. Ихтиофаги, явившись к этому народу, передали царю подарки со следующими словами: «Царь персов Камбис ищет дружбы и союза с тобою и потому прислал нас для переговоров, предлагая тебе в дар такие предметы, какие и ему самому способны доставить наибольшее удовольствие». Однако эфиопский царь понял, что к нему явились соглядатаи, и обратился к ним с такой речью: «Персидский царь послал вас ко мне с дарами не потому, что дорожит союзом со мной; вы сами

говорите неправду, потому что пришли в качестве соглядатаев в мои владения, и тот человек, который послал вас, бесчестен. Если бы он был честен, то не добивался бы обладания другой страной, помимо своей, и не искал бы порабощения народа, не причинившего ему никакой обиды. Поэтому передайте ему этот лук и скажите: царь эфиопов советует царю персов только тогда идти войной на долговечных эфиопов, хотя бы и в большем числе воинов, когда персы будут натягивать такой величины луки с тою же легкостью, как натягиваю я; а пока он должен благодарить богов за то, что они не внушают сынам эфиопов охоты присоединить к своей земле чужую». С этими словами он отпустил тетиву и вручил лук послам.

22. После этого царь эфиопов взял пурпурный плащ и расспрашивал, что это такое и как он сделан. Когда ихтиофаги рассказали ему всю правду о пурпуре и об окрашивании, царь заметил: «Обманчивы эти люди, поддельны и одежды их». Потом спросил о золотой шейной цепи и о браслетах и в ответ на рассказ эфиопов о приготовлении этих вещей засмеялся, потому что считал их оковами, и сказал, что у него оковы крепче этих. Третий вопрос его касался мирры; когда те рассказали, как готовится мирра и как им персы намазываются, царь сказал то же самое, что и об одежде. Когда зашла речь о вине и он узнал о способе его приготовления, то чрезвычайно обрадовался напитку и спросил, чем питается персидский царь и какая наибольшая продолжительность жизни у персов. Ихтиофаги отвечали, что царь питается хлебом, причем объяснили обработку пшеницы, а пределом самой продолжительной жизни у персов назвали восемьдесят лет. Эфиоп на это заметил, что кратковременности жизни их не удивляется, потому что они питаются навозом; что они не могли бы и столько прожить, если бы не подкрепляли себя таким напитком: он разумел вино; в этом последнем отношении, сказал он, эфиопы уступают персам.

23. Когда ихтиофаги в свою очередь стали спрашивать царя о продолжительности и образе жизни эфиопов, царь отвечал, что большинство их живет по сто двадцать лет и дольше, что в пищу употребляют они вареное мясо, а пьют молоко. Соглядатаи выразили удивление по поводу числа лет; тогда их повели к источнику, обмывшись в котором они стали блестящими, как будто источник был масляный; от него шел запах фиалок. По словам соглядатаев, вода в источнике так легка, что на поверхности ее ничто не может держаться, ни дерево, ни даже предметы более легкие; все идет ко дну. Если действительно вода у эфиопов такова, как говорят, то, быть может, они и

долговечны благодаря постоянному употреблению ее. От источника повели ихтиофагов в тюрьму, где все заключенные закованы были в золотые цепи. У этих эфиопов медь – редчайший и ценнейший из всех металлов. После этого они осмотрели и так называемый «солнечный стол».

24. Напоследок осмотрены были гробницы эфиопов, которые, как говорят, изготавливаются из стекла следующим образом: прежде всего труп высушивается по египетскому или по какому-нибудь другому способу, потом весь обмазывается гипсом и расписывается, причем воспроизводят по возможности верно наружность покойника, наконец ставят его в пустую стеклянную колонну. Материал этот выкапывается там в изобилии и удобен для обработки. Помещенный в середине колонны труп хорошо виден, вовсе не издает неприятного запаха и не представляет ничего безобразного, хотя на мумии различаются ясно все члены, как на самом трупе. Ближайшие родственники покойника держат мумию в своем доме в течение целого года, предлагая ему первые плоды и принося жертвы. Наконец гроб уносят и ставят в окрестностях города.

25 . Осмотрев все, соглядатаи отправились в обратный путь. Рассказы их привели Камбиса в ярость, и он немедленно стал готовиться к походу, не сделав даже распоряжения относительно продовольствия, вовсе не принимая во внимание, что он идет войной на край земли; словом, он выступил в поход, лишь только выслушал ихтиофагов, как безрассудный и сумасшедший человек. Находясь у него на службе элинам он приказал оставаться в Египте, а всю пехоту повел с собой. Прибыв во время похода в Фивы, он отделил от своего войска пятьдесят тысяч человек, поручил им поработить аммониев и сжечь прорицалище Зевса, а сам с остальным войском продолжал поход на эфиопов. Войско не прошло еще пятой части пути, когда все имевшиеся у него съестные припасы были истощены; после этого воины стали есть вьючный скот, пока и он не истощился. Если бы, заметив это, Камбис оставил свое намерение и повернул бы с войском назад, то, несмотря на первоначальную ошибку, все же был бы человеком благоразумным; но он не обращал никакого внимания на препятствия и продвигался вперед. Пока солдаты могли добывать что-нибудь с полей, они питались зеленью и тем спасали себя от смерти, но по вступлении в пустыню некоторые из них учинили ужасное дело: съели по жребию десятого из своей среды. Узнав об этом, Камбис испугался, как бы все солдаты не поели друг друга, поэтому остановил поход на эфиопов и повернул назад. Но прежде чем

достигнуть Фив, он потерял множество людей. Из Фив Камбис спустился в Мемфис и там дал разрешение эллинам отплыть на родину. Таков был конец похода на эфиопов.

26. Что касается тех персов, которые отделились и пошли на аммониев, то из Фив они взяли с собою проводников; затем известно только, что они достигли города Оасиса, который населен самосцами Эсхрионийского колена и отстоит от Фив на семь дней пути через пустыню; по – эллински местность эта называется Островом Блаженных. Сюда-то, как говорят, и пришло войско; что было с ним после, никто не знает об этом ничего, кроме самих аммониев и тех, кому аммонии рассказывали. К аммониям войско не дошло и назад не вернулось. Сами же аммонии сообщают относительно этого следующее: когда из Оасиса персы через пустыню отправились против них и когда были почти на середине пути между ними и Оасисом, на них во время завтрака налетел внезапно сильный ветер с юга и похоронил их в пустыне в массе песка, который принесен был ветром; таков был их конец. Так рассказывают аммонии о судьбе этого войска.

27. По прибытии Камбиса в Мемфис египтяне «обрели» Аписа, у эллинов называемого Эпафом. При его «появлении» египтяне тотчас надели на себя лучшее платье и ликовали. Ввиду этого Камбис был твердо убежден, что египтяне устроили себе празднество по случаю постигшей его беды, и позвал к себе старшин города Мемфиса. Явившихся Камбис спросил: почему египтяне, никогда раньше ничего подобного не совершавшие, устроили празднество теперь, когда он возвратился из похода с потерей значительной части войска. Старшины отвечали, что египтяне обрели божество, которое появляется лишь через большие промежутки времени, и появление его всегда сопровождается радостными общими празднествами всех египтян. Царь выслушал их, назвал лжецами и как лжецов велел предать казни.

28. Казнив старшин, Камбис позвал к себе жрецов. Когда и жрецы ответили то же, царь сказал, что желает знать, кроткое ли божество явилось египтянам, и велел жрецам привести к нему Аписа; те пошли за ним. Апис, или Эпаф, есть теленок от коровы, которая по рождении его не может никогда уже быть стельной. По словам египтян, на корову нисходит с неба луч света, и от него она рождает Аписа. Теленок этот, называемый Аписом, черный и имеет следующие признаки: на лбу белое треугольное пятно, на спине изображение орла, на хвосте двойные волосы, под языком жук.

29. Когда жрецы привели Аписа, Камбис, уже в припадке безумия, выхватил меч и направил удар в живот Апису, но попал в бедро.

«Жалкие твари, – сказал со смехом Камбис, обращаясь к жрецам. – Разве такие боги бывают: с кровью, с мясом, чувствительные к железу? Впрочем, каковы египтяне, таково и божество их. Но насмешка надо мною не пройдет вам даром». С этими словами он отдал приказание палачам наказать жрецов кнутом и убивать всех египтян, сколько бы ни захватили их на празднестве. Так кончился праздник и так персы расправились со жрецами, а Апис умер от раны в бедро в священном помещении. Умершего от раны Аписа жрецы похоронили тайком от Камбиса.

30. Как говорят египтяне, Камбис в наказание за это злодеяние тотчас лишился рассудка; но и прежде он не был в здравом уме. Прежде всего он погубил брата своего Смердиса, единокровного и единокровного. Из Египта царь отослал его в Персию из зависти, потому что он один из персов натягивал тот лук пальца в два шириной, который ихтиофаги принесли от эфиопского царя; никто из прочих персов не в силах был сделать это. По удалении Смердиса в Персию Камбис видел такой сон: будто бы из Персии явился к нему вестник, который и сообщил, что на царском престоле сидит Смердис и головой касается неба. Камбис испугался, как бы брат не лишил его жизни и не сел на царство, поэтому он отправил в Персию надежнейшего человека, Прекаспа, с поручением убить брата. Что тот и исполнил по прибытии в Сузы, как говорят одни – на охоте, по словам других – он вывез его на Эрифрейское море и там утопил.

31. Это, говорят, было первое злодеяние Камбиса; второе – умерщвление сестры, которая последовала за ним в Египет, с которой он жил в супружеской связи, невзирая на то, что она была единокровна и единокровна с ним. Женился он на ней так: раньше у персов вовсе не было обыкновения жить в супружестве с родными сестрами; но Камбис влюбился в одну из сестер и пожелал жениться на ней. Так как желание его было противно обычаю, он созвал царских судей и спросил их: нет ли закона, позволяющего, если кто пожелает, вступить в брак с сестрой. Царские судьи выбираются из среды персов и остаются там пожизненно или до тех пор, пока не будут уличены в какой-нибудь неправде. Эти-то судьи разбирают тяжбы персов, толкуют прадедовские установления, и от решения их зависит все. На вопрос Камбиса они дали ответ и справедливый, и безопасный, а именно: закона, который дозволял бы брату жениться на сестре, они не нашли; зато нашли другой закон, позволяющий царю персов делать все, что бы он ни пожелал. Таким образом, из страха перед Камбисом они не нарушили закона; однако во избежание собственной гибели за верность закону они подыскали

другой, благоприятный для царя, желающего вступить в брак с сестрой. После этого Камбис женился на любимой сестре, а спустя некоторое время взял себе в жены и другую сестру. Он убил младшую из них, последовавшую за ним в Египет.

32. О смерти этой женщины, равно как и о смерти Смердиса, рассказывают двояко. По рассказам эллинов, Камбис устроил однажды бой львенка со щенком и смотрел на это вместе с женой; так как щенок начал уступать противнику, то на помощь к нему явился, сорвавшись с цепи, другой щенок, брат его, и щенята вдвоем одолели львенка. Камбису зрелище это доставило удовольствие, а сидевшая подле него жена плакала. Когда Камбис заметил это и спросил, чего она плачет, жена отвечала, что плачет при виде щенка, прибежавшего к брату на помощь, и при воспоминании о Смердисе, за которого, как она хорошо знает, никто не отомстит. По словам эллинов, Камбис умертвил жену именно за это замечание; но египтяне рассказывают иначе. Однажды за столом жена взяла в руки салат и общипала его, потом спросила мужа, какой салат красивее, общипанный ли или с густыми листьями; когда тот ответил, что с густыми листьями лучше, царица сказала: «Между тем ты некогда учинил подобие общипанного салата, обрубив семейство Кира». Разъяренный Камбис ударил жену, в то время беременную, ногой в живот, от чего та выкинула и умерла.

33. Так проявлялось бешенство Камбиса относительно близких лиц; а произошло ли оно из-за Аписа или по какой-нибудь другой причине, как обыкновенно постигают людей многие болезни, мы не решаем. Ибо рассказывают, что Камбис от рождения страдал серьезной болезнью, которую иные называют «священной»*. Таким образом, ничего необыкновенного не было в том, что при серьезной болезни тела и ум Камбиса не был здоров.

34. По отношению к остальным персам бешенство его проявилось, как рассказывают, в следующих случаях: у него в большом почете был Прекасп, между прочим, служивший при царе докладчиком*, а сын его был виночерпием при Камбисе, что тоже немалая честь. Прекаспу этому однажды он сказал: «Каким человеком, Прекасп, считают меня персы, и какие речи ведут они обо мне?» «Вообще, царь, – отвечал Прекасп, – тебя очень хвалят; говорят только, что ты слишком предан вину». Так Прекасп сообщил царю о персах, а тот в гневе заметил на это: «Итак, персы говорят теперь, что я предаюсь вину, что, следовательно, безрассуден и глуп, поэтому прежние речи их не были правдивы». Дело в том, что некогда прежде, во время совещания с несколькими персами и с Крезом, Камбис спросил, как о нем думают

сравнительно с отцом его Киром; советники отвечали, что он лучше отца, так как он владеет всем, чем владел отец, а сверх того владычествует над Египтом и на море. Присутствовавший здесь Крез не согласился с мнением персов и сказал Камбису так: «Мне думается, дитя Кира, что ты не равен отцу, ибо у тебя нет еще такого сына, какого он оставил в тебе». Камбис выслушал это с удовольствием и одобрил мнение Креза.

35. При воспоминании об этом Камбис в гневе сказал Прексаспу: «А ты посмотри, говорят ли персы правду, или же подобными речами они обличают только собственное безрассудство. Если я выстрелю в твоего сына, стоящего тут, в портике, и попаду ему в самую середину сердца, то, значит, персы говорят вздор, а если промахнусь, то знай, что персы говорят правду и что я не в здравом уме». С этими словами царь натянул лук и выстрелил в юношу. Когда тот упал замертво, царь велел разрезать труп и осмотреть рану. Стрела оказалась в сердце; тогда Камбис радостно и со смехом сказал отцу юноши: «Теперь тебе ясно, Прексасп, что я не безумен, а что безрассудны персы. А вот скажи мне: видал ли ты вообще кого-нибудь, кто бы так метко стрелял, как я?» Видя, что тот не в здравом уме и опасаясь за собственную жизнь, Прексасп отвечал: «Я полагаю, царь, что само божество не может стрелять столь метко». Вот какое злодеяние совершил тогда Камбис; другой раз он без достаточной причины велел схватить двенадцать знатнейших персов и закопать их в землю головами вниз.

36. При виде такого поведения лидийский царь Крез счел своим долгом образумить Камбиса и обратился к нему с такой речью: «Не следуй во всем увлечению молодости и сердца, но умеряй и сдерживай себя. Предусмотрительность благодетельна, и осторожность – свойство мудреца. Ты казнишь своих граждан без достаточных оснований, ты убиваешь даже детей. Если долго будешь поступать так, берегись, как бы персы не встали на тебя. Отец твой настойчиво наказывал наставлять тебя и давать тебе благие советы». Крез говорил так с Камбисом из доброжелательства, но тот отвечал на это: «Ты дерзаешь еще давать мне советы, – ты, так доблестно охранивший свое отечество и давший столь «мудрый» совет моему отцу: перейти реку Аракс и там ударить на массагетов, между тем как они собирались было перейти в наши владения; ты погубил себя самого неумелым управлением отечеством, погубил Кира своими советами; но это не пройдет тебе даром: я давно уже искал случая покарать тебя». С этими словами он взял лук и хотел застрелить Креза, но тот отскочил и выбежал вон. Не успев застрелить Креза, Камбис приказал своим слугам схватить и

убить его. Но слуги знали нрав своего господина и скрыли Креза. Они надеялись, что Камбис раскается и будет осведомляться о Крезе, тогда они же получат награду, когда представят Креза живым; а если он не раскается и не пожелает его видеть, они убьют его. Действительно, немного времени спустя Камбис пожелал видеть Креза, а слуги, заметив это, доложили, что он жив. Камбис обрадовался тому, что Крез жив, но прибавил, что сохранившие ему жизнь не останутся без наказания и будут казнены. Так он и сделал.

37. Относительно персов и своих союзников Камбис многократно проявлял бешенство. Между прочим, в Мемфисе он вскрывал древние гробницы и рассматривал покойников. Однажды он пришел в храм Гефеста и всячески издевался над кумиром божества. Это изображение Гефеста очень похоже на финикийские Патеки*, которые у финикийцев ставятся на передней части трирем. Кто не видел Патеков, для тех замечу, что они изображают пигмея. Входил он также в святилище Кабиров, в которое грешно входить кому бы то ни было, кроме жреца; над изображениями Кабиров надругался и потом сжег их. И эти изображения походят на Гефеста; Кабиры считаются его детьми.

38. Для меня, таким образом, совершенно ясно, что Камбис страдал тяжким умопомешательством, в противном случае он не решился бы издеваться над святыней и обычаями. Действительно, если спросить у какого бы то ни было народа, какие обычаи лучше всех, то каждый по расследовании ответит, что наилучшие обычаи его собственные. Таким образом, всякий народ считает свои обычаи гораздо лучше всех остальных. Вот почему неестественно, чтобы кто-нибудь, разве помешанный, ругался над подобными предметами. Что все люди относятся именно так к своим обычаям, можно доказать многочисленными примерами, в частности следующим: во время своего царствования Дарий позвал к себе эллинов, состоявших при нем на службе, и спросил их, за какую плату они согласились бы съесть своих умерших родителей. Те отвечали, что они не сделают этого ни за что. После того Дарий позвал индийцев, именно так называемых калатиев, которые поедают своих родителей, и спросил их в присутствии эллинов, причем переводчик объяснил смысл ответа: за какую плату согласились бы они умерших родителей предать огню. Калатии отвечали громкими восклицаниями и требовали, чтобы он не богохульствовал. Так чтятся обычаи, и я думаю, Пиндар был прав, когда в своем стихотворении назвал обычай всеильным владыкой.

39. Когда Камбис пошел войной на Египет, лакедемоняне в то же самое время выступили в поход против Самоса и Поликрата, сына Эака,

завладевшего островом через восстание. Прежде всего он разделил государство на три части и управлял им совместно с братьями, Пантагнотом и Силосонтом. Впоследствии он умертвил старшего из братьев, а младшего, Силосонта, изгнал и овладел всем Самосом; потом заключил дружественный союз с египетским царем Амасисом, в знак чего послал ему подарки и от него получил таковые. После этого в короткое время могущество Поликрата увеличилось, и слава о нем разносилась по Ионии и по всей Элладе. Действительно, где бы он ни вел войну, везде за ним следовала удача. Он располагал сотней пятидесятивесельных кораблей и тысячей стрелков из лука. Всех без различия он разорял и грабил, руководствуясь при этом тем, что больше угодит другу, если отнятое возвратит ему же, нежели в том случае, если совсем не возьмет у него ничего. Он покорил множество островов и взял многие города на суше; в морском сражении одержал победу даже над лесбосцами, со всем войском своим явившимися на помощь милетянам, и взял их в плен; эти-то пленники одни выкопали ров кругом самосского укрепления.

40. Чрезвычайное счастье Поликрата было небезызвестно и Амасису и сильно тревожило его. Так как счастье Поликрата все возрастало, то Амасис написал к нему письмо, которое и отослал на Самос: «Амасис так говорит Поликрату. Приятно слышать, что друг и союзник благоденствует; но твои необыкновенные удачи не радуют меня, потому что я знаю, как завистливо божество. И для себя, и для тех, кто мне дорог, я желал бы, чтобы удачи сменялись неудачами, и потому предпочел бы существование с переменным счастьем, нежели с постоянным. В самом деле, я никогда не слышал, чтобы кто-либо, пользуясь во всем удачей, не кончил несчастливо и не был бы уничижен окончательно. Поэтому послушай меня и прими против твоего счастья следующую меру: сообрази, что есть у тебя самого драгоценного, потерей чего ты был бы наиболее огорчен, возьми эту вещь и выкинь так, чтобы никогда больше она не попадалась на глаза людям. Если и после этого удачи не будут у тебя перемежаться с неудачами, то и впредь исправляй свою судьбу предлагаемым мною способом».

41. По прочтении письма Поликрат понял, что Амасис дает ему благой совет, и стал раздумывать, потеря какого драгоценного предмета огорчила бы его наиболее. Размышления привели его к следующему: был у него перстень с печатью, смарагдовый, отделанный в золото, работы самосца Феодора, сына Телекла. Решив забросить перстень, Поликрат поступил так: снарядил пятидесятивесельный корабль, взошел на него сам и приказал отплыть в открытое море. Отойдя далеко

от острова, он на глазах у всех спутников снял перстень и бросил в море, затем поплыл обратно, вернулся домой и загрустил.

42. На пятый или на шестой день после этого случилось следующее: рыбак поймал большую прекрасную рыбу и решил поднести ее в дар Поликрату. С рыбой в руках подошел он к дверям замка и объявил, что желает быть представленным самому Поликрату. Так и случилось; а вручая рыбу Поликрату, рыбак сказал: «Поймав такую рыбу, царь, я решил не нести ее на рынок, хотя и живу трудами рук своих; она показалась мне достойной тебя и твоей власти, и потому я подношу ее в дар тебе». Поликрату понравилось это приветствие, и он сказал: «Ты поступил очень хорошо, и тебе следует двойная благодарность: за речь и за подарок. Мы зовем тебя на обед». Рыбак считал это для себя большой честью и возвратился домой. Между тем слуги разрезали рыбу и в животе ее нашли перстень Поликрата. Увидев перстень, они тотчас взяли его, и с радостью понесли к Поликрату; вручая его, они рассказали, как он был найден. Поликрату пришло на мысль, что это – дело божества; потом он написал в письме все, что сделал и что с ним было, и послал письмо Амасису.

43. По прочтении письма от Поликрата Амасис понял, что человек бессилён спасти другого от предстоящего ему несчастья и что Поликрата ждет дурной конец, хотя он и пользуется постоянным счастьем: он находит даже то, что забрасывает. После этого Амасис через посла, отправленного на Самос, объявил, что он разрывает с ним дружбу; делал он это для того, чтобы самому не терзаться за друга, когда с Поликратом случится страшное несчастье.

44. На этого-то Поликрата, во всем имевшего успех, пошли войной лакедемоняне, по приглашению тех самосцев, которые впоследствии основали колонию на Крите, Кидонию. Поликрат тайком от самосцев отправил посла к сыну Кира Камбису, который в то время набирал войско против Египта, и просил его прислать на Самос послов с просьбой о войске. Выслушав это, Камбис поспешно отправил посла на Самос к Поликрату с просьбой снарядить для него флот в Египет. Поликрат отобрал тех из граждан, которых наиболее подозревал в готовности к восстанию, и на сорока триремах отправил их в поход, причем просил Камбиса не присылать их обратно.

45. По словам одних, отправленные Поликратом самосцы не дошли до Египта, но по прибытии к Карпафу обсудили дело и порешили дальше не плыть. Другие рассказывают, что в Египет они прибыли, но бежали оттуда из-под стражи. Когда они подплыли к Самосу, Поликрат встретил их на кораблях и дал сражение. Возвратившиеся самосцы

одержали победу на море и высадились на остров; но на суше были разбиты и отплыли в Лакедемон. Наконец, некоторые передают, что прибывшие из Египта самосцы одержали победу над Поликратом, но, как мне кажется, рассказ этот неверен: им не было бы нужды звать к себе на помощь лакедемонян, если бы они одни могли одолеть Поликрата. Сверх того невероятно, чтобы возвратившиеся самосцы, будучи в небольшом числе, одолели того, у кого было множество наемников и собственных стрелков. Детей и жен тех из граждан, которые находились в его власти, он велел запереть в судохранилищах и держать их наготове с тем, чтобы, если только граждане перейдут на сторону врага, сжечь заключенных вместе с судохранилищами.

46. По прибытии в Спарту, изгнанные Поликратом самосцы явились к правителям и долго настойчиво просили их о помощи. В первый раз спартанцы отвечали, что они позабыли начало речи и не понимают конца. Во втором собрании самосцы, явившись с мешком, не говорили ничего, только заметили, что мешок нуждается в муке. Но правители возразили, что можно бы обойтись и без слова «мешок», и решили помочь им.

47. После этого лакедемоняне приготовились к войне и выступили в поход, как рассказывают самосцы, в благодарность за ту помощь, какую раньше оказали они лакедемонянам против мессенцев. Однако сами лакедемоняне говорят, что они предприняли поход не по просьбе самосцев о помощи, но из желания отмстить за похищение чаши, которую они везли для Креза, а также за похищение панциря, который египетский царь Амасис посылал им в дар. Панцирь самосцы похитили за год до похищения чаши; он был льняной, с множеством затканых изображений, украшенный золотой и хлопчатобумажной бахромой; удивительны в нем в особенности отдельные нитки: несмотря на свою тонкость, каждая нитка ткани состоит из трехсот шестидесяти ниток, причем все они ясны для глаза. Другой такой же панцирь Амасис пожертвовал святилищу Афины в Линде.

48. Коринфяне со своей стороны содействовали тому, чтобы поход против Самоса состоялся. Ибо и коринфянам за одно поколение до этого похода самосцы нанесли обиду в то самое время, когда похищена была чаша. Дело в том, что сын Кипсела Периандр послал было в Сарды к Алиатту для оскопления триста мальчиков, детей знатнейших людей с острова Керкиры. Когда коринфяне, везшие мальчиков, пристали к Самосу, и самосцы узнали, чего ради везут детей в Сарды, прежде всего научили их скрыться у алтаря Артемиды, а потом не позволили коринфянам оторвать ищущих убежища от алтаря. Так как

коринфяне вовсе не давали есть детям, то самосцы устроили празднество, которое совершается у них до настоящего времени по тому же самому способу. Во все то время, пока дети в качестве ищущих убежища находились в храме, самосцы каждый раз по наступлении ночи устраивали в храме хоры девушек и юношей, которым велено было брать с собой лепешки из сесама с медом; лепешки похищались керкирскими мальчиками и поедались ими. Делалось это до тех пор, пока коринфская стража детей не удалилась и не оставила их в покое. Тогда самосцы перевезли детей назад на Керкиру.

49. Если бы по смерти Периандра установилась дружба между коринфянами и керкирянами, то коринфяне по этой причине не помогали бы так осуществлению похода на Самос. На самом деле со времени колонизации острова коринфяне и керкиряне находились между собой в непрерывных распрях, несмотря на родство по происхождению. Вот за что коринфяне злобствовали на самосцев. Периандр отобрал сыновей знатнейших керкирян и отослал их для оскпления в Сарды с целью отомстить керкирянам за их прежний злодейский поступок относительно его.

50. После того, как Периандр убил свою жену Мелиссу, с ним случилась сверх этой другая беда. От Мелиссы он имел двух сыновей, из которых одному было семнадцать, а другому восемнадцать лет от роду. Дед по матери, Прокл, тиран Эпидавра, пригласил их к себе, обходился с ними ласково, как подобало обходиться с детьми родной дочери. Отпуская и провожая мальчиков домой, он сказал им: «Знаете ли, дети, кто убил вашу мать?» Старший мальчик не обратил никакого внимания на этот вопрос, а младший, по имени Ликофрон, был так омрачен этим, что по возвращении в Коринф не говорил с отцом, как с убийцей матери, не отвечал, когда тот обращался к нему с речью, и все вопросы отца оставлял без внимания. Наконец Периандр в гневе выгнал его из дому.

51. После того Периандр расспрашивал старшего сына, о чем говорил с ними дед. Тот рассказал отцу, как ласково он принял их, но не вспомнил о том вопросе, с каким дед обратился к ним при расставании, так как тогда не обратил на него внимания. Периандр заметил на это, что дед непременно должен был сказать им что-либо; он не переставал расспрашивать сына, пока тот не вспомнил наконец вопроса и не сообщил его отцу. Периандр отнесся к этому серьезно и, не желая выказывать ни малейшего снисхождения к изгнанному сыну, послал вестника туда, где он жил, с приказанием не принимать юношу в дом. Прогнанный оттуда, Ликофрон явился в другой дом; но, вследствие

угроз Периандра и приказания закрывать перед ним двери домов, и там не был принят. Отовсюду гонимый, он пришел наконец в дом одного из своих сверстников, где его приняли как сына Периандра, хотя и со страхом.

52. Наконец Периандр объявил к всеобщему сведению, что всякий, кто примет его сына к себе в дом или заговорит с ним, обязан уплатить Аполлону священную пеню в определенном размере. Вследствие такого объявления никто не решался ни говорить с изгнанником, ни принимать его к себе. Впрочем, сам Ликофрон не имел охоты действовать вопреки запрещению отца и, оставаясь верен себе, скитался под портиками Коринфа. На четвертый день после этого увидел его Периандр, грязного и голодного, и сжалился над ним. Без гнева он подошел к сыну и сказал: «Сын мой, предпочитаешь ли ты теперешнее свое положение или же власть тирана и те блага, которыми я пользуюсь и которые ты получишь, если будешь покорен отцу? Сын мой и царь богатого Коринфа, ты предпочел вести жизнь бродяги из вражды и злобы на того, кто всего менее заслужил это. Если в нашем доме случилось несчастье, из-за которого ты гневаешься на меня, то оно несчастье и для меня самого, тем более тяжкое, что я же виновник его. Но ты теперь понял, насколько лучше быть предметом зависти, нежели жалости, понял, к чему ведет гнев на родителей и на сильнейших тебя лиц. Поэтому возвратись домой». Такой речью Периандр старался примирить с собою сына; но тот ничего не отвечал отцу, заметив только, что отец обязан уплатить божеству священную пеню за то, что заговорил с изгнанником. Периандр убедился, что ненависть сына неизлечима и несокрушима, а потому удалил его с глаз и отослал на судне в Керкиру, которая также была под его владычеством. После этого Периандр пошел войной на тестя Прокла, так как считал его наиболее виновным в последнем несчастье, завоевал Эпидавр, а самого Прокла взял живым в плен.

53. Спустя некоторое время, когда Периандр состарился и чувствовал себя не в силах уже следить за общественными делами и управлять государством, он отправил на Керкиру посла просить Ликофрона на царство; старшего сына он находил неспособным к управлению по слабоумию. Однако Ликофрон даже не удостоил посланного ответом. Периандр любил юношу и вторично послал к нему сестру его, свою дочь, рассчитывая на то, что брат внемлет ей скорее, нежели кому-нибудь другому. Сестра обратилась к Ликофрону с такой речью: «Неужели, друг мой, ты желаешь, чтобы власть перешла в чужие руки, чтобы достояние отца было расхищено? Неужели не хочешь

вернуться и получить в свои руки то и другое? Вернись домой и прекрати самоистязание. Упрямство – дурное свойство, и беды не лечи бедой. Многие отдают предпочтение снисходительности перед правосудием, а многие в заботах о материнском потеряли отцовское. Власть тирана непрочна, и многие жаждут ее. Отец твой стар и слаб; не отдавай же своего достояния другим». Она говорила с братом весьма увлекательно, как учил ее отец. Однако Ликофрон отвечал, что никогда не пойдет в Коринф, пока будет знать, что отец его жив. Получив от дочери такое известие, Периандр в третий раз отправил посла с заявлением, что сам он решил удалиться на Керкиру, и просил сына вернуться в Коринф и принять на себя власть тирана. На это условие сын согласился, и потому Периандр собирался уже отплыть на Керкиру, а Ликофрон в Коринф, как вдруг керкиряне узнали все это и убили юношу, не желая допустить в свою землю Периандра. За это-то Периандр и пытался отомстить керкирянам.

54. Лакедемоняне подошли к Самосу с большим войском и осадили город. При нападении на стену они взошли было уже на башню, стоявшую в городском предместье со стороны моря, но в это время явился на помощь с сильным отрядом Поликрат и отбросил лакедемонян назад. Из верхней башни, стоявшей на гребне горы, ударили на неприятеля союзники и многие самосцы, но недолго выдерживали натиск лакедемонян и обратились в бегство; неприятель преследовал их и убивал.

55. Если бы в день сражения все лакедемоняне были так мужественны, как Архий или Ликоп, то Самос был бы взят. Действительно, они вдвоем только ворвались вслед за бегущими самосцами в укрепление, но здесь им отрезан был обратный путь, и они погибли в самосском городе. С внуком этого Архия, также Архием, сыном Самия, я встречался в Питане, – из этой деревни он был родом. Из всех иноземцев он наиболее ценил самосцев, прибавляя при этом, что отцу его дано имя Самия за то, что отец сего последнего умер геройской смертью. Самосцев, говорил он, уважает потому, что они похоронили деда его с почестями на общественный счет.

56. После сорокадневной осады Самоса лакедемоняне ушли обратно в Пелопоннес, потому что дело ничуть не подвигалось вперед. Распространен, впрочем, другой, менее вероятный рассказ, будто Поликрат велел отчеканить большое количество свинцовой местной монеты, позолотил ее и роздал лакедемонянам, которые за эту плату и ушли домой. Так лакедемонские дорийцы совершили первый поход в Азию.

57. Что касается самосцев, воевавших против Поликрата, то они ушли на Сифнос, когда лакедемоняне собирались покинуть их, потому что имели нужду в деньгах. Между тем дела на Сифносе находились в то время в цветущем состоянии; сифнийцы были богатейшими из островитян, так как на острове их находились золотые и серебряные рудники, столь изобиловавшие рудой, что на десятую часть доходов с них была пожертвована в Дельфы сокровищница, одна из богатейших; ежегодные доходы сифнийцы делили между собой. Занятые сооружением сокровищницы, они спросили прорицалище, долго ли суждено им пользоваться нынешним благополучием. Пифия дала такой ответ:

Лишь только на Сифносе пританей станет белым,
А рынок получит белую ограду,
Благоразумному следует остерегаться
деревянного воинства
и красного вестника.

В то время у сифнийцев и рынок, и пританей были украшены паросским мрамором.

58. Это изречение оракула не могли понять сифнийцы ни тотчас, ни по прибытии самосцев. Подплыв к Сифносу, самосцы немедленно отправили в город послов на корабле. В древности все корабли окрашивались суриком. Это именно и было предсказано сифнийцам пифией, когда она велела остерегаться «деревянного воинства» и «красного вестника». Прибывшие послы требовали от сифнийцев взаймы десять талантов, а когда сифнийцы отказали в ссуде, самосцы стали опустошать их землю. Услыхав об этом, сифнийцы тотчас бросились на защиту страны своей, но были разбиты в сражении; многим из них неприятель отрезал обратный путь в город и таким образом вынудил их к уплате ста талантов.

59. На эти деньги самосцы купили у гермионян остров Гидрею, что подле Пелопоннеса, поручили его охране трезенцам, а сами поселились в Кидонии на Крите, хотя туда они отправились не с этою целью, а только для удаления закинфян с острова. Самосцы остались в этом городе и благоденствовали в течение пяти лет, благодаря чему ими сооружены были храмы, находящиеся теперь в Кидонии (и храм Диктинны*). На шестом году после этого они были разбиты в морском сражении эгинцами в союзе с критянами и обращены в рабство; носы у кораблей их, сделанные в виде кабанов, были обрублены и посвящены в

храм Афины на Эгине*; эгинцы учинили это по злобе на самосцев. Дело в том, что раньше, в царствование Амфикрата на Самосе самосцы напали на Эгину, причинили много бед жителям, но пострадали и сами. Такова причина этого похода.

60. Я потому распространился о самосцах, что у них есть три сооружения, громаднейшие из всех эллинских сооружений. Первое из них в горе, поднимающейся на полтора саженей; это – туннель, начинающийся из-под горы, с отверстиями по обеим сторонам ее. Длина туннеля семь стадиев, а высота и ширина по восьми футов. Во всю длину туннеля выкопан канал в двадцать локтей глубиной и в три фута шириной; через него проведена вода из обильного источника; с помощью насосных труб она доставляется в город. Строителем туннеля был мегарец Евпалий, сын Навстрофа. Это – одно из трех сооружений; второе – насыпь земляная в море около гавани в двадцать саженей вышины и в два с лишком стадия длины. Третье сооружение – храм, обширнейший из всех известных нам храмов*. Первым строителем его был уроженец острова, Рек, сын Филея. Вот почему я подольше остановился на самосцах.

61. В то время как Камбис все еще находился в Египте и страдал умопомешательством, против него восстали два брата, маги, одному из которых Камбис оставил свой дворец на попечение. Этот-то и восстал, зная, что смерть Смердиса содержится в тайне, что лишь немногим персам она известна, а что народ считает его живым. Имея это в виду, он для захвата царской власти устроил следующее: был у него брат, который, как я сказал уже, восстал вместе с ним; он был очень похож по наружности на Смердиса, сына Кира, умерщвленного по приказанию Камбиса, родного брата его; он носил и то же самое имя Смердиса. Этого-то человека маг Патизиф убедил, что все сделает для него сам, и посадил его на царский престол. Затем он повсюду разослал глашатаев, между прочим и в Египет, с приказанием по войскам, что впредь они обязаны повиноваться Смердису, сыну Кира, а не Камбису.

62. Глашатаи всюду возвещали об этом, а отправленный в Египет глашатай нашел Камбиса с войском в Акбатанах в Сирии; он вошел в середину войска и провозгласил приказание мага. Слушая глашатая и полагая, что он говорит правду и что, следовательно, Прексасп предал его, Камбис взглянул на этого последнего и сказал: «Так-то ты, Прексасп, исполнил возложенное на тебя поручение?» «Неправда, царь, – отвечал тот, – будто Смердис, брат твой, восстал на тебя; невозможно, чтобы от него последовало тебе какое-либо огорчение, большое или малое. Ведь я сам исполнил твое приказание и

собственноручно похоронил его. Если же мертвецы встают, то жди, что и мидийский царь Астиаг восстанет на тебя. Но если и теперь все так, как было прежде, то не опасайся от Смердиса никакой беды. Поэтому, мне кажется, следует послать за глашатаем вдогонку и спросить его, от кого он принес нам требование признавать царем Смердиса и покориться ему».

63. Речь Прекаспа понравилась Камбису, за глашатаем тотчас послали погоню, и он явился. Прекасп тогда спросил его: «Ты говоришь, человек, что явился вестником от Смердиса, сына Кира. Скажи же правду и можешь идти с миром: сам ли Смердис лично дал тебе такое приказание или кто-нибудь из его слуг?» «Смердиса, сына Кирова, с того времени, как Камбис ушел в Египет, – отвечал глашатай, – я не видал еще. Дал мне это приказание маг, которого Камбис оставил смотрителем дворца, и при этом сказал, что так велел сказать вам Смердис, сын Кира». Так говорил глашатай без малейшей лжи. Тогда Камбис заметил: «Ты, Прекасп, исполнил мое приказание, как человек честный, и потому не виноват. Но кто же из персов этот мятежник, присвоивший себе имя Смердиса?» «Мне кажется, царь, я постигаю все случившееся, – сказал Прекасп. – Восстали на тебя маги: Патизиф, на попечение которого оставил ты свой дворец, и брат его, Смердис».

64. При имени Смердиса Камбис быстро уразумел и правдивость этих слов, и сбывшееся сновидение: ему во сне кто-то объявил было, что Смердис сядет на царский престол и головой будет касаться неба. Понял он также, что напрасно погубил брата, и оплакивал его. Оплакав брата и вообще погоревав по поводу несчастья, он вскочил на коня, решив немедленно идти войной на Сузы против мага. Но в то время как он садился на коня, отвалился наконечник от его ножен, и обнаженный меч ранил Камбиса в бедро, в то самое место, в какое прежде он нанес удар египетскому божееству Апису. Так как рана ему казалась смертельной, то он спросил, как называется город. «Акбатаны», – отвечали ему. Раньше еще царь получил изречение оракула, что в городе Буто, по смыслу которого конец жизни его наступит в Акбатанах. Камбис понял изречение в том смысле, что он умрет в мидийских Акбатанах старцем среди своих сокровищ; теперь оказалось, что оракул гласил об Акбатанах сирийских. Когда в ответ на вопрос назвали ему город по имени, он, потрясенный уже раньше вестью о злодеянии мага и мучимый раной, возвратился к рассудку, понял изречение оракула и воскликнул: «Здесь суждено умереть Камбису, сыну Кира».

65. В то время он не сказал ничего больше; но дней через двадцать после этого призвал к себе знатнейших из находившихся при нем персов и обратился к ним с такой речью: «Я вынужден открыть вам, персы, то, что старательнейше доселе скрывал. В Египте я видел во сне призрак – о! никогда бы мне не видать его! Мне представилось, будто из дому явился ко мне вестник с донесением, что Смердис восседает на царском престоле и головой касается неба. Из боязни, как бы брат не лишил меня власти, я поступил поспешно, но не благоразумно. Как оказалось потом, человек не в силах отворотить предстоящую ему беду. Между тем я, глупец, послал Прексаспа в Сузы с повелением убить Смердиса. Совершив такое злодеяние, я жил спокойно, в полной уверенности, что по умерщвлении Смердиса никто другой не восстанет на меня. Однако я совершенно обманулся относительно будущего, без нужды сделался братоубийцей и все-таки лишен царства. Тем Смердисом, о восстании которого предупредило меня божество в виде призрака, был маг. Дело совершилось, и знайте, что Смердиса, Кирова сына, нет более у вас; властвуют над вами маги: один, которого я оставил смотрителем дворца, другой брат его, Смердис. Тот человек, которому более всего подобало бы отомстить за учиненный мне магами позор, принял злополучную смерть от ближайших родственников. Его нет более; поэтому второе настоятельнейшее мое желание – возложить на вас исполнение моей предсмертной воли. Именем царских богов я требую от всех вас, в особенности от присутствующих здесь Ахеменидов, не допустить, чтобы власть перешла снова к мидянам; если они завладели ею хитростью, то хитростью же и вам следует отнять ее; если они приобрели ее силой, то силой и оружием вы обязаны добыть ее обратно. Если вы так сделаете, то земля будет приносить вам плоды, благословенны будут жены и стада ваши, и вы навсегда останетесь свободны. Если же не добудете власти обратно и не попытаетесь добыть ее, то заклинаю, чтобы вас постигла несчастная доля, и чтобы сверх того каждый перс кончил жизнь свою так, как кончаю я». Говоря это, Камбис оплакивал свою долю.

66. При виде плачущего царя все персы разодрали от верху до низу имевшиеся на них одежды и громко завопили. Когда вскоре после этого появилось в кости воспаление, а бедро было поражено гангреней, жизнь покинула Камбиса; царствовал он всего семь лет и пять месяцев, не оставив детей ни мужского ни женского пола. Однако у присутствующих персов возникло сильное недоверие к тому, чтобы маги захватили власть; они были убеждены, что Камбис рассказал им о смерти Смердиса с целью обмануть их и вооружить против него весь

персидский народ. Таким образом, они верили, что на царском престоле сидит Смердис, сын Кира, тем более что Прексасп решительно отрицал умерщвление им Смердиса: теперь ведь, после смерти Камбиса, ему было опасно утверждать, что от его руки погиб сын Кира.

67. Между тем по смерти Камбиса маг, пользуясь тождеством своего имени с именем Кирова сына Смердиса, спокойно царствовал в течение семи месяцев, недостававших Камбису для полных восьми лет его царствования. За это время он сделал много доброго всем своим подданным, так что, когда он погиб, все в Азии жалели о нем, за исключением самих персов. Действительно, маг разослал по всем народам своего царства распоряжение о свободе от военной службы и от податей на три года. Распоряжение это сделал он тотчас по вступлении на царство, а на восьмом месяце после этого его узнали. Случилось это так.

68. У Фарнаспа был сын Отан, по происхождению и состоянию принадлежавший к знатнейшим персам. Этот Отан первый возымел подозрение против мага, что новый царь не Смердис, сын Кира, основываясь на том, что он вовсе не выходил из царского замка и не вызывал к себе никого из знатных персов. Для проверки подозрения он поступил так. Женой Камбиса была его дочь по имени Федима; она же была в то время женой и мага, который пользовался всеми вообще женами Камбиса. Отан через посланца спрашивал дочь, с кем делит она супружеское ложе, с сыном ли Кира, Смердисом, или с кем-нибудь другим. Дочь прислала ему ответ, что не знает, так как Смердиса, сына Кирова, она никогда не видела, поэтому не знает она и теперь, с кем делит ложе. Отан послал к ней вторично. «Если сама ты, – говорил он ей, – не знаешь сына Кира Смердиса, то спроси Атоссу, кто такой супруг ее и твой, она ведь хорошо знает своего брата». На это дочь отослала ему такой ответ: «Ни с Атоссой, ни с какой-либо другой из жен, вместе со мною живущих во дворце, я не могу говорить и не могу никого из них видеть. Как только этот человек, кто бы он ни был, сделался царем, он отделил нас одну от другой».

69. Такой ответ еще больше уяснил дело Отану. Он обратился к дочери в третий раз со следующим посланием: «Так как, дитя мое, ты благородного происхождения, то обязана подвергнуться риску по требованию отца твоего. Если он действительно не Смердис, сын Кира, а тот, за кого я считаю его, то не подобает ему ни делить ложе с тобой, ни властвовать над персами; не должен он также оставаться безнаказанным за это; наказать его необходимо. Поступи поэтому так: когда он ляжет спать с тобой и ты заметишь, что он заснул, ощупай его

уши. Если он окажется с ушами, то знай, что супругом имеешь Кирова сына, Смердиса; если он без ушей, то ты живешь со Смердисом магом». В ответ на это Федима прислала сказать, что она подвергнется большой опасности, если сделает это, ибо, если супруг действительно без ушей и если она будет захвачена на ощупывании, то несомненно он убьет ее. Тем не менее она пообещала отцу исполнить его требование. Этому самому магу Смердису царь Камбис, сын Кира, велел отрезать уши за какую-то немаловажную вину. Федима, дочь Отана, исполнила все, что обещала отцу, а именно: когда наступила ее очередь идти к магу – у персов жены ходят к мужьям по очереди – и когда она легла с ним спать, то во время крепкого сна ощупала у него уши. Вполне убедившись, что у мужа нет ушей, она на другой день рано утром послала сказать об этом отцу.

70. Тогда Отан пригласил к себе Аспафина и Гобрива, знатнейших персов, которым он вполне мог довериться, и рассказал им все дело. Они, впрочем, и сами подозревали, что это так, и потому, когда Отан объяснил им все, они согласились с его заключением. Решено было, что каждый из них приобщит к заговору еще по одному персу, к которому будет питать полнейшее доверие. Таким образом, Отан ввел Интафрена, Гобрив – Мегабиза, Аспафин – Гидарна. Когда их было шесть, в Сузы явился Дарий, сын Гистаспа, из Персидской земли, где он был царским наместником. По прибытии Дария шестеро персов решили сделать и его участником заговора.

71. Эти семь персов сошлись в одно место; обязали друг друга верностью и держали совет. Когда наступила очередь Дария, он высказал следующее мнение: «Мне казалось, один только я знаю, что над нами властвует маг, а что сын Кира Смердис умер, и сюда я поспешил именно для того, чтобы погубить мага, если же оказывается, что и вам это известно, а не мне одному, то, по моему мнению, необходимо действовать немедленно, не оттягивая, потому что пользы от того никакой не будет». Отан возразил на это: «Ты, сын Гистаспа, производишь от доблестного отца и несомненно ничуть не уступаешь ему в мужестве; но в этом деле не поступай столь поспешно и необдуманно; обсуди его с большим спокойствием. Для выполнения замысла требуется больше людей». «Знай же, присутствующие, – возразил Дарий, – что вы позорно погибнете, если будете действовать по совету Отана, потому что найдутся такие, которые из корысти откроют все магу. Наилучше было бы, если бы вы одни приняли на себя это дело, но так как вам угодно было сообщить его большему числу лиц и довериться мне, то или мы должны действовать сегодня же, или

знайте: если сегодняшний день будет пропущен, никто другой раньше меня не выступит обличителем – я сам донесу обо всем магу».

72. При виде такой торопливости Дария Отан сказал: «Если ты вынуждаешь нас так торопиться и не позволяешь откладывать, то объясни сам, каким образом пройти нам в царский замок и как напасть на магов? Ведь везде расставлена стража – ты сам это знаешь, а если нет, так теперь узнай. Как нам миновать ее?» «Много есть такого, Отан, – возразил Дарий, – что объясняется не на словах, а самим делом; иное ясно на словах, но из него не выходит ничего значительного. Знайте, что миновать стоящую там стражу вовсе не трудно. Во – первых, благодаря нашему званию ни один страж не дерзнет остановить нас из уважения к нам или из страха. Во – вторых, я имею удобнейший предлог для того, чтобы нас пропустили, а именно: я скажу, что только что прибыл из Персии и желаю передать царю известие от отца. Где ложь нужна, там следует лгать. Ведь цель правды и лжи одна и та же. Одни лгут в расчете убедить ложью и извлечь из того пользу, другие говорят правду для того, чтобы правдивостью добыть корысть и внушить к себе больше доверия. Таким образом, в обоих случаях мы преследуем одну и ту же цель, хотя и различными средствами. Если бы не было в виду никакой корысти, то правдивый также легко сделался бы лжецом, как лжец правдивым. Итак, кто из привратников пропустит нас охотно, положение того впоследствии улучшится; кто попытается противиться нам, того будем считать врагом нашим, за сим ворвемся в замок и – за дело».

73. Гобрий на это заметил: «Друзья мои, когда нам представится случай более благоприятный для того, чтобы возвратить нам нашу власть или умереть, если окажемся бессильными добыть ее обратно? Ведь мы, персы, подчинены мидянину магу, да к тому же безухому. Все те из вас, которые находились при смертельно больном Камбисе, наверное хорошо помнят, чем он перед смертью угрожал персам, если они не попытаются отнять свою власть. Тогда мы не поверили его словам, полагая, что Камбис так говорит по злобе. Поэтому теперь я предлагаю последовать совету Дария, никуда не расходиться из настоящего собрания и идти прямо на мага». Таково было мнение Гобрия, и с ним все согласились.

74. Во время их совещания случилось следующее: маги держали между собой совет и порешили расположить к себе Прексаспа, потому что Камбис убил стрелой из лука его сына и тем нанес ему жестокую обиду, а также потому, что он один знал смерть Смердиса, Кирова сына, так как сам умертвил его, наконец и потому еще, что Прексасп

пользовался в среде персов высоким уважением. На этом основании маги пригласили его к себе, старались приобрести его дружбу, обязав его словом и клятвами держать в тайне и никому не открывать того обмана, какой они совершили по отношению к персам, обещая ему за это всевозможные блага. Прексасп обещал исполнить просьбу магов. Тогда они убедили его принять на себя и другое дело: они созовут всех персов к царскому замку, а он должен взойти на башню и во всеуслышание объявить, что над персами царствует Смердис, сын Кира, а не кто-либо другой. Они предлагали Прексаспу сделать это потому, что он был довереннейшим лицом у персов, многократно высказывался, что Смердис, сын Кира, жив, и отрицал убийство его. Прексасп и на это согласился.

75. Тогда маги созвали персов, возвели Прексаспа на башню и приказали ему объявить все народу. Будто бы забыв, о чем просили его маги, он изложил родословную Кира, начав с Ахемена, потом дошел до Кира и напомнил, сколько добра он сделал персам, после этого открыл всю правду, прибавив, что прежде скрывал, потому что небезопасно было рассказывать случившееся; теперь он вынужден открыть правду. При этом он рассказал, как он сам по приказанию Камбиса умертвил Смердиса, сына Кира, и что теперь царствуют маги. За сим, призвав на персов различные беды, если они не отнимут власти у магов и не накажут их, он кинулся с башни вниз головой. Так кончил дни свои Прексасп, всю жизнь проживший достойным образом.

76. Между тем семь персов, порешив после совещания напасть тотчас на магов, не откладывая, помолились богам и вышли, ничего не зная о случае с Прексаспом. Только на половине пути они стали узнавать о случившемся. Персы тут же сошли с дороги и начали снова совещаться между собой; при этом Отан и его сторонники настаивали на том, чтобы дело пока совсем отложить и не нападать на магов во время общего возбуждения. С другой стороны, Дарий и его единомышленники советовали идти тотчас и немедленно приводить свои решения в исполнение. Они еще спорили, когда появилось семь пар соколов, которые гнали перед собой две пары коршунов, щипали и рвали их. При виде этого все семеро приняли мнение Дария и, ободренные птицами, направились к царскому замку.

77. У ворот случилось именно то, чего ждал Дарий. Стража почтительно встретила знатнейших персов и, не подозревая с их стороны ничего, пропустила их по вдохновению свыше; никто из стражи даже не опросил пришедших. Вступив во двор, персы повстречались с евнухами, доставляющими известия царю; евнухи

стали спрашивать, зачем они пришли, и вместе с тем грозили наказанием привратникам за то, что те пропустили их; когда семеро персов пытались пройти дальше вперед, евнухи удерживали их, но те сговорились между собой, обнажили свои мечи, удерживавших евнухов положили на месте, а сами стремительно бросились в мужское отделение замка.

78. Как раз в то время оба мага находились в замке и обсуждали последствия поступка Прексаспа. Но увидев и услышав смятение и крики евнухов, они оба кинулись назад и, постигнув все случившееся, бросились к оружию; один поспешно схватил лук, другой взялся за копье. Тут произошла схватка. Лук в этом положении оказался для мага бесполезен, потому что враги были уже слишком близко и теснили их; другой маг отбивался копьем и ранил Аспафина в бедро, а Интафрена в глаз; от полученной раны Интафрен потерял глаз, но не умер. Этих двух персов ранил один из магов; другой маг ничего не мог сделать своим луком и бросился в спальню, смежную с мужскими покоями, и хотел запереть за собой двери; но вместе с ним ворвались в спальню два перса, Дарий и Гобрий. Гобрий сцепился с магом, а Дарий стоял подле в нерешительности, потому что в комнате было темно, а он боялся, как бы не ударить Гобрия. Видя, что Дарий стоит тут же без дела, Гобрий спросил, почему он не действует, на что Дарий отвечал: «Боюсь нанести удар тебе». «Бей мечом, – возразил Гобрий, – хотя бы и по обоим». Дарий ударил мечом и попал в мага.

79. Таким образом, маги были убиты, и головы им отрублены; раненые персы оставлены в замке как по причине обессиления их, так и для охраны замка; остальные пять персов с головами магов в руках выбежали вон с криком и шумом, созвали прочих персов, объяснили им все происшедшее и показали головы; после этого они убивали всякого мага, попадавшегося им на глаза. Узнав о том, что сделали вельможи и как обманывали их маги, персы нашли нужным действовать таким же образом: обнажили мечи и убивали каждого встречного мага; если бы не наступившая ночь, персы перебили бы всех магов до единого. День этот – для персов важнейший государственный праздник; в этот день они совершают великолепное торжество, именуемое у персов избавлением от магов. Тогда ни один маг не смеет показаться на улице, и потому они проводят весь этот день по своим домам.

80. По прошествии пяти дней, когда волнение улеглось, восставшие против магов персы устроили совещание об общем положении государства, причем произнесены были речи, для некоторых эллинов невероятные, но действительно сказанные. Отан предлагал

предоставить управление государством всем персам в следующей речи: «Я полагаю, что никому из нас не следует уже быть единоличным правителем; это и тяжело, и не похвально. Вы видели, до какой степени дошло своеволие Камбиса, и сами терпели от своеволия мага. Да и каким образом государство может быть благоустроенным при единоличном управлении, когда самодержцу позволяется делать безответственно все, что угодно? Если бы даже достойнейший человек был облечен такою властью, то и он не сохранил бы свойственного ему настроения. Окружающие самодержца блага порождают в нем своеволие, а чувство зависти присуще человеку по природе. С этими двумя пороками он становится порочным вообще. Пресыщенный благами, он учиняет многие бесчинства частью из своеволия, частью по зависти. Хотя самодержец должен бы быть свободен от зависти, потому что он располагает всеми благами, однако образ действия его относительно граждан противоположен этому. Самодержец завидует самой жизни и здоровью добродетельнейших граждан, напротив, негоднейшим из них покровительствует, а клевете доверяет больше всех. Угодить ему труднее, чем кому бы то ни было, ибо если ты восхищаешься им умеренно, он недоволен, что ты недостаточно чтить его; если же оказываешь ему чрезвычайное почтение, он недоволен тобой как льстецом. Но вот что важнее всего: он нарушает искони установившиеся обычаи, насилует женщин, казнит без суда граждан. Что касается народного управления, то, во – первых, оно носит прекрасеншее название – *равноправие* («исономия»), во – вторых, управляющий народ не совершает ничего такого, что совершает самодержец; на должности народ назначает по жребию, и всякая служба у него ответственна; всякое решение передается в общее собрание. Поэтому я предлагаю упразднить единодержавие и предоставить власть народу. Ведь в количестве все». Таково было мнение Отана.

81. Мегабиз предлагал установить олигархию и произнес следующую речь: «Что касается упразднения самодержавия, то я согласен с мнением Отана, но он ошибается, когда предлагает вручить власть народу. Действительно, нет ничего бессмысленнее и своевольнее негодной толпы и невозможно, чтобы люди избавляли себя от своеволия тирана для того, чтобы отдаться своеволию разнузданного народа; ибо если что-нибудь делает тиран, он делает со смыслом, а у народа нет смысла. Да и возможен ли смысл у того, кто ничему доброму не учился и сам по себе не знает ничего такого, стремительно, без толку накидывается на дела подобно горному потоку? Народное управление пускай предлагают те, кто желает зла персам, а мы выберем совет

достоинейших людей и им вручим власть; в число их войдем и мы сами. Лучшим людям, естественно, принадлежат и лучшие решения». Таково было мнение Мегабиза.

82. Третьим высказывался Дарий в следующих выражениях: «Мне кажется, что мнение Мегабиза о народном управлении верно, а об олигархии ошибочно. Из трех предлагаемых нам способов управления, предполагая каждый из них в наилучшем виде, то есть наилучшей демократии, наилучшей олигархии и наилучшей монархии, – я отдаю предпочтение этой последней. Не может быть ничего лучше единодержавия наилучшего человека. Руководимый лучшими намерениями, он безупречно будет управлять народом. При этом вернее всего могут сохраняться в тайне решения относительно внешнего врага, и, напротив, в олигархии, где многие достойные лица пекутся о государстве, обыкновенно возникают ожесточенные распри между ними. Так как каждый из правителей добивается для себя главенства и желает дать перевес своему мнению, то они приходят к сильным взаимным столкновениям, откуда происходят междоусобные волнения, а из волнений – кровопролитие; кровопролитие приводит к единодержавию, из чего также следует, что единодержавие – наилучший способ управления. Далее, при народном управлении пороки неизбежны; а раз они существуют, люди порочные не враждуют между собой из-за государственного достояния, но вступают в тесную дружбу; обыкновенно вредные для государства люди действуют против него сообща. Так продолжается до тех пор, пока кто-нибудь один не станет во главе народа и не положит конца такому образу действий. Вот почему подобное лицо возбуждает к себе удивление со стороны народа и благодаря этому скоро становится самодержцем, тем еще раз доказывая, что самодержавие – совершеннейшая форма управления. Сводя все сказанное вместе, спросим: откуда наша свобода, и кто даровал нам ее? От народа ли мы получили ее, от олигархии, или от самодержца? Я полагаю, что свободными сделал нас один человек; и поэтому мы обязаны блюсти единовластие, равно как и потому, что нарушение исконных установлений не принесет нам пользы».

83. Таковы были высказанные три мнения; четыре остальных перса из семи присоединились к последнему мнению. Видя себя побежденным, Отан, желавший было установить для персов равноправие, обратился к товарищам с такой речью: «Очевидно, товарищи, одному из нас предстоит сделаться царем, по жребию ли или по назначению от персидского народа, кого он захочет выбрать себе сам, или по какому-нибудь иному способу. Но соперничать с вами я не

буду, так как не желаю ни властвовать, ни подчиняться. Я уклоняюсь от власти с тем, чтобы ни мне самому, ни моим потомкам не подчиняться кому-либо из вас». Все шестеро приняли на таком условии предложение Отана, так что он не участвовал во взаимном соперничестве их из-за власти и удалился от них. Теперь это – единственный свободный дом у персов, подчиняющийся лишь настолько, насколько ему желательно, без нарушения, однако, персидских законов.

84. Остальные шестеро совещались о том, как им наилучше назначить царя. При этом они сделали такое постановление: если царская власть перейдет к кому-нибудь из семи, кроме Отана, то он обязан делать Отану и всему его потомству почетные дары, а именно: дарить ежегодно мидийское платье и другие предметы, почитаемые у персов наиболее ценными. Они порешили наградить его таким образом за то, что он первый задумал переворот и образовал из них союз. Так отличили они Отана, а для всех их вообще постановили следующее: каждый из шести может, когда пожелает, входить в царские палаты без доклада, если только царь в это время не возлежит с женой, далее, царь может взять себе в жены девушку только из семейства своих соумышленников. Относительно назначения царя они приняли такое решение: в предместье на восходе солнца сядут они верхом на лошадей, и чья лошадь заржет первая, тому и быть царем.

85. У Дария был ловкий конюх по имени Эбар. К этому-то человеку, когда они разошлись по домам, Дарий обратился с такой речью: «У нас решено, Эбар, относительно назначения царя поступить так: на восходе солнца мы сядем верхом на лошадей, и чья лошадь заржет первая, тому быть царем. Если теперь знаешь ты какое-либо хитрое средство, то устрой так, чтобы мы, а не кто-либо иной получили царское достоинство». Эбар отвечал на это: «Если, господин мой, только от этого зависит быть или не быть тебе царем, то успокойся и будь уверен, что помимо тебя никто не будет царем; у меня есть такое средство». – «Если только ты знаешь такое средство, то пора применить его тотчас, не откладывая, потому что состязание предстоит нам на рассвете». После этого Эбар сделал следующее: как скоро наступила ночь, он взял одну из кобылиц, ту, которую жеребец Дария любил наиболее, отвел ее в предместье и там привязал; подвел к кобылице Дариева жеребца, долго водил его кругом кобылицы, притом так близко, что он касался ее, и наконец допустил к случке.

86. На следующий день на рассвете шестеро персов согласно условию явились верхом на лошадях и проезжали по предместью; когда они подъехали к тому месту, где в минувшую ночь привязана была

кобылица, жеребец Дария кинулся вперед и заржал; в это самое время сверкнула на небе молния и загредел гром. Эти знамения, случившиеся для Дария как бы по предварительному соглашению, освятили его избрание. Тогда прочие персы сошли с лошадей и преклонились перед ним как перед царем.

87. Так поступил Эбар по рассказам одних; по словам других – ибо персы рассказывают об этом двояко, – он употребил следующее средство: прикоснувшись рукой к половым частям этой самой кобылицы, он затем спрятал руку в штаны. Когда потом на рассвете лошади готовы были пуститься бежать, Эбар вынул руку из штанов и поднес ее к ноздрям Дариева жеребца; тот понюхал руку, зафыркал и заржал.

88. Таким образом Дарий, сын Гистаспа, назначен был царем, и в Азии ему подчинены были все народы, кроме арабов*; одни из них покорены были Киром, другие Камбисом. Арабы никогда не были в подчинении у персов на положении рабов; они находились в союзе с персами с того времени, как пропустили Камбиса в Египет; действительно, без соизволения арабов персы не могли бы туда проникнуть. Дарий взял себе в жены знатнейших персидских женщин, а именно: двух дочерей Кира, Атоссу и Артистону; из них Атосса была уже раньше женой брата своего Камбиса, потом мага; Артистона была еще девушкой. Кроме этих двух, он женился на дочери Смердиса, внучке Кира по имени Пармис, а также на дочери Отана, которая открыла мага. Все полно было его властью. Прежде всего он велел изготовить и выставить каменное изображение, представлявшее всадника и снабженное следующей надписью: «Дарий, сын Гистаспа, получил царскую власть при помощи достойного коня (следовало имя) и конюха Эбара».

89. После этого Дарий учредил в Персии двадцать правительственных округов, которые у самих персов носят название сатрапий. Назначив затем начальников округов, он по главным народностям установил подати, причем к каждой народности причислялись пограничные соседи, а население более отдаленное распределялось между различными народностями. Взнос податей по округам он установил в следующем порядке: тем из них, которые платили серебром, велено было вносить талант по вавилонскому весу, а плательщикам золотом – по эвбейскому. Вавилонский талант имеет ценность семидесяти восьми эвбейских мин. В царствование Кира и потом Камбиса в Персии определенной подати не существовало вовсе, но подданные приносили подарки. Персы называют Дария торгашом за

то, что он установил определенную подать и принял другие подобные меры; Камбиса называют господином, Кира – отцом; первый назван так потому, что во все дела вносил торгашество, второй был суров и высокомерен, третий – благодушен и все делал на пользу подданных.

90. От ионян, азиатских магнетов, эолийцев, карийцев, ликийцев, милиев и памфилов – все они составляли один податной округ – поступало четыреста талантов серебра. Это – первый из учрежденных Дарием округов. От мисийцев, лидийцев, ласонцев, кабалиев, гитеннов поступало пятьсот талантов; это – второй округ. От геллеспонтийцев с правой стороны прохода в Геллеспонт, от фригийцев, азиатских фракийцев, пафлагонов, мариандинов, сирийцев получалось триста шестьдесят талантов; это – третий округ*. От киликийцев шло триста шестьдесят белых лошадей, по одной лошади на каждый день, и пятьсот талантов серебра; из них расходовалось на содержание конницы, охранявшей Киликийскую землю, сто сорок талантов, остальные триста шестьдесят поступали к Дарию; это – четвертый округ.

91. Округ, простиравшийся от города Посидея, основанного Амфилохом на границе Киликии и Сирии, до Египта, за вычетом земли арабов, платил триста пятьдесят талантов подати. В состав этого округа входят: вся Финикия, Сирия, именуемая Палестиной, и Кипр; это – пятый округ. От Египта, пограничной с ним земли ливийцев, от Кирены и Барки – все эти земли входили в египетский округ – поступало семьсот талантов, не включая сюда доходов с Меридова озера, выручавшихся за рыбу; с этого, шестого округа поступало, таким образом, семьсот талантов, за вычетом доходов с озера и сборов хлеба. Сто двадцать тысяч медимнов хлеба идет с этого округа на прокормление персов, занимающих Белую крепость в Мемфисе, и их наемников. Саттагиды, гандарии, дадики и апариты, объединенные в один округ, седьмой*, уплачивали сто семьдесят талантов подати. От восьмого округа*, а именно: от Суз и остальной земли киссиев, поступало триста талантов.

92. От Вавилона и остальной Ассирии, составлявших девятый округ, поступали Дарию тысяча талантов серебра и пятьсот оскопленных мальчиков. От десятого округа*, а именно от Акбатан и остальной Мидии, от париканиев и ортокорибантиев – четыреста пятьдесят талантов. Каспии, павсики, пантимафы и дариты – все они составляли один, одиннадцатый округ* – вносили двести талантов. Подать от двенадцатого округа*, в который входили земли от бактрийцев до эглов, определялась в триста шестьдесят талантов.

93. Тринадцатый округ, начинающийся от Пактики, земли армениев и соседей их и простирающийся до Евксинского Понта, уплачивал четыреста талантов. От сагартиев, сарангов, фаманеев, утиев, миков и жителей тех островов, что на Эрифрейском море, где царь поселяет так называемых ссыльных, от всех этих народов поступало шестьсот талантов; это – четырнадцатый округ. Саки и каспии, составлявшие пятнадцатый округ, вносили двести пятьдесят талантов. Парфяне, хорасмии, согдийцы и арии, составлявшие шестнадцатый округ*, платили триста талантов.

94. Парикании и азиатские эфиопы уплачивали четыреста талантов подати; это – семнадцатый округ. Матиены, саспиры, алародии –

восемнадцатый округ – обязаны были уплачивать двести талантов. Мосхи, тибарены, макроны, моссиники и мары – девятнадцатый округ* – обложены были податью в триста талантов. Индийский народ, многочисленный из всех нам известных, уплачивал сравнительно с прочими наибольшую подать, а именно триста шестьдесят талантов золотого песку; это – двадцатый округ*.

95. Вавилонское серебро в переводе на эвбейский талант имеет ценность девяти тысяч восьмисот восьмидесяти талантов. Если золото ценить в тринадцать раз дороже серебра, то ценность золотого песку определяется в четыре тысячи шестьсот восемьдесят эвбейских талантов. Общая сумма всех податей, ежегодно поступавших в казну Дария, по эвбейскому счету составляла четырнадцать тысяч пятьсот шестьдесят талантов; более мелкие цифры я при этом опускаю.

96. Таковы были подати, шедшие Дарию от Азии и незначительной части Ливии. С течением времени подати стали поступать с островов и от народов Европы до Фессалии. Всю эту дань хранит персидский царь в сокровищницах таким образом: расплавляют металл и наполняют им глиняные сосуды, затем глиняную оболочку снимают. Всякий раз, когда требуются деньги, царь велит отрубить металла, сколько ему нужно.

97. Таковы были правительственные округа и размеры податей. Одна только Персия не поименована у меня в числе земель, обложенных податью, потому что занимаемая персами страна осталась свободной от податей. Следующие народы не были вовсе обложены данью, но делали добровольные приношения царю: пограничные с Египтом эфиопы, которые покорены были Камбисом во время похода его на долговечных эфиопов; они занимают область Нисы* и устраивают праздники в честь Диониса. Эти эфиопы, равно как и соседи их, засевают те же семена, что и каллатийские индийцы, а живут они в подземных домах. Оба эти народа вместе приносили в дар через год, приносят и до настоящего времени два хеника самородного золота, двести стволов эбенового дерева, пять эфиопских мальчиков и двадцать больших слоновых зубов. Колхи также обложили себя добровольными приношениями, равно как и соседи их до Кавказского хребта; до этого хребта простирается владычество персов, а страны, к северу от Кавказа лежащие, знать не хотят персидского владычества. Определенные ими для себя царственные приношения, совершаемые по настоящее время через каждые четыре года, состоят из ста мальчиков и ста девочек. Наконец, арабы ежегодно дарили тысячу талантов ладана. Таковы добровольные приношения, получавшиеся царем сверх обязательной дани.

98. Большое количество золота, часть которого в виде золотого песка индийцы, как сказано выше, поставляют персидскому царю, добывается следующим образом: восточная часть Индии представляет песчаную пустыню. Действительно, из всех народов Азии, нам известных, о которых к тому же имеются некоторые достоверные сведения, индийцы живут на востоке дальше всех; земля, лежащая к востоку от индийцев, бесплодна, потому что это – песчаная пустыня. Племена индийцев многочисленны и говорят на разных языках; одни из них кочевые, другие нет, третьи занимают речные болота и питаются сырой рыбой, которую ловят со своих тростниковых лодок; целая лодка готовится из одного колена тростника. Эта часть индийцев носит платье из ситника, который они срезают в реке, потом разбивают его и сплетают наподобие рогожки, каковую и надевают на себя как панцирь.

99. Другие индийцы, живущие к востоку от этих, – кочевники, питающиеся сырым мясом. Они называются падеями и, как говорят, имеют следующий обычай. Если кто-нибудь из соплеменников заболит, женщина ли то или мужчина, то ближайшие друзья мужчины, если больной – женщина, убивают его, прибавляя при этом, что мясо пропадает для них, если болезнь истощит больного; больной отрицает свою болезнь, но те не соглашаются с ним, убивают и поедают его. Точно так же, как мужчины с мужчиной, поступают ближайшие женщины с больной женщиной. Равным образом убивают и поедают они состарившихся людей. Впрочем, до старости доживают у них немногие, так как каждого убивают они раньше еще, лишь только он заболевает.

100. У других индийцев существует следующее обыкновение: они не убивают никакой твари, ничего не сеют, не имеют вовсе жилищ, питаются злаками. У них есть растение, плод которого в шелухе и величиной с просяное зерно; растет оно там в диком состоянии; его собирают, варят и едят вместе с шелухой. Кто из них заболевает, удаляется в безлюдное место и там лежит. Ни об умерших, ни о больных у них никто не заботится.

101. Половые общения у всех перечисленных мной индийцев совершаются открыто, как у скота. Цвет кожи у всех их одинаковый, такой же, как у эфиопов. Мужское семя, которым оплодотворяется женщина, у индийцев не белое, как у остальных народов, но черное, как и кожа их; такое же семя имеют эфиопы. Эти индийцы живут очень далеко на юг от персов и никогда не были в подданстве у персидского царя.

102. Другие индийцы живут на границе с городом Каспатиром и с Пактийской землей, на север от прочих индийцев; образ жизни их такой же, как у бактрийцев. Это – наиболее воинственные индийцы; они же ходят за золотом. В стране этой есть песчаная пустыня, и в песках ее водятся муравьи величиной почти с собаку, но больше лисицы*. Несколько таких муравьев, пойманных на охоте, есть и у персидского царя. Муравьи эти роют для себя жилища под землей и оттуда выносят песок на поверхность так точно, как муравьи у эллинов; на эллинских муравьев они похожи и по виду. Выносимый ими на поверхность песок золотой. За ним-то и ходят индийцы в пустыню, причем каждый из них выезжает на тройке верблюдов; по сторонам на поводьях идут самцы, а в середине самка, для чего старательно выбирается такая, у которой дома остаются очень юные жеребята, от каких и отрывают ее; на самку садится охотник. Верблюды их по скорости бега не уступают лошадям, а сверх этого могут нести на себе большие тяжести, нежели лошади.

103. Наружный вид верблюдов эллины знают, а потому я и не буду говорить о нем; отмечу только неизвестную эллинам особенность. Верблюды имеют на задних ногах четыре лядвеи и столько же колен, а половые части самца проходят между задними ногами к хвосту.

104. Так отправляются индийцы на охоту и такова для этого запряжка верблюдов. При этом с выездом за золотом они устраиваются так, чтобы похищение производить в пору сильнейшей жары, так как от жары муравьи прячутся под землю. У этого народа солнечный жар бывает самый сильный рано утром, а не в полдень, как у всех других народов; сильнейший жар держится у них от солнечного восхода до окончания нашего рынка. В течение этого времени солнце греет там гораздо сильнее, нежели в Элладе в полдень, и жители, как рассказывают, окропляют себя водой. В полдень в Индии почти такая же жара, как и у других народов после полудня, солнце у них греет, как у прочих народов рано утром; потом жар спадает все больше и больше, пока к заходу солнца не становится очень холодно.

105. Прибыв на место с мешками, индийцы немедленно наполняют их золотым песком и возможно скорее уезжают назад, потому что, как рассказывают персы, муравьи тотчас чувствуют охотников обонянием и бросаются за ними в погоню. Нет другого животного столь быстрого, как эти муравьи, и если бы индийцы не убежали раньше в то время, как муравьи собираются еще, то ни один из них не спасся бы. Верблюды – самцы уступают в быстроте бега самкам, и потому охотники спускают их с поводьев, но не обоих разом; между тем самки, помня о покинутых ими жеребятах, нисколько не умаляют быстроты бега. Таким способом,

по словам персов, добывают индийцы бо́льшую часть своего золота; остальную, меньшую, добывают они в своей земле из рудников.

106. Окраины обитаемой земли, думается мне, получили на свою долю наиболее ценные предметы, тогда как Эллада пользуется совершеннейшим климатом. Так, во – первых, Индия есть отдаленнейшая страна на востоке, как сказано немного выше. В ней водятся животные, четвероногие и пернатые, гораздо больших размеров, нежели в какой-нибудь иной стране, кроме лошадей (тамошние лошади уступают мидийским, так называемым нисейским*). Во – вторых, в Индии огромное множество золота, которое отчасти добывается из земли, отчасти наносится реками или похищается, о чем рассказано выше. Дикорастущие деревья приносят здесь в виде плода род шерсти, по красоте и доброкачественности превосходящий овечью шерсть; индийцы готовят себе из нее одежду.

107. Крайняя из обитаемых стран на юге – Аравия; в ней одной рождаются ладан, смирна, касия, корица и ледан. Впрочем, все это, за исключением смирны, нелегко достается арабам. Для собирания ладана они сжигают смолу стирака, привозимую финикиянами в Элладу; курят смолой и при этом собирают ладан. Дело в том, что ладанные деревья охраняются крылатыми змеями, маленькими и пестрыми на вид, которые в большом числе сидят на каждом дереве; эти именно змеи и совершают поход на Египет. Ничем другим, только дымом стирака можно отогнать змей от ладанного дерева.

108. По словам арабов, змеи эти заполонили бы всю землю, если бы с ними не случилось то же самое, что, как мне известно, случается с ехиднами. Вообще я полагаю, промысел божий мудр, как и подобает ему быть, и потому сотворил многоплодными всех животных робких и идущих в пищу с той целью, чтобы они не были съедены все; напротив, малоплодными сотворил всех животных сильных и вредных. Так, например, на зайца охотятся все: и птицы, и люди, и потому он многоплоден. Заяц – единственное животное, которое оплодотворяется и во время беременности, так что в утробе самки один детеныш бывает покрыт шерстью, когда другой еще гол, третий чуть формируется в матке самки, а четвертый при них только зачинается. Таково это животное. Напротив, львица, как сильнейший и отважнейший зверь, рождает одного детеныша один раз в жизни; при рождении она вместе с детенышем выбрасывает и матку. Причина этого следующая: лишь только детеныш начинает двигаться, он разрывает матку когтями, так как когти у него острее, нежели у какого-нибудь другого животного; чем

больше становится детеныш, тем глубже разрывается им матка, которая ко времени родов совершенно разрушается.

109. Равным образом существование человека стало бы невозможным, если бы ехидны и аравийские крылатые змеи размножались беспрепятственно в той степени, какая определяется их природой. Между тем, лишь только они сходятся парами для совокупления и самец в момент оплодотворения самки выпускает семя, самка хватает его за шею, впивается в нее и выпускает не прежде, как перегрызет ее. Самец, таким образом, погибает, но и самка расплачивается за гибель самца следующим наказанием: в отмщение за отца детеныши еще в утробе самки грызут мать, разгрызают ей живот и так выходят на свет. Прочие змеи, для людей не вредные, кладут яйца и высиживают множество детенышей. Ехидны распространены по всей земле, а змеи, хотя имеют крылья, держатся все вместе в Аравии и нигде более не встречаются; потому-то и кажется, будто их много.

110. Как арабы собирают ладан, сказано уже выше, а касия добывается у них так: обвязывают себе воловьими и другими шкурами все тело и лицо, кроме глаз, и в таком виде отправляются за касией. Касия растет в неглубоком озере, а около нее и в ней живут крылатые животные, более всего похожие на летучих мышей; они страшно пищат и отважны в драке; чтобы сорвать касию, надо их отгонять от глаз.

111. Еще поразительнее способ собирания корицы. Где она растет, какая земля производит ее, арабы не умеют сказать; только некоторые из них на основании правдоподобных соображений утверждают, что растет она в тех местностях, где вскормлен был Дионис. Рассказывают, что большие птицы носят те полоски коры, которые мы от финикиян научились называть *корицей* (кинамом); птицы несут эти полоски в свои гнезда, сделанные из глины и прилепленные к горам, куда человеку нет доступа. Поэтому арабы придумали следующую хитрость: павших волов, ослов и других животных разрубает на очень большие куски и отвозят их в эти места, там кладут куски мяса подле гнезд, а сами отходят подальше от них. Налетающие с высот птицы уносят куски с собою в гнезда; некоторые из птиц не могут поднести такой тяжести и стремительно падают на землю; тогда арабы нападают на гнезда и таким способом собирают корицу. Собранная этим способом корица идет от арабов в другие страны.

112. Еще удивительнее способ собирания ледана, называемого у арабов ладаном. Будучи сам веществом душистым, он помещается на самом зловонном предмете, а именно: в виде древесной смолы находят его на бородах козлов. Он идет во многие масла и составляет

любимейшее курение у арабов. Сказанного довольно об ароматах, которыми благоухает аравийская земля.

113. У арабов есть две замечательных породы овец, нигде в другом месте не встречающиеся. Овцы одной из этих пород имеют длинные хвосты не менее как в три локтя длиной. Если допустить, чтобы овца эта волочила хвост по земле, то от трения о землю хвост покрывается ранами. Поэтому каждый пастух знакомится с плотничьим делом настолько, по крайней мере, чтобы делать маленькие тележки для подвязывания к хвосту; таким образом, хвост каждой овцы привязывается к маленькой тележке. Овцы другой породы имеют широкие хвосты, шириной до локтя.

114. Крайняя страна на юго – западе обитаемой земли – Эфиопия. В ней есть много золота, водятся громадные слоны, деревья всевозможных пород растут в диком состоянии, между прочим эбеновое, живут люди огромнейшего роста, красивейшие и долговечнейшие.

115. Таковы крайние страны в Азии и Ливии, о западных окраинах Европы не могу сказать ничего достоверного; ибо я не допускаю существования реки, которую варвары называют Эриданом*, которая будто бы впадает в Северное море и от которой, как говорят, приходит янтарь; не знаю я также, действительно ли существуют Оловянные острова*, с которых приходит к нам олово. Во – первых, само название «Эридан», сочиненное каким-нибудь поэтом, обличает эллинское, а не варварское его происхождение; во – вторых, невзирая на все мои усилия, я не могу найти ни одного очевидца, который подтвердил бы, что по ту сторону Европы есть еще море. Во всяком случае, олово и янтарь приходят к нам из окраины.

116. В северной части Европы есть, несомненно, очень много золота; но о способе добывания его я не могу сказать ничего достоверного. Рассказывают, впрочем, что одноглазые аримаспы похищают его у грифов. Однако я не верю в существование людей одноглазых, во всем остальном сходных с прочими людьми. Итак, крайние страны, замыкающие и ограничивающие собой остальную землю, содержат в себе те предметы, которые считаются у нас самыми драгоценными и наиболее редкими.

117. Есть в Азии равнина, со всех сторон замкнутая хребтом, а хребет имеет пять ущелий. Некогда равнина эта принадлежала хорасмиям, а лежит она на границах земель этих самых хорасмиев, гирканов, парфян, сарангов и фаманеев; со времени покорения ее персами она принадлежит персидскому царю. Из замыкающей равнину

горы вытекает большая река Акес. Первоначально река делилась на пять рукавов и орошала земли названных здесь народов, причем каждый рукав протекал через отдельное ущелье. Но с того времени, как народы эти перешли во власть персов, произошла следующая перемена: горные ущелья царь велел закрыть и перед каждым из них поставить шлюз, вследствие чего вода лишилась выхода, а замкнутая в горах равнина превратилась в озеро; действительно, река вливается в равнину и выхода из равнины не имеет нигде. Таким образом, те самые народы, которые обыкновенно пользовались этой водой, теперь постоянно испытывают большие лишения, потому что не могут больше пользоваться ею. Зимой божество ниспосылает им дождь, как и прочим народам, а летом, во время посевов проса и сесама, они терпят нужду в воде. Поэтому когда у них нет воды, они с женами своими отправляются в Персию, становятся у дверей царского замка и рыдают с воплями; царь, видя крайнюю нужду просящих, велит открыть шлюзы, ведущие в их равнину. Когда земля их насытится водою, шлюзы запираются снова; вместе с этим царь велит открыть другие шлюзы для других жителей, испытывающих крайнюю нужду в воде. Я знаю по рассказам, что царь сверх обычной дани взимает большие деньги за открытие шлюзов. Вот каковы эти дела.

118. Что касается восставших против мага семи мужей, то один из них, Интафрен, в наказание за злодеяние погиб вскоре после восстания. Однажды он желал войти в царский дворец для переговоров с царем по какому-то делу, потому что существовал закон, в силу которого восставшие на мага пользовались правом входа к царю без доклада, если только в это время царь не возлежал с женой. Поэтому Интафрен не считал нужным посылать кого-либо с докладом к царю и желал войти к нему по праву одного из семи. Но ни привратник*, ни докладчик не пропускали его, говоря, что царь у жены. Интафрен полагал, что они лгут, и поступил следующим образом: обнажив меч, отрубил им носы и уши, нанизал их на повод своей лошади, обвязал им шеи и так отпустил.

119. В таком виде они явились к царю, сообщив и причину совершенного над ними насилия. Царь смутился при мысли, как бы не случилось это по общему уговору всех шести персов, и потому приглашал каждого из них отдельно и испытывал их образ мыслей с целью узнать, не одобряют ли они случившегося. Но когда узнал, что виновный не был в соглашении с остальными, он приказал взять под стражу одного Интафрена с сыновьями и со всеми родственниками, будучи вполне убежден, что тот вместе с присными своими замышляет

восстание против царя; поэтому велел схватить их и отвести в тюрьму на казнь. Жена Интафрена приходила к царским дверям, жаловалась на свою долю и плакала. Так как она делала это непрерывно, то Дарий сжалился наконец и велел вестнику сказать ей следующее: «Царь Дарий дарует тебе, женщина, свободу одного из заключенных присных твоих того, кого сама пожелаешь». Подумав, женщина отвечала: «Если царь дарует мне жизнь одного из них, то из всех я выбираю брата». Дарий изумлен был таким ответом и послал сказать: «Царь спрашивает тебя, женщина, по какому побуждению ты оставляешь на смерть мужа, детей и выбираешь жизнь брата, который ведь не столь тебе близок, как твои сыновья, и не столь для тебя дорог, как муж?» Она дала такой ответ: «Муж у меня может быть и другой, царь, если божеству угодно будет; могут быть и дети другие, если потеряю этих, но иметь другого брата я никак не могу, потому что у меня нет в живых ни отца ни матери. Вот по какому побуждению я дала такой ответ». Объяснение женщины Дарий нашел правильным и в угоду ей не только освободил брата, за которого та ходатайствовала, но и старшего из сыновей; всех остальных велел казнить. Такой смертью погиб вскоре один из семи мужей.

120. Во время болезни Камбиса произошло следующее: наместником в Сардах Кир назначил перса Орета; у него явилась преступная решимость погубить Поликрата Самосского, – преступная потому, что он не потерпел от Поликрата ничего, не слышал от него какого-нибудь обидного слова, даже не видел его раньше в глаза. Решился он на это, как рассказывает большинство, по следующей причине: сидели однажды у царских дверей Орет и другой перс, по имени Митробат, правитель Даскилейского округа; от беседы они перешли к ссоре, заспорив о добродетели, причем, как рассказывают, Митробат обратился к Орету с таким упреком: «Ты считаешься мужчиной, между тем не мог завоевать для царя остров Самос, хотя он лежит так близко к твоему округу и хотя так легко покорить его; ведь его захватил и теперь властвует над ним бунтовщик из туземцев с пятнадцатью тяжеловооруженными». По словам некоторых, замечание это оскорбило Орета, и он решил выместить обиду не на том лице, которое произнесло обидные слова, но на Поликрате, из-за которого оскорбили его, и потому решил погубить его.

121. По словам же других, меньшинства, Орет отправил на Самос глашатая с просьбой о каком-то деле, – самое дело не упоминается. Поликрат в это время возлежал в зале дворца и с ним вместе был Анакреон Теосский*. Преднамеренно ли Поликрат отнесся с пренебрежением к делу Орета, или произошло это случайно, только,

когда вошедший глашатай Орета обратился к нему с речью, Поликрат, лежавший в то время лицом к стене, не повернулся к нему и ничего не ответил.

122 . Таким образом, двойко рассказывают о причине гибели Поликрата, и всякий может верить любому из этих рассказов. Живя в Магнесии, что над рекой Меандр, Орет отправил лидийца Мирса, сына Гигеса, на Самос с поручением касательно известных ему замыслов Поликрата. Дело в том, что Поликрат, насколько мы знаем, первый из эллинов возымел мысль утвердить господство на море, если не считать Миноса Кносского и предшествовавших ему владык моря; из рода людей, как выражаемся мы, Поликрат первый рассчитывал на владычество над Ионией и островами. Зная все эти планы, Орет обратился к нему через вестника с такой речью: «Так Орет говорит Поликрату: я знаю, ты замышляешь важные дела, но средства твои не отвечают твоим планам. Если ты поступишь так, как я тебе советую, то и себя возвеличишь и меня спасешь. Камбис замышляет на мою жизнь, о чем имеются у меня достоверные сведения. Поэтому увези меня отсюда вместе с моими сокровищами, часть которых удержи для себя, а другую оставь при мне; с такими средствами ты сделаешься владыкой целой Эллады. Если ты не веришь, что у меня есть сокровища, пришли ко мне надежнейшее лицо, и я покажу их».

123 . Поликрат выслушал предложение и с радостью принял его. Действительно, он сильно желал добыть сокровища и потому прежде всего послал для осмотра их одного из сограждан, Меандриева сына Меандрия, который служил у него секретарем и который вскоре после этого посвятил в храм Геры все замечательное убранство мужских покоев Поликрата. Между тем Орет знал, что явится соглядатай, и в ожидании его устроил следующее: камнями наполнил восемь ящиков, оставив только у краев их очень немного свободного места, поверх камней наложил золота, завязал ящики и так держал наготове. Меандрий явился, осмотрел все и доложил Поликрату.

124. Поликрат стал вскоре собираться в путь к Орету вопреки советам гадателей и друзей, невзирая также на следующее сновидение дочери: ей снилось, что отец ее висит в воздухе, Зевс обмывает его, а солнце умащает маслом. Ввиду такого сна дочь всячески убеждала Поликрата не ездить к Орету и провожала его вещими словами даже тогда, когда он находился уже на пятидесятивесельном судне. В ответ на это Поликрат угрожал ей, что в случае благополучного возвращения она долго просидит в девах; дочь молила богов, чтобы угроза отца

исполнилась: она предпочитала девствовать долгое время, нежели потерять отца.

125. Поликрат оставил без внимания всякие советы и отплыл к Орету вместе со многими друзьями; в числе их был и знаменитейший в свое время врач Демокед, сын Каллифонта, родом из Кротона. Но по прибытии в Магнесию Поликрат погиб позорной смертью, не достойной ни его самого, ни его замыслов. Действительно, за исключением тиранов сиракузских, ни один тиран прочих эллинов не может быть даже сравниваем с Поликратом по великолепию. Казнив его такой казнью, что я не считаю даже возможным описывать ее, Орет велел распять труп его на кресте. Всех сопровождавших его самосцев он отпустил, прибавив, что они должны благодарить его за свободу; напротив, всех иноземцев и рабов, находившихся при Поликрате, удержал у себя в рабстве. Повешение Поликрата оправдало вполне сновидение дочери его: всякий раз, когда шел дождь, Зевс обмывал Поликрата, а солнце умащало его, потому что труп от жары как бы выпускал из себя влагу. Так кончилось необыкновенное счастье Поликрата, согласно предвещанию египетского царя Амасиса.

126. Вскоре после того и Орет понес заслуженное наказание за Поликрата. Случилось это так: по смерти Камбиса и по окончании царствования магов он спокойно жил в Сардах без всякой пользы для персов, у которых власть отнята была мидянами. За время этой смуты Орет лишил жизни того самого Митробата, наместника Даскилея, который некогда укорял его за отношение к Поликрату, убил также сына Митробата Кранаспа; оба – люди значительные в Персии. Совершил он и другие преступления, например: когда к нему явился от Дария гонец, Орет устроил на него засаду на обратном пути и велел убить его, потом труп и саму лошадь скрыл.

127. Сделавшись царем, Дарий решил наказать Орета за все преступления, в особенности за смерть Митробата и его сына. Однако Дарий не находил нужным открыто послать против него войско, потому что в государстве продолжалось брожение, а сам он лишь недавно получил царскую власть; к тому же он знал, что Орет располагает значительной военной силой, что «тысяча персов» составляют отряд его телохранителей*, что, наконец, под властью его находятся округа Фригийский, Лидийский и Ионийский. Ввиду этого Дарий поступил следующим образом: он созвал знатнейших персов и обратился к ним с речью: «Кто из вас, персы, обещает мне исполнить поручение с помощью хитрости, без насилия и шума? Здесь требуется только хитрость и нет места насилию. Итак, кто из вас доставит мне Орета

живого или мертвого? Ведь он ничего не делает для блага персов, между тем совершил тяжкие преступления. Так, он сгубил двоих из наших людей, Митробата с сыном; он лишил жизни также моих гонцов, посланных за ним, обнаружив этим нестерпимую наглость. Мы должны казнить его прежде, чем он совершит относительно персов новое, еще большее злодеяние».

128. С таким предложением Дарий обратился к персам; в ответ на это тридцать человек предложили ему свои услуги, причем каждый из них принимал дело на себя. Так как они спорили между собою, то Дарий приказал бросить жребий, который и выпал на Багея, сына Артонта. Получив жребий, Багей поступил так: написал много писем, которые касались множества различных дел, запечатал их печатью Дария и отправился с ними в Сарды. По прибытии туда он явился лично к Орету и, вынимая одно письмо за другим, передавал их царскому секретарю для прочтения; царских секретарей имеют все наместники. Багей с помощью писем испытывал телохранителей, желая узнать, не готовы ли они отпасть от Орета. При виде того, с каким высоким почтением относятся они к письмам и с большим еще к содержанию их, Багей подал письмо такого содержания: «Царь Дарий, персы, запрещает вам служить телохранителями у Орета». Услыхав это, они опустили перед Багеем копья. Он видел, что телохранители покоряются приказанию, содержащемуся в письме, ободрился этим и подал секретарю последнее письмо, гласившее: «Царь Дарий приказывает персам убить Орета». Телохранители, лишь только услышали это, обнажили мечи и на месте положили Орета. Таково было возмездие, постигшее перса Орета за Поликрата Самосского.

129. Немного спустя после того, как все достояние Орета переведено было в Сузы, царь Дарий на охоте за дикими зверями вывихнул себе ногу, спрыгивая с коня. Вывих был, очевидно, очень силен, потому что лодыжка сдвинулась с места. Дарий обратился за лечением к египетским врачам, которыми он пользовался и раньше и которых считал наиболее искусными во врачевании. Те пытались направить ногу сильным вытягиванием и повредили больному еще более. Семь дней и семь ночей после этого Дарий от боли провел без сна. Когда и на восьмой день ему было так же плохо, некто из присутствующих, раньше в Сардах слышавший об искусстве кротонца Демокеда, сообщил о нем Дарию; тот велел доставить его как можно скорее. Демокеда, совершенно забытого, нашли где-то среди рабов Орета и отвели его к царю в оковах и в рубище.

130. Когда он явился перед царем, сей последний спросил его, знает ли он врачебное дело. Демокед из страха потерять навсегда свою родину Элладу, если скажет правду, отвечал, что не знает; Дарий, однако, понял, что врач отказывается с целью увернуться и приказал доставившим его лицам принести плетей и палок. Тогда Демокед сознался, но заметил, что основательно врачевания он не знает, а что немногие сведения по этому искусству приобрел из знакомства с каким-то врачом. Однако, когда Дарий доверил ему свое здоровье, врач обратился к эллинским лекарствам, после острых средств употребил успокаивающие, чем возвратил ему сон и вскоре совсем восстановил его здоровье, хотя царь потерял было уже всякую надежду иметь здоровые ноги. После этого Дарий подарил Демокеду две пары золотых цепей. Врач спросил царя, не удваивает ли он намеренно его несчастья в награду за излечение. Довольный вопросом, Дарий послал врача к своим женам. Провожая его, евнухи говорили царским женам, что это он спас царю жизнь. Тогда каждая из них чашкой зачерпнула золота из своего ящика и подарила его Демокеду; подарок был так щедр, что следовавший за врачом слуга его по имени Скитон, подбиравший золотые статеры, которые падали из чаш, собрал себе таким образом большую грудку золота.

131. Демокед прибыл из Кротона к Поликрату и вошел с ним в дружбу таким образом: в Кротоне он жил в ссоре с отцом, человеком крутого нрава, пока наконец не вмоготу стало выносить его; тогда Демокед покинул отца и удалился на Эгину. На первом же году своего пребывания на острове он превзошел всех прочих врачей, хотя не имел при себе никаких приборов и инструментов, необходимых для врачевания. В следующем году египтяне наняли его для своего государства за один талант серебра, на третий год афиняне платили ему сто мин, а на четвертый Поликрат заплатил два таланта. Так он прибыл на Самос, и кротонские врачи наиболее обязаны ему своей славой. Действительно, случилось это как раз в то время, когда кротонские врачи слыли в Элладе первыми, а киренские вторыми. В то же самое время аргивяне пользовались славой первых знатоков музыки в Элладе.

132. По излечении Дария Демокед приобрел в Сузах огромный дом, трапезовал за царским столом, и ему дозволено было все, кроме одного – возвращения в Элладу. Так, он испросил у царя пощаду египетским врачам, прежде лечившим царя и приговоренным к распятию за то, что оказались хуже эллинского врача; он спас также прорицателя из Элиды, который находился было в свите Поликрата и

был совсем забыт среди рабов. Вообще Демокед был в большой силе у царя.

133. Немного времени спустя после этого случилось следующее: у Атоссы, дочери Кира и супруги Дария, образовался на соске злокачественный нарыв, который со временем распространился дальше. Пока нарыв был незначителен, царица скрывала его и из стыда никому не показывала; но когда болезнь сделалась опасной, царица позвала Демокеду и показала ему нарыв. Он обещал вылечить ее, но при этом взял с нее клятву, что со своей стороны она сделает для него то, о чем он попросит ее, прибавив, что ничего непристойного он просить у нее не будет.

134 . Принявшись после этого за лечение, Демокед вылечил Атоссу. Тогда она по наущению врача обратилась к Дарию на спальном ложе с такой речью: «Могущество твое, царь, так велико, а ты сидишь без дела, не приобретаешь для персов ни новых народов, ни царств. Человеку молодому, владыке столь богатому подобает прославлять себя подвигами, чтобы и персы сознавали, что над ними царствует достойный муж. Такое поведение выгодно для тебя в двух отношениях: во – первых, персы будут чувствовать, что во главе их стоит достойный муж; во – вторых, занятые войной, они не будут иметь досуга для злоумышлений против тебя. Теперь, пока молод, ты можешь совершить громкое дело. По мере того как вырастает тело, прирастают и духовные силы, а со старостью и они дряхлеют и становятся немощными на какое бы то ни было дело». Так говорила царица по внушению другого лица, а царь в ответ сказал ей: «Все то, что ты сказала, жена моя, я и сам намерен сделать, а именно: я задумал перекинуть мост с одного материка на другой и предпринять поход на скифов; это должно скоро совершиться». Атосса заметила: «Оставь, не ходи, прежде всего, на скифов, потому что они будут твоими всегда, лишь только ты пожелаешь этого. Ради меня соверши поход в Элладу; я очень желала бы иметь своими служанками лаконянок, аргивянок, афинянок и коринфянок. К тому же у тебя есть человек, более всякого другого способный все указать в Элладе и всюду проводить; это – врач, излечивший тебе ногу». Дарий отвечал: «Так как, жена моя, ты желаешь, чтобы первый опыт был сделан нами над Элладой, то я полагаю, что лучше предварительно послать к эллинам нескольких соглядатаев из персов вместе с тем человеком, о котором ты говоришь; они узнают все в подробности, осмотрят и сообщат нам. Тогда, запасшись точными сведениями, я ударю на эллинов».

135. Так он сказал и точно так же поступил на деле. На другой день рано он послал пятнадцать человек знатных персов и велел им с Демокедом во главе обойти прибрежные страны Эллады, но с тем, чтобы Демокед не бежал от них и непременно был бы доставлен обратно. Отдав такое приказание, царь позвал самого Демокеда и просил его проводить персов по всей Элладе, показать им всю ее и вернуться назад. При этом он советовал ему повезти отцу и братьям в подарок всю свою движимость, обещая возратить ему это сторицей. Сверх того, Дарий обещал в дополнение к подаркам снарядить ластовое судно, наполненное всяческим добром, которое должно было плыть за ними. Мне кажется, Дарий обещал это все Демокеду без всякого коварного умысла. Однако Демокед боялся, что Дарий только хочет испытать его; поэтому он не набросился с жадностью на подарки и возражал, что имущество свое оставляет в Персии для того, чтобы по возвращении владеть им снова, а принимает только то ластовое судно, которое обещал Дарий в подарок его братьям. Такого рода поручение возложил Дарий на врача и затем всех их отправил в путь к морю.

136. Они прибыли в Финикию, а именно в финикийский город Сидон, где немедленно снарядили две триремы; вместе с ними большое ластовое судно нагрузили всяким добром. По изготовлении всего этого они отплыли в Элладу, держались береговых стран ее, все осматривали и записывали и, когда осмотрена была бо́льшая часть замечательных местностей, прибыли в город Италии Тарант. Здесь тарантинский правитель Аристофилид из расположения к Демокеду велел отнять рули от мидийских судов, а самих персов как соглядатаев заключить в тюрьму. Тем временем Демокед бежал в Кротон. Только тогда, когда Демокед был в родном городе, Аристофилид освободил персов и возвратил им отнятые от кораблей рули.

137. Персы поплыли отсюда в погоню за Демокедом и прибыли в Кротон; здесь они отыскивали его на рынке и собирались схватить. Одни из кротонцев в страхе перед могуществом персов были уже готовы выдать Демокеда, но другие противились этому, кинулись на персов с палками, причем персы обратились к ним с такой речью: «Одумайтесь, кротонцы, что вы делаете: вы отнимаете у нас беглого царского раба. Может ли царь Дарий оставить такую наглость безнаказанной? Неужели поведение ваше кончится для вас добром, если вы отнимите его у нас? На ваш город мы пойдем войной прежде, нежели на какой-нибудь другой; прежде всего ваш, а не какой-нибудь иной город мы попытаемся поработить». Однако речь эта не произвела никакого действия на кротонцев. Потеряв Демокеда и бывшее с ними ластовое

судно, персы поплыли обратно в Азию, без провожатого, не пытаясь уже проникнуть дальше в Элладу для разведок. Одно только поручение дал Демокед возвращающимся персам, а именно: доложить Дарию, что он женится на дочери Милона; имя борца Милона пользовалось у царя большой славой. Мне кажется, Демокед ускорил свою свадьбу с большими издержками с целью показать Дарию, что и в родном городе он имеет значение.

138. По отплытии из Кротона персы на кораблях своих были отброшены к Иапигии и там обращены в рабство. Спас их и доставил к царю Дарию тарантинский изгнанник Гилл. Когда царь выразил готовность дать ему за это все, чего бы он ни пожелал, Гилл выбрал для себя возвращение в Тарант, предварительно рассказав ему о своем несчастье. Однако, чтобы не смутить эллинов, если из-за него отправится в Италию большой флот, Гилл объявил царю, что для возвращения в Тарант достаточно с него одних книдян; ввиду дружбы книдян с тарантинцами Гилл рассчитывал при их посредстве вернее всего вернуться на родину. Дарий обещал ему сделать так – и сделал: он послал вестника на Книд с приказанием отвезти Гилла в Тарант. Книдяне исполнили приказание Дария, но им не удалось уговорить тарантинцев, а принудить их к тому силой они не могли. Так произошло все это. То были первые персы, прибывшие из Азии в Элладу и посланные для осмотра ее по той именно причине, как здесь рассказано.

139. После этого Дарий завоевал Самос, первое из всех эллинских и варварских государств. Случилось это при таких условиях: во время похода Кирова сына Камбиса на Египет явилось туда множество эллинов: одни, должно быть, по торговым делам, другие в качестве участников похода, третьи только из желания поглядеть на эту страну. В числе их был и Силосонт, сын Эака, брат Поликрата, изгнанный из Самоса. С этим Силосонтом был следующий счастливый случай: однажды, накинув на себя ярко – красный плащ, ходил он по рынку в Мемфисе; его увидел Дарий, тогда копьеносец Камбиса, человек еще совсем незначительный, пожелал иметь этот плащ и, подойдя к Силосонту, стал торговать его. Силосонт видел, что Дарий страстно желает иметь плащ и по внушению свыше сказал ему: «Я не продам плаща ни за какие деньги, но подарю его тебе, если уж так этому быть». Дарий на это согласился и взял у него плащ.

140. Силосонт, однако, жалел, что лишился плаща по простоте своей. Но с течением времени, когда Камбис умер, когда вследствие восстания семи персов против мага один из семи, Дарий, получил

царскую власть, Силосонт узнал, что царская власть перешла к тому самому человеку, которому некогда он подарил в Египте плащ. Он явился в Сузы, сел перед дверью царского дворца и называл себя благодетелем царя*. Привратник доложил об этом Дарию; тот с удивлением заметил: «Кто же из эллинов мой благодетель? Кому из них я обязан благодарностью, я, лишь недавно вступивший на царство? Ведь никто из эллинов еще не был у нас, и я, могу сказать, не воспользовался никакой услугой со стороны эллина. Во всяком случае, введите его сюда, послушаю, что он скажет». Привратник ввел Силосонта; когда он стал перед царем, переводчики спрашивали его, кто он, что он такое сделал, чего ради называет себя царским благодетелем. Тогда Силосонт рассказал всю историю с плащом, прибавив, что плащ подарен им. Дарий на это заметил: «Это ты, благороднейший человек, сделал мне подарок в то время, когда я не имел еще никакой власти. Подарок, правда, был незначителен, но моя благодарность за него должна быть такова, как если бы я получил теперь какой-нибудь ценный подарок. Взамен я дарю тебе огромное количество золота и серебра, так что ты никогда не будешь каяться в том, что сделал одолжение Дарию, сыну Гистаспа». Но Силосонт возразил: «Нет, царь, не дари мне ни золота, ни серебра, но отними и подари мне родину мою, Самос, которым владеет раб наш после того, как Орет лишил жизни брата моего Поликрата. Подари мне этот остров, но без кровопролития и порабощения».

141. В ответ на это Дарий отправил войско под предводительством Отана, одного из известных уже нам семи персов, приказав ему сделать все во исполнение просьбы Силосонта. По прибытии к морю Отан выступил с войском в поход.

142 . Остров Самос находился в то время во власти Меандрия, Меандриева сына, которому Поликрат вверил управление островом. Меандрий желал быть справедливейшим человеком, но желание его не сбылось. По получении известия о смерти Поликрата он поступил так: прежде всего соорудил алтарь в честь Зевса Освободителя и отделил вокруг него заветную землю, которую и теперь еще можно видеть в городском предместье. Покончив с этим, он созвал всех полноправных граждан на собрание и произнес к ним следующую речь: «Скипетр и вся власть Поликрата, как вы знаете, вверены мне, и хотя от меня лишь зависит теперь властвовать над вами, но я по возможности не стану делать сам того, что порицаю в ближнем. Я не одобрял господства Поликрата над равными с ним людьми, не одобрил бы того же и ни в ком другом. Судьба Поликрата исполнилась, а я предоставляю власть

народу и возвещаю вам самоуправление. Для себя я желаю лишь следующих отличий: получить шесть талантов из имущества Поликрата, а кроме того, звание жреца Зевса Освободителя для себя и для всего моего потомства: Зевсу этому я сам соорудил святилище и возвратил вам свободу». С таким заявлением обратился он к самосцам. Один из граждан в ответ на это встал и сказал следующее: «Но ведь ты и не достоин управлять нами, потому что ты человек низкого происхождения и вредный. Постарайся поскорее отдать нам отчет в том имуществе, которое попало в твои руки».

143. Так говорил уважаемый гражданин по имени Телесарх. Между тем Меандрий сообразил, что, если он выпустит власть из своих рук, то кто-нибудь другой сделается тираном, а потому решил не отказываться от власти, возвратился в акрополь и позвал к себе граждан одного за другим как бы для представления им отчета в деньгах; при этом взял их под стражу и заключил в оковы. Пока они содержались в тюрьме, Меандрий заболел. В ожидании смерти брат его Ликарет, с целью облегчить себе достижение власти на Самосе, велел казнить всех заключенных. Самосцам, очевидно, не хотелось свободы.

144. Когда персы с Силосонтом высадились на Самосе, никто из жителей не оказал им сопротивления; напротив, единомышленники Меандрия и сам он изъявили готовность по заключении договора покинуть остров. Отан согласился на это и заключил договор; знатнейшие персы велели поставить для себя кресла и уселись подле акрополя.

145 . У тирана Меандрия был сумасбродный брат по имени Харилай. За какой-то проступок он содержался в подземной темнице. Услыхав, что делается на дворе, он выглянул в окошко и увидел спокойно сидящих персов; тогда он стал кричать, что желает беседовать с Меандрием. При известии об этом Меандрий велел выпустить брата на свободу и привести к нему. Как только привели его, он глумлением и бранью старался побудить его к нападению на персов. Говорил он при этом следующее: «Меня, родного брата, подлейший человек, ты заключил в подземелье, хотя я не совершил ничего заслуживающего тюремного заключения; в то же время ты позволяешь персам гнать тебя из отечества и родного дома, не дерзая наказать их, хотя так легко сокрушить персов. Впрочем, если ты робеешь перед ними, дай мне твоих наемников, и я накажу персов за появление среди нас, а тебя самого я постараюсь удалить с острова». Такова была речь Харилая.

146. Меандрий принял предложение брата не потому, однако, как мне кажется, чтобы он дошел до такого безумия и верил бы в победу

своих солдат над воинами персидского царя, но скорее из зависти к Силосонту, которому должно было достаться государство, нетронутое неприятелем, притом без всякого труда. Поэтому он решил раздражить персов для того, чтобы они привели Самосское государство в крайнее расстройство, и сдать его в таком виде; он хорошо знал, что, если только персам нанесена будет обида, они жестоко выместят ее на самосцах, а для себя он имел обеспеченный выход с острова во всякое время, когда бы ни пожелал, потому что от акрополя был устроен им потайной ход по направлению к морю. Итак, сам Меандрий отплыл с Самоса, а Харилай вооружил всех наемников, моментально открыл ворота и ударил на персов; те не ждали ничего подобного в том предположении, что все уже улажено. Наемники кинулись на начальников персидских и на знатнейших персов и стали убивать их. Так действовали наемники! А остальное персидское войско поспешило на помощь, и наемники оттеснены были назад и укрылись в акрополе.

147. Предводитель Отан при виде большого урона, понесенного персами, забыл полученное от Дария приказание никого из самосцев не убивать и не обращать в рабство, но целым и невредимым возвратить остров Силосонту; забыв это приказание, он отдал распоряжение своим воинам убивать безразлично всех, взрослых и детей, кто бы ни попадался им в руки. После этого часть персидского войска начала осаду акрополя, а другие убивали всех, попадавшихся под руку, было ли то в святилище или вне его.

148. Между тем Меандрий бежал с Самоса и отплыл в Лакедемон. По прибытии туда, он перевез в город свои сокровища и поступил следующим образом: он часто выставлял свои серебряные и золотые чаши, а слуги каждый раз чистили их; тем временем он вел беседу с тогдашним спартанским царем Клеоменом*, сыном Анаксандрида, и, продолжая беседовать, провожал его домой. Всякий раз при виде этих чаш Клеомен выражал изумление и восторг; в ответ на это Меандрий предлагал ему взять для себя те чаши, какие он желает. Меандрий говорил ему это два – три раза, но Клеомен, честнейший человек, считал непозволительным принять подарки, а когда он сообразил, что Меандрий подарками может снискать себе помощь против персов и других граждан, отправился к эфорам и объяснил им, что для Спарты выгоднее удалить из Пелопоннеса чужестранца с Самоса, чтобы он не склонил ни его самого, ни кого-либо другого из спартанцев к чему-нибудь дурному. Эфоры послушали его и через глашатая велели Меандрию покинуть Спарту.

149. Между тем персы совершенно обезлюдили Самос и в таком состоянии передали его Силосонту. Впрочем, с течением времени полководец Отан помог заселить остров под влиянием сновидения и болезни половых членов.

150. Во время морского похода на Самос восстали вавилоняне, превосходно к тому подготовившись. Действительно, они готовились к осаде все время царствования мага, восстания семи, среди царившей во все это время смуты; приготовления совершались, конечно, втайне. Когда восстание сделалось явным, вавилоняне поступили так: кроме матерей, каждый из них выбрал из женщин своего дома по одной жене, какая наиболее ему нравилась; всех остальных женщин вывели в одно место и удавили. Одна женщина была оставлена для себя каждым из вавилонян для приготовления пищи, остальные удушены для того, чтобы не расходовать на них съестных припасов.

151. При известии об этом Дарий собрал все свое войско, выступил против восставших в поход и, подойдя к Вавилону, осадил город. Вавилонян, однако, осада ничуть не потревожила; они взбирались на зубцы городских стен и оттуда телодвижениями и словами издевались над Дарием и его войском, а кто-то из вавилонян сказал: «Зачем вы, персы, празднично сидите здесь и не уходите? Ведь вы овладеете нами лишь тогда, когда мул родит жеребенка». Вавилонянин сказал так в полной уверенности, что мул никогда не родит жеребенка.

152. По прошествии года и семи месяцев Дарий и все войско его огорчены были тем, что не могли одолеть вавилонян, хотя против них употреблены были все средства и хитрости. В числе уловок была и та, с помощью которой Кир взял Вавилон, но граждане были неусыпно настороже, и эта попытка не удалась.

153. Но вот на двадцатом месяце осады случилось чудо Зопиру, сыну Мегабиза, одного из семи персов, свергнувших мага, а именно: одна из мулиц его, возивших съестные припасы, родила жеребенка. Когда ему сказали об этом, Зопир не поверил; потом, увидев сам муленка, запретил рабам рассказывать о случившемся кому бы то ни было, и стал соображать; по поводу этого ему пришло на память замечание вавилонянина еще в начале осады, что акрополь будет взят лишь тогда, когда станут рожать мулицы; сопоставляя рождение муленка с этим замечанием, Зопир решил, что Вавилон может быть теперь взят, потому что, думал он, вавилонянин сказал, а его мулица родила с соизволения божества.

154. Так как Зопиру казалось, что Вавилону суждено наконец быть взятым, он явился к Дарию и спрашивал, очень ли важно для него взять

Вавилон. Узнав, насколько важно было взятие Вавилона, он стал затем обдумывать, как бы ему взять город, притом так, чтобы совершить этот подвиг самому: у персов подобные заслуги награждаются высокими почестями. Он пришел к заключению, что выполнить предприятие может при единственном условии, если изуродует себя и перебежит к неприятелю. Не считая изуродование важным для себя, он учинил над собою неизлечимое увечье: отрезал себе нос, уши, безобразно остриг в кружок волосы, исполосовал себя бичом и в таком виде явился к Дарию.

155. Дарию было очень тяжело видеть изувеченным знатнейшего из персов; он с криком вскочил с трона и спросил, кто изувечил его и за что. «Никто другой, – отвечал тот, – кроме тебя, не в силах сделать со мною что-либо подобное. Никто другой, царь, я сам так поступил с собою с горя, что ассирийцы глумятся над персами». «Жалкий человек, – возразил Дарий, – прекраснейшее имя ты пятнаешь позорнейшим поступком, говоря, что причинил себе неизлечимое увечье из-за осаждаемых. Неужели же, глупец, ты воображаешь, что неприятель скорее сдастся оттого, что ты изуродовал себя? Ты потерял рассудок и только потому учинил над собой такое увечье». – «Если бы я открыл тебе мои планы, то ты помешал бы мне выполнить их. Вот почему я поступил здесь лишь по собственному решению. Ежели ты не откажешься, мы возьмем Вавилон. Я в таком виде перебегу в акрополь и уверю неприятеля, что это ты учинил надо мною. Убедив их в том, я рассчитываю получить командование войском. Ты со своей стороны на десятый день после того, как я войду в акрополь, отдели из того войска, потеря которого для тебя совершенно безразлична, тысячу человек и поставь их у так называемых ворот Семирамиды; потом на седьмой день после этого поставь опять две тысячи человек у ворот, называемых Ниновыми; спустя еще двадцать дней помести четыре тысячи воинов у так называемых Халдейских ворот. Как прежние, так и эти последние воины не должны иметь для обороны никакого другого оружия, кроме кинжалов; только кинжалы и можно оставить при них. На двадцатый день после этого, не позже, прикажи остальному твоему войску брать приступом городские укрепления со всех сторон, а для меня поставь персов у так называемых Белских и Киссийских ворот. Я полагаю, что по совершении мною славных подвигов вавилоняне доверят мне все, не исключая и запоров от ворот. Дальнейший образ действий будет зависеть уже от меня вместе с персами».

156. Сделав такие распоряжения, Зопир направился к городским воротам и при этом, как настоящий перебежчик, озирался по сторонам.

Когда стоявшие в этом месте стражи заметили его с башен, они сбежали вниз, приотворили немного одну половину ворот и спросили, кто он и зачем пришел; Зопир назвал себя по имени и прибавил, что он перебежал к ним. При этих словах привратники повели его на собрание вавилонян. В Народном собрании он стал жаловаться на Дария, будто от него претерпел он то, что на самом деле учинил над собою сам, и претерпел все это будто бы за то, что советовал Дарию отойти вместе с войском от города, когда взятие Вавилона оказалось невозможным. «И вот теперь, вавилоняне, – заключил он, – я пришел сюда к величайшей пользе для вас и к величайшему ущербу для Дария и его войска. Изувечение мое не останется неотомщенным; я знаю все его планы от первого до последнего». Так он говорил.

157. При виде знатнейшего из персов без носа, без ушей, с кровавыми следами от ударов бича, вавилоняне были вполне убеждены, что Зопир говорит правду, что он явился помочь им, и готовы были доверить ему войско, о чем тот просил их. По получении от них войска, он поступил именно так, как условился прежде с Дарием: на десятый день он вывел вавилонское войско из города, кольцом окружил ту тысячу персов, которых советовал Дарию выставить раньше всех других воинов, и перебил их. При известии об этом вавилоняне увидели, что дела Зописа отвечают речам его, и в чрезвычайной радости готовы были исполнить всякое требование его. Выждав после этого условленное число дней, он снова вывел с собою отборных вавилонян и перебил две тысячи Дариевых солдат. За этот новый подвиг все вавилоняне прославляли Зописа, а он снова, спустя условленное количество дней, вывел войско в заранее назначенное место, окружил и истребил четыре тысячи персидских воинов. После этого он стал всемогущ у вавилонян; они сделали его главнокомандующим всего войска и хранителем акрополя.

158. Но все свое лукавство Зопир проявил в то время, когда, согласно предварительному условию, Дарий начал штурм городских укреплений. Вавилоняне взошли на укрепления и отражали наступавшее Дариево войско, а Зопир тем временем отворил так называемые Киссийские и Белские ворота и через них впустил в акрополь персов. Одни из вавилонян при виде случившегося спасались бегством в храм Зевса Бела; другие ничего не знали об этом, и каждый из них оставался на своем посту; наконец и эти последние поняли, что они преданы. Таким-то образом Вавилон взят был вторично.

159. Овладев Вавилоном, Дарий прежде всего велел скрыть его укрепления и снять все ворота, – по взятии города в первый раз Кир не

сделал с Вавилоном ничего подобного; потом велел распять тысячи три знатнейших граждан, остальным вавилонянам предоставил остаться в городе на жительство, а чтобы у вавилонян были жены и чтобы произошло от них потомство, Дарий с предусмотрительностью принял такие меры. Собственных жен, как сказано выше, вавилоняне ввиду сбережения съестных припасов удавили, а потому царь приказал соседним народам доставить женщин в Вавилон, причем каждому народу назначено было определенное количество, а общая цифра явившихся в город женщин доходила до пятидесяти тысяч. От этих-то женщин и произошли нынешние вавилоняне.

160. Дарий решил, что никто из персов, ни позже, ни раньше того живших, не превзошел Зомира в заслугах, за исключением одного лишь Кира; с этим последним ни один еще перс не дерзал равнять себя. Однако Дарий, говорят, много раз высказывался, что предпочел бы иметь Зомира не обезображенным так ужасно, нежели владеть и другими еще двадцатью Вавилонами. Он щедро наградил Зомира: ежегодно делал ему такие подарки, какие у персов считаются наиболее почетными, предоставил ему Вавилон в пожизненное свободное от дани управление, подарил ему и много другого. У этого Зомира был сын Мегабиз, тот самый, который в Египте воевал с афинянами и союзниками их. У этого Мегабиза был сын Зомир, который явился в Афины перебежчиком из Персии.

Книга четвертая Мельпомена

Скифы и Скифия; происхождение скифов (1–16). Народы Скифии и соседние с ними (17–36). Очерк Азии и Европы (37–45). Продолжение о Скифии и скифах (46–82). Поход Дария в Скифию (83–102). Обычай тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, будинов, савроматов (103–117). Персидско – скифская война (118–144). Заселение острова Феры (145–149). Основание Кирены и других колоний в Ливии (150–165). Поход персов в Ливию (166–167). Народы Ливии (168–199). Осада и взятие Барки персами с Феретимой во главе (200–205).

1. По взятии Вавилона Дарий предпринял еще поход на скифов*. Так как Азия изобиловала населением и в нее стекалось множество денег, то Дарий возымел сильное желание наказать скифов за то, что некогда они вторглись в Мидию, в сражении разбили мидян и тем

самым первые учинили обиду. Действительно, в Верхней Азии скифы господствовали, как сказано мной и раньше, двадцать восемь лет. В погоне за киммерийцами они вторглись в Азию и сокрушили владычество мидян; эти последние господствовали над всей Азией до появления скифов. Однако, когда после двадцативосьмилетнего отсутствия скифы возвращались в свою землю, они выдержали борьбу не менее трудную, чем борьба с мидянами; они встретились с многочисленным вражеским войском; ведь скифские женщины вследствие долговременного отсутствия мужей вступили в связь с рабами.

2. Всех своих рабов скифы ослепляют из-за молока, которое они пьют. Добыча молока скифами происходит следующим образом: берут костяные трубки, очень похожие на флейты, вкладывают в половые органы кобылиц и ртом дуют в них, тем временем другие доят кобылиц. Делают они это, по их словам, потому, что от вдувания воздуха жилы кобылицы разбухают, и вымя опускается. Выдоенное молоко сливают скифы в деревянные глубокие сосуды, вокруг их размещают слепцов и велят им взбалтывать молоко; при этом части молока, поднимающиеся на поверхность, снимаются и считаются более ценными, а остающиеся внизу ценятся меньше. Вот из-за чего скифы ослепляют каждого, кого бы ни захватили в плен. Они ведь не земледельцы, а кочевники.

3. От этих-то рабов и жен скифов произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспрепятствовать возвращению скифов из Мидии. Прежде всего они отрезали свою землю широким рвом*, который выкопали на всем протяжении от Таврийских гор до наиболее широкой части Меотийского озера. Когда после этого скифы пытались вторгнуться сюда, молодые рабы выступали против них и отражали их. Сражения происходили часто, но скифы никак не могли одолеть врага; тогда один из них сказал следующее: «Да что мы делаем, скифы? Сражаясь с нашими рабами, мы, во – первых, губим себя, становимся малочисленнее сами, во – вторых, убиваем рабов и тем сокращаем число слуг наших на будущее время. Поэтому я предлагаю бросить копья и луки; пускай каждый из нас возьмет в руки кнут, и пойдем на них. Пока рабы видят нас с оружием в руках, они считают себя равными нам и людьми равного с нами происхождения; но лишь только они заметят в руках у нас кнуты вместо оружия, тотчас поймут, что они рабы наши и в сознании этого не устоят против нас».

4. Скифы привели этот совет в исполнение, а молодежь, пораженная случившимся, позабыла о сражении и обратилась в бегство. Так скифы стали владыками Азии, а потом были вытеснены мидянами и

описанным выше способом возвратились в свою землю. Вот за что Дарий вознамерился наказать их и с этой целью собрал против них войско.

5. По словам самих скифов, они – самый юный из всех народов, и о своем происхождении рассказывают так: первым человеком в этой стране, тогда еще пустынной, был Таргитай; родителями Таргитая они называют, чему я не верю, Зевса и дочь реки Борисфен. Такое происхождение приписывается Таргитаю. У него было три сына: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. При жизни их упали с неба на Скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти предметы самый старший из братьев; он приблизился к ним с целью взять, но при его приближении золото воспламенилось, и он отступил назад. Засим подошел средний брат, но с золотом повторилось то же самое. Таким образом, золото горением своим не допустило к себе двух братьев; с приближением третьего, самого младшего брата золото потухло, и он отнес его к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились уступить самому младшему все царство.

6. От Липоксаиса, рассказывают дальше, произошли те из скифов, которые носят название рода авхатов, от среднего, Арпоксаиса, произошли скифы, именуемые катиарами и траспиями, а от младшего из братьев – царя – те, что называются паралатами. Общее название всех скифов – сколоты, то есть царские. Скифами называли их эллины.

7. Так рассказывают скифы о своем происхождении, полагая, что от начала их существования, или от первого царя Таргитая, до похода Дария прошло круглым счетом никак не больше тысячи лет*. Упомянутое выше священное золото цари оберегают весьма ревниво и ежегодно благоговейно чтут его обильными жертвоприношениями. Если человек, оберегающий золото, во время празднества под открытым небом заснет, то, по словам скифов, он не проживет и года, поэтому получает в подарок столько земли, сколько может объехать верхом на лошади в один день. Так как страна была обширна, то Колаксаис разделил ее для сыновей своих на три царства, причем в одном из них, обширнейшем, и сохраняется золото. Говорят также, что в странах, лежащих выше к северу от верхних обитателей этой страны, нельзя ни смотреть вдаль, ни пройти следствие того, что там рассыпаны перья*; и в самом деле, перьями наполнены там земля и воздух; они-то и мешают зрению.

8. Таков рассказ скифов о них самих и о стране, над ними лежащей, а живущие на Понте эллины повествуют о том же так: гоня перед собой

быков Гериона*, Геракл прибыл в ту самую страну, тогда еще не населенную, которую теперь занимают скифы. Гериона эллины помещают именно на остров Эрифия, что подле Гадир, по ту сторону Геракловых Столпов в Океане. Хотя они и говорят, что Океан, начиная с востока, обтекает кругом всю землю, но доказать этого не могут. Когда Геракл пришел оттуда в страну, именуемую теперь Скифией, то, защищаясь от непогоды и мороза, закутался в львиную шкуру и так заснул; в это время каким-то чудом исчезли из-под повозки его лошади.

9. Проснувшись, Геракл пустился в поиски, обошел всю страну, пока не прибыл в землю, называемую Гилеей. Там, в пещере, рассказывают дальше, нашел он смешанной породы существо, наполовину девушку, наполовину змею, так что верхняя часть тела от сидения представляла женщину, а нижняя змею. Изумленный видом такого существа, Геракл спросил, не видело ли оно блуждающих лошадей. Девушка отвечала, что лошади у нее и что она возвратит их не прежде, как Геракл сообщится с нею; за такую плату Геракл согласился иметь с нею любовную связь. Однако девушка медлила с возвратом лошадей, желая, чтобы Геракл был с ней в связи возможно дольше; он же хотел получить своих лошадей и удалиться обратно. Наконец она возвратила Гераклу лошадей с такими словами: «Когда лошади твои пришли сюда, я сберегла их, и ты наградил меня за это: от тебя я имею трех сыновей. Когда они вырастут, скажи, что мне делать с ними: поселить ли их здесь – страной этой владею я одна – или отослать к тебе». С таким вопросом обратилась она к Гераклу, а он в ответ ей сказал: «Когда дети твои возмужают, поступи лучше всего так: посмотри, который из них натянет этот лук так, как я его натягиваю, и по – моему опояшется этим поясом, тому и предоставь свою землю для жительства; напротив, вышли отсюда того из них, который не сможет выполнить предложенной задачи. Поступив так, ты и сама будешь довольна, и исполнишь мое желание».

10. При этом Геракл натянул один из луков – до тех пор он носил два – и показал способ опоясывания, а засим передал девушке – змее и лук, и пояс, последний с золотой чашей на конце пряжки; после этого он ушел. Когда родившиеся у нее сыновья возмужали, она дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого, следовавшего за ним, Гелоном, третьего, самого младшего, Скифом. Потом, памятуя совет Геракла, поступила согласно его указанию. Двое из ее сыновей, Агафирс и Гелон, оказались неспособными разрешить предложенную задачу и потому были изгнаны родительницей из этой страны; напротив, самый младший, Скиф, остался здесь, потому что задачу

выполнил. От Скифа, Гераклова сына, произошли все цари скифов, а в память о Геракловой чаше скифы до сих пор носят чаши на поясе. Это только и было устроено матерью для Скифа. Таков рассказ эллинов, живущих у Понта.

11. Есть, впрочем, еще один рассказ, которому я больше всего доверяю. Состоит он в следующем: скифы – кочевники жили сначала в Азии, потом были потеснены во время войны массагетами и, перейдя реку Аракс, удалились в Киммерийскую землю; действительно, страна, населенная теперь скифами, принадлежала первоначально киммерийцам. При наступлении скифов, ввиду многочисленности войска их, киммерийцы совещались между собой, как им быть. Мнения разделились, причем обе стороны были одинаково настойчивы; однако благоразумнее было предложение царей. По мнению народа, следовало покинуть страну и из-за праха не подвергать себя опасности; цари предлагали упорно защищать родину в борьбе с врагом. Однако народ не внял совету царей, а цари не пожелали покориться народу. Народ решил покинуть страну без борьбы и предоставить ее наступающему неприятелю; напротив, цари предпочли лечь мертвыми в родной земле и не убежать вместе с народом, памятуя блага, какими они пользовались на родине, а также и те бедствия, какие ждут их на чужбине. Вследствие таких решений цари разделились на две стороны, равные по численности, и в среде их завязалась междоусобная брань. Все цари были перебиты друг другом, а народ киммерийский похоронил их подле реки Тирас – могила эта видна и теперь еще, – и после похорон удалился из своей земли; таким образом, вторгнувшиеся скифы заняли пустынную страну.

12. По настоящее время есть в Скифии киммерийские укрепления, киммерийские переправы, область с именем Киммерия, есть и так называемый Боспор Киммерийский*. Наверное, киммерийцы, спасаясь от скифов в Азию, поселились на том полуострове, на котором есть теперь эллинский город Синопа. Очевидно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с дороги и потому попали в Мидию, ибо киммерийцы бежали постоянно вдоль моря, а преследовавшие их скифы держались правой стороны Кавказа, пока не вторглись в Мидию, свернув внутрь материка. Таков другой рассказ, одинаково распространенный среди эллинов и варваров.

13. Сын Каистробия Аристей, уроженец Проконнеса, говорил в своей поэме, что по вдохновению Аполлона он прибыл к исседонам, что за исседонами живут одноглазые люди, аримаспы, за аримаспами – стерегущие золото грифы, а еще выше – гипербореи*, простирающиеся

до моря. За исключением гипербореев, все эти народы, начиная с аримаспов, постоянно воюют с соседями, так что исседоны вытеснены из своей земли аримаспами, исседонами вытеснены скифы, а киммерийцы, жившие у Южного моря*, покинули свою страну под натиском скифов. Таким образом, повествование Аристея не согласуется с рассказом скифов об этой земле.

14. Откуда происходил Аристей, повествовавший об этом, я уже сказал; а теперь сообщу тот рассказ о нем, который я слышал в Проконнесе и в Кизике. Рассказывают, что Аристей, один из знатнейших граждан в Проконнесе, вошел однажды в чесальную мельницу и там умер; тогда валяльщик запер мастерскую и пошел уведомить родственников. В то время, как по городу распространилась молва о смерти Аристея, какой-то кизикенец, прибывший из города Артаки, возражал на это, уверяя, что он сам повстречался и беседовал с Аристеем на пути его в Кизик. Кизикенец возражал решительно; тем временем родственники покойного явились к мельнице с необходимыми принадлежностями для похорон. Но когда валяльню открыли, то не нашли в ней Аристея ни мертвого ни живого. Впоследствии, на седьмом году после этого, явился он, как рассказывают дальше, в Проконнес, составил здесь ту поэму, которая у эллинов называется «Эпос об аримаспах», и по составлении ее исчез вторично. Так рассказывают в городах Проконнесе и Кизике.

15. Вот что, знаю я, случилось у метапонтийцев в Италии двести сорок лет спустя после вторичного исчезновения Аристея, как открыл я с помощью вычислений в Проконнесе и Метапонтии. По уверению метапонтийцев, Аристей сам явился в их область и повелел соорудить жертвенник в честь Аполлона и подле него поставить изображение с именем Аристея Проконнесского. Метапонтийцы действительно уверяют, что Аполлон приходил только в их область, к ним одним из всех италийцев; при этом сам Аристей следовал за Аполлоном, но в то время он был не Аристеем, как теперь, а вороном. Отдав такое приказание, Аристей, по словам метапонтийцев, исчез, а они послали в Дельфы спросить божество, что значит этот человеческий призрак. Пифия советовала им исполнить повеление призрака, прибавляя, что это послужит им ко благу. Метапонтийцы сделали так, как было им сказано, и в настоящее время стоит подле самого алтаря Аполлона кумир с именем Аристея, а вокруг него посажены лавры; алтарь находится на рынке. Об Аристее довольно.

16. О том, что находится выше той страны, повествование о которой начато здесь, никто в точности не знает. Я не могу найти

никого, кто бы сказал, что знает те страны как очевидец. Действительно, даже Аристей, о котором я упоминал немного выше, даже он выражался в своей поэме, что не проникал дальше исседонов; о землях, выше лежащих, он говорил по слухам, утверждая, что так передавали ему исседоны. Но я сообщу все достоверные сведения, какие только удалось мне собрать о наиболее далеких странах.

17. От торгового города борисфенитов*, составляющего наиболее срединный пункт во всей приморской Скифии, первыми живут каллипиды, представляющие собой эллинов – скифов, выше их живет другой народ, именуемый алисонами. Как эти последние, так и каллипиды во всем ведут такой же образ жизни, как и скифы, но хлеб они сеют и употребляют в пищу, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо. За алисонами обитают скифы – пахари, сеющие хлеб не для собственного употребления в пищу, но для продажи. Выше их живут невры. К северу от невров, насколько мы знаем, лежит пустыня. Народы эти живут вдоль реки Гипанис к западу от Борисфена.

18. С переходом через Борисфен вступаем в ближайшую от моря землю, Гилею; выше ее живут скифы – земледельцы, которых живущие у реки Гипанис эллины называют борисфенитами; самих себя тамошние эллины называют ольвиополитами. Следовательно, эти скифы – земледельцы занимают пространство к востоку на три дня пути, простираясь до реки, именуемой Пантикапой, и на север вверх по течению Борисфена на одиннадцать дней. Над ними простирается обширная пустыня. За пустыней обитают андрофаги, народ особый, вовсе не скифский. Еще выше лежит настоящая пустыня: насколько мы знаем, там не живет ни один народ.

19. К востоку от скифов – земледельцев, по ту сторону реки Пантикапы обитают скифы – кочевники, не сеющие ничего и не пашущие. Вся эта страна, за исключением Гилеи, безлесна. Кочевники занимают область к востоку на четырнадцать дней пути, простирающуюся до реки Герр.

20. По ту сторону реки Герр находятся так называемые царские владения и живут храбрейшие и многочисленнейшие скифы, прочих скифов почитающие своими рабами. На юге они простираются до Таврики, на востоке до того рва, который выкопали потомки слепых, и до торжища на Меотийском озере, называющегося Кремнами; владения их частью доходят и до реки Танаис. Земли, лежащие к северу от царственных скифов, заняты меланхленами, народом особым, не скифским. Выше меланхленов, насколько нам известно, лежат озера и безлюдная пустыня.

21. По ту сторону Танаиса нет более Скифии; первая из тамошних областей принадлежит савроматам, которые занимают пространство в пятнадцать дней пути, начиная от угла Меотийского озера по направлению к северу. Вся эта страна лишена диких и садовых деревьев. Над ними живут будины, занимающие второй участок земли, весь покрытый густым разнородным лесом.

22. Выше будинов, к северу от них, лежит прежде всего пустыня на протяжении семи дней пути, а за пустыней, больше в восточном направлении, живут фиссагеты, народ особый и многолюдный; средства к жизни добывают они охотой. В смежности с ними, в тех же самых местах, живет народ, носящий название иирков, живущий также охотой. Иирки охотятся следующим способом: охотник влезает на дерево и там устраивает засаду, а деревьями изобилует вся страна их; у каждого охотника имеются наготове лошадь и собака; лошадь низкого роста и потому приучена лежать брюхом на земле. Завидев с дерева дичь, охотник стреляет по ней из лука, потом садится на лошадь и пускается в погоню за добычей, собака неотступно следует за ним. Над этими народами по направлению к востоку живут другие скифы, прибывшие в эту местность по отделении от царственных скифов.

23. До владения этих скифов вся пройденная нами страна представляет равнину с глубоким черноземом, начиная же отсюда земля камениста и неровна. Если пройти значительную часть и этой неровной страны, то встретимся с обитателями подножья высоких гор; говорят, что все они, как мужчины, так и женщины, плешивы от рождения, плосконосы и с большими челюстями; речь у них особая; одеваются по – скифски, а питаются плодами деревьев. Дерево, плодами которого они питаются, носит название понтик; оно такой же почти величины, как и фиговое дерево. Плод его, похожий на бобы, содержит в середине зерно. Когда плоды созревают, их процеживают через платок, и из них вытекает густой черный сок; добываемая жидкость называется *асхи*. Сок этот лижут или, смешав с молоком, пьют, а из гущи сока готовят лепешки и едят их. Скота у них мало, потому что тамошние пастбища скудны. Каждый из них поселяется под деревом, которое на зиму прикрывается толстым белым войлоком, а на лето оставляется открытым. Никто из людей не обижает их, потому что они считаются священными; нет у них никакого вооружения. Далее, они улаживают раздоры в среде окрестных народов, а убежавший к ним изгнанник защищен от какой бы то ни было обиды. Название этого народа – аргиппеи.

24. Страна до этих плешивых и народы, по эту сторону ее живущие, хорошо известны. К ним ходят некоторые скифы, от которых, равно как от эллинов из торжища Борисфена и прочих торжищ на Понте, можно легко добыть сведения. Кто из скифов посещает их, тот пользуется для своих деловых сношений семью переводчиками и семью языками.

25. Итак, до плешивых страна известна, а о народах, живущих выше их, никто не может сказать с достоверностью ничего, так как они отделены высокими недоступными горами и никто не переходил через них. По рассказам этих плешивых, для меня невероятным, на горах живут люди с козлиными ногами, а дальше за этими людьми живет другой народ, который спит в течение шести месяцев. Я совсем этому не верю. Напротив, в точности известно, что земля к востоку от плешивых населена исседонами, тогда как ничего не известно о землях к северу от плешивых и от исседонов, разве только то, что сами они говорят об этих землях.

26. Рассказывают, что у исседонов существуют следующие обычаи: если у кого умрет отец, все родственники пригоняют к нему скот, затем убивают животных, разрезают мясо на куски вместе с покойным родителем хозяина, все мясо мешают вместе и устраивают пиршество. Голову покойника обнажают от волос, вычищают ее изнутри и покрывают золотом, потом пользуются ею, как священным сосудом при совершении торжественных годовых жертвоприношений. Празднество устраивает у них сын в честь отца, как у эллинов праздник поминовения покойников. Вообще же этот народ считается справедливым: женщины у него пользуются одинаковым положением с мужчинами.

27. Таким образом, этот народ известен еще, а выше его, по рассказам исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов исседонов повторяют это скифы, а от скифов знаем и мы, почему и называем их по – скифски аримаспами: словом *арима* скифы называют единицу, а *сту* значит на их языке глаз.

28. Вся осмотренная нами страна отличается столь суровым климатом, что в течение восьми месяцев здесь стоит нестерпимый холод, а пролитая в это время на землю вода не делает грязи, разве разведешь огонь. Замерзает море и весь Боспор Киммерийский, так что живущие по эту сторону рва скифы толпами переходят по льду, переезжают по нему в повозках на другой берег, к синдам. Таким образом, в течение восьми месяцев там непрерывная зима, и в остальные четыре месяца стоят холода. Тамошняя зима отличается от зимы, какая бывает в различных иных землях, тем, что в пору дождей

идут лишь небольшие дожди, между тем как летом они не прекращаются; зимой не бывает там гроз, как бывают они во всяком другом месте, зато летом сильные грозы. Если случится гроза зимой, она возбуждает изумление, как чудесное знамение. Равным образом чудом почитается в Скифии землетрясение, будет ли оно летом или зимой. Лошади легко переносят такую зиму, но мулы и ослы совсем не выносят ее, тогда как в других местах – наоборот: на морозе у лошадей заболевают суставы, а ослы и мулы переносят мороз.

29. Мне кажется, что по этой же причине так называемая безрогая порода быков рождается там без рогов. Мнение мое подтверждается и следующим стихом Гомера в «Одиссее»:

В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы
родятся*, –

верное замечание, потому что в теплых странах рога вырастают рано, а в местностях очень холодных рога у скота или не растут вовсе, или едва вырастают.

30. Если в Скифии происходит это от холода, то удивительно, почему во всей Элейской области не могут плодиться мулы, между тем как местность эта не холодна и не представляет по – видимому никакого другого препятствия к тому. Повествование мое с самого начала охотно допускает подобные отступления. По словам самих элейцев, мулы не водятся у них вследствие какого-то проклятия. Всякий раз, когда кобылицам наступает пора забеременеть, их выгоняют в пограничную область, потом в этой соседней земле устраивают случку их с ослами; держат там кобылиц, пока они не забеременеют, после чего пригоняют к себе обратно.

31. Что касается перьев, которыми, по словам скифов, наполнен воздух и благодаря которым нельзя ни видеть дальше по материку, ни пройти, то вот мое мнение о них: выше занимающей нас страны идет постоянно снег, летом, впрочем, как и следовало ожидать, меньше, нежели зимой. Всякий видевший вблизи, как идет сильный снег, понимает меня, потому что снег похож на перья. Такая-то зима и делает необитаемыми северные части этого материка. Итак, по моему мнению, скифы и соседи их называют снег перьями по сходству их со снегом. Сведения эти касаются отдаленнейших местностей.

32. О гипербореях ничего не сообщают ни скифы, ни иные тамошние обитатели, за исключением исседонов. Мне, впрочем, кажется, что и они ничего не говорят о гипербореях; в противном

случае рассказывали бы о них и скифы, как рассказывают они об одноглазых. О гиперборейцах упоминает Гесиод, а также Гомер в «Эпигонах», если только поэма эта составлена действительно Гомером.

33. Гораздо больше сообщают о них делосцы, уверяя, что от гипербореев приносятся к скифам священные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов принимает их соседний народ и передает следующему; так несут их все дальше на запад до Адриатики; отсюда дары продолжают путь на юг и прежде других эллинов принимаются додонцами; затем спускаются к Малийскому заливу и переправляются на Эвбею; там святыню переносят из города в город до Кариста, дальше минуют Андрос, потому-де что каристийцы доставляют ее на Тенос, а теносцы – на Делос. Таким-то образом, говорят делосцы, прибывает на Делос эта святыня. Но первоначально-де гиперборейцы послали со священными дарами двух девушек, которых делосцы называют Гиперохой и Лаодикой; вместе с ними ради безопасности гиперборейцы послали пятерых мужчин из своих соплеменников в качестве проводников; теперь они называются *перфереями* и пользуются на Делосе высоким почетом. Далее, так как посланные проводники не возвращались, то гиперборейцы испугались, как бы каждый раз не постигала их потеря послов, а потому с того времени приносят священные дары, завернутые в пшеничную солому, к пределам своей земли и настойчиво поручают своим соседям препроводить дары дальше, к соседнему народу. Так-то переносимые все дальше и дальше, они достигают наконец Делоса. Мне лично известен обряд, напоминающий обращение с этой святыней, а именно: фракийские и пеонские женщины не обходятся без пшеничной соломы при жертвоприношении Артемиде – Царице*. Так поступают эти женщины.

34. В честь гиперборейских девушек, умерших на Делосе, как мне известно, делийские девушки и юноши стригут себе волосы, а именно: перед свадьбой девушки отрезают себе локон волос, наматывают его на веретено и кладут на могилу; сама могила помещается внутри святилища Артемиды, с правой стороны от входа; на ней растет оливковое дерево. Делийские юноши наматывают пряди волос на ветку и так же кладут их на могилу гиперборейских девушек.

35. Таким почетом пользуются гиперборейские девушки у жителей Делоса. По словам самих делосцев, еще раньше Гиперохы и Лаодики пришли на Делос через земли тех же народов девушки от гипербореев: Арга и Опис. Они явились с данью для Илифии*, наложенной ими на себя за быстрые и легкие роды. Арга и Опис явились от гипербореев

вместе с самими божествами и удостоены были от делосцев различных почестей. Тамошние женщины собирали для них пожертвования, поименно зывали к ним в гимне, составленном ликийцем Оленом, от них научились песне островитяне и ионяне, которые прославляют Опис и Аргу с упоминанием имен и собирают для них пожертвования. Этот Олен прибыл сюда из Ликийи и составил вообще все древние гимны, исполняемые на Делосе. Равным образом на могилу Арги и Опис высыпают золу от сожженных на алтаре бедренных костей. Могила их находится позади храма Артемиды, по направлению к востоку, вблизи пиршественной залы кеосцев.

36. Сказанного о гипербореях довольно. Не стану передавать басни об Абарисе*, который считается гипербореем и о котором рассказывают, как он носил по всей земле стрелу и при этом ничего не употреблял в пищу. Если есть гиперборей, то есть и противоположный им народ, гипернотии*. Смешно видеть, как из множества составителей землеописаний ни один не показал вида земли толково. По их начертанию, Океан обтекает землю кругом, причем земля представляется кругообразной, как бы циркулем сделанной*, а Азия изображается равной Европе. В немногих словах я скажу о величине каждой части земли и об очертаниях их.

37. Азию населяют персы вплоть до Южного моря, именуемого Эрифрейским. Выше персов к северу живут мидяне, над мидянами саспиры, выше саспиров – колхи, простирающиеся до Северного моря, в которое изливается река Фасис. Эти четыре народа занимают пространство от моря до моря.

38. К западу от этих народов тянутся к морю два мыса Азии, которые я и опишу. Один из этих мысов с северной стороны начинается от Фасиса и тянется к морю вдоль Понта и Геллеспонта до троянского Сигея. С южной стороны этот самый мыс начинается от Мириандинского залива, что у Финикии, и тянется к морю до Триопийской оконечности. На этом побережье живет тридцать народов. Таков один из мысов.

39. Другой мыс начинается от Персии и тянется к Эрифрейскому морю*, содержит в себе сначала Персию, следующую за ней Ассирию, за Ассирией Аравию; кончается этот мыс, согласно принятому выражению, у Аравийского залива, в который Дарием проведен канал из Нила. От Персии до Финикии простирается обширная ровная местность; от Финикии мыс этот тянется через Наше море вдоль палестинской Сирии и до Египта, где и оканчивается. Здесь живут только три народа.

40. Это – область Азии, лежащая к западу от Персии. Выше персов, мидян, каспиров и колхов по направлению к востоку находится с одной стороны Эрифрейское море, а с севера – море Каспийское и река Аракс, текущая на восток. До Индии Азия заселена, а дальше на восток простирается пустыня, свойства которой никому не известны.

41. Такова и столь велика Азия, а Ливия помещается на другом из мысов, следуя непосредственно за Египтом. Подле Египта мыс этот узок, а именно: от Нашего моря до Эрифрейского всего сто тысяч сажень, или тысяча стадиев, тогда как от этой теснины мыс, называемый Ливией, очень широк.

42. Поэтому удивляет меня деление и разграничение всей земли на Ливию, Азию и Европу (на самом деле между ними большая разница). По длине Европа равняется остальным двум частям, вместе взятым, а по ширине нельзя даже сравнивать ее с Азией и Ливией. Ливия, оказывается, кругом омываема водой, за исключением той части, где она граничит с Азией; первый доказал это, насколько мы знаем, египетский царь Нехо. Приостановив прорытие канала из Нила в Аравийский залив, он отправил финикийцев на судах в море с приказанием плыть обратно через Геракловы Столпы, пока не войдут в Северное море и не придут в Египет. Финикийцы отплыли из Эрифрейского моря и вошли в Южный океан. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засеивали землю и дожидались жатвы; по уборке хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геракловы Столпы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии финикийцы имели солнце с правой стороны. Так Ливия стала известна впервые*.

43. Впоследствии сообщили то же карфагеняне, а именно: Сатасп, сын Теаспия из рода Ахеменидов, устрашаемый продолжительностью плавания и безлюдностью страны, не исполнил поручения матери, не объехал кругом Ливии, ради чего был отправлен, и вернулся назад. Дело в том, что он изнасиловал девственную дочь Зомира, Мегабизова сына. За это преступление царь Ксеркс решил было распять его; но мать Сатаспа, сестра Дария, испросила ему помилование, прибавив, что она сама наложит на него наказание более тяжкое, нежели наказание царя, а именно: он обязан будет объехать кругом Ливию, пока на этом пути не войдет в Аравийский залив. На таком условии Ксеркс сделал уступку. Сатасп прибыл в Египет, получил здесь корабль и египетских матросов и поплыл к Геракловым Столпам. Выплыв на другую сторону, он

обогнул оконечность Ливии по имени Солоент и направился дальше на юг. Так в течение многих месяцев он проплыл значительную часть моря; но так как предстояло проплыть еще больше пройденного, он повернул назад и прибыл в Египет. Оттуда он отправился к царю Ксерксу и сообщил ему, что очень далеко на море им пришлось плыть мимо страны, населенной маленького роста людьми, одевающимися в пальмовое платье, и каждый раз, как только они на корабле приближались к берегу, маленькие люди покидали свои города и убегали в горы; со своей же стороны они, войдя в их города, никого не обижали, только забирали с собой скот. Почему не объехали всей Ливии кругом, Сатасп объяснял тем, что судно его не могло идти дальше, так как было задержано мелью. Однако Ксеркс не поверил, что тот говорит правду, и велел его, как не исполнившего возложенного на него дела, пригвоздить к столбу, подвергнув его, таким образом, раньше объявленному наказанию. Евнух этого Сатаспа, лишь только узнал о смерти господина, похитил большие сокровища его и убежал на Самос; завладел сокровищами самосец, имя которого мне известно, но я умолчу о нем.

44. Бо́льшая часть Азии открыта Дарием, когда он пытался узнать место впадения в море реки Инд, единственной, кроме Нила, реки, содержащей в себе крокодилов. В числе лиц, от которых он ждал правдивых сообщений и которых послал для этой цели, находился и Скилак из Карианды. Они отправились из города Каспатира в Пактии и вниз по реке поплыли в восточном направлении к морю; через море они отправились на запад и на тридцатом месяце прибыли к тому месту, откуда египетский царь отправил упомянутых мной финикийцев объехать кругом Ливию. После того как они объехали Ливию, Дарий покорил своей власти индийцев и с того времени пользовался этим морем. Таким образом, оказалось, что Азия вся, за исключением восточной части, похожа на Ливию.

45. Относительно Европы никто достоверно не знает, омывается ли она водой на востоке и на севере. Известно, однако, что по длине она равняется Азии и Ливии, вместе взятым. Не могу также решить, почему одной земле даны три названия по именам женщин, а границами ее признаны египетская река Нил и колхидская Фасис; иные вместо этой последней реки границей считают меотийскую реку Танаис и киммерийский город Партмеи. Не могу я, наконец, узнать имен тех людей, которые разграничили земли таким способом, равно как и тех женщин, по именам которых названы три части земли. Так, большинство эллинов полагает, что Ливия названа по имени туземной

женщины Ливии, Азия получила свое название от жены Прометея. Впрочем, это последнее наименование лидийцы также присваивают себе, уверяя, что Азия названа по имени Асия, сына Котия, внука Манеса, а не по имени Прометеевой жены Азии; от того же Асия названо колено в Сардах Асиадой. Относительно Европы совершенно неизвестно, кругом ли она омывается водой, откуда произошло ее наименование, кто дал ей такое имя, если только мы отвергаем наименование этой страны Европой от женщины – тирянки; следовательно, раньше она, подобно другим странам, не носила никакого имени. Между тем, несомненно, женщина эта происходила из Азии и прибыла не в ту землю, которая теперь называется у эллинов Европой, но из Финикии только на Крит, а из Крита в Ликийю. Довольно об этом, тем более что мы придерживаемся здесь общепринятых мнений.

46. У Евксинского Понта, куда Дарий решил выступить в поход, живут народы, за исключением скифского, более грубые, нежели обитатели какой-нибудь иной страны. Так, из народов, живущих по эту сторону Понта, равно как и из отдельных тамошних людей, мы не знаем ни одного, выдающегося по уму, кроме народа скифского и скифа Анахарсиса. Впрочем, и скифский народ оказывается мудрее всех, нам известных, в одном только отношении, для людей, правда, наиболее важном; за все прочее я не могу хвалить его. В этом наиболее важном отношении они устраиваются так, что никакой враг, вторгшийся в их страну, не может уже спастись оттуда бегством, не может и настигнуть их, если только они сами не пожелают быть открытыми, потому что скифы не имеют ни городов, ни укреплений, но передвигают свои жилища с собой, и все они – конные стрелки из луков; пропитание себе скифы добывают не земледелием, а скотоводством, и жилища свои устраивают на повозках. Как же им не быть непобедимыми и неприступными?

47. Впрочем, такому положению скифов благоприятствует самая земля и помогают реки, а именно: земля у них ровная, изобилует травой и хорошо орошена; число протекающих через Скифию рек разве немного только меньше числа каналов в Египте. Однако из числа рек я назову только более значительные и судоходные для тех судов, которые идут от моря. Истр имеет пять устьев, за ним следуют Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакирис, Герр и Танаис. Текут они так.

48. Истр – величайшая из рек, нам известных, к тому же всегда одинаковой величины, как летом, так и зимой. Это – первая река в Скифской земле на западе; величайшей она становится потому, что в

нее изливаются многие реки. Но большой делают ее в особенности следующие реки: во – первых, протекающие через Скифию в числе пяти, одна, именуемая у скифов Поратой, у эллинов Пиретом, потом Тиарант, Арар, Напарис и Ордесс. Первая из поименованных здесь рек велика и на востоке соединяется с водами Истра, другая, Тиарант, вливается в Истр дальше на запад и менее значительна; наконец, Арар, Напарис и Ордесс вливаются в Истр в промежутке между этими двумя реками.

49. Таковы, собственно, скифские реки, пополняющие собой Истр; но в него вливается и река Марис, вытекающая из земли агафирсов, потом с вершин Гема текут в него по направлению к северу три значительные реки: Атлант, Аврас и Тибисис. Через Фракию и землю фракийских кробизов текут в него Африс, Ноес и Артанес; из земли пеонов и горы Родопы течет в Истр река Киос, разрывающая Гем пополам. Из Иллирии вытекает река Ангр и, направляясь к северу, входит в Трибаллскую равнину, здесь вливается в Бронг, а Бронг впадает в Истр; таким образом, Истр принимает в себя обе большие реки. Кроме того, из страны, лежащей выше омбриков, текут по направлению к северу реки Карпис и Альпис и также впадают в Истр. Истр протекает через всю Европу, а начало берет у кельтов, которые после кинетов оказываются самым крайним народом на западе Европы. Пройдя через всю Европу, Истр вступает наконец в пределы Скифии.

50. Благодаря перечисленным здесь и многим другим рекам, которые несут в Истр свои воды, последний и становится величайшей рекой. Впрочем, если сравнивать Истр сам по себе с Нилом, то по обилию воды он уступает этому последнему; действительно, в Нил не впадает ни одна река, ни один ручеек, который дополнял бы его воды. Что количество воды в Истре всегда одинаково, как летом, так и зимой, я объясняю себе следующим образом: зимой количество воды в нем почти обыкновенное или немного разве больше, так как зимой страна эта очень мало орошается дождями, – все покрыто снегом. С наступлением лета снег, в изобилии выпавший зимой, тает и со всех сторон стекает в Истр. Кроме снега, воуды Истра пополняются частыми и обильными дождями, которые там идут летом. Таким образом, насколько больше летом, нежели зимой, солнце притягивает к себе воды из Истра, настолько же больше летом, нежели зимой, Истр получает воды; одно возмещается другим, благодаря чему устанавливается равновесие и количество воды в Истре всегда одинаковое.

51. Истр – одна из рек Скифии; за ней следует Тирас, текущий с севера и берущий свое начало из большого озера, которое служит

границей между Скифией и Невридой. У устья Тиры живут эллины, которые называются тиритами.

52. Третья река, начинающаяся в Скифской земле, Гипанис, вытекает также из большого озера, вокруг которого находят себе пастбище дикие белые лошади, и озеро это справедливо именуется «матерью Гипаниса». По выходе из этого озера река Гипанис на протяжении пяти дней плавания мелка и имеет сладкую воду; начиная от этого пункта до моря, на протяжении четырех дней плавания, вода в Гипанисе чрезвычайно горька от горького ручья, который вливается в него; источник этот так горек, что при всей незначительности своей он делает горьким Гипанис, реку, с которой лишь немногие могут сравниться по протяжению. Ручей этот протекает на границе скифов – пахарей и ализонов. Имя ручья, равно как и той местности, откуда он вытекает, по – скифски Эксампей, а по – эллински Священные Пути. Тирас и Гипанис сближаются своими излучинами подле земли ализонов; дальше обе реки делают новые повороты и разделяющее их пространство становится все шире.

53. Четвертая река, Борисфен, – из скифских рек после Истра наибольшая и, по нашему мнению, самая богатая полезными предметами не только между скифскими реками, но между всеми вообще, кроме, впрочем, египетского Нила; с этим последним не может идти в сравнение никакая другая река. Но из прочих рек Борисфен наиболее прибылен: он доставляет прекраснейшие и роскошнейшие пастбища для скота, превосходнейшую рыбу в большом изобилии, вода его на вкус очень приятна, чиста, тогда как рядом с ним текущие реки имеют мутную воду; вдоль него тянутся превосходные пахотные поля или растет очень высокая трава в тех местах, где не засеивается хлеб; у устья реки сама собой собирается соль в огромном количестве; в Борисфене водятся огромные бескостные рыбы, называемые *антакеями* и идущие на соление, и многое другое, достойное внимания. До местности Герры, куда сорок дней плавания, Борисфен течет, как известно, с севера; страны, через которые он протекает выше этого пункта, никому не ведомы; несомненно только, что до области скифов – земледельцев он протекает через пустыню, а скифы эти живут вдоль реки на десять дней плавания. Не только я, но, кажется, и никто из эллинов не может определить истоков Борисфена да и Нила тоже. Вблизи моря сливается с ним Гипанис и впадает в общее с ним озеро. Лежащая между этими двумя реками оконечность суши называется мысом Гипполая; на нем находится святилище Деметры. По ту сторону святилища при Гипанисе живут борисфениты. Вот что об этих реках.

54. За ними следует пятая река по имени Пантикапа, текущая также с севера и также из озера; пространство между ней и Борисфеном занимают скифы – земледельцы; она входит в Гилею и, протекши через нее, сливается с Борисфеном.

55. Шестая река, Гипакирис, начинается из озера, течением своим разделяет землю скифов – кочевников пополам, вливается в море подле города Каркинитида, причем правой стороной ограничивает Гилею и так называемый Ахиллов бег*.

56. Седьмая река, Герр, отделяется от Борисфена в том месте, до которого эта последняя река известна. Он отделяется в этой области и носит такое же название, как и самая область, Герр; на пути к морю разграничивает земли скифов – кочевников и царственных; изливается Герр в Гипакирис.

57. Восьмая река, Танаис, течет сверху, из большого озера и впадает в другое озеро, еще большее, именуемое Меотидой и отделяющее царственных скифов от савроматов. В Танаис изливается река по имени Сиргис.

58. Вот те значительные реки, которыми орошается Скифия. Произрастающая там трава увеличивает количество желчи у животных больше всякой иной травы, нам известной. Что это действительно так, в том убедиться можно при вскрытии животных.

59. Таким образом, важнейшие предметы имеются у скифов в изобилии, а учреждения их вообще таковы: из божеств чтут скифы только следующих: Гестию выше всех прочих божеств, потом Зевса и Гею, причем Гею представляют себе супругой Зевса, далее Аполлона, Афродиту Уранию, Геракла и Ареса. Эти божества почитаются у всех скифов, а так называемые царственные скифы приносят жертвы еще и Посейдону. По – скифски Гестия называется Табити, Зевс – Папеем, последнее, по моему мнению, совершенно правильно; Гея – Апи, Аполлон – Гойтосиром, Афродита Урания – Аргимпасой, Посейдон – Фагимасадом. Скифы не имеют обыкновения ставить божествам кумиры и сооружать храмы, за исключением Ареса; сооружения в честь этого божества у них в обыкновении.

60. Способ жертвоприношения у всех скифов для всех божеств один и тот же и состоит в следующем: ставится жертвенное животное со связанными передними ногами; позади его стоит жертвоприноситель, который тянет к себе конец веревки и таким образом опрокидывает животное на землю. Пока животное падает, жертвоприноситель взывает к тому божеству, в честь которого совершается жертва. Затем быстро накидывает петлю на шею

животного, поворачивает кругом вложенную в петлю палку и удавливает жертву; огонь при этом не возжигается; не бывает ни предварительных действий, ни возлияний; удавив жертву и сняв с нее кожу, жертвоприноситель приступает к стряпне.

61. Так как Скифская земля совсем безлесна, то скифами придуман следующий способ варения мяса: жертвенное животное обдирают, очищают от костей и бросают его в котлы туземного производства, если таковые попадутся под руку: эти последние скорее всего походят на лесбосские чаши, только немного больше их; затем зажигают кости животных и на них варят мясо. Если котла не окажется, то все мясо сбрасывается в желудки самих животных, подливают туда воды и под ними кости зажигают. Кости горят отлично, а очищенное от костей мясо легко помещается в желудках. Таким образом, бык, как всякое другое жертвенное животное, сжигает себя сам; когда мясо сварено, жертвоприноситель бросает перед собой посвященные божееству куски мяса и внутренностей. В жертву приносятся всякие домашние животные, преимущественно лошади.

62. Так приносятся жертвы и жертвуются именно такие животные всем прочим божествам скифов. Только относительно Ареса существует иной, следующий порядок. В каждом скифском царстве ставятся по околоткам святилища Ареса, а именно: складывается куча хворосту длиной в три стадия и столько же шириной; высота кургана меньше; наверху сделана четырехугольная площадка, три стороны которой отвесны, а к четвертой есть доступ. Ежегодно свозится полтораста возов хворосту, потому что от непогоды кучи постоянно оседают. На каждой такой насыпи водружается железный старинный меч, который и составляет кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносятся в жертву рогатый скот и лошади, как и прочим божествам, а сверх того совершается еще следующее: в честь его умерщвляется каждый сотый мужчина из всего числа взятых в плен врагов, и умерщвляется не так, как скот, но иным способом: сделав предварительно возлияние на головы людей, их режут над сосудом, потом кровь убитых относят на кучу хвороста и льют ее на меч. Только кровь относится наверх; внизу у святилища всем убитым людям отсекают правые плечи вместе с руками и бросают в воздух; покончив с принесением в жертву остальных животных, удаляются. Руки оставляются там, где упали, а трупы лежат отдельно.

63. Таковы существующие у скифов способы жертвоприношения. Свиней они не приносят в жертву вовсе и вообще не имеют обыкновения содержать свиней в своей стране.

64. Военные обычаи их таковы: скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех врагов, убитых в сражении, относятся к царю, потому что только под условием доставления головы неприятеля скиф получает долю добычи, в противном случае не получает ничего. С головы он снимает кожу следующим образом: кругом головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи, засим соскабливает с нее бычьим ребром мясо и выделяет кожу в руках, делая ее таким образом мягкой. Выделанную кожу скиф затем использует как полотенце, привешивает ее к уздечке той лошади, на которой ездит сам, и гордится этим. Скиф, располагающий наибольшим числом таких полотенец из кож неприятелей, почитается доблестнейшим человеком. Многие скифы готовят себе из содранных кож плащи, в которые и одеваются; для этого кожи сшиваются вместе, как козьи шкурки. С другой стороны многие из них снимают кожу до самых ногтей с правых рук убитых врагов и готовят из этих кож футляры для колчанов. Человеческая кожа действительно толста и блестяща, блеском и белизной превосходит почти все другие кожи. Наконец, многие скифы снимают кожу со всего трупа, натягивают ее на палки и возят с собой на лошадях. Таковы у них военные обычаи.

65. С головами врагов, не всех, впрочем, но ненавистнейших, скифы обращаются так. Они отпиливают ту часть головы, что пониже бровей, и потом вычищают череп изнутри; если скиф – человек бедный, он только обтягивает череп снаружи сырой бычьей кожей и в таком виде пользуется им; если он богат, то, обтянув череп кожей, покрывает его внутри золотом и употребляет вместо чаши. Поступают так скифы и с теми родственниками, с которыми входят в распри, если обвинитель перед лицом царя одержит верх над обвиняемым. Когда являются в гости лица, которым скиф желает оказать внимание, он выставляет эти черепа, причем напоминает, что это были его родственники, что они вступили было с ним в борьбу, но он вышел из распри победителем; рассказывается это как геройский подвиг.

66. Ежегодно раз в году каждый начальник в своем околотке готовится чашу вина, из которой пьют те лишь скифы, которые умертвили врагов. Напротив, те из скифов, за которыми нет таких подвигов, не вкушают этого вина и, как обесчещенные, садятся в стороне; это самый тяжкий позор для них. Напротив, если кто из скифов убил очень много врагов, тот получает две чаши и пьет вино из обеих разом.

67. Гадателей у скифов много, и гадают они по многочисленным ивовым прутьям следующим образом: приносят с собой большие пучки прутьев, кладут их на землю и располагают врозь, потом, перекладывая один прутик за другим, они прорицают; пока изречения произносятся, гадатели снова собирают прутья в пучки и снова кладут один прут за другим. Это – исконный способ гадания у скифов. По словам энареев – женоподобных мужчин, – искусство гадания даровано им Афродитой. Для гадания они употребляют нижнюю липовую кожицу, которую делят на три полосы, переплетают эти полосы между пальцами, потом расплетают их и в это время произносят изречения.

68. В случае болезни скифский царь приглашает трех наиболее знаменитых гадателей, которые производят гадание упомянутым выше способом. При этом наиболее часто они объявляют, что такой-то или иной из народа, называя его по имени, ложно клялся божевами царского очага, а у скифов существует обычай – давать торжественнейшую клятву во имя царских домашних божеств во всех тех случаях, когда они желают представить священнейшую клятву. Человека, обвиняемого в клятвopеступлении, тотчас схватывают и доставляют на суд; засим гадатели уличают его в том, что он по свидетельству гадания виновен в клятвopеступлении против божеств царского очага и что вследствие этого и болеет царь. Обвиняемый возражает, настойчиво уверяя, что он не нарушил клятвы. Если обвиняемый отрицает вину, царь призывает других гадателей, числом вдвое больше против прежнего. Если ж эти гадатели на основании своего искусства обвиняют подсудимого в клятвopеступлении, ему немедленно отсекают голову, а имущество его достается на долю первых гадателей. Но если бы вторые гадатели оправдали подсудимого, в таком случае призываются новые и опять новые гадатели. Если большинство гадателей оправдывает подсудимого, то постановляется, что первые гадатели должны погибнуть сами.

69. Казнят их таким образом: повозку наполняют хворостом и запрягают в нее быков; сковывают гадателям ноги, а руки связывают на спине, затыкают рты и в таком виде вкладывают гадателей в середину хвороста, потом зажигают хворост, пугают быков и гонят. Множество быков гибнет в пламени вместе с гадателями, другие быки хотя и опаляются, спасаются бегством, когда сгорит дышло. Этим способом сжигают гадателей и за разные другие провинности, причем они называются лживыми гадателями. Царь не оставляет в живых и детей казненных гадателей; все мужское поколение их он велит казнить, а женское не трогает.

70. Если скифы заключают с кем-либо клятвенный договор, то поступают при этом так: в большую глиняную чашу наливается вино, к нему примешивается кровь договаривающихся, причем сим последним делают уколы шилом или небольшие разрезы ножом на теле, потом погружают в чашу меч, стрелы, секиру и метательное копьё. По совершении этого они долго молятся, засим пьют смесь как сами договаривающиеся, так и знатнейшие из присутствующих.

71. Гробницы царей находятся в Геррах, до которых Борисфен судоходен. После смерти царя там тотчас выкапывается большая четырехугольная яма; по изготовлении ее принимают за покойника и воском покрывают его тело, но предварительно разрезают ему живот, вычищают его и наполняют толченым кипером, ладаном, семенами сельдерея и аниса, потом сшивают и везут в повозке к другому народу. Тот народ, к которому привозят покойника, делает то же самое, что и царственные скифы, а именно: и там люди отрезают себе часть уха, стригут кругом волосы, делают себе на руках порезы, расцарапывают лоб и нос, а левую руку прокалывают стрелами. Отсюда перевозят труп царя к другому подвластному им народу, между тем как тот народ, к которому они приходили раньше, следует за покойником. Объехав таким образом все народы, царские скифы являются в землю отдаленнейшего подчиненного им народа – герров, где находится и кладбище. Здесь труп хоронят в могиле на соломенной подстилке, по обеим сторонам трупа вбивают копья, на них кладут брусья и все покрывают рогожей. В остальной обширной части могилы хоронят одну из его наложниц, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, приближенного слугу, вестника, наконец, лошадей, первенцев всякого другого скота и золотые чаши, – серебра и меди цари скифов совсем не употребляют. После этого все вместе устраивают большую земляную насыпь, прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше.

72. По прошествии года скифы опять совершают следующее: из оставшихся слуг выбирают пятьдесят человек, угодных царю (это – коренные скифы, так как царю, по его приказанию, служат только такие люди; купленных за деньги слуг у него не бывает). Выбирают также пятьдесят наилучших лошадей; тех и других удавливают, вынимают из них внутренности, очищают живот и, наполнив его отрубями, зашивают, потом укрепляют на двух столбах половину колеса так, чтобы обод его был обращен вниз, другую половину устанавливают на двух других столбах. Тем же способом сколачивается вообще много станков; после этого вбивают в лошадей во всю длину туловища до

самой шеи толстые кольца и в таком виде поднимают на колесные ободья. Причем на передних полукругах помещаются плечи лошадей, а на задних держатся туловища у самых бедер, так что обе пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; наконец накидывают на лошадей уздечки и удила, тянут их вперед и прикрепляют к кольшкам. Кроме того, удавливают пятьдесят юношей и по одному сажают на лошадей следующим образом: в труп каждого юноши загоняется вдоль спинного хребта прямой кол, достигающий до шеи; нижний выступающий конец его вбивается в пробуравленную дыру другого кола того, что проходит через лошадь; поставив таких всадников вокруг могилы, скифы расходятся. Так хоронят они царей.

73. Что касается прочих скифов, то в случае смерти кого-нибудь из них ближайшие родственники кладут покойника на повозку и везут к его друзьям. Каждый из них устраивает для спутников покойника обильный пир, причем от всех угощений уделяется часть и покойнику. Частных лиц возят таким образом в течение сорока дней, а потом хоронят. После похорон скифы очищают себя следующим образом: умащают, а потом обмывают себе волосы; для очищения тела ставят три шеста, наклоненных один к другому, натягивают на них войлоки, плотно между собой связанные; посреди шатра ставится ванна, в которую бросают раскаленные докрасна камни.

74. В Скифии произрастает конопля, очень похожая на лен, только гораздо толще и выше его. Она там засеивается, но растет также и в диком состоянии; фракийцы готовят себе из нее платье до такой степени похожее на льняное, что человек, недостаточно опытный, не сможет узнать, сделано ли платье из конопли или льна; а кто никогда не видел конопляной материи, тот примет такое платье за льняное.

75. С семенами конопли в руках скифы входят под войлоки шатра и там бросают их на раскаленные камни; от этого поднимаются такой дым и пар, что никакая эллинская баня не превзойдет в этом отношении скифской. Скифы наслаждаются такой баней и вопят от удовольствия. Это заменяет для них купанье; действительно, они вовсе не обмывают себе тела водой. Впрочем, скифские женщины подливают воды к перетираемым на твердом камне кусочкам кипариса, кедра и ладана и вымазывают себе все тело и лицо получаемой таким образом густой массой, что придает телу приятный запах: когда на следующий день мазь отнимут, тело их становится чистым и глянцевитым.

76. Подобно другим варварам, скифы ревниво избегают заимствования чужеземных учреждений, как от остальных скифских народов, так в особенности от эллинов; доказали это примеры

Анахарсиса и потом Скила. Анахарсис посетил многие страны и стяжал себе славу великого мудреца. По возвращении в скифские пределы ему пришлось, плывя через Геллеспонт, пристать к Кизику. Он увидел там устроенный кизикенцами чрезвычайно торжественный праздник в честь Матери богов*. При этом Анахарсис дал обет Матери: если возвратится здоровым и благополучным на родину, совершить точно такое же празднество, какое он видел у кизикенцев, и установить всеобщее бдение. По возвращении в Скифию он удалился в так называемую Гилею, что подле Ахиллова бега, изобилующую всевозможным лесом; укрывшись сюда, он увешал себя изображениями богини и устроил в честь нее полное празднество с литаврами в руках. Кто-то из скифов заметил Анахарсиса за этим празднеством и донес царю Савлию; тот сам явился на место действия и, увидев, что Анахарсис совершает это празднество, умертвил его стрелой из лука. Если теперь спросить кого-нибудь из скифов об Анахарсисе, он отвечает, что не знает его, и это потому, что Анахарсис путешествовал в Элладу и позаимствовал чужеземные нравы. От Тимна, доверенного Ариапифа, я слышал, что Анахарсис был дядя по отцу скифского царя Иданфирса, сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спаргапифа. Если Анахарсис был действительно такого происхождения, то, значит, он умер от руки брата, так как Иданфирс был сыном Савлия, а Савлий был убийцей Анахарсиса.

77. Впрочем, я слышал еще и другой рассказ, сообщаемый пелопоннесцами, а именно что Анахарсис отправился к эллинам по приказанию скифского царя и учился у них. По возвращении на родину будто бы объявил отправившему его царю, что все эллины, за исключением лакедемонян, стараются добыть себе всякие знания и стать мудрыми, однако только с лакедемонянами можно вести разумные беседы. Но рассказ этот – суетное измышление самих эллинов; во всяком случае, Анахарсис погиб так, как о том сообщено выше.

78. Так кончил жизнь Анахарсис за то, что заимствовал чужое и общался с эллинами, а много лет спустя после этого подобная участь постигла сына Ариапифа, Скила. У царя скифов Ариапифа, кроме других детей, был сын Скил; он родился от женщины – истрянки, а уж вовсе не от туземки. Сама мать обучила его эллинскому языку и письму. С течением времени Ариапиф умер – он пал жертвой коварства Спаргапифа, царя агафирсов, после чего царскую власть наследовал Скил, получивший также и жену покойного царя; имя ее было Опия. Опия эта была скифянка; от нее у Ариапифа был сын Орик. Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил скифского образа жизни, потому что

вследствие полученного им воспитания питал гораздо бо́льшую склонность к эллинским нравам и поэтому поступал таким образом. Всякий раз, когда царь с войском являлся в город борисфенитов (эти борисфениты сами себя называют милетянами), он оставлял свое войско в предместье, а сам входил в город, велел запирать за собой ворота. Затем снимал с себя скифское платье и одевался в эллинское; в таком виде он ходил по рынку без телохранителей и без всякой свиты; у городских ворот стояла стража для того, чтобы кто-либо из скифов не увидел его в таком платье. Он вообще жил по – эллински и, между прочим, по эллинскому способу совершал жертвоприношение богам. Спустя месяц или больше он снова облачался в свое скифское платье и удалялся из города. Прodelывал он это часто; сверх того построил себе дом в Борисфене и ввел в него жену – туземку.

79. Скилу суждено было погибнуть, и гибель постигла его по следующему случаю: он возымел сильное желание быть посвященным в таинства Диониса Вакха, и вот в то время, когда готовился принять посвящение, случилось замечательнейшее чудесное знамение. В городе борисфенитов, о чем я упомянул немного выше, Скил имел обширный пышный дом, вокруг которого стояли сфинксы и грифы из белого мрамора; в этот-то дом божество метнуло огненную стрелу, так что он весь сгорел. Скил, однако, не смутился этим и принял посвящение. Со своей стороны скифы осуждают эллинов за их вакхические празднества, замечая, что не подобает выдумывать себе такое божество, которое повергало бы людей в исступление. Когда Скил посвятил себя служению Вакху, кто-то из борисфенитов обратился к скифам со следующим насмешливым замечанием: «Вы смеетесь над нами, скифы, за то, что мы устраиваем вакханалии и что божество вселяется в нас, а вот теперь то же самое божество вселилось в вашего царя: он совершает таинства Вакха, а божество повергает его в исступление. Если не верите, ступайте за мной, я покажу вам». Скифские старшины последовали за борисфенитом, который взвел их тайком на башню и там посадил. Скил появился вместе с праздничной толпой и совершал вакханалии; при виде этого скифы сильно вознегодовали и, сойдя с башни, рассказали виденное всему воинству.

80. Когда после этого Скил возвратился на родину, скифы поставили над собой царем брата его, Октамасада, сына Тереевой дочери, и взбунтовались против Скила. Узнав о том, что готовится ему и из-за чего, он бежал во Фракию; Октамасад получил об этом известие и собирался идти войною на Фракию. Когда затем он появился на Истре, против него выступили фракийцы; бой должен был тотчас начаться, но

Ситалк отправил к Октамасаду глашатая со следующим предложением: «К чему нам испытывать друг друга? Ты сын сестры моей и в своей власти держишь моего брата. Возврати мне его, а я тебе выдам твоего Скила. Ни ты, ни я не станем подвергать наши войска опасности». Вот что Ситалк сказал через глашатая; действительно, бежавший от него брат скрывался у Октамасада. Октамасад принял предложение и за выданного племянника по матери получил от Ситалка брата Скила. После этого Ситалк с братом удалился, а Октамасад велел тут же отрубить голову Скилу. Столь ревниво оберегают скифы свои учреждения и так карают виновных в их нарушении и в заимствовании чужих обычаев.

81. Численность скифов я не имел возможности узнать достоверно, но слышал об этом два различных мнения: одно – что их очень много, и другое – что коренных скифов, собственно говоря, мало. Однако вот что мне показали: между реками Борисфен и Гипанис находится область по имени Эксампей. Относительно нее немного раньше я упоминал, что там находится горький источник и что вытекающая из него вода делает воду Гипаниса негодной для питья; в этой-то области стоит медный сосуд, по величине в шесть раз превосходящий ту чашу, что находится у входа в Понт, на Фракийском Боспоре, и что была поставлена сыном Клеомброта Павсанием. Для не видевших ее сообщу следующее: медный сосуд у скифов свободно вмещает в себе шестьсот амфор, а толщина его шесть пальцев. По словам туземцев, сосуд сделан из наконечников стрел, а произошло это будто бы так: однажды царь их, по имени Ариант, пожелал определить численность скифов и приказал, чтобы все скифы доставили ему по одному наконечнику от стрелы; кто не доставит, будет казнен. Наконечников стрел принесено было очень много, и царь решил соорудить из них памятник. Таким образом, сосуд этот сделан, по приказанию царя, из наконечников стрел и поставлен в Эксампее. Вот что рассказывали мне о численности скифов.

82. Достопримечательностей страна эта не имеет, за исключением множества огромных рек. Впрочем, можно упомянуть здесь еще об одной достопримечательности в Скифии, помимо рек и обширности равнины, а именно: на берегу реки Тирас местные жители показывают отпечаток ступни Геракла в скале, похожую на след человека, но в два локтя длины. Довольно об этом; теперь я возвращусь к рассказу, обещанному вначале.

83. Между тем как Дарий готовился к походу на скифов и посылал вестников к народам с приказанием одним доставлять пехоту, другим флот, третьим перекидывать мост через Фракийский Боспор, сын

Гистаспа и брат Дария, Артабан, решительно советовал ему не ходить войной на скифов, напоминая при этом об их бедности. Однако Дарий не внял его благоразумным советам, и Артабан оставил брата в покое. Покончив со всеми приготовлениями к походу, Дарий вышел с войском из Суз.

84. В это время некий перс Эобаз просил Дария оставить при нем одного из сыновей; их у него было трое, и все выступали в поход. Дарий отвечал, что он любит его, Эобаза, что просьба его скромна и за это он оставит ему всех сыновей. Эобаз очень обрадовался этому в надежде, что сыновья будут освобождены от военной службы. Между тем Дарий велел находившимся при нем лицам казнить всех сыновей Эобаза. Так они были умерщвлены и остались на месте.

85. Выйдя из Суз, Дарий прибыл к Калхедонии на Боспоре, где был положен мост, там сел на корабль и отплыл к так называемым Кианейским скалам, которые, по словам эллинов, были некогда «блуждающими»*. Он сел на косе и оттуда глядел на Понт, которым действительно можно было любоваться. Из всех морей это – наиболее достопримечательное. В длину оно имеет одиннадцать тысяч сто стадиев, а в ширину в самой широкой части три тысячи триста, тогда как проход в море имеет в ширину всего четыре стадия; это – устье моря, или шея, именуемая Боспором; там, где положен мост, оно имеет в длину сто двадцать стадиев. Боспор простирается до Пропонтиды, а Пропонтида, имеющая в ширину пятьсот стадиев, в длину тысячу четыреста, ниспадает в Геллеспонт; этот последний в самом узком месте имеет семь стадиев ширины и четыреста длины. Геллеспонт изливается в то широкое море, которое называется Эгейским.

86. Измерения эти я произвел следующим образом: обыкновенно корабль проходит в течение довольно длинного дня почти семьдесят тысяч сажений, а за ночь шестьдесят тысяч. Между тем от устья Понта до Фасиса, что составит длиннейшую часть Понта, плавание длится девять дней и восемь ночей, а это дает миллион сто десять тысяч сажений, или одиннадцать тысяч сто стадиев. До Фемискиры, что на реке Фермодонт, от страны синдов – в этом месте Понт наиболее широк, – три дня и две ночи плавания, что составляет тридцать тысяч триста сажений, или три тысячи триста стадиев. Таким-то способом измерил я Понт, Боспор и Геллеспонт, и моря эти действительно таковы, какими я описал их. Подле того же самого Понта лежит озеро, в него изливающееся и разве только немного меньшее Понта; называется оно Меотидой и Матерью Понта.

87. Налюбовавшись морем, Дарий отплыл обратно к мосту, строителем которого был самосец Мандрокл. Осмотрев также Боспор, он велел поставить на берегу его два столпа из белого мрамора и начертать на одном из них ассирийскими, а на другом эллинскими письменами имена всех народов, с которыми он шел в поход, а он вел с собой все подвластные народы. В войске его с конницей, но без флота, насчитывалось семьсот тысяч человек, а кораблей собрано было шестьсот. Впоследствии византийцы перенесли эти столпы в свой город и употребили их на жертвенник Артемиды Орфосии*, за исключением, впрочем, одного камня, на котором были ассирийские письмены и который покинули они подле храма Диониса в Византии. Та часть Боспора, берега которой Дарий соединил мостом, занимает, как мне думается, середину между Византием и храмом, что у входа в Боспор.

88. Дарий остался доволен мостом и потому наградил строителя его самосца Мандрокла всевозможными подарками, причем дал всего по десяти. Часть этих подарков употребил Мандрокл на картину, на которой изображены были целый мост, Дарий, сидящий на высоком троне, и все его войско в момент переправы; картину эту он пожертвовал в храм Геры с такой надписью:

По соединении обильного рыбой Боспора
Мандрокл пожертвовал это Гере в память о мосте;
Им стяжал он себе венок, а самосцам славу,
Потому что исполнением угодил царю Дарию.

89. Таков был памятник, оставленный по себе строителем моста, а Дарий, одарив Мандрокла, начал переправу в Европу, предварительно приказав ионьянам плыть вверх по Понту до реки Истр, а по прибытии к Истру ожидать его и положить мост через реку; флот вели ионяне, эолийцы и геллеспонтийцы. Проплыв Кианеи, флот направился прямо к Истру и потом поднялся вверх по реке на два дня плавания от моря; шею реки, там, где она разделяется на рукава, он соединил мостом. Перейдя по мосту через Боспор, Дарий двинулся далее через Фракию, прибыл к истокам реки Теар и там в течение трех дней стоял лагерем.

90. По словам окрестных жителей, река Теар превосходит все прочие реки по своим целебным свойствам вообще, а главное потому, что излечивает чесотку у людей и лошадей. Источников этой реки тридцать восемь; все они вытекают из одной и той же скалы; одни из них имеют холодную воду, другие теплую. Эти источники находятся на одинаковом расстоянии двухдневного пути от города Герея, что подле

Перинфа, и от Аполлонии, что на Евксинском Понте. Теар изливается в реку Контадесд, а Контадесд – в Агриану, Агриана – в Гебр, а этот последний в море подле города Эноса.

91. У этой реки Дарий расположился лагерем и пользовался здесь удовольствием, в память чего велел поставить столп с надписью: «Из числа всех рек источники Теара доставляют приятнейшую и здоровейшую воду; к ним пришел во главе войска доблестнейший и прекраснейший из всех людей, Дарий, сын Гистаспа, владыка персов и всего материка». Такова была та надпись.

92. Отправившись отсюда, Дарий подошел к другой реке, по имени Артеск, которая протекает через землю одрисов. Здесь он указал войску определенную местность и отдал приказание, чтобы каждый воин, проходя мимо этой местности, положил по одному камню. Войско исполнило это приказание, благодаря чему Дарий, уходя дальше с войском, оставил за собой огромные кучи камней.

93. Прежде чем дойти до Истра, Дарий покорил, во – первых, гетов, верующих в бессмертие души. Действительно, фракийцы из Сальмидесса, а также те, что живут выше городов Аполлонии и Месамбрии, именуемые скирмиадами и нипсеями, сдались Дарию без боя. Однако геты, из фракийцев наиболее мужественные и справедливые, оказали сопротивление, но быстро были покорены.

94. Вера гетов в бессмертие души состоит в следующем: они убеждены, что люди со смертью не умирают, но удаляются к божеству Салмоксису*; некоторые из них называют то же самое божество Гебелейзисом. Через каждые четыре года на пятый они посылают из своей среды по жребию одного человека в качестве вестника к Салмоксису; при этом даются ему поручения относительно того, что в данное время наиболее для них потребно. Вестник посылается таким образом: одни выстраиваются в ряд с тремя метательными кольями в руках, другие берут посланца к Салмоксису с обеих сторон за руки и за ноги, подбрасывают его высоко в воздух, так что он падает на копья. Если проколотый человек умирает, то божество признается милостивым к гетам; если же он не умирает, то геты винят в том самого вестника, считая его человеком порочным, и затем отправляют к божеству другого человека. Поручения даются ему еще при жизни. Эти же самые фракийцы пускают стрелы в небо против грома и молнии, сопровождая стрельбу угрозами божеству; никакого иного божества, кроме своего, они не признают.

95. Как слышал я от эллинов, живущих по берегам Геллеспонта и Понта, этот самый Салмоксис был человеком, а именно рабом сына

Пифагора, Мнесархова сына, на Самосе. Потом он сделался свободным, приобрел большое состояние и вернулся снова на родину. Фракийцы глуповаты и ведут жалкую жизнь, а Салмоксис познакомился с образом жизни ионян и с такими нравами, которые для фракийцев были слишком утонченны, ибо он имел общение с эллинами и с мудрейшим из них, Пифагором; на родине он устроил для себя зал, в котором радушно принимал знатнейших граждан и за обильными пиршествами учил гостей, что ни он сам, ни застольные товарищи его, ни потомки их, даже самые отдаленные не умрут, но удалятся в такую страну, где будут жить вечно и будут пользоваться всеми благами. Поступая и проповедуя таким образом, он тем временем соорудил для себя подземное помещение. Когда оно было совсем готово, Салмоксис удалился из среды фракийцев, низошел в подземелье и там прожил три года. Геты скучали и сожалели по нем, как по умершем; но на четвертый год он явился к фракийцам и таким способом внушил доверие к тому, что проповедовал. Вот что, говорили мне, сделал он.

96. Что касается меня, то я и не отрицаю рассказов о нем и о подземном помещении его, но и не слишком доверяю им; полагаю, во всяком случае, что Салмоксис этот жил за много лет до Пифагора. Однако был ли Салмоксис человеком или туземным божеством гетов, довольно говорить о нем.

97. Итак, геты, имеющие такие верования, были покорены персами и последовали за остальным войском. Когда Дарий со всем своим войском пришел к Истру, то после переправы приказал ионянам разрушить мост и следовать за ним вместе с воинами с кораблей. В то время как ионяне собирались исполнить приказание и разрушить мост, некто Кой, сын Эрксандра, вождь митиленцев, спросил Дария, угодно ли ему будет выслушать мнение человека, желающего говорить, и обратился к нему с такой речью: «Ты готовишься, царь, вторгнуться в такую страну, где не найдешь ни вспаханного поля, ни населенного города. Пускай этот мост остается нерушимо на месте, а стражами при нем поставь тех самых лиц, которые соорудили его. Если мы найдем скифов и предприятие наше кончится счастливо, у нас будет обратный путь; если же мы не сможем найти их, то по крайней мере обратный путь для нас обеспечен. Я не того боюсь, что скифы одолеют нас в сражении, а скорее того, что мы не найдем их и в блужданиях будем терпеть невзгоды. Могу сказать, однако, что я предлагаю это не ради себя, не из желания остаться здесь; я высказываю лишь мнение, которое кажется мне наиболее выгодным для тебя, царь; сам же последую за тобой и не помышляю оставаться». Дарию очень понравилось это

предложение, и он так отвечал Кою: «Любезный лесбосец, когда благополучно возвращусь домой, ты явись ко мне непременно, и я наградой отплачу тебе за твой благой совет».

98. После этого царь завязал на ремне шестьдесят узлов, позвал на совещание к себе ионийских тиранов и сказал им: «Прежде высказанное мной решение относительно моста, ионяне, я отменяю; теперь возьмите этот ремень и поступите так: начиная как раз с того времени, когда я пойду на скифов, развязывайте на ремне каждый день по одному узлу; если бы за этот промежуток времени я не явлюсь назад и минует число дней, обозначенное узлами, плывите обратно на родину; а до той поры оберегайте мост, приложите всяческое старание к защите его и сохранению в целости. Этим окажете мне большую услугу». Дарий сказал это и немедленно двинулся дальше.

99. Перед Скифией лежит Фракия, простирающаяся до моря. Скифия начинается с залива, образуемого Фракией; здесь же входит в Скифию Истра, поворачивая на восток к устью. Начиная от Истра, я буду описывать, с целью измерения, приморскую часть собственно Скифской земли. Эта от Истра начинающаяся страна есть древняя Скифия; она простирается на юг до города, именуемого Каркинитидой. Следующая за сим страна у того же моря, гористая и выступающая в Понт, занята народом тавров до так называемого Сурового полуострова* и по направлению к востоку входит в море. С двух сторон Скифия граничит морем, с юга и с востока, так же как и Аттика. Далее, если часть Скифии занимают тавры, то вообразим себе, что подобно этому и в Аттике на Сунийской возвышенности жили бы не афиняне, но другой народ, между деревнями Фориком и Анафлистом, причем мыс выдавался бы еще больше в море; я сравниваю это лишь постольку, поскольку позволительно малое сопоставлять с большим. Такова Таврия. Впрочем, для тех, которые не объезжали этой части Аттики, я употреблю другой способ объяснения, предполагая, что мыс Иапигия, начиная от гавани Брентесия до Таранта, отрезан и заселен не иапигами, но другим народом. Хотя я упоминаю только эти две страны, но можно бы назвать и много других, на которые походит Таврия.

100. За Таврией, выше тавров, живут уже скифы, занимая земли дальше на восток на морском побережье и на западном берегу Боспора Киммерийского и Меотийского озера вверх до реки Танаис, которая вливается в самом дальнем углу этого озера. От Истра внутрь материка скифы граничат прежде всего с агафирсами, потом с неврами, далее на восток с андрофагами и, наконец, с меланхленами.

101. Скифия представляет собой четырехугольник, две стороны которого доходят до моря, причем линия, идущая внутрь материка, такой же длины, как и та, что тянется вдоль моря. Так, от Истра до Борисфена десять дней пути и столько же от Борисфена до Меотиды; с другой стороны от моря внутрь страны до меланхленов, что живут над скифами, двадцать дней пути; дневной путь я определяю в двести стадиев. Таким образом, Скифия в поперечнике имеет четыре тысячи стадиев; такой же длины и те прямые стороны ее, что идут внутрь материка. Таков объем этой страны.

102. На совете скифы порешили, что они одни в открытом бою не в состоянии отразить полчища Дария, и потому разослали вестников к соседним народам. Цари этих народов уже собирались для совещаний по случаю вторжения огромного войска; это были цари тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов.

103. Обычаи тавров таковы: в жертву девственнице – богине они приносят всякого эллина, потерпевшего кораблекрушение у берегов их или захваченного в открытом море. И поступают при этом так: подле предварительного освящения жертвы бьют ее по голове дубиной. По словам одних, тело жертвы бросают вниз со скалы, на которой помещается святилище, а голову насаживают на кол; другие относительно головы сообщают то же самое, говорят, однако, что туловище не сбрасывается со скалы, но закапывается в землю. Сами тавры называют женское божество, которому приносятся такие жертвы, Ифигенией, дочерью Агамемнона*. С неприятелями, попавшими в плен, они обращаются следующим образом: каждый отрезает неприятелю голову и уносит ее с собой домой, потом натывает на длинный шест очень высоко над домом, большей частью даже над дымовой трубой; по словам тавров, это – стражи, поднимающиеся в воздухе над целым домом. Живут тавры грабежом и войной.

104. Агафирсы, напротив, отличаются самыми мягкими нравами и очень охотно носят золотые украшения; женщинами агафирсы пользуются сообща с той целью, чтобы всем быть братьями между собой и родными и не возбуждать друг в друге ни зависти, ни вражды. В остальном по образу жизни они походят на фракийцев.

105. У невров нравы скифские. За одно поколение до похода Дария змеи вынудили их покинуть всю страну свою, а именно: земля их произвела множество змей, а еще больше вторглось их из верхних пустынных земель, пока наконец жители не были принуждены покинуть родину и не поселились вместе с будинами. Кажется, что

люди эти колдуны; по крайней мере, скифы и эллины, живущие в Скифии, рассказывают, что ежегодно, однажды в год, каждый невр становится на несколько дней волком*, а потом снова принимает человеческий облик. Я не верю этим рассказам, но так говорят и рассказы удостоверяют клятвой.

106. Из всех народов андрофаги имеют самые дикие нравы; нет у них ни правды, ни закона. Андрофаги – кочевники, одеваются по – скифски, но язык имеют особенный; они одни из всех тамошних народов употребляют в пищу человеческое мясо.

107. Меланхлены все носят черные одежды, откуда и произошло их наименование, а образ жизни ведут скифский.

108. Будины – народ многолюдный, со светло – голубыми глазами и с рыжими волосами. В земле их есть деревянный город по имени Гелон. Каждая сторона городской стены имеет в длину тридцать стадиев; стена высока, вся из дерева, равно как и дома, и храмы будинов. Там есть святилища эллинских божеств с кумирами, алтарями и храмами из дерева, а в честь Диониса устраиваются там каждые два года празднества с оргиями. Первоначально гелоны были те же эллины, удалившиеся из торговых городов и поселившиеся среди будинов. Одни из них говорят на скифском языке, другие на эллинском. Хотя будины ведут такой же образ жизни, как и гелоны, но говорят на языке особом.

109. Будины, туземцы в этой стране, ведут кочевой образ жизни и одни из тамошних народов питаются сосновыми шишками; гелоны, напротив, земледельцы, употребляют в пищу хлеб, занимаются садоводством и не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи. Впрочем, у эллинов и будины называются гелонами, но это неправильно. Страна их изобилует разнородными лесами. В обширнейшем из лесов находится большое озеро, окруженное болотом и тростником. В озере ловятся выдры, бобры и другие животные с четырехугольными мордами*; меха их употребляются на опушку для кафтанов, а яички бобров считаются у будинов целебными против немочи матки.

110. О савроматах рассказывают следующее. Когда в сражении эллинов с амазонками (амазонки у скифов называются «эорпата», что в переводе на эллинский язык значит мужеубийцы, а именно: «эор» значит муж, а «пата» – убивать) на реке Фермодонт эллины одержали верх, они на трех судах отплыли оттуда обратно вместе со всеми захваченными в плен амазонками. Однако в открытом море амазонки напали на мужчин и перебили их; судов они не знали, не умели обращаться ни с мачтами, ни с парусами, ни с веслами, а потому,

перебив мужчин, понеслись по волнам за ветром и прибыли к Кремнам на Меотийском озере – Кремны лежат в земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с судов и пешком дошли до обитаемой местности; завладели первым попавшимся стадом лошадей, сели на них верхом и занялись грабежом скифских владений.

111. Скифы не могли объяснить себе случившегося, так как не знали ни языка амазонок, ни одежды, ни народности их, и недоумевали, откуда они; приняли их за молодых мужчин и вступили с ними в бой. В сражении скифы завладели трупами амазонок и таким путем узнали, что это – женщины. Тогда на совете скифы порешили ни в коем случае не убивать более амазонок, но из своей среды отправить к ним приблизительно столько самых молодых мужчин, сколько было амазонок. Юноши должны были расположиться лагерем по соседству с ними и делать все, что ни делали бы воительницы; но если они станут преследовать их, не сражаться с ними, а убегать, пока те не остановят преследования, тогда вернуться назад и по соседству снова расположиться лагерем. Такое решение приняли скифы из желания иметь от этих женщин детей.

112. Отправленные юноши исполнили приказание, а амазонки, поняв, что те пришли без всякого злого умысла, оставляли их в покое; с каждым днем оба лагеря сближались все больше. При этом ни юноши, ни амазонки не имели с собой ничего, кроме вооружения и лошадей, и потому подобно амазонкам добывали себе средства к жизни охотой и грабежом.

113. Однажды в полдень амазонки рассыпались по одной, по две и отходили далеко друг от дружки для удовлетворения естественной потребности. Скифы это заметили и проделывали то же самое; а один из них подошел к амазонке, отделившейся от прочих; амазонка не оттолкнула его и допустила иметь с ней сообщение. Беседовать с юношей амазонка не могла, потому что они не знали языка друг друга, и она сделала ему знак рукой, чтобы он приходил на то же самое место и завтра и приводил бы с собой товарища, давая понять, что и их будет двое и она приведет с собой еще одну женщину. Юноша после этого ушел и все рассказал своим товарищам. На другой день он явился на условленное место вместе с другим юношей и нашел там ожидающих его двух амазонок. Когда остальные юноши узнали об этом, они сблизились с прочими амазонками.

114. Таким образом, скифы и амазонки соединили свои лагеря и жили вместе, причем каждый юноша имел своей женой ту амазонку, с которою впервые сообщился. Мужчины не могли научиться языку

женщин, но женщины выучились языку мужчин. Когда мужчины и женщины стали понимать друг друга, мужчины предложили амазонкам следующее: «У нас есть родные, есть и состояние; мы не в силах дольше вести такую жизнь, должны вернуться к своим и жить с ними; но женами нашими будете вы, а не какие-нибудь другие женщины». На это амазонки возразили: «Ужиться вместе с вашими женщинами мы не могли бы; у нас с ними не одинаковые нравы и обычаи: мы стреляем из луков, метаем копья, ездим верхом, а работам женским не учились. Между тем ваши женщины совсем не делают того, что мы здесь перечислили; напротив, они постоянно сидят на своих повозках и занимаются женскими работами, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому мы не могли бы ладить с ними. Но если вы хотите иметь нас своими женами и доказать честность, ступайте к родителям, возьмите из их состояния вашу долю, возвращайтесь к нам и станем жить сами по себе».

115. Молодые люди последовали их совету и согласно с ним поступили. Получив свою долю имущества, юноши явились обратно к амазонкам, а жены обратились к ним с такой речью: «Страх и ужас овладевает нами при мысли о том, как нам жить в этих местах, где вы ограбили ваших отцов, а мы стране вашей причинили большое разорение; но если вы действительно желаете жить с нами, снимемся отсюда, перейдем на ту сторону реки Танаис и там поселимся».

116. Юноши и на это согласились, перешли Танаис и удалились на три дня пути к востоку от этой реки и на такое же расстояние к северу от озера Меотида; пришли, таким образом, в ту самую местность, которую занимают и теперь, и там поселились. С того далекого времени женщины савроматов ведут нынешний образ жизни: вместе с мужьями и без них ездят верхом на охоту и на войну и одеваются так же, как и мужья их.

117. Савроматы говорят по – скифски, но с давнего времени искаженно, так как амазонки недостаточно усвоили себе скифский язык. Относительно брака соблюдается у них следующее правило: ни одна девушка не выходит замуж прежде, чем не убьет врага; некоторые женщины доживают у них до старости и умирают девушками, потому что не в состоянии были выполнить такого требования.

118. Итак, к собравшимся царям перечисленных выше народов явились послы с известием, что персидский царь покорил все своей власти на азиатском материке, положил мост на шее Боспора и перешел на европейский материк, здесь покорил фракийцев, соединил мостом берега реки Истр, вознамерившись все подчинить себе и по эту сторону

реки. «Ни под каким видом не отделяйтесь от нас и не дайте нам погибнуть, но единодушно встретим вторгнувшегося врага. Не сделаете этого, мы вынуждены будем покинуть нашу страну или же останемся и покоримся врагу. В самом деле, что нам делать, если вы не поможете нам? Впрочем, и ваше положение от этого не улучшится. Персидский царь пойдет на вас так же, как и на нас; ему мало будет покорить нас, и потому он не оставит и вас в покое. Важным свидетельством в пользу нашего мнения служит следующее. Если бы персидский царь предпринял поход только с целью отмщения нам за прежнее порабощение персов, то ему следовало бы все прочее оставить в покое и идти только в нашу землю, и он объявил бы всем, что идет войной на скифов и ни на кого другого. Между тем, перейдя на наш материк, он немедленно занялся покорением всех народов, попадавшихся ему на пути, и вот уже подчинил себе всех фракийцев, в том числе и соседних с нами гетов».

119. Вследствие такого заявления сошедшиеся цари стали совещаться между собой, и мнения их разделились. Цари гелонов, будинов и савроматов единогласно обещали помочь скифам. Напротив, цари агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров дали такой ответ: «Если бы вы первые не наносили обиды персам и не начинали с ними войны, то нынешнюю просьбу вашу и нынешние ваши речи мы признали бы правильными. Но вы без нас вторглись в страну персов и владычествовали над ними все время, пока угодно было божееству; теперь они по внушению того же божеества отмеривают вам равной мерой. Что касается нас, то ни тогда мы не обижали этого народа, ни теперь не станем первые оскорблять его. Вот если бы персидский царь вторгся и в нашу землю и первый обидел нас, мы тоже не остались бы в покое; пока же мы будем наблюдать и сидеть спокойно на своих местах; нам кажется, персы явились не к нам, но к виновникам нанесенной им обиды».

120. Скифы выслушали ответ и, так как соседние цари отказывали им в союзе, решили вовсе не давать настоящего открытого сражения, но, разделившись на два отряда, отступить со своими стадами, засылать попадающиеся на пути колодцы и источники и истреблять растительность. К одному из отрядов с царем Скопасисом во главе присоединились савроматы; они должны были убегать, если бы персидский царь обратился на них, прямо к реке Танаис вдоль озера Меотиды, и переходить в наступление на персидского царя, если он обратится вспять. Это была одна часть населения Скифского царства, расположившаяся на этом пути. Две другие части царственных скифов

– одна, большая, под начальством Иданфирса, а другая под командой Таксакиса – соединились в одном месте в союзе с гелонами и будинами и также должны были идти впереди персов на один день пути, отступать перед ними и вообще действовать согласно принятому решению. Прежде всего они должны были вторгнуться в те земли, которые отказали им в союзничестве с целью втянуть и их в войну; если они добровольно не пожелали вести войну с персами, то должны воевать хоть поневоле; засим им следовало вернуться обратно в свои владения и напасть на врага, если так решено будет на совете.

121. Порешив все это, скифы вышли навстречу Дариеву войску, для чего послали вперед наилучших всадников. Все повозки, на которых жили их дети и женщины, и весь скот с ними они отправили заранее с приказанием двигаться неизменно на север; при себе они оставили лишь столько скота, сколько требовалось для прокормления; все остальное отправили вперед.

122. Скифский передовой отряд напал на персов дня на три пути от Истра; эти скифы расположились лагерем на расстоянии одного дня пути от врага, причем уничтожали перед собой всю растительность. Между тем персы, заметив появление скифской конницы, нападали на нее и непрерывно ее преследовали, а она все отступала; персы преследовали одну из трех частей в восточном направлении к Танаису. Когда скифы перешли реку Танаис, в погоню за ними последовали немедленно и персы, пока, наконец, не прошли землю савроматов и не достигли владений будинов.

123. На всем пути своем через Скифию и Савроматию персы не находили ничего для истребления, так как страны эти были заранее опустошены; но, вторгшись в землю будинов, персы напали на деревянное укрепление, которое было совершенно покинуто будинами, и сожгли его. Засим они продолжали путь все дальше по следам неприятеля, прошли землю будинов и вступили в пустыню. В пустыне этой вовсе нет населения; она расположена над страной будинов и тянется на семь дней пути. Над пустыней обитают фиссагеты, в земле которых берут начало четыре больших реки, протекающие через владения меотов и изливающиеся в так называемое озеро Меотиду; имена этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис.

124. Придя в пустыню, Дарий приостановил поход и расположился с войском у реки Оар, затем воздвиг восемь громадных стен на одинаковом расстоянии одна от другой, приблизительно стадиев на шестьдесят; обломки этих укреплений уцелели до моего времени. Пока Дарий занят был сооружением, преследуемые скифы обошли сверху эти

земли и возвратились в Скифию. Так они совсем исчезли из виду и больше не показывались; тогда Дарий покинул наполовину воздвигнутые стены, повернул назад и пошел к западу; ему думалось, что это все скифы и что они все еще убегают на запад.

125. Чрезвычайно быстрым маршем снова достиг Дарий Скифии и здесь повстречался с двумя другими частями скифов; он гнался за ними, а скифы отступали перед ним на один день пути. Дарий преследовал их неотступно, а скифы согласно своему решению убегали в земли народов, отказавших им в союзе, прежде всего в землю меланхленов. Вторгнувшись сюда, скифы и персы разорили народ, а затем скифы двинулись во владения андрофагов; разорив и этот народ, они отступили к Невриде. По разорении этой страны скифы бежали к агафирсам. Агафирсы видели, как бежали от скифов соседи их и какое разорение терпели от них, а потому до вторжения скифов агафирсы отправили к ним глашатая с требованием не преступать их пределов, так как в случае попытки вторжения скифам непременно придется прежде всего выдержать битву с агафирсами. Единовременно с этими угрозами агафирсы послали войско к границам для отражения нападающих. Меланхлены, андрофаги и невры при вторжении персов вместе со скифами не обратились к оружию, забыли об угрозах и, объятые страхом, бежали все дальше к северу в пустыню. Однако скифы под страхом угрозы не входили уже в землю агафирсов и из Невриды повели персов за собой обратно в свои владения.

126. Так как все это длилось долго и не предвиделось конца странствований, то Дарий послал всадника к скифскому царю Иданфирсу со следующей речью: «Зачем ты, чудак, все убегаешь, хотя можешь выбрать одно из двух: если ты полагаешь, что в силах противостать моему войску, остановись, не блуждай более и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабее меня, то также приостанови твое бегство и ступай для переговоров к твоему владыке с землей и водой в руках».

127. В ответ на это царь скифов Иданфирс возразил: «Вот я каков, перс. Никогда прежде я не убегал из страха ни от кого, не убегаю и от тебя, и теперь я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делаю в мирное время. Почему я не тороплюсь сразиться с тобой, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков; разыщите их, попробуйте разрушить, тогда узнаете,

станем ли мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет. Раньше мы не сразимся, раз это для нас не выгодно. Относительно боя, впрочем, довольно. Владыками моими я считаю только Зевса, моего предка, и Гестию, царицу скифов. Вместо земли и воды я пошлю тебе такие дары, какие приличны тебе, а за то, что ты называешь себя моим владыкой, дорого мне за это заплатишь».

128. Таков был ответ, сообщенный глашатаем Дарию, и скифские цари пришли в негодование, когда с ними заговорили о порабощении. Ту часть скифов с савроматами, которой командовал Скопасис, они отправили к ионянам, сторожившим мост на Истре, с поручением войти с ними в переговоры. Другие, оставшиеся на месте скифы решили не завлекать дальше персов, но нападать на них всякий раз, как только те заняты будут добыванием продовольствия. Так скифы впредь и поступали, подстерегая, когда воины Дария выходили за хлебом. Что касается конницы, то скифская всегда обращала в бегство персидскую; персидские всадники бежали до тех пор, пока не настигали пехоты, которая и подкрепляла их; догнав конницу, скифы поворачивали вспять из страха перед персидской пехотой. Подобные нападения скифы совершали и по ночам.

129. Покажется очень странным, если я скажу, что помогало персам и препятствовало нападениям скифов, а именно крик ослов и вид мулов. Дело в том, что в Скифской земле не водятся ни ослы, ни мулы, о чем сказано мной выше; в целой Скифии вследствие холода нет вовсе ни ослов, ни мулов. Громким ревом ослы расстраивали ряды скифской конницы; при всяком нападении на персов, когда скифские лошади слышали крик мулов, они пугались и, встревоженные, обращались вспять, наострив уши, так как никогда раньше не слышали таких звуков и ничего подобного не видели. Впрочем, обстоятельство это лишь короткое время помогало персам.

130. Как только скифы заметили движение в персидском стане, они употребили следующую хитрость для того, чтобы подольше удержать их в Скифии и заставить все это время терпеть нужду во всем: несколько раз они покидали часть своего скота вместе с пастухами, а сами медленно переходили на другой пункт; тогда персы делали набег, скот уводили с собой и ликовали по случаю каждой добычи.

131. Случалось это много раз, пока в конце концов Дарий не оказался в затруднительном положении. Заметили это скифские цари и отправили к Дарию глашатая с подарками, состоявшими из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Персы спрашивали посланца о значении подарков, но тот отвечал, что ему приказано только вручить дары и

немедленно возвращаться, ничего более; при этом он предлагал самим персам, если они догадливы, уяснить себе значение полученных в дар предметов.

132. Персы стали после этого совещаться. По мнению Дария, скифы отдавались ему сами с землей и водой; заключал он так на том основании, чтомышь водится в земле и питается тем же плодом земным, что и человек, лягушка живет в воде, птица наиболее походит на лошадь, а под видом стрел скифы передавали-де свою военную храбрость. Таково было толкование Дария; но ему противоречило объяснение Гобрия, одного из семи персов, низвергнувших мага; смысл даров он толковал так: «Если вы, персы, не улетите как птицы в небеса, или подобно мышам не скроетесь в землю, или подобно лягушкам не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел».

133. Так разгадывали персы смысл даров. Между тем одна часть скифов, та, которая первоначально должна была стоять на страже у озера Меотиды, а впоследствии получила приказание отправиться для переговоров с ионянами, прибыла к мосту и заявила следующее: «Мы принесли свободу, ионяне, если вам угодно выслушать нас. Мы слышали, что Дарий повелел вам сторожить мост только в продолжение шестидесяти дней и разрешил возвратиться на родину, если по прошествии этого времени он не явится обратно. Поступите же таким образом и вы не провинитесь ни перед ним, ни перед нами: подождите здесь назначенное вам число дней, а затем возвращайтесь на родину». Ионяне дали обещание сделать это, и скифы поспешно возвратились в свою землю.

134. Между тем по отправлении подарков персам оставшиеся в своей земле скифы, пешие и конные, выстроились против Дария для боя; вдруг через ряды их проскакал заяц; все скифы заметили его и бросились за ним в погоню. Когда в стане скифов раздались шум и крики, Дарий спросил о причине такой тревоги среди неприятелей и, услышав, что они гонятся за зайцем, обратился к постоянным собеседникам своим со следующим замечанием: «Люди эти глядят на нас с большим пренебрежением, и теперь для меня очевидно, что Гобрий верно истолковал смысл их подарков. Положение дела представляется для меня теперь таким же, как и для него, а потому следует хорошо обдумать, каким бы образом обеспечить наше возвращение». «Бедность этого народа, царь, – отвечал Гобрий, – была мне известна достаточно еще раньше, по слухам; теперь на месте я убедился в том вполне, когда вижу, как они издеваются над нами. Вот

почему, я полагаю, следует поступить нам так: как скоро наступит ночь, зажечь по обыкновению огни, обмануть тех из наших воинов, которые наименее способны к перенесению лишений, и, привязав всех ослов, уходить назад, пока скифы не пришли еще на Истр с целью разрушить мост, а ионяне не приняли гибельного для нас решения». Таков был совет Гобрива.

135. При наступлении ночи Дарий стал приводить этот совет в исполнение. Он оставил на месте в лагере слабых солдат, гибель которых была для него наименее чувствительна, и велел там же привязать всех ослов. Итак, люди были покинуты по причине их слабости, а ослы привязаны для того, чтобы реветь. Между тем Дарий делал вид, будто собирается с отборной частью войска напасть на скифов, и оставленные воины обязаны в это время охранять лагерь. Дарий уговаривал оставленных воинов стеречь лагерь, велел зажечь огни и немедленно двинулся к Истру. После отступления войска ослы ревели громче обыкновенного, скифы слышали ослов и были вполне уверены, что персы остаются на своих местах.

136. На следующий день покинутые персы увидели, что они преданы Дарием, простирали руки к скифам и обращались к ним с речами, приличными их положению. Услышав это, скифы поспешно собрались вместе, и два упомянутых нами отряда, и тот третий, с которым соединились савроматы, будины, гелоны, и пустились вместе в погоню за персами прямо к Истру. Тогда как персидское войско состояло большей частью из пехоты и не знало дорог, которые к тому же не были наезжены, у скифов была конница, и они знали кратчайшие пути; поэтому персы и скифы миновали друг друга, но скифы достигли моста гораздо раньше персов. Узнав, что персы еще не пришли, скифы обратились к ионянам, находившимся на кораблях, с такой речью: «Назначенное вам число дней, ионяне, прошло, и вы поступаете неблагоразумно, оставаясь еще здесь. Если раньше вы оставались тут из страха, то теперь снимите мост, возвращайтесь поскорее на родину и наслаждайтесь свободой, за которую благодарите богов и скифов. Вашего прежнего владыку мы сокрушим так, что ни на кого больше он не пойдет войной». В ответ на это ионяне устроили совет.

137. По мнению афинянина Мильтиада, военного вождя страны Херсонеса, что на Геллеспонте, следовало принять совет скифов и возвратить свободу Ионии; но милетянин Гистией был противоположного мнения, указывая на то, что в настоящее время благодаря Дарию каждый из них есть владыка государства. Напротив, если могущество Дария будет сокрушено, ни он сам и никто другой из

тиранов не будет более царствовать ни в Милете, ни в каком другом государстве, так как каждое государство предпочитает народное управление единовластием тирана. Когда мнение Гистиея было высказано, все тираны, принимавшие было прежде совет Мильтиада, присоединились к мнению противоположному.

138. Подали голоса и пользовались значением у персидского царя следующие лица: тираны геллеспонтийцев Дафнис из Абидоса, Гиппокл из Лампсака, Герофант из Пария, Метродор из Проконнеса, Аристагор из Кизика и Аристон из Византия. Это были геллеспонтские тираны. Из Ионии были: Стратис из Хиоса, Эак из Самоса, Лаодам из Фокеи и Гистией из Милета, тот самый, который высказался в смысле противоположном мнению Мильтиада. Из эолийских тиранов присутствовал здесь один только достойный упоминания – Аристагор из Кимы.

139. Когда было принято мнение Гистиея, тираны порешили дополнить его следующими действиями и речами: разрушить часть моста со стороны скифов лишь на протяжении выстрела из лука для того, чтобы казалось, будто они кое-что сделали, тогда как на самом деле не сделано было ничего, а также для того, чтобы скифы не вздумали прибегнуть к силе и не возымели бы охоты перейти по мосту на ту сторону Истра, решили также сказать скифам, пока будет сниматься обращенная к Скифии часть моста, что они сделают все, чего желают скифы. Вот каково было добавочное решение ионян. Тогда Гистией от имени всех сказал скифам: «Вы, скифы, подаете нам благой совет и явились вовремя, и если от вас мы получаем полезные указания, то и на нашей стороне вы найдете готовность служить вам. Как видите, мы снимаем мост и прилагаем все старания к тому, чтобы стать свободными. Пока мы разрушаем мост, вам следует разыскивать персов и, найдя, отмстить им, как они того заслуживают, и за нас, и за себя».

140. Скифы вторично поверили, что ионяне говорят правду, и повернули назад для разыскания персов, но совсем не попали на их дорогу. Виной тому были сами скифы, потому что они истребили на этом пути пастбища для лошадей и засыпали колодцы; не сделай этого, они бы легко отыскали персов, если бы пожелали; теперь оказалось, они потерпели неудачу именно от той меры, какую находили наиболее для себя полезной. Дело в том, что скифы искали врагов в той части своей земли, где имели пастбища для лошадей и воду, будучи уверены, что и враги отступают по тем же дорогам. Однако персы шли обратно по проложенным раньше следам и только таким образом добрались до

переправы. Придя туда ночью и увидев, что мост снят, они испытали сильную тревогу при мысли, что покинуты ионянами.

141. В свите Дария был египтянин, обладавший громовым голосом; он-то по приказанию Дария стал на берегу Истра и позвал Гистиея из Милета. По первому зову Гистией услышал его, доставил все корабли для переправы Дариева войска и снова навел мост. Так спасены были персы.

142. Тем временем скифы искали персов, но опять не нашли их. Поэтому так оценивают они ионян: если ионяне свободны, то они самые жалкие трусы; но, если смотреть на них как на рабов, они самые преданные и постоянные рабы. Вот как у скифов говорят об ионянах.

143. На пути через Фракию Дарий подошел к Сесту, что на Херсонесе; отсюда сам он с флотом переправился в Азию, а в Европе оставил в качестве полководца перса Мегабаза, которому Дарий в присутствии персов оказал некогда следующее отличие: когда он собирался есть гранатовые яблоки и одно из них разломал уже, брат царя Артабан спросил его: «Что бы царь желал иметь в таком множестве, в каком содержатся зерна в гранате?» Дарий на это отвечал, что иметь столько Мегабазов он предпочел бы обладанию Элладой. Так некогда он почтил его в присутствии персов, а теперь оставил в Европе полководцем во главе восьмидесятитысячного войска.

144. Этот самый Мегабаз оставил по себе у геллеспонтийцев прочную память следующим изречением: находясь однажды в Византии, он услышал, что жители Калхедонии заняли было эту землю семнадцатью годами раньше византийцев; тогда Мегабаз заметил, что все это время калхедоняне были слепы; в противном случае они не заняли бы худшего места, когда могли заселить лучшее. Итак, Мегабаз оставлен был полководцем в земле геллеспонтийцев и занялся покорением местностей, враждебных персам.

145. В то самое время, как Мегабаз занимался этим, был совершен другой большой поход на Ливию. Прежде чем рассказать о причинах его, я сообщу следующее: однажды потомки аргонавтов были вытеснены с Лемноса теми самыми пеласгами, которые похитили из Браврона афинских женщин, и отплыли в Лакедемон; там они поселились и зажгли огонь на горе Тайгет. Лакедемоняне увидели это и обратились к ним через вестника с вопросом, кто они и откуда. На вопрос посла пришельцы отвечали, что они – минийцы, потомки героев корабля «Арго», что эти последние высадились на Лемносе и произвели их на свет. Выслушав рассказ о предках минийцев, лакедемоняне послали к ним вестника вторично с вопросом, зачем они прибыли в эту

страну и зажгли огонь. Те отвечали, что вытеснены пеласгами и пришли к родителям, желают жить вместе с ними, пользоваться их правами и иметь свою долю в их земле. Лакедемоняне согласились принять минийцев на тех условиях, какие были им предложены, главным образом потому, что Тиндариды* принимали участие в походе аргонавтов. Приняв минийцев, лакедемоняне отвели им землю во владение и разделили их на колена. Немедленно после этого минийцы стали жениться на лакедемонянках, а своих женщин, привезенных с Лемноса, выдавали за лакедемонян.

146. Немного времени спустя минийцы возгордились, требовали для себя доли участия в царской власти и совершили различные нечестивые деяния. Тогда лакедемоняне решили перебить их, и вот они схватили минийцев и заключили в тюрьму; если лакедемоняне решали кого-либо казнить, то казнили всегда ночью и никогда днем. Когда они собирались перебить минийцев, жены сих последних, спартанские гражданки и дочери знатнейших спартанцев, умоляли граждан допустить их в тюрьму и позволить им переговорить с мужьями. Те разрешили им, потому что не ожидали никаких козней со стороны женщин. Женщины, однако, войдя в тюрьму, поступили следующим образом: отдали мужьям все свое платье, а платье мужей надели на себя. В женском одеянии минийцы под видом жен их вышли из тюрьмы, спаслись бегством и снова поселились на Тайгете.

147. В то же самое время сын Автесиона, внук Тисамена, правнук Ферсандра, праправнук Полиника, Фера, готовился вывести колонию из Лакедемона. Фера был по происхождению кадмеец, дядя по матери сыновей Аристодема – Еврисфена и Прокла. Во время несовершеннолетия их он в качестве опекуна был царем Спарты. Когда племянники выросли и приняли правление в свои руки, Фера тяготился подчинением после того, как сам вкусил царской власти, и заявил, что не останется в Лакедедоне, но возвратится к своим единоплеменникам. Жили они на нынешнем острове Фера, прежде именовавшемся Каллистой, и были потомками Мемблиара, сына финикиянина Пойкила. Сын Агенора* Кадм в поисках Европы высадился на нынешней Фере; понравилась ли ему тамошняя земля или по какому-нибудь другому побуждению, только известно, что он оставил на острове вместе с несколькими финикиянами родственника своего – Мемблиара. Они занимали остров Каллисту в продолжение восьми поколений до того, как на Фере выселились колонисты из Лакедемона.

148. К этим-то островитянам прибыл Фера с толпой спартанцев, членов колен, для того, чтобы жить на острове вместе с прежними

поселенцами и не вытеснять их оттуда, ибо почитал их своими родственниками. Но когда минийцы бежали из тюрьмы и поселились на Тайгете, а лакедемоняне задумали истребить их, Фера упрашивал не проливать крови, обещая удалить минийцев из этой страны. Лакедемоняне приняли предложение, и Фера отплыл с тремя тридцативесельными судами к потомкам Мемблиара, но взял с собой не всех минийцев, а только немногих. Большинство их повернуло к парореатам и кавконам, вытеснило их из их земель, а сами они разделились на шесть частей и основали там следующие поселения: Лепрей, Макист, Фриксы, Пирг, Эпий, Нудий. Бо́льшую часть этих поселений разорили в мое время элейцы. Остров же по имени вождя колонии был назван Ферой.

149. Когда сын Феры отказался ехать вместе с отцом, этот последний заметил, что покидает его как овцу среди волков; отсюда и произошло имя юноши Эолик, возобладавшее над прочими его именами. У Эолика родился Эгей, по имени которого названо большое колено в Спарте, Эгиды; у членов этого колена дети умирали в раннем возрасте; когда по повелению оракула они основали святилище Эриниям Лаия и Эдипа, дети стали выживать. То же самое случилось и на Фере с детьми ее жителей.

150. До сих пор согласны между собой рассказы лакедемонян и ферейцев; дальнейшее я сообщу только со слов ферейцев. Сын Эсания Гринн, потомок упомянутого Феры и владыка острова того же имени, прибыл однажды в Дельфы с гекатомбой* по поручению родного города; за ним следовал вместе с другими согражданами сын Полимнеста Батт, миниец из рода Евфема. Когда Царь Гринн спрашивал божество о чем-то другом, пифия велела ему построить город в Ливии, на что Гринн отвечал: «Я слишком стар, владыка, и мне тяжело двинуться в путь; прикажи это кому-нибудь из более молодых». При этом он указал на Батта. В то время ничего больше не случилось. Возвратившись домой, они и не думали об изречении оракула, потому что не знали, где расположена Ливия, и не решались снаряжать колонию наугад.

151. В течение семи лет после этого божество не посылало дождя на Феру, так что засохли на острове все деревья, кроме одного. Когда ферейцы обратились с вопросом к оракулу, пифия приказала им вывести колонию в Ливию. Так как другого средства избавиться от беды не было, то ферейцы послали вестников на Крит узнать: не ходил ли кто-нибудь из критян или из сожителей их в Ливию. Вестники блуждали по острову, пока не пришли в город Итан; там они

встретились с торговцем пурпуром по имени Коробий и узнали, что однажды он занесен был ветрами в Ливию и на ливийский остров Платею. За вознаграждение они склонили его отправиться вместе с ними на Феру, а от Феры отплыли сначала в Ливию несколько человек на разведку. С Коробием во главе они прибыли к острову Платее, где и покинули Коробия с продовольствием на несколько месяцев, а сами поспешно отплыли назад с вестями об острове для фереяцев.

152. Так как фереяцы не возвращались на остров дольше, нежели было условлено, то у Коробия все запасы истощились. После этого корабль, принадлежавший самосцу Колею, на пути в Египет занесен был на этот самый остров Платею, самосцы узнали от Коробия все дело и оставили ему съестных припасов на целый год. Засим они снялись с острова и пустились в море по направлению к Египту, но восточным ветром были отнесены в сторону; ветер не унимался, так что они перешли Геракловы Столпы и прибыли по указанию божества в Тартесс. В то время этот торговый пункт был еще не тронут никем, благодаря чему самосцы по возвращении назад извлекли такую прибыль из продажи товаров, как никто из эллинов, насколько мы знаем, за исключением, правда, Сострата, Лаодамантова сына, из Эгины. С этим последним не может поспорить никто. Десятину своей прибыли в сумме шести талантов самосцы употребили на медную чашу, похожую на арголийский кратер; кругом она была украшена выдающимися над краями головами грифонов. Чаша пожертвована в храм Геры, а подставкой ей служили три коленопреклоненных колосса из меди в семь локтей вышиной. Прежде всего, за это благодеяние у самосцев возникла тесная дружба с киренцами и фереяцами.

153. Оставив Коробия на острове, фереяцы по прибытии снова на Феру объявили, что ими заселен остров подле Ливии. Фереяцы после того решили послать туда же людей от всех семи местностей, по одному из двух братьев, вытянувшему жребий, а вождем их и царем должен быть Батт. Так снарядили они два пятидесятивесельных судна.

154. Это рассказывают одни только фереяцы, в остальном они согласны с киренцами; только относительно Батта киренцы расходятся с фереяцами. Рассказ их таков: на Крите есть город Оакс, царем в нем был Этеарх, имевший дочь по имени Фронима и женившийся вторично, когда дочь осталась без матери. Войдя в дом, жена пожелала быть Фрониме настоящей мачехой и потому стала причинять ей огорчения и строить всякие козни, наконец взвела на нее обвинение в разврате и убедила в том мужа. По наущению жены Этеарх совершил возмутительнейший поступок относительно дочери, а именно: был в

Оаксе торговый человек из Феры по имени Фемисон, Этеарх вступил с ним в дружбу и обязал его клятвой оказывать ему всевозможные услуги, в каких бы он ни нуждался. Взяв такую клятву, Этеарх передал ему свою дочь с поручением увезти ее с собой и бросить в море. Однако Фемисон был возмущен таким обманом и кощунством, порвал с ним дружбу и поступил так: девушку принял и отплыл; выйдя в открытое море, чтобы выполнить клятву, данную Этеарху, купец крепко связал девушку веревками, опустил ее в море, потом снова вытащил и вместе с ней прибыл на Феру.

155. Оттуда взял Фрониму Полимнест, знатный фереец, и сделал ее своей наложницей. Спустя некоторое время она родила ему сына, заикавшегося и шепелявившего, носившего имя Батта, по словам ферейцев, но, как мне кажется, называвшегося иначе; в Батта он был переименован лишь по прибытии в Ливию, в силу полученного ими в Дельфах изречения оракула и согласно с приобретенным там достоинством. Дело в том, что *баттом* (*battos*) ливийцы называют царя, и мне думается, что пифия в своем изречении обращалась к нему на ливийском языке в уверенности, что некогда он будет царем в Ливии. Возмужав, он тотчас явился в Дельфы за советом о своей речи, и пифия дала такой ответ:

Ты пришел сюда, Батт, из-за твоей речи; но
владыка Феб Аполлон
Посылает тебя в богатую овцами Ливию для
основания колонии.

То же самое по – эллински пифия сказала бы ему так: «Ты пришел сюда, царь, из-за твоей речи». «Я пришел к тебе, владыка, – отвечал тот, – за советом относительно моей речи, а ты велишь мне свершить другое, невозможное, – заселить Ливию; но где у меня для этого средства, где люди?» Однако подобными вопросами он не вынудил оракула дать ему другое изречение. Оракул повторил сказанное раньше, и Батт, не дослушав его до конца, удалился на Феру.

156. После этого бедствие посетило снова и самого Батта, и всех ферейцев. Ферейцы не знали причин постигшего их несчастья и послали в Дельфы спросить об этом. Пифия отвечала, что они должны вместе с Баттом основать Кирену в Ливии и что после этого последует облегчение. Тогда ферейцы снарядили в путь Батта с двумя пятидесятивесельными судами. Но, приплыв в Ливию, они не знали, что делать, и вернулись назад в Феру. Однако ферейцы при их

приближении стреляли по ним и не позволяли высадиться на сушу, приказывая плыть назад. Те вынуждены были плыть обратно и отплыли, заняли остров у берегов Ливии, называвшийся, как сказано и раньше, Платеей; говорят, остров этот такой же величины, как и город Кирена.

157. Жили они на острове два года, но не испытывали никакого улучшения; тогда, покинув одного на месте, все остальные фереицы отплыли в Дельфы, прибыли туда и обратились за советом к оракулу, указывая на то, что они живут в Ливии, но не испытывают от того никакого облегчения. Пифия сказала им на это следующее: «Если ты, не будучи в Ливии, обильной овцами, знаешь ее лучше меня, посетившего ее, то я очень дивлюсь твоей мудрости». Выслушав это, Батт и спутники его отплыли назад, так как божество разрешало им приостановить свои странствования не раньше, как по прибытии в саму Ливию. Когда они прибыли на остров и взяли оттуда покинутого ими товарища, то заселили в самой Ливии ту местность, которая лежит против острова и называлась Азирида; ее замыкают с двух сторон прекрасные лесистые холмы, а вдоль третьей стороны протекает река.

158. Местность эту занимали они в течение шести лет. На седьмом году ливийцы уговорили их покинуть ее, обещая проводить их в лучшую область. Ливийцы подняли их и повели дальше на запад. Чтобы эллины на своем пути не заметили прелестнейшего места – называется оно Ираса, – ливийцы провели их через эту местность ночью и сообразно с тем рассчитали часы дня. Они привели эллинов к источнику, именуемому Аполлоновым, и сказали: «Здесь, эллины, подобает вам поселиться, потому что здесь небо отверсто».

159. При жизни основателя колонии, Батта, царствовавшего сорок лет, и в течение шестнадцатилетнего царствования сына его Аркесилая колонию занимали киренцы в таком числе, в каком они вышли для основания ее первоначально. При третьем правителе колонии, так называемом Батте Счастливым, пифия своими изречениями побуждала всех эллинов плыть в Ливию и селиться там вместе с киренцами. Действительно, киренцы приглашали к тому эллинов, обещая им участки земли. Изречение оракула гласило так:

Кто прибудет в достолюбезную Ливию позже,
Когда земля будет распределена, тот, уверяю я,
скоро покается.

В Кирену собралась тогда большая толпа народа. Окрестные ливийцы и царь их Адикран, сильно теснимые кругом в своих владениях, теряли много земли и подвергались обидам со стороны киренцев, а потому обратились через послов в Египет с предложением передаться египетскому царю Априю. Тот собрал большое египетское войско и отправил против Кирены. Киренцы выступили в поход к местности Ираса, сразились у источника Фесты с египтянами и одержали над ними победу. Дело в том, что раньше египтяне не пробовали своих сил в борьбе с эллинами и относились к ним пренебрежительно, теперь они понесли такое поражение, что только немногие из них возвратились в Египет. Египтяне вменили это Априю в вину и потому отложились от него.

160. У этого Батта был сын Аркесилай. С самого начала своего царствования он враждовал с братьями до тех пор, пока они не покинули его и не ушли в другую часть Ливии и там собственными силами основали город, который как тогда, так и теперь называется Баркой. Вместе с основанием города они подняли тамошних ливийцев против киренцев. После этого Аркесилай начал войну с теми самыми ливийцами, которые приняли к себе его братьев и вместе с тем восстали против него. Ливийцы из страха перед ним убежали к восточным ливийцам. Аркесилай преследовал бегущих, пока не достиг местности в Ливии, именуемой Левконом, где ливийцы решили напасть на него. В сражении они одержали полную победу над киренцами, так что на месте легло семь тысяч тяжеловооруженных киренцев. После поражения Аркесилай выпил яду и заболел, а потом был задушен братом своим Галиархом; в свою очередь, Галиарха убила коварно жена Аркесилая, носившая имя Эриксо.

161. Царство Аркесилая наследовал сын его Батт, хромым и кривоногим. Ввиду постигшего их несчастья киренцы послали в Дельфы узнать, при каком образе правления они будут жить наилучше. В ответ на это пифия велела им пригласить к себе умиротворителя из Мантинеи Аркадской. Киренцы обратились к мантинейцам с такой просьбой, и те дали им знатнейшего из граждан по имени Демонакт. Он прибыл в Кирену, узнал все подробно и прежде всего разделил жителей ее на три колена, а именно: одну часть составили фереицы с зависящими от них жителями, другую пелопоннесцы и критяне, а третью все островитяне. Потом он выделил царю Батту в собственность лучшие участки земли и жреческие должности, а все остальное, чем владели прежде цари, сделал общенародным достоянием.

162. В таком положении были дела, пока жил Батт, а в царствование сына его Аркесилая начались большие волнения из-за царских привилегий. Дело в том, что Аркесилай, сын Батта Хромого и Феретимы, отказался подчиниться тому порядку, который установлен был мантинейцем Демонактом, и требовал возвращения привилегий своих предков. Вследствие этого он восстал, потерпел поражение и бежал на Самос; мать его спаслась бегством в Саламин, что на Кипре. На Саламине владычествовал в то время Евельфонт, который пожертвовал в Дельфы достойную внимания курильницу, находящуюся в коринфской сокровищнице. К нему-то явилась Феретима и просила войска, которое возвратило бы Кирену ей и сыну ее. Евельфонт предлагал ей все, только не войско. Она приняла подарки, заметив, что и этот дар хорош, но что было бы лучше, если б он исполнил ее просьбу и дал войско. Она повторяла это при получении каждого подарка; наконец Евельфонт послал ей в подарок золотую прялку, веретено и вдобавок шерсть; когда Феретима снова сделала то же самое замечание, Евельфонт возразил, что женщин одаривают такими предметами, а не войском.

163. В это время Аркесилай обещаниями земельных участков привлекал всех на свою сторону и, когда собралось большое войско, отправился в Дельфы спросить оракула относительно своего возвращения. Пифия отвечала следующее: «Четырем Баттам и четверем Аркесилаям, на время восьми поколений, дарует вам Локсий владычество над Киреной*: царствовать дольше он советует вам и не пытаться. Ты, однако, возвращайся домой и сиди спокойно. Если увидишь, что печка полна горшков, не выжигай их, но оставь в покое; а если зажжешь печку, то не входи в околицу: и сам погибнешь, и погибнет лучший бык». Таков был ответ пифии.

164. Аркесилай взял с собой воинов, которых на вербовал на Самосе, и возвратился в Кирену; но с достижением власти он забыл об оракуле и старался отомстить своим врагам за изгнание. Одни из них окончательно покинули страну, другие захвачены были Аркесилаем и отправлены для умерщвления на Кипр; но этих последних ветер занес к Книду, жители острова спасли их и доставили на Феру. Наконец часть киренцев скрылась в обширной башне частного лица Агломаха, а Аркесилай велел обложить башню дровами и поджечь. Только по совершении злодеяния он уразумел смысл изречения, в котором пифия не советовала ему выпаливать найденные в печке горшки, и стал добровольно держаться в стороне от города киренцев, опасаясь предсказанной оракулом смерти, разумея под околицей Кирену. Женат

он был на своей родственнице, дочери царя Барки Алазира; к ней-то он и явился. Жители Барки и некоторые из киренских изгнанников заметили его на рынке и убили, убили также и тестя его. Так исполнилась судьба Аркесилая, потому что он вольно или невольно поступил противно изречению оракула.

165. Пока Аркесилай находился в Барке, сам себе уготовляя бедствие, мать его Феретима пользовалась почетом и вообще всеми привилегиями сына в Кирене, между прочим заседала и в совете. Услышав о смерти сына в Барке, она бежала и скрылась в Египте; здесь услуги, оказанные Аркесилаем Камбису, послужили ей на пользу. Дело в том, что Аркесилай передал Камбису Кирену и уплачивал ему дань. По прибытии в Египет Феретима явилась в качестве молящей о защите к Арианду и убеждала отомстить за нее, выставляя на вид, что сын ее погиб за расположение к мидянам.

166. Этот Арианд был наместником Египта, назначенным еще Камбисом; впоследствии он погиб за то, что стремился сравняться с Дарием. Он слышал и видел, что Дарий возымел желание оставить по себе такой памятник, какого не сооружал еще ни один царь, и стал подражать ему, за что и получил возмездие. Дело в том, что Дарий велел выплавлять золотой песок до возможно большей чистоты и из такого золота вычеканить монеты; бывший в то время правителем Египта Арианд то же самое делал с серебром, и теперь самое чистое серебро известно под именем Ариандова. Дарий узнал об этом, выставил против него другое обвинение в государственной измене и велел казнить.

167. Этот-то Арианд сжалился над Феретимой, предоставил в ее распоряжение все войско, что было в Египте, как сухопутное, так и флот, причем полководцем сухопутного войска назначил он Амасиса из рода марафиев, а начальником флота Бадра, родом пасаргада. Прежде чем отправить войско, Арианд послал в Барку глашатая узнать, кто убил Аркесилая; баркейцы отвечали, что его убили они все за те многие беды, какие претерпели от него. По получении такого ответа Арианд отправил войско вместе с Феретимой. Это обстоятельство выдавал он только на словах за причину похода, мне же кажется, что на самом деле он отправил войско для покорения Ливии. В Ливии живет много различных народов; только меньшая часть их была покорна персидскому царю, большинство и знать не хотело Дария.

168. Ливийцы расположены в следующем порядке: начиная от Египта первыми из ливийцев живут адирмахиды, у которых бо́льшая часть учреждений египетские, а одеваются они совершенно так же, как и прочие ливийцы. Женщины их носят на обеих ногах медные

браслеты; волосы носят они длинные, а когда поймают вошь, то прежде кусают ее, а потом бросают вон; так делают они одни из всех ливийцев. Равным образом они одни показывают царю своих девушек перед вступлением их в брак; какая из них понравится царю, ту он и лишает невинности. Адирмахиды занимают пространство от Египта до гавани Плин.

169. Тотчас за ними следуют гилигамы, занимающие землю на запад от адирмахидов до острова Афродисиада. На середине этого пространства у берега Ливии лежит остров Платея, заселенный киренцами, а на суше Менелаева гавань и местность Азирида, где жили киренцы. Начиная отсюда, появляется сильфий* и растет на всем протяжении от острова Платеи до устья Сирта. Учреждения у них такие же, как и у других народов Ливии.

170. К западу за гилигамами следуют асбисты, ниже их вдоль моря живут киренцы. В управлении квадрагами они не только не уступают другим народам Ливии, но далеко превосходят их. Учреждения свои асбисты заимствуют большей частью от киренцев.

171. Далее с запада к асбистам примыкают авсхисы. Они живут над Баркой и у Евесперид спускаются до моря. Посередине земли авсхисов живет небольшой народ бакалы, спускающийся до моря подле города Тавхир в Баркейской области; у них те же учреждения, что и у обитателей над Киреной.

172. Вслед за авсхисами на западе идут насамоны, народ многолюдный; летом они покидают свои стада на морском берегу, а сами поднимаются в страну Авгилы для собирания пальмовых плодов; действительно, там растут пальмы громадные и в большом числе, к тому же все плодовые. Они охотятся на саранчу, сушат ее на солнце, потом перемалывают, мешают с молоком и так пьют. По обычаю каждый из них имеет много жен, но женщинами они пользуются сообща, поступая при этом так же, как и массагеты: желающий ставит перед дверью палку и общается свободно с женщиной. По другому обычаю, невеста насамона, если он женится в первый раз, обходит всех гостей и общается с ними, причем каждый общающийся с невестой предлагает ей взятый из дому подарок. Совершают они клятву и гадают следующим образом: клятва произносится во имя тех лиц, которые, по их мнению, были честнейшими и доблестнейшими людьми; произносящие клятву прикасаются к могилам таких людей. Для гадания они отправляются на могилы предков, произносят молитвы и там же ложатся спать; что увидит гадающий во сне, тому он и следует. Договоры они заключают так: один из договаривающихся предлагает

другому напиться крови из его руки и пьет сам из руки другого; если нет при этом никакой жидкости, договаривающиеся поднимают пыль с земли и лизнут ее.

173. На границе с насамонами живут псиллы, погибшие таким образом: однажды южный ветер высушил имевшиеся у них водоемы, а вся страна, лежавшая внутри Сирта, была безводна. Псиллы держали общий совет и выступили в поход против южного ветра, – говорю я со слов ливийцев; когда они вошли в песчаную пустыню, подул южный ветер и засыпал их песком. После гибели их страну заняли насамоны.

174. Выше насамонов, к югу, в стране, обильной зверями, живут гараманты, избегающие всякого человека и общения с кем бы то ни было*; у них нет никакого военного оружия, и они не умеют отражать врага. Они живут выше насамонов.

175. Ниже насамонов вдоль моря, к западу от них живут маки, которые низко стригут себе волосы на голове кругом, отпуская чуб только на макушке; для войны употребляют вместо щитов кожи страусов. Через землю их протекает река Кинип, начинающаяся на холме Харит и изливающаяся в море. Холм Харит изобилует рощами, тогда как остальная часть Ливии, нами до сих пор рассмотренная, лишена деревьев. От моря до этого холма двести стадиев.

176. С маками пограничны гинданы. Женщины их носят вокруг лодыжек множество кожаных колец, как рассказывают, по такой причине: после каждого сообщения с мужчиной женщина повязывает себе кожаное кольцо, и та, которая имеет наиболее таких колец, считается наилучшей, так как имела любовную связь с наибольшим числом мужчин.

177. Лотофаги занимают выдающийся в море мыс земли гинданов; они питаются только плодом лотоса. Плод лотоса по величине почти такой же, как фисташка, а по сладкому вкусу походит на плод пальмового дерева. Из этого же плода лотофаги готовят себе вино.

178. За лотофагами вдоль морского берега следуют махлии, также употребляющие в пищу лотос, но меньше, нежели упомянутый выше народ. Они доходят до большой реки, именуемой Тритоном и изливающейся в большое озеро Тритонида. На озере есть остров по имени Фла. Говорят, было изречение оракула, по которому остров должны были заселить лакедемоняне.

179. Существует и другой еще рассказ следующего содержания: по сооружении корабля «Арго» под Пелионом Ясон поместил на нем гекатомбу и медный треножник, объехал кругом Пелопоннес и решился

посетить Дельфы. Когда на пути он находился подле Малей, его застиг северный ветер и отнес к Ливии; прежде чем увидеть сушу, он попал на мель озера Тритонида и не знал, как выйти оттуда. Тогда явился Тритон и потребовал для себя от Ясона треножник, обещая за это показать им путь и невредимыми вывести их из беды. Ясон согласился; тогда Тритон указал им, как сойти с мели, а треножник поставил в своем храме. С того самого треножника он изрекал предсказания и открыл Ясону и его спутникам предстоявшую судьбу, а именно: если кто-нибудь из потомков аргонавтов унесет с собою треножник, то непременно соорудит в окрестностях озера Тритониды сто эллинских городов. Выслушав предсказание, тамошние жители Ливии скрыли треножник.

180. За махлиями непосредственно следуют авсеи; как и махлии, они живут в окрестностях озера Тритониды; разделяет их река Тритон. Махлии отпускают волосы на задней части головы, а авсеи на передней. Ежегодно в праздник Афины девушки их разделяются на два отряда и вступают между собой в борьбу камнями и палками*; это называют они исконным празднеством в честь туземной богини, которую мы называем Афиной. Если какая-нибудь девушка умирает от раны, то полагают, что она ложно именовалась девственницей. Перед боем девушки поступают так: та из них, которая в этом году всеми признана красивейшей, облекается в коринфский шлем и в полное эллинское вооружение, потом сажают ее на колесницу и обвозят кругом озера. Какое вооружение надевали на себя тамошние девушки в давнее время, до поселения подле них эллинов, не могу сказать, но полагаю, что они носили египетское вооружение, так как, по моему мнению, и щит, и шлем перешли к эллинам от египтян. Афина, по словам их, дочь Посейдона и богини озера Тритонида; поссорившись из-за чего-то с отцом, она отдала себя в собственность Зевсу, а Зевс принял ее как родную дочь. Таков рассказ их. Сообщение с женщинами у них смешанное, браков они не знают и общаются как животные. Каждый месяц мужчины их собираются в одно место, и если ребенок какой-нибудь женщины пришел к тому времени в возраст, он считается сыном того из мужчин, на которого похож.

181. Нами перечислены приморские кочевые жители Ливии. Над ними в глубине материка простирается Ливия, обильная дикими зверями, за ней лежит возвышенная песчаная полоса на всем протяжении от египетских Фив до Геракловых Столпов. На песчаной полосе находятся на расстоянии дней десяти друг от друга куски соли в виде больших комков, собранных в соляные холмы; на вершине

каждого холма из-под соли бьет холодная сладкая вода, а вокруг источника живут люди, крайние обитатели Ливии по эту сторону пустыни и по ту сторону обильной животными Ливии. На расстоянии десяти дней пути от Фив первые живут аммонии; у них есть святилище Зевса, происходящее от храма Зевса Фиванского; дело в том, что в Фивах имеется, о чем уже было сказано, изображение Зевса с бараньей головой. У них есть, впрочем, и другая вода, ключевая; утром она тепла, ко времени посещения рынка становится свежее, а в полдень совсем холодна; в эту пору жители поливают ею свои сады. По мере того как день склоняется к вечеру, холод мало – помалу убавляется, пока наконец при солнечном закате вода не становится опять теплой; с этой поры теплота ее усиливается до полуночи; тогда вода кипит, так что на поверхности поднимаются пузыри; после полуночи до утра вода охладевает. За это источник зовется Солнечным.

182. За аммониями, на той же песчаной полосе, также на расстоянии десяти дней пути, находится соляной холм с водой, похожий на аммонский, а вокруг него живут люди. Местность эта называется Авгилы. Сюда приходят насамоны для собирания пальмовых плодов.

183. В десяти днях пути от Авгил поднимается новый соляной холм с водой и множеством плодовых пальм, совершенно такой же, как и прежде упомянутые. На нем живет очень большой народ, гараманты; они насыпают на соль землю и потом засевают. От них кратчайший путь к лотофагам, именно тридцать дней ходьбы. В стране гарамантов водятся задом пасущиеся быки; вот отчего это происходит: рога быков загнуты наперед, и они пасутся, отступая назад; идти вперед быки не могут, потому что рога их упирались бы в землю. Во всем остальном они вовсе не отличаются от обыкновенных быков, разве тем только, что кожа их толще и гибче. Эти гараманты охотятся в квадрагах на пещерных эфиопов. Из всех народов, о которых имеются у нас сведения, пещерные эфиопы отличаются самым быстрым бегом. Питаются они змеями, ящерицами и другими подобными пресмыкающимися. Язык их не походит ни на какой другой; они шипят, как летучие мыши.

184. На расстоянии других десяти дней пути от гарамантов следует новый соляной холм с водой, и вокруг него живет народ по имени атаранты; они одни из всех известных нам людей не имеют личных имен; все вообще они называются атарантами, но отдельные лица никаких имен не носят. К солнцу, когда оно греет чрезмерно, атаранты обращаются с проклятиями и со всякими ругательствами за то, что жара его губительно действует и на них самих, и на всю страну их. На таком

же расстоянии от атарантов возвышается новый соляной холм с водой; вокруг него тоже живут люди. Непосредственно за холмом следует гора по имени Атлант. Гора эта узка и со всех сторон кругла; говорят, она так высока, что нельзя видеть вершины ее, потому что она вечно покрыта снегом, летом и зимой. По словам туземцев, это столп, на который опирается небо. По имени горы тамошние жители называются атлантами. Рассказывают, что они не едят ничего одушевленного и не видят снов.

185. Народы, живущие на песчаной полосе до атлантов, я могу назвать по именам, а живущие дальше мне уже не известны. Песчаный гребень тянется до Геракловых Столпов и даже по ту сторону их. На расстоянии десяти дней пути от атлантов находятся на этом гребне соляные копи, а подле них живут люди. Жилища у всех их сооружены из соляных глыб. Дело в том, что эта часть Ливии не орошается дождями вовсе; при дождях соляные стены не могли бы держаться. Выкапываемая здесь соль бывает белого и пурпурного цвета. По ту сторону песчаного гребня, на юг от него, в глубине Ливии, лежит пустыня, безводная, лишенная зверей, без дождей и безлесная; влаги нет в ней вовсе.

186. Таким образом, от Египта до озера Тритонида живут кочевые ливийцы, употребляющие в пищу мясо и пьющие молоко; впрочем, мяса коров они не едят по той же причине, что и египтяне, равно как не держат свиней. Киренские женщины также считают грехом для себя есть коровье мясо во внимание к египетской Исиде; в честь ее они постятся и устраивают празднества. Точно так же баркейские женщины не едят ни свиного, ни коровьего мяса. Таковы эти страны.

187. К западу от озера Тритонида нет более кочевников, и нравы тамошних народов иные. Так, с детьми обращаются они иначе, нежели кочевники. Кочевые ливийцы, все ли, наверное не знаю, во всяком случае, многие из них, поступают так: по достижении ребенком четырехлетнего возраста они грязной шерстью овцы прижигают ему жилки на темени, а иные народы припекают жилки и на висках; делается это с той целью, чтобы в дальнейшей жизни люди не страдали от жидкости, вытекающей из головы. Потому-то, по их словам, они и пользуются наилучшим здоровьем. Действительно, ливийцы здоровее всех известных нам народов; не могу сказать достоверно, по этой ли именно причине, но они здоровее всех. На тот случай, если с ребенком во время обжигания сделаются конвульсии, употребляется следующее средство: обливают ребенка козьей мочой и этим его излечивают. Впрочем, я говорю это со слов ливийцев.

188. Жертвоприношение совершается у кочевников следующим образом: вначале отрезают животному кусок уха и бросают его через жилище; затем шею жертвенного животного поворачивают назад. Только солнцу и луне приносятся жертвы всеми ливийцами; обитатели окрестностей озера Тритонида чествуют жертвами главным образом Афину, а далее живущие народы – Тритона и Посейдона.

189. От ливийских женщин эллины заимствовали: одеяние и эгиду Афины на изображениях богини. Действительно, хотя платье ливиек кожаное, а висящая бахрама ливийской эгиды состоит не из змей, а из кожаных ремней, однако во всем остальном одеяние ливиек и облачение Афины одинаковы. Впрочем, самое название свидетельствует о том, что облачение Паллады заимствовано из Ливии*: ливийские женщины носят поверх платья козью шкуру без шерсти, окрашенную крапом и отделанную бахромой, а именем этих козьих кож («айгес») эллины называют свои эгиды*. Равным образом я полагаю, что и вопли женщин при жертвоприношениях введены в обычай первоначально здесь, потому что у ливиек они в большом употреблении и производятся с большим искусством. Наконец, у ливийцев научились эллины ездить на четверке коней.

190. Покойников своих кочевники хоронят таким же образом, как и эллины, за исключением насамонов; эти последние хоронят их в сидячем положении и очень заботятся, чтобы умирающий сидел прямо при последнем издыхании, а не лежал навзничь. Жилища их подвижны и сколочены из асфоделиевых стеблей, связанных между собой тростником. Таковы их нравы и обычаи.

191. К западу от реки Тритон на границе с авсеями живут уже ливийцы – земледельцы, имеющие постоянные жилища; называются они максиями. Длинные волосы они носят только на правой стороне головы, а на левой стригут их; тело окрашивают суриком. Они производят себя от обитателей Трои. Страна их, равно как и остальная, западная Ливия гораздо богаче животными и лесами, нежели Ливия кочевников. Восточная часть Ливии, занятая кочевниками, низменная и песчаная до самой реки Тритон. Напротив, часть Ливии к западу от Тритона, занимаемая земледельцами, гориста, изобилует лесами и зверями. Здесь водятся огромные змеи, ужи, львы, слоны, медведи, рогатые ослы, люди с песьими головами, люди безголовые, с глазами на груди, – так, по крайней мере, рассказывают ливийцы, – дикие мужчины и такие же женщины* и множество других обыкновенных животных.

192. Таких животных вовсе нет у ливийцев – кочевников; зато у них водятся антилопы – пигарги, газели, буйволы, ослы не рогатые, но не пьющие воды, потом ории, из рогов которых изготавливаются рукоятки для так называемой финикийской лиры – величиной это животное с быка, – далее лисицы, гиены, дикобразы, дикие бараны, диктии, шакалы, пантеры, бории, сухопутные крокодилы локтя в три длиной, очень похожие на ящериц, страусы и одноногие змеи*. Кроме этих животных, там водятся все те, что и в других странах, за исключением оленей и диких кабанов; впрочем, олени и дикие кабаны не встречаются в Ливии вовсе. Водятся здесь еще троякой породы мыши: одни называются двуногими, другие «зегериями» – ливийское слово, означающее холмы; третья порода – ежи. В тех местах, где растет сильфий, водятся ласки, совершенно сходные с тартесскими ласками. Вот каковы животные в Ливии на всем пространстве, о котором мы могли собрать сведения.

193. С максиями пограничны из ливийцев навеки, у которых женщины возят на войну боевые колесницы.

194. С навеками пограничны гизанты, у которых большое количество меда производится пчелами, а еще больше готовится искусственно особыми людьми. Все они красят себе тело суриком и употребляют в пищу обезьян, которые в чрезвычайном множестве водятся у них в горах.

195. Подле гизантов, как сообщают карфагеняне, лежит остров Киравис, узкий, но в длину имеющий двести стадиев, легко достижимый с материка; изобилует оливковым деревом и виноградной лозой. На острове есть озеро, из ила которого туземные девушки добывают золотой песок с помощью птичьих перьев, вымазанных смолой. Верно ли это, не знаю; и сообщаю, что слышал. Впрочем, все возможно: ведь на Закинфе я сам видел, как из озера добывали смолу. Там есть много озер; наибольшее из них имеет в длину семьдесят футов и столько же в ширину; глубина его два саженья. В это озеро опускают шест с прикрепленной на конце миртовой веткой; на ветке они вытаскивают смолу, имеющую запах асфальта; она лучше пиерийской смолы. Засим они выливают смолу в вырытый подле озера пруд; собрав ее там в достаточном количестве, разливают из пруда по амфорам. Чтобы ни попало в озеро, все скрывается под землей и потом снова появляется на море, а море удалено от озера стадия на четыре. Таким образом, правдоподобны и рассказы об острове, что лежит подле Ливии.

196. Карфагеняне рассказывают еще следующее: есть в Ливии страна и народ по ту сторону Геракловых Столпов; приходя к ним для торговли, карфагеняне выгружают свои товары из кораблей, раскладывают их рядом на морском берегу, потом возвращаются на свои суда и разводят дым. Заметив дым, туземцы подходят к морю, за товары оставляют золото и удаляются обратно. Карфагеняне выходят на сушу и рассматривают, достаточно ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забирают и отплывают; если же не достаточно, то снова всходят на корабли и там выжидают; туземцы опять появляются, прибавляют золота столько, чтобы удовлетворить карфагенян. По словам карфагенян, никогда одна сторона не обижает другую: карфагеняне никогда не прикасаются к золоту прежде, чем по стоимости оно не сравняется с товаром; точно так же туземцы уносят с собой товары только тогда, когда золото взято карфагенянами.

197. Вот ливийские народы, которых мы могли поименовать. Бо́льшая часть этих народов ни теперь не признает царя мидян, ни прежде не обращала на него никакого внимания. О стране этой я могу сообщить еще, что она, насколько известно, занята всего четырьмя народами, не больше. Из этих народов два туземные, два нет; туземные – ливийцы и эфиопы; первые живут в северной, последние в южной части Ливии. Напротив, финикияне и эллины – пришельцы.

198. Мне кажется, что земля Ливии до такой степени нехороша, за исключением Кинипа, что она не может быть даже сравниваема с Азией или Европой. Кинип – так называется и река – по количеству производимых им плодов Деметры есть благодатнейшая страна и не походит на остальную Ливию. Область эта имеет чернозем, обильно орошена источниками, вовсе не боится засухи, но и не страдает от слишком обильных дождей; эта часть Ливии орошается дождями умеренно. По количеству собираемых плодов она равняется Вавилонии. Благодатна и та земля, которой владеют евеспериты; в самые лучшие годы она приносит сам – сто, а земля Кинипская сам – триста.

199. Впрочем, и Киренская область, самая высокая в кочевой части Ливии, представляет три поры года, достойные удивления. Прежде других поспевают к жатве и уборке плоды морского побережья. Когда они собраны, подспевают средние области, именуемые холмами, что выше прибрежных земель. По уборке плодов со средней полосы зреют и ждут своей очереди плоды самой высшей части Ливии. Таким образом, когда выпиты и съедены плоды первой уборки, к тому времени появляются плоды уборки последней, и потому собирание плодов длится у киренцев восемь месяцев. Об этом довольно.

200. Те персы, которые были отправлены Ариандом из Египта в помощь Феретиме, прибыли в Барку, осадили город и требовали выдачи виновных в убийстве Аркесилая. Так как вину приняло на себя все население Барки, то требование персов было отвергнуто. Барку осаждали персы в течение девяти месяцев, выкопали подземные рвы, ведущие к акрополю, и жестоко штурмовали город. Подземные ходы открыл кузнец с помощью медного щита по следующим признакам: внутри стены он кругом обносил свой щит и везде касался им самой почвы города. Во всех местах, которых он касался, не слышно было ничего; медь щита звучала только там, где проложены были ходы. Тогда баркейцы стали копать в том месте подземный ход с противной стороны и убивали персов, занятых прорытием ходов. Так отысканы были подземные ходы; но приступы мужественно отражались жителями Барки.

201. Так тянулось долго, с обеих сторон гибло много воинов, персов не меньше, чем баркейцев, пока предводитель пехоты Амасис не придумал следующего средства, убедившись в том, что баркейцы могут быть взяты не силой, а хитростью: он велел вырыть ночью широкую канаву, положить через нее тонкие бревна, а поверх бревен насыпать земли и сравнять ее с остальной почвой. На следующий день на рассвете он пригласил баркейцев для переговоров; те с радостью приняли приглашение, потому что сильно желали заключить мир с противником. Клятвенный договор заключен был на потаенном рве на следующих условиях: клятва должна оставаться нерушимой до тех пор, пока нерушимой остается земля эта, баркейцы обещали уплатить царю подобающую дань, а персы – не тревожить более баркейцев. По заключении договора, скрепленного такой клятвой, баркейцы стали выходить из города, открыли все ворота, а из неприятелей всякий желающий входил в город. Тогда персы разломали потаенный мост и ринулись в город. Мост разломали они для того, чтобы соблюсти клятвенный договор, заключенный с баркейцами: договор останется нерушимым на все то время, пока земля останется в прежнем положении; таким образом, с разрушением моста договор переставал существовать.

202. Наиболее виновных из баркейцев, выданных ей персами, Феретима велела распять вокруг стен, а женам их отрезать груди и утыкать ими кругом городскую стену. Остальных баркейцев она отдала в добычу персам, за исключением потомков Батта и тех лиц, которые были невиновны в убийстве Аркесилая. Им-то Феретима и передала город.

203. Персы обратили в рабство остальных баркейцев и двинулись с ними назад. Когда они подошли к городу киренцев, жители города во исполнение какого-то изречения оракула дали им пропуск через город. На пути через город начальник флота Бадрес приказал брать город, но начальник пехоты Амасис не дозволил этого, так как, говорил он, войско было послано против одного только эллинского города. Выйдя уже из города и расположившись на холме Зевса Ликейского, персы сожалели, что не завладели Киреной, вторично попытались было войти в город, но киренцы не пустили их. В то время ужас овладел персами, хотя никто не нападал на них; они бросились бежать оттуда и остановились только на расстоянии шестидесяти стадиев. В расположенный здесь лагерь явился вестник от Арианда с приказанием идти назад. Тогда персы спросили у киренцев съестных припасов и по получении их удалились в Египет. Однако по дороге ливийцы захватывали из-за одежды и утвари всех замедлявших путь и остававшихся позади персов и убивали их, пока остальные не прибыли наконец в Египет.

204. Это персидское войско проникло в Ливию не далее области Евесперид. Что касается обращенных в рабство баркейцев, то из Египта они были отправлены далеко от родины к персидскому царю, а царь Дарий дал им для поселения деревню в области Бактрии. Деревне этой также дали наименование Барки, которая существовала до моего времени в Бактрии.

205. Однако и Феретима не кончила жизни благополучно. Вскоре после расправы с баркейцами и по возвращении из Ливии в Египет она умерла ужасной смертью: еще при жизни тело ее было съедено червями*. И в самом деле, чрезмерное мщение людям ненавистно богам. Так жестоко отомстила баркейцам Феретима, дочь Батта.

Книга пятая Терпсихора

Завоевания персов во Фракии, нравы фракийцев, переселение пеонов в Азию (1–16). Персидское посольство в Македонии, гибель его (17–21). Македоняне суть эллины (22). Гистией вызван в Сузы, завоевания Отана (23–27). Восстание ионян против персов: Аристагор и жители Наксоса; участие Гистиея в восстании; обращение за помощью в Лакедемон (28–48). Аристагор и Клеомен (49–54). Обращение за помощью в Афины; низвержение тирании Клисфеном и следующие за этим столкновения афинян с лакедемонянами и другими (55–96).

Помощь ионянам со стороны афинян (97). Поход на Сарды; отпадение афинян (98–103). Восстание на Кипре; отправление Гистиея на поле брани; битвы персов с восставшими (104–123). Конец Аристагора (124–126).

1. Персидские войска, которые оставлены были Дарием в Европе и состояли под начальством Мегабазом, покорили из жителей Геллеспонта прежде всего перинфян, так как они не желали подчиняться Дарию, тех самых перинфян, с которыми раньше жестоко поступили пеоны. Дело в том, что жившим на Стримоне пеонам божество повелело идти войной на перинфян и нападать на них, если из противлежащего лагеря станут громко звать их по именам; и не нападать, если те не будут взывать к ним. Так и поступили пеоны. Когда перинфяне расположились против них лагерем в предместье города, произошел по условию тройной поединок: сразились человек с человеком, конь с конем и собака с собакой. После победы в двух поединках перинфяне от радости стали петь пеан, а пеоны приняли это за исполнение изречения божества и приблизительно так сказали друг другу: «Вот, должно быть, свершается изречение оракула. Теперь дело за нами!» Они ударили по поющим пеан перинфянам и одержали полную победу, так что только немногие из неприятелей остались в живых.

2. Вот что перинфяне претерпели раньше от пеонов. Теперь в войне против персов с Мегабазом во главе они показали себя храбрыми борцами за свободу, но были побеждены благодаря численному превосходству персов. Так покорен был Перинф, и Мегабаз повел свои войска через Фракию; на этом пути он покорял под власть персидского царя все города и живущие там народы, согласно приказанию Дария завоевать Фракию.

3. Фракийский народ после индийского самый многолюдный. Если бы этот народ находился под управлением одного лица, или если бы между фракийцами существовало единодушие, то, по моему мнению, он был бы неодолим и могущественнее всех народов. На самом деле им трудно, даже невозможно прийти к соглашению, и в этом-то коренилась их слабость. Фракийский народ носит множество отдельных имен по местностям; но, за исключением гетов, травсов и живущих выше крестонеев фракийцев, все остальные имеют совершенно одинаковые нравы и обычаи.

4. О нравах гетов, почитающих себя бессмертными, было сказано мною выше. Травсы во всем сходны с прочими фракийцами, только относительно новорожденных и умирающих они поступают так:

родственники усаживаются кругом новорожденного и печалются о том, что столько страданий предстоит ему вытерпеть вследствие рождения на свет, причем перечисляются все человеческие бедствия. Напротив, покойника они предают земле с шутками и весельем, указывая на то, от скольких бед он избавился и в каком блаженстве пребывает теперь.

5. Фракийцы, живущие выше крестонеев, имеют по несколько жен. Если кто из этих фракийцев умирает, среди его жен поднимается ожесточенная распря, равно как среди друзей этих женщин начинается сильный спор о том, которую из жен покойник любил больше; ту, в пользу которой решится спор и которой оказано будет предпочтение, превозносят в похвалах мужчины и женщины, а ближайший родственник умерщвляет ее над могилой; затем хоронят ее вместе с мужем. Прочие жены повергаются в сильную скорбь, потому что для них это – величайший позор.

6. У прочих фракийцев существует обычай продавать своих детей на чужбину. За девицами они не наблюдают, позволяя им вступать в связь с мужчинами по собственному выбору; напротив, замужние женщины у них строго охраняются; жены покупаются у родителей за большие деньги. Татуировки на коже означают благородное происхождение; не имеющий их неблагороден. Жить в праздности почитается у фракийцев высшей доблестью, а обработка земли – самое постыдное занятие; прекраснейший образ жизни – военный и разбойничий. Таковы наиболее замечательные обычаи их.

7. Что касается божеств, то фракийцы чтут только Ареса, Диониса и Артемиду*. Отдельно от остального народа цари их чтут выше всех богов Гермеса, произносят клятвы только его именем и самих себя производят от Гермеса.

8. Богатых фракийцев хоронят следующим образом: в течение трех дней выставляют труп покойника, предварительно оплакав его; затем приносят ему в жертву всякого рода животных и устраивают пиршества; наконец покойника хоронят: или сжигая на огне, или предавая земле; наконец насыпают курган и устраивают всевозможные состязания, причем высшая награда назначается для единоборцев, каждый раз смотря по роду состязания. Таков способ погребения у фракийцев.

9. Какая страна лежит к северу от Фракии и какие народы занимают ее, никто не может сказать достоверно; но мне кажется, что по ту сторону Истра находится беспредельная пустыня. Один только народ за Истром я знаю по рассказам; называется он сигинны и одевается по – мидийски. Говорят далее, что лошади их покрыты на

всем теле густыми волосами длиной до пяти пальцев в ширину; лошади малы, с раздутыми ноздрями и не могут носить на себе всадников, зато быстро бегут в упряжке, поэтому туземцы ездят на повозках. Земли этого народа простираются почти до энетов, что на Адриатическом побережье. Сигинны производят себя от мидийцев. Я не могу решить, каким образом они выселились сюда из Мидии; но в течение долгого времени может случиться все. На языке лигийцев, живущих к северу от Массалии, слово «сигинны» значит купцы, а на языке жителей Кипра – копья.

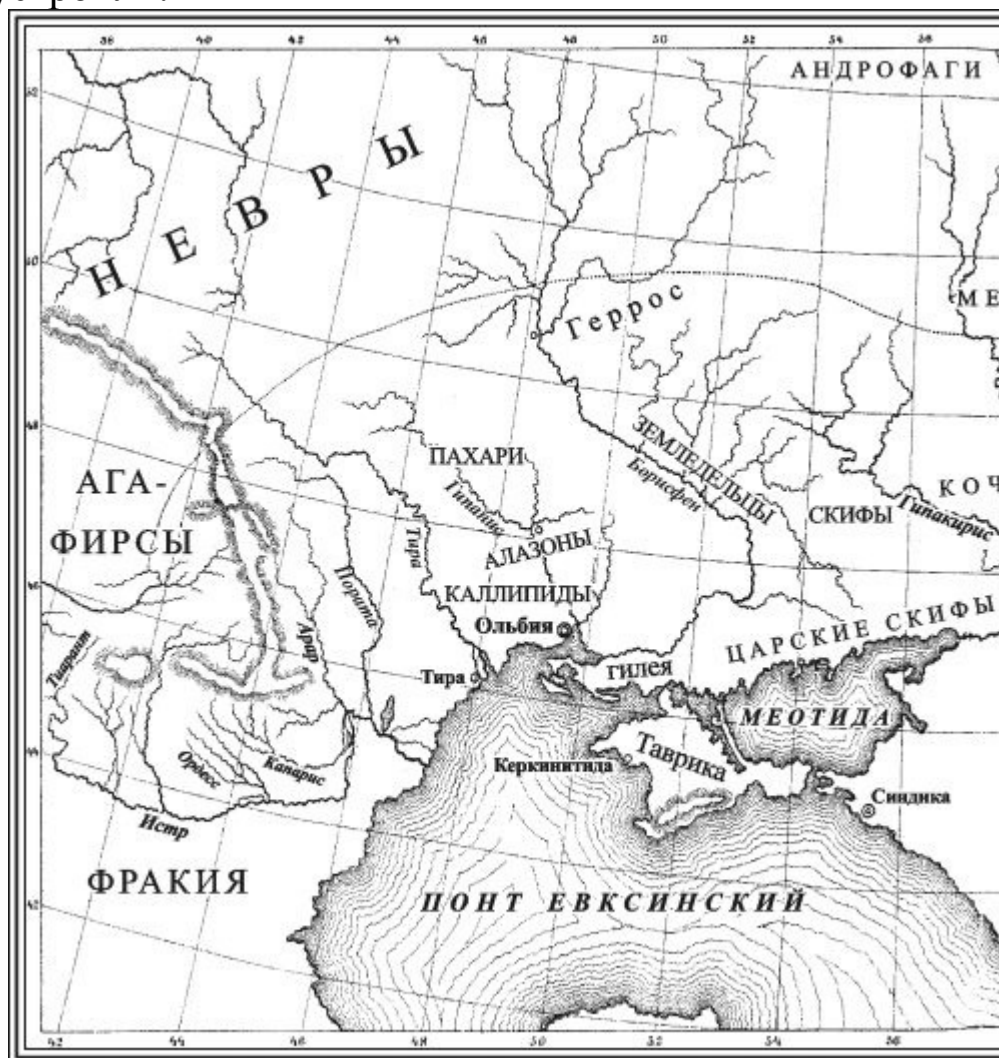
10. По словам фракийцев, земля по ту сторону Истра заполонена пчелами, и потому через нее нельзя пройти дальше. Рассказы эти, по моему мнению, не заслуживают веры, потому что пчелы, несомненно, не выносят холода, а северные земли я считаю необитаемыми именно по причине холода. Вот что рассказывают об этой области. Покорением приморской части Фракии под власть персов и занят был Мегабаз.

11. Дарий со всею поспешностью перешел Геллеспонт и прибыл в Сарды. Здесь он вспомнил об услуге милетянина Гистиея и о совете митиленца Коя, пригласил их в Сарды и предоставил им самим выбрать себе что-либо в награду. Так как Гистией был уже тираном в Милете, то он вовсе не нуждался в звании тирана и просил дать ему область эдонян Миркин, в которой он желал основать город. Таков был выбор Гистиея, а Кой просил водворить его тираном в Митилене, так как он был не тираном, а простым гражданином. Просьба обоих была исполнена, и каждый из них отправился в ту местность, которую выбрал для себя.

12. В это самое время имел место следующий случай, вследствие которого у Дария явилось сильное желание повелеть Мегабазу покорить пеонов и переселить их из Европы в Азию. Два пеона, Пигрет и Мантиес, после перехода Дария в Азию сами пожелали быть тиранами пеонов и с этою целью прибыли в Сарды вместе с сестрой, статной и красивой женщиной. Они выждали время, когда Дарий выходил на суд в предместье лидийской столицы, и поступили так: нарядили как можно лучше сестру и послали ее с сосудом на голове по воду; она вела за собой лошадь, привязанную к руке, и пряла лен. Когда женщина проходила мимо, Дарий обратил на нее внимание, потому что трудолюбие женщины не в обычае ни у персидских, ни у лидийских, ни вообще у азиатских женщин. Обратив на это внимание, Дарий послал нескольких телохранителей с приказанием следить за тем, что станет делать женщина с лошадыю. Телохранители пошли вслед за ней. Подойдя к реке, женщина стала поить лошадь, а напоив, наполнила

сосуд водой и пошла обратно той же дорогой, неся на голове сосуд с водою, рукой ведя лошадь и вращая веретено.

13. И рассказ соглядатаев, и то, что он сам видел, изумили Дария; он велел привести женщину; в то же время явились сюда и братья, так как они вблизи наблюдали за происходящим. На вопрос Дария, кто она, юноши отвечали, что они пеоны, а женщина – сестра их. Тогда Дарий спросил, что за народ пеоны, где они живут и зачем пришли в Сарды. Те отвечали, что пришли с целью отдаться ему добровольно, что Пеония расположена на реке Стримон, а Стримон течет недалеко от Геллеспонта, что сами они – потомки тевкров из Трои. Все это пеоны рассказывали подробно, а Дарий спрашивал, все ли женщины их такие работницы. Те поспешно отвечали, что именно таковы; ради этого-то они все и устроили.

14. Тогда Дарий послал письмо Мегабазу, которого оставил во Фракии главнокомандующим, с приказанием поднять пеонов с их местожительства и переселить к нему с детьми и женами. Тотчас всадник поскакал с приказанием к Геллеспонту, переправился через него и вручил письмо Мегабазу. По прочтении письма он взял проводников из Фракии и выступил в поход на пеонов.

15. Услышав, что персы идут на них войной, пеоны собрались с силами и выступили против врага по направлению к морю, предполагая, что персы вторгнутся в их землю и ударят по ним с этой стороны. Так готовились пеоны отразить идущее на них войско Мегабаза. Персы узнали, что пеоны собрали свои войска и ждут вторжения со стороны моря, а потому с проводниками во главе направились по верхней дороге и, прежде чем заметили пеоны, напали на города их, покинутые населением; пустые города взяты были легко. Когда пеоны узнали, что города их взяты неприятелем, они немедленно рассеялись; каждое племя устремлялось на свое местожительство и сдавалось персам. Таким образом, переселены были в Азию из своих

поселений сириопеоны, пеоплы и те из пеонов, которые простирались до озера Прасиада.

16. Не были покорены Мегабазом только доберы, агрианы и одоманты – племена, жившие у горы Пангея, а также пеоны на озере Прасиада. Впрочем, он сделал было попытку выгнать пеонов, живших на самом озере. Посередине озера на высоких сваях стояли бревенчатые сооружения, к которым с суши вел узкий путь по одному мостику. Сначала вбиты были сваи, что под бревенчатыми постройками, общими усилиями всех граждан, а потом вошло в обыкновение поступать так: каждый пеон по случаю своей женитьбы обязан вколачивать три сваи, добываемые на горе Орбел; а пеоны женятся на многих женщинах. Они живут так: каждый из них имеет на бревнах хижину с люком, ведущем через бревна к озеру; малых детей они привязывают за ногу веревкой из опасения, как бы те не скатывались вниз. Лошадям и вьючному скоту дается в пищу рыба, которой в озере водится очень много: хозяину хижины нужно только открыть люк, на веревке опустить в озеро пустую корзину, и по прошествии короткого времени он поднимает полную корзину рыбы. Есть там две породы рыб: одна называется папрак, другая тилон.

17. Итак, покоренные пеоны переселены были в Азию. После покорения их Мегабаз отправил в Македонию в качестве послов семь персов, после него знатнейших в том войске; они отправлены были к Аминте* с требованием земли и воды для царя Дария. От озера Прасиада в Македонию путь очень короток. Непосредственно за озером лежит рудник, из которого впоследствии Александр* получал ежедневно по таланту серебра; за рудником возвышается гора по имени Дисорон; перевалив через нее, вступаем в Македонию.

18. По прибытии в Македонию и по представлении Аминте послы тотчас стали требовать для царя Дария земли и воды. Аминта дал, пригласил послов в гости к себе, устроил великолепный пир и радушно принимал персов. После угощения персы стали пить и сказали следующее: «У нас в Персии, любезный македонянин, существует обычай, по которому устроители большого пиршества сажают с собой за стол своих наложниц и законных жен. Ты принял нас радушно, угощаешь великолепно, ты даешь царю Дарию землю и воду, а потому последуй и нашему обычаю». Аминта на это отвечал: «Наш обычай не таков; напротив, у нас мужчины отделяются от женщин. Но так как вы, наши господа, желаете этого, пускай будет по – вашему». С этими словами Аминта послал за женщинами; женщины явились на зов и уселись все в ряд против персов. При виде красивых женщин персы

стали говорить Аминте, что он поступил неумно, что лучше было бы не являться женщинам вовсе, нежели, явившись, сесть не рядом с ними, а против них и тем только колоть им глаза. Тогда Аминта велел женщинам усесться подле персов. Лишь только женщины повиновались его приказанию, как персы стали трогать их за груди, потому что выпили через меру, а некоторые покушались даже целовать женщин.

19. При виде этого Аминта негодовал, хотя оставался спокойным, потому что сильно боялся персов. Но присутствовавший здесь и видевший все Александр, сын Аминты, человек молодой и не искушенный бедами, был не в силах выносить такое зрелище и с горечью сказал Аминте: «Во внимание к своим летам тебе, отец, следует уйти отсюда и лечь отдохнуть, а не оставаться при попойке. Останусь здесь я и доставлю нашим гостям все нужное». Аминта понял, что Александр задумал недоброе, и сказал: «Так как ты вспылел, сын мой, то из твоих слов я вижу, что ты отсылаешь меня для того, чтобы учинить недоброе. Поэтому прошу тебя, не делай ничего дурного этим людям, чтобы не погубить нас; сдерживай себя при виде того, что творится; я же последую твоему совету и уйду отсюда».

20. Когда Аминта после этой просьбы удалился, Александр обратился к персам с такими словами: «Вы, друзья, совершенно свободно можете пользоваться этими женщинами, можете возлежать со всеми ими или только с некоторыми, как вам будет угодно. Только приказывайте. Я вижу, что приближается уже пора ложиться спать и что вы угощены прекрасно, а потому, если угодно, отпустите женщин обмыться и ждите их после омовения». Персы согласились на это. Тогда Александр велел женщинам выйти и отправиться в женские покои, а сам одел в женское платье такое же количество безбородых мужчин, вооружил их кинжалами, ввел к персам и сказал: «Кажется, персы, мы угостили вас на славу! Все, что у нас было и что только можно было придумать, все к вашим услугам! И даже, что драгоценнее всего, мы предлагаем вам родных матерей и сестер, чтобы вполне убедить вас, что мы чтим вас по достоинству, а вы уведомяте пославшего вас царя о том, как радушно принял и угостил вас пиром и ложем эллин, наместник Македонии». После этого Александр велел македонским мужчинам под видом женщин усесться подле персов, и последние, когда стали хватать их, были перебиты.

21. Такой смертью погибли эти персы, сами послы и прислуга их; за ними следовали повозки, слуги и всякого рода обильные запасы – все исчезло вместе с посольством. Вскоре после этого начаты были персами деятельные розыски погибших людей; но Александр ловко

приостановил их, выдав большую сумму денег и родную сестру по имени Гигея персу Бубаре, стоявшему во главе лиц, отправленных на разыск погибших. Так было куплено молчание о гибели этих персов.

22. Что эти потомки Пердикки – эллины, о чем они говорят сами, в этом я убежден и в дальнейшем изложении покажу, что они – действительно эллины; кроме того, так решили и устроители Олимпийских состязаний: когда Александр вознамерился принять участие в Олимпийских играх и ради этого отправился в Олимпию, эллины, которым предстояло состязаться с ним, требовали его устранения на том основании, что состязание это принадлежит не варварским борцам, но эллинским. Тогда Александр объявил, что он аргивянин, и был признан эллином; в беговом состязании пришел к цели вместе с победителем. Так это было.

23. Вместе с пеонами Мегабаз прибыл к Геллеспонту и, переправившись через него, явился в Сарды. Между тем Гистией из Милета укреплял уже стенами ту местность, которую по просьбе получил от Дария в награду за охранение моста; местность эта расположена вдоль реки Стримон и называется Миркин. Узнав, что делает Гистией, Мегабаз по прибытии в Сарды вместе с пеонами немедленно сказал Дарию следующее: «Что ты сделал, царь? Ты предоставил эллину, человеку ловкому и хитрому, построить во Фракии город, там, где имеются в изобилии корабельный лес, дерево для весел и серебряные рудники; кругом живет множество эллинов и варваров, которые, признав его главенство над собой, будут делать все, что бы он ни приказал им, днем ли или ночью. Поэтому во избежание домашней войны останови его работы благовидным вызовом его к себе; когда ты будешь иметь его в своих руках, сделай так, чтобы он не мог уже перейти к эллинам». Такой речью Мегабаз легко убедил Дария и показал, что верно предусматривает возможное будущее.

24. После этого Дарий послал в Миркин вестника со следующим обращением: «Гистией, царь Дарий говорит тебе так: по размышлении я убеждаюсь, что нет никого более расположенного ко мне и более сочувствующего делам моим, нежели ты; убедился я в том не по речам только, но и по делам. Поэтому теперь, когда я задумываю важные предприятия, приходи ко мне непременно, чтобы мне советоваться с тобой». Гистией поверил этим речам и, высоко ценя положение царского советчика, явился в Сарды. Здесь Дарий сказал ему: «Призвал я тебя, Гистией, по следующей причине. После того как я возвратился из Скифии и ты удалился от меня, ничего мне так не хотелось, как видеть тебя и беседовать с тобой, потому что я убедился, что друг

умный и благорасположенный драгоценнее всех сокровищ; то и другое ты доказал, и я могу подтвердить это состоянием моих дел. Ты хорошо сделал, что пришел, и я предлагаю тебе следующее: покинь Милет и новооснованный город во Фракии и, последовав за мной в Сузы, имей то, что я имею, будь моим застольным товарищем и советником».

25. После этого Дарий назначил наместником Сард единокровного брата своего Артафрена, правителем приморских народов назначил Отана, а сам вместе с Гистиеем удалился в Сузы. Отца этого Отана, Сисамна, бывшего в числе царских судей, царь Камбис за то, что он неправильно решил дело за деньги, велел казнить, снять с него всю кожу и, порезав на ремни, обтянуть ею то кресло, на котором казненный творил суд; засим Камбис назначил судьей на место Сисамна, которого он казнил и с которого снял кожу, сына его, повелев памятовать, на каком кресле он творит суд.

26. Этот-то Отан, посаженный на такое кресло и теперь ставший преемником Мегабаза в командовании войском, покорил византийцев, калхедонян, взял остров Антандр, что в Троянской земле, и Лампоний; отняв корабли у лесбосцев, завладел Лемносом и Имбросом; оба острова заняты были еще в то время пеласгами.

27. Жители Лемноса сражались храбро и были покорены только после продолжительного сопротивления. Правителем над уцелевшими лемносцами персы поставили Ликарета, брата Меандрия, царствовавшего на Самосе. Ликарет этот управлял Лемносом до самой смерти, и вот по какой причине: Отан обратил в рабство и укротил всех лемносцев, обвиняя одних в том, что они бежали из похода против скифов, а других – что они тревожили Дариево войско на обратном пути из Скифии.

28. Вот что совершено было Отаном во время командования войском. После этого на короткое время беды приостановились; но вскоре они снова обрушились на ионян из Наксоса и Милета. Если Наксос превосходил по богатству все Кикладские острова, то в это же самое время и Милет находился в более цветущем состоянии, нежели когда-нибудь, и занимал первое место в Ионии. За два поколения до этого Милет сильно терпел от внутренних неурядиц, пока не умиротворили его жители Пароса; из всех эллинов милетяне их выбрали умиротворителями.

29. Паросцы поступили при этом так: прибыв в Милет и увидев, что жилища милетян сильно повреждены, знатнейшие паросцы объявили, что желают обойти их страну. Так они и сделали. Проходя по всей Милетской земле, они, где бы ни увидели хорошо обработанное

поле в разоренной стране, записывали имя хозяина этого поля. Прошли они всю страну, но таких полей нашли немного, а как только возвратились в город, созвали Народное собрание и объявили, что вручают правление государством тем людям, поля которых нашли хорошо обработанными; они утверждали, что эти хозяева будут так же заботиться об общественном достоянии, как они заботились о своем собственном, и приказали остальным милетянам, производившим смуты, подчиниться им. Так паросцы умиротворили Милет.

30. С этого времени от упомянутых государств стали исходить несчастья на Ионию. Из Наксоса изгнаны были народом богатые люди, которые и прибыли в Милет. Милетом управлял тогда Аристагор, сын Молпагора, зять и двоюродный брат того Гистиея, сына Лисагора, которого Дарий удерживал в Сузах. Дело в том, что тираном Милета был Гистией, находившийся в Сузах в то время, когда явились туда наксосцы, прежние друзья Гистиея. Явившись в Милет, наксосцы просили Аристагора дать им сколько-нибудь войска для того, чтобы они могли возвратиться на родину. Сообразив, что, если через него наксосцы возвратятся в свое государство, он сделается правителем Наксоса, Аристагор обратился к ним со следующей речью, прикрывая свои цели дружескими отношениями Гистиея к наксосцам: «Сам я не в состоянии доставить вам столько войска, чтобы вы могли возвратиться в Наксос вопреки желанию теперешних его правителей, потому что, как мне говорили, наксосцы располагают восьмью тысячами тяжеловооруженных воинов и множеством длинных судов. Однако я приложу к делу все мое старание и предполагаю действовать так: Артафрен – друг мой; он же, как вы знаете, сын Гистаспа и брат царя Дария, управляет всеми приморскими народами в Азии, располагая огромным войском и множеством кораблей. Я надеюсь, он сделает то, о чем мы его попросим». В ответ на это наксосцы просили Аристагора действовать наилучшим образом. Советовали ему обещать Артафрену подарки и заявить, что они сами покроют расходы на войско. Они вполне уверены, что при появлении их на Наксосе жители этого острова, равно как и прочие островитяне, сделают все, что бы ни было приказано им. Ни один из Кикладских островов не находился под властью Дария.

31. По прибытии в Сарды Аристагор заявил Артафрену, что Наксос – остров по объему не большой, но во всех отношениях благодатный и плодородный и расположен вблизи Ионии, что есть на нем много золота и рабов. «Поэтому, – говорил он, – иди войной на остров и возврати на него изгнанников. Для этого, во – первых, у меня имеется наготове в

твое распоряжение много денег; нет только средств на содержание войска, но по всей справедливости нам самим следует доставить их, так как мы просим войска. Во – вторых, ты покоришь царю несколько островов: сам Наксос и зависящие от него Парос, Андрос и другие, так называемые Киклады. Действуя оттуда, ты легко завоюешь Эвбею, остров обширный, благодатный, не уступающий по величине Кипру, а взять его очень легко. Сотни кораблей достаточно для покорения всех этих островов». Артафрен на это отвечал: «Ты явился с предложением полезным для царского дома, и все, что советуешь, правильно, за исключением числа кораблей: вместо одной сотни для тебя готово будет с наступлением весны двести кораблей. Однако необходимо, чтобы и сам царь утвердил это».

32. С радостью выслушал это Аристагор и возвратился в Милет. Между тем Артафрен сообщил царю через посланца в Сузы предложение Аристагора. Дарий одобрил его, и Аристагор снарядил двести трирем, собрал огромные полчища персов и всех союзников, а главнокомандующим над ними назначил перса из Ахеменидов, Мегабата, двоюродного брата своего и Дариева, того самого, к дочери которого впоследствии, если только верить молве, сватался лакедемонянин, сын Клеомброта, Павсаний, замышляя стать тираном Эллады. Назначив Мегабата полководцем, Артафрен отправил войско к Аристагору.

33. Мегабат взял с собой из Милета Аристагора, ионийский флот и наксосцев и отплыл будто бы к Геллеспонту; но по прибытии на Хиос направил свои корабли к Кавкасам, чтобы оттуда при северном ветре переплыть на Наксос. Однако не суждено было этому войску погубить Наксос, и вот случилось следующее: когда Мегабат обходил на кораблях сторожевые посты, на миндийском корабле вовсе не оказалось стражи. В сильном гневе он приказал своим копьеносцам отыскать начальника этого корабля по имени Скилак, связать его и просунуть через люк таким образом, чтобы голова виновного была снаружи корабля, а туловище внутри. Когда Скилак был связан, кто-то известил Аристагора, что Мегабат связал друга его из Минда и издевается над ним. Аристагор обратился к персу с просьбой, но совершенно безуспешно; тогда он подошел сам и развязал миндянина. Узнав об этом, Мегабат сильно вознегодовал и напал на Аристагора; но тот возразил ему: «Что тебе в этом деле? Разве Артафрен не велел повиноваться мне и плыть туда, куда я укажу? Зачем тебе столько хлопотать?» Так говорил Аристагор. Взбешенный этими словами,

Мегабат при наступлении ночи послал на Наксос судно с несколькими людьми для уведомления наксосцев о предстоящей им участи.

34. Действительно, наксосцы вовсе не знали, что на них идет войско; по получении известия они тотчас снесли с полей все внутрь городских стен, снабдили город съестными припасами, водой, обновили укрепления и приготовились к положению осаждаемых. Словом, наксосцы приготовились к предстоящей войне, и когда персы подошли с своими кораблями от Хиоса к Наксосу, то имели дело с хорошо укрепленным неприятелем и вели осаду в течение четырех месяцев. Все те средства, с какими явились сюда персы, были истощены, сверх того издержано было много самим Аристагором; так как для осады требовалось еще больше, то персы соорудили укрепления для беглецов из Наксоса и огорченные возвратились на сушу.

35. Таким образом, Аристагор не мог выполнить обещания, данного Артафрену. Вместе с тем угнетали его требовавшиеся на войско расходы, огорчала неудача войска и вражда с Мегабатом; ему казалось, что власть над Милетом будет у него отнята. Опасаясь всего этого, он решился поднять восстание. В то же самое время из Суз от Гистиея пришел раб с исписанной головой, указывая на то, что Аристагору следует восстать против царя. Желая дать знать это Аристагору, Гистией вследствие охранения дорог стражей мог сделать это безопасно только следующим образом: верхнейшему из рабов он сбрил волосы на голове и исписал ее уколами, потом дал волосам отрасти. Как скоро волосы выросли, он отослал раба в Милет с единственным поручением: по прибытии на место предложить Аристагору обрить его и осмотреть голову, а уколы на голове приглашали, как сказано уже раньше, к возмущению. Гистией поступил так потому, что сильно тяготился заключением в Сузах и питал большую надежду, что в случае восстания будет отпущен на родину; если же в Милете не произойдет переворота, решил Гистией, никогда больше он не увидит ее.

36. Таковы были соображения, по которым Гистией послал раба своего в Милет; что касается Аристагора, то для него все совпало в одно время. Он стал совещаться с соумышленниками, высказал им свое мнение и сообщил вести от Гистиея. Все соумышленники единогласно советовали восстать; только прозаический писатель Гекатей с самого начала вовсе не советовал начинать войну с персидским царем, причем перечислил все те народы, которые находились под властью Дария, и указал на его могущество; но убедить ему не удалось. Тогда он советовал другое: действовать так, чтобы иметь море в своей власти,

что достигнуто может быть не иначе, ввиду слабости милетян, говорил он в своей речи, как если они завладеют сокровищами храма в Бранхидах, что пожертвованы лидийским царем Крезом; при таком условии, уверял он, есть большая надежда владычествовать на море; притом милетяне получают возможность пользоваться этими сокровищами, и не попадут они в руки неприятеля. Сокровища эти были действительно велики, как показано мною в первом повествовании. Однако и это мнение не было принято, а восстание решено, причем один из соумышленников должен был плыть в Миунт к тому флоту, который по возвращении с Наксоса стоял в Миунте, и попытаться взять с собой находившихся на кораблях военных вождей.

37. С этим поручением отправился Иатрагор. Он хитростью овладел миласцем Олиатом, сыном Ибаноллия, термерцем Гистиеем, сыном Тимна, потом Коем, сыном Эрксандра, которому Дарий подарил Митилену, кимейцем Аристагором, сыном Гераклида, и многими другими. После этого Аристагор восстал открыто, измышляя всевозможные средства против Дария. Прежде всего он упразднил для виду тиранию в Милете и заменил ее равноправием для того, чтобы привлечь милетян к участию в восстании. Точно так же поступил он относительно всей Ионии, причем одних тиранов изгнал, других, плывших вместе с ним против Наксоса, выдал гражданам с целью расположить к себе их государства, и каждый тиран передан был своему государству.

38. Митиленцы, лишь только получили своего тирана Коя, вывели его за город и побили камнями; кимейцы, равно как и большинство городов, своих тиранов отпустили. Так освобождены были города от тиранов. По упразднении тирании милетянин Аристагор предложил каждому городу выбрать себе правителя, после чего сам на триреме отправился в Лакедемон: ему необходимо было отыскать сильного союзника.

39. Сын Леонта, Анаксандрид, в то время не был уже царем Спарты – он умер; царствовал же сын Анаксандрида, Клеомен, получивший власть не за личную доблесть, но по наследству; Анаксандрид женат был на дочери родной сестры; он любил ее, но детей от нее не имел. Поэтому эфоры позвали царя к себе и сказали ему так: «Ты сам не заботишься о себе, поэтому должны позаботиться мы о том, чтобы род Еврисфена не пресекся. Ты имеешь жену, которая не рождает тебе детей; поэтому отпусти ее и женись на другой женщине. Этот образ действий угоден будет спартамцам». Царь отвечал, что он не сделает ни того ни другого, что совет их – отпустить ни в чем не

повинную теперешнюю жену и жениться на другой – не справедлив, а потому он не последует ему.

40. Тогда эфоры и геронты обсудили дело и предложили Анаксандриду следующее: «Так как мы видим, что ты влюблен в свою теперешнюю жену, то последуй нашему предложению и не противься ему во избежание решения спартанцев, невыгодного для тебя. Мы не требуем больше, чтобы ты отпустил жену; доставляй ей все то, что доставлял до сих пор, но введи в дом свой и другую женщину, которая рожала бы детей». Анаксандрид согласился на это, и с того времени имел двух жен и жил на два дома, что совсем не в обычае у спартанцев.

41. Немного времени спустя вторая жена родила этого самого Клеомена. Но после того как она произвела на свет будущего спартанского царя, и первая жена, до того времени остававшаяся неплодной, теперь тоже забеременела, когда было уже поздно. Хотя эта женщина действительно забеременела, но родственники второй жены, услышав об этом, подняли тревогу и уверяли, что она напрасно кичится и желает подбросить себе чужого ребенка. Родственники сильно негодовали; тем временем приближались роды, и эфоры по недоверию уселись кругом родильницы и сторожили ее. Но женщина родила Дориея; вскоре после того она забеременела снова и родила Леонида, а потом еще Клеомброта. Некоторые говорят, что Клеомброт и Леонид близнецы. Между тем вторая жена, дочь Принетада, внучка Демармена, не имела больше детей.

42. Как рассказывают, Клеомен был не умен и сумасброден, тогда как Дорией превосходил всех сверстников своих и был вполне убежден, что благодаря личным достоинствам получит царскую власть. Так рассчитывал Дорией; между тем Анаксандрид умер, а лакедемоняне по существующему закону поставили царем самого старшего из братьев, Клеомена. Дорией вознегодовал, считая для себя недостойным покоряться Клеомену, выпросил у спартанцев отряд людей и удалился на новое место жительства; но при этом не спросил дельфийского оракула, в какой земле основать ему колонию, вообще не исполнил ничего того, что для таких случаев установлено обычаем. В сильной досаде он направил свои суда в Ливию, причем проводниками его были ферейцы. По прибытии в Ливию он занял лучшую область ливийцев, что вдоль реки Кинип. На третьем году Дорией был вытеснен оттуда маками, ливийцами и карфагенянами и возвратился в Пелопоннес.

43. Здесь некто Антихар из Элеона на основании Лаиевых изречений дал совет Дориею основать Гераклею в Сицилии, потому что, говорил он, вся Эрикинская область была приобретена Гераклом, а

потому принадлежит Гераклидам. Выслушав это, он отправился в Дельфы спросить оракула, овладеет ли он той землей, в которую отправляется; пифия отвечала ему утвердительно. Тогда он взял с собою тот самый отряд, с которым ходил в Ливию, и направился к Италии.

44. В это время, по рассказам сибаритов, сами они и царь их Телис вознамерились идти войной на Кротон. Испуганные кротонцы просили Дориея помочь им, и он внял их просьбе. Дорией вместе с кротонцами пошел войной на Сибарис и взял этот город. Так поступил Дорией вместе со своим отрядом, по рассказам сибаритов; кротонцы же уверяют, что в войне с сибаритами у них не было никакого чужеземного союзника, за исключением одного лишь Каллия, элейского прорицателя из дома Иамидов, и он привлечен был следующим образом: Каллий бежал от Телиса, тирана Сибариса, и явился к ним, так как те жертвы, которые он приносил против Кротона, не давали ему благоприятных знамений. Так рассказывают кротонцы.

45. В подтверждение своих рассказов сибариты и кротонцы приводят следующее: первые указывают на священную область и храм подле высохшего русла реки Крафий; храм этот, по словам их, сооружен по взятии города Дориеем в честь Афины под названием Крафийской. Особенно важным свидетельством считают они смерть самого Дориея, потому что он погиб за нарушение повеления оракула, а именно: если бы он ни в чем не погрешил и сделал бы только то, ради чего отправился в поход, то взял бы Эрикинскую страну и, взяв, владел бы ею, не погиб бы сам, не погибло бы и войско его. С другой стороны, кротонцы указывают на множество участков земли в Кротонской области, которые были выбраны и подарены элейцу Каллию и которыми до моего времени владели потомки Каллия, тогда как Дориею и потомкам его не принадлежит ни один участок. Напротив, ему было бы подарено больше участков, нежели Каллию, если бы он действительно принимал участие в сибаритской войне. Таковы свидетельства, приводимые обеими сторонами, и пускай каждый принимает то из них, которому больше доверяет.

46. Вместе с Дориеем отплыли на новое местожительство и другие спартанцы: Фессал, Паребат, Келей и Еврилеонт. По прибытии с целым отрядом в Сицилию они были разбиты в сражении финикиянами и эгестейцами и погибли; из колонистов один только Еврилеонт спасся от общей участи. Взяв с собой уцелевших из отряда воинов, он овладел селинунтской колонией Миноей и помог селинунтцам освободиться от тирана Пифагора. Однако, низвергнув Пифагора, он сам присвоил себе власть тирана в Селинунте, но царствовал там лишь короткое время:

жители Селинунта восстали против тирана и убили его у алтаря Зевса Агорея*, где он искал убежища.

47. За Дориеем последовал и погиб также сын Бутакида Филипп, родом из Кротона. Посватавшись к дочери сибарита Телиса, но не женившись на ней, он бежал из Кротона и отплыл в Кирену. Оттуда он последовал за Дориеем на собственной триреме с людьми, нанятыми за его счет; Филипп был олимпийским победителем и красивейшим из эллинов своего времени. За красоту он удостоился от эгестейцев такой почести, как никто другой, а именно: на его могиле они соорудили святилище как герою и умилоствивляют его жертвоприношениями.

48. Так кончил жизнь Дорией. Если бы он согласился подчиниться царю Клеомену и остался в Спарте, то был бы царем Лакедемона: Клеомен царствовал недолго и умер без мужского потомства, оставив по себе одну дочь по имени Горго.

49. Итак, Артистагор, тиран Милета, прибыл в Спарту в царствование Клеомена. По словам лакедемонян, он беседовал с Клеоменом с медной картой в руках; на карте вырезаны были весь круг земной, все море и все реки. Вступая в беседу, Аристагор сказал следующее: «Не удивляйся, Клеомен, той поспешности, с какой я пришел сюда: торопиться вынуждают дела. Для нас самих величайший позор и огорчение, что ионяне находятся в порабощении, а где пользуются свободой; для вас это еще тяжелее, чем для прочих эллинов, потому что вы первенствуете в Элладе. Поэтому эллинскими богами заклинаю вас, освободите от рабства ионян, братьев ваших по крови. Вам легко это сделать; ведь варвары не мужественны, а вы превосходите всех в военной доблести. Вооружение их – луки и короткие копья; в битву идут они в штанах и с тиарами на головах. Итак, легко одолеть их. Притом у жителей того материка столько богатств, сколько нет у всех прочих народов вместе: прежде всего золото, потом серебро, медь, пестрые одежды, вьючный скот и рыбы. Вам нужно только пожелать, и все будет ваше. Живут тамошние народы рядом, один подле другого, так, как я покажу: по соседству с ионянами лидийцы, занимающие страну благодатную и владеющие множеством денег». При этих словах он указал на имевшийся у него очерк земли, вырезанный на доске. «С лидийцами на востоке граничат, – продолжал Аристагор, – фригийцы, из всех известных мне народов богатейший скотом и земными плодами. С фригийцами пограничны каппадокийцы, именуемые у нас сирийцами. К этим последним примыкают киликийцы, доходящие до моря и той части, где лежит остров Кипр; ежегодно они платят царю пятьсот талантов дани. Рядом с киликийцами

живут армении, также богатые скотом, а к армениям примыкают матиены, занимающие вот эту область. На границе с ними лежит Киссия; в ней на реке Хоасп находятся те Сузы, где живет великий царь и где находятся его сокровищницы; овладев этим городом, можете поспорить по богатству с самим Зевсом. Поэтому стоит ли вам из-за области небольшой, не столь благодатной, заключенной в узкие пределы, вступать в битвы с мессенцами, которые к тому же равносильны вам, а также с аркадцами и аргивянами, у которых нет ничего похожего на золото и серебро, из-за чего люди готовы сражаться насмерть. Если для вас так легко овладеть целой Азией, то к чему вам желать чего-либо другого?» Так говорил Аристагор, а Клеомен отвечал ему: «Любезный милетянин, откладываю ответ тебе на третий день». На этом тогда и кончилось.

50. Когда наступил день, назначенный для ответа, и они сошлись в условленном месте, Клеомен спросил Аристагора, сколько дней пути от моря ионян до царя персов. Аристагор, вообще человек хитрый и искусно обманывавший Клеомена, на сей раз ошибся: дело в том, что не следовало говорить правду, если только он желал вывести спартанцев в Азию, а он по правде сказал, что расстояние это равняется трем месяцам пути. Тогда Клеомен оборвал Аристагора на середине речи об этом пути и сказал: «Любезный милетянин, уходи из Спарты до солнечного заката: предложение твое совершенно невыполнимо, если ты желаешь, чтобы лакедемоняне отошли от моря на три месяца пути». Сказав это, Клеомен удалился домой.

51. Тогда Аристагор с оливковой веткой в руках отправился к Клеомену; войдя в дом его, он в качестве молящего о защите просил Клеомена выслушать его, предварительно отослав ребенка из этого покоя; случайно перед Клеоменом стояла дочь его по имени Горго. Это было единственное дитя его, тогда восьми или девяти лет от роду. Клеомен предложил Аристагору говорить, что ему угодно, и присутствием ребенка не стесняться. Аристагор начал с обещания десяти талантов, если Клеомен исполнит его просьбу. Когда Клеомен отверг это, Аристагор стал предлагать все больше и больше, пока не дошел наконец до пятидесяти талантов; тогда ребенок воскликнул: «Иноземец подкупит тебя, отец, если ты не уйдешь отсюда». Обрадованный напоминанием ребенка, Клеомен удалился в другой покой, а Аристагор совсем покинул Спарту, и ему не довелось поговорить о пути к персидскому царю более подробно.

52. На самом деле путь этот таков: на всем протяжении его существуют царские стоянки с прекрасными жилыми помещениями, и

проходит он от начала до конца по стране населенной и безопасной. На пути через Лидию и Фригию, то есть на расстоянии девяноста четырех с половиной парасангов находится двадцать таких стоянок. Из Фригии путь ведет к реке Галис, у которой стоят ворота, а подле них обширное укрепление; проходить через ворота необходимо для того, чтобы переправиться через реку. На протяжении следующей засим Каппадокии до границ Киликии, что составляет сто четыре парасанга, находится двадцать восемь стоянок; в этих пределах необходимо пройти двое ворот и миновать два укрепления. На пути через Киликию в пятнадцать с половиной парасангов находятся три стоянки. Границу Киликии и Армении образует река Евфрат, судоходная для кораблей. В Армении находится пятнадцать стоянок с жилыми помещениями на протяжении пятидесяти шести с половиной парасангов; там же есть и укрепление. На пути из Армении в Матиену находим тридцать четыре стоянки на протяжении ста тридцати семи парасангов. Через эту область протекает четыре реки, судоходных для кораблей, и через все необходимо переправляться. Первая из этих рек – Тигр; вторая и третья носят одно и то же имя – Забат. Но это разные реки, и вытекают они не из одной и той же местности, потому что одна из них течет из Армении, а другая из Матиены. Четвертая река называется Гинд; некогда Кир разделил ее на триста шестьдесят каналов. Отсюда – переход в Киссию, где на протяжении сорока двух с половиной парасангов находится одиннадцать стоянок, до реки Хоасп, также судоходной для кораблей. На этой реке расположен город Сузы. Итак, всех стоянок сто одиннадцать, столько же и жилых помещений находится на пути из Сард в Сузы.

53. По точному измерению на парасанги и при определении одного парасанга в тридцать стадиев, чему он действительно равняется, царский путь от Сард до царского замка, называемого Мемноновым, содержит в себе тринадцать тысяч пятьсот стадиев, или четыреста пятьдесят парасангов. Если на каждый день положить по сто пятьдесят стадиев, то на весь путь требуется ровно девяносто дней.

54. Таким образом, милетянин Аристагор сказал правду лакедемонянину Клеомену, когда определил путь к царю в три месяца. Если кто пожелает знать это еще точнее, то я сообщу, потому что к упомянутой дороге следует прибавить и путь от Эфеса к Сардам: всего от Эллинского моря до Суз, до так называемого Мемнонова города, четырнадцать тысяч сорок стадиев. Действительно, от Эфеса до Сард пятьсот сорок стадиев, благодаря чему трехмесячный путь удлинится еще на три дня.

55. По удалении из Спарты Аристагор направился в Афины, освободившиеся от тирании следующим образом. Гиппарха, сына Писистрата, брата тирана Гиппия, согласно виденному им ясному сновидению, убили Аристокитон и Гармодий, происходившие из древнего рода Гефиреев; однако и после этого афиняне угнетаемы были властью тирана еще в течение четырех лет – не меньше, а скорее больше прежнего.

56. Гиппарх видел такой сон: в ночь, предшествовавшую празднеству Панафиней*, ему снилось, будто подле него стоит мужчина, статный и красивый, и обращается к нему со следующими словами:

Терпеливо сноси, лев, нестерпимые страдания!
Ни один нечестивец не избегает наказания.

Лишь только наступило утро, он тотчас стал советоваться со снотолкователями. Засим, прогнав от себя призрак сновидения, он устроил процессию, во время которой и погиб.

57. Гефиреи, из рода которых были убийцы Гиппарха, происходили первоначально, как сами они говорят, из Эретрии; но, по моим сведениям, они были финикияне из числа тех финикиян, которые вместе с Кадмом прибыли в так называемую теперь Беотию и заняли доставшуюся им на долю Танагрскую область в этой земле. Отсюда кадмейцы вытеснены были сначала аргивянами, а потом Гефиреи были изгнаны беотийцами и обратились в Афины. Афиняне приняли их в число своих граждан на определенных условиях, с тем чтобы они устранены были от многого такого, что не заслуживает упоминания.

58. Те финикияне, что прибыли вместе с Кадмом, к числу которых принадлежали и Гефиреи, со времени занятия Беотии сообщили эллинам множество различных знаний и, между прочим, письменность, до того времени у эллинов не существовавшую. Как мне кажется, кадмейцы сообщили вначале те письмена, которые употребительны у всех финикиян; с течением времени вместе с изменениями в языке они изменили и начертание письмен. В то время бо́льшая часть окрестных местностей подле кадмейцев занята была ионянами; эти последние научились от финикиян их письму, кое-что изменили в начертании букв и пользовались им; при этом они обыкновенно говорили, что письмена, как требовала справедливость, названы финикийскими потому, что в Элладу они занесены финикиянами. Равным образом ионяне издревле называют книги кожами на том основании, что некогда употреблялись

ими для письма козы и овечьи кожи вследствие редкости папируса. Действительно, еще и в мое время многие варварские народы пишут на подобных кожах.

59. Кадмейские письма я сам видел в храме Аполлона Исмения в беотийских Фивах, начертанные на нескольких треножниках, в большинстве сходные с ионийскими письмами. На одном из треножников находится следующая надпись:

Посвятил меня Амфитрион на обратном пути от телебоев.

Это должно было случиться во время Лаия, сына Лабдака, внука Полидора, правнука Кадма.

60. Другой треножник гласит в шестистопных стихах следующее:

Меня, прекраснейший дар, посвятил
Тебе, далеко мечущему Аполлону,
Кулачный боец Скей за одержанную победу.

Скей, должно быть, сын Гиппокоонта, если только это – он, а не кто-либо другой, носивший то же имя, что и сын Гиппокоонта, современник Эдипа, сына Лаия.

61. Третий треножник, также в шестистопных стихах, гласит так:

Треножник, прекраснейший дар, посвящен
Тебе, ясно видящему Аполлону,
Самодержцем Лаодамантом.

В царствование этого самого Лаодаманта кадмейцы вытеснены были аргивянами и отправились к энхелеям. Оставшиеся на месте Гефиреи вытеснены были впоследствии беотийцами и удалились в Афины. Здесь есть сооруженные ими святилища, из которых ни одно не имеет ничего общего с прочими афинскими святилищами; все они отличны от других святилищ, в особенности храм и культ Деметры Ахейской.

62. Итак, мной рассказано, каково было сновидение Гиппарха и откуда происходили Гефиреи, из рода которых были убийцы Гиппарха. В дополнение к этому мы должны вернуться к начатому раньше рассказу о том, как были освобождены афиняне от тирании. Итак, Гиппий правил как тиран и вследствие смерти Гиппарха еще больше

угнетал народ. В это время Алкмеониды, по происхождению афиняне, бежавшие от Писистратидов, пытались было вместе с другими афинскими изгнанниками силой возвратиться на родину; но попытка их не имела успеха: укрепив Лепсидрий, что выше Пеонии, они сделали попытку вернуться в Афины сами и освободить город, но потерпели жестокое поражение. Тогда Алкмеониды, все помыслы свои направившие против Писистратидов, подрядились у амфиктионов соорудить храм в Дельфах, который стоит там теперь и которого в то время еще не было. Будучи людьми богатыми и уже издавна пользуясь доброй славой, они соорудили храм, превосходивший предположенный по плану во многих отношениях, между прочим в том, что передняя часть его сделана была из карийского мрамора, хотя согласно условию они могли весь храм сделать из известкового туфа.

63. По словам афинян, эти Алкмеониды во время пребывания в Дельфах подкупили пифию и тем склонили ее к тому, чтобы она каждый раз, когда будут являться к ней спартанцы за оракулом, от имени ли частных лиц или от государства, требовала от них освобождения Афин. Так как пифия требовала всякий раз одного и того же, то наконец лакедемоняне отправили с войском сына Астера Анхимолия, человека значительного в городе, с поручением изгнать Писистратидов из Афин, хотя они и связаны были с ними теснейшими узами гостеприимства; но дела божеские они ставили выше дел человеческих. Спартанцы послали отряд на судах морем. Анхимолий пристал к берегу в Фалере и там высадил войско. Заранее узнав об этом, Писистратиды призвали вспомогательное войско из Фессалии, потому что с фессалийцами у них заключен был союз. В ответ на требование фессалийцы по общему решению отправили в Афины тысячу человек конницы и царя своего Кинея из города Кония. Имея таких союзников, Писистратиды поступили следующим образом: вырубили деревья на Фалернской равнине, сделали это место удобным для скаковой езды и там расположили свою конницу лагерем против неприятеля. Ударив на лакедемонян, конница истребила многих из них, в том числе и Анхимолия, а оставшихся в живых загнала на корабли. Так печально кончился первый поход лакедемонян, и в Алопеках, в Аттике, есть могила Анхимолия, подле храма Геракла, что в Киносарге.

64. После этого лакедемоняне снарядили уже большее войско и отправили его в Афины под начальством царя Клеомена, сына Анаксандрида, на сей раз не морем, а сушей. По вторжении в Аттику они подверглись прежде всего нападению фессалийской конницы; но она быстро отступила, потеряв сорок человек убитыми, после чего

остальные всадники удалились немедленно в Фессалию. Между тем Клеомен вошел в город и вместе с афинянами, жаждавшими освобождения, осадил тиранов, которые заперлись в Пеларгическом укреплении*.

65. Однако, казалось, лакедемоняне ни за что не одолеют Писистратидов: им не приходило на мысль устроить правильную осаду, а Писистратидаы имели достаточные запасы воды и съестных припасов. После нескольких дней осады лакедемонянам предстояло возвратиться в Спарту. Но вот случилось роковое обстоятельство для одной стороны и счастливое для другой, а именно: дети Писистратидов пытались тайно покинуть Аттику и попали в плен. После этого все планы Писистратидов рушились; за обратное получение детей они сдались на условия, предложенном афинянами, а именно: в течение пяти дней удалиться из Аттики. Засим они удалились в Сигей, что на Скамандре, после тридцатилетнего царствования над афинянами. Писистратиды происходили из Пилоса и древнего рода Нелеидов, из того самого рода, к которому принадлежали Кодр и Меланф со своими родственниками. Переселившись в Аттику, они достигли царской власти над афинянами. В память такого события Гиппократ и дал своему сыну имя Писистрат, назвав его по имени Несторова сына Писистрата. Так освобождены были афиняне от тиранов. Сначала я расскажу о том, что афиняне «совершили достойного упоминания и какие беды претерпели»* прежде, чем восстала Иония против Дария, и милетянин Аристагор явился в Афины с просьбой о помощи.

66. Будучи могущественны и раньше, Афины усилились еще больше по освобождении от тиранов. Преобладанием пользовались у них два человека: Клисфен из рода Алкмеонидов, который, как гласила молва, подкупил пифию, и Исагор, сын Тисандра, из значительной семьи, хотя дальних предков его я не знаю; впрочем, сородичи его совершают жертвоприношения Зевсу Карийскому. Эти лица вели между собой распри за власть, пока побежденный Клисфен не привлек на свою сторону народ. После этого вместо первоначальных четырех колен, на которые делились афиняне, он установил десять, причем отменил названия колен по сыновьям Иона: Гелеонта, Эгикора, Аргада и Гоплета, и приискал для колен имена других героев, местных, кроме Эанта; этого последнего, хотя и чужого, он присоединил как героя – соседа и союзника.

67. Мне кажется, что этот Клисфен поступал так в подражание деду своему по матери Клисфену, тирану Сикиона. Во время войны с аргивянами этот последний прекратил состязания рапсодов в Сикионе

из-за гомеровских поэм, так как в них везде почти прославляются аргивяне и Аргос; потом он возымел сильное желание упразднить то святилище героя Адраста, Талаева сына, которое помещалось на сикионском рынке, стоит там и теперь, – упразднить как святилище аргивянина. С этой целью Клисфен отправился в Дельфы и спросил оракула, не упразднить ли в Сикионе почитание Адраста. Пифия отвечала, что Адраст был царем сикионцев, а он – палач их. Таким образом, божество не дало разрешения. Поэтому, вернувшись домой, Клисфен стал придумывать средство, как бы Адраст сам удалился из Сикиона. Средство такое он нашел: послал в беотийские Фивы сказать, что он желает перевести в Сикион сына Астака Меланиппа. Фиванцы согласились на это, и Меланипп был переселен. Клисфен отвел ему заповедное место подле пританея и там в наиболее укрепленном месте поставил его святилище. Я должен пояснить, что Клисфен перевел Меланиппа в Сикион потому, что герой этот был сильно ненавистен Адрасту, так как умертвил брата его Мекистея и тестя Тидея. Назначив такое место Меланиппу, тиран отнял жертвы и празднества у Адраста и перенес их на Меланиппа. Между тем сикионцы имели обыкновение воздавать Адрасту большие почести, так как страна их принадлежала некогда Полибу, а Адраст был сыном дочери Полиба; умирая бездетным, Полиб передал царскую власть Адрасту. Сикионцы воздавали ему различные почести, между прочим, прославляли в трагических хорах его страдания, поклонялись не Дионису, а Адрасту. Хоры Клисфен возвратил Дионису, а остальную долю чествования перенес на Меланиппа. Так он поступил с Адрастом.

68. Что касается дорийских колен, то тиран дал им другие названия во избежание того, чтобы у сикионцев были те же колена, что и у аргивян. При этом случае он сильно насмеялся над сикионцами, а именно: на колена их перенес названия свиньи и осла, прибавив только новые окончания; одно лишь свое колено назвал он от слова «власть» (αὔγρη). Это последнее колено получило имя архелаев, другое гиатов, третье онеатов, четвертое хереатов. Эти-то названия колен употребительны были у сикионцев как в царствование Клисфена, так и по его смерти еще в течение шестидесяти лет. Впоследствии по общему решению сикионцы переменили эти имена на гиллеев, памфилов и димантов, прибавив к ним четвертое колено, названное эгиалеями по имени Адрастова сына Эгиала.

69. Вот что было сделано сикионцем Клисфеном. Клисфен Афинский был внук Клисфена Сикионского по женской линии и назван именем деда; он презирал ионян, как тот презирал дорийцев, и

поступил так подобно одноименному с ним Клисфену с той целью, чтобы у жителей Аттики не было тех самых колен, что у ионян. Когда он привлек в то время афинский народ на свою сторону, то переименовал наименования колен и увеличил число их; вместо четырех старост колен он установил десять, а демы распределил по десяти на каждое колено. Привлекши народ на свою сторону, он стал гораздо сильнее противников.

70. Теперь Исагор был побежден; поэтому он обратился к следующему средству: призвал на помощь лакедемонского царя Клеомена, связанного с ним узами гостеприимства со времени осады Писистратидов; кроме того, ходила молва, что Клеомен находился в связи с женой Исагора. Прежде всего Клеомен послал в Афины глашатая с требованием изгнать Клисфена и вместе с ним многих других афинян, причем перечислялись те, которые были запятнаны кровавым преступлением; он через глашатая требовал этого по настоянию Исагора. Дело в том, что Алкмеониды и сторонники их были виновны в убийстве, хотя ни сам Клисфен, ни друзья его не были причастны к преступлению.

71. Некоторые афиняне почитались запятнанными кровавым преступлением по следующему случаю: был некогда в числе афинян Килон, победитель на Олимпийских состязаниях. В стремлении к тирании он держал себя надменно, собрал дружину из сверстников и попытался овладеть акрополем, но не мог удержать его за собой и в качестве молящего искал убежища у кумира божества. Правители навкратий*, стоявшие в то время во главе Афин, предложили Килону и его соумышленникам удалиться оттуда, ручаясь в сохранении им жизни. Случилось это до времени Писистрата.

72. Итак, Клеомен требовал изгнания Клисфена и других лиц, запятнанных преступлением; но удалился из Аттики один только Клисфен. Тем не менее Клеомен явился в Афины с небольшим отрядом и распорядился изгнать семьсот афинских семейств, которые были указаны ему Исагором. После этого он пытался было распустить совет* и вручил бразды правления тремстам единомышленникам Исагора. Когда совет обнаружил сопротивление и не пожелал повиноваться распоряжению, Клеомен и Исагор с соумышленниками заняли акрополь. Тогда остальные афиняне, настроенные одинаково с советом, осаждали их в течение двух дней; на третий день лакедемоняне вступили в переговоры, и все, сколько их было, покинули Афины. Так исполнилось изречение жрицы, услышанное Клеоменом: поднимаясь на акрополь с целью занять его, Клеомен вошел в святилище богини* как

бы для того, чтобы поклониться ей. Но прежде, чем он переступил порог, жрица поднялась со стула и воскликнула: «Удались, чужеземец лаконский, не входи в храм: доступ сюда дорийцам возбраняется». «Не дориец я, о женщина, но ахеец», – отвечал Клеомен. Не обратив внимания на это замечание, он прибег к силе, но после осады был изгнан вместе с лакедемонянами; остальных, обреченных на казнь, афиняне заключили в тюрьму, в том числе и дельфийца Тимесифея, о силе и отваге которого я мог бы рассказать много замечательного.

73. Заключенные были казнены. После этого афиняне призвали назад Клисфена и с ним семьсот семейств, изгнанных Клеоменом, и отправили в Сарды посольство для заключения союза с персами, так как были убеждены, что им предстоит война с лакедемонянами и Клеоменом. Когда послы явились в Сарды и объявили то, что им было поручено, сын Гистаспа Артафрен, наместник Сард, спросил, что они за народ, где живут и почему ищут союза с персами. Выслушав послов, он отвечал им следующее: если афиняне дадут царю Дарию землю и воду, то он вступит с ними в союз, если же не дадут, то пускай удаляются. Послы на собственный риск отвечали, что дадут, так как желали заключить союз с персами. Однако по возвращении на родину афиняне подвергли их жестокому осуждению.

74. Считая себя крайне оскорбленным от афинян словом и делом, Клеомен стал собирать войско из целого Пелопоннеса; причем не объявлял цели сборов – наказать афинский народ и поставить тираном в Афинах Исагора, который вместе с Клеоменом удалился из акрополя. С большим войском Клеомен вторгся в Элевсин в то время, как беотийцы согласно заключенному с ними условию заняли крайние думы Аттики, Эною и Гисии; халкидяне напали на Аттику с другой стороны и разоряли ее. Находясь между двух опасностей, афиняне отложили на время расправу с беотийцами и халкидянами и сразились с пелопоннесцами, находившимися в Элевсине.

75. Когда войска готовы были начать битву, прежде всего коринфяне решили между собой, что поступают несправедливо, и повернули назад, за ними последовал другой царь спартанцев, Демарат, сын Аристона, выведший войско из Лакедемона вместе с Клеоменом и раньше не враждовавший с ним. Со времени этого случая издан был в Спарте закон, воспрещающий царям следовать за войском обоим вместе, если войско выступало в поход; до того времени выходили с войском оба царя. Так как один из царей не участвовал в командовании войском, то оставался на месте и один из Тиндаридов; до того времени и оба Тиндарида следовали за войском как его пособники.

76. Когда в Элевсине прочие союзники заметили, что между царями лакедемонян нет согласия и что коринфяне уже покинули их, то и сами удалились. Это было четвертое появление дорийцев в Аттике: дважды вторгались они ради войны, дважды на помощь афинскому народу. Первый раз, когда заселяли Мегары, – поход этот по справедливости может быть назван походом в царствование Кодра; второй и третий раз, когда прибыли из Спарты в Афины для изгнания Писистратидов; четвертый – когда Клеомен во главе пелопоннесцев вторгся в Элевсин. Таким образом, это действительно было четвертое вторжение дорийцев в Аттику.

77. Только после такого позорного окончания этого похода афиняне решили наказать врагов, и прежде всего пошли войной на халкидян. Беотийцы выступили к Еврипу на помощь халкидянам. При виде этих союзников афиняне порешили сделать нападение сначала на беотийцев, а не на халкидян. В сражении с беотийцами они одержали блистательную победу, очень многих положили на месте, а семьсот человек взяли в плен. В тот же самый день афиняне переправились на Эвбею и дали сражение халкидянам; одержав и здесь победу, они поселили на земле гиппоботов четыре тысячи колонистов по жребию*; гиппоботами назывались крупные халкидские землевладельцы. Всех взятых в плен халкидян вместе с беотийскими пленниками афиняне заковали и содержали под стражей; впоследствии они отпустили их на свободу, взяв выкуп по две мины за человека; цепи, в которые пленники были закованы, афиняне повесили в акрополе. Цепи эти сохранились до моего времени; они висят на стенах, обожженных персами, против храма, обращенного на запад. На десятую долю выкупной суммы афиняне сделали медную квадригу и посвятили ее богине; она стоит с левой стороны при входе в пропилеи, что на акрополе, со следующей надписью:

Сыны афинян, одолев в военной брани беотийцев
и халкидян,

Смирили наглость железными оковами и мрачной
темницей,

А на десятую долю добычи поставили Палладе
этих лошадей.

78. Так усилилось могущество афинян. Не один только этот, но вообще все случаи доказывают, как драгоценно равноправие. Действительно, находясь под гнетом тирании, афиняне не могли

одолеть в военном деле никого из своих соседей, а освободившись от тиранов, они заняли бесспорно первенствующее место. Это показывает, что, будучи поработаны тиранами, они были нерадивы, как бы работая на господина; напротив, по достижении свободы каждый из них стал работать усердно для собственного благополучия. В таком положении были афиняне.

79. После этого фиванцы, вознамерившись отомстить афинянам, послали спросить божество. Пифия отвечала, что сами по себе они не могут отомстить, советовала им созвать «многоголосое собрание»* и искать помощи у «ближайших». Вопросители оракула по возвращении от божества велели созвать Народное собрание и объявили ему изречение оракула. Узнав о том, что им следует просить «ближайших», фиванцы сказали: «Разве не ближе всех к нам живут танагрийцы, коронейцы и феспийцы? Но ведь они всегда сражаются вместе с нами и оказывают нам в войне большую помощь. Поэтому зачем же просить их? Наверное, не этот смысл имеет изречение оракула!»

80. Во время совещаний кто-то из фиванцев, слышавших это, заметил: «Мне кажется, я понимаю, что означает данное нам изречение. Говорят, что Фива и Эгина были дочерьми Асопа; так как они – сестры, то, я полагаю, божество велит нам просить эгинцев быть нашими помощниками». Так как это мнение оказалось самым убедительным, то немедленно отправлены были послы просить эгинцев о помощи согласно повелению оракула, ибо они «ближайшие» для фиванцев. В ответ на просьбу о помощи эгинцы обещали послать к ним в союзники Эакидов.

81. Когда фиванцы, полагаясь на союз с Эакидами, попытались счастья и были жестоко разбиты афинянами, то отправили снова послов на Эгину: они возвращали эгинцам Эакидов и просили у них простых смертных. Гордясь чрезвычайным благополучием и вспомнив старую вражду к афинянам, эгинцы в ответ на просьбу фиванцев открыли военные действия против афинян без предупреждения через глашатая. В то время как афиняне заняты были войной с беотийцами, эгинцы поплыли на длинных кораблях в Аттику, разорили Фалер и множество деревень на другой части побережья, чем причинили афинянам жестокую обиду.

82. Давняя вражда эгинцев против афинян началась следующим образом: одно время жителям Эпидавра земля не давала никаких плодов; по этому случаю они обратились к оракулу в Дельфах. Пифия в ответ приказала им поставить кумиры Дамии и Авксесии*, обещая после этого облегчение их участи. Когда эпидаврийцы спросили, из

меди ли сделать кумиры или из камня, пифия не дозволила ни того ни другого, повелев сделать изображения деревянные из домашнего оливкового дерева. Тогда жители Эпидавра просили у афинян дозволения вырезать оливу у них, полагая, что их оливковые деревья наиболее священны; впрочем, говорят, что в то время оливковые деревья были только в Афинах и больше нигде. Афиняне отвечали, что дадут разрешение с тем условием, чтобы эпидаврийцы ежегодно приносили жертвы Афине Палладе и Эрехфею. Эпидаврийцы приняли это условие, получили то, что просили, и поставили кумиры из афинской оливы. Земля Эпидавра стала приносить плоды, а эпидаврийцы исполняли относительно афинян принятые на себя обязанности.

83. В то время и даже раньше еще эгинцы находились вообще в зависимости от жителей Эпидавра и, между прочим, переправлялись в Эпидавр для решения возникавших между ними тяжб. Но после сооружения кораблей они, будучи слишком уверены в своих силах, отложились от Эпидавра. Как враги эпидаврийцев, эгинцы разоряли их, потому что были господами на море, наконец похитили у них изображения Дамии и Авксесии, перенесли их внутрь своей страны и поставили в той местности, которая носит имя Эя, на расстоянии двадцати стадиев от города. Поставленные здесь изображения эгинцы чествовали жертвами и хорами женщин – насмешниц, причем для каждого божества выбиралось по десяти поставщиков хоров; хоры, впрочем, не касались своими насмешками никого из мужчин, осмеивая только местных женщин. Те же самые священнодействия были в обычае и у эпидаврийцев; существовало у них также и тайное священнослужение.

84. Когда изображения эти были похищены из Эпидавра, жители его перестали совершать то, к чему раньше обязались перед афинянами. Афиняне через послов грозили за это мстью эпидаврийцам, но последние же доказывали свою невиновность. Они-де выполняли свои обязанности до тех пор, пока имели изображения на своей земле; а с того времени, как изображения эти отняты у них, несправедливо было бы, чтобы и впредь они доставляли жертвы в Афины; обязанными к тому они называли эгинцев, владевших изображениями. Вследствие этого афиняне отправили послов на Эгину и требовали выдачи кумиров; на это эгинцы отвечали, что у них с афинянами нет никаких дел.

85. По рассказам афинян, после этого требования снаряжена была всего одна трирема с теми гражданами, которые отправлялись от имени целой общины. Явившись на Эгину, они пытались было снять эти

кумиры с оснований, как сделанные из их дерева, для того, чтобы доставить в Афины; не будучи в состоянии овладеть ими таким способом, они забросили на кумиры веревки и стали тянуть их; но в это время ударил гром, сопровождавшийся землетрясением; вследствие этого люди, прибывшие на триреме и тащившие кумиры, обезумели и в таком состоянии убивали друг друга как враги; из всех них уцелел один только, который и возвратился в Фалер. Так это было по рассказам афинян.

86. По словам эгинцев, афиняне прибыли на их остров на нескольких кораблях; один корабль или немного больше эгинцы отразили бы легко, если бы даже у них совсем не было кораблей; но афиняне прибыли в их страну на многих кораблях, и эгинцы отступили перед ними без боя; они только не могут сказать наверное, потому ли они отступили, что чувствовали себя на море гораздо слабее противника, или потому, что вознамерились сделать то, что потом действительно и сделали. Не встретив никакого сопротивления, афиняне сошли со своих кораблей на берег и направились к кумирам. Но, будучи не в состоянии снять их с оснований, закинули на них веревки и так стали тащить, пока с обоими изображениями не случилось следующее (этому я не верю, а кто-нибудь другой, может быть, и поверит): кумиры-де пали перед афинянами на колени и с того времени остались в таком положении навсегда. Так будто бы действовали афиняне. Эгинцы далее рассказывают, что, узнав о намерении афинян идти на них войной, они обеспечили себе содействие аргивян. В то время как афиняне высадились на Эгину, на помощь к эгинцам прибыли аргивяне, тайком переплыв из Эпидавра на остров; афиняне ничего не предчувствовали, как ударили на них аргивяне, отрезав им путь к кораблям; в это же время раздался над неприятелем гром и случилось землетрясение.

87. Вот что рассказывают аргивяне и эгинцы; согласно с ними передают и афиняне, что из числа их воинов спасся только один, который и возвратился в Аттику. Впрочем, по словам аргивян, все аттическое войско за исключением одного человека истреблено было ими, а по словам афинян – божеством, и этот один не остался в живых, но погиб при следующих обстоятельствах. По прибытии в Афины он стал сообщать о несчастье. Жены воинов, отправившихся в поход на Эгину, узнав о том, что из числа всех спасся лишь он один, сильно вознегодовали, обступили его кругом и искололи пряжками от одежды, причем каждая спрашивала, где ее муж. Так погиб этот человек. Поведение женщин показалось афинянам еще ужаснее, нежели самое

поражение. Так как они не могли подвергнуть женщин какому-либо наказанию, то велели им переменить свое одеяние на ионийское. До той поры афинские женщины носили дорийское платье, очень похожее на коринфское; переменили они его на льняной хитон для того, чтобы не употреблять пряжек.

88. На самом деле одеяние это первоначально не ионийское, но карийское. Дело в том, что в древности у всех эллинов женское платье было одно и то же, то самое, которое теперь называется у нас дорийским. По упомянутой выше причине у аргивян и эгинцев вошло для женщин в обычай носить пряжки в половину меньшие против первоначальных и посвящать в храм названных выше божеств преимущественно пряжки. Кроме того, воспрещено было вносить в храм что бы то ни было аттического происхождения, не исключая и глиняной посуды; наконец, установлено пить только из горшков местного изготовления.

89. Аргивские и эгинские женщины вследствие вражды этих островов с афинянами носили до нашего времени пряжки даже большие, нежели прежде, а вражда между эгинцами и афинянами началась так, как рассказано нами выше. Поэтому, когда фиванцы обратились к ним за помощью, эгинцы вспомнили случай с кумирами и охотно оказали помощь беотийцам. Эгинцы стали опустошать побережье Аттики, а афиняне, готовившиеся в поход на эгинцев, получили из Дельф изречение оракула, повелевавшее им воздерживаться от войны в течение тридцати лет со времени нанесения обиды эгинцами, а на тридцать первом году соорудить святилище Эаку и начать войну с Эгиной, тогда они легко получают желаемое. Если же начнут войну тотчас, то за время ее потерпят многие поражения, одержат многие победы и в конце концов сокрушат противника. Выслушав оракула, афиняне соорудили святилище Эаку, то самое, которое и теперь стоит на рынке, но не приняли совета оракула воздерживаться от войны в течение тридцати лет, потому что эгинцы нанесли им обиды.

90. Приготовления афинян к войне задержаны были замыслами лакедонян. Услышав о тех мерах, какие приняты были Алкмеонидами относительно пифии, и о действиях пифии против них и против Писистратидов, они огорчены были вдвойне: и тем, что сами изгнали из их города людей, связанных с ними узами гостеприимства, и тем, что за это не было им никакой признательности со стороны афинян. Возбуждали их сверх того и оракулы, гласившие, что много обид претерпят они от афинян, — изречения оракулов раньше были

неизвестны им, а теперь они узнали их от Клеомена, принесшего изречения в Спарту. Клеомен приобрел эти оракулы в афинском акрополе, а прежде владели ими Писистратиды; во время удаления из Афин они оставили их в храме, а Клеомен взял их оттуда.

91. Добыв изречения оракулов и замечая, что афиняне усиливаются и вовсе не обнаруживают охоты подчиняться им, лакедемоняне сообразили, что в состоянии свободы аттический народ становится равносильным лакедемонскому, тогда как под гнетом тирании он был слаб и покорен. Все это они обстоятельно рассудили и стали приглашать из Сигея, что на Геллеспонте, Гиппия, сына Писистрата. По прибытии приглашенного Гиппия спартанцы созвали послов от своих союзников и обратились к ним с такой речью: «Мы сознаем, союзники, свою ошибку. Благодаря ложным изречениям оракула мы изгнали из отечества людей, тесно связанных с нами узами дружбы и обещавших привести Афины к подчинению нам; после этого мы передали государство неблагоприятному народу, который через нас сделался свободным, поднял голову, обидел нас изгнанием из своего города нашего царя; по мере усиления растет его высокомерие, в чем ясно убедились соседи их, беотийцы и халкидяне, а вскоре убедятся в том и другие эллины, если совершат ошибку. Так как в прежнем образе действий мы ошиблись, то теперь вместе с вами попытаемся наказать афинян. Ради этого-то мы пригласили Гиппия и вас от ваших государств, чтобы согласно общему решению и совокупными военными силами возратить Гиппия в Афины, отдать ему то, что сами отняли у него». Так говорили спартанцы.

92. Большинству союзников не понравилась эта речь, но они хранили молчание. Тогда коринфянин Сокл выступил со следующей речью: «Наверное небо будет под землей, а земля поднимется высоко над небом, местожительством людей станет море, а рыбы поселятся там, где живут люди, если вы, лакедемоняне, решитесь упразднить равноправие и восстанавливать в государствах тиранию, потому что нет ничего среди людей оскорбительнее и кровожаднее, как тирания. Если вам кажется, что управление государств тиранами хорошо, то прежде всего поставьте тирана у себя и только потом пытайтесь назначать его другим. До сих пор вы сами не испытали власти тиранов и сильно остерегаетесь того, как бы в Спарте не было тирании, и с союзниками обращаетесь недостойно. Если бы вы подобно нам испытали власть тиранов, то предложили бы совет более благоразумный, нежели теперь. Коринфяне имели некогда такое государственное устройство: олигархию, причем олигархи, именовавшиеся Бакхиадами, управляли

государством, выдавали дочерей своих замуж и женились только в собственной среде. У одного из олигархов – Амфиона – родилась хромая дочь по имени Лабда; никто из Бакхиадов не хотел жениться на ней; взял ее в жены сын Эхекрата Этион, родом из деревни Петры, в отдаленном колене происходивший от лапифа, а именно Кеня. Ни от этой женщины, ни от какой другой у него не было детей. Тогда он отправился в Дельфы спросить оракула относительно потомства. При входе его пифия тотчас произнесла следующие слова:

Никто, Этион, не чтит тебя подобающими
почестями.
Лабда беременна и родит катящуюся скалу,
Она обрушится на людей власть имущих и
накажет Коринф.

Это изречение оракула каким-то образом стало известно Бакхиадам; и раньше в Коринфе они получили непонятное изречение, означавшее то же самое, что гласил теперь оракул Этиона, а именно:

Забеременеет орел в скалах и родит льва,
Мощного, плотядного; многим сокрушит он
члены.
Хорошо обдумайте это, коринфяне,
Занимающие прекрасную Пирену и высоко
стоящий Коринф.

Таково было изречение, полученное Бакхиадами раньше и тогда непонятое; теперь, услышав об оракуле Этиона, они тотчас поняли и прежнее изречение, так как оно согласовалось с Этионовым. Поняв смысл оракулов, Бакхиады держали, однако, это втайне, решив погубить будущее дитя Этиона. Поэтому, лишь только жена его родила, они отправили десять человек из своих в ту деревню, где жил Этион, с поручением умертвить ребенка. Прибыв в Петру и явившись во двор Этиона, они требовали новорожденного. Не зная, зачем явились эти люди, и предполагая, что они спрашивают ребенка из расположения к отцу, мать вынесла ребенка и вручила одному из них. Дорогой они порешили, что тот из них обязан кинуть ребенка оземь, кто прежде всех взял его. Когда Лабда отдала ребенка, то дитя по соизволению свыше улыбнулось. Этот человек заметил улыбку, и жалость удержала его от убийства. Сжалившись над ребенком, он передал его другому, тот

третьему; так передавался мальчик из рук в руки всеми десятью лицами, потому что никому не хотелось убивать его. Поэтому они возвратили ребенка родительнице и, выйдя вон, остановились у дверей и заспорили, так как все обвиняли друг друга, а больше всего первого взявшего ребенка за то, что он не исполнил общего решения. Наконец, по прошествии некоторого времени они решили войти в дом опять и умертвить мальчика всем вместе. Но Коринфу суждено было претерпеть несчастья от потомства Эетиона. Действительно, Лабда стояла у самых дверей и слышала все происходившее. Она испугалась, как бы они не переменили своего решения, не взяли бы ребенка вторично и не убили его; поэтому мать унесла его и спрятала в надежнейшее место, в ящик: она была убеждена, что если они возвратятся и примутся за розыски, то обыщут все. Так и случилось. Когда посланцы вошли в дом и после розысков не нашли ребенка, то порешили возвратиться домой и объявить пославшим, что они сделали все согласно поручению. По возвращении домой так они и сказали. После этого сын Эетиона стал расти, и ему дано было имя Кипсела от ящика, потому что он избежал грозившей ему опасности благодаря ящику. Когда Кипсел возмужал и обратился за советом к оракулу в Дельфах, то получил двусмысленный ответ и, полагаясь на него, сделал покушение на власть и захватил Коринф. Оракул гласил следующее:

Блажен муж, вступающий в мой дом,
Кипсел, сын Эетиона, царь славного Коринфа,
И он сам, и дети его, но не дети его детей.

Таково было изречение оракула, а по достижении тирании Кипсел вел себя так: многих коринфян сослал, многих лишил имущества и гораздо больше еще казнил. Проществовав тридцать лет, он благополучно кончил жизнь, а власть его наследовал сын Периандр. Сначала Периандр был добрее отца, но после сношений через послов с милетским тираном Фрасибулом он стал еще кровожаднее Кипсела. Так, он отправил к Фрасибулу глашатая и через него спрашивал тирана, каким образом может установить надежнейший и наилучший образ правления. В ответ на это Фрасибул вывел за город прибывшего от Периандра глашатая, пошел на засеянное поле, проходя по ниве, спрашивал глашатая неоднократно, зачем он пришел из Коринфа; при этом срывал каждый колос, который находил выдающимся над прочими колосьями, сорванные колосья бросал прочь и проделывал это до тех пор, пока не истребил таким образом самой лучшей и густейшей части

нивы. Так прошел он по целому полю и отпустил глашатая, не сказав ему ни слова. Когда глашатай возвратился в Коринф и Периандру сильно хотелось услышать совет Фрасибула, то глашатай отвечал, что он удивляется, зачем его послали к человеку помешанному, портящему собственное добро, и при этом рассказал, что было сделано Фрасибулом. Но Периандр понял этот поступок и сообразил, что Фрасибул советует ему казнить выдающихся личностей. С этого времени он стал проявлять относительно граждан всевозможную жестокость. Что уцелело у Кипсела от казней и ссылки, то истреблено было Периандром. Кроме того, однажды велел он раздеть всех коринфских женщин ради жены своей Мелиссы. Дело в том, что тиран отправил послов в Феспотию на реке Ахеронт спросить оракул мертвых* об имуществе, доверенном ему каким-то другом. Появившаяся Мелисса отказалась указать или назвать место, где хранится доверенное добро, потому что она не имеет одежды и зябнет: то платье, которое он похоронил вместе с нею, оказалось для нее совершенно бесполезным, так как оно не было сожжено. В подтверждение справедливости своих слов она выразилась, что Периандр положил хлеб на холодную печь. Извещенный об этом, тиран – довод призрака был для него убедителен, потому что он имел сообщение с Мелиссой, уже умершей, – тотчас сделал распоряжение через глашатая, чтобы все коринфские женщины явились в храм Геры. Женщины отправились как бы на празднество в самых нарядных платьях, а он велел поставленным для этой цели телохранителям раздеть всех женщин без исключения, как свободных, так и служанок их; все платье велел снести в яму, посвятить Мелиссе и сжечь. Когда он сделал это и вторично послал к оракулу, призрак Мелиссы указал то место, где было положено достояние друга. Знайте же, лакедемоняне, что такое тирания и каковы дела ее. Мы были очень удивлены тогда уже, когда узнали, что вы вызвали Гиппия; теперь мы изумлены еще больше, слушая ваше предложение, а потому заклинаем вас эллинскими богами, не восстанавливайте в государствах власти тиранов. Неужели вы не оставите ваших намерений и попытаетесь вопреки справедливости возвратить Гиппия? Знайте, что коринфяне не одобряют вашего поведения». Такова была речь коринфского посла Сокла.

93. В ответ на это Гиппий именем тех же самых богов сказал послу, что коринфяне наверное больше всех прочих пожелают вернуть Писистратидов в те роковые дни, когда подвергнутся обидам со стороны афинян. Гиппий говорил так потому, что точнее всех знал изречения оракулов. Прочие союзники до того времени хранили

молчание; но когда услышали свободную речь Сокла, заговорили все, присоединяясь к мнению коринфянина, и заклинали лакедемонян не посягать на спокойствие эллинского государства.

94. Так кончилось предприятие. Удалившемся из Лакедемона Гиппию македонский царь Аминта предложил для жительства Анфемунт, а фессалийцы – Иолк. Но Гиппий не принял ни одного из этих городов и возвратился снова в Сигей. Раньше город этот взят был Писистратом силой оружия. Писистрат посадил там тираном побочного сына Гегесистрата, родившегося от аргивянки; однако обладание городом не обошлось для него без войны. Действительно, долгое время воевали между собою митиленцы и афиняне, причем базисом военных действий служил для одних город Ахиллей, а для других – Сигей. Митиленцы требовали свой город обратно, а афиняне отрицали их право на него, доказывая, что эолийцы имеют не больше прав на Троянскую землю, как и афиняне и прочие эллины, все те, которые помогали Менелаю отомстить за похищение Елены.

95. Во время этой войны случилось много достопримечательного в сражениях. Между прочим, в одной стычке, в которой победа была на стороне афинян, сбежал поэт Алкей*; афиняне овладели его оружием, которое и повесили в храме Афины в Сигее. Случай этот Алкей воспел в своем стихотворении, которое отослал в Митилену, извещая о своем несчастье друга Меланиппа. Митиленцев и афинян примирил наконец Периандр, сын Кипсела, к которому стороны обратились за третейским судом. Примирение состоялось на том, что каждая из сторон получает ту землю, которой владеет. Таким образом, Сигей поступил во владение афинян.

96. По прибытии из Лакедемона в Азию Писистрат пустил в ход все: он клеветал на афинян перед Артафреном и употреблял всяческие усилия к тому, чтобы Афины находились под властью его и Дария. Пока Гиппий был занят этим, афиняне узнали о его происках и отправили в Сарды послов с поручением убедить персов не верить рассказам афинских изгнанников. В ответ на это Артафрен велел афинянам принять Гиппия к себе обратно, если они желают оставаться невредимыми. Однако афиняне отвергли предложение Артафрена и тем самым решились на открытую борьбу с персами.

97. В то время как афиняне приняли такое решение и вступили во вражду с персами, милетянин Аристагор, будучи изгнан из Спарты лакедемонянином Клеоменом, явился в Афины, так как город этот становился могущественнее прочих городов. Здесь, в Народном собрании, Аристагор говорил то же самое, что и в Спарте: об

имеющихся в Азии богатствах, о персидском способе ведения войны, о том, что персы не употребляют ни щитов, ни копий и что их легко одолеть. Кроме того, он напомнил, что милетяне – афинские колонисты и что по всей справедливости афинянам, как сильнейшим, следует защитить их. Щедрыми обещаниями и настойчивыми просьбами он склонил наконец афинян на свою сторону. Оказалось, что легче провести многих, нежели одного, так как одного лакедемонянина, Клеомена, не мог провести Аристагор, тогда как провел тридцать тысяч афинян*. Вследствие этого афиняне постановили снарядить на помощь ионянам двадцать кораблей под командой достойного во всех отношениях гражданина Меланфия. Эти-то корабли и положили начало бедам как для эллинов, так и для варваров.

98. Аристагор поплыл вперед и по прибытии в Милет употребил следующую хитрость (пользы от нее для ионян не ожидалось никакой, и не ради этого Аристагор придумал ее, но лишь для того, чтобы причинить огорчение Дарию). Он отправил посла во Фригию к пеонам, которые после покорения Мегабазом были переселены туда от реки Стримон; во Фригии они занимали особую местность и деревню. Явившись к пеонам, посол сказал им так: «Меня прислал к вам, пеоны, тиран Милета Аристагор, для того чтобы посоветовать вам средство к освобождению, если только вы пожелаете последовать его совету. В настоящее время против персидского царя поднялась вся Иония, что дает вам возможность возвратиться на родину при следующих условиях: о пути до моря вы должны позаботиться сами, дальше от моря позаботимся о вас мы». Пеоны чрезвычайно обрадовались этому известию и с детьми и женами поспешно направились к морю; только немногие из страха не двинулись с места. По прибытии к морю пеоны переправились на Хиос, и в то время, когда они находились уже на острове, появился большой отряд персидской конницы, следовавший за ними по пятам. Не захватив здесь пеонов, персы послали на Хиос требование к пеонам возвратиться назад; но пеоны отказались повиноваться, а жители Хиоса переправили их со своего острова на Лесбос, лесбосцы – в Дориск, отсюда сухим путем они отправились дальше и прибыли, наконец, в Пеонию.

99. Так действовал Аристагор. Между тем афиняне прибыли в Милет на двадцати кораблях вместе с пятью эретрийскими триремами; эретрийцы выступили в поход не ради афинян, но ради самих милетян, воздавая им за оказанные раньше услуги. Некогда милетяне помогали эретрийцам в войне с халкидянами, между тем как халкидянам против эретрийцев и милетян помогали самосцы. По прибытии этих и прочих

союзников Аристагор предпринял поход на Сарды. Сам он, впрочем, в поход не выступил, но оставался в Милете, назначив в вожди милетян других лиц: родного брата Харопина и одного из их сограждан, Гермофанта.

100. Прибыв с таким войском в Эфес, ионяне покинули свои суда у Кореса в Эфесской области, а сами большой толпой двинулись в глубь материка, пользуясь проводниками из эфесцев. Шли они вдоль реки Каистр, потом перевалили через Тмол и прибыли в Сарды; город взяли они весь, кроме акрополя, без всякого сопротивления. Акрополь охранял сам Артафрен с довольно значительным отрядом.

101. Хотя город был взят, но эллины воздержались от грабежа по следующей причине: дома в Сардах были большей частью тростниковые, и даже кирпичные дома имели тростниковые крыши. Поэтому когда кто-то из воинов поджег один дом, огонь быстро переходил с одного дома на другой и охватил весь город. Во время пожара лидийцы и все находившиеся в городе персы, охваченные со всех сторон пламенем, не имели никакого выхода из города и потому сбежались на рынок к реке Пактол; река эта протекает посередине рынка, несет им с Тмола золотой песок и сливается с рекой Герм, впадающей в море. У Пактола же на рынке собрались лидийцы и персы, где вынуждены были искать защиты. При виде того, как храбро защищаются одни из неприятелей и в каком большом числе наступают другие, ионяне оробели и отступили к горе Тмол, а оттуда с наступлением ночи удалились на свои корабли.

102. Так сожжены были Сарды и в них храм туземной богини Кибелы; впоследствии персы под предлогом возмездия сжигали эллинские храмы. В то время персидские сатрапы, занимавшие округа по эту сторону реки Галис, узнав о случившемся, соединенными силами пошли на помощь лидийцам. Но в Сардах они уже не нашли ионян, а потому пошли следом за ними и настигли их в Эфесе. Ионяне выстроились против персов, вступили с ними в битву, но потерпели жестокое поражение. Персы убили множество знатных ионян, в том числе и военачальника эретрийцев Евалкида, одержавшего несколько побед на играх, на которых победители получают венки, и многократно воспетого Симонидом Кеосским*. Бежавшие из боя ионяне рассеялись по своим городам. Таково было это сражение.

103. После этого афиняне совершенно оставили ионян и, несмотря на настойчивые просьбы Аристагора через послов, отказались помогать им. Таким образом, ионяне лишились союзничества афинян, потому что весьма неудачны были первые действия их против Дария; тем не менее

они готовились к войне с персидским царем. Отплыв к Геллеспонту, ионяне подчинили своей власти все лежащие там города, в том числе и Византий; потом они вышли из Геллеспонта и приобщили к своему союзу бо́льшую часть Карии; даже город Кавн, не желавший раньше вступать в союз, согласился на это после того, как сожжены были Сарды.

104. Добровольно присоединились к ним все жители Кипра, за исключением амафунтцев. Действительно, против царя восстали и киприоты при следующих условиях. Был у них Онесил, младший брат саламинского владыки Горга, сын Херсия, внук Сирома, правнук Евельфонта. Уже и раньше человек этот многократно убеждал Горга отложиться от царя; теперь же, узнав о восстании ионян, он подстрекал его еще настойчивее; но и тогда Горг остался непреклонен. После этого Онесил выждал время, когда Горг вышел из города саламинцев, и вместе со своими единомышленниками запер за ним ворота. Так Горг потерял город и бежал к мидянам, а Онесил приобрел царскую власть над Саламином и склонил к восстанию всех киприотов; так как жители Амафунта не желали следовать его внушениям, то он с войском расположился у их города и стал осаждать его.

105. Когда царю Дарию дали знать о том, что Сарды взяты и сожжены афинянами и ионянами и что главным виновником этого союза был милетянин Аристагор, Дарий при этом известии, как говорят, не обратил никакого внимания на ионян: он был вполне убежден, что возмущение их не останется безнаказанным, но спросил, что за народ афиняне. Потом потребовал лук, положил стрелу на тетиву и пустил ее кверху, в небеса; когда стрела полетела в воздух, Дарий проговорил: «Да исполнится, Зевс*, мщение мое над афинянами!» Сказав это, он велел одному из слуг трижды произносить следующие слова каждый раз, когда он будет садиться за стол: «Владыка! Помни афинян!»

106. После этого царь позвал к себе милетянина Гистиея, которого он давно уже держал при себе, и сказал ему: «Я узнал, Гистией, что на меня восстал преемник твой, которому ты доверил Милет. Против меня он привел людей с другого материка и вместе с ними ионян, которые будут наказаны за свои деяния; этих последних он убедил следовать за первыми и отнял у меня Сарды. Как тебе это кажется? Хорошо это? Каким образом это могло случиться без твоего участия? Смотри, как бы тебе впоследствии не пенять на себя!» «Царь! – отвечал на это Гистией. – Как мог ты это сказать? Мне ли подстрекать кого-нибудь к таким действиям, от которых может последовать для тебя какое-либо огорчение, большое или малое? Чего мне добиваться подобным

поведением? В чем я нуждаюсь? Ведь все, чем ты владеешь, есть и у меня; ты достаиваешь поверять мне твои замыслы. Поэтому если действительно наместник мой делает то, о чем ты говоришь, то, будь уверен, он поступает так по собственному разумению. Я не могу даже допустить мысли, чтобы милетяне и преемник мой учинили переворот в твоём государстве. Если же в самом деле они виновны в чем-либо подобном и если тебе, царь, сообщили правду, то пойми, как неразумно ты поступил, переместив меня от моря внутрь страны. Очевидно, ионяне вследствие того, что я удалился с глаз их, учинили то, к чему давно уже были склонны; если бы я был в Ионии, не поднялся бы ни один город. Поэтому отпусти меня поскорее в Ионию, и я приведу там все в прежнее состояние, а наместника Милета, который учинил это, я смирю и выдам тебе. Клянусь царскими богами, что, исполнив твою волю, я сниму с себя тунику, в которой отправлюсь в Ионию, не раньше, как покорив твоей власти величайший остров Сардинию».

107. Говоря это, Гистией обманывал царя, а Дарий поверил и отпустил его с приказанием явиться обратно к нему в Сузы, лишь только он исполнит свое обещание.

108. В то время, как до царя дошла весть о Сардах, Дарий пустил стрелу из лука, беседовал с Гистиеем, а Гистией был отпущен Дарием и направился к морю, в это время случилось следующее: когда при осаде Амафунта саламинец Онесил был извещен о том, что на Кипре ожидается появление перса Артибия с флотом и большим войском, он рассылал по Ионии глашатаев с просьбой о помощи; ионяне быстро решили дело и прибыли с большим войском на Кипр. Во время появления ионян на Кипре персы на кораблях переплыли из Киликии и сухим путем двинулись на Саламин, а финикияне на своих кораблях объехали кругом оконечность Кипра, именуемую «Ключами Кипра».

109. Ввиду этих событий кипрские тираны созвали вождей ионян и обратились к ним с такой речью: «Мы, киприоты, предоставляем вам, ионяне, на выбор, с кем предпочитаете сражаться: с персами или с финикиянами. Если желаете померяться силами с персами на суше, то вам следует сойти с кораблей и выстроиться на суше; тогда мы взойдем на ваши корабли и будем сражаться с финикиянами. Если, напротив, вы предпочитаете попытать счастья в бою с финикиянами, пускай будет по – вашему; но что бы вы ни выбрали, обязаны действовать так, чтобы Иония и Кипр завоевали себе свободу, насколько это будет зависеть от вас». В ответ на это ионяне сказали: «Общее собрание ионян послало нас оберегать море, а вовсе не для того, чтобы передавать наши корабли киприотам и сражаться с персами на суше; где мы поставлены, там и

постараемся доказать нашу храбрость; вы же должны помнить те бедствия, какие терпите в рабском подчинении персам, и показать себя храбрыми воинами». Таков был ответ ионян.

110. Когда после этого персы вышли на саламинскую равнину, кипрские цари выстроили против них свое войско, причем воины Саламина и Сол были противопоставлены персам, а остальные киприоты были поставлены против других неприятелей. Против персидского вождя Артибия по собственному желанию стал сам Онесил.

111. Артибий ехал на коне, наученном подниматься на дыбы против тяжеловооруженного врага. Узнав об этом, Онесил обратился к своему оруженосцу с такой речью, – оруженосцем его был кариец по происхождению, весьма искусный воин и вообще человек мужественный: «Говорят, что конь Артибия поднимается на дыбы и поражает противника ногами и зубами. Сообрази и тотчас скажи мне, кого желаешь ты подстеречь и убить: коня или самого Артибия». Слуга отвечал на это: «Я готов, царь, исполнить то и другое или одно из двух, вообще все, что бы ты ни приказал; но я скажу, что, по моему мнению, наиболее выгодно для царя: царю и военачальнику подобает сражаться с царем и военачальником. Ибо если ты сразишь военачальника, то стяжаешь себе великую славу; если же, от чего да хранят тебя боги, он сразит тебя, то самая смерть от достойного противника – только половина несчастья; нам, слугам, следует сражаться со слугами и с конем; хитростей коня ты не бойся ничуть. Ручаюсь тебе, что он никогда больше не встанет на дыбы». Так он сказал, и войска немедленно сразились на суше и на море.

112. Ионийский флот сражался в тот день отважно и одолел финикиян. Из ионян более всех отличились самосцы. Сошедшиеся на суше войска сражались с сильным натиском. С военачальниками произошло следующее. Когда Артибий на своем коне ударил на Онесила, Онесил согласно условию с оруженосцем поразил ринувшегося на него Артибия. А когда лошадь закинула ноги на щит Онесила, кариец моментально ударил косой по ногам лошади и отсек их. Военачальник персидский Артибий упал тут же вместе с конем.

113. Во время сражения остальных воинов тиран Курия, Стесенор, во главе значительного отряда предательски покинул поле битвы; эти курийцы почитаются аргосскими колонистами. За убегающими курийцами тотчас последовали боевые колесницы саламинцев. Благодаря этому персы одержали победу над киприотами, которые обращены были в бегство; многие из них пали, в том числе Онесил, сын

Херсия, виновник восстания киприотов, солийский владыка Аристокипр, сын Филокипра, того самого Филокипра, которого афинянин Солон по прибытии на Кипр прославил в стихотворении превыше всех тиранов.

114. Жители Амафунта отрубили голову Онесилу за то, что он осаждал их, понесли ее в город и там повесили над городскими воротами. Когда в висевшей голове образовалась пустота, в ней поселился пчелиный рой и наполнил ее сотами. Ввиду этого амафунтцы обратились с вопросом к оракулу и получили приказание снять голову с ворот и похоронить, а в честь Онесила, как героя, совершать ежегодно жертвы, что послужит им ко благу. Жители Амафунта приносили эти жертвы до моего времени.

115. Когда ионяне, сражавшиеся на море подле Кипра, узнали, что дело Онесила проиграно, что все города, кроме Саламина, находятся в осаде, что саламинцы сдали свой город прежнему владыке Горгу, они немедленно отплыли в Ионию. Из кипрских городов наиболее долго выдерживали осаду Сола, пока наконец персы не подкопали кругом стены его и не взяли город на пятом месяце осады.

116. Таким образом, киприоты пользовались свободой в продолжение одного года, а затем поработаны были снова. Зять Дария Даврис и два других персидских вождя, Гимей и Отан, также зятя Дария, пустились в погоню за теми из ионян, которые пошли войной на Сарды, разбили их в сражении и оттеснили на корабли, потом поделили между собою города и стали опустошать их.

117. Повернув к городам, что на Геллеспонте, Даврис взял Дардан, затем Абидос, Перкоту, Лампсак и Пес, – каждый город был взят всего за один день. На пути из Песа к Парию он получил весть, что карийцы вступили в соглашение с ионянами и отложились от персов. Вследствие этого он повернул свои войска от Геллеспонта и пошел на Карию.

118. Карийцы извещены были об этом раньше, нежели прибыл к ним Даврис. По получении известия они стали собираться к так называемым Белым Столпам на реке Марсий, вытекающей из области Идриады и впадающей в Меандр. Собравшись здесь, карийцы высказывали различные мнения; самое, по – моему, благоразумное принадлежало сыну Мавсола Пиксодару из Киндии, зятю киликийского царя Сиеннесия. По смыслу этого предложения карийцам следовало перейти Меандр и дать сражение так, чтобы река была в тылу войска, чтобы карийцы, не имея возможности обратиться вспять, принуждены были оставаться на месте и показать чудеса храбрости. Однако мнение это не восторжествовало; решено было, что лучше оставить реку в тылу

персов, нежели карийцев, так как в случае бегства и поражения их персы будут бросаться в реку и там погибать безвозвратно.

119. Затем персы прибыли к Меандру и переправились через него, а подле реки Марсий карийцы дали сражение персам; сражение было ожесточенное и продолжительное, но карийцы были побеждены численным превосходством неприятеля. Персов было убито около двух тысяч человек, а карийцев до десяти тысяч. Бежавшие из сражения карийцы укрылись в Лабраиндах, в святилище Зевса Стратия, именно в священной обширной платановой роще. Сколько мы знаем, карийцы одни чтут Зевса Стратия.

120. Во время совещаний карийцев по этому случаю явились на помощь к ним милетяне и их союзники. Тогда от прежних своих решений карийцы отказались и согласились на том, чтобы воевать снова; они вместе с союзниками дали битву наступающим персам, но на этот раз битва кончилась для них еще более жестоким поражением, нежели прежде; много было павших в сражении, причем наиболее пострадали милетяне.

121. Однако с течением времени карийцы оправались от этого поражения и еще раз дали битву. Прослышав, что персы собираются идти войной на их города, карийцы устроили засаду на пути в Педас; персы попали в нее ночью и были истреблены вместе с вождями своими: Даврисом, Аморгом и Сисимаком; с ними погиб и сын Гигеса Мирс. Во главе засевшего отряда стоял Гераклид, сын Ибаноллия из Милас. Так погибли эти персы.

122. Тем временем Гимей, также находившийся в числе преследователей ионян, отправившихся на Сарды, повернул к Пропонтиде и там взял город Киос, что в Мисии. После этого он узнал, что Даврис оставил Геллеспонт и направился против карийцев; поэтому от Пропонтиды Гимей повел войско к Геллеспонту и там завоевал всех эолийцев, занимающих Троянскую землю, взял он также Гергифы, уцелевшие от древних тевкров. Во время завоевания этих городов сам Гимей заболел и умер в Троаде.

123. Наместник Сард Артафрен и третий военачальник Отан получили приказание идти войной на Ионию и прилегающую к ней Эолию. В Ионии они покорили Клазомены, а в Эолии Киму.

124. Вследствие покорения городов милетянин Аристагор пал духом, – тот Аристагор, который поднял Ионию и вызвал большие смуты; теперь он помышлял о выходе из этого положения, так как царь Дарий представлялся ему неодолимым. Поэтому он собрал для совещания своих единомышленников и сказал, что хорошо было бы

иметь им безопасное убежище на тот случай, если они будут изгнаны из Милета; поэтому не желают ли они, чтобы он вывел их отсюда или на Сардинию, где будет устроена колония, или в тот Миркин, что в стране эдонян, который получен был Гистиеем в подарок от Дария и укреплен им. Аристагор предлагал такой вопрос.

125. По мнению прозаического писателя Гекатея, сына Гегесандра, не следовало удаляться ни в одну из названных местностей, но необходимо было соорудить укрепление на острове Лерос, где Аристагор и мог бы жить спокойно в случае изгнания из Милета; с течением времени отсюда он мог бы возвратиться в Милет. Вот что советовал Гекатей.

126. Сам Аристагор наиболее склонялся к тому, чтобы удалиться в Миркин. Милет он доверил знатному гражданину Пифагору, а сам взял с собой охотников и отплыл во Фракию, где и занял ту местность, в которую направился. Выйдя однажды оттуда, он осадил фракийский город и после переговоров о свободном выходе осажденных из города погиб вместе с войском от рук фракийцев.

Книга шестая Эрато

Продолжение истории восстания ионян: участие Гистиея в восстании; битвы при Милете (1–22); самосцы в Сицилии (23–24). Падение Милета; гибель Гистиея (25–32). Дальнейшие победы персов; Мильтиад на Херсонесе; умиротворение Ионии (33–42). Поход Мардония на Элладу (43–49). Спарта: распри между Клеоменом и Демаратом; происхождение царской власти, права и почести царей; смерть Клеомена (50–84). Распри между афинянами и эгинцами (85–93). Поход на Элладу Датиса и Артафрена; битва на Марафоне (94–120). Алкмеониды, виновники освобождения Афин от тирании (121–131). Неудачный поход Мильтиада против Пароса и конец Мильтиада (132–140).

1. Так кончил жизнь Аристагор, виновник восстания Ионии. Между тем тиран Милета Гистией, будучи отпущен Дарием, явился в Сарды. По прибытии Гистиея из Суз наместник Сард Артафрен спросил, какова, по его мнению, причина восстания ионян. Тот отвечал, что не знает, и удивлялся всему случившемуся, будто бы он ровно ничего не знал об этом. Но Артафрен понимал причину восстания и знал, что Гистией притворяется, а потому сказал: «Вот тебе, Гистией,

настоящее положение дела: ты сработал обувь, а Аристагор надел ее». Эти слова Артафрена относились к восстанию.

2. Опасаясь, что Артафрену все известно, Гистией в ближайшую же ночь бежал к морю, обманув таким образом царя Дария: он обещал покорить царю величайший из островов, Сардинию, а теперь тайком принимал на себя предводительство в войне ионян против Дария. По прибытии на Хиос Гистией был схвачен и закован в цепи тамошними жителями, заподозрившими, что по приказанию Дария он замышляет против них козни. Но узнав, в чем дело, что он враг царя, жители Хиоса отпустили его на свободу.

3. После этого на расспросы ионян, почему он так настойчиво подстрекал Аристагора восстать против царя и тем причинил столь тяжкое бедствие ионянам, Гистией не открыл истинной причины, но сказал, что царь Дарий решил было поднять финикиян с их местожительства и поселить в Ионии, а ионян переселить в Финикию: поэтому-де он так и действовал. На самом деле царь ничего подобного не замышлял, а Гистией желал только напугать ионян.

4. После этого Гистией написал письмо к некоторым из находившихся в Сардах персам, как будто они уже раньше говорили с ним о восстании, и отослал эти письма через уроженца Атарнея Гермиппа. Но Гермипп не передал писем тем лицам, к которым был отправлен, а вручил их Артафрену. Узнав, что делается, Артафрен велел Гермиппу отнести и доставить письма тем самым лицам, к которым он был послан, а ответные письма от персов к Гистиею доставить ему самому. Когда все было обнаружено, Артафрен казнил многих персов, и в Сардах было большое уныние.

5. Когда надежда (на восстание) рухнула, жители Хиоса по просьбе самого Гистиея доставили было его обратно в Милет. Но милетяне вкусили уже свободы и, довольные освобождением от Аристагора, вовсе не имели охоты впускать в свою страну другого тирана; и потому, когда Гистией ночью пытался высадиться в Милете, кто-то из жителей города ранил его в бедро; выгнанный из родного города, он обратно прибыл на Хиос. Не успев уговорить хиосцев дать ему корабли, он отплыл оттуда в Митилену и убедил лесбосцев предоставить ему корабли. Снарядив восемь трирем, лесбосцы отплыли вместе с Гистиеем в Византий, расположились там в засаде и захватывали все суда, плывшие из Понта, за исключением тех, кто изъявлял готовность подчиниться Гистиею. Так действовали митиленцы с Гистиеем во главе.

6. Между тем против Милета шло большое войско, морское и сухопутное. Дело в том, что персидские военачальники собрали свои

отряды в одно полчище и двинулись на Милет, пренебрежительно относясь к прочим городам. Во флоте наибольшей воинственностью отличались финикийцы; вместе с ними участвовали в войне недавно покоренные киприоты, а также киликийцы и египтяне.

7. Таковы были войска, шедшие на Милет и вообще на Ионию. При известии об этом ионяне послали своих представителей в Панионий. Прибыв на место и посоветовавшись, они решили вовсе не выставлять войска против персов на суше, а что касается Милета, то жители его сами должны защищать городские укрепления. Флот должен быть снаряжен весь до одного корабля и отправлен как можно скорее к Ладе для защиты Милета с моря (Лада – небольшой остров подле Милета).

8. После этого ионяне снарядили корабли и явились к Милету; вместе с ними были и населяющие Лесбос эолийцы. Расположилось войско в таком порядке: восточное крыло занимали сами милетяне на восьмидесяти кораблях; рядом с ними стояли приенцы на двенадцати кораблях и жители Миунта – на трех. Затем следовали теосцы на семнадцати кораблях, а за теосцами стояло сто хиосских кораблей; кроме того, тут же расположились эрифрейцы и фокейцы, первые на восьми кораблях, а последние на трех; рядом с фокейцами стояло семьдесят лесбосских кораблей; последними стояли, занимая западное крыло, самосцы на шестидесяти кораблях. Общее число всех трирем было триста пятьдесят три. Столько было ионийских кораблей, а варварских – шестьсот.

9. Когда подошли к Милету все варварские корабли и все сухопутное войско, персидские военачальники при известии о числе ионийских кораблей испугались, что они не в состоянии будут одолеть ионийский флот, а без обладания морем не смогут взять Милет и что поэтому им угрожает наказание от Дария. После таких размышлений они созвали ионийских тиранов, которые лишены были власти милетянином Аристагором и бежали к персам, но в то время участвовали в походе на Милет. Созвав тех тиранов, которые были теперь под Милетом, персидские военачальники обратились к ним со следующими словами: «Теперь, ионяне, каждый из вас обязан доказать, что он достоин приема в царском доме; каждый из вас должен постараться отвлечь граждан своего города от остального союзного войска. Предложите им это и обещайте, что за восстание они не подвергнутся никакому наказанию, что не будут сожжены ни храмы их, ни частные жилища, что и впредь они столь же мало будут стеснены, как и прежде. Напротив, если они не уступят нашему требованию и непременно пожелают сражаться с нами, то объявите им с угрозами – а

угрозы исполнятся – что, в случае поражения они будут обращены в рабство, что сыновей их мы кастрируем, дочерей уведем в Бактры, а землю отдадим чужеземцам». Так они говорили.

10. С этим заявлением тираны ионян разослали ночью вестников, каждый тиран к своим согражданам. Но те ионяне, к которым являлось посольство, упорно стояли на принятом решении и не допустили себя к предательству: жители каждого города предполагали, что персы с этим предложением обращаются только к ним.

11. Это случилось тотчас после того, как персы явились в Милет. Впоследствии, когда ионяне собрались у Лады, у них происходили Народные собрания. Там, среди прочих, выступил вождь фокейцев Дионисий со следующей речью: «На лезвии бритвы держится судьба наша, ионяне: быть ли нам в положении свободных или рабов, притом рабов беглых. Если вы решитесь перенести лишения, то в настоящем будет вам тяжело, но вы можете еще одолеть врагов ваших и остаться свободными. Напротив, если будете пребывать в бездействии и неустройстве, то я вполне уверен, что вы не избегнете кары от царя за восстание. Послушайте меня и доверьтесь мне: ручаюсь вам, если только боги справедливы, что или враги вовсе не станут сражаться с нами, или же в случае битвы потерпят поражение». Выслушав это, ионяне доверились Дионисию.

12. После этого он ежедневно выстраивал корабли в длинный ряд, так что один корабль следовал за другим; при этом всякий раз упражнял гребцов в том, чтобы они проводили один корабль между двумя другими; воины должны были облачаться во время упражнений в полное вооружение. Остальную часть дня Дионисий держал корабли на якорях, так что ионяне были обременены работой целыми днями. В течение семи дней они оказывали повиновение и исполняли приказы; но на восьмой ионяне отказались переносить подобный труд и, мучимые лишениями и солнечным жаром, повели между собою такие речи: «За какие грехи перед богами мы терпим все это? Безумцы и сумасшедшие, мы доверились наглому фокейцу, хотя он привел с собою всего три корабля. И вот он прибрал нас к рукам и причиняет нам неисчислимы обиды; многие лежат уже в болезни, многим другим угрожает та же участь. Лучше претерпеть все другое, нежели выносить теперешнее положение, лучше подчиниться рабству, нежели мириться с настоящим. Итак, не будем больше покоряться Дионисию». Таковы были речи ионян. Вскоре после этого никто из воинов не хотел повиноваться Дионисию; ионяне разбили палатки на острове, как будто

составляли сухопутное войско, и сидели в тени, не желая более ни всходить на корабли, ни маневрировать.

13. При виде того, что творится среди ионян, вожди самосцев приняли теперь прежний совет сына Силосонтова Эака относительно предложения персов, когда он предлагал им покинуть ионийский союз. Самосцы приняли этот совет и потому, что замечали полное отсутствие повиновения в среде ионян, и потому, что очевидной казалась им невозможность одолеть могущество персидского царя: они хорошо знали, что, если бы даже тогдашний персидский флот и был разбит, явится против них другой, впятеро больший. Поэтому лишь только самосцы увидели, что ионяне отказывают в повиновении, они воспользовались этим предлогом, потому что очень дорожили сохранением в целости своих храмов и частных домов. Тот Эак, предложение которого приняли самосцы, был сыном Силосонта и внуком Эака; будучи тираном Самоса, он, подобно прочим тиранам Ионии, был лишен власти милетянином Аристагором.

14. Когда после этого выступили вперед на своих кораблях финикияне, ионяне выстроили против них свои корабли в длинный ряд, один за другим. С того момента, как флоты сблизилась и вступили в бой, я не могу определить в точности, какие из ионян в этом морском сражении оказались трусами и какие храбрецами, потому что ионяне взваливают вину друг на друга. Говорят, что в это время самосцы, согласно условию с Эаком, подняли паруса и выступили из боевой линии, за исключением одиннадцати кораблей. Начальники этих судов воспротивились приказанию военачальников, остались на месте и принимали участие в морском сражении; за этот подвиг самосское Народное собрание постановило начертать на столпе имена их и их отцов как доблестных граждан; столп этот и теперь стоит на рынке. При виде бегства соседей своих, самосцев, лесбосцы сделали то же самое, равно как и большинство ионян.

15. Из числа ионян, оставшихся на месте сражения, хиосцы подверглись жесточайшему натиску, прославили себя блестящими подвигами и стойкостью. Как сказано выше, хиосцы доставили сто кораблей, а на каждом корабле было по сорок воинов из отборных граждан. Хотя они видели, как предательски действовало большинство союзников, но считали недостойным себя уподобляться трусам и, покинутые с ничтожным числом союзников, поддерживали сражение, пробиваясь между неприятельских судов; много кораблей они захватили, но потеряли бо́льшую часть своих.

16. На уцелевших кораблях хиосцы бежали в свою землю; напротив, все те, корабли которых вследствие повреждений становились негодными к употреблению, бежали, преследуемые неприятелем, к Микале, там вытащили корабли свои на берег и покинули их, а сами пешком отправились по материку. На пути хиосцы вошли в Эфесскую область как раз в ту ночь, когда эфесские женщины совершали празднество Фесмофорий. Эфесцы, ничего прежде не слыхавшие о положении хиосцев, теперь, при виде вторгнувшегося в их землю войска, были твердо убеждены, что имеют перед собой разбойников, посягающих на их женщин, устремились толпой из города на защиту своих и перебили хиосцев. Таковы были несчастья, со всех сторон обрушившиеся на хиосцев.

17. Между тем фокеец Дионисий, видя, что дело ионян проиграно, с тремя захваченными неприятельскими кораблями не вернулся назад в Фокею, так как хорошо знал, что она будет порабощена вместе с остальной Ионией. Он направился прямо в Финикию, там затопил несколько ластовых судов, похитил большую сумму денег и отплыл в Сицилию. Выходя оттуда в море, он занимался морским разбоем, причем никогда не нападал на эллинов, но на карфагян и тирренцев.

18. Разбив ионян в морском сражении, персы осадили Милет с суши и с моря, подкопали стены, употребили всевозможные средства и окончательно взяли город на шестом году после восстания Аристагора; жители его обращены были в рабство, что согласовывалось с изречением оракула Милету.

19. Дело в том, что, когда аргивяне обратились к дельфийскому оракулу за советом о том, как спасти им свой город, получено было общее изречение: часть его касалась действительно аргивян, другая, добавочная, относилась к милетянам. О первом из этих изречений, касавшемся аргивян, я скажу впоследствии, когда до них дойдет мое повествование; изречение милетянам, хотя и не присутствовавшим там, гласило следующее:

Тогда и ты, Милет, свершитель преступных
деяний,
Станешь яством для многих и превосходным
подарком,
Жены твои будут омывать ноги многим мужчинам
с длинными волосами,
И забота о нашем храме в Дидимах* будет лежать
на других.

Это и случилось с милетянами, когда бо́льшая часть мужского населения была истреблена персами, «носящими длинные волосы», когда жены и дети милетян низведены были к положению рабов, когда то святилище, что в Дидимах, с храмом и оракулом, было сожжено. О сокровищах, хранившихся в этом святилище, я упоминал неоднократно в других местах своего повествования.

20. Взятые в плен милетяне отведены были в Сузы. Царь Дарий не сделал им ничего дурного и поселил их у так называемого Эрифрейского моря, в городе Ампе, мимо которого протекает река Тигр, здесь же изливающаяся в море. Что касается Милетской области, то окрестности города и равнину заняли сами персы, а горные местности отданы были в собственность карийцам педасейским.

21. После того как милетянам персы причинили столько бед, сибариты, лишенные родины и занявшие Лаос и Скидрос, не оплатили им равной монетой. По взятии Сибариса кротонцами все милетяне без различия возраста остригли себе волосы и горько печалились: действительно, из всех известных нам городов Сибарис и Милет находились между собой в наиболее тесной дружбе. Совершенно иначе поступили афиняне: чрезвычайную скорбь свою по поводу падения Милета они выразили различными способами. Так, между прочим, весь театр залился слезами во время представления пьесы, сочиненной Фринихом, «Падение Милета»*; на поэта они наложили пеню в тысячу драхм за напоминание о близких им несчастьях и запретили кому бы то ни было ставить эту пьесу на сцене.

22. Итак, Милет потерял своих жителей. Богатые самосцы сильно не одобряли образа действий своих военачальников относительно мидян; после морского сражения они тотчас собрались на совет и решили отплыть на новое местожительство, прежде чем возвратится в их землю тиран Эак, а не оставаться на острове в рабском подчинении у мидян и Эака. В то же самое время занклеяцы из Сицилии отправили в Ионию послов, приглашая ионян на Благодатный Берег: здесь желали они основать ионийский город. Этот так называемый Благодатный Берег, Кале Акте, есть область Сицилии, лежащая на той стороне ее, которая обращена к Тиррении. Следуя этому приглашению, отправились из числа ионян одни только самосцы и вместе с ними избежавшие гибели милетяне.

23. Тем временем случилось следующее: на пути в Сицилию самосцы прибыли уже в эпизефирийские Локры, а занклеяцы с царем своим, Скифом, во главе расположились вокруг сицилийского города с

целью взять его. При известии об этом тиран Регия, Анаксилай, в то время враждовавший с занклейцами, вошел в толпу самосцев и убеждал их, что Благодатный Берег, куда они плывут, следует оставить, а занять Занклу, покинутую в то время жителями. Самосцы последовали совету и овладели Занклой. Услышав о взятии своего города, занклейцы тотчас устремились к городу и призвали на помощь тирана Гелы Гиппократ; Гиппократ был их союзником. По прибытии с войском на помощь к ним, Гиппократ велел заковать в цепи самодержца Занклы Скифа за то, что он погубил город, равно как и брата его Пифогена, и сослал их в город Иник. С остальными занклейцами он поступил предательски, потому что заключил союз с самосцами, скрепленный обоюдными клятвами. В награду за это Гиппократ выговорил себе у самосцев следующее: половину всей движимости и рабов из того, что в городе, и все достояние с полей. Бо́льшую часть занклейцев он держал в оковах на положении рабов, а знатнейших из них в числе трехсот выдал на казнь самосцам. Однако самосцы не казнили их.

24. Самодержец Занклы Скиф бежал из Иника в Гимеру, а оттуда прибыл в Азию и отправился к царю Дарию. Дарий почитал его честнейшим человеком из всех тех, которые являлись к нему из Эллады. С разрешения царя он возвращался в Сицилию, но оттуда прибыл назад к царю и здесь умер в старости очень богатым человеком. Между тем самосцы по освобождении от мидян без труда заняли прекраснейший город Занклу.

25. После морского сражения у Милета финикияне по приказанию персов восстановили на Самосе Эака, сына Силосонтова, так как он был для персов человеком очень полезным и оказал им важные услуги. Из всех восставших против Дария у одних только самосцев не были сожжены ни святилища, ни город в награду за то, что корабли их покинули союзников во время морской битвы. Вслед за покорением Милета персы овладели Карией, причем одни города покорились добровольно, а другие завоеваны были силой. Так происходило все это.

26. О судьбе Милета извещен был милетянин Гистией в то время, как находился еще у Византия и захватывал ионийские торговые суда, выходившие из Понта. Тогда дела геллеспонтские он передал сыну Аполлофана Бисальту, уроженцу Абидоса, а сам с лесбосцами отплыл на Хиос; в так называемых Лощинах в Хиосской земле имел стычку со стражей, не желавшей пропустить его на остров. Многих из стражи он перебил и, используя Полихну, как точку отправления, завладел при помощи лесбосцев остальными жителями Хиоса, так как они сильно пострадали в морском сражении.

27. Обыкновенно божество посылает предзнаменование, если городу или народу угрожают тяжкие бедствия; так и у хиосцев были важные знамения перед этими событиями. Во – первых, когда они послали в Дельфы хор из ста юношей, то возвратилось из них только двое; остальные девяносто восемь погибли от чумы. Во – вторых, в это же самое время, весьма незадолго перед морским сражением, на детей, обучавшихся в школе, обрушилась крыша, так что из ста двадцати детей спасся только один. Таковы были предшествовавшие знамения от божества. Случившаяся после этого морская битва сокрушила государство, а за битвой следовало появление лесбосцев с Гистиеем во главе, и так как хиосцы были уже ослаблены, то он без труда покорил их своей власти.

28. Отсюда Гистией пошел войной на Фасос с большим числом ионян и эолийев. Во время осады Фасоса пришла к нему весть, что финикияне выступили на кораблях из Милета против остальных местностей Ионии. Услышав об этом, он оставил Фасос нетронутым, а сам поспешно со всем войском направился к Лесбосу; здесь войско его терпело голод, и потому Гистией переправился на материк, для того чтобы собрать хлеб в Атарнее и на равнине Каика в Мисийской области. В этих местах случайно находился Гарпаг, персидский предводитель значительного войска; он дал сражение вышедшему на сушу Гистиею, взял его самого в плен, а боольшую часть войска его истребил.

29. Гистией попал в плен при следующих обстоятельствах: во время сражения эллинов с персами при Малене, лежащей в Атарнейской земле, оба войска долгое время сражались с равным успехом, пока наконец персидская конница не ударила стремительно на эллинов и не решила дела: эллины обращены были в бегство, а Гистией в надежде, что царь не казнит его смертью за содеянную вину, обнаружил привязанность к жизни в следующем поступке. Когда некий перс настиг его на бегу и уже готовился проколоть, Гистией заговорил с ним на персидском языке и дал знать, что он – Гистией из Милета.

30. Если бы по взятии в плен он был доставлен к царю, то, мне кажется, не подвергся бы никакому наказанию и царь простил бы ему вину; но именно поэтому-то, а также из опасения, как бы он не бежал снова и не приобрел силы у царя, наместник Сард Артафрен и взявший его в плен Гарпаг велели привезти Гистиея в Сарды (и казнить), труп его распять на кресте, а голову набальзамировать и отнести царю Дарию в Сузы. Узнав об этом, Дарий выразил порицание Артафрену и Гарпагу за то, что они так поступили с Гистиеем и что не привели его живым к царю; голову Гистиея он велел обмыть и подобающе

похоронить, как голову человека, оказавшего большие услуги ему самому и персам. Такова судьба Гистиея.

31. Персидский флот провел зиму в водах Милета, а на следующий год выступил снова в открытое море и без труда овладел островами, лежащими подле материка: Хиосом, Лесбосом и Тенедосом. Всякий раз при взятии того или другого острова персы ловили жителей его сетями, поступая при этом таким образом: брали друг друга за руки и становились в ряд на всем протяжении от северного побережья моря до южного, затем проходили через весь остров, охотясь на людей. Подобным способом завоевывали они и материковые ионийские города с той лишь разницей, что в этих последних не ловили людей сетями: здесь это было невозможно.

32. После этого персидские военачальники привели в исполнение угрозы, с коими обращались к ионянам, когда те стояли против них вражеским станом. По взятии городов они отбирали красивейших мальчиков, кастрировали их и обращали в евнухов, а красивейших девушек отрывали от очагов их и отсылали к царю; кроме того, они предавали пламени города вместе со святилищами. Так поработены были ионяне в третий раз; первый раз мидянами, а два следующих – персами.

33. Удалившись от Ионии, флот персидский занялся завоеванием всего того побережья Геллеспонта, что лежит налево от входа в пролив; местности, лежавшие на правом побережье, со стороны суши были покорены уже самими персами. Местности, прилегающие к Геллеспонту в Европе, следующие: Херсонес с большим числом городов, затем Перинф, укрепленные пункты на фракийском берегу, наконец, Селимбрия и Византий. Византийцы и противолежащие им калхедоняне не дожидались прибытия финикийян, покинули свои земли и удались в Евксинский Понт, где и заняли город Месамбрию. Финикийяне выжгли поименованные здесь местности и направились к Проконнесу и Артаке, предали их пламени и поплыли снова к Херсонесу с целью разрушить оставшиеся в целости города, которых они не опустошили раньше. На Кизик они не пошли совсем, потому что до прибытия еще финикийян кизикийцы добровольно подчинились персидскому царю на условиях, заключенных с наместником Даскилея Эбаром, сыном Мегабаза.

34. За исключением Кардии, все прочие города Херсонеса покорены были финикийянами. Власть тирана в этих городах принадлежала в то время Мильтиаду, сыну Кимона, внуку Стесагора. Власть эту первоначально приобрел Мильтиад, сын Кипсела,

следующим образом. Херсонесом владело фракийское племя долонков; теснимые войной со стороны апсинтиев, они отправили царей своих в Дельфы спросить оракула относительно войны. Пифия отвечала, что им следует пригласить в свою страну, как основателя колонии, того человека, который первый предложит им угощение на обратном пути их от святилища. Долонки возвращались священным путем, что ведет через Фокиду и Беотию; так как здесь никто не приглашал их, то они направились в сторону Афин.

35. В то время в Афинах вся власть принадлежала Писистрату, но влиянием пользовался и сын Кипсела Мильтиад, из дома, содержавшего четверни для состязаний; по своим отдаленным предкам он происходил от Эака с Эгины, а по ближайшим был афинянином: первым жителем Афин из этого дома был сын Эанта Филей. Сидя у дверей своего дома, этот самый Мильтиад заметил проходящих мимо долонков в иноземном одеянии и вооруженных копьями, подозвал их к себе и предложил приют и угощение. Те приняли предложение и после угощения сообщили все, что было сказано оракулом, затем просили его повиноваться велению божества. При известии об этом Мильтиад тотчас внял просьбе долонков, потому что тяготился владычеством Писистрата и желал удалиться с глаз его. Немедленно он отправился в Дельфы узнать от оракула, поступить ли ему так, как просят долонки.

36. Когда повелела то же самое и пифия, сын Кипсела Мильтиад, раньше уже одержавший четверней своей победу на Олимпийских состязаниях, взял с собой тех афинян, которые желали принять участие в выселении, и отплыл вместе с долонками; он занял эту землю, а пригласившие его долонки облекли его властью тирана. Прежде всего он оградил стеной перешеек Херсонеса от города Кардии до Пактии, для того чтобы апситии не могли более вторгаться в эту землю и опустошать ее. Перешеек этот содержит в себе тридцать шесть стадиев, а длина всего Херсонеса по эту сторону перешейка определяется всего в четыреста двадцать стадиев.

37. Укрепив стеной перешеек Херсонеса и защитившись таким образом от апсинтиев, Мильтиад начал войну прежде всего с лампсакийцами; но он попал в засаду и был взят живым в плен. Мильтиад пользовался уважением лидийского царя Креза, который, узнав о постигшей Мильтиада участи, отправил послов к лампсакийцам с приказанием отпустить пленника, в противном случае угрожал вырубить их как сосновое дерево. Лампсакийцы долго блуждали в догадках о том, какой смысл имеет угроза Креза – вырубить их как сосну, наконец кто-то из старших возрастом объяснил подлинное

значение угрозы, а именно: что из всех деревьев одна только сосна, будучи вырублена, вовсе не пускает от себя отростков и погибает окончательно. Лампсакийцы испугались Креза и отпустили Мильтиада на свободу.

38. Таким образом, Мильтиад спасся благодаря Крезу. После того он умер бездетным, оставив и власть, и богатство свое Стесагору, сыну единоутробного брата своего Кимона. Со времени смерти Мильтиада жители Херсонеса чествуют его подобающими жертвами как вождя колонии, устраивая при этом состязания конные и гимнастические, в которых никто из лампсакийцев не участвует. Во время войны с лампсакийцами погиб и Стесагор, также не оставив детей; поразил его в пританее* топором в голову человек, выдававший себя за перебежчика, а на самом деле злейший враг его.

39. После смерти Стесагора Писистратиды снарядили трирему для Кимонова сына Мильтиада, брата умершего Стесагора, и отправили его на Херсонес для принятия управления в свои руки; Писистратиды дружески обращались с Мильтиадом и в Афинах, как бы совсем непричастные к смерти отца его Кимона, о которой я расскажу в другом месте моего повествования*. По прибытии на Херсонес Мильтиад не выходил из дому как бы из почтения к памяти брата Стесагора. Услышав об этом, знатнейшие херсонесцы собрались к нему толпой от всех городов, чтобы выразить участие к его горю, но Мильтиад велел их заковать в цепи. Так завладел он Херсонесом и с того времени содержал при себе пятьсот наемников; женился он на Гегесипиле, дочери фракийского царя Олора.

40. Вскоре после того, как этот Мильтиад, сын Кимона, снова прибыл на Херсонес, постигла его другая беда, еще больше прежней: за два года до того он спасся бегством от скифов. Дело в том, что раздраженные Дарием скифы – кочевники собрались вместе и дошли до этого Херсонеса. Мильтиад не стал дожидаться вторжения скифов и бежал из Херсонеса; только по уходе скифов долонки возвратили его на Херсонес. Вот что случилось с ним за два года до постигшей его новой беды.

41. Узнав, что финикияне находятся на Тенедосе, Мильтиад нагрузил свои наличные сокровища на пять трирем и отплыл в Афины. Так как он отправлялся от города Кардии, то должен был плыть через Черный залив: в то время как он огибал Херсонес, на корабли его напали финикияне. Сам Мильтиад с четырьмя кораблями спасся на Имбросе, а пятый корабль попал в руки гнавшихся за ними финикиян. Случилось так, что начальником этого судна был старший сын

Мильтиада Метиох, прижитый не от дочери фракийца Олора, а от другой женщины. Вместе с кораблем финикияне взяли Метиоха и, узнав, что он сын Мильтиада, доставили его к царю в надежде получить от него большую благодарность: Мильтиад известен был тем, что советовал иоаньянам принять предложение скифов, когда скифы просили их снять мост и отплыть домой. Дарий не сделал с Мильтиадовым сыном Метиохом, доставленным к нему финикиянами, ничего дурного, напротив, сделал ему много хорошего: подарил дом, поместье, выдал за него женщину – персиянку; дети от нее причислены были к персам. С Имброса Мильтиад прибыл в Афины.

42. В этом году со стороны персов не было относительно ионян никаких враждебных действий; напротив, год этот принес ионьянам кое-что очень полезное. Наместник Сард Артафрен вызвал из городов представителей и заставил иоаньян заключить между собой договор, обязывающий их решать споры судом, не грабить и не обижать друг друга. Иоаньяне принуждены были принять это. Артафрен, кроме того, измерил страну их парасангами, как называют персы меру в тридцать стадиев, и соответственно количеству парасангов наложил дань на каждую область. С того времени и до настоящего неизменно сохранилась эта подать в том виде, как установил ее Артафрен, а он установил ее приблизительно на тех же самых основаниях, на каких она существовала и раньше. Меры эти умиротворили Ионию.

43. С наступлением весны персидский царь отпустил по домам всех прежних военачальников; только сын Гобрива Мардоний, человек молодой и лишь недавно женившийся на дочери царя Дария Артозостре, выступил к морю с огромным сухопутным войском и с большим флотом. Придя с этим войском в Киликию, он сам сел на корабль и продолжал путь вместе с флотом, между тем как прочие вожди вели сухопутное войско к Геллеспонту. На пути вдоль Азии Мардоний пришел в Ионию, где случилось нечто поразительное для тех из эллинов, которые не верят, будто Отан высказался в среде семи персов о необходимости народного управления государством: Мардоний лишил власти всех ионийских тиранов и восстановил по городам демократию. После этого он поспешно направился к Геллеспонту. Когда снаряжены были в большом числе корабли и собралось огромное сухопутное войско, персы переправились на кораблях через Геллеспонт и двинулись дальше по Европе, на Эретрию и Афины.

44. Города эти были только предлогом к походу. На самом деле персы замыслили покорить возможно большее число эллинских

городов. Прежде всего с помощью флота они взяли Фасос без всякого сопротивления со стороны жителей, а сухопутное войско покорило македонян в добавление к тем народам, которые находились уже под властью царя; действительно, все народы по эту сторону Македонии были ранее покорены персами. От Фасоса персидское войско переправилось к матерiku и продолжало путь вдоль берега до Аканфа, а выйдя оттуда, начали огибать Афон. В это самое время ударил на них с непреодолимой силой северо – восточный ветер, от которого жестоко пострадал флот, потому что многие корабли были отброшены к Афону; рассказывают, что при этом погибло триста кораблей и больше двадцати тысяч человек. Так как море вокруг Афона изобилует хищными рыбами, то многие были съедены, другие разбились о скалы, третьи утонули, потому что не умели плавать, четвертые умерли от холода. Такова была участь флота.

45. Между тем на Мардония и его войско, расположившееся лагерем в Македонии, ночью напали фракийцы из племени бригов. Многих персов бриги перебили, и сам Мардоний был ранен. Однако и бриги не избежали подчинения персам, потому что Мардоний не раньше покинул эти местности, как после покорения жителей их. Засим он отступил назад, так как сухопутное войско его сильно пострадало от бригов, а флот подле Афона. Итак, персидские полчища возвратились в Азию с позором.

46. В следующем году после этого Дарий послал, прежде всего, вестника к фасосцам с приказанием срыть свои стены и доставить флот в Абдеры: соседи взвели на фасосцев клевету, будто они замышляют восстание. Действительно, со времени осады милетянином Гистиеем, благодаря значительным общественным доходам, фасосцы употребляли деньги на постройку длинных кораблей* и на возведение сильной стены вокруг города; доходы шли им с материка и с золотых приисков. Так, из приисков в Скаптегиле они получали всего восемьдесят талантов, фасосские россыпи приносили меньше, но все-таки так много, что жители Фасоса, свободные к тому же от подати с полевых плодов, получали с материка и со своих россыпей в общей сумме каждый год двести талантов, а наибольший годичный доход простирался до трехсот талантов.

47. Я сам видел эти прииски. Наиболее замечательны из них те, что открыты были финикиянами, которые с Фасосом во главе заселили этот остров, названный так по имени Фасоса, сына Фойника. Финикийские прииски на Фасосе находятся между двумя местностями, носящими

имена Эниры и Кениры, напротив Самофракии; это – большая гора, изрытая в поисках руды. Таковы эти прииски.

48. Согласно приказанию царя фасосцы срыли свои стены и все корабли переправили в Абдеры. После этого Дарий вздумал испытать настроение эллинов, намерены ли они вести с ним войну или готовы покориться сами. С этой целью он разослал по различным частям Эллады глашатаев с требованием земли и воды царю. В то же время других глашатаев он послал в приморские города, платившие дань, с приказанием сооружать длинные корабли и суда для переправы лошадей; города и занялись приготовлением этого.

49. Многие из обитателей эллинского материка дали явившимся к ним глашатаям то, чего от них требовал персидский царь, а островитяне поступили так все, к кому из них ни являлись глашатаи; в числе прочих островитян и эгинцы дали Дарию землю и воду. Лишь только эгинцы сделали это, как им стали угрожать афиняне, предполагая, что эгинцы действуют так из вражды к ним, чтобы напасть на них вместе с персидским царем. Они с радостью воспользовались этим предложением для того, чтобы отправиться в Спарту и обвинить эгинцев в предательском образе действий относительно Эллады.

50. В ответ на это обвинение спартанский царь Клеомен, сын Анаксандрида, отправился на Эгину с целью захватить наиболее виновных эгинцев. Когда он попытался схватить их, некоторые из эгинцев оказали ему противодействие, больше всех – сын Поликрата Криос. Криос объявил, что никто из эгинцев не будет уведен безнаказанно, потому что, говорил Криос, Клеомен действует так не от имени спартанского государства, но вследствие денежного подкупа со стороны афинян; в противном случае он пришел бы вместе с другим царем. Так говорил Криос по внушению Демарата. Собираясь покинуть Эгину, Клеомен спросил Криоса, как его имя, и когда тот назвал себя, Клеомен заметил: «Ну, баран*, покрой же медью свои рога, потому что будешь иметь дело с большой бедой».

51. Между тем остававшийся в Спарте сын Аристора Демарат старался оклеветать Клеомена. Демарат также был царем спартанцев, но происходил из менее значительного дома; вообще дом этот не был ниже другого, так как оба происходили от одного и того же предка, но большим почетом пользуется потомство Еврисфена по праву первородства.

52. Вопреки всем уверениям поэтов, лакедемоняне рассказывают, что сам царь Аристодем, сын Аристомаха, внук Клеодея, правнук Гилла, а вовсе не сыновья Аристодема привел их в ту страну, которую

они теперь занимают. Спустя немного родила жена Аристодема по имени Аргея, по рассказам, дочь Автесиона, внучка Тисамена, правнучка Ферсандра, праправнучка Полиника. Родила же она двойню, а Аристодем только взглянул на детей и умер от болезни. Далее рассказывают, что лакедемоняне, в то время облеченные властью, решили согласно закону назначить царем старшего сына; однако не могли сделать выбора из двух сыновей, так как они были весьма схожи и по росту одинаковы. Будучи не в состоянии решить, который из детей старше, или же раньше еще они обратились с вопросом к матери; но и та не могла решить этого; она, впрочем, хорошо знала разницу между детьми, но говорила так лишь из желания, чтобы, если возможно, оба сына были царями. Лакедемоняне недоумевали и для разрешения недоумения отправили в Дельфы посла спросить оракула, как им поступить. Пифия приказала почитать царями обоих детей, но выше чтить старшего. Несмотря на этот ответ пифии, лакедемоняне тем не менее недоумевали, как им отличить старшего ребенка, пока не дал им совета мессенский уроженец по имени Панит, а посоветовал он лакедемонянам следующее: наблюдать за родительницей, какого ребенка она прежде будет обмывать и кормить; если окажется, что она всегда поступает одинаково, то они узнают все, чего добиваются, и что так желательно им открыть; если же она будет ошибаться и отдавать первенство то одному, то другому ребенку, тогда станет ясно, что ей известно не больше, нежели им, и что эфоры должны обратиться к другому средству. Согласно совету мессенца спартанцы стали наблюдать за матерью и заметили, что она неизменно отдавала предпочтение одному из мальчиков, старшему, как в кормлении, так и в обмывании; при этом женщина не знала, ради чего наблюдают за ней. Того ребенка, который благодаря своему старшинству постоянно пользовался предпочтением родительницы, лакедемоняне воспитывали в общественном здании и называли Ерисфеном, а другого Проклом. Говорят, что братья по достижении зрелого возраста, несмотря на родственные между ними узы, враждовали друг с другом до конца жизни, как враждуют непрерывно и потомки их.

53. Так из всех эллинов повествуют, впрочем, одни лишь лакедемоняне, а вот что передам я на основании общеэллинических рассказов: эти цари дорийцев, вплоть до Персея, сына Данаи, если только исключить божество, правильно исчисляются эллинами и считаются эллинского происхождения, ибо тогда они принадлежали уже к эллинам. Я сказал: «вплоть до Персея» и не восходил дальше потому, что Персей не носит никакого добавочного имени по смертному отцу

наподобие того, как у Геракла есть отец Амфитрион. Следовательно, я совершенно верно сказал: «вплоть до Персея». Если кто пожелает подняться выше Данаи, дочери Акрисия, к более древним предкам их, то убедится, что вожди дорийцев по своему первоначальному происхождению были подлинными египтянами. Такова родословная их, по рассказам эллинов.

54. По словам персов, эллином сделался сам Персей, ассириец по происхождению, а не предки его; предки же Акрисия ни в каком родстве с Персеем не состоят и были, как говорят и эллины, египтяне по происхождению. Довольно об этом.

55. Вследствие чего и за какие услуги эти лица, будучи египтянами, получили царскую власть над дорийцами, мы говорить не будем, так как об этом сказано уже другими писателями. Я упомяну только о том, чего не касались другие.

56. Спартанцы даровали своим царям следующие права и преимущества: звание жрецов Зевса Лакедемонского и Зевса Урания*, право объявления войны, кому бы они ни пожелали, причем никто из спартанцев не может оказать им противодействия, а виновный в этом подлежит проклятию; в случае похода цари выступают прежде всех и возвращаются после всех; в походное время они имеют при себе стражу из ста отборных граждан; в походах цари употребляют скота для жертвоприношений столько, сколько пожелают, причем получают кожи и хребты всех животных, приносимых в жертву. Таковы права их в военное время.

57. Прочие дарованные им привилегии для мирного времени состоят в следующем. Если совершается какое-либо жертвоприношение от имени государства, то цари садятся за пиршество первые; угощение начинается с них, и каждому из царей предлагается все в двойной порции сравнительно с прочими участниками пиршества; они начинают жертвенное возлияние и получают кожи принесенных в жертву животных. Каждое новолуние и седьмой день каждого месяца* доставляется для обоих царей в храм Аполлона по взрослому жертвенному животному, по медимну муки и по лаконской четверти вина; на всех состязательных играх им предоставлены передние почетные места. Царям предоставлено также право назначать из граждан по своему усмотрению проксенов* выбирать каждому по два пифия (пифии – лица, посылаемые в Дельфы для вопрошания оракула; они имели стол общий с царями на государственный счет). Если цари не являлись на праздничный пир, то каждому из них отсылали домой по два хойника муки и по котиле вина. Если же они присутствовали на

пире, то получали все в двойной порции; такой же почет оказывали им и частные лица на своих пирах; царям подобает хранить получаемые изречения оракулов, но они должны быть известны и пифиям. Право суда принадлежит только царям в следующих лишь случаях: в вопросе о том, за кого должна выйти девушка – наследница отцовского имущества, если она не обручена самим отцом, и в делах об общественных дорогах. Если бы кто пожелал усыновить дитя, должен заявить о том царям; они участвуют в совещаниях двадцати восьми старцев, геронтов. Если бы цари не явились на совещание, то право их принадлежит ближайшим родственникам в среде старцев, причем они кладут два шара, а третий за себя.

58. Вот почести, оказываемые царям спартанским народом при жизни. Чествование их после смерти состоит в следующем: смерть царя возвещается всадниками по всей Лаконике, а по городу ходят женщины и бьют в котел; по этому сигналу два свободных человека из каждого дома, мужчина и женщина, обязаны наложить на себя траур; не исполнившие этого подвергаются тяжкому наказанию. Вообще у лакедемонян в случае смерти царя соблюдаются те же обычаи, что и у варваров в Азии; действительно, большинство варваров в случае смерти царей поступают точно таким же образом, как и лакедемоняне. Когда умирает лакедемонский царь, то из целого Лакедемона обязаны присутствовать на похоронах не только спартанцы, но и определенное число периэков*. Таким образом, периэки, илоты и спартанцы собираются в одно место вместе со своими женами в числе многих тысяч человек, сильно бьют себя по лицу и поднимают громкие вопли, причитывая каждый раз, что умерший царь был самым доблестным из царей. Если какой-нибудь царь умирает на войне, то изготавливают его изображение и хоронят на прекрасно убранном ложе. После похорон никаких занятий на рынке не бывает в течение десяти дней, и народ не собирается для выборов, потому что все в это время пребывают в трауре.

59. Лакедемоняне походят на персов и в другом еще отношении: лицо, вступающее на царство по смерти царя, обязано прощать кому-либо из спартанцев долг его царю или государству. Подобно этому в Персии вступающий на царство прощает недоимки всем городам.

60. Следующая черта принадлежит одинаково лакедемонянам и египтянам: их глашатаи, флейтисты и повара наследуют занятия отцов, так что сын флейтиста становится флейтистом, сын повара поваром и сын глашатая глашатаем. Посторонние лица не могут при всей звучности голоса устранить членов фамилии глашатаев от их

должности, потому что они исполняют свои обязанности по праву наследства. Таковы эти черты.

61. Итак, в то время как Клеомен находился на Эгине и озабочен был общим благом Эллады, Демарат клеветал на него не столько из доброжелательства к эгинцам, сколько из зависти и злости. Поэтому по возвращении Эгины Клеомен вознамерился лишить Демарата царского достоинства, причем для нападения на него воспользовался следующим обстоятельством: у царя Спарты Аристона, несмотря на двукратную женитьбу, не было детей. Так как он был убежден, что не он виноват в этом, то женился в третий раз и женился так. В числе спартанцев был у него друг, к которому Аристон был расположен более, нежели к кому-нибудь иному из граждан. Женой этого спартанца была красивейшая женщина в Спарте, а красивейшей сделалась она из безобразнейшей. Дело в том, что кормилица видела безобразие девочки, дочери людей знатных, замечала сильное огорчение родителей некрасивой наружностью ребенка и потому придумала следующее средство: стала каждый день носить девочку в святилище Елены; находится оно в так называемой Ферапне, что над святилищем Фебы*. Всякий раз по внесении девочки в храм кормилица ставила ее перед кумиром и молила богиню избавить девочку от безобразия. Далее рассказывают, что однажды по выходе кормилицы из храма появилась подле нее какая-то женщина и спросила, что она держит на руках, и когда та ответила, что ребенка, женщина просила показать его, но кормилица отказалась, так как, говорила она, родители запретили показывать ребенка кому бы то ни было. Однако женщина настойчиво упрашивала ребенка показать. Только при виде того, как сильно женщина желает видеть дитя, кормилица показала его; тогда женщина прикоснулась к голове ребенка и заметила, что девочка будет красивейшей в целой Спарте. Действительно, с этого дня наружность девочки преобразилась. По достижении брачного возраста женился на ней Агет, сын Алкида, он же друг Аристона.

62. Аристон воспылал любовью к этой женщине и придумал следующую хитрость: он пообещал своему другу, мужу этой женщины, дать в подарок из всего своего достояния какой-нибудь один предмет, который тот сам себе выберет, с тем чтобы и друг сделал ему соответствующий подарок. Нисколько не опасаясь за жену, зная, что Аристон женат, Агет принял его предложение; условие свое они скрепили клятвой. После этого Аристон подарил Агету одну из своих драгоценностей, какую тот выбрал для себя сам, потом, выбирая равный подарок, он пожелал увести с собой жену друга. Тот заявил

было, что он согласился на все, кроме этого; однако, будучи связан клятвой и опутан хитростью, отпустил жену.

63. Тогда Аристон развелся со второй женой и женился, таким образом, на третьей. Женщина эта родила ему раньше срока, до истечения десяти месяцев, сына, этого самого Демарата. Царь заседал в собрании вместе с эфорами, когда кто-то из его слуг принес весть о том, что у него родился сын. Зная время своей женитьбы и высчитав месяцы по пальцам, Аристон с клятвой воскликнул: «Это не может быть мой сын!» Слышали это и эфоры, но в то время не обратили никакого внимания. Когда мальчик подрос, Аристон раскаивался в том, что сказал, так как теперь был вполне убежден, что Демарат его сын. Демаратом, «народными молитвами испрошенным», назвал он его по следующей причине: раньше этого все спартанцы молились, чтобы родился сын у Аристана, так как он прославился больше всех спартанских царей. Вот почему дано было ему имя Демарат.

64. По прошествии некоторого времени Аристон умер, и Демарат наследовал царскую власть. Но, видно, Демарату суждено было лишиться власти из-за тех слов Аристана. Уже раньше Демарат сильно вооружил против себя Клеомена тем, что увел войско из Элевсина; вражда их усилилась особенно тогда, когда Клеомен отправился на Эгину для наказания жителей, сочувствующих мидянам.

65. Итак, из желания отмстить Демарату Клеомен вошел в соглашение с Левтихидом, сыном Менара, внуком Агиса, происходившего из той же семьи, что и Демарат, на том условии, чтобы по воцарении на место Демарата он пошел вместе с ним против эгинцев. Со своей стороны Левтихид был крайне враждебно настроен против Демарата по следующей причине: он был обручен с Перкалой, дочерью Хилона, сына Демармена, но Демарат коварно расстроил этот брак Левтихида, раньше его похитив Перкалу и сделав своей женой. Отсюда у Левтихида возникла вражда против Демарата; теперь по внушению Клеомена Левтихид возбудил клятвенную жалобу на то, что Демарат незаконно царствует над спартанцами, так как он не сын Аристана. Подтвердив свою жалобу клятвой, он начал преследование напоминанием тех слов самого Аристана, которые были сказаны в то время, когда слуга известил его о рождении сына: сосчитав месяцы, он уверял-де и поклялся, что это не его сын. Опираясь на это замечание, Левтихид доказывал, что Демарат, как не сын Аристана, незаконно царствует в Спарте, причем свидетелями поставил тех эфоров, которые были в заседании вместе с Аристоном и слышали его слова.

66. Во время этих споров спартанцы, наконец, решили обратиться с вопросом к дельфийскому оракулу, сын ли Аристона Демарат. Дело перенесено было к пифии по внушению Клеомена, который после этого склонил на свою сторону сына Аристофанта Кобона, человека чрезвычайно влиятельного в Дельфах, а этот последний уговорил прорицательницу Периаллу дать ответ, желательный Клеомену. Таким образом, пифия на вопрос вестников отвечала, что Демарат не сын Аристона. Со временем все это обнаружилось, Кобон был изгнан из Дельф, а прорицательница Периалла отрешена от должности.

67. Так кончилось царствование Демарата. Бежал он из Спарты к мидянам по следующему оскорбительному для него случаю. Дело в том, что, потеряв царскую власть, Демарат занимал какую-то начальственную должность. На празднике Гимнопедий, совершавшемся под наблюдением Демарата, Левтихид, бывший уже вместо него царем, велел слуге своему с целью насмешки и глумления спросить Демарата, каково ему после царской власти занимать эту должность. Оскорбленный таким вопросом, Демарат отвечал, что сам он испытал уже и то и другое, а Левтихид – еще нет и что вопрос этот послужит для лакедемонян началом или тысячи бед, или тысячи благ. После этого он с покрытой головой удалился с праздника к себе домой, тотчас сделал все приготовления и принес жертву Зевсу, после чего попросил к себе мать.

68. Когда мать явилась, он со следующими словами вложил ей в руки часть внутренностей жертвенного животного: «Умоляю тебя, мать, именем всех богов и Зевса Геркейского*, скажи мне правду, кто действительно отец мой. Левтихид ведь во время прений на суде утверждал, что ты пришла к Аристону беременная от прежнего мужа. Другие распускают еще более нелепую молву, что ты явилась к Аристону от одного из слуг, именно от пастуха ослов, и что я сын его. Именем богов умоляю тебя сказать правду. Если ты и сделала что-нибудь подобное, то ведь не одна ты так поступила, но и многие другие женщины. В Спарте сильно распространена молва, что Аристон был неспособен к производству потомства, потому что в противном случае он имел бы детей и от прежних жен».

69. Так говорил Демарат, а мать отвечала ему: «Так как, дитя мое, ты умоляешь меня сказать правду, то я открою тебе все, как было. На третью ночь после того, как Аристон ввел меня в дом свой, явился ко мне призрак в образе Аристона, возлег со мной и потом, наложив на меня венки, которые принес с собой, удалился. После этого пришел Аристон и, увидев на мне венки, спрашивал, кто дал их мне. Я отвечала,

что он сам, но Аристон отрицал это; я же клятвенно уверяла его в том и прибавила, что ему не подобает отказываться, что незадолго до того он пришел, возлег со мной и дал мне эти венки. После моих клятв Аристон понял, что это дело божества. Венки оказались принадлежащими святилищу героя, именуемому храмом Атрабака, которое находится у входа в наш двор; гадатели также решили, что это был именно тот герой. Вот, дитя мое, все, что ты желал знать: или ты родился от этого героя и, следовательно, отец твой герой Атрабак, или же от Аристона, потому что я зачала тебя в эту ночь. Что же касается того, чем враги твои особенно донимают тебя, напоминая, что сам Аристон при известии о твоём рождении в присутствии многих лиц сказал, что ты не его сын – так как время-де не вышло, десяти месяцев не было, – то у него сорвалось такое замечание по неведению. Женщины рожают и в девять, и в семь месяцев, не все носят полных десять месяцев. Тебя, дитя мое, я родила семимесячным. Сам Аристон вскоре сознал, что те слова сказаны были им необдуманно. Никаким другим толкам о твоём рождении не верь: ты выслушал от меня сущую правду. Пускай жены рожают детей от ослиных пастухов самому Левтихиду и другим, распускающим эти толки». Такова была речь матери.

70. Демарат узнал то, что желал знать, собрался в путь и отправился в Элиду, говоря, однако, что идет в Дельфы для вопрошания оракула. Лакедемоняне подозревали, что Демарат замыслил бежать, и погнались за ним. Но он успел уже переправиться из Элиды на Закинф; последовавшие за ним лакедемоняне схватили его и отняли у него слуг. Его самого закинфияне не выдали, и впоследствии он переправился отсюда к царю Дарию. Тот принял его с большим почетом, одарил землей и городами. Так и по такому именно случаю прибыл Демарат в Азию, прославившись среди лакедемонян делами и суждениями, особенно тем, что доставил им победу четверней на Олимпийских состязаниях: из всех спартанских царей он один сделал это.

71. По низложению Демарата царскую власть получил Левтихид, сын Менара. У него родился сын Зевксидам, которого иные спартанцы называли Киниском. Этот Зевксидам не был царем Спарты, так как он умер раньше Левтихида, оставив по себе сына Архидама. Потеряв Зевксидама, Левтихид женился вторично на Евридаме, сестре Мения, дочери Диакторида; сыновей от нее он не имел, но имел дочь Лампито, на которой по желанию Левтихида женился сын Зевксидама Архидам.

72. Впрочем, не дожил до старости в Спарте и сам Левтихид, потому что понес наказание за Демарата. Во главе лакедемонян он совершил поход в Фессалию и, хотя мог покорить всю страну, дал

подкупить себя большой суммой денег. Он накрыт был на месте, в самом лагере, когда сидел на мешке, наполненном золотом. Привлеченный к суду, он бежал из Спарты, а жилище его было скрыто. Бежал он в Тегею и там умер.

73. Однако это случилось позже, а в то время, когда удался замысел против Демарата, Клеомен тотчас взял с собой Левтихида и отправился на эгинцев в сильном гневе за причиненный ему позор. Теперь, когда явились к ним оба царя, эгинцы не считали более нужным сопротивляться, и цари отобрали десять эгинцев, наиболее значительных по богатству и происхождению, и увели с собой; в числе их были самые влиятельные личности на Эгине: Криос, сын Поликрата, и Касамб, сын Аристократа; они привели их с собой в Аттику и отдали их в качестве заложников афинянам, злейшим врагам эгинцев.

74. Однако впоследствии козни Клеомена против Демарата стали известны, и он из страха перед спартанцами бежал в Фессалию, оттуда перешел в Аркадию и там поднял восстание. Он подстрекал аркадцев идти на Спарту, взял с них клятву следовать за ними всюду, куда бы он ни повел их, и усердно хлопотал о том, чтобы начальников аркадцев проводить в Нонакрис и заставить их поклясться «водой Стикса»*. Говорят, что Стиксова вода находится в этом городе аркадцев; действительно, там из скалы течет по каплям небольшой ручей в ущелье, которое кругом обнесено плотиной. Нонакрис, близ которого течет этот источник, – город в Аркадии подле Фенея.

75. Узнав, что делает Клеомен, спартанцы испугались и пригласили его вернуться назад и царствовать над ними с прежними полномочиями. Лишь только он возвратился в Спарту, как заболел умопомешательством; впрочем, уже и прежде он был не совсем в здравом уме: каждый раз при встрече с кем-либо из спартанцев он бросал ему палку в лицо. Ввиду такого поведения родственники посадили Клеомена в колодки, как помешанного. Находясь в заключении, он заметил однажды, что страж при нем остался один, и потребовал у него меч. Сначала страж отказывался подать меч, но Клеомен стал угрожать ему наказанием впоследствии, и тот под страхом угроз – страж был из илотов – подал ему меч. Взяв железо в руки, царь стал изрезывать себя в полосы, начиная от голеней, а именно: он резал на себе тело в длину от голеней до бедер, а от бедер до живота и поясницы, пока не дошел до желудка, который также изрезал в узкие полосы, и так умер. По мнению большинства эллинов, Клеомен погиб за то, что внушил пифии возвести на Демарата напраслину; одни только афиняне объясняют гибель его тем, что при вторжении в

Элевсин он вырубил священную рощу двух богинь, а аргивяне – что он хитростью вывел из святилища Аргоса* тех аргивян, которые бежали туда из сражения, изрубил их, а самую рощу, невзирая на святость ее, предал огню.

76. Дело в том, что однажды Клеомену, обратившемуся к дельфийскому прорицалищу, сказано было, что он может овладеть Аргосом. После этого во главе спартанцев он прибыл к реке Эрасин, которая, как говорят, вытекает из озера Стимфалиды. Озеро это теряется в пропасти, а потом появляется снова в Аргосе; начиная отсюда, оно получает у аргивян название реки Эрасин. По прибытии к реке Клеомен принес ей жертву. Когда жертва давала решительно неблагоприятные знамения относительно перехода через реку, Клеомен сказал, что он одобряет реку за то, что та не выдает граждан, однако это несколько не поможет аргивянам. Засим он отступил назад и повел войско на Фирею, принес в жертву морю быка и на судах переправился в Тиринфскую и Навплийскую области.

77. При известии об этом аргивяне отправились к берегу на помощь, а когда они подошли к Тиринфу, лежащему в той местности, которая называется Сепия, расположились лагерем против лакедемонян на небольшом расстоянии от них. При таких условиях аргивяне не боялись открытого сражения, но опасались, как бы их не захватили хитростью. Действительно, к этому случаю относилось следующее изречение пифии, данное аргивянам и мелитянам вместе:

Когда женщина одолевает мужчину,
Изгонит его и стяжает себе славу среди аргивян,
Тогда многих аргивянок она повергнет в тяжкую
скорбь.

Кто-либо из грядущих сынов скажет так:
«Грозный трехголовый змей* погиб под ударом
копья».

Так как все это совпадало в то время, то аргивяне испытывали страх. Ввиду этого они решились действовать по указанию неприятельского глашатая и потому поступали так: всякий раз, когда спартанский глашатай подавал какой-либо сигнал лакедемонянам, по тому же самому сигналу поступали и они.

78. Заметив, что аргивяне делают все по сигналу лакедемонского глашатая, Клеомен приказал своим воинам произвести наступление на аргивян в то время, когда глашатай подаст сигнал к завтраку. Так

лакедемоняне и поступили: бросились на аргивян в то время, когда те по сигналу лакедемонского глашатая занялись завтраком, многих из них перебили, а бо́льшую часть окружили и сторожили в роще Аргоса, в которой аргивяне искали убежища.

79. После этого Клеомен поступил следующим образом: от находившихся у него перебежчиков Клеомен узнал имена аргивян, заключенных в священной роще, и вызывал их через глашатая поименно, причем уверял, что он уже получил за них выкуп. У лакедемонян размер выкупа установлен в две мины за каждого пленника. Так Клеомен вызвал из рощи одного за другим пятьдесят аргивян и велел казнить их, но это оставалось неизвестным прочим находившимся в роще аргивянам: так как роща была густа, то остававшиеся в ней не видели, что делалось с товарищами, находившимися вне рощи; наконец один из них взлез на дерево и оттуда увидел, что творится. После этого ни один из них уже не выходил на зов.

80. Тогда Клеомен велел всем илотам обложить рощу кругом дровами и, когда они исполнили его приказание, велел поджечь рощу. Во время пожара он спросил кого-то из перебежчиков, какому божееству принадлежит роща, и получил ответ: «Аргосу». При этом имени он тяжело вздохнул и сказал: «Прорицатель Аполлон! Ты жестоко обманул меня, сказав, что я овладею Аргосом. Полагаю, что пророчество это исполнилось».

81. После этого Клеомен отпустил бо́льшую часть войска в Спарту, а сам с тысячью храбрейших воинов отправился к храму Геры для принесения жертвы. Однако в то время, как он готовился принести жертву на алтаре, жрец остановил его замечанием, что иноземцу непозволительно приносить здесь жертву. Клеомен приказал тогда илотам оттащить жреца от алтаря и принес жертву сам; засим удалился в Спарту.

82. По возвращении Клеомена в Спарту враги привлекли его к суду эфоров, обвиняя в том, что он не взял Аргоса, потому что был подкуплен, ибо взять его было легко. На это Клеомен возразил (правду ли он говорил или нет, наверное сказать не могу), что изречение божества он считал исполнившимся после того, как овладел святилищем Аргоса. Поэтому он считал себя не вправе посягать на город, прежде чем не испытает жертвенных знамений и не узнает, соизволяет ли ему божество нападать на город или возбраняет. Когда в храме Геры приносилась жертва, то из груди кумира сверкнуло огненное пламя, из чего он понял ясно, что не возьмет Аргоса. «Если

бы, – говорил он, – огонь сверкнул из головы статуи, то я взял бы город с акрополем»; напротив, огонь из груди означал, что он исполнил уже все, чего желало божество. Речь эта показалась спартамцам правдоподобной и заслуживающей веры; значительным большинством голосов он был оправдан.

83. Аргос обезлюдил до такой степени, что все дела их поступили в ведение рабов, всем управлявших и распоряжавшихся, пока не возмужали сыновья погибших. Они тогда изгнали рабов и снова приняли Аргос в свои руки. После изгнания рабы с бою взяли Тиринф. Первое время между господами и рабами была дружба; но потом к рабам пришел некий прорицатель Клеандр, родом из Фигалии в Аркадии; он уговорил рабов напасть на господ. Отсюда возникла между ними весьма продолжительная война, из которой лишь с трудом вышли победителями аргивяне.

84. Вот по какой причине, по словам аргивян, Клеомен впал в умопомешательство и погиб злой смертью. Сами спартамцы уверяют, что божество несколько не виновно в умопомешательстве Клеомена, но что благодаря общению со скифами он сделался горьким пьяницей и вследствие этого сошел с ума. После того, как Дарий вторгся в их страну, скифы – кочевники, по словам спартамцев, вздумали отомстить им и с этой целью обратились через послов в Спарту искать союза на том условии, что сами скифы сделают попытку вторгнуться в Мидию вдоль реки Фасис, а спартамцев обязывали выступить из Эфеса, двинуться в глубь материка и затем сойтись в одном месте со скифами. Рассказывают, что, когда ради этого явились в Спарту скифы, Клеомен чересчур часто находился в их обществе и от них научился пить цельное вино; по этой причине, полагают спартамцы, он и сошел с ума. Отсюда, как сами они говорят, произошло выражение: «Наливай по – скифски», если кто желает выпить хмельного вина. Так рассказывают спартамцы о случае с Клеоменом; мне же кажется, что Клеомен понес в этом наказание за Демарата.

85. При известии о смерти Клеомена эгинцы отправили в Спарту послов с жалобой на Левтихида за содержавшихся в Афинах заложников. Спартамцы созвали суд и постановили, что эгинцы обижены Левтихидом и что он должен быть выдан в Эгину взамен содержащихся в Афинах эгинцев. Когда эгинцы собирались увести с собой Левтихида, сын Леопрепея Феасид, человек влиятельный в Спарте, сказал им: «Что вы думаете делать, эгинцы? Неужели увести спартамского царя, выданного вам гражданами? Хотя спартамцы в раздражении и решили это, но берегитесь, как бы впоследствии за ваш

поступок они не навлекли на страну вашу всесокрушающего бедствия». При этих словах эгинцы воздержались от своего намерения увести Левтихида, но с тем, чтобы Левтихид следовал с ними в Афины и возвратил им эгинцев.

86. По прибытии в Афины Левтихид потребовал заложников обратно, но афиняне под разными предлогами отказывались от выдачи, причем говорили, что два царя оставили им заложников и что поэтому они считают себя не вправе выдавать их одному царю в отсутствие другого. В ответ на отказ афинян Левтихид заметил следующее: «Поступите, афиняне, как сами желаете. Но знайте: если вы выдадите, поступите честно; не выдадите – поступите бесчестно. Впрочем, я хочу рассказать вам, что случилось однажды в Спарте с доверенным имуществом. У нас среди спартанцев существует рассказ о том, как в Лакедемонне за два поколения до настоящего времени жил некто Главк, сын Эпикиды. Говорят, что человек этот превосходил прочих граждан во всех отношениях, в особенности он стяжал себе славу самого справедливого человека из всех современников своих в Лакедемонне. С ним-то в роковую пору случилось следующее: в Спарту явился некий милетянин с целью побеседовать с этим человеком и обратился к нему с такими словами: «Я – милетянин и пришел сюда, Главк, для того, чтобы воспользоваться твоей справедливостью; ведь громкая слава о твоей справедливости идет по всей Элладе, особенно по Ионии. Сам с собою я размышлял о том, что Иония издавна и непрерывно находится среди опасностей, тогда как существование Пелопоннеса – обеспеченное и неизменное, что у нас никогда имущество не остается в руках одних и тех же людей. Среди этих размышлений и соображений я решил половину всего моего имущества обратить в деньги и положить их у тебя, так как хорошо знаю, что у тебя оно сохранится для меня в целости. Итак, прими от меня эти деньги, сохрани также и эти таблички; выдай деньги тому, кто спросит их у тебя по таким же табличкам». Вот что сказал чужеземец, явившийся из Милета, а Главк на предложенных условиях принял от него деньги на сохранение. По прошествии долгого времени прибыли в Спарту сыновья милетянина, положившего здесь деньги, вступили в беседу с Главком и, представив таблички, потребовали деньги обратно. Он отказал им в этом в таких выражениях: «Я вовсе не знаю этого дела, и все то, что вы говорите, не напоминает мне его; поэтому я желаю припомнить себе и поступить по всей справедливости: если я действительно получил, то исправно возвращу вам; если же вовсе не получал, то поступлю с вами по эллинским законам. Таким образом, исполнение вашего требования я

откладывая на четвертый месяц от этого дня». Милетяне удалились, огорченные тем, что потеряли деньги, а Главк отправился в Дельфы спросить оракула. Когда он спрашивал прорицалище, не дать ли ему клятвы с целью поживиться чужими деньгами, пифия грозно ответила ему в следующих словах:

Главк, сын Эпикида! Разумеется, в настоящем
Очень выгодно выиграть дело клятвой и
поживиться деньгами.
Давай клятву! Ведь смерть постигает и человека
верного ей.
Но у клятвы есть детище безыменное, безрукое и
безногое,
Клятвопреступника оно преследует с
ожесточением,
пока не настигнет его,
Не сокрушит всего его потомства и всего дома.
Напротив, потомство человека, верного клятве,
Благословенно будет и в далеком будущем.

Услыхав это, Главк просил божество простить ему его речи, но пифия отвечала, что испытывать божество и свершить грех – одно и то же. После этого Главк пригласил милетских гостей и возвратил им деньги. Теперь, афиняне, я объясню, зачем сообщил этот рассказ. Нет более потомков Главка, нет и дома, который бы считался Главковым домом: с корнем вырван он из Спарты. Итак, доверенное имущество должно быть возвращено по первому требованию без всяких колебаний».

87. Так говорил Левтихид и удалился обратно в Спарту, потому что и после этих речей афиняне не вняли ему. Между тем эгинцы, не загладив еще прежней обиды, которую они причинили афинянам в угоду фиванцам, учинили новую; они гневались на афинян, почитая себя обиженными, и готовились отомстить им. В то время как афиняне совершали на Сунии празднество*, повторяющееся каждые четыре года, эгинцы устроили засаду, захватили праздничный корабль со знатнейшими афинянами и заковали пленников в цепи.

88. Претерпев такую обиду со стороны эгинцев, афиняне не откладывали дольше и стали придумывать всевозможное наказание для жителей Эгины. На Эгине был некто Никодром, сын Кнефа, человек весьма почтенный. Он затаил обиду на своих соотечественников за то,

что некогда они изгнали его с острова. И вот теперь, узнав о том, что афиняне готовятся нанести удар эгинцам, он вошел с афинянами в соглашение относительно передачи им Эгины и назначил определенный день, когда афиняне должны прибыть на помощь.

89. После этого, согласно заключенному с афинянами уговору, Никодром завладел так называемым старым городом, но афиняне не явились вовремя, так как у них не было к тому времени столько кораблей, чтобы сразиться с эгинскими судами; и пока они упрашивали коринфян ссудить их кораблями, дело было проиграно. Между тем коринфяне находились тогда в самых дружеских отношениях с афинянами и потому в ответ на просьбу одолжили им двадцать кораблей, причем взимали по пять драхм за каждый корабль: давать даром воспрещалось законом. Афиняне снарядили эти корабли и свои, всего семьдесят, и поплыли к Эгине, но опоздали на один день против уговора.

90. Тем временем Никодром, когда к назначенному дню афиняне не явились, сел на судно и бежал с Эгины; вместе с ним бежали и другие эгинцы; афиняне уступили им для жительства Суний. Отправляясь отсюда, они разоряли и грабили тех эгинцев, что оставались на острове; впрочем, они делали это позже.

91. Богатые эгинцы одержали верх над народом, восставшим вместе с Никодромом и, захватив врагов в свои руки, вывели их на казнь. С этого времени над ними тяготело преступление, от которого они не могли очиститься никакими жертвами. И прежде чем примириться с богиней, они были изгнаны с острова. Действительно, в то время как они вывели на казнь семьсот человек из среды народа, попавших к ним в руки, один из осужденных вырвался из оков и бежал в преддверие храма Деметры Фесмофоры*; здесь он ухватился за дверные кольца и крепко держался. Эгинцы пытались было оторвать и оттащить его оттуда, но не могли; тогда они отрубили ему руки и в таком виде увели, а руки продолжали цепко держаться колец.

92. Вот что учинили эгинцы своим же людям. С афинянами они сразились на море на семидесяти кораблях, но были разбиты и по – прежнему обратились за помощью к аргивянам. Но аргивяне не желали больше помогать им, будучи обижены тем, что эгинские корабли пристали к Арголиде и вместе с лакедемонянами сделали высадку, будучи принуждены к тому Клеоменом. Во время этого нападения высадилось также и несколько сикионцев; за это аргивяне наложили пеню в тысячу талантов, по пятьсот на сикионцев и эгинцев. В сознании своей вины сикионцы согласились уплатить сто талантов и

тем загладить свою вину, но эгинцы не признали себя виновными и обнаружили чрезмерную дерзость. По этой-то причине ни один аргивянин не пошел от имени государства на помощь к эгинцам, а добровольцев собралось около тысячи человек; предводительствовал ими некто Еврибат, отличившийся в пятиборье*. Большинство этих аргивян не вернулись на родину: они перебиты были афинянами на Эгине. Сам предводитель их, Еврибат, вступил в единоборство и троих врагов положил на месте, но пал от руки четвертого, декелейца Софана.

93. Однако в морском сражении одолели эгинцы, напавшие на афинян врасплох, и взяли четыре корабля их вместе с людьми. Так у афинян возникла война с эгинцами.

94. Между тем персидский царь занят был своим делом, потому что и слуга постоянно вспоминал ему об афинянах, и Писистратиды неустанно клеветали на афинян: кроме того, и сам Дарий желал воспользоваться этим случаем для того, чтобы покорить своей власти тех из эллинов, которые отказали ему в земле и воде. Мардоний отрешен был от должности главнокомандующего за неудачи в походе; на его место царь назначил для войны с Эретрией и Афинами других полководцев: Датиса, по происхождению мидянина, и Артафрена, сына Артафрена, своего племянника; царь послал их в поход с приказанием обратить в рабство жителей Афин и Эретрии и доставить поработанных к нему живыми.

95. Получив такое назначение, полководцы удалились и прибыли на Алейскую равнину в Киликии во главе огромного и хорошо вооруженного пешего войска. Здесь они расположились лагерем, и к ним явился весь флот, снаряженный отдельными народами, как было им приказано; явились также и суда для перевозки лошадей, еще за год до того изготовленные по приказанию Дария его данниками. Поставив лошадей на суда и посадив на корабли пехоту, персы поплыли на шестистах триремах в Ионию. Отсюда они не направили кораблей вдоль береговой линии прямо к Геллеспонту и Фракии, но, отправляясь от Самоса, держали путь вдоль Икарийского моря от острова к острову. Как мне кажется, они боялись больше всего водного пути вокруг Афона, потому что в предыдущем году они в этом месте испытали тяжкое бедствие; кроме того, и Наксос вынуждал их держаться этого пути, потому что раньше остров этот не был покорен персами.

96. Из Икарийского моря персы прибыли к Наксосу, потому что они задумали покорить прежде всего этот остров, а жители Наксоса помнили прежнее и, не дожидаясь неприятеля, бежали в горы.

Захваченных в плен жителей персы обратили в рабство, а храмы и город сожгли; после этого поплыли они к другим островам.

97. Тем временем, жители Делоса также покинули остров и бежали на Тенос. Когда флот стал приближаться к Делосу, Датис, плывший впереди флота, приказал стать на якорю не у этого острова, но у Ренеи, лежащей против Делоса. Услышав, где находились делосцы, Датис послал к ним глашатая и велел сказать следующее: «Зачем, святые люди, убегаете и ненадлежаще судите обо мне? И сам я настолько благоразумен, и от царя мне приказано не разорять той страны, в которой родились два божества, ни самой страны, ни ее обитателей. Поэтому возвращайтесь в дома ваши и владейте островом». Вот что он сказал им через глашатая, а затем возложил на алтарь триста талантов ладана и воскурил фимиам.

98. После этого Датис вместе со своим войском поплыл прежде всего к Эретрии, ведя за собою также ионян и эолийев. По уходе его от острова, на Делосе, как рассказывали жители его, произошло землетрясение, в первый и последний раз до нашего времени. Я полагаю, что божество явило это чудо людям как знамение грядущих бед. Действительно, за время Дария, сына Гистаспа, Ксеркса, сына Дариева, и Артаксеркса*, сына Ксерксова, за время этих трех поколений, следовавших одно за другим, Эллада претерпела больше бед, нежели в течение других двадцати поколений, предшествовавших Дарию. Одни беды обрушились на Элладу через персов, другие через собственных эллинских вождей, воевавших между собою за первенство. Поэтому нет ничего необычайного в том, что Делос подвергся теперь землетрясению, хотя раньше был непоколебим; и в оракуле так начертано о Делосе:

Я потрясу и Делос, хотя раньше он был
непоколебим.

Имена эти на эллинском языке означают: Дарий – «укротитель»; Ксеркс – «воин», Артаксеркс – «великий воин»: так эллины называли бы на своем языке этих царей.

99. Между тем варвары по удалении от Делоса приставали к островам, набирали оттуда воинов и уводили с собой в качестве заложников сыновей островитян. На пути от острова к острову персы пристали и к Каристу. Так как жители его не давали заложников и отказывались идти войной на соседей, разумея под ними Эретрию и

Афины, то персы повели против них осаду и опустошали их землю, пока наконец и каристийцы не подчинились персам.

100. При известии о том, что на них плывет персидское войско, эретрийцы просили афинян прислать им вспомогательный отряд. Афиняне не отказали в содействии и послали им на помощь четыре тысячи граждан, владевших по жребию участками земли богатых халкидян. Однако у эретрийцев вовсе не было какого-либо окончательного плана: приглашая к себе афинян, они в то же время решали двояко. Одна часть эретрийцев предлагала покинуть город и удалиться в горы на Эвбее, другая питала корыстные надежды на персидского царя и замышляла предать ему город. Решение тех и других узнал один из знатнейших эретрийцев, сын Нофона, Эсхин; он сообщил прибывшим афинянам положение дел на острове со всеми подробностями и упрашивал их вернуться домой во избежание гибели наравне с эретрийцами. Афиняне последовали совету Эсхина.

101. Действительно, они переправились в Ороп и тем спаслись. Тем временем персы направили свои корабли против местностей Эретрийской земли: Тамин, Херей и Эгилии, овладели ими, тотчас вывели лошадей на сушу и приготовились к нападению на врага. Однако эретрийцы не имели намерения выходить на врага и сражаться: после того как принято было решение покинуть город, они озабочены были только тем, как бы защитить городские стены. Во время ожесточенного нападения на укрепления в течение шести дней пало множество воинов с обеих сторон. Наконец на седьмой день Евфобр, сын Алкимаха, и Филагр, сын Кинейя, два знатных горожанина, предали город персам. Войдя в город, персы, во – первых, ограбили и сожгли святилища в отмщение за сожжение святилищ в Сардах, потом, согласно приказанию Дария, обратили в рабство население города.

102. Овладев Эретрией и простояв там несколько дней, персы с быстротой направились в Аттику, рассчитывая поступить с афинянами так же, как поступили с эретрийцами. Так как Марафон был наиболее удобной местностью для конницы и находился очень близко к Эретрии, то Гиппий, сын Писистрата, и повел сюда персидское войско.

103. Услышав об этом, афиняне также устремились к Марафону. Предводительствовало ими десять полководцев; десятым был Мильтиад, отец которого Кимон, сын Стесагора, изгнан был из Афин Писистратом, сыном Гиппократа. Кимону – изгнаннику удалось одержать победу на Олимпийских состязаниях в беге колесниц, такую самую победу, какую одержал и единоутробный брат его Мильтиад. В следующую Олимпиаду Кимон победил теми же самыми лошадьми и

дозволил Писистрату провозгласить победителем себя; за уступку победы Писистрату он согласно условию возвратился на родину. Смерть от детей Писистрата уже в то время, когда самого Писистрата не было в живых, постигла Кимона после третьей победы теми же самыми лошадьми на другом Олимпийском состязании; по их приказанию Кимон убит был ночью из засады подле пританея. Похоронен он перед городом, по ту сторону так называемой улицы Через Лощину*; против его гробницы похоронены и те самые лошади, которые трижды одержали победу на Олимпийских состязаниях. Точно так же отличились еще и другие лошади, а именно: лакедемонянина Евагра, и больше ничьи. Старший из сыновей Кимона Стесагор воспитывался в то время в Херсонесе у дяди своего Мильтиада, а младший – в Афинах у самого Кимона; Мильтиадом он назван был по имени Мильтиада, заселившего Херсонес.

104. Итак, в то время предводительствовал войском этот Мильтиад, вернувшийся из Херсонеса и дважды спасшийся от смерти. Один раз гнались за ним финикияне до Имброса, употребляя все усилия к тому, чтобы схватить его и доставить персидскому царю. Другой раз, вскоре после того как он убежал от финикиян, вернулся домой и уже считал себя спасенным, напали на него враги его и привлекли к суду по обвинению в тирании на Херсонесе. Мильтиад спасся и от них и теперь по выбору народа назначен был афинским полководцем.

105. Еще до выступления из города полководцы отправили в Спарту глашатаем афинянина Фидиппида, известного скорохода, исполнявшего эту обязанность. С Фидиппидом подле горы Парфений, что над Тегеей, повстречался, как рассказывал он сам и передавал афинянам, Пан. По его словам, Пан громко назвал его по имени и велел спросить афинян, почему они вовсе не чтут его, тогда как он благосклонен к ним, много раз уже им оказал услуги и еще окажет. Устроив благополучно свои дела, афиняне убедились в правдивости этого рассказа и соорудили святилище Пану у подножия акрополя и чтут божество со времени этого известия ежегодными жертвами и процессией с факелами.

106. Этот-то Фидиппид и был послан в то время полководцами; тогда же, как он говорил, явился ему Пан. Выйдя из города афинян, он на другой день был в Спарте, явился к правителям ее и сказал: «Афиняне просят вас, лакедемоняне, оказать им помощь и не допускать, чтобы древнейший из эллинских городов подпал под иго варваров. Ведь Эретрия уже порабощена, и Эллада одним важным городом стала беднее». Глашатай сообщил, что было ему поручено, а лакедемоняне

решили помочь афинянам; но сделать этого тотчас они не могли, так как не желали нарушать обычая: был девятый день месяца, а выступать в девятый день они отказались, так как не было полнолуния*. Следовательно, лакедемоняне ждали полнолуния.

107. Гиппий, сын Писистрата, проводил варваров на Марафон. Ночью накануне этого дня Гиппию снилось, будто он общался с родной матерью; из этого сновидения он заключил, что возвратится в Афины, снова добудет власть и стариком умрет на родине. Так истолковал он сновидение, а теперь вел за собой рабов из Эретрии и высадил их на остров стирейцев, именуемый Эгилеей; он же поставил на якоре направленные к Марафону корабли и занялся приведением в боевой порядок высадившихся на берег варваров. Случилось, что во время этого занятия Гиппий чихал и кашлял больше обыкновенного, и так как он был очень стар, то бо́льшая часть зубов его расшаталась, а один зуб от сильного кашля выпал. Зуб упал в песок, и Гиппий старательно отыскивал его; когда зуб не находился, он со вздохом сказал присутствующим: «Нет! Земля эта не наша, и мы не сможем овладеть ею, потому что на долю моего зуба досталась та часть ее, которая следовала мне». Таково было, по мнению Гиппия, исполнение его сновидения.

108. Между тем на помощь к афинянам, расположившимся подле святилища Геракла, прибыли платейцы со всем своим ополчением. Действительно, уже раньше платейцы отдали себя афинянам, а эти последние много раз потрудились за платейцев. Платейцы отдали себя при нижеследующих условиях: теснимые фиванцами, платейцы с самого начала отдавали себя во власть Клеомену, сыну Анаксандрида, с лакедемонянами, случайно находившимися в тех местах; но те не приняли их и дали такой ответ: «Живем мы от вас очень далеко, и помощь вам от нас может быть лишь призрачная; много раз вы были бы обращены в рабство прежде, чем кто-нибудь из нас узнал бы о том. Мы советуем вам отдать себя афинянам, вашим соседям, к тому же достаточно сильным для того, чтобы помогать вам». Такой совет подали лакедемоняне не столько из расположения к платейцам, сколько из желания обременить афинян войнами с беотийцами. Однако платейцы последовали совету лакедемонян и, в то время как афиняне совершали празднество в честь двенадцати божеств, уселись в качестве молящих о защите у алтаря и отдали себя в руки афинян. При известии об этом фиванцы пошли войной на платейцев, а афиняне оказали помощь сим последним. Когда войска готовы были сразиться, находившиеся здесь случайно коринфяне не допустили до битвы; по поручению обеих

сторон они примирили враждующих, причем определили границы между ними и постановили, чтобы фиванцы отпустили тех из беотийцев, которые не желают оставаться в Беотийском союзе. Сделав такое постановление, коринфяне удалились, а беотийцы напали на афинян, возвратившихся уже домой, но в сражении были разбиты. Афиняне со своей стороны переступили ту границу, которая определена была коринфянами для платейцев, и сделали границей между фиванцами и платейцами реку Асоп и Гисии. Вот каким образом платейцы отдали себя в распоряжение афинянам, а теперь прибыли к ним на помощь к Марафону.

109. Мнения афинских вождей разделились: одни из них не желали битвы, так как эллины были слишком малочисленны для сражения с мидянами, другие, в том числе и Мильтиад, советовали принять бой. Из двух мнений должно было одержать верх худшее. Между тем одиннадцатым подающим голос было лицо, по жребию выбранное в афинские военачальники: дело в том, что в старину афиняне предоставляли полемарху равное право с вождями; полемархом в то время был Каллимах из Афин. К нему-то явился Мильтиад со следующей речью: «Теперь, Каллимах, в твоей власти: или наложить на Афины иго рабства, или защитить их свободу и воздвигнуть себе на вечные времена такой памятник, какого не оставили по себе даже Гармодий и Аристокитон. С того времени, как афиняне существуют, им не угрожала такая опасность, как теперь. В самом деле, если они будут покорены персами, то участь их решена: они будут отданы во власть Гиппия; напротив, если город наш выйдет победителем, то может стать первым в ряду эллинских городов. А теперь я скажу, как может случиться это и почему от тебя зависит решение дела. Мнения десяти вождей разделились; одни из нас советуют вступить в бой с врагом, другие не советуют. Если мы не дадим сражения, то я уверен, что сильная смута постигнет умы афинян и склонит их на сторону мидян; если же мы вступим в бой прежде, чем обнаружится раскол в среде некоторых афинян, то с помощью справедливых богов мы можем выйти из сражения победоносно. Все это теперь в твоей власти и от тебя зависит. Если ты примешь мое предложение, отечество твое будет свободно, а город станет первым в Элладе; если же предпочтешь мнение тех, которые не советуют сражения, то получишь в удел противоположное названным мной благам».

110. Этой речью Мильтиад склонил Каллимаха на свою сторону, и когда полемарх подал свой голос, решено было дать сражение. После этого все вожди, по мнению которых следовало сражаться, уступали

Мильтиаду свое право командования, по мере того как наставала очередь того или другого из них. Хотя Мильтиад принимал это, но не давал битвы до тех пор, пока очередь командования не дошла до него.

111. Когда очередь дошла до Мильтиада, афиняне выстроены были в боевой порядок следующим образом: правым крылом предводительствовал полемарх Каллимах; в силу существовавшего тогда у афинян закона полемарх должен был занимать правое крыло. За правым крылом с Каллимахом во главе следовали остальные племена, одно за другим, в том самом порядке, в каком велся им счет; крайними воинами, занимающими левое крыло, были платейцы. Со времени этого сражения вошло в Афинах в обычай, чтобы при совершении всенародных жертвоприношений, следовавших через каждые четыре года*, глашатай – афинянин молился о даровании благ как афинянам, так и платейцам. Когда афиняне выстроились на Марафоне, случилось следующее обстоятельство: боевая линия их равнялась боевой линии мидян, но среднюю часть ее занимало мало рядов, вследствие чего в этом пункте линия была очень слаба, тогда как оба крыла ее сильны были количеством рядов.

112. Выстроившись таким образом и получив счастливые жертвенные знамения, афиняне по данному сигналу двинулись с места и беглым маршем устремились на варваров. Расстояние между воюющими было не меньше восьми стадиев. При виде бегущего на них врага персы готовились отразить его, полагая, что афиняне обезумели и идут на верную гибель, если устремляются на них беглым маршем в небольшом числе, без конницы и без стрелков из лука. Так решали о них варвары. Между тем афиняне всем своим войском ударили на варваров и сражались отважно. Насколько мы знаем, афиняне были первыми из эллинов, нападавшими на врага беглым маршем; они же первые могли выдержать вид мидийской одежды и одетых по – мидийски людей; до того времени одно имя мидян наводило ужас на эллинов.

113. Сражение при Марафоне было продолжительно. Середину афинской боевой линии, против которой стояли персы и саки, варвары одолели. Одержав здесь победу и прорвав ряды, они преследовали афинян в глубь материка; но на флангах победа осталась за афинянами и платейцами. Оба фланга после победы не преследовали тех неприятелей, которые обращены были в бегство, но сомкнули свои ряды и вступили в бой с теми варварами, которые прорвались через середину их линии, и здесь победа досталась афинянам. Бегущих

персов они преследовали и убивали, пока не достигли моря; здесь они требовали огня и хватались за корабли.

114. В этом сражении погиб полемарх Каллимах, отличившийся храбростью, а из стратегов пал сын Фрасила Стесилай; здесь же пал сын Евфориона Кинегир, которому была отрублена секирой рука в то время, как он ухватился за корму корабля; пало и много других значительных афинян.

115. Таким-то способом афиняне завладели семью неприятельскими кораблями. На остальных кораблях варвары снова отплыли в море, захватив с собою тех пленных из Эретрии, которых покинули на острове, отплыли кругом Суний, рассчитывая подойти к городу раньше афинян. У афинян возникло подозрение, что этот замысел внушен был персам коварством Алкмеонидов, потому что согласно уговору они будто бы подняли в виду персов щит уже в то время, когда сии последние снова взошли на корабли.

116. Когда персы плыли кругом Суния, афиняне со всех ног устремились на защиту города и достигли его раньше, нежели варвары. Прибыв от Гераклова святилища в Марафоне, они и здесь расположились лагерем также подле святилища Геракла, что в Киносарге. Варвары поднялись на кораблях своих выше Фалера, который в то время был афинской гаванью, постояли там некоторое время и отплыли обратно в Азию.

117. В Марафонском сражении пало со стороны варваров около шести тысяч четырехсот человек, а со стороны афинян сто девяносто два. Столько погибло с обеих сторон. Здесь же случилось следующее удивительное происшествие: афинян Эпизел, сын Куфагора, участвовал в бою и отличился храбростью, но потерял зрение, вовсе не будучи ранен и не получив ни одного удара. С этого времени на всю жизнь он остался слепым. Рассказ об этом приключении я слышал от него самого, а именно: перед ним будто бы предстал тяжелооруженный воин большого роста, от подбородка которого падала тень на целый щит; призрак этот прошел мимо него, но убил стоявшего подле воина. Вот что я слышал от Эпизела.

118. На обратном пути вместе с войском в Азию Датис прибыл в Миконос и здесь видел сон. Каково было сновидение, об этом не говорят; известно только, что на следующий день рано утром Датис велел обыскать корабли и, найдя на финикийском судне позолоченное изображение Аполлона, расспрашивал, откуда оно похищено. Узнав, из какого оно храма, Датис на собственном корабле отправился к Делосу. Так как к тому времени жители Делоса возвратились на свой остров, то

он поставил кумир в их храме и приказал делосцам доставить его в фиванский Делий, что лежит на побережье против Халкиды. Отдав это приказание, Датис отплыл обратно. Однако делосцы не отвезли кумира; только спустя двадцать лет сами фиванцы по повелению оракула возвратили его в Делий.

119. Обращенных в рабство эретрийцев Датис и Артафрен по прибытии на кораблях в Азию препроводили в Сузы. Раньше (еще до их пленения) Дарий сильно негодовал на эретрийцев за то, что они первые учинили обиду. Но теперь при виде эретрийцев, приведенных к нему и находившихся в его руках, он не сделал им ничего дурного, только поселил их в Киссийской области, в той деревне, которая носит название Ардерикка, на расстоянии двухсот десяти стадиев от Суз и в сорока стадиях от того колодца, который доставляет три предмета: асфальт, соль и масло, а добываются они следующим способом*. Извлекаются они из колодца с помощью коромысла, к которому вместо ведра привязывается половина кожаного мешка; погрузив его в колодезь, достают оттуда жидкость, которую сливают в цистерну; затем из цистерны жидкость переливается в другое вместилище по трем особым отделениям и принимает троякий вид. Асфальт и соль немедленно сгущаются и становятся твердыми; масло, именуемое у персов *раданак*, черного цвета и издает тяжелый запах. Здесь-то царь Дарий поселил эретрийцев, занимавших эту местность до нашего времени и удержавших родной язык. Вот что случилось с эретрийцами.

120. Что касается лакедемонян, то после полнолуния они явились в Афины в числе двух тысяч человек, причем шли с такой поспешностью, что на третий день по выходе из Спарты были уже в Аттике. Хотя к сражению они опоздали, но желали посмотреть на мидян, для чего отправились в Марафон и там рассмотрели их. После этого, воздав похвалы афинянам и их подвигу, лакедемоняне возвратились домой.

121. Для меня странно и невероятно мнение, будто Алкмеониды согласно уговору поднимали вверх щит для персов с целью подчинить афинян варварам и Гиппию; ведь Алкмеониды доказали свою ненависть к тирании больше или в такой же мере, как и Каллий, сын Фениппа, отец Гиппоника. Дело в том, что каждый раз, когда Писистрат изгонялся из Афин и имущество его объявлялось государственным глашатаем к продаже, один лишь Каллий осмеливался покупать его, и в других случаях он обнаруживал сильнейшую вражду к Писистрату.

122. Каллий заслуживает того, чтобы каждый из нас часто вспоминал о нем: во – первых, за то, что сказано выше, как человек ревниво заботившийся об освобождении родины; во – вторых, за то, что

совершено им в Олимпии: на конских бегах он получил первую награду, а на состязаниях колесницами вторую; раньше одержал победу на Пифийских играх и у всех эллинов прославился необыкновенной щедростью; наконец, он достоин памяти и за отношение к трем дочерям своим. Когда пришла девушкам пора выходить замуж, он дал им великолепное приданое и доказал свое расположение к ним настолько, что каждая из них вышла замуж за того мужчину, какого угодно было ей выбрать из числа всех афинян.

123. В такой же мере, как и Каллий, тираноненавистниками были Алкмеониды. Поэтому-то я удивляюсь и не верю клевете на них, будто они подняли щит, тогда как Алкмеониды все время господства тиранов провели в изгнании, и через них же Писистратиды потеряли власть. Таким образом, Алкмеониды были, как я убежден, освободителями Афин в гораздо большей мере, нежели Гармодий и Аристокитон. Действительно, эти последние умерщвлением Гиппарха только ожесточили прочих Писистратидов и все-таки не упразднили их владычества. Освободителями Афин были бесспорно Алкмеониды, если только правда, что по их внушению пифия приказывала лакедемонянам освободить Афины.

124. Впрочем, могло быть и так, что они были за что-либо недовольны афинским народом и потому вознамерились предать отечество. Но дело в том, что среди афинян не было личностей, пользовавшихся большей славой и почетом, как Алкмеониды. Поэтому здравый смысл не допускает, чтобы они подняли щит с целью предательства. Однако нельзя отрицать того, что щит был поднят: это действительно было; только кто его поднял, об этом я не могу сказать ничего больше.

125. С давних пор род Алкмеонидов был знаменит в Афинах; особенно прославились они со времени Алкмеона и потом снова со времени Мегакла. Во – первых, Алкмеон, сын Мегаклов, подал помощь тем лидийцам, которые посланы были Крезом из Сард к дельфийскому прорицалищу, и принял живое участие в их деле. Узнав об этих услугах от лиц, ходивших к оракулам, Крез пригласил Алкмеона в Сарды и здесь подарил ему столько золота, сколько тот мог унести на себе в один раз. Этот столь незначительный подарок Алкмеон принял с ловкой хитростью: оделся в большой хитон, причем над поясом оставил большие складки, привязал к ногам высокие башмаки, самые широкие, какие только мог найти, и в таком виде вошел в сокровищницу в сопровождении слуг. Там, вступив в кучу золотого песка, он, прежде всего, вдоль голеней насыпал столько золота, сколько могло

поместиться в башмаках, потом наполнил золотом образовавшиеся над поясом складки хитона, насыпал золотого песку в волосы на голове и положил еще в рот; при выходе из сокровищницы он еле волочил ноги и вовсе не походил на человека: он шел с набитым ртом, весь раздутый. При виде его Крез разразился смехом, подарил ему и это все и много другого. Таким путем сильно разбогател дом Алкмеона; сам Алкмеон содержал лошадей для колесниц и одержал победу в Олимпии.

126. Позже, в следующем поколении, дом этот был превознесен сикионским тираном Клисфеном, так что прославился у эллинов еще больше прежнего. Дело в том, что у Клисфена, сына Аристонима, внука Мирона, правнука Андрея, была дочь по имени Агариста. Отец решил выдать ее замуж за доблестнейшего из всех эллинов. С этой целью Клисфен на Олимпийских играх, где он одержал победу своей колесницей, объявил через глашатая следующее: каждый эллин, считающий себя достойным сделаться зятем Клисфена, должен на шестидесятый день после этого объявления или раньше того явиться в Сикион, так как в течение того года, который наступит за этим шестидесятым днем, Клисфен будет праздновать свадьбу дочери. Тогда стали собираться к нему в качестве женихов все те эллины, которые были высокого мнения о самих себе или о своем отечестве. Для увеселения гостей Клисфен устроил ристалище и палестру.

127. Из Италии явились сын Гиппократы Сминдирид, родом из Сибариса, всех превосходивший богатством, – это была пора высшего процветания Сибариса, – и Дамас, родом из Сириды, сын так называемого Амириса Мудрого. Эти лица явились из Италии. С побережья Ионийского залива прибыл Амфимнест, сын Эпистрофа, родом из Эпидамна. Из Этолии пришел Малес, брат того Титорма, который превосходил всех эллинов физической силой и, избегая общения с людьми, удалился на окраины Этолийской области. Из Пелопоннеса прибыл Леокед, сын аргивского тирана Фидона, того самого, который изобрел меры для жителей Пелопоннеса и наглостью превосходил всех эллинов: в Олимпии он выгнал элейских устроителей состязаний и сам присвоил себе суд над состязающимися. Кроме Фидонова сына, прибыл аркадец из Трапезунта, сын Ликурга, Амиант, а также азанец Лафан из города Пея, сын того Евфориона, который, как гласит молва в Аркадии, принимал у себя Диоскуров и с того времени оказывал радушный прием всем приходящим, а также элеец Ономаст, сын Агея. Это личности, прибывшие из Пелопоннеса. Из Афин явились Мегакл, сын Алкмеона, того самого, который пришел от Креза, и сын Тисандра, Гиппоклид, блиставший среди афинян красотой и

богатством. Из Эретрии, находившейся тогда в цветущем состоянии, явился Лисаний; это был единственный гость из Эвбеи. Из Фессалии пришел краннонец Диакторид из рода Скопадов, а из земли молоссов Алкон. Столько явилось женихов.

128. По прибытии женихов к назначенному дню Клисфен прежде всего узнал родину и предков каждого из них, затем удерживал их у себя в течение года и подвергал испытанию их мужество, склонности, степень образования и характер, для чего входил в общение с ними, то с каждым порознь, то со всеми вместе; младших из них он водил на гимнастические состязания, но больше всего подвергал их испытанию за общими пиршествами. Клисфен делал это все время, пока гости находились у него, и вместе с тем великолепно угощал их. Как кажется, больше всех из числа женихов понравились ему те два, что прибыли из Афин, а из них наибольшее сын Тисандра Гиппоклид, как по собственному мужеству, так и потому, что по своим предкам был в родстве с коринфянами Кипселидами.

129. Когда наступил день свадебного пиршества и когда следовало объявить, на кого из женихов падает выбор, Клисфен велел зарезать сто быков и дал пир не только женихам, но и всем жителям Сикиона. По окончании пира началось между женихами состязание в музыке и искусстве вести беседу в обществе. Во время попойки Гиппоклид, больше всех забавлявший гостей, велел флейтисту играть танец и, когда флейтист заиграл, Гиппоклид пустился плясать. Плясал он с наслаждением, но с досадой глядел на это Клисфен. Потом, передохнув некоторое время, Гиппоклид велел внести стол и, когда стол внесли, взобрался на него и стал плясать сначала лаконские танцы, затем другие, аттические; наконец уперся в стол головой и заболтал ногами. Уже во время первых двух танцев страсть Гиппоклида к танцам и недостаток в нем скромности огорчали Клисфена при мысли, что он может еще иметь Гиппоклида своим зятем, но он пока сдерживал себя и не давал прорваться досаде. Когда же увидел, что тот заболтал ногами, то не мог долее сдерживать себя и сказал: «Проплясал ты свадьбу, сын Тисандра!» На что Гиппоклид быстро отвечал: «Гиппоклиду это безразлично!» С того времени слова эти вошли в поговорку.

130. Тогда Клисфен водворил тишину и в присутствии всех сказал следующее: «Женихи моей дочери, я доволен всеми вами и, если б можно было, постарался бы угодить всем вам, не выделяя кого-либо одного из вас предпочтительно перед прочими и не отвергая остальных. Но мне предстоит решить судьбу одной только девушки, и потому я не могу исполнить желания всех. Впрочем, тем из вас, которым будет

отказано в женитьбе на моей дочери, я даю в подарок каждому по таланту серебра за то, что вы почтили меня исканием руки дочери и были вдали от домов ваших; дочь мою Агаристу я обручаю по афинским законам с Мегаклом, сыном Алкмеона». Так как Мегакл изъявил согласие обручиться, то свадьба и была решена Клисфеном.

131. Так происходило состязание женихов. После этого молва об Алкмеонидах разнеслась по всей Элладе. От этого самого брака родился Клисфен, учредивший у афинян колена и установивший народное правление; назван он по имени деда своего по матери, тирана Сикионского. У Мегакла был и другой сын, Гиппократ, а у Гиппократа другой Мегакл и другая Агариста, названная так по имени Агаристы, Клисфеновой дочери. Это – та самая Агариста, которая вышла замуж за Арифронова сына Ксантиппа и во время беременности видела во сне, что родила льва: через несколько дней она родила Ксантиппу Перикла.

132. После поражения персов на Марафоне значение Мильтиада, и раньше пользовавшегося влиянием среди афинян, стало еще больше. Он потребовал у афинян семьдесят кораблей, войска и денег, не называя при этом страны, против которой собирался идти войной; сказал только, что они разбогатеют, если последуют за ним; он поведет-де афинян в такую страну, из которой они без труда добудут себе много золота. Афиняне дали корабли Мильтиаду, полагаясь на его обещание.

133. Получив войско, Мильтиад отправился на кораблях против Пароса под тем предлогом, что жители этого острова первые пошли войной на афинян, когда на триремах последовали за персами к Марафону. Это был только предлог; на самом деле он был зол на паросцев из-за сына Тисия Лисагора, родом из Пароса, который оклеветал его перед персом Гидарном. Достигнув цели плавания, Мильтиад повел осаду против паросцев, загнанных в укрепления, и через глашатая требовал уплаты ста талантов. Если они не дадут этих денег, велел сказать Мильтиад, то он не уйдет с войском до тех пор, пока не возьмет их города. Но паросцы меньше всего думали о том, чтобы платить что-либо Мильтиаду. Напротив, они измышляли способы отстоять свой город: с этой целью они по ночам доводили стены до двойной высоты против прежнего в тех местах, которые оказывались при нападении врага более слабыми.

134. До сих пор все эллины рассказывают об этом одинаково. Дальнейшее, по словам самих паросцев, происходило так: в то время как Мильтиад затруднялся решить, чем кончится предприятие, явилась к нему для переговоров взятая в плен женщина по имени Тимоу, паросиянка по происхождению, второстепенная служительница в храме

богинь преисподней*. Она явилась к Мильтиаду с предложением принять ее совет, если ему действительно так желательно взять Парос. Засим она подала совет. Следуя ему, Мильтиад отправился к холму, что перед городом, и перескочил через ограду, окружавшую храм Деметры Фесмофоры, потому что ворот в ограде он не мог отворить; после этого вступил во внутреннее отделение святилища с целью кое-что сделать там: или коснуться чего-либо неприкосновенного, или привести в исполнение какое-то другое свое намерение. Когда Мильтиад находился уже у ворот, на него внезапно напал страх, так что он решил возвратиться тем же путем, каким и вошел в храм, и, соскакивая с наружной стены, вывихнул себе бедренную кость или, как рассказывают другие, повредил колено.

135. Тяжело больной, Мильтиад отплыл назад, без денег для афинян и без Пароса, после двадцатидневной осады и разорения острова. Узнав о том, что Мильтиада проводила в храм жрица богинь Тимо, и решив наказать ее за это, паросцы по освобождении от осады отправили посольство в Дельфы с поручением спросить божество, следует ли им казнить жрицу богинь преисподней за то, что она указала врагам путь к покорению отечества и открыла Мильтиаду святыню, запретную для лиц мужского пола. Но пифия не дозволила им этого, объяснив, что Тимо не виновата, что Мильтиад осужден на печальный конец и жрица явилась ему для того, чтобы ввергнуть его в несчастья. Вот что пифия объявила паросцам.

136. Между тем по возвращении Мильтиада из похода на Парос все афиняне громко осуждали его, больше всех сын Арифрона Ксантипп. Перед судом народа он требовал смертной казни Мильтиаду за то, что тот обманул афинян. Мильтиад явился на суд, но не защищал себя: воспаление бедра не давало ему говорить. Но, в то время как сам он перед Народным собранием лежал в постели, его защищали друзья; они многократно упоминали о Марафонском сражении, о взятии Лемноса, о том, как он отомстил пеласгам и передал афинянам взятый у них Лемнос. Народ благоволил к Мильтиаду настолько, что освободил его от смертной казни, но за преступление против государства наложил на него пеню в пятьдесят талантов. После этого Мильтиад умер от воспаления и гангрены в бедре, а пятьдесят талантов заплатил сын его Кимон.

137. Мильтиад, сын Кимона, завладел Лемносом следующим образом. Из Аттики пеласги были вытеснены афинянами, – справедливо или несправедливо, не могу решить. Скажу только, что говорят другие, а именно: Гекатей, сын Гегесандра, в своих повествованиях называл это

изгнание несправедливым. По словам Гекатея, афиняне заметили, что тот участок земли у подножья Гиметта, который они сами раньше подарили пеласгам в награду за возведение стены вокруг акрополя, участок земли первоначально плохой и ничего не стоящий, хорошо возделан пеласгами. Заметив это, они почувствовали зависть и возымели желание овладеть снова этой землей, ради чего и изгнали пеласгов, не выставляя при этом никакого другого повода. Напротив, по словам афинян, изгнание было заслужено пеласгами. Они рассказывают, что, поселившись у Гиметта, пеласги причиняли им обиды. По воду к «Девяти источникам» всегда ходили дочери и сыновья афинян, так как в то время не было еще рабов ни у них, ни у других эллинов; всякий раз, когда девушки приходили за водой, пеласги по своей наглости и высокомерию оскорбляли их. Но этого им было недостаточно, и вот афиняне накрыли их как раз в то время, когда они замыслили вторгнуться в Афины. Насколько, однако, афиняне были великодушнее пеласгов, видно из того, что, захватив на месте преступления и имея право истребить их, афиняне не пожелали этого и только велели им удалиться с Афинской земли. При таких условиях, говорят, выселились пеласги из Аттики и заняли в числе других местностей и Лемнос. Первый рассказ принадлежит Гекатею, второй – афинянам.

138. После изгнания, заняв Лемнос, эти пеласги решились отомстить афинянам. Афинские празднества они знали хорошо, запаслись судами в пятьдесят весел и устроили засаду на афинских женщин в то время, как те совершали празднество в честь Артемиды в Бравроне. Отсюда пеласги похитили многих женщин и отплыли обратно, женщин увезли на Лемнос и сделали своими наложницами. От этих женщин родилось много детей; матери обучали их аттическому языку и воспитывали в нравах Аттики. Дети эти не желали иметь общения с детьми пеласгийских женщин, и если кто-нибудь из них подвергался побоям со стороны пеласгийских детей, то все они сбегались на помощь и отстаивали друг друга; наконец, афинские дети признавали за собою право командовать детьми пеласгийскими и были гораздо сильнее их. Пеласги узнали это и стали совещаться между собой. При обсуждении ими овладел страх: на что способны будут дети от афинянок по достижении зрелого возраста, если уже теперь они действуют единодушно против детей от законных жен и пытаются командовать ими? Поэтому пеласги порешили истребить детей, прижитых ими с аттическими женщинами, а вместе с детьми умертвили и матерей их. Как это злодеяние, так и другое, более раннее, избиение

тамошними женщинами своих мужей, спутников Фоанта, повели к тому, что в Элладе всякого рода ужасные преступления называются обыкновенно лемносскими.

139. После избиения жен и детей земля пеласгов перестала приносить плоды, жены и стада их не производили потомства, как прежде. Угнетаемые голодом и бесплодностью, они обратились наконец в Дельфы с просьбой избавить их от этих зол. Пифия велела пеласгам дать удовлетворение афинянам такое, какого те сами пожелают. Тогда пеласги явились в Афины и объявили, что желают дать удовлетворение за все учиненные ими обиды. Афиняне поставили в пританее прекрасно убранное ложе и перед ним стол, полный всевозможных лучших яств, и предложили пеласгам отдать им свою землю в таком же виде. Пеласги на это быстро отвечали: «Мы передадим, если только корабль в один день совершит путь от вашей земли к нашей под северным ветром». Они были убеждены в невозможности этого, так как Аттика лежит далеко на юг от Лемноса. Вот что случилось в то время.

140. Спустя много лет после этого, когда геллеспонтский Херсонес был под властью афинян, сын Кимона Мильтиад прибыл под пассатным ветром из Элеунта, что на Херсонесе, к Лемносу и приказал пеласгам очистить остров; при этом он напомнил им изречение оракула, которое пеласги считали совершенно неосуществимым. Жители Гефестии исполнили требование Мильтиада, а миринейцы не признавали Херсонеса аттической землей, поэтому подверглись осаде и также сдались. Таким-то образом завладели Лемносом афиняне и Мильтиад.

Книга седьмая Полигимния

Сборы Дария ко второму походу на Элладу, смерть Дария (1–4). Воцарение Ксеркса, военный совет, приготовления к походу, выступление в Сарды (5–32). Выступление из Сард, сооружение мостов через Геллеспонт, переправа полчищ в Европу, беседы с Артабаном (33–56). Путь к Дориску, состав, вооружение и количество войск (57–100). Беседа с Демаратом (101–105.). Путь из Дориска до Фермы (106–126). Осмотр Темпейского ущелья (127–130). Эллины, давшие землю и воду Ксерксу (132–137). Заслуги афинян перед Элладой (138–139). Сборы эллинов к отражению персов, безуспешное посольство эллинов в Сицилию, война сиракузцев с карфагенянами (140–167). Отношение керкирян, критян и фессалийцев к войне с персами (168–174). Расположение эллинского флота у Артемисия,

сухопутного войска у Фермопил (175–178). Стычки между мидянами и эллинами (179–183). Передвижение Ксерксовых полчищ (184–188). Крушение флота Ксерксова; стычка с эллинскими кораблями у Артемисия и отплытие к Афетам (189–195). Прибытие сухопутного войска Ксеркса к Фермопилам (196–201). Эллины с Леонидом во главе у Фермопил (202–209). Битвы эллинов с варварами в Фермопилах, измена Этимальта, гибель эллинского отряда (210–238). Известие Демарата о предстоящем походе Ксеркса на Элладу (239).

1. По получении известия о марафонском сражении царь Дарий, сын Гистаспа, уже и прежде раздраженный на афинян за вторжение в Сарды, теперь еще больше воспылал гневом и с усиленной ревностью стал готовиться к походу на Элладу. Немедленно разослал он гонцов по городам с приказанием снаряжать войско, причем каждому городу велено было поставить больше, нежели прежде, военных кораблей, лошадей, съестных припасов и перевозочных лодок. Известия гонцов волновали целую Азию в продолжение трех лет, пока набирались и вооружались к походу в Элладу самые лучшие люди. На четвертом году египтяне, которые поработаны были Камбисом, восстали против персов; тогда Дарий ускорил приготовления к войне уже с обоими народами.

2. Во время приготовлений к походу на Египет и Афины между сыновьями Дария возникли сильные распри из-за управления государством. Дело в том, что по персидским законам Дарию необходимо было до выступления в поход назначить царя. У Дария еще до его воцарения от дочери Гобрива, первой жены его, было три сына, а после воцарения родились еще четыре сына от дочери Кира Атоссы. Старшим из прежних сыновей был Артобазан, а из последующих – Ксеркс. Происходя от разных матерей, сыновья спорили между собой, причем Артобазан присваивал старшинство себе на том основании, что он самый старший из всех сыновей и что по законам всех народов власть получает самый старший, а Ксеркс указывал на то, что он – сын Атоссы, дочери Кира, и что Кир был освободителем Персии.

3. Дарий не обнаруживал еще своего решения, как вдруг к тому же самому времени явился в Сузы сын Аристона Демарат, лишенный царской власти в Спарте и добровольно обрекший себя на изгнание из Лакедемона. Услышав о споре сыновей Дария, Демарат, как гласит молва, пришел к Ксерксу и посоветовал ему в дополнение к доводам в свою пользу заметить, что он родился в то время, когда Дарий был уже царем и властвовал над персами, между тем как Артобазан

родился тогда, когда Дарий был еще частным лицом; следовательно, не подобает и несправедливо, должен был заключить Ксеркс, чтобы кто-нибудь другой, а не он получил царское достоинство. Ведь и в Спарте, прибавил Демарат, существует закон, по которому если у царя сверх сыновей, родившихся до воцарения его, есть сын, родившийся впоследствии, уже во время царствования отца, то царская власть наследуется тем сыном, который родился позже. Ксеркс воспользовался советом Демарата; Дарий признал справедливость доводов Ксеркса и его назначил царем. Мне, однако, кажется, что и помимо этого совета царскую власть получил бы Ксеркс, так как Атосса была всемогуща.

4. Назначив Ксеркса царем персов, Дарий готов был выступить в поход; но случилось иначе: на втором году после рассказанного события и восстания Египта, во время приготовлений к войне, Дарий скончался*, процарствовав всего тридцать шесть лет, и не довелось ему наказать ни возмущившихся египтян, ни афинян.

5. По смерти Дария царская власть перешла к сыну его Ксерксу. Вначале Ксеркс вовсе не имел охоты воевать с Элладой и собирал войско только против Египта. Но при нем находился и пользовался наибольшим влиянием сын Гобрия Мардоний, двоюродный брат Ксеркса, сын Дариевой сестры. Не раз он так говорил Ксерксу: «Владыка! Не подобает, чтобы афиняне, причинившие столько бед персам, не понесли наказания за содеянное. Теперь следует тебе исполнить твой план. Но, укротив строптивый Египет, ступай войной на Афины; пускай среди народов идет о тебе добрая слава, и пускай в будущем и другие народы воздерживаются от походов в твои земли». Эта речь Мардония взывала к отмщению; но он прервал ее напоминанием, что Европа – прекраснейшая страна, что в ней растут плодовые деревья, что она отличается плодородием и что только один царь достоин обладать ею.

6. Вот что говорил Мардоний из страсти к переменам и из желания самому быть наместником Эллады. С течением времени он сломил упорство Ксеркса и убедил его действовать именно таким образом. Впрочем, помогли этому и некоторые другие обстоятельства. Во – первых, из Фессалии от Алевадов явились к царю послы с предложением идти на Элладу и с изъявлением полной готовности помогать ему. Что касается Алевадов, то это были цари Фессалии. Во – вторых, такие же точно речи вели и бежавшие в Сузы Писистратиды, которые сверх этого старались внушить царю большие надежды. Дело в том, что они привели с собою афинянина Ономакрита – гадалея, приведшего в порядок и обнародовавшего изречение Мусея*. Перед

этим Писистратиды примирились с Ономакритом. Ведь сын Писистрата Гиппарх изгнал было Ономакрита из Афин после того, как Лас из Гермियोны* уличил его в ложном присвоении изречения оракула из сборника Мусея. Изречение было о том, что острова подле Лемноса исчезнут в морской пучине. За это Гиппарх изгнал Ономакрита, хотя до того был очень дружен с ним. Теперь Ономакрит прибыл в Сузы вместе с Писистратидами, которые сообщили о нем чудесные рассказы; поэтому, являясь к царю, он каждый раз произносил какие-нибудь пророческие изречения, причем все те изречения, которые угрожали бедами варварам, он старательно скрывал, выбирая для произнесения только такие, которые сулили варварам величайшие удачи: о том, что Геллеспонту суждено быть соединенным мостом неким персом, и о походе на Элладу. Итак, Ономакрит склонил царя к походу такого рода изречениями, а Писистратиды и Алевады – советами.

7. Хотя Ксеркс и решился воевать с Элладой, однако на втором году после смерти Дария он сначала пошел войной на мятежников, покорил их и весь Египет подчинил гораздо более тяжкому игу, нежели то, под каким страна находилась в царствование Дария; управление его он поручил брату своему, также сыну Дария, Ахемену. Впоследствии Ахемен во время управления Египтом убит был ливийцем Инаром, сыном Псамметиха.

8. После покорения Египта Ксеркс вознамерился предпринять поход на Афины и с этой целью созвал чрезвычайное собрание достойнейших персов*, чтобы выслушать их мнения и в присутствии всех их высказать собственные желания. Когда персы собрались, Ксеркс сказал им следующее: «Не я первый ввожу в вашу среду эти нравы, я унаследовал их от предков и останусь верен им. Как рассказывают старшие, мы никогда еще не предавались праздности со времени уничтожения Астиага Киром и отнятия господства у мидян. Такова воля божества, и во исполнение ее мы счастливо совершаем многие предприятия. Вам хорошо известно, и нет нужды напоминать, какие народы были завоеваны и приобретены Киром, Камбисом и отцом моим Дарием. Что касается меня, то, наследовав царский престол, я был озабочен тем, как бы не умалить царского достоинства, которым облечены были мои предки, и не меньше их приумножить могущество персов. Среди этих забот я убеждаюсь, что мы можем стяжать себе славу и приобрести страну не меньше и не хуже и даже прекраснее и благодатнее нашей державы, но и покарать врагов. Я созвал вас теперь для того, чтобы открыть вам мои замыслы. Я намерен перекинуть мост через Геллеспонт и повести войско через Европу на Элладу, чтобы

наказать афинян за все то, что они учинили персам и отцу моему. Вы знаете, что уже отец мой Дарий готовился к походу на этот народ; но он умер и потому не мог наказать виновных. В борьбе за него и за всех персов я не сложу оружия до тех пор, пока не возьму и не сожгу Афины, жители которых обидели и меня, и отца моего. Ведь они вместе с Аристагором, рабом моим, вторглись в Сарды и предали пламени роши святыни*. Что они сделали с нами потом, когда под предводительством Датиса и Артафрена мы вступили в их земли, это, я полагаю, известно всем вам. Именно за это я и решил идти на них войной; сверх того рассчитываю извлечь из похода следующие выгоды: если мы завоюем афинян и соседний с ними народ, занимающий землю фригийца Пелопса*, то пределы Персидской земли раздвинем до эфирного царства Зевса. Солнце не будет взирать больше ни на какую страну за пределами нашей: я вместе с вами пройду всю Европу и все земли превращу в одну. Если мы покорим названные здесь народы, то, как говорят, не останется больше ни одного города, ни одного народа, которые дерзнули бы на бой с нами. Итак, мы наложим иго рабства как на виновных перед нами, так и на невинных. Я буду признателен, если вы исполните следующее: каждый из вас должен явиться со всей поспешностью к тому времени, которое я для этого назначу, и тот, кто явится с лучше всего вооруженным войском, получит от меня такие подарки, какие считаются у нас наиболее почетными. Так вы должны поступить, а чтобы настоящее предприятие не казалось моим личным делом, я предлагаю его на общее обсуждение, и пускай каждый желающий из вас выскажет свое мнение». Так закончил он свою речь.

9. После Ксеркса говорил Мардоний: «Ты, владыка, превосходишь всех персов не только прежде живших, но и будущих. Все, тобой сказанное, прекрасно и истинно, и то особенно, что ты не позволишь ионянам, живущим в Европе, жалкому народу, издеваться над нами. Страшно сказать, что мы, покорив и поработив саков, индийцев, эфиопов, ассирийцев и многие другие могущественные народы, не потому что они причинили персам какую-нибудь обиду, но из желания приумножить наше могущество, – что мы не покараем эллинов за причиненные нам обиды. Чего нам страшиться? Неужели огромного войска или громадного богатства? Но ведь мы знаем их боевую силу, знаем и убожество, их ведь мы покорили сынов их, тех, которые живут в нашей земле и именуется ионянами, эолийцами и дорийцами. Я сам испытал уже этот народ, когда по приказанию твоего отца ходил на них войной: я дошел было до Македонии, немного оставалось уже до самых Афин, и никто не вступил с нами в бой. Впрочем, как мне рассказывают,

эллины ведут войны по невежеству и глупости бессмысленнейшим способом. Объявив друг другу войну, они выбирают прекраснейшую, совершенно ровную местность, там сходятся и ведут бой; вследствие этого даже победитель удаляется с поля битвы с большими потерями; о побежденных я не говорю вовсе: они гибнут поголовно. Им, как людям одного языка, следовало бы прибегать к глашатаям и посольству и при их посредстве или каким-либо другим способом, а не битвами улаживать споры. Если же воевать друг с другом решительно необходимо, то каждая сторона должна изыскать для сражения такое место, где она наименее одолима, и только в таком месте испытывать противника. Однако при всем безрассудстве в военном деле эллины не решались сражаться со мной, хотя я дошел с войском до Македонии. Кто же, царь, дерзнет выступить войной против тебя, когда ты ведешь с собой все народы и весь флот Азии? Я уверен, эллины не отважатся на это. Если же я ошибаюсь, и безрассудство вселит в них дерзость выступить против нас, то пускай узнают, что мы в военном деле сильнейший из народов. Однако будь что будет, но следует попытаться счастья. Ничего не делается само по себе; напротив, опытом человек достигает всего». Мардоний кончил, подкрепив своей речью мнение Ксеркса.

10. При всеобщем молчании персов, не осмеливавшихся высказать что-либо против предложения, только Артабан, сын Гистаспа, как дядя Ксеркса, стал говорить смело: «Если не высказаны мнения, одно другому противоречащие, то нельзя и выбрать лучшего из суждений и необходимо довольствоваться одним; напротив, выбор становится возможным, если высказаны противоречивые мнения: подобно этому чистое золото познается нами не само по себе; только через трение о камень одного золота подле другого мы отличаем лучшее из них. Уже твоему отцу и брату моему Дарию я советовал не ходить войной на скифов, так как народ этот вовсе не имеет городов. Но он не внял моему совету, рассчитывая покорить скифов – кочевников, но вернулся из похода, потеряв много доблестных воинов. Ты же, царь, собираешься идти войной на народ, превосходящий скифов и почитающийся храбрейшим на море и на суше. Предприятие это опасно, должен сказать тебе правду. Так, ты утверждаешь, что перекинешь мост через Геллеспонт и поведешь войско через Европу в Элладу. Но допустим, что ты потерпишь поражение на суше или на море, или же здесь и там; ведь народ этот почитается храбрым и храбрость его засвидетельствована тем, что афиняне одни истребили столь многочисленное войско, вторгшееся в Аттику с Датисом и Артафреном.

Однако предположим, что им не удастся победить на суше; в таком случае я страшусь того, что они ударят на наши корабли и, одержав победу в морской битве, поплывут к Геллеспонту и там снимут мост. Я не строю этих предположений сам, из собственной головы, но припоминаю, как велико было бедствие, чуть было не постигшее нас в то время, когда отец твой соединил берега Боспора Фракийского, положил мост на Истре и перешел к скифам! Тогда скифы всячески старались убедить ионян, которым была поручена охрана переправы через Истр, снять этот мост. И если бы в то время тиран милетский Гистией согласился с мнением прочих тиранов и не восстал бы против этого, то персидское могущество было бы сокрушено. Страшно даже сказать, что судьба царя всецело находилась в руках одного человека! Поэтому без крайней нужды не подвергай себя такой опасности и послушай меня. Нынешнее собрание распусти; обдумай дело наедине и после того объяви им, если тебе будет угодно, такое решение, какое найдешь наилучшим. Благоразумное решение, по моему мнению, величайшее благо, ибо, если бы даже случилось что-либо вопреки такому решению, это последнее сохраняет свою силу и не осуществляется только случайно. Напротив, лицо, принявшее нелепое решение, даже в случае удачи, нападает только на счастливую находку; решение его все же остается нелепым. Ты видишь, как божество молнией поражает животных, выдающихся над другими, не позволяя им возноситься. Напротив, животные мелкие не раздражают его. Ты видишь также, что оно всегда мечет свои перуны в наибольшие здания и в самые высокие деревья: божеству приятно калечить все выдающееся. Подобно этому и по следующей причине громадное войско может быть сокрушено малочисленным: если из зависти божество наведет на него страх или ударит в него молнией, то неизбежно войско погибнет постыдной смертью. Божество не терпит, чтобы кто-нибудь другой, кроме его самого, мнил высоко о себе. Торопливость в каком бы то ни было деле ведет к неудачам, обыкновенным последствием которых бывают тяжелые потери; выжидание, напротив, приносит выгоды, которые обнаруживаются, если не тотчас, то со временем. Вот, царь, мой совет тебе. А ты, Мардоний, сын Гобрива, перестань говорить пренебрежительно об эллинах, так как они не заслуживают осуждения. Клеветой на эллинов ты подстрекаешь царя к походу на них; к этому направлены, я вижу, все твои усилия. Но этого не должно быть: клевета – величайшее зло. В клевете двое виновных и один обиженный: клеветник виновен в том, что возводит напраслину на отсутствующего; виновен в этом и тот, кто

доверяется клеветнику прежде, чем точно узнает дело. Отсутствующий терпит при этом дважды: от одного потому, что оклеветан им, от другого потому, что он считает его дурным человеком. Впрочем, если война с этим народом должна быть во что бы то ни стало, пускай так; но сам царь должен оставаться в Персии, мы оставим здесь же в качестве заложников и детей наших. В поход выступай ты один, возьми с собой людей по собственному выбору, собери себе войско, какое хочешь. Если предприятие кончится для царя так, как ты говоришь, пускай дети мои будут казнены, а вместе с детьми и я; если же дело кончится так, как я предвещаю, пускай та же участь постигнет твоих детей и тебя вместе с ними, если ты возвратишься домой. Наконец, если не пожелаешь принять этого условия и, невзирая ни на что, поведешь войско против Эллады, предсказываю следующее: когда остающиеся здесь персы получают весть о том, что Мардоний навлек на персов тяжкое бедствие, а сам погиб где-нибудь в Афинской или Спартанской земле, если еще не раньше, в дороге, и растерзан птицами и собаками, тогда ты узнаешь тот народ, против которого советуешь царю идти войной». Так говорил Артабан.

11. Ксеркс в гневе возразил ему: «Артабан, ты брат моего отца, и это сохранит тебя от достойного наказания за оскорбительную речь. Все-таки как малодушного и труса я опозорю тебя тем, что ты не пойдешь со мной в Элладу и останешься здесь вместе с женщинами; я и без тебя сделаю то, что сказал. Я не был бы сын Дария, внук Гистаспа, правнук Арсама, праправнук Ариарамна, потомок Теиспа, Кира, Камбиса, Теиспа, Ахемена, если бы не наказал афинян. Ибо я убежден, что если мы и оставим их в покое, то они не оставят нас; напротив, они снова нападут на нашу землю, как можно заключить из поведения тех афинян, которые вторглись в Азию и сожгли Сарды. Таким образом, ни одной стороне нельзя отступить назад; необходимо или действовать, или терпеть; или мы всецело должны быть подчинены эллинам, или они в такой же мере персам: среднего выхода из этой вражды нет. Итак, справедливость требует, чтобы мы отомстили уже за то, что претерпели раньше; кроме того, должен же я испытать угрожающие мне ужасы в случае войны с тем самым народом, который покорен рабом предков моих, фригийцем Пелопсом; вследствие этого и народ, и земля его называются до настоящего времени по имени завоевателя».

12. На этом беседы кончились. Но к вечеру мнение Артабана стало тревожить Ксеркса, а ночью он обдумал дело снова и сознавал, что поход в Элладу совершенно ему не нужен. Переменив решение, он заснул и, как рассказывают персы, увидел ночью следующий сон: ему

казалось, будто подле него стоит здоровый красивый мужчина и говорит так: «Неужели, перс, ты изменяешь свое решение и не думаешь идти войной на Элладу, раньше приказав персам собирать войско? Неблагоразумно поступаешь, и я не могу одобрить тебя. На чем решил днем, того и держись». Призрак сказал это и исчез.

13. С рассветом Ксеркс перестал и думать о сновидении, созвал тех же самых персов, что и прежде, и сказал им следующее: «Простите, персы, что я так быстро меняю свое решение. Я не достиг еще зрелой мудрости*, а лица, подстрекающие к походу, не оставляют меня ни на минуту. Когда я услышал мнение Артабана, то по молодости мгновенно вспылал, и против лица, старшего возрастом, сорвались у меня неприличные выражения; но я сознал свою ошибку и теперь разделяю мнение Артабана. Итак, я переменяю решение: похода в Элладу не будет, будьте покойны».

14. Персы выслушали это с радостью и благоговейно преклонились пред царем. Ночью во время сна тот же самый призрак снова явился Ксерксу и сказал: «Сын Дария, неужели ты перед персами окончательно отменил поход, вовсе не обратив внимания на мои слова, как будто ты и не слышал их? Знай же: если ты немедленно не выступишь в поход, то из этого произойдет следующее: как быстро ты вознесся и усилился, так же быстро будешь унижен».

15. Ксеркс пришел в ужас от призрака, вскочил с постели и послал гонца за Артабаном. Когда тот явился, Ксеркс сказал ему: «Артабан, тогда я сгоряча поступил неблагоприятно, за благой совет напал на тебя с бранью; но вскоре я переменяю свое мнение и решил, что должен последовать твоему совету. Однако при всем желании не могу этого сделать. После того как я переменяю решение и принял твое мнение, неоднократно мне являлся во сне призрак и решительно не одобрял этого образа действий. Последний раз он удалился с угрозами. Если призрак этот посылается божеством и если божеству угоден поход на Элладу, то тот же самый призрак с такими же внушениями должен явиться и тебе. Я полагаю, это может случиться тогда, когда ты наденешь на себя всю мою одежду, в таком виде сядешь на мой престол и потом уснешь на моей постели». Вот что Ксеркс сказал Артабану.

16. Артабан не сразу повиновался царскому приказанию, так как садиться на престол считал для себя непозволительным; он исполнил приказание лишь по настоянию царя и при этом сказал следующее: «По моему, царь, одинаково важно: быть благоразумным и следовать благим советам другого. Хотя в тебе есть то и другое, но общение с дурными людьми вводит тебя в заблуждение: подобно этому море для

людей полезнее всего другого; но, как говорят, порывы ветров препятствуют ему проявлять природные свойства. Меня огорчили не столько твои обидные речи, сколько то обстоятельство, что из двух высказанных перед персами решений ты предпочел худшее как для тебя самого, так и для персов. Одно мнение способно усиливать высокомерие, а другое смирять его, предостерегать наши души от постоянного недовольства настоящим и постоянного искания большего. Но ты говоришь, что теперь, после обращения к более здравому решению, когда ты отменил уже поход на Элладу, тебя посещает сновидение, воспрещающее распустить войско. Но это, дитя мое, не дело богов. Я гораздо старше тебя и могу объяснить природу витающих среди людей сновидений. Обыкновенно в виде призраков во сне встают перед нами заботы дня, а в последние дни мы заняты были больше всего этим военным походом. Если же свойство сновидений не таково, как я определяю, и им присуще нечто божественное, то относительно этого тобой сказано все: пускай призрак предстанет предо мною и повелит мне то же, что и тебе. Призрак должен явиться мне в любом случае, буду ли я в твоём одеянии или в моём, буду ли я спать в твоей постели или в своей, если только он вообще пожелает явиться ко мне. Ведь призрак, являвшийся тебе во сне, что бы такое он ни был, не до такой же степени наивен, чтобы, глядя на меня, признать меня за тебя из-за твоего одеяния. Впрочем, быть может, призрак не обратит на меня никакого внимания и не удостоит явиться ко мне вообще, буду ли я в моём одеянии или в твоём, но будет все-таки являться тебе; нужно будет и это испытать. Действительно, если призрак не перестанет являться, то и я признаю его делом божества. Если тебе так угодно и решение твое неизменно, если я должен уснуть в твоей постели, пускай так: я исполню твое требование, лишь бы призрак явился и мне». Артабан на этом остановился.

17. В надежде доказать полную неосновательность догадок Ксеркса, Артабан поступил по его совету. Он оделся в платье Ксеркса, сел на царский престол и потом заснул; ему явился во сне тот самый призрак, что и Ксерксу, и, став у его изголовья, проговорил: «Ты ли это отговариваешь Ксеркса, как бы из заботливости о нем, от военного похода на Элладу? Ни в будущем, ни в настоящем не останешься не наказанным за то, что отвращаешь определение рока, а что в случае неповиновения неизбежно претерпит Ксеркс, это объявлено ему самому».

18. С такими угрозами представился призрак Артабану, причем намеревался выжечь ему глаза раскаленным железом. Артабан с

громким криком вскочил с постели, потом сел подле Ксеркса, рассказал ему все сновидение и затем прибавил: «Царь, я, как человек часто видевший уничтожение сильных слабыми, хотел было удержать тебя от увлечений молодости; я знал, как пагубна страсть к большим приобретениям, потому что мне памятен конец похода Кира на массагетов, памятен и поход Камбиса на эфиопов, наконец, я участвовал в походе Дария на скифов. Все это я знал и потому был убежден, что все люди будут считать тебя счастливейшим человеком, если ты останешься в покое. Но так как здесь есть божеское внушение и эллины, как кажется, богами обречены на гибель, то и я сам оставляю прежнее мнение и принимаю другое, а ты объяви персам то, что возвещено тебе божеством, прикажи им готовиться к походу согласно первоначальному твоему распоряжению и вообще позаботься о том, чтобы с твоей стороны ни в чем не было недостатка для совершения похода, допущенного божеством». Так он говорил. Призрак воодушевил обоих, и с рассветом Ксеркс немедленно передал все персам, а Артабан, который прежде один открыто отговаривал от предприятия, теперь так же открыто старался споспешествовать походу.

19. После того как Ксеркс решил выступать в поход, ему явился во сне призрак в третий раз. Маги истолковали сновидение в том смысле, что господство Ксеркса распространится на всю землю и на все народы. Самое сновидение состояло в следующем: Ксерксу снилось, что он увенчан оливковыми листьями, а ветви того же дерева покрывают всю землю; потом венчавший голову веночек исчез. Так было истолковано магами сновидение. Все созванные царем персы возвратились немедленно каждый в свою область и с ревностью приводили в исполнение царское приказание, потому что каждый желал получить обещанные царем дары. Вообще Ксеркс производил набор войска таким образом, что не была пощажена ни одна часть азиатского материка.

20. Действительно, Ксеркс снаряжал войско и заготовлял все нужное для него в продолжение полных четырех лет после вторичного покорения Египта. Лишь на пятом году после этого он начал выступать в поход с громадным полчищем. Это было многочисленнейшее из всех известных нам войск, так что в сравнении с ним ничтожными оказываются войско Дария, ходившее на скифов, то скифское войско, которое в погоне за киммерийцами вторглось в Мидийскую землю, покорило и заняло почти всю Переднюю Азию – за это-то впоследствии и хотел Дарий наказать скифов, – далее, известное по рассказам войско Атридов, ходившее на Трою, наконец, войско мисийцев и тевкров еще перед Троянской войной, то самое, которое переправилось в Европу

через Боспор, покорило всех фракийцев, спустилось до Ионийского моря, а на юге дошло до реки Пеней.

21. Все эти и другие, каковые были военные походы, не могут быть сравниваемы с этим одним. Ведь где тот азиатский народ, который не был бы выведен в поход Ксерксом? Где та река, за исключением больших рек, воды в которой достало бы для войска Ксерксова? Одни народы поставляли корабли, другие образовали из себя пехоту, третьи обязаны были доставить конницу, четвертые, кроме воинов, должны были доставить суда для перевозки лошадей, пятые – длинные корабли для сооружения мостов, шестые – продовольствие и корабли.

22. Так как в первый раз при объезде Афона корабли потерпели крушение, то прежде всего персы в продолжение трех лет занимались рытьем Афонского перешейка. Триремы стояли на якоре подле Элеунта, что на Херсонесе; оттуда отправились воины различных народностей к Афону и там под ударами бича копали ров, на их место явились другие; перекапывали гору и жители Афона. Работами этими руководили персы: Бубар, сын Мегабаза, и Артахей, сын Артея. Афон – высокая и замечательная гора, заселенная, спускающаяся к морю. В том месте, где гора обрывается к материку, она представляет подобие полуострова, причем перешеек имеет около двенадцати стадиев. Это – равнина с небольшими холмами, простирающаяся от моря у Аканфа до противоположного моря у Тороны. На том перешейке, которым кончается Афон, лежит эллинский город Сана. По ту сторону Саны, но по эту сторону горы, находятся другие города, которые по замыслам персидского царя должны были превратиться в островные города из материковых. Это – Дион, Олофикс, Акрофоон, Фисс и Клеоны. Таковы города на Афоне.

23. Перекапывание горы варвары производили следующим образом: пространство по прямой линии, проведенной подле города Сана, разделено было варварами на части по народностям; потом вырыт был глубокий ров. Одни, помещавшиеся ниже всех, копали землю, другие передавали непрерывно вынимаемую землю другим рабочим, стоявшим выше на уступах стен, а эти принятую землю передавали третьим, пока таким образом не доходили до самых верхних рабочих; эти последние относили и выбрасывали землю. Края канавы обрушивались, и потому все народности, кроме финикийцев, несли двойной труд; это было неизбежно, потому что верхнюю и нижнюю части канавы они делали одинакового объема; напротив, финикийцы обнаружили сообразительность и здесь, как и во всех других работах. Ту часть канавы, которая досталась на их долю, финикийцы копали так,

что верхнее отверстие канавы сделали вдвое шире против назначенного объема, а по мере углубления суживали канаву, и когда дошли до дна, то ширина ее была такая же, как и у прочих рабочих. На лугу, прилегавшем к этому месту, финикияне устроили рынок и сбыт товаров; молотое зерно доставлялось им из Азии в изобилии.

24. По моим соображениям, Ксеркс велел перекапывать гору из высокомерия, из желания выставить на вид свое могущество и оставить по себе памятник. Хотя можно было бы без малейшего труда перетащить корабли через перешеек, однако он велел выкопать до уровня моря такой ширины канал, чтобы по нему могли плыть две триремы рядом под ударами весел. Тем же самым народам, которые копали канал, приказано было положить мост на реке Стримон. Вот что делал Ксеркс.

25. Тем временем он велел финикиянам и египтянам заготавливать для мостов корабельные снасти из папируса и «белого льна»* и сделать склады съестных припасов для войска, чтобы ни воины, ни скот не терпели голода во время похода на Элладу. Он приказал делать склады лишь по исследованию местностей, для того чтобы поместить их в наиболее соответствующих пунктах, причем различные народы со всех концов Азии должны были доставлять съестные припасы в разные места на ластовых судах и плотах. Так, обязаны были одни доставлять хлеб к Белому мысу во Фракии*, другие – в Тиродизу у Перинфа, третьи – в Дориск, четвертые – в Эион на Стримоне, пятые – в Македонию.

26. Пока эти люди заняты были возложенной на них работой, собралась вся пехота и, отправляясь из Криталл в Каппадокии, выступила в Сарды. В Криталлах велено было собираться всему войску с материка, которое должно было выходить вместе с Ксерксом. Однако я не могу сказать, какой из наместников привел с собою наилучше вооруженное войско и получил от царя обещанные дары; вообще, я не знаю, доходило ли дело до состязания. После переправы через реку Галис войска вступили во Фригию, прошли ее и прибыли в Келены, где показываются ключи реки Меандр и другой, не уступающей Меандру по величине и носящей имя Катарракт; река эта начинается на рынке в Келенах и изливается в Меандр. Подле этого рынка висит мех из кожи Силенова сына Марсия, относительно которого фригийцы рассказывают, что Аполлон содрал с него кожу и там повесил ее.

27. В Келенах лидиец Пифий, сын Атиса, поджидал Ксеркса с войском и по прибытии царя роскошно угостил персидское войско и самого Ксеркса и предложил ему денег на войну. В ответ на

предложение царь спросил приближенных к нему персов, кто такой Пифий и сколько он имеет денег, если может предлагать это. Те отвечали: «Это – тот самый человек, царь, который подарил отцу твоему Дарию золотой платан и таковую же виноградную лозу; и теперь, насколько мы знаем, он после тебя первый человек по богатству».

28. Эти последние слова изумили Ксеркса, и он сам потом спросил Пифия, сколько у него денег. «Царь, – отвечал тот, – я не стану скрывать от тебя своих богатств, не стану отговариваться незнанием; я знаю их и точно определю тебе. Лишь только я узнал, что ты идешь к Эллинскому морю, я решил тотчас дать тебе денег на войну и сосчитал; при исчислении я нашел у себя две тысячи талантов серебра, а золота четыре миллиона Дариевых статеров без семи тысяч. Все это я дарю тебе. Для себя я имею достаточно с полей и рабов». Так говорил Пифий.

29. Ксеркс остался доволен речью и заметил: «С того времени, любезный лидиец, как я покинул Персию, и до сих пор я не встретил, кроме тебя, ни одного человека, который бы добровольно предложил угощение моему войску, или такого, который, явившись ко мне, сам предложил бы мне денег на войну. Ты же и роскошно угостил войско, и предлагаешь мне большие суммы денег. За это я желаю наградить тебя следующими почетными дарами: я жалую тебя званием моего гостеприимца и пополняю твои четыре миллиона статеров семью тысячами из моих собственных денег; пускай твои четыре миллиона не будут без семи тысяч, я округлю и пополню их. Сам владей тем, что приобрел, и умей навсегда остаться таким, ибо ни в настоящем, ни в будущем тебе не придется каяться в твоём поведении».

30. Так сказал Ксеркс и, исполнив обещание, продолжал путь. Миновав фригийский город по имени Анава и озеро, из которого добывается соль, он вступил в большой фригийский город Колоссы. Там река Лик ниспадает в пропасть и теряется под землей, потом стадиев через пять показывается снова на поверхности земли и также изливается в Меандр. Выступив из Коллосс, войско прибыло в город Кидрары, что на границе Фригии и Лидии; здесь находится вбитая в землю доска, положенная Крезом; надпись на ней гласит об этой границе.

31. Из Фригии Ксеркс вступил в Лидию. Здесь дорога разделилась на две, причем одна, налево, вела в Карию, а другая, направо, – в Сарды; на этом последнем пути неизбежно было переправляться через реку Меандр и проходить мимо города Каллатеба, в котором особый класс людей prepares мед из тамариска и пшеницы. Ксеркс пошел

этой дорогой и здесь нашел платановое дерево, которое за красоту одарил золотым украшением и поручил попечению стража из числа «бессмертных». На другой день царь прибыл в столицу Лидии.

32. По прибытии в Сарды он прежде всего отправил в Элладу глашатаев с требованием земли и с приказанием готовить для царя пиршества. С этим требованием он послал глашатаев во все города Эллады, за исключением только Афин и Лакедемона. За землей и водой царь посылал вторично по следующему соображению: все те, которые отказали в этом глашатаям Дария, теперь, думал он, дадут землю и воду непременно; следовательно, он послал глашатаев с целью испытать это окончательно.

33. После этого царь собирался идти к Абидосу. Тем временем другие воины соорудили мост на Геллеспонте, ведущий из Азии в Европу. Геллеспонтский Херсонес между городами Сестом и Мадитом имеет широкий мыс, спускающийся к морю напротив Абидоса. Здесь немного времени спустя афиняне под предводительством Ксантиппа, сына Арифрона, захватили в плен перса Артаикта, правителя Сеста, распяли и пригвоздили к деревянной доске, – того самого Артаикта, который приводил женщин в святилище Протесилая, что в Элеунте, и там совершал нечестие.

34. К этому-то мысу от Абидоса положено было два моста теми, кому было приказано: один соорудили финикияне из канатов «белого льна», другой египтяне из канатов папирусных. От Абидоса до противоположного берега семь стадиев. Когда мосты уже были положены, поднялась сильная буря, все это разорвавшая и изломавшая.

35. При известии об этом Ксеркс пришел в ярость и велел дать Геллеспонту в наказание триста ударов кнутом, а в открытое море опустить пару оков. Я слышал даже, что он послал вместе с тем и палачей, накладывающих клеймо, для наложения клейма на Геллеспонт. Он приказал также произносить при бичевании следующие жестокие и нечестивые слова: «Тебя, горькая вода, казнит так владыка за то, что ты причинила ему обиду, не будучи обиженной им. Царь Ксеркс переступит через тебя, желаешь ли ты этого или нет. Видно, по справедливости никто из людей не чтит тебя жертвами, как грязный и соленый поток». Одним и тем же лицам приказано было наказать это море и отрубить головы людям, которые руководили сооружением мостов через Геллеспонт.

36. Приказание было исполнено теми лицами, на которых возложена была эта тягостная обязанность. Мосты положены были другими мастерами по следующему способу. Пятидесятивесельные суда

и триремы поставлены были близко друг к другу, в ряд, причем под один мост, со стороны Евксинского Понта, пошло триста шестьдесят судов, а под другой триста четырнадцать; этот последний мост положен был в направлении косвенном относительно Понта и в сторону течения Геллеспонта, чтобы поддерживать натянутые канаты. Установив суда, опустили с них длиннейшие якоря: с первого моста, обращенного к Понту, – против ветров, дующих со стороны Понта и Пропонтиды, а с другого моста, западного, обращенного к Эгейскому морю, – против западного и южного ветров. Между пятидеситивесельными судами и триремами оставлено было для прохода отверстие, через которое желающий мог бы проплыть в Понт и обратно из Понта. После этого натянуты были канаты с суши посредством наворачивания их на деревянные воуроты, причем два сорта канатов не употреблялись более отдельно, как прежде, но на каждый мост положили по два каната из «белого льна» и по четыре из папируса. Толщина и наружная отделка канатов обоих сортов были одинаковы, только «льняные» относительно тяжелее: каждый локоть такого каната весил талант. Когда мосты для переправы были кончены, нарезали толстых досок из брусьев такой длины, какова была ширина каждого моста, правильно расположили их в ряд сверху натянутых канатов и потом связали перекладинами. На эти доски наложили, тоже в порядке, разного дерева, которое покрыли землей, а землю утрамбовали; наконец по обеим сторонам мостов возведены были стены для того, чтобы вьючный скот и лошади не глядели сверху в море и не пугались.

37. По сооружении мостов и по окончании работ на Афоне – когда сделаны были земляные насыпи у устьев канала для того, чтобы оградить их от заносов во время морского прилива, – по получении известия, что и сам канал окончательно готов, войско, снарядившись с окончанием зимы и с наступлением весны, решило двинуться в поход к Абидосу. Когда войско выступало из лагеря, солнце покинуло обычное место на небе и исчезло, при безоблачности неба и в совершенно ясную погоду; день сменился ночью. При виде этого Ксеркс встревожился и спросил магов, что предзнаменует это чудо. Маги отвечали, что божество предсказывает эллинам исчезновение городов их, потому-де что солнце служит предвестником будущего у эллинов, а луна у персов. При этих словах Ксеркс возликовал и начал выступление в поход.

38. Царь с войском был уже в пути, когда лидиец Пифий, перепуганный небесным знамением и возгордившийся получением даров, подошел к Ксерксу со следующими словами: «Я хотел бы, царь, кое о чем допросить тебя; тебе это сделать легко, а для меня оно было

бы очень важно». Ксеркс менее всего догадывался, о чем хотел просить его Пифий, поэтому обещал исполнить просьбу и сказать, чего он хочет. Тогда Пифий смело сказал: «У меня, владыка, есть пять сыновей и всем им выпал жребий идти с тобой в поход на Элладу. Ты, царь, сжался надо мной во внимание к моим преклонным летам и освободи от военной службы одного из сыновей, самого старшего: пускай он примет на себя заботы обо мне и моих богатствах. Четырех сыновей возьми с собой; замыслы твои да исполнятся, и ты возвратишься домой».

39. Ксеркс в сильном гневе отвечал: «Как дерзнул ты, подлый человек, упоминать о твоём сыне, когда я сам иду на войну в Элладу с моими сыновьями, братьями, родственниками и друзьями, ты, раб мой, которому следовало бы идти за мной всем своим домом, вместе с женой? Знай же следующее: дух человека живет в его ушах; если он слышит доброе, то преисполняет тело наслаждением, а слышит злое – закипает гневом. Хотя ты сделал доброе дело и изъявлял готовность сделать другое подобное, но не тебе хвалиться тем, что в великодушии ты превзошел царя; когда же, переменившись, ты проявляешь наглость, то подвергнешься наказанию, не такому, какое заслужил ты, а меньшему. Узы гостеприимства спасают тебя и четырех сыновей твоих; ты будешь наказан смертью одного из сыновей, наиболее тобою любимого». Тотчас после этого царь велел тем лицам, на которых лежала эта обязанность, отыскать самого старшего сына Пифия и рассечь его пополам, потом половины трупа положить по обеим сторонам пути, одну половину направо от дороги, другую налево, а войско должно было проходить между ними. Приказание было исполнено, и войско прошло дальше.

40. Впереди шли носильщики и вьючный скот; за ними следовало составленное из всевозможных народностей войско, смешанное, без разделения по народностям. Когда прошло больше половины войска, образовался промежуток, и воины не шли вместе с царем. Впереди царя шла тысяча отборных персидских всадников*. За ними следовала тысяча воинов, вооруженных копьями, также выбранных из всех персов; они шли с копьями, опущенными к земле; дальше шли десять священных лошадей, так называемых нисейских, в прекраснейшей сбруе. Нисейскими называются лошади вот почему. Есть в Мидии обширная равнина по имени Нисей; на этой-то равнине и водятся величественные лошади. За десятью лошадьми следовала священная Зевсова колесница*, которую везла восьмерка белых лошадей; позади этих лошадей шел пешком возница с уздой в руках, ибо никто из людей не достоин всходить на колесницу. За священной колесницей следовал

сам Ксеркс в боевой колеснице, заряженной нисейскими лошадьми; подле него шел возница по имени Патирамф, сын перса Отана.

41. Так выступил Ксеркс из Сард. Из боевой колесницы он, когда хотел, переходил в колесницу более удобную для дороги. Позади его шли копьеносцы, храбрейшие и знатнейшие из персов, числом тысяча, с поднятыми копьями. Далее следовала другая тысяча всадников из отборных персов; наконец, за этой конницей шло десять тысяч пехоты, выбранной из числа прочих персов. Тысяча человек пехоты имели на своих копьях вместо нижних острых концов золотые гранатовые яблоки. Эти воины кольцом окружали остальных воинов. Девять тысяч человек шли в середине и имели на копьях серебряные гранатовые яблоки. Впрочем, золотые гранатовые яблоки имели и те воины, которые шли с опущенными к земле копьями, тогда как те, что были ближе к царю, имели на копьях золотые яблоки (вместо гранатов). За этими десятью тысячами* следовало десять тысяч персидской конницы. За конницей оставалось свободное пространство в целых два стадия, и наконец, шло смешанной толпой остальное войско.

42. Путь свой из Лидии войско направило к реке Каик и в Мисийскую землю. Отправившись от Каика, войско оставило с левой стороны гору Кану и через Атарней прибыло в Карену. Отсюда оно прошло через фиванскую равнину и миновало города Атрамиттий и пеласгийский Антандр; затем, оставив влево гору Иду, войско вступило в Троянскую землю. Во время ночной остановки под Идой над войском в первый раз разразилась гроза с молнией, погубившая очень много народу.

43. По прибытии войска к реке Скамандр – это была первая река со времени выступления войска из Сард, вода в которой иссякла и была недостаточна для утоления жажды и войска и скота, – Ксеркс пожелал взглянуть на замок Приама и поднялся к нему. Осмотрев замок и подробно расспросив тамошних жителей, Ксеркс принес в жертву Афине Троянской тысячу быков, а маги совершили возлияние героям Троянской войны. После этого ночью военный лагерь был объят ужасом. С рассветом войско выступило оттуда, причем на пути его остались влево города Ретий, Офриней и Дардан, пограничный с Абидосом, а вправо тевкрские Гергифы.

44. Находясь в Абидосе, Ксеркс пожелал сделать смотр всему войску. Действительно, уже заранее устроен был в этом городе на холме высокий трон из белого мрамора собственно для царя; устроили его жители Абидоса по заблаговременному распоряжению Ксеркса. Он сел здесь и, глядя сверху по направлению к берегу, смотрел на сухопутное и морское войско; при этом возымел желание посмотреть и морское сражение. Когда такое сражение произошло и победу одержали сидонские финикияне, царь остался доволен и сражением, и войсками.

45. При виде того, как весь Геллеспонт покрыт кораблями, как все побережье и вся абидосская равнина полны народом, Ксеркс назвал себя блаженным, а потом заплакал.

46. Слезы заметил дядя его Артабан, который вначале свободно высказал свое мнение Ксерксу и отговаривал его от похода на Элладу. Заметив слезы Ксеркса, он спросил его: «Как различно, царь, твое теперешнее поведение от того, что сделано тобой немного раньше: тогда ты объявил себя блаженным, а теперь плачешь». «Скорбь овладела мной, – отвечал Ксеркс, – когда я подумал, как вообще коротка человеческая жизнь, если из такого множества людей ни один не доживет до ста лет». «В жизни нашей мы терпим и другое, более печальное, – возразил Артабан. – При всей краткости жизни нет ни одного такого счастливица ни из этих, ни из прочих людей, который бы не один, а много раз не пожелал скорее умереть, нежели жить. Постигающие нас несчастья и мучающие нас болезни делают то, что и краткая жизнь кажется нам долгой. Поэтому смерть становится для человека желаннейшим убежищем от тягостей жизни; божество,

позволив вкусить нам сладость существования, оказывается завистливым к нему».

47. Ксеркс отвечал на это так: «Перестанем, Артабан, говорить о человеческой жизни, хотя она действительно такова, какой ты определяешь ее, и, обладая счастьем, не будем вспоминать о несчастьях. Скажи мне лучше вот что: если бы призрак сновидения не предстал тебе с такой ясностью, оставался ли бы ты при прежнем мнении, отговаривал ли бы меня идти на Элладу или же переменял бы твое мнение? Отвечай мне решительно». Артабан отвечал: «Да исполнится, царь, явившееся сновидение так, как мы оба того желаем; однако и до сих пор я преисполнен страха и не владею собой, когда вспоминаю многое и вижу, что у тебя есть два опаснейших врага».

48. «Станный ты человек, – возразил на это Ксеркс. – О каких двух опаснейших врагах говоришь ты? Не достаточно ли наше сухопутное войско? Или тебе кажется, что войско эллинское далеко превосходит наше численностью? Или же флот наш уступает эллинскому, или то и другое вместе? Ведь если ты находишь, что силы наши недостаточны вследствие этого, то в самом скором времени может быть набрано другое войско».

49. «Нет, царь, – отвечал Артабан. – Ни один благоразумный человек не может считать недостаточными ни сухопутное наше войско, ни морское, и если бы ты собрал большие полчища, то два врага, о которых я говорю, стали бы еще опаснее. Эти два врага – суша и море. Во – первых, мне кажется, нигде море не имеет такой обширной гавани, которая на случай бури могла бы вместить этот твой флот и сохранить в целости твои корабли. Не говорю уже о том, что одной гавани недостаточно, что они должны бы быть на всем побережье, вдоль которого ты идешь. Тогда как нет у тебя достаточно вместительных гаваней, вспомни, что случайности управляют людьми, а не люди случайностями. Назвав одного из двух врагов твоих, я назову и другого. Суша – враг твой по следующей причине: если тебе на пути не встретится никакого препятствия, то земля будет тем большим врагом твоим, чем больше вперед ты пройдешь, пробираясь все дальше и дальше; полноты благополучия никогда не существует для людей. Поэтому, если ты не встретишь на пути никакого препятствия, я утверждаю, что земля тем вернее принесет тебе голод, чем дальше будешь идти и чем больше будет пройденная земля. Истинно мужественный человек должен обнаруживать робость в то время, когда на что-либо решается, должен взвесить все случайности, но при исполнении необходимо быть отважным».

50. «Действительно, Артабан, – отвечал Ксеркс, – ты правильно обсуждаешь все это. Но не следует бояться всего, все одинаково принимать во внимание; ибо если бы при каждом предстоящем деле ты захотел одинаково взвешивать всевозможные случайности, то ты бы никогда ничего не сделал. Лучше смело приниматься за все и испытать половину бед, нежели заранее страшиться всякой случайности и никогда ничего не потерпеть. Далее, если ты станешь оспаривать все, что бы ни говорилось, то рискуешь ошибаться в такой же мере, как и твой противник. То и другое сводится к одному. Да может ли человек знать достоверно? Думаю, что не может. Людям, решающимся действовать, обыкновенно бывают удачи; напротив, редко удается людям все взвешивающим и медлительным. Ты видишь, какого могущества достигло Персидское государство. Между тем, если бы предшествовавшие мне владыки Персии были такого образа мыслей, как ты, или если бы они не были таковыми сами, но имели подобных советников, то ты бы никогда не увидел такой мощи государства. Они шли навстречу опасностям и тем усилили государство до такой степени. Большие успехи достигаются большими опасностями. Соревнуясь с предками, мы выступили в путь в прекраснейшую пору года, покорим всю Европу и возвратимся домой, нигде не испытав ни голода, ни какого-либо другого бедствия. Во – первых, мы сами снабжены в пути съестными припасами в изобилии; во – вторых, будем иметь хлеб от всех народов, в земли которых придем; ведь мы идем воевать с земледельцами, а не с кочевниками».

51. После этого Артабан сказал: «Хотя ты, царь, велишь нам ничего не бояться, но прими мой совет: необходимо говорить много, когда дело идет о многом. Сын Камбиса Кир покорил и обложил данью всю Ионию, кроме афинян. Я советую тебе ни в каком случае не водить ионян на предков их, потому что и без них мы сможем одолеть врага. Если ионяне последуют за тобой, то непременно случится одно из двух: или они совершат величайшую несправедливость и станут поработать свою метрополию, или же поступят вполне справедливо и будут содействовать ее освобождению. Совершая несправедливость, они тем не принесут нам большой пользы, а поступая справедливо, могут причинить твоему войску большой вред. Вспомни, наконец, и древнее разумное изречение: конец виден не вместе с началом».

52. «Артабан, – отвечал на это Ксеркс, – из всех мнений, тобой высказанных, наиболее ошибочно это последнее, внушаемое опасением, как бы ионяне не изменили нам. У нас есть важнейшее свидетельство их верности, которое можешь подтвердить и ты, и

другие, ходившие с Дарием в поход на скифов, когда во власти ионян было погубить или спасти все персидское войско: они доказали свою честность и верность и не сделали ничего дурного. Помимо этого, если ионяне покинули в наших владениях детей, жен и имущество, то нам и думать нечего об их измене. Поэтому не бойся, будь спокоен, блюди мой дом и власть. Из всех персов тебе одному я доверяю мое царство».

53. После этого Ксеркс отослал Артабана в Сузы и вторично созвал знатнейших персов. Когда те явились, он сказал: «Я созвал вас, персы, для того, чтобы внушить вам быть мужественными и не посрамить прежних подвигов персов, великих и славных; каждый из нас отдельно и все вместе приложим к тому старания, ибо мы добиваемся общего для всех блага. Убеждаю вас, напрягите ваши силы в этой войне, потому что мы идем на народ мужественный, и если одолеем его, то больше не будет войска, которое бы вышло против нас. Итак, помолимся богам, хранителям персов, и будем переправляться».

54. В тот день персы заняты были приготовлениями к переправе, а на следующий, в ожидании восхода солнца, который желали видеть, сжигали на мостах всевозможные благовония и миртовыми ветками усыпали путь. При восходе солнца Ксеркс делал возлияние в море из золотой чаши и молился солнцу* о том, чтобы не случилось с ним какого-либо несчастья, которое могло бы остановить покорение Европы прежде, чем он дойдет до ее пределов. После молитвы царь бросил в Геллеспонт чашу, золотой кувшин и персидский меч, называемый у персов *акинака*. Не могу сказать достоверно, солнцу ли посвящал он эти предметы, когда погружал их в море, или же он раскаивался в том, что бичевал Геллеспонт, и потому поднес эти дары морю.

55. По совершении этого персы стали переправляться, причем по одному из мостов, обращенному к морю, переходила пехота и вся конница, а по другому, обращенному к Эгейскому морю, – вьючный скот и обоз. Впереди всех шли десять тысяч персов с венками на головах, а за ними – смешанное войско из разных народностей. Эти воины переправились в первый день. На другой день первыми переходили всадники и воины с опущенными вниз копьями; эти также были украшены венками. Затем следовали священные лошади и священная колесница, дальше сам Ксеркс, копьеносцы, тысяча всадников, наконец все остальное войско. Вместе с этим переправлялись к противоположному берегу и корабли. Я слышал также, что царь переправился последним.

56. Перейдя в Европу, Ксеркс смотрел, как переправлялось войско под ударами кнутов. Войско его переходило в течение семи дней и семи

ночей без малейшего перерыва. Говорят, уже после переправы Ксеркса один из жителей Геллеспонта сказал: «Зачем, Зевс, ты принял на себя образ перса и назвался Ксерксом вместо Зевса? Зачем, желая сокрушить Элладу, ты ведешь с собой всех людей? Ты мог бы это сделать и без них!».

57. После переправы всего войска и перед самым выступлением в дальнейший путь случилось чудо; Ксеркс не обратил на него никакого внимания, хотя и легко было объяснить его, а именно: лошадь родила зайца. Это ясное чудо означало, что Ксеркс ведет войско на Элладу со всей роскошью и великолепием, а на обратном пути к тому же самому месту бегством будет спасать собственную жизнь. Ему было в Сардах и другое чудо: мулица родила муленка с двойными половыми органами – женскими и мужскими; сверху были мужские органы. Ксеркс не обратил внимания ни на одно из знамений и продолжал путь; вместе с ним шло сухопутное войско.

58. Флот вышел из Геллеспонта и следовал вдоль берега в направлении, противоположном сухопутному войску, а именно: флот плыл к западу, направляя путь свой к Сарпедонскому мысу; здесь ему велено было остановиться. Сухопутное войско шло по направлению к востоку через Херсонес, с правой стороны имея могилу дочери Афаманта Геллы, а с левой – город Кардию, и прошло посередине города под названием Агора. Оттуда оно обогнуло так называемый Черный залив и Черную речку*; воды в этой реке оказалось для войска недостаточно. Переправившись через реку, от которой и залив получил свое название, войско направилось на запад, мимо эолийского города Эноса и гавани Стенторийского озера, наконец достигло Дориска.

59. Дориск представляет побережье Фракии и обширную равнину, по которой протекает большая река Гебр. На этой равнине сооружен царский замок, также именуемый Дориском, а в нем помещался Дарием персидский гарнизон со времени похода на скифов. Местность эту Ксеркс нашел удобной для того, чтобы выстроить в порядок свои войска и сосчитать их, что он и сделал. По прибытии кораблей в Дориск Ксеркс приказал всем начальникам причалить к берегу подле Дориска. На этом берегу находится самофракийский город Сала и другой, Зона, а оканчивается он прославленным мысом Серрий. В древности эта полоса земли принадлежала киконам. Причалив к этому берегу, воины вытащили корабли на сушу и здесь отдыхали. Тем временем Ксеркс в Дориске производил счет войскам.

60. Я не могу в точности определить, сколько войска доставила каждая народность, так как об этом не сообщает никто; всего же

сухопутного войска оказалось миллион семьсот тысяч человек. Сосчитано было войско следующим образом. Собрали в одно место десять тысяч человек, поставили как можно теснее друг к другу и кругом снаружи очертили их линией. После этого десять тысяч воинов отпустили и по кругу возвели стену такой высоты, что она доходила человеку до пупа; затем вводили в огороженное пространство других воинов, пока таким образом не были сосчитаны все. По окончании счета воины распределены были по народностям.

61. В походе участвовали следующие народы: прежде всего, персы, имевшие такое вооружение: на голове шапки из плохо сбитого войлока, называемые тиарами, на теле пестрые хитоны с рукавами, панцирь из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи, на ногах штаны; вместо щита они имели плетенку, под которой висел колчан; копья короткие, луки большие, стрелы тростниковые, наконец, короткие мечи на правом боку*, висящие на поясе. Во главе их был отец Аместриды, супруги Ксеркса. У эллинов в древности персы назывались кефенами; сами же себя называли они артеями, равно как и соседи их. Дело в том, что сын Данай и Зевса Персей прибыл некогда к сыну Бела Кефею, женился на дочери его Андромеде и имел от нее сына Перса, которого здесь и оставил. Случилось так, что у Кефея не было детей мужского пола, вследствие чего жители и названы были по имени Перса.

62. Точно в таком же вооружении выступили в поход и мидяне, потому что это собственно мидийское, а не персидское вооружение. Предводителем мидян был Тигран из рода Ахеменидов. В древности все называли их ариями; только после того, как из Афин к ариям прибыла колхидянка Медея, они стали называться иначе. Так повествуют о себе сами мидяне. Что касается участвовавших в походе киссиев, то вообще они вооружены были так же, как и персы, только вместо шапки носили митру*. Во главе киссиев был сын Отана Анаф. Гирканы по вооружению ничем не отличались от персов, а предводительствовал ими Мегапан, впоследствии правитель Вавилона.

63. Ассирийцы имели на голове медные шлемы, сплетенные из проволоки по некоему варварскому способу, трудно объяснимому; их щиты, копья и мечи походили на египетские; вооружены они были еще дубинками, обитыми железными гвоздями, и носили льняные панцири. Ассирийцы называются у эллинов сирийцами; ассирийцами назвали их варвары. Начальником их был Отасп, сын Артахея.

64. Головной убор бактрийцев был очень похож на мидийский; но луки у них тростниковые, бактрийские, и копья короткие. Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного

войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи, наконец, боевые секиры – *сагарисы*. Саками называли, собственно, амиргийских скифов. Бактрийцев и саков вел Гистасп, сын Дария и Кировой дочери Атосы.

65. Индийцы одеты были в платье из хлопчатой бумаги, луки и стрелы имели тростниковые, последние с железными наконечниками. Так были вооружены индийцы, а находились они под начальством Фарназафра, сына Артабата.

66. Арии имели луки мидийские, а остальное вооружение бактрийское. Предводительствовал ими Сисамн, сын Гидарна. Парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии и дадики имели во время похода такое же вооружение, как и бактрийцы. Предводителями их были: у парфян и хорасмиев – Артабаз, сын Фарнака; у согдийцев – Азан, сын Артея, у гандариев и дадиков – Артифий, сын Артабана.

67. Каспии одеты были в хитоны из шерсти, имели туземные луки из тростника и акинаки. Вождем их был Ариомард, брат Артифия. Саранги щеголяли в раскрашенных одеждах; обувь их доходила до колен; луки и копья у них мидийские. Вождем сарангов был сын Мегабаза Ферендат. Пактии также носили платье из шерсти, вооружены были туземными луками и мечами. Начальником пактиев был Артаинт, сын Ифамитры.

68. Утии, мики и парикании вооружены были так же, как и пактии, начальниками их были: у утиев и миков – сын Дария Арсамен, а у париканиев – сын Эобаза Сиромитра.

69. Арабы носили подпоясанные плащи, луки имели длинные, висевшие на правом плече и натягивавшиеся в обратную сторону. Эфиопы покрыты были барсовыми и львиными шкурами, луки имели из пластинок пальмового дерева, длинные, не меньше как в четыре локтя, и короткие тростниковые стрелы; наконечником стрелы служил вместо железа заостренный камень, такой самый, каким режутся печати. Кроме того, они имели копья с заостренным рогом антилопы наподобие железного наконечника и обитые гвоздями дубинки; перед сражением они окрашивали себе половину тела гипсом, а другую половину суриком. Во главе арабов и живущих над Египтом эфиопов шел сын Дария и Кировой дочери Артистоны Арсам; Дарий любил ее больше всех жен своих и велел вычеканить изображение ее из золота*. Итак, над живущими выше Египта эфиопами и над арабами начальником был Арсам.

70. Восточные эфиопы – на войну шли те и другие – поставлены были рядом с индийцами; по виду народы эти несколько не отличались

друг от друга, разве только по языку и волосам. Действительно, восточные эфиопы имеют прямые волосы; между тем у ливийских эфиопов волосы так курчавы, как ни у какого другого народа. Азиатские эфиопы были вооружены почти так же, как индийцы, только на голове имели кожу со лба лошади, которая снимается вместе с ушами и с гривой. Грива служит султаном на шлеме, а лошадиные уши стоят крепко и прямо. Вместо щитов они употребляют для прикрытия тела журавлиные кожи.

71. Ливийцы имели кожаную одежду и вооружены были кольями, на конце обожженными. Начальником их был Массагес, сын Оариза.

72. Пафлагонцы во время похода имели на головах плетеные шлемы, вооружены были малыми щитами и короткими копьями, сверх того имели дротики и мечи, а на ногах туземные башмаки, доходившие до середины икры. Лигии, матиены, мариандины и сирийцы имели такое же вооружение, как пафлагонцы; эти сирийцы называются у персов каппадокийцами. Во главе пафлагонцев и матиенов шел сын Мегасидра Дот, а предводителем мариандинов, лигиев и сирийцев был сын Дария и Артистоны Гобрий.

73. Вооружение фригийцев было очень похоже на пафлагонское, мало от него отличаясь. По словам македонян, фригийцы назывались бригами до тех пор, пока жили в Европе по соседству с македонянами, а после переселения в Азию переменили вместе со страной и имя бригав на фригийцев. Армении, потомки фригийцев, были вооружены так же, как и эти последние. Во главе обоих народов шел Артохм, зять Дария.

74. Вооружение лидийцев очень походило на эллинское. Первоначально лидийцы назывались меонами, потом переменили свое название в царствование сына Атиса Лида и назвались по его имени. Мисийцы имели на головах туземные шлемы, вооружены были малыми щитами и обожженными на конце дротиками. Это – потомки лидийцев и от горы Олимп* носящие название олимпиенов. Лидийцами и мисийцами предводительствовал Артафрен, сын того Артафрена, который вместе с Датисом напал на Марафон.

75. Фракийцы имели на головах лисьи шкурки, на теле хитоны, а сверху длинные пестрые плащи, на ногах и кругом икр обувь из козьей кожи; вооружены были дротиками, легкими щитами и короткими мечами. После переселения в Азию фракийцы названы были вифинцами; раньше того они назывались, как сами говорят, стримониями, потому что жили на Стримоне. По их словам, они вытеснены были из своего местожительства тевкрами и мисийцами. Во главе азиатских фракийцев шел сын Артабана Бассак.

76. [...Халибы]* вооружены были небольшими щитами из сырой бычьей кожи, и каждый имел по две рогатины ликийской работы, на головах они носили медные шлемы, на шлемах торчали бычачьи уши и рога из меди, а также султаны; икры были заворочены в лоскутья пурпурного цвета. У этого народа есть прорицалище Ареса.

77. Кабалии, или, собственно, меоны, именуемые ласониями, имели одинаковое вооружение с киликийцами; я опишу его, когда буду говорить в этом перечислении о киликийцах. Милии вооружены были короткими копьями и ходили в плащах, застегнутых пряжками. Некоторые из них вооружены были ликийскими луками, а на головах носили кожаные шлемы. Всеми ими предводительствовал сын Гистана Бадр.

78. Мосхи имели на голове деревянные шлемы, вооружены были щитами и короткими копьями с длинными наконечниками. Тибарены, макроны и моссиники вооружены были подобно мосхам. Мосхи и тибарены находились под начальством и предводительством Ариомарда, сына Дария и Пармисы, дочери Смердиса и внучки Кира; макронов и моссиников вел Артаикт, сын Херасмия, который был правителем Сеста, что на Геллеспонте.

79. Мары имели на голове туземные плетеные шлемы и вооружены были небольшими кожаными щитами и дротиками. Колхи покрывали себе головы деревянными шлемами, имели небольшие щиты из сырой бычьей кожи, короткие копья и ножи. Маров и колхов вел Фарандат, сын Теаспия. Алародии и саспиры были вооружены так же, как и колхи; предводителем их был Масистий, сын Сиромитры.

80. Выступившее в поход население островов Эрифрейского моря*, тех, на которых царь поселяет так называемых ссыльных, было одето и вооружено почти так же, как и мидяне. Во главе островитян шел сын Багея Мардонт, который на втором году после этого погиб в сражении при Микале, где он был военачальником.

81. Таковы были народы, шедшие на войну по суше и составлявшие пехоту. Во главе этого войска стояли поименованные мной вожди. Они выстроили воинов в порядок, сосчитали их, назначили начальников тысяч, десятков тысяч, а начальники десятков тысяч назначили сотников и десятников. Кроме того, каждая часть войска и каждая народность имели своих вождей.

82. Итак, начальниками были поименованные выше личности. Начальниками над этими личностями и вообще главнокомандующими всей пехоты были Мардоний, сын Гобрива; Тритантехм, сын того Артабана, который высказывался против похода на Элладу; Смердомен,

сын Отана (оба они – племянники Дария, двоюродные братья Ксеркса); Масист, сын Дария и Атоссы; Гургис, сын Ариаза, и Мегабиз, сын Зопира. Таковы были главнокомандующие всего сухопутного войска, кроме десяти тысяч персов.

83. Во главе десяти тысяч отборных персов стоял сын Гидарна Гидарн. Эти воины назывались у персов «бессмертными» по следующей причине: если кто-нибудь из них выбывал по случаю смерти или болезни, то преемник его был уже выбран, так что «бессмертных» никогда не бывало ни больше ни меньше. По убранству персы превосходили все народности; они же были и храбрее всех. Вооружение их я уже описал; кроме того, они щеголяли золотом в большом количестве. За ними ехали дорожные колесницы с наложницами и прислугой, многочисленной и хорошо одетой. Съестные припасы их отдельно от продовольствия остальных воинов везли верблюды и вьючный скот.

84. Следующие народности составляли конницу, – не все народы доставляли всадников, но только поименованные ниже: прежде всего персы, вооруженные так же, как и персы пешие, но только некоторые всадники имели на голове медные или железные уборы чеканной работы.

85. Среди них были некие кочевники по имени сагартии, персидское племя, между прочим, по языку; вооружение их занимает середину между персидским и пактийским. Сагартии доставляли восемь тысяч всадников; оружия они не употребляют обыкновенно ни медного, ни железного, за исключением коротких мечей; для войны пользуются сплетенными из ремней веревками; с ними-то они и идут на войну. Способ сражения у этого народа таков: сойдясь с неприятелем, сагартий забрасывает свою веревку с петлей на конце и, кого бы ни поймал, лошадь ли или человека, тащит добычу к себе; затянутый в петлю погибает. Таков у них способ сражения; они поставлены были подле персов.

86. Мидяне, равно как и киссии, вооружены были так же, как и пешие. Подобно пешим индийцам вооружены были индийцы конные; они имели верховых лошадей и боевые колесницы, запряженные лошадьми и дикими ослами. Конные бактрийцы и каспии имели такое же вооружение, как и пешие; точно так же ливийцы, все имевшие боевые колесницы. Подобно каспиям парикании в коннице вооружены были так же, как и в пехоте; то же самое относится к арабам, но все они ехали на верблюдах, по быстроте не уступавших лошадям. Только эти народности сражаются верхом.

87. Число конницы, не считая верблюдов и колесниц, было восемьдесят тысяч. Все всадники распределены были по отрядам; но арабы занимали последнее место: так как лошади не могут выносить верблюдов, то верблюды и поставлены были позади для того, чтобы лошади не пугались.

88. Начальниками конницы были сыновья Датиса, Гармамифрас и Тифей; третий товарищ их по командованию, Фарнух, остался позади в Сардах по причине болезни. При выступлении из Сард он подвергся несчастной случайности: во время пути под ноги коня его подбежала собака; конь не заметил перед собой собаки, испугался и, став на дыбы, сбросил Фарнуха. Со времени падения он начал харкать кровью, и болезнь перешла в чахотку. Слуги Фарнуха тогда же немедленно поступили с лошадейю его так, как приказал господин: они вывели ее на то место, где она сбросила с себя господина, и по колени отсекли ей ноги. По такой-то причине Фарнух не участвовал в командовании конницей.

89. Число трирем было тысяча двести семь. Доставили их следующие народы: финикияне вместе с палестинскими сирийцами – триста трирем. Воины на них вооружены были так: шлемы на головах были почти такие же, как у эллинов; имели на себе льняные панцири; вооружены они были щитами, не имевшими железа по краям, и дротиками. По словам самих финикиян, первоначально они жили у Эрифрейского моря*, а потом переселились оттуда и заняли прибрежную полосу Сирии. Эта местность Сирии, равно как и вся та, что простирается до Египта, носит название Палестины. Египтяне доставили двести кораблей. Головы их покрыты были плетеными шлемами; щиты их были вогнутые, с широкими железными краями; имели также копья, пригодные для сражения на кораблях, и большие топоры. Большинство их имели на себе только панцири и вооружены были большими ножами. Таково было вооружение этих народов.

90. Киприоты доставили полтораста кораблей и вооружены были так: цари их обворачивали голову чалмой; прочие воины носили хитоны, вообще же одеты были по – эллински. Киприоты состоят из нескольких народностей: одни из них происходят из Саламина и Афин, другие из Аркадии, третьи из Кифна, четвертые из Финикии, пятые из Эфиопии. Так говорят об этом сами киприоты.

91. Киликийцы доставили сто кораблей. Они имели на головах туземные шлемы, вместо щитов имели тарчи из сырой бычьей кожи и одеты были в шерстяные хитоны. Каждый из них вооружен был двумя дротиками и мечом, очень похожим на египетский нож. Первоначально

килийцы назывались гипахеями, а настоящее название они получили в царствование финикиянина Килика, сына Агенора. Памфилы доставили тридцать кораблей и вооружены были по – эллински. Эти памфилы принадлежат к числу тех, которые рассеялись на пути из-под Трои и были там под предводительством Амфилоха и Калханта.

92. Ликийцы, доставившие пятьдесят кораблей, носили панцири и поножи, имели луки из дерева, стрелы тростниковые без перьев и дротики; на плечах свободно висела козья шкурка, а головы были покрыты шапками с перьями кругом; имели также короткие мечи и косы. Ликийцы происходят из Крита и назывались прежде термилами; ликийцами названы по имени Лика, сына афинянина Пандиона.

93. Азиатские дорийцы доставили тридцать кораблей; происходят эти дорийцы из Пелопоннеса и вооружены были по – эллински. Карийцы доставили семьдесят кораблей; вооружение их вообще было эллинское, но они имели также косы и мечи. Как они назывались в древности, сказано уже в первых наших повествованиях.

94. Ионяне доставили сто кораблей и вооружены были по – эллински. Пока жили в Пелопоннесе, в так называемой ныне Ахее, еще до прибытия в Пелопоннес Даная и Ксуфа, ионяне назывались, как рассказывают эллины, эгиалейскими пеласгами; ионянами названы они по имени Иона, сына Ксуфа.

95. Жители островов вооружены были по – эллински и доставили семнадцать кораблей. Первоначально это также пеласгийское племя; ионийским оно названо впоследствии на том же основании, что и ионяне двенадцатиградия, выселившиеся из Афин. Эолийцы доставили шестьдесят кораблей, вооружены были по – эллински и в древности, как говорят эллины, тоже назывались пеласгами. Жители Геллеспонта, за исключением абидосцев, которые по приказанию царя оставались дома и сторожили мост, – все тамошние жители, принимавшие участие в походе от Понта, доставили сто кораблей и вооружены были по – эллински. Это – колонисты ионян и дорийцев.

96. Воинами на всех этих кораблях были персы, мидяне и саки. Наилучшим ходом отличались корабли, поставленные финикиянами, а из финикийн сидонянами. Как эти отряды, так и те, что входили в состав пехоты, имели каждый своих туземных вождей; о них я не упоминаю при перечислении народов потому, что ход рассказа не вынуждает меня к тому. Действительно, вожди отдельных народностей и не заслуживали упоминания; каждая народность имела такое же число вождей, как и городов; наконец, вожди эти следовали в войске не как военачальники, но как рабы, наравне с прочими воинами. Я назвал уже

тех военачальников, в руках которых была вся власть и которые были вождями отдельных народностей.

97. Во главе флота были: сын Дария Ариабигн, сын Аспафина Прексасп, сын Мегабата Мегабаз и Ахемен, сын Дария и Гобриевой дочери. Во главе египетского флота стоял Ахемен, родной брат Ксеркса; остальной флот имел двух начальников. Тридцати- и пятидесятивесельных кораблей, керкур и длинных судов для переправы лошадей было около трех тысяч*.

98. Из лиц, находившихся на кораблях, наиболее значительными после начальников флота были следующие: сидонянин Тетрамнест, сын Аниса; тириец Маттен, сын Сирома; Мербал, сын Агбала, из Арада; киликиец Сиеннесий, сын Оромедонта; ликиец Киберниск, сын Сика; киприоты Горг, сын Херсия, и Тимонакт, сын Тимагора; карийцы Гистией, сын Тимна, Пигрет, сын Гисселдома, и Дамасифим, сын Кандавла.

99. Поименование прочих начальников отрядов я считаю излишним; но называю Артемисию, которая возбуждает во мне величайшее изумление тем, что, будучи женщиной, отправилась в поход против Эллады. По смерти мужа она сама управляла государством и, имея сына в юношеском возрасте, пошла на войну, никем к тому не вынуждаемая, лишь благодаря смелости и мужественности характера. Имя ее Артемисия; она – дочь Лигдамида, по отцу происходила из Галикарнасса, а по матери из Крита. Она вела с собой жителей Галикарнасса, Коса, Нисира и Калидны на пяти кораблях; корабли ее после сидонских были наилучшими в целом флоте; она же подавала царю наиболее благоразумные советы. Все население городов, которыми управляла Артемисия, я отношу к дорийскому племени, причем галикарнассцев вывожу из Трезена, а прочих из Эпидавра. До сих пор я говорил о флоте.

100. Когда войско было сосчитано и построено в ряды, Ксеркс пожелал объехать его и осмотреть. Так он и сделал. На боевой колеснице царь объезжал свои войска, причем к каждому народу обращался с вопросом о его наименовании, а писцы записывали их ответы, пока так не объехал царь всей конницы и пехоты от одного конца до другого. Когда корабли спущены были на море, Ксеркс по окончании смотра сошел с колесницы, сел на сидонский корабль под золотым шатром и велел плыть вдоль кораблей, обращенных к нему носами; при этом так же, как и во время смотра пехоты, он спрашивал воинов каждого корабля о наименовании народа и велел записывать. Начальники флота приказали кораблям отчалить от берега футов на

четыреста и стать на якоря, выстроившись в прямую линию носами к суше; все воины флота были в полном боевом вооружении. Ксеркс плыл между корабельными носами и берегом и производил смотр.

101. Окончив смотр флота и сойдя с корабля на сушу, Ксеркс позвал Демарата, сына Аристана, участвовавшего в походе его на Элладу, и сказал ему следующее: «Теперь, Демарат, мне приятно предложить тебе вопрос, занимающий меня. Ты – эллин, и город, из которого ты приходишь, не наименьший и не слабейший в числе эллинских городов; так говоришь ты и прочие эллины, беседующие со мной. Поэтому скажи: устоят ли против меня эллины и дерзнут ли поднять на меня руку? Ведь я думаю, если бы собраны были вместе все эллины и прочие живущие на западе народы, то и тогда не в силах были бы устоять против моего натиска; но они к тому же живут в несогласии между собой. Однако я желал бы знать и твое мнение об этом». На вопрос царя Демарат быстро отвечал: «Говорить ли тебе, царь, правду или угодное тебе?» Царь приказал говорить правду, прибавив, что и после ответа он будет ему столь же любезен, как и до того.

102. Выслушав это, Демарат сказал: «Если, царь, велишь говорить тебе сущую правду, так чтобы ты и впоследствии не мог уличить меня во лжи, то скажу тебе, что в Элладе бедность существует искони, потом прибавилась доблесть – плод благоразумия и твердого закона; доблестью Эллада спасает себя и от бедности, и от порабощения. Я воздаю хвалу всем эллинам, занимающим известные дорийские земли, хотя буду говорить тебе не обо всех них, а только о лакедемонянах. Во – первых, невозможно, чтобы когда-либо они приняли твое предложение, клонящееся к порабощению Эллады. Далее, они выйдут на бой с тобой, хотя бы все прочие эллины перешли на твою сторону. Что касается количества лакедемонян, то не спрашивай, при каком числе они способны на это, ибо, если бы их выступило в поход всего тысяча человек, и тогда они будут сражаться с тобой точно так же, как если их будет меньше или больше этого числа».

103. Ксеркс со смехом заметил на это: «Что ты сказал, Демарат? Тысяча человек будет сражаться со столь многочисленным войском? Ну, отвечай мне, ведь ты говоришь, что был царем этого народа: решишься ли ты тотчас вступить в бой с десятком людей? Если действительно государство ваше таково, каким ты его описываешь, то по вашим же законам тебе подобает, как царю их, выдержать бой с двойным числом противников. Поэтому если каждый из лакедемонян способен устоять против десятка людей из моего войска, то от тебя я требую равняться по силе моим двадцати воинам. Тогда, разумеется, мнение твое окажется

справедливым. Если же они так сильны и велики, как ты и другие, посещающие меня эллины, и если вы только кичитесь, то смотри, как бы слова твои не были пустым хвастовством. Рассудим со всей основательностью: возможное ли дело, чтобы тысяча, десять, даже пятьдесят тысяч человек могли устоять против столь многочисленного войска, потому-де что все они одинаково свободны и не подвластны одному человеку? Ведь если лакедемонян пять тысяч, то с нашей стороны на каждого приходится больше тысячи человек. Потом, будучи подвластны одному человеку (как это у нас, персов), они из страха перед ним могли бы обнаружить сверхчеловеческую храбрость и из-под кнута пошли бы на неприятеля, превосходящего их численностью; напротив, будучи предоставлены самим себе, они не способны сделать ничего подобного. Я думаю, что даже при равной численности эллинам трудно было бы устоять в бою с одними только персами. То, о чем ты говоришь, встречается у нас, не часто, правда, но изредка: в числе моих копьеносцев – персов есть такие, которые с готовностью пойдут в бой на трех эллинов каждый. Ты не знаешь этого и потому болтаешь пустое».

104 . «Царь, – отвечал на это Демарат, – с самого начала я знал, что правда моей речи не понравится тебе. Но я сообщил тебе о свойствах спартанцев потому, что ты велел мне говорить лишь суцую правду. Ты сам прекрасно знаешь, как я доволен теперешним моим положением, как я теперь люблю тех, кто отнял у меня царское достоинство и прирожденные права, лишил меня государства и превратил в изгнанника, тогда как отец твой принял меня и дал мне средства к жизни и жилище. Для человека здравомыслящего неестественно отталкивать явное благожелательство и не ценить его высоко. Я не говорю, что способен выдержать битву с десятью людьми, ни даже с двумя, нет у меня охоты вступать и в единоборство. Однако если бы настояла нужда или что-либо важное побуждало выйти на состязание, то с великой охотой я сражался бы с одним из тех людей, каждый из которых считает себя равным трем эллинам. Подобно этому лакедемоняне в единоборстве не уступают в храбрости никакому другому народу, но если они сражаются соединенными силами, то храбростью превосходят все другие народы. Дело в том, что, будучи свободны, они свободны однако не во всех отношениях: над ними есть владыка – закон; они боятся его гораздо больше, нежели твои подданные боятся тебя. Поэтому они исполняют все, чего закон ни потребовал бы от них; а он требует всегда одного и того же – не покидать сражения в виду какого бы то ни было количества врагов и,

оставаясь в строю, или одержать победу, или пасть мертвым. Если ты находишь, что я болтаю пустяки, я готов впредь молчать обо всем; теперь я был вынужден говорить. На все, царь, пускай будет твоя воля». Так отвечал Демарат.

105. Ксеркс обратил разговор в шутку, нисколько не рассердился и милостиво отпустил Демарата. По окончании беседы Ксеркс повел войско через Фракию на Элладу, заранее назначив наместником в Дориске Маскама, сына Мегадоста, и отрешив от должности того, который поставлен был Дарием.

106. Поставленный наместником, Маскам был единственным лицом, которому Ксеркс ежегодно посылал подарки как наместнику, превосходившему своими доблестями всех прочих товарищей, назначенных самим Ксерксом или Дарием; равным образом сын Ксеркса Артаксеркс посылал подарки потомкам Маскама. Еще раньше этого похода наместники были назначены во Фракии и во всех городах Геллеспонта. По окончании похода эллины изгнали всех этих наместников из Фракии и Геллеспонта, за исключением того, что был в Дориске. Наместника Дориска Маскама никто не мог вытеснить до нашего времени, хотя пытались многие. Вот почему каждый персидский царь непременно посылает ему дары.

107. Ни одного из наместников, которые изгнаны были эллинами, царь Ксеркс не считал человеком доблестным, за исключением одного только Бога из Эиона. Этим он был доволен, всегда и высоко ценил сыновей его, оставшихся после отца в Персии. Бог действительно был достоин большой похвалы: когда он был осаждаем афинянами с сыном Мильтиада Кимоном во главе, хотя ему можно было по заключении договора с неприятелем выйти из города и возвратиться в Азию, он не захотел этого, так как царю могло показаться, что он спас жизнь из трусости; потому он держался до последней крайности. Наконец, когда съестных припасов в крепости больше не было, он велел соорудить большой костер, умертвил детей, жену, наложниц, слуг и бросил их тела в огонь; потом все золото и серебро, что было в городе, сбросил с крепости в Стримон и наконец сам кинулся в огонь. Таким образом, персы справедливо прославляют Бога до нашего времени.

108. Из Дориска Ксеркс продолжал поход на Элладу, причем заставлял все народы, встречавшиеся ему на пути, принимать участие в походе. Действительно, вся страна до Фессалии была уже покорена, как сказано мною выше, и платила царю дань, а покорена была Мегабазом и впоследствии Мардонием. На пути из Дориска Ксеркс миновал прежде всего самофракийские укрепленные местности, крайней из которых на

западе был город по имени Месамбрия; за ним непосредственно следует город фасосцев Стрима. Между этими двумя городами протекает река Лис, воды в которой оказалось недостаточно для Ксерксова войска. В древности область эта называлась Галлаикой, а теперешнее название ее Бриантика. С наибольшим основанием и эту область следует приписывать киконам.

109. После переправы через осушенное русло реки Лиса Ксеркс прошел мимо следующих эллинских городов: Маронеи, Дикеи и Абдер, а также мимо следующих известных озер: Исмариды, между Маронеей и Стримой; Бистониды, подле Дикеи, куда несут свои воды две реки – Травос и Компсатос. Подле Абдер Ксеркс не обходил никакого известного озера, но переправился через реку Нест, текущую в море. По выходе из этих стран войско миновало некоторые города на материке; подле одного из них есть озеро, имеющее тридцать стадиев в окружности, изобилующее рыбой и солью; вода из него выпита была досуха только вьючным скотом. Название города Пистир.

110. Таковы были эллинские приморские города, оставленные войском с левой стороны. Оно продолжало путь через страны следующих фракийских племен: петов, киконов, бистонов, сапеев, дерсеев, сатров. Одни из них, жившие у моря, следовали за Ксерксом на кораблях; все прочие из перечисленных мной, жившие внутри материка, обязаны были следовать за ним сухим путем, кроме сатров.

111. Сатры, сколько нам известно, не были покорены никем еще; они одни из фракийцев всегда и по настоящее время остаются свободными. Действительно, они занимают высокие горы, покрытые разнородным лесом и снегами, и отличаются замечательной военной храбростью. Они владеют известным прорицалищем Диониса. Прорицалище находится в высочайших горах, а прорицателями при храме служат бессы из племени сатров; ответы оракула, так же как и в Дельфах, даются прорицательницей; ничего особенного сравнительно с Дельфами здесь нет.

112. Миновав эту область, Ксеркс прошел дальше мимо укрепленных мест пиерийцев, из которых одно носит название Фагрет, а другое Пергам. Путь Ксеркса лежал здесь, мимо этих укреплений, причем с правой стороны оставалась гора Пангей, большая и высокая, с золотыми и серебряными приисками, принадлежащими пиерийцам, одомантам и главным образом сатрам.

113. Миновав пеонов, доберов и пеоплов, живущих к северу от Пангея, Ксеркс пошел дальше на запад, пока не достиг реки Стримон и города Эиона. Правителем этого города был живший еще тогда Бог, о

котором я упомянул немного выше. Область, лежащая вокруг горы Пангея, называется Филлидой; на северо – западе она простирается до реки Ангита, впадающей в Стримон, а на юго – западе до самого Стримона; этой реке маги принесли жертву, умертвив над ней белых лошадей*.

114. Совершив над рекой эти и многие другие жертвенные священнодействия, персы прошли подле «Девяти путей», что в земле эдонян, через мосты, которые уже были положены на Стримоне. Узнав, что местность эта называется «Девятью путями», персы закопали здесь в землю девять юношей и столько же девушек из местного населения. Живых закапывать в землю в обычае у персов. Так, я слышал, что и жена Ксеркса Аместрида велела закопать дважды семь персидских юношей знатного происхождения в честь божества, которое помещают под землей, в благодарность за достижение глубокой старости.

115. Удалившись от реки Стримон, войско направилось на запад к морскому берегу, где миновало эллинский город Аргил; область, над этим городом лежащая, называется Бисалтией. Отсюда войско прошло по равнине Силея, оставив по левой стороне залив, что подле Посидея, миновало эллинский город Стагир и достигло Аканфа. Все эти народности, как те, что жили в окрестностях горы Пангея, так и поименованные раньше, следовали за персами, причем жители морского побережья шли в поход на кораблях, а жившие вдали от моря следовали сухим путем. Того пути, по которому Ксеркс вел свое войско, фракийцы не разрушают и не засевают до нашего времени, относясь к нему с большим уважением.

116. По прибытии в Аканф Ксеркс объявил его жителей своими гостеприимцами, подарил им мидийское платье и вообще хвалил их за ревность, с какой они шли на войну, и за прорытие канала, о чем ему сообщили.

117. Во время пребывания Ксеркса в Аканфе умер от болезни заведовавший строительством канала Артахей, человек, пользовавшийся у Ксеркса большим уважением и принадлежавший к роду Ахеменидов. Это был самый высокий перс, потому что имел пять царских локтей без четырех пальцев, и обладал самым громким голосом; поэтому смерть Артахея сильно огорчила Ксеркса, и он приказал похоронить его со всей пышностью; могилу над ним насыпало все войско. Жители Аканфа по повелению оракула чтут его жертвами как героя, с упоминанием его имени.

118. Итак, смерть Артахея огорчила царя Ксеркса. Те из эллинов, которые принимали у себя персидское войско и угощали Ксеркса,

пришли в крайнюю нужду, так что покидали свои жилища. Так, жителям Фасоса, принимавшим и угощавшим Ксерксово войско от имени своих материковых городов, Антипатр, сын Оргея, выбранный распорядителем, один из наиболее уважаемых граждан, показал, что на угощение израсходовано четыреста талантов серебра.

119. Подобные счета расходов представлялись и в остальных городах распорядителями угощения. Угощения эти, заказывавшиеся задолго и приготавливавшиеся с большими стараниями, бывали обыкновенно таковы: во – первых, лишь только раздавался голос глашатаев, возвещавших о приближении войска, граждане делили между собой имевшиеся в городах запасы хлеба и все заняты были приготовлением пшеничной и ячменной муки на многие месяцы; потом для угощения войска откармливали самый лучший и самый дорогой скот, а также птиц, болотных и живущих на сухой земле, для чего содержали их в клетках и прудах. Далее, из золота и серебра изготовлялись чаши, кувшины и всякая другая посуда, какая ставится на стол, – это, впрочем, только для царя и его застольных товарищей, для прочего войска заготавливалась только пища. Куда бы ни являлось войско, везде стояла готовая палатка, в которой располагался сам Ксеркс, а все войско оставалось под открытым небом. Когда наступало время угощения, жителям, принимавшим войско, было много хлопот; насытившись, войско тут же проводило ночь, а на следующий день воины срывали палатку, всю движимость забирали с собой и так выступали; все уносили с собой, не покидая ничего.

120. В это время жителем Абдер Мегакреоном сказано было меткое замечание: он посоветовал абдеритам, всем вместе, мужчинам и женщинам, идти в свои храмы и там в положении молящих просить богов защищать их впредь от половины возможных несчастий, а за минование несчастий вознести великую благодарность богам, именно за то, что царь Ксеркс не имеет обыкновения употреблять пищу каждый день по два раза. Действительно, говорил он, если бы абдеритам приказано было приготовить и завтрак такой же, как обед, то им оставалось бы выбирать одно из двух: или не дожидаться прибытия Ксеркса, или, оставшись на месте, быть истребленными самым жестоким образом. Эллины, несмотря на всю тягость этих угощений, исполняли волю царя.

121. Между тем Ксеркс отпустил от себя корабли и отдал приказание начальникам флота дожидаться его с кораблями в Ферме – в той Ферме, которая расположена в Фермейском заливе и дала ему название; это, как он слышал, кратчайший путь. От Дориска до Аканфа

войско двигалось в следующем порядке: все сухопутное войско Ксеркс разделил на три части; одна из них должна была следовать вдоль побережья рядом с флотом и находилась под начальством Мардония и Масиста; другая часть войска шла в глубине материка и состояла под начальством Тритантехма и Гергиса. Третья часть, с которой шел сам Ксеркс, двигалась между двумя другими; начальниками ее были Смердомен и Мегабиз.

122. Отпущенный Ксерксом, флот прошел через канал, прорытый в Афоне и ведущий в залив, где находятся города: Асса, Пилор, Синг и Сарта. В этих городах набраны были отряды войска, и Ксеркс поплыл дальше в Фермейский залив, обогнул мыс Ампел в Торонской области и миновал следующие города: Торону, Галепс, Сермилу, Мекиберну и Олинф; и из этих городов взяты были корабли и воины. Земля эта называется Сифонией.

123. От мыса Ампел Ксерксов флот направился прямо к Канастрейскому мысу; это – наиболее выдающаяся часть Паллены. Здесь корабли и воины взяты были из Потидеи, Афития, Неаполя, Эги, Ферамбо, Скионы, Менды и Саны. Города эти расположены на нынешней Паллене, прежде именовавшейся Флегрой. Миновав и эту страну, флот поплыл к назначенному месту, причем взяты были военные отряды и из тех городов, что прилегали к Паллене и находились близко к Фермейскому заливу. Названия этих городов таковы: Липакс, Комбрия, Лисы, Гигон, Кампса, Смила, Энея. Страна эта до сих пор называется Кроссеей. От Энеи, последнего из поименованных мной городов, флот направился в Фермейский залив и к области Мигдонии, пока не прибыл к заранее назначенной ему Ферме, а также к городам Синду и Халестре на реке Аксия. Река эта служит границей между Мигдонией и Боттиейдой, в пределах которой на узкой прибрежной полосе находятся города Ихны и Пелла.

124. В ожидании царя флот расположился станом у реки Аксия подле города Фермы и тех городов, что между рекой и Фермой. Между тем Ксеркс с сухопутным войском, выйдя из Аканфа, направился прямой дорогой по материку к Ферме. Путь его лежал через области Пеонскую и Крестонскую к реке Эхидор, которая начинается в Крестонии, перерезывает Мигдонию и вливается в море подле болота, что у реки Аксия.

125. На этом пути на верблюдов, навьюченных съестными припасами, напали львы. Покидая свои обычные места и бродя по ночам, львы не трогали ничего другого, ни скота, ни людей, и нападали только на верблюдов. Для меня странно, отчего бы это так: что

удерживало львов от всего прочего и побуждало их нападать только на верблюдов, хотя раньше они не видали этого животного и не испытывали его силы.

126. Впрочем, в этих местах водится много львов и диких быков, огромные рога которых ввозятся к эллинам. Пределами жительства львов служат реки: Нест, протекающий через Абдеры, и Ахелой, текущий через Акарнанию; ибо к востоку от Неста в дальнейшей части Европы лев нигде не встречается, равно как и к западу от Ахелоя на остальном материке; он водится только на пространстве между этими двумя реками.

127. По прибытии в Ферму Ксеркс расположился с войском. Военный лагерь занял вдоль моря столько места, что, начинаясь у города Фермы и у Мигдонии, оканчивался у рек Лидий и Галиакмон; по слиянии в одну реку они составляют границу между Боттией и Македонией. Варвары в этой местности расположились лагерем; но из поименованных выше рек один Эхидор, вытекающий из Крестонской области, оказался для них недостаточным: воды его не достало для питья.

128. Из Фермы Ксеркс видел фессалийские горы, чрезвычайно высокие, Олимп и Оссу. Услышав, что между ними находится узкая лощина, орошаемая рекой Пеней, и что через нее лежит путь в Фессалию, он возымел сильное желание подплыть к устью Пенея и взглянуть на него. Царь предполагал двинуться в путь вверх через область верхних македонян в землю перребов мимо города Гонн. Ему говорили, что это – самый безопасный путь. Захотел – и сделал. Взойдя на сидонский корабль, на который он всегда садился в таких случаях, Ксеркс дал сигнал всему флоту сняться с якоря, оставив на месте сухопутное войско. Подойдя к устью Пенея и взглянув на него, Ксеркс был сильно удивлен, подозвал проводников и спросил, нельзя ли отвести реку и направить ее к морю по другому руслу.

129. Молва гласит, что в древности Фессалия была озером, потому что со всех сторон заключена была чрезвычайно высокими горами. С востока ее ограничивают горы Пелий и Осса, соединяясь между собой основаниями; на севере возвышается Олимп, на западе – Пинд, а на юге и юго – западе – Офрис; Фессалия есть котловина, заключенная между этими горами. Из множества рек, в нее вливающихся, наиболее значительны следующие пять: Пеней, Апидан, Одохон, Энипей и Памис. Все эти реки вытекают из гор, обнимающих Фессалию, входят под собственными именами в эту равнину и, соединив свои воды в одну реку, узким ущельем изливаются в море. Непосредственно после

слияния рек только имя Пеней получает преобладание над прочими и остальные реки превращает в безымянные. Говорят, что в древности, когда еще не было ущелья и этого истока для воды, те же самые реки и, кроме рек, озеро Бебеида, не имея теперешних своих названий, протекали так же, как и теперь, и своими водами превращали всю Фессалию в море. По словам самих фессалийцев, ущелье, через которое протекает Пеней, сделано Посейдоном, и это правдоподобно. Действительно, всякий, кто думает, что Посейдон сотрясает землю и что расщелины, производимые землетрясением, дела рук этого божества, тот и при виде этого ущелья может сказать, что оно сделано Посейдоном; ибо для меня очевидно, что это горное ущелье есть последствие землетрясения.

130. На вопрос Ксеркса, не может ли быть для Пенея другого выхода в море, с точным знанием дела отвечали: «Царь, река не имеет другого выхода к морю, кроме этого одного, потому что вся Фессалия кругом окаймлена горами». Как говорят, Ксеркс на это заметил: «Сообразительные люди фессалийцы. Уже задолго они остерегались этого и сообразили между прочим, что занимают страну, которую можно столь легко взять и так быстро покорить. Стоило бы только направить эту реку в их страну, с помощью насыпи удалив воду из ущелья и отклонив с того русла, по которому теперь текут ее воды, – и вся Фессалия, что за этими горами, была бы затоплена». При этом замечании Ксеркс имел в виду потомков Алевада, потому что они, будучи сами фессалийцами, сдались царю прежде всех эллинов, и Ксеркс воображал, что они предлагали ему союз от имени всего своего народа. После этого царь обратно отплыл к Ферме.

131. Много дней пробыл он в Пиерии, потому что третья часть персидского войска вырубала леса на македонских горах для того, чтобы все полчище могло перевалить через горы к перребам. Тем временем возвратились назад глашатаи, посланные в Элладу с требованием земли, причем одни вернулись с пустыми руками, а другие – с землей и водой.

132. Землю и воду дали: фессалийцы, долопы, эниены, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы и другие беотийцы, за исключением феспийцев и платейцев. Против них те эллины, что решались на войну с варваром, заключили между собой союз, скрепленный следующей клятвой: все те эллины, которые без нужды сдались персам, должны будут, в случае победы союзников, пожертвовать дельфийскому божеству десятую долю состояния отступников. Такую клятву дали друг другу эллины.

133. В Афины и Спарту Ксеркс не послал глашатаев с требованием земли по следующей причине: когда прежде Дарий послал к ним глашатаев с этой целью, то афиняне бросили требовавших в яму, а спартанцы в колодезь, предлагая оттуда самим взять землю и воду и отнести царю. Вот почему Ксеркс теперь не посылал туда глашатаев с требованием. Не могу сказать, какая беда постигла афинян за то, что они так поступили с глашатаями, разве то, что разорены были их страны и город; но мне кажется, не это было причиной их разорения.

134. Однако на лакедемонян обрушился гнев Агамемнова глашатая Талфибия. В Спарте есть святилище героя Талфибия, есть и потомки его, именуемые Талфибидами, на которых возложена почетная обязанность выполнять все посольства от имени спартанского государства. После умерщвления глашатаев спартанцы не могли получить во время своих жертвоприношений благоприятных указаний, и так было долгое время. Это огорчало и удручало лакедемонян; они часто созывали Народное собрание и через глашатая объявляли, не желает ли кто из лакедемонян пожертвовать жизнью для Спарты. Спартанцы Сперхий, сын Анериста, и Булис, сын Николая, люди знатные по происхождению и очень богатые, добровольно вызвались дать Ксерксу удовлетворение за гибель Дариевых глашатаев в Спарте. Поэтому спартанцы отослали их к мидянам на гибель.

135. Удивления достойна и отвага этих людей, и нижеследующие слова их. По прибытии в Сузы они явились к Гидарну. Гидарн, родом перс, был правителем прибрежных народов в Азии. Он принял их радушно и во время угощения спросил: «Почему, лакедемоняне, вы отвергаете дружбу царя? Взгляните на меня и на мое положение и судите, как царь умеет ценить людей достойных. Итак, если и вы отдадитесь царю, то с его соизволения каждый из вас может стать владыкой Эллинской земли, потому что царь считает вас доблестными людьми». На это спартанцы отвечали: «Обращенный к нам совет твой, Гидарн, односторонен. Ты советуешь нам то, что испытал сам, но не то, чего не испытал. Рабское состояние тебе известно, но свободы ты не вкушал и не знаешь, приятна ли она или нет, ибо если бы ты испытал ее, то советовал бы нам сражаться за нее не копьями только, но и секирами». Так отвечали они Гидарну.

136. По прибытии в Сузы спартанцы явились к царю. Когда оруженосцы приказывали им и хотели силой заставить их пасть в благоговении ниц пред царем, те отказались исполнить это даже в том случае, если будут наклонять их толчками в голову; не в обычае у них, говорили спартанцы, молиться человеку, и не ради этого они пришли

сюда. Отвергнув такое требование, они засим сказали приблизительно следующее: «Царь мидян, лакедемоняне прислали нас для того, чтобы дать удовлетворение за погибших в Спарте глашатаев». В ответ на это Ксеркс по своему великодушию заметил, что он не уподобится лакедемонянам; те умерщвлением глашатаев нарушили правила, обязательные для всех народов, сам он, порицающий их за это, не сделает того же и не избавит лакедемонян от вины умерщвлением пришедших.

137. По совершении этого спартанцами гнев Талфибия немедленно был смирен, хотя Сперхий и Булис возвратились в Спарту. Однако, по словам лакедемонян, много спустя он снова вспыхнул во время войны пелопоннесцев и афинян, и при том самым странным образом. Что гнев Талфибия обрушился на вестников и не унимался до тех пор, пока не был удовлетворен, это было справедливо; напротив, что он постиг сыновей тех лиц, которые ходили к царю для умилоствления разгневанного Талфибия, именно на Николая, сына Булиса, и на Анериста, сына Сперхия, который с помощью вполне вооруженного ластового судна завладел тиринфской колонией Галиеями, – это представляется мне ясно делом разгневанного божества. Ибо люди эти в качестве послов отправлены были лакедемонянами в Азию; но фракийский царь Ситалк, сын Терея, и абдерит Нимфодор, сын Пифея, выдали их, захватив подле Бисанфа, что на Геллеспонте; доставленные в Аттику, они были казнены афинянами, вместе с ними и коринфянин Аристей, сын Адиманта. Впрочем, это случилось многие годы спустя после похода персидского царя*.

138. Возвращаюсь к прежнему рассказу. Хотя военный поход царя имел такое название, как будто войско шло на одни Афины, но на самом деле он был направлен против всей Эллады. Эллины знали об этом задолго до того, и не все одинаково относилась к походу. Те из них, которые дали персу землю и воду, были спокойны в уверенности, что варвары не причинят им никакой беды. Напротив, отказавшие в земле и воде пребывали в большом страхе, потому что в Элладе не было достаточного числа кораблей для того, чтобы выдержать нападение врага, ибо масса населения не желала вести войну и сильно сочувствовала мидянам.

139. Здесь я вынужден высказать мнение, ненавистное большинству эллинов, однако не стану умалчивать о том, что кажется мне истиной. Если бы афиняне из страха перед угрожающей опасностью покинули свою страну или, не покидая и оставаясь на месте, отдались бы Ксерксу, никто бы не решился выступить против

царя на море. Между тем, если бы никто не противостоял Ксерксу на море, дела на суше сложились бы приблизительно таким образом. Хотя бы пелопоннесцы и оградили себя многими стенами на Истме, однако лакедемоняне были бы покинуты союзниками, не добровольно, но по необходимости, потому что варварский флот брал бы город за городом и лакедемоняне остались бы без союзников. А одни лакедемоняне погибли бы, хотя бы и с честью и по совершении славных подвигов. Следовательно, они или испытали бы такую участь, или же раньше этого, после перехода остальных эллинов на сторону мидян, сами заключили бы мир с Ксерксом. В том и другом случае Эллада подпала бы под власть персов. Действительно, я не могу понять, какая была бы польза от стен, возведенных на Истме, если бы море было во власти царя. Вот почему, не погрешая против истины, афинян можно назвать спасителями Эллады, ибо то решение дела должно было возобладать, какое избрали афиняне. Так, решив, что Эллада должна оставаться свободной, они одни возбуждали к борьбе всех тех эллинов, которые не перешли на сторону мидян, и с помощью богов отразили персидского царя. Даже приходившие из Дельф изречения оракулов, грозные, наводившие страх, не заставили их покинуть Элладу; они остались на месте и решились померяться силами с врагом, напавшим на их землю.

140. Дело в том, что афиняне отправили было послов в Дельфы с целью спросить оракула. Когда по совершении обрядов подле святилища послы вступили в храм и сели, пифия по имени Аристоника изрекла следующее:

Чего сидите, жалкие люди? Покинь свои жилища
И высокие холмы кругообразного города и
спасайся на окраины земли.
Не уцелеют ни голова, ни туловище,
Ни ноги, ни руки, ни середина тела; все исчезнет.
Сокрушат его огонь и бурный Арей,
устремляющийся на сирийской
колеснице.
Истребит он множество укреплений, не тронет
твоего одного;
Он предаст всепожирающему пламени множество
храмов бессмертных,
Которые теперь уже истекают поўтом, трепещут в
ужасе;

С вершин кровель их течет черная кровь,
предвестница неизбежных бед.
Но ступайте из храма и душу вашу излейте в
скорбях.

141. Этими словами афинские вопрошатели оракула были глубоко опечалены. Так как возвещенное оракулом несчастье повергло их в отчаяние, то Тимон, сын Андробула, один из влиятельнейших людей в Дельфах, посоветовал им с веткой в руках вторично отправиться к оракулу и спросить его в положении молящих. Афиняне вняли этому совету и обратились к оракулу с такими словами: «Скажи нам, владыка, что-нибудь более утешительное о нашей родине, воззри на молитвенные ветви, с которыми мы пришли к тебе, или же мы не уйдем из храма и останемся в нем до конца жизни». Во второй раз пророчица отвечала следующее:

Паллада не может умилоствовать Олимпийца
Зевса
Ни настойчивыми мольбами, ни мудрым советом.
Опять скажу тебе непреложное слово:
Хотя будет взято все, что содержат в себе гора
Кекропа*
И долина священного Киферона,
Далеко видящий Зевс даст Тритогенею* одну
твердыню деревянную,
Которая должна остаться несокрушимой и
сохранит тебя и детей твоих.
Не жди ты спокойно конницы и многочисленной,
С суши наступающей пехоты, но оберни тыл и
отступай;
Будет время – и ты еще встанешь против врага.
Божественный Саламин, ты погубишь сыновей
жен твоих
Или в пору посевов плодов Деметры, или во
время уборки.

142. Так как это изречение оракула было более милостивым и таковым показалось, то вопрошатели записали его и возвратились в Афины. Когда по возвращении в город они объявили изречение оракула перед народом, из множества мнений, высказанных при объяснении

оракула, особенно расходились два: по словам некоторых стариков, божество возвещало, что акрополь уцелеет, так как акрополь в старину огорожен был терновым плетнем, и выражение «деревянная твердыня» они относили к этой изгороди. По словам других, божество указывало на корабли; поэтому они советовали бросить все остальное и заняться снаряжением кораблей. Однако люди, понимавшие под «деревянной твердыней» корабль, смущались двумя последними стихами в изречении пифии:

Божественный Саламин, ты погубишь сыновей
жен твоих
Или в пору посевов плодов Деметры, или во
время уборки их.

Мнение людей, утверждавших, что «деревянная твердыня» означает корабли, опровергалось этими стихами. Действительно, толкователи оракулов объясняли эти слова в том смысле, что в случае морского сражения они будут разбиты у Саламина.

143. В это время среди афинян был человек, лишь недавно ставший рядом со значительнейшими гражданами; имя его было Фемистокл, а назывался он обыкновенно сыном Неокла. Этот-то человек утверждал, что толкователи оракулов верно объяснили не все, а именно: если бы упомянутый стих действительно относился к афинянам, то, по мнению Фемистокла, он не был бы облечен в столь мягкие выражения, и вместо «божественный Саламин» было бы сказано «злосчастный Саламин», – если бы действительно гибель подле Саламина предстояла его населению; таким образом, при правильном понимании изречения слова божества относятся к неприятелю, а не к афинянам. Поэтому Фемистокл советовал приготовляться к сражению на кораблях, потому что именно они и есть деревянная твердыня. Когда Фемистокл высказал свое мнение, афиняне отдали предпочтение ему перед объяснением тех, кто советовал не готовиться к сражению на море и вообще не помышлять о сопротивлении, но покинуть Аттику и заселить какую-нибудь другую землю.

144. Раньше этого, к счастью, восторжествовало и другое мнение того же Фемистокла. Когда у афинян в государственной казне собрано было много денег, поступавших с Лаврийских рудников, и когда граждане пожелали разделить их между собой по десять драхм на человека, Фемистокл убедил афинян воздержаться от дележа и соорудить на эти деньги двести кораблей для войны, именно для войны

с эгинцами. Действительно, вспыхнувшая тогда война сделалась спасительной для Эллады в будущем, потому что она сделала Афины морской державой. Хотя корабли не были употреблены для той цели, для какой были сооружены, однако благодаря этому они имелись в Элладе наготове, когда в них была нужда. Итак, афиняне имели уже эти корабли, сооруженные раньше; нужно было соорудить еще другие. По получении ответа оракула афиняне, обсудив его, решили по совету божества взойти всем на корабли и выступить на море против нападающих варваров вместе с теми эллинскими городами, которые пожелают к ним присоединиться. Таковы были изречения оракула афинянам.

145. Во время общих собраний эллинов собственно Эллады, которые настроены были более мужественно, давались клятвы в верности, устраивались совещания. Там они решили прежде всех других дел прекратить между собою распри и войны. Войны были: между разными городами, но самая ожесточенная между афинянами и эгинцами. Потом, узнав, что Ксеркс с войском находится в Сардах, они решили послать в Азию соглядатаев разузнать о могуществе царя, а в Аргос послов с предложением союза против персов; другие послы отправлены были в Сицилию к сыну Диномена Гелону, на Керкиру – с требованием оказать помощь Элладе, а также на Крит, – все это с той целью, чтобы, если можно, объединить всех эллинов и всем согласно действовать заодно, так как опасность угрожала одинаково всем эллинам. Что касается Гелона, то силы его считались значительными, далеко превосходившими силы всякого другого эллинского государства.

146. Итак, согласно общему решению эллины прекратили взаимные распри и прежде всего отправили в Азию трех человек в качестве соглядатаев. Они пришли в Сарды и разузнавали положение царского войска, но были пойманы; начальники подвергли их пытке и велели отвести на казнь. Смерть их была уже решена, когда узнал об этом Ксеркс; он не одобрил приговора военачальников и послал нескольких оруженосцев с приказанием привести соглядатаев к нему, если только застанут их в живых. Оруженосцы нашли их еще живыми и представили царю. Услышав, зачем они пришли, Ксеркс приказал оруженосцам водить их везде, показать им всю пехоту и конницу и, когда насмотрятся вдоволь, отпустить их невредимыми, куда бы идти те ни пожелали.

147. Давая такое приказание, царь прибавил, что, если бы соглядатаи погибли, эллины не узнали бы заранее, что его могущество превышает всякого описания, а умерщвлением трех человек врагу не

причинишь большого ущерба. Между тем, по его мнению, сказал царь, эллины узнают от соглядатаев по возвращении их в Элладу о его могуществе и отрекутся от своей свободы прежде, чем состоится поход; таким образом, персам не будет нужды утомлять себя походом на эллинов. Подобное же мнение Ксеркс высказал и в другой раз, а именно: находясь в Абидосе, он увидел нагруженные хлебом суда, идущие из Понта через Геллеспонт на Эгину и в Пелопоннес. Приближенные царя узнали, что суда – неприятельские, готовы были захватить их и взирали на царя в ожидании приказа. Но Ксеркс спросил находившихся на судах, куда они плывут: «К твоим врагам, владыка, везем хлеб». Царь на это заметил: «Не плывем ли и мы туда, куда они, с хлебом и другими запасами? Что же дурного в том, что они везут нам хлеб?».

148. После осмотра соглядатаи были отпущены и возвратились в Европу, а эллины, заключившие между собою союз против персидского царя, после снаряжения соглядатаев отправили послов в Аргос. Аргивяне следующим образом рассказывают о своих делах. О приготовлениях варваров против Эллады они узнали в самом начале и, сообразив, что эллины будут стараться привлечь их к войне против персов, отправили послов в Дельфы спросить божество, как наилучше поступить им. Ведь незадолго до того шесть тысяч аргивян погибло от лакедемонян и Клеомена, сына Анаксандрида. Вследствие этого они и обратились в Дельфы. На вопрос аргивян пифия отвечала так:

Ненавистный соседям, любезный бессмертным
богам,
Сиди настороже, копье удерживай дома,
Защищай голову: голова спасет туловище.

Вот какой ответ, говорят аргивяне, дала им тогда пифия. После этого прибыли в Аргос послы и явились в сенат с возложенным на них поручением. В ответ на предложение аргивяне сказали, что они готовы исполнить просьбу, но под условием заключения мира с лакедемонянами на тридцать лет и одинакового с ними участия в главенстве над союзом; хотя, говорили аргивяне, главенство по справедливости принадлежат им одним, однако они довольствуются и половиной его.

149. Таков, говорят, был ответ сената, хотя оракул и запрещал им вступать в союз с эллинами. Они боялись оракула, но желали заключить тридцатилетний мир для того, чтобы в продолжение этих лет дети их

достигли зрелого возраста; если же мира не будет, опасались они, то в случае нового поражения от персов сверх постигшего их несчастья они в будущем подпадут под власть лакедемонян. Далее говорят, что послы из Спарты отвечали на речь сената следующее: относительно мира они доложат народу. Что касается главенства, то им поручено дать ответ, и сказали, что у лакедемонян два царя, а у аргивян один, поэтому невозможно, чтобы один из царей Спарты отказался от участия в главенстве, но нет никакого препятствия к тому, чтобы рядом с двумя их царями аргосский также имел равное право голоса. Аргивяне рассказывают, что они не могли снести такого высокомерия спартанцев и предпочли покориться варварам, нежели уступить лакедемонянам; поэтому послам приказано было покинуть страну до захода солнца, ибо в противном случае с ними поступлено будет как с врагами. Так рассказывают об этом сами аргивяне.

150. Распространен в Элладе и другой рассказ, а именно: прежде чем идти войной на Элладу, Ксеркс отправил в Аргос глашатая. Как говорят, явившись туда, глашатай сказал: «Аргивяне! Царь Ксеркс объявляет вам следующее: «Мы полагаем, что Перс, от которого мы происходим, сын Персея и внук Данаи, рожденный дочерью Кефея Андромедой. Таким образом, мы ваши потомки. Ни нам не подобает идти войной на наших предков, ни вам в союзе с другими выступать против нас; поэтому спокойно оставайтесь дома. Если замыслы мои осуществятся, я буду ценить вас превыше всех народов»». Говорят, что аргивяне не оставили этого предложения без внимания и в то время ничего эллинам не обещали и ничего от них не требовали. Только после того-де, как эллины стали приглашать их к союзу, они обратились к лакедемонянам с требованием, чтобы иметь предлог оставаться в покое, ибо они заранее знали, что лакедемоняне не уступят им доли своей власти.

151. С этим рассказом согласуется, говорят некоторые эллины, следующий случай, имевший место много лет спустя, а именно: по какому-то другому делу в Мемноновых Сузах находилось афинское посольство с Каллием, сыном Гиппоники, во главе. В то же самое время и аргивяне отправили послов в Сузы спросить сына Ксеркса Артаксеркса: сохраняется ли еще с ними, как они того желали бы, дружественный союз, заключенный ими с Ксерксом, или же они считаются его врагами. Царь Артаксеркс на это-де отвечал, что сохраняется вполне и что ни к одному городу он не относится так дружески, как к Аргосу.

152. Посылал ли Ксеркс глашатая в Аргос с таким предложением и являлись ли аргосские послы в Сузы спрашивать Артаксеркса о союзе, достоверно сказать не могу. Я сообщаю только то, что рассказывают сами аргивяне. Полагаю только, что если бы все люди собрались со своими пороками в одно место с целью обменяться ими с соседями, то, пристально взглянув на пороки соседей, каждый охотно унес бы с собой назад бремя пороков, с коим пришел. Так и поведение аргивян было не самое позорное. Я обязан передавать то, что говорят, но верить всему не обязан; это замечание имеет силу относительно всего моего повествования. Действительно, говорят и то, что аргивяне пригласили персидского царя идти на Элладу после того, как война их с лакедемонянами оказалась несчастной, когда своему тогдашнему положению они готовы были все предпочесть. Это об аргивянах.

153. Другие послы от союзников явились в Сицилию для переговоров с Гелоном; в числе их был и Сиагр от лакедемонян. Предок этого Гелона, обитатель Гелы, происходил с острова Телос, что у Триопия. Он принял участие в основании Гелы линдянами с Родоса и Антифемом. С течением времени потомки его были верховными жрецами божеств преисподней и непрерывно исполняли эту обязанность, после того как один из предков их, Телин, приобрел это звание следующим образом. В город Макторий, лежащий к северу от Гелы, бежало несколько гелейцев вследствие поражения в усобицах. Телин отвел их обратно в Гелу без всякой вооруженной силы, лишь со святыней этих божеств. Получил ли он откуда-нибудь святыню или приобрел непосредственно, этого не могу сказать; только полагаясь на нее, он возвратил беглецов в Гелу с тем условием, чтобы и потомки его были верховными жрецами этих божеств. В рассказах о том, как Телин совершил столь трудное дело, странно для меня еще следующее обстоятельство: я полагаю, что подобное дело может быть исполнено не всяким человеком, но мужественным только и сильным; между тем обитатели Сицилии рассказывают о Телине противное, что он был женственный и очень слабый человек. Так приобрел он это звание.

154. По смерти сына Пантарей Клеандра, царствовавшего в Геле семь лет – а погиб он от руки гелейца Сабилла, – самодержавную власть получил брат Клеандра Гиппократ. В царствование Гиппократа потомок верховного жреца Телина Гелон вместе со многими другими и, между прочим, с сыном Патека Энесидемом был копьеносцем Гиппократа. Немного времени спустя был назначен за личную доблесть начальником всей конницы. Действительно, во время осады Гиппократом Каллиполиса, Наксоса, Занклы, Леонтин, Сиракуз и многих варварских

городов, Гелон во всех этих войнах отличился блистательно. Ни один из названных мной городов, за исключением Сиракуз, не избег подчинения Гиппократу. Что касается сиракузцев, потерпевших поражение в битве при реке Элоре, то их спасли коринфяне и керкиряне, заключив мир на том условии, чтобы сиракузцы уступили Камарину Гиппократу. Камарина издревле была городом сиракузцев.

155. Гиппократ, царствовавшего столько же лет, сколько царствовал и брат его Клеандр, смерть постигла подле города Гиблы в войне с сикелийцами. Тогда этот самый Гелон под предлогом помощи сыновьям Гиппократа, Евклиду и Клеандру, выступил против граждан, не желавших более покоряться, а на самом деле разбив гелейцев в сражении, отнял власть у сыновей Гиппократа и воцарился сам. После этой удачи он возвратил в Сиракузы так называемых сиракузских гаморов, которые изгнаны были из города народом и рабами их, именуемыми киллириями, и овладел Сиракузами. Народ в Сиракузах отдался вместе с городом Гелону при его наступлении.

156. Получив Сиракузы, Гелон стал меньше ценить владычество свое в Геле и потому управление ей поручил брату своему Гиерону; сам он усиливал Сиракузы, и Сиракузы были для него все. Город быстро возрос и расцвел; ибо, во – первых, он переселил в Сиракузы всех жителей Камарины и сделал их сиракузскими гражданами, а самый город Камарину срыл; потом с большей частью гелейских граждан он поступил точно так же, как и с камаринцами. Равным образом он переселил в Сиракузы и сделал сиракузскими гражданами богатых сицилийских мегарцев, когда город был осажден, и они, приняв предложенные условия, ждали себе казни за то, что подняли против него войну; простой народ в Мегарах был неповинен в этой войне и не ждал себе никакой беды; но и этих людей Гелон переселил в Сиракузы и здесь продал за пределы Сицилии. Таким же точно образом поступил он с эвбейскими колонистами в Сицилии, разделив их на богачей и простой народ. Гелон так поступал с обеими частями населения потому, что сожительство с простым народом считал преисполненным опасностей. Вот такими путями Гелон сделался могущественным тираном.

157. В то время по прибытии в Сиракузы эллинские послы явились к Гелону и сказали: «Послали нас лакедемоняне и союзники их звать тебя в союз против варвара, о нашествии которого на Элладу ты, конечно, слышал. Слышал ты, что перс намерен, соединив Геллеспонт мостом, перевести войска востока из Азии и идти войной на Элладу; хотя он делает вид, что идет против Афин, но замышляет покорить

своей власти всю Элладу. Ты столь могуществен, тебе, как владыке Сицилии, принадлежит немалая доля Эллады; окажи помощь освободителям Эллады и будь освободителем ее вместе с ними. Соединенные силы всей Эллады дадут большое войско, и мы в состоянии будем выдержать нападение врага. Напротив, если одни из нас поступят предательски, другие не захотят помогать и только малая часть Эллады останется нетронутой, то следует опасаться, что погибнет вся Эллада. Не рассчитывай на то, что персидский царь, одолев нас в войне и покорив, не явится к тебе; нет, берегись этого заблаговременно. Действительно, помогая нам, ты защищаешь себя самого. Хорошо задуманное дело обыкновенно имеет и хороший конец». Так говорили послы.

158. Гелон в гневе отвечал им так: «Эллины! Наглой речью вы дерзнули звать меня в союзники против варвара. Между тем раньше, когда я был во вражде с карфагенянами и просил у вас помощи против варварского войска, когда упрашивал вас отомстить эгестейцам за смерть Дориея, Анаксандридова сына, и обещал помочь вам освободить от варваров места торговли, которые доставляют вам столько выгод и прибыли, тогда вы не явились ни на помощь мне, ни для отмщения смерти Дориея. И если бы от вас зависело, все это было бы во власти варваров. Но все кончилось хорошо и благополучно для нас. Теперь, когда война обратилась на вас и вас настигла, вы вспомнили о Гелоне. Однако, невзирая на обиду, я не желаю уподобляться вам и готов дать вам в помощь двести трирем, двадцать тысяч тяжеловооруженных воинов, две тысячи конницы, две тысячи стрелков из лука, две тысячи пращников и две тысячи легких всадников; обещаю также доставлять съестные припасы всему эллинскому войску на все время войны. Но обещаю это на том условии, чтобы мне быть военачальником и главою эллинов в войне с варварами. Ни на каком другом условии я и сам не пойду, и никого не пошлю».

159. Сиагр не мог снести таких слов и отвечал: «Громко возопил бы Агамемнон Пелопид, если бы услышал, что Гелон и сиракузцы отняли главенство у спартанцев. И не поминай больше об этом условии, о том, чтобы мы передали тебе главенство. Если желаешь помочь Элладе, знай, что должен подчиняться лакедемонянам; если же отказываешься повиноваться, то и не помогай».

160. Видя, как отвергнуто предложение его Сиагром, Гелон объявил послам следующее, последнее условие: «Любезный спартанец, брошенное в человека оскорбление обыкновенно возбуждает в нем гнев; однако твои речи при всей их дерзости не могут сделать меня

невоздержным в ответе. Если вы так жаждете главенства, то было бы справедливо и мне добиваться его, мне даже больше, нежели вам, как предводителю более многочисленного войска и начальнику гораздо большего числа кораблей. Но если это условие так ненавистно для вас, мы готовы кое от чего из нашего требования отказаться, а именно: вы оставайтесь во главе сухопутного войска, а я буду командовать флотом. Если же вам угодно командовать на море, я готов стать во главе сухопутного войска. Вам предстоит или согласиться на это, или уйти отсюда без союзника». Таково было предложение Гелона.

161. Предупреждая речь лакедемонского посла, афинский поспешно отвечал: «Нас послали к тебе, царь сиракузцев, просить не предводителя, а войска. Ты отказываешься послать войско, если не будешь стоять во главе Эллады, так как ты жаждешь командовать ею. До тех пор, пока ты требовал командования всем эллинским войском, мы, афиняне, могли оставаться спокойными в том сознании, что лаконец в состоянии будет держать тебе ответ за обоих. Но если ты отказываешься от притязаний на все войско и требуешь главенства над флотом, то знай следующее: если бы даже лаконец и уступил тебе командование флотом, мы не уступим его, потому что в случае нежелания самих лакедемонян предводительство на море принадлежит нам. Итак, если желают стоять во главе флота лакедемоняне, мы не препятствуем, но никому другому предводительства этого не уступим. Иначе мы, афиняне, напрасно приобретали бы самый многочисленный из эллинских флотов, если бы согласились уступить командование на море сиракузцам, к тому же мы древнейший народ, единственный из всех эллинов, не переменявший места жительства. Потом, даже поэт Гомер сказал, что из среды афинян явился под Троию человек наиболее искусный в командовании войском и вооружении его. Поэтому-то мы не заслуживаем упрека за такие речи».

162. «Мне кажется, любезный афинянин, – отвечал на это Гелон, – вы имеете начальников, но не будете иметь подначальных. Так как вы не хотите ничего уступить и желаете удержать все в ваших руках, то торопитесь как можно скорее в обратный путь и объявите Элладе, что для нее весна изъята из года». Смысл замечания таков: как весна самая лучшая пора года, так войско Гелона самое лучшее из войск эллинов; вот почему потерю своей помощи для Эллады он уподобил тому, как если бы весна была изъята из года.

163. После этих переговоров с Гелоном эллинские послы отплыли обратно. Хотя Гелон вследствие разрыва с эллинами и боялся за них, что они не смогут одолеть варваров, но тягостным, невыносимым

казалось ему, владыке Сицилии, явиться в Пелопоннес и поступить под начальство лакедемонян; поэтому он отверг такой способ действия и избрал другой, а именно: при известии о том, что персидский царь переправился через Геллеспонт, он немедленно послал в Дельфы с тремя пятидесятивесельными судами Кадма, сына Скифа, уроженца Коса, с большой суммой денег и с предложениями мира; он должен был выжидать исхода войны с тем, чтобы в случае победы царя предложить ему деньги и подвластные Гелону землю и воду, а в случае победы эллинов привезти деньги назад.

164. Этот самый Кадм раньше того получил от отца прочную власть тирана над Косом; но затем добровольно, при отсутствии какой бы то ни было опасности, только по чувству справедливости уступил власть народу Коса, а сам удалился в Сицилию; здесь отнял у самосцев и заселил город Занклу, причем переименовал его в Мессену. Этого-то Кадма, явившегося в Сицилию при таких обстоятельствах, Гелон выбрал послом в Дельфы благодаря его честности, которую тиран замечал в нем и сам в разных случаях. В числе честных поступков его не последнее место занимает и следующий. Располагая большой суммой денег, доверенных ему Гелоном, и имея возможность присвоить их себе, он не захотел этого сделать и после того, как эллины одержали победу в морской битве, а Ксеркс ушел обратно, и Кадм возвратился в Сицилию со всеми деньгами.

165. Жители Сицилии рассказывают еще следующее. Гелон пошел бы на помощь эллинам, хотя бы и под начальством лакедемонян, если бы в то же самое время бывший тиран Гимеры, сын Криниппа Терилл, изгнанный из Гимеры самодержцем Акраганта, сыном Энесидема Фероном, не привел с собой в Сицилию триста тысяч финикийцев, ливийцев, иберов, лигиев, элисикиков, сардинцев и жителей Кирна под предводительством Амилки, сына Аннона, царя карфагенян. Терилл склонил его к этому походу благодаря узам гостеприимства с ним. Но главным образом побудили его к тому старания сына Кретины Анаксилая, тирана Регия, который звал Амилку в Сицилию на помощь своему тестю и даже отдал ему в качестве заложников детей своих; дело в том, что Анаксилай женат был на дочери Терилла по имени Кидиппа. Вследствие-де этого Гелон не имел возможности идти на помощь эллинам и потому послал деньги в Дельфы.

166. Кроме того, рассказывают еще, что в тот самый день, как Гелон и Ферон одержали победу над карфагенянином Амилкой в Сицилии, эллины победили персидского царя при Саламине. Амилка, карфагенянин по отцу, а по матери сиракузец, сделался царем

карфагенян благодаря личной доблести; как мне рассказывали, он исчез во время битвы после понесенного поражения; его не нашли нигде ни живым ни мертвым, хотя Гелон велел всюду искать его.

167. Впрочем, сами карфагеняне передают следующий правдоподобный рассказ: в то время как эллины сражались с варварами в Сицилии с утра до позднего вечера, потому что столь продолжительна, говорят, была эта битва, – Амилка оставался в лагере, совершал жертвы и испрашивал благоприятных знамений, сжигая на большом костре тела целиком; совершая возлияние на жертву, он увидел свои войска обращенными в бегство и сам кинулся в огонь. Так исчез он в пламени. Исчез ли Амилка таким образом, как рассказывают финикияне, или иначе, но в честь него установили жертвоприношение и во всех городах колонистов сооружены памятники, наибольший в самом Карфагене. Столько о Сицилии.

168. Керкиряне ответили послам одно, а сделали другое. К ним явились те же послы, которые были в Сицилии, и обратились к ним с такой же речью, как и к Гелону. В то время керкиряне обещали послать войско и помочь эллинам, так как, говорили они, им нельзя допускать гибели Эллады: если Эллада будет сокрушена, то в самом скором времени и им грозит не что другое, как порабощение; поэтому они обязаны помогать эллинам, насколько могут. Таков был их благовидный ответ. Но когда нужно было идти на помощь, керкиряне с иной целью снарядили шестьдесят кораблей; но лишь только вышли в открытое море, подошли к Пелопоннесу и поставили свои корабли на якорю подле Пилоса и Тенара в Лакедемонской земле, также в ожидании того, каков будет исход войны. Они не питали надежды на победу эллинов, полагая, что персидский царь одержит решительную победу над эллинами и будет владычествовать над целой Элладой. С кораблями они поступили так для того, чтобы иметь потом возможность сказать персу приблизительно следующее: «Хотя, царь, эллины и призывали нас к участию в этой войне и хотя мы располагаем значительными военными силами и владеем значительным числом кораблей, после афинян наибольшим, однако мы не захотели идти против тебя и действовать наперекор тебе». Такими речами керкиряне рассчитывали выиграть больше всех прочих, и, как мне кажется, так бы это и было. Для эллинов у них заготовлено было оправдание, коим они и воспользовались. В ответ на упреки эллинов в том, что они не оказали помощи, керкиряне отвечали, что ими снаряжено было шестьдесят кораблей, но, застигнутые пассатными ветрами, они не могли обогнуть Малею, потому-де и не прибыли к Саламину, а вовсе не вследствие какого-либо

коварства не участвовали в морской битве. Так керкиряне обманули эллинов.

169. Критяне поступили следующим образом, когда посланные к ним эллины звали их к участию в войне: по общему решению они послали в Дельфы вопрошателей узнать от божества, выгодно ли им помогать Элладе в войне. «Глупцы! – отвечала им пифия. – Вы жалуетесь, что разгневанный Минос послал вам столько слез за оказанную Менелаю помощь? Ведь эллины не помогли вам отмстить за смерть его в Камике, хотя вы помогали эллинам мстить за похищение варваром женщины из Спарты». Изречение это было доставлено критянам; они выслушали его и воздержались от войны.

170. Рассказывают, что Минос в поисках Дедала прибыл в Сиканию, именуемую теперь Сицилией, и здесь погиб насильственной смертью. С течением времени по внушению божества критяне – все, за исключением полихнитов и пресиев, прибыли с многочисленным войском в Сиканию и в течение пяти лет осаждали город Камик, который в наше время занимали акрагантинцы. Наконец они сняли осаду и удалились, будучи не в состоянии ни овладеть городом, ни дольше осаждать его по причине голода. Когда они на кораблях подошли к Иапигии, то были захвачены сильной бурей и выброшены на сушу; суда были разбиты, и им не было никакой возможности вернуться на Крит. Поэтому, оставшись в Иапигии, критяне основали там город Гирию и переименовали себя из критян в иапигских мессапиев и из островитян сделали жителями материка. Из города Гирии они основали прочие колонии, откуда много времени спустя пытались вытеснить их тарантинцы, но потерпели столь жестокое поражение*, что число павших эллинов было больше, нежели в какой-нибудь иной известной нам битве. Число убитых тарантинцев неизвестно, а регийских граждан, которых принудил идти на помощь Таранту Микиф, сын Хойра, пало три тысячи человек. Микиф состоял на службе у Анаксилая, который и поручил ему управление Регием. Впоследствии, будучи изгнан из Регию, он поселился в Тегее, в Аркадии, и пожертвовал в Олимпии множество кумиров.

171. Однако случай с регинцами и тарантинцами рассказан мной только мимоходом. Итак, по словам пресиев, на опустошенный Крит переселились различные народы, преимущественно эллины. В третьем поколении по смерти Миноса произошла Троянская война, в которой критяне оказали не последнюю помощь Менелаю. По возвращении из-под Трои как критян, так и скот их постигли голод и чума; вследствие этого Крит снова обезлюдел, так что нынешние критяне

вместе с уцелевшими из прежних обитателей составляют третье население Крита. Вот что напоминала им пифия, когда посоветовала воздержаться от союза с эллинами.

172. Фессалийцы, как сами давали это понять, вначале были на стороне мидян по принуждению, потому что способа действий Алевадов они не одобряли. Действительно, услышав о приготовлениях персидского царя к переправе в Европу, они тотчас отправили вестников на Истм. А на Истме в то время в сборе были представители от городов Эллады, настроенных относительно нее более честно. По прибытии к ним фессалийские послы сказали: «Вам, эллины, следует охранять олимпийский проход для того, чтобы защитить от ужасов войны Фессалию и всю Элладу. Со своей стороны мы готовы оказать помощь в охране прохода, но и вы должны отправить многочисленное войско; если же вы не пошлете войска, то знайте: мы сдадимся персам. Не погибать же нам одним за вас, нам, живущим так далеко от остальной Эллады. Если вы не хотите помогать нам, то не имеете и права заставлять нас; да никакое принуждение не может быть сильнее немощи. Мы сами подумаем о средствах нашего спасения». Так говорили фессалийцы.

173. В ответ на это эллины решили отправить в Фессалию морем пехоту для охраны прохода. Собранное войско отправилось на судах через Европу. Прибыв к Алосу, что в Ахее, оно вышло на берег, причем корабли оставлены были там же, и отправилось в Фессалию. Войско дошло до того прохода в Темпеях, который из Нижней Македонии ведет в Фессалию вдоль реки Пеней, между горами Олимпом и Оссой. Здесь собранные эллины в числе почти десяти тысяч человек расположились лагерем; к ним присоединилась и фессалийская конница. Во главе лакедемонян был сын Карена Евенет, выбранный из среды военачальников*, человек, впрочем, не царского рода, а афинянами командовал сын Неокла Фемистокл. Однако эллины оставались здесь лишь несколько дней. От македонянина Александра, сына Аминты, явились послы и советовали им идти назад и не дожидаться в проходе, чтобы не быть истребленными наступающим врагом, указав при этом на многочисленность его сухопутного и морского войска. Эллины нашли совет благоразумным, сам македонянин казался расположенным к ним, и потому они послушали его. Однако, по моему мнению, эллинов склонил к тому страх, ибо они узнали, что в Верхней Македонии есть и другой проход в Фессалию через область перребов подле города Гонна, именно там, где действительно прошло войско Ксеркса. Эллины снова взошли на корабли и отправились обратно на Истм.

174. Этот поход в Фессалию случился в то время, когда царь собирался перейти из Европы в Азию и находился уже в Абидосе. Тогда фессалийцы, будучи покинуты союзниками, быстро и без малейшего колебания перешли на сторону мидян, так что в делах войны оказались весьма полезными для царя.

175. Когда эллины возвратились на Истм, то по поводу замечания Александра стали между собой совещаться о том, как и в каких местах расположить свои войска. Одержало верх предложение заградить проход в Фермопилах, ибо оказывалось, что этот проход и у́же и ближе того, что ведет в Фессалию из Македонии. О существовании тропинки, благодаря которой эллины впоследствии были отрезаны в Фермопилах, они еще не знали. Узнали же только по прибытии в Фермопилы, где услышали о ней от трахинцев. Итак, эллины решили заградить проход и этим способом не допустить варваров в Элладу, а флот направить к Артемисию, что в Гистиеотиде. Местности эти лежат близко одна к другой, так что, находясь в одной из них, можно знать, что делается в другой.

176. Положение самых местностей, прежде всего Артемисия, следующее: из открытого Фракийского моря образуется узкий пролив между островом Скиафом и Магнесией на материке. Непосредственно за проливом простирается морское побережье Эвбеи, Артемисий, со святилищем Артемиды. С другой стороны, идущий в Элладу путь через Трахин имеет в самом узком месте всего пятьдесят футов; но наиболее узкая часть всего пути находится не здесь, а по эту и по ту сторону Фермопил, а именно: подле селения Альпены по ту сторону прохода лежит теснина всего для одной повозки, и другая такая же по эту сторону прохода близ реки Феникс подле города Анфелы. На западе Фермопил поднимается гора недоступная, отвесная и высокая, тянущаяся до Эты, а на востоке от дороги находятся болота и море. В этом проходе есть теплые ключи, именуемые у туземцев хитрами*, а подле них стоит жертвенник Геракла. У этого прохода была сооружена стена, и в ней некогда были ворота. Стену соорудили было фокийцы из страха перед фессалийцами, когда эти последние прибыли из Феспротии с целью занять Эолиду, ту самую область, которой владеют и теперь. Фокийцы оградили себя этой стеной против фессалийцев, которые пытались покорить их своей власти; тогда же они направили к проходу и теплые источники, чтобы местность была изрезана рывтинами: они придумывали все средства против вторжения фессалийцев в их страну. Словом, первоначальная стена сооружена была давно, и бо́льшая часть ее от времени развалилась; эллины

решили восстановить ее и в этом месте не пропустить варваров в Элладу. Очень близко к проходу лежит деревня по имени Альпены; отсюда рассчитывали эллины доставать себе продовольствие.

177. Итак, местности эти представлялись эллинам отвечающими их планам. Обсудив все заранее и решив, что варвары не будут иметь возможности воспользоваться ни массой своей пехоты, ни конницей, они постановили встретить идущего на Элладу врага в этом месте. Когда стало известно, что персы находятся в Пиерии, они разделились и покинули Истм, причем одни сухим путем направились к Фермопилам, а другие морем к Артемисию.

178. Разделившись на две части, эллины поспешно выступили против врага. Тем временем дельфийцы в страхе за себя и за Элладу обращались с вопросом к божеству, которое в ответ на это велело молиться ветрам, потому-де что они будут могущественными помощниками Эллады. Дельфийцы с верой приняли изречение оракула и тотчас объявили его тем из эллинов, которые желали остаться свободными; этим извещением они стяжали себе бессмертную благодарность от эллинов, так как те сильно боялись варваров. После этого дельфийцы соорудили ветрам жертвенник в Фие, там, где находится святилище дочери Кефиса Фии, по имени которой и названо это место, и умилоствляли ветры жертвами. Согласно изречению оракула дельфийцы чтут ветры и теперь.

179. Флот Ксеркса вышел из города Фермы, причем десять самых быстрых кораблей устремились прямо к Скиафу, где стояли три сторожевых эллинских корабля: трезенский, эгинский и афинский; при виде варварских кораблей они поспешно обратились в бегство.

180. Варвары погнались за кораблями и быстро захватили трезенский с начальником его Прексином; потом красивейшего из отряда вывели на нос корабля и умертвили, считая благоприятным для себя предзнаменованием то, что первый взятый ими для жертвы эллин был и самый красивый. Имя убитого было Леонт; быть может, отчасти само имя привело его к такому концу*.

181. Эгинская трирема, состоящая под начальством Асонида, навела на варваров некоторое смущение, потому что в отряде его находился сын Исхеноя Пифей, обнаруживший в этот день величайшую храбрость: когда корабль был взят в плен, он упорно дрался до тех пор, пока не был весь изрублен. Когда он упал не мертвый еще, но дышащий, находившиеся на кораблях персы сильно желали спасти его за его храбрость. Смирной лечили ему раны и накладывали повязки из тонкого холста; по возвращении на стоянку показывали его с

изумлением всему войску и заботливо обращались с ним; напротив, с остальными пленниками с того же корабля они поступали как с рабами. Так неприятелем взяты были два корабля.

182. Третья трирема, состоявшая под начальством афинянина Форма, убежала и причалила к берегу в устьях Пенея. Пустое судно – но не команда его – попало в руки варваров, ибо лишь только корабль пристал к берегу, афиняне спрыгнули с него на сушу и через Фессалию прибыли в Афины.

183. Стоявшие у Артемисия элины узнали о случившемся по сигнальным огням на Скиафе; объятые страхом, они снялись с якоря у Артемисия и перешли к Халкиде с целью защитить Еврип, причем на высотах Эвбеи оставляли соглядатаев. Из десяти варварских кораблей три пристали к утесу, именуемому Мирмеком, что между Скиафом и Магнесией, здесь, на утесе, варвары поставили каменный столп, который для этого и привезли с собой. Когда препятствия на пути были устранены, персидское войско со всеми своими кораблями снялось с якоря в Ферме и направилось морем к Элладе, одиннадцать дней спустя после выхода царя из Фермы. Этот утес, лежащий почти на пути кораблей, указал персам Паммон из Скироса. За целый день плавания варвары дошли до Сепиады в области Магнесии и до побережья между городом Касфанея и мысом Сепиада.

184. До этой местности и до Фермопил полчища Ксеркса не потерпели никаких потерь. Численность его в то время по моим расчетам была такова: при тысяче двухстах семи кораблях, вышедших из Азии, первоначальное количество воинов, набранных из отдельных народностей, было двести сорок одна тысяча четыреста человек, причем на каждый корабль я полагаю двести воинов. На каждом из кораблей, кроме туземцев отдельных народностей, находилось по тридцать человек персов, мидян и саков; это второе количество воинов составляло цифру в тридцать шесть тысяч двести десять воинов. К последней и первой цифре я должен прибавить число воинов пятидесятивесельных судов, полагая на каждое судно средним числом до восьмидесяти человек. Общее число судов, как сказано уже раньше, было три тысячи; следовательно, на них должно было помещаться двести сорок тысяч человек. Итак, всего морского войска, вышедшего из Азии, было пятьсот семнадцать тысяч шестьсот десять человек; пехоты было один миллион семьсот тысяч, а конницы восемьдесят тысяч. К этому числу я должен прибавить арабов верхом на верблюдах и ливийцев на боевых колесницах, всего двадцать тысяч человек. Следовательно, общее количество морского и сухопутного войска было

два миллиона триста семнадцать тысяч шестьсот десять человек. Таковы были полчища, выведенные из самой Азии, не считая следовавшей за ними прислуги, судов со съестными припасами и с находившимися на них людьми.

185. К этой общей сумме следует прибавить по догадкам войско, набиравшееся в Европе. Эллыны из Фракии и из прилегающих к Фракии островов доставили сто двадцать кораблей, а на этих кораблях было двадцать четыре тысячи человек. Что касается сухопутного войска, то фракийцы, пеоны, зорды, боттией, население Халкидики, бриги, пиерийцы, македоняне, перребы, эниены, долопы, магнеты, ахейцы и обитатели всего фракийского побережья доставили все вместе, как я полагаю, триста тысяч человек. Эти тысячи в сложности с азиатскими войсками составляют общую сумму всех боевых сил – два миллиона шестьсот сорок одну тысячу шестьсот десять человек. Столь велико было количество боевых сил царя.

186. Следовавшей за войском прислуги, а также людей, находившихся на судах, пливших вместе с войском, было, по моему мнению, не меньше, а больше, нежели боевого войска. Однако я принимаю, что число этих последних людей было не больше и не меньше первой цифры, что оно было равно ей; если так, то оно составляло столько же десятков тысяч, сколько было и в войсках. Таким образом, Ксеркс привел к Сепиаде и Фермопилам пять миллионов двести восемьдесят три тысячи двести двадцать человек. Такова общая сумма следовавших за Ксерксом полчищ.

187. Что касается стряпух, наложниц и евнухов, то количества их никто не мог бы определить с точностью, равно как и огромного количества упряжного и прочего вьючного скота, а также индийских собак. Поэтому для меня ничуть не удивительно, что в некоторых реках оказывалось недостаточно воды для питья; скорее удивляет меня то, что для такого количества людей доставало съестных припасов. Действительно, если считать, что каждый человек получал ежедневно не более одного хойника пшеницы, то каждый день потреблялось сто десять тысяч триста сорок медимнов; при этом я не принимаю в расчет женщин, евнухов, скота и собак. Несмотря на такое множество людей, ни один из них ни по красоте, ни по росту не был достойнее самого Ксеркса обладать таким могуществом.

188. Снявшись с якоря, персидский флот поплыл дальше и занял в Магнесии побережье между городом Касфанея и мысом Сепиада, причем передние корабли причалили к самому берегу, а следовавшие за ними стали на якорю. Так как побережье было не широко, то корабли

стояли на якоре по восьми в ряд и носами были обращены к морю. Так провели они первую ночь. Но на рассвете при ясном небе и тихой погоде вдруг заволновалось море, поднялась сильная буря и подул резкий восточный ветер, который у туземцев той местности называется Геллеспонтием. Все те воины, которые заметили усиление ветра и которым место стоянки позволяло это, предупредили бурю, вытащили корабли на сушу, спаслись сами и спасли свои корабли. Напротив, все корабли, которые были захвачены бурей в открытом море, отброшены были частью к так называемым Ипнам на Пелионе, а частью к берегу; некоторые разбились о сам мыс Сепиада, другие у города Мелибеи, третьи выброшены в Касфанею. Сила бури была непреодолима.

189. Молва гласит, что, согласно изречению оракула, афиняне призвали на помощь Борея, а именно что они получили новое изречение – призвать на помощь себе зятя своего. По эллинскому преданию, Борей женат на аттической женщине, дочери Эрихтея Орифии. Вследствие этого родства афиняне, как рассказывают, заключили, что Борей – зять их. Поэтому, находясь с кораблями на стороже у эвбейской Халкиды и, заметив, что буря усиливается, или даже раньше еще, они приносили жертвы и призвали Борея и Орифию помочь им сокрушить корабли варваров, как были они сокрушены прежде подле Афона. Я не могу решить, по этой ли причине Борей обрушился на варваров, когда корабли их стояли на якоре; однако, по словам афинян, и в этот раз, и раньше Борей пришел им на помощь; поэтому по возвращении домой афиняне соорудили ему жертвенник подле реки Илисса.

190. По самому меньшему счету во время этой бури погибло не менее четырехсот кораблей, несчетное множество народа и огромное количество драгоценностей. Крушение это было очень выгодно для магнетского землевладельца, жившего подле Сепиады, Аминокла, сына Кретина; впоследствии он собрал выброшенные на берег в большом числе золотые и серебряные кубки, нашел денежные ящики персов, приобрел и многие другие драгоценности. Благодаря этим находкам он разбогател, хотя вообще не был счастлив, ибо и Аминокла постигло горестное испытание, лишившее его сына.

191. Неисчислимо было количество погибших судов, нагруженных продовольствием, и разных других. Вследствие этого начальники флота испугались, как бы фессалийцы после такого несчастья не напали на них, и потому из обломков кораблей возвели кругом высокую ограду. Буря продолжалась три дня. Наконец на четвертый день с помощью кровавых жертв ветрам и заклинаний, а также жертвами Фетиде и nereидам маги усмирили ветер, или, быть может, он унялся сам по себе.

Фетиде варвары приносили жертвы потому, что слышали от ионян рассказ о том, как богиня была похищена Пелеем из этой страны, а также что весь берег Сепиады принадлежит ей и прочим nereидам. Итак, ветер стих на четвертый день.

192. Между тем на второй день после того, как поднялась буря, соглядатаи сбежали с эвбейских высот и известили эллинов обо всем, что случилось вследствие кораблекрушения. При известии об этом эллины молились и совершали возлияния Посейдону Спасителю, потом со всей поспешностью устремились назад к Артемисию: они ожидали, что теперь будут иметь против себя небольшое число кораблей.

193. По возвращении к Артемисию эллины вторично стали здесь для наблюдения за варварами. Посейдона они величают за это Спасителем и до сих пор. Между тем варвары, когда ветер стих и море успокоилось, снова стащили корабли свои в море и пошли вдоль материка, обогнули мыс в Магнесии и направились прямо в залив, ведущий к Пагасам. На берегу этого залива в Магнесии есть местность, где, говорят, Ясон и спутники его, когда плыли за золотым руном в Эю, что в Колхиде, покинули Геракла, послав его с корабля «Арго» за водой. Здесь они думали запастись водой и отсюда пуститься в открытое море, почему местности этой и дано название Афеты. Итак, флот Ксеркса стал на якоре в этом месте.

194. Случилось так, что пятнадцать варварских кораблей плыли далеко позади от остальных и что они как-то заметили эллинские корабли, стоявшие у Артемисия. Приняв их за свои, варвары продолжали плыть и попали на неприятельские. Командовал варварскими кораблями правитель эолийской Кимы, сын Фамасия Сандок, тот самый, которого раньше царь Дарий велел распять за то, что тот, будучи одним из царских судей, вынес за деньги несправедливый приговор. Сандок висел уже на кресте, когда Дарий по размышлении нашел, что заслуги его относительно царского дома перевешивают его преступления и, сознав, что поступил скорее поспешно, нежели благоразумно, велел отпустить Сандока. Так избежал он гибели, грозившей от Дария, и остался в живых; но теперь, подплыв к эллинам, он не мог спастись вторично. Эллины, увидев подплывающие корабли и поняв ошибку варваров, кинулись на них и без труда овладели ими.

195. На одном из этих кораблей находился и взят был в плен Аридолис, тиран Алабанд, что в Карии, на другом – правитель Пафоса Пенфил, сын Демоноя. Он привел было с собой из Пафоса двенадцать кораблей, но из них одиннадцать потерял во время бури у Сепиады, а на

уцелевшем, единственном, плыл к Артемисию и попал в плен. Эллины, расспросив их о том, что желательно было им знать о Ксерковом войске, и в оковах отправили их на Коринфский перешеек.

196. Флот варваров без пятнадцати кораблей, состоявших, как я сказал, под командой Сандока, прибыл в Афеты. Между тем Ксеркс с сухопутным войском направлялся через Фессалию и Ахею и уже за три дня до того вторгся в область малийцев. В Фессалии он устроил состязание между лошадьми, своими и фессалийской конницы, которую желал испытать, так как слышал, что у эллинов это самая лучшая конница; однако эллинские лошади далеко уступали его собственным. Из фессалийских рек только одна, Онохон, не могла напоить всего войска. Напротив, из рек ахейских даже в самой большой, в Апидане, воды едва хватило.

197. По прибытии Ксеркса в Алос, что в Ахее, проводники из желания сообщать ему все рассказали туземное предание о святилище Зевса Лафистия, как некогда сын Эола Афамант вместе с Ино* посягнул на жизнь Фрикса, а впоследствии ахейцы, согласно изречению оракула, наложили на потомков Афаманта следующее наказание. Каждому старейшему члену этого рода они воспретили доступ в пританей, именуемый у ахейцев народным домом (причем ахейцы сами наблюдали за тем, чтобы он не входил туда). Если бы, невзирая на это, он вступил в пританей, то вышел бы оттуда не раньше, как во время, назначенное для принесения его в жертву; к этому они прибавляли, что уже многие из потомков Афаманта, которым угрожало принесение в жертву, в страхе бежали на чужбину. Если по прошествии некоторого времени они возвращались и были уличаемы в том, что переступали порог пританей, то их вводили в пританей для принесения в жертву; перед тем введенного покрывали всего венками и выводили из храма с процессией. Этому подвергаются потомки Фриксова сына Китиссора за то, что в то время, как ахейцы по совету оракула ради очищения страны готовились принести в жертву Эолова сына Афаманта, – в это время Китиссор прибыл из Эи, что в Колхиде, и спас Афаманта. Этим-то поступком он и навлек гнев богов на собственное потомство. Выслушав рассказ, Ксеркс не позволил себе вступить в рошу, когда проходил подле нее, и запретил это всему войску; потом почтил одинаково как святилище, так и дом потомков Афаманта. Это было в Фессалии и Ахее.

198. Из этих местностей Ксеркс направился в Малиду вдоль залива, в котором ежедневно бывает прилив и отлив. Залив этот облегает местность ровная, то широкая, то очень узкая. Кругом равнины поднимаются высокие недоступные горы, именуемые

Трахинскими скалами, замыкающие собою всю Малийскую область. Если идти от Ахеи, то первый город в этом заливе будет Антикира, подле которого изливается в море река Сперхей, вытекающая из земли эниенов. Стадиях в двадцати от этой реки протекает другая, по имени Дирас, которая, как гласит предание, появилась из земли на помощь горящему Гераклу. На расстоянии еще двадцати стадиев протекает третья река, именуемая Черной.

199. Город Трахин отстоит от реки Черной на пять стадиев. Там, где лежит город Трахин, местность между горами и морем наиболее расширяется, так как здесь она имеет пространства двадцать две тысячи плэфров. В горе, замыкающей Трахинскую область, к югу от Трахина, находится лощина, через которую у подошвы горы протекает река Асоп.

200. К югу от Асопа протекает другая, небольшая река Феникс, начинающаяся в этих горах и впадающая в Асоп. У реки Феникс находится самая узкая теснина; она приспособлена для прохода одной повозки. От реки Феникс до Фермопил пятнадцать стадиев. В промежутке между Фениксом и Фермопилами лежит деревня по имени Анфела, подле которой протекает и вливается в море река Асоп; около нее находится широкая площадь с храмом Деметры Амфиктионийской; там же устроены места для сидения амфиктионов и находится храм самого Амфиктиона*.

201. Царь Ксеркс расположился лагерем в земле малийцев в Трахинской области, а эллины в самом проходе. Место это у большинства эллинов называется Фермопилами, а у туземцев и соседей – Пилами. Итак, в этих местах расположились оба войска: Ксеркс занял все пространство к северу от Фермопил до Трахина, а эллины – пространство к югу от Фермопил со стороны эллинского материка.

202. В ожидании персов находились в этом месте следующие эллины: триста тяжеловооруженных спартанцев, тысяча тегейцев и мантинейцев (по пятьсот тех и других), сто двадцать человек из аркадского Орхомена и тысяча человек из остальной Аркадии; столько было аркадцев. Из Коринфа здесь было четыреста человек, из Флиунта – двести и из Микен – восемьдесят; столько явилось из Пелопоннеса. Из Беотии было семьсот человек феспийцев и четыреста фиванцев.

203. Кроме этого, вызваны были на помощь со всеми своими военными силами опунтские локры и тысяча фокийцев. Эллины сами вызвали их с уведомлением через послов, что они составляют лишь передовой отряд всех эллинов, что прочие союзники ожидаются с каждым днем, что со стороны моря они, локры и фокийцы, защищены, так как там на страже стоят афиняне, эгинцы и прочие эллины,

зачисленные во флот, и что поэтому им нечего опасаться. Ведь не божество, говорили эллины, идет на Элладу, а человек; нет и не будет ни одного смертного такого, которого с самого рождения не постигала бы никакая беда, и чем могущественнее смертный, тем большей беде он обречен; вот почему и теперешний враг, как смертный, не может не пасть в своем тщеславии. Услышав это, они шли на помощь к Трахину.

204. Эти эллины имели отдельных начальников по своим городам; но наибольшим значением пользовался и стоял во главе всего войска лакедемонянин Леонид, сын Анаксандрида, потомок Леонта, Еврикратида, Анаксандра, Еврикрата, Полидора, Алкамена, Телекла, Архелая, Гегесилая, Дорисса, Леобота, Эхестрата, Эгия, Еврисфена, Аристодема, Аристомаха, Клеодея, Гилла и Геракла. Леонид получил царскую власть в Спарте сверх ожидания.

205. Действительно, имея двух старших братьев, Клеомена и Дориея, Леонид далек был от мысли о царском достоинстве. Однако Клеомен, умирая, не оставил по себе детей мужеского пола, а Дориея в то время уже не было в живых (он кончил дни свои в Сицилии). Так-то царская власть перешла к Леониду, и потому еще, что он был старше Клеомброта (этот последний был самым младшим сыном Анаксандрида), и особенно потому, что женат был на дочери Клеомена. В то время Леонид отправился в Фермопилы, выбрав для себя триста воинов, положенных по закону*, к тому же таких, у которых были сыновья. Взял он с собой и фиванцев в таком числе, какое я привел выше, под командой Леонтиада, сына Евримаха; из всех эллинов только этих последних старался взять с собой Леонид именно потому, что фиванцев настойчиво обвиняли в сочувствии мидянам. Он призвал их к участию в войне с целью испытать, пошлют ли они союзников к нему или открыто отвергнут союз с эллинами. Фиванцы послали, хотя были настроены иначе.

206. Спартанцы отправили Леонида с отрядом прежде остальных своих воинов с той целью, чтобы прочие союзники при виде их также выступали в поход и не переходили бы на сторону мидян, замечая медлительность самих спартанцев. Теперь им мешал праздник Карней. Они рассчитывали выступить со всеми своими силами по окончании празднества, оставив в Спарте только гарнизон. Точно такие же планы были и у прочих союзников, потому что в одно время с этими событиями случился Олимпийский праздник. В том предположении, что столкновение в Фермопилах не разрешится так скоро, они посылали туда только передовые отряды. Так решили действовать союзники.

207. Находившиеся в Фермопилах эллины, объятые страхом ввиду приближения персов к проходу, держали совет об отступлении. Все пелопоннесцы решали возвратиться в Пелопоннес и охранять Истм; но так как фокийцы и локры с негодованием отвергали такое предложение, то Леонид решил оставаться на месте и послать гонцов в города с требованием вспомогательных войск, так как их было слишком мало для отражения мидийских войск.

208. Пока шли эти совещания, Ксеркс отправил соглядатая с приказанием посмотреть, как многочисленны враги и что они делают. Дело в том, что еще в Фессалии он слышал, что здесь собралось малочисленное войско и что во главе его стоят лакедемоняне с Леонидом, по происхождению Гераклидом. Персидский всадник подъехал к стоянке, осматривал и видел войско, но не все; тех воинов, которые находились по эту сторону стены, восстановленной и охраняемой стражей, он не мог замечать. Всадник видел только тех, которые находились вне укреплений и стоянка которых была перед стеной. Случилось, что в то время лакедемоняне расположились по ту сторону стены. Соглядатай видел, что одни из них заняты гимнастическими упражнениями, другие расчесывают себе волосы. Он глядел на это с удивлением и старался определить число воинов. Узнав все с точностью, соглядатай спокойно отправился назад, так как никто не гнался за ним и никто не обратил на него никакого внимания. По возвращении он рассказал Ксерксу все, что видел.

209. Слушая соглядатая, Ксеркс не мог понять, что значит, что эллины так приготавливаются умирать и по мере сил своих истреблять врагов. Он находил поведение лакедемонян смешным и позвал находившегося в лагере Демарата, сына Аристона, и, когда тот явился, Ксеркс подробно расспрашивал его, желая объяснить себе поведение лакедемонян. «Уже и прежде, – отвечал Демарат, – когда мы выступили в поход на Элладу, ты слышал от меня об этом народе. Ты смеялся надо мной, когда я говорил то, что предвидел в будущем; и наибольшая забота моя, царь, быть перед тобой правдивым. Послушай меня и теперь. Люди эти пришли сражаться с нами за проход и готовятся к бою. Таков у них обычай: когда предстоит рисковать жизнью, они убирают себе голову. Да будет тебе известно: если ты покоришь этих лакедемонян и остающихся в Спарте, то не останется ни одного народа, который решился бы выступить против тебя. Действительно, теперь ты имеешь перед собой доблестнейшее государство в Элладе и храбрейших людей». Слова эти казались Ксерксу вовсе не заслуживающими веры, и он снова спросил, каким образом люди в

столь небольшом числе будут сражаться с ним. «Царь, – отвечал Демарат, – поступи со мной как со лжецом, если не случится так, как я тебе говорю». Однако он не убедил Ксеркса.

210. Царь прождал четыре дня в постоянной надежде, что эллины убегут назад. Наконец на пятый день, когда эллины не уходили и оставались на месте, вследствие, как казалось ему, своей наглости и безрассудства, он в гневе послал против них мидян и киссиев с приказанием захватить их живыми и доставить к нему. Сколько раз ни нападали мидяне на эллинов, они постоянно теряли много убитыми, но на место выбывших шли другие; мидяне не отступали, хотя и жестоко терпели. Всякому, и в особенности царю, они доказали, что у персов много людей, но мало мужей. Сражение длилось целый день.

211. Наконец мидяне, столь жестоко принятые эллинами, отступили; на место их прибыли персы, которых царь называл бессмертными, состоявшие под начальством Гидарна; казалось, они должны были без труда одолеть эллинов. Однако и эти, сразившись с эллинами, имели не больше успеха, как и мидийское войско; судьба их была такова же, потому что они сражались в теснине и употребляли более короткие копья, нежели эллины, к тому же не могли воспользоваться массой войска. Лакедемоняне дрались храбро и доказали вообще, что умело сражаются с неумелым врагом. Доказали это в особенности тем, что несколько раз совершали поворот для видимости, что обращаются в бегство. При виде их бегства варвары с криком и шумом устремлялись на них; тогда эллины, будучи уже настигаемы врагом, вдруг оборачивались лицом к варварам и таким образом каждый раз истребляли несчетное множество персов. Были убиты, впрочем, и немного спартанцев. После того, как все попытки овладеть проходом кончились ничем, хотя нападение производилось и целыми отрядами, и всякими иными способами, персы отступили.

212. Рассказывают, что во время этих стычек Ксеркс глядел на сражающихся и в страхе за свое войско три раза поднимался с кресла. Такова была битва в тот день. Но и на другой день варвары сражались ничуть не счастливее. Так как эллинов было немного, то варвары, нападая на них, рассчитывали, что они, измученные ранами, не в состоянии будут дольше поддерживать битву. Но эллины разделены были на отряды по способу вооружения и по народностям и сражались по очереди, за исключением фокийцев; эти последние отряжены были на гору для охраны тропинки. Когда персы увидели, что успевают не больше, как и накануне, то отступили.

213. Царь не знал, как ему выйти из такого положения, как явился к нему в надежде получить большую награду малиец Эпиальт, сын Евридема, сообщил ему о тропинке, ведущей через гору к Фермопилам, и тем погубил находившихся там эллинов. Впоследствии из страха перед лакедемонянами он бежал в Фессалию; но на собрании амфиктионов в Пилах пилагоры объявили наряду за голову беглеца. По прошествии некоторого времени он возвратился в Антикиру и был там убит Афинадом из Трахина. Хотя Афинад убил Эпиальта по другой причине, которую я объясню в дальнейшей части повествования, тем не менее он был награжден лакедемонянами. Так погиб впоследствии Эпиальт.

214. Существует и другой рассказ, которому, однако, я вовсе не верю: будто обратились к царю с таким же предложением и повели персов кругом горы уроженец Кариста Онет, сын Фанагора, и уроженец Антикиры Коридалл. Действительно, необходимо принять в соображение, во – первых, то, что эллинские пилагоры с точным, конечно, знанием дела назначили цену не за Онета или Коридалла, но за Эпиальта из Трахина; во – вторых, нам известно, что Эпиальт бежал именно по этой причине. Правда, и не будучи малийцем, Онет мог знать тропинку, если долго жил в этой местности; но проводил персов кругом горы по тропинке Эпиальт, почему его я и называю виновным в том.

215. Предложение Эпиальта понравилось Ксерксу; он принял его с радостью и тотчас послал Гидарна с отрядом. С приближением ночи, когда зажигаются огни, персы вышли из лагеря. Тропу эту открыли туземцы – малийцы и по ней проводили фессалийцев в область фокийцев в то время, когда фокийцы стеной заградили доступ в свою страну и были обеспечены на случай войны. С того давнего времени тропа эта оказывалась для малийцев совсем бесполезной.

216. Положение этой тропы следующее: начинается она от реки Асоп, протекающей через горное ущелье; и гора, и тропа называются одним и тем же именем, Анопей. Анопей тянется вдоль края горы и оканчивается подле города Альпена, первого города Локриды со стороны Малиды, там, где находятся так называемая скала Мелампиг и место пребывания Керкопов*; здесь же тропа наиболее суживается.

217. После переправы через Асоп персы шли по этой тропинке целую ночь, имея с правой стороны Этейские высоты, а с левой – Трахинские. На заре они находились уже на вершине горы. В этом месте горы, как сказано выше, стояла на страже тысяча фокийцев для защиты своей страны и для охраны тропинки. Внизу дорога охранялась

теми войсками, о которых сказало прежде; охрану горной тропинки добровольно приняли на себя от Леонида фокийцы.

218. Следующим образом фокийцы узнали, что персы взошли уже на гору: поднимались они незаметно благодаря тому, что вся гора покрыта лесом; погода стояла тихая, а лежавшие под ногами листья производили, как и следовало ожидать, сильный шум; фокийцы вскочили и бросились к оружию; в то же время явились перед ними и варвары; эти последние были изумлены при виде вооруженных людей, так как нападали на войско врасплох и надеялись, что не встретят никакого сопротивления. В страхе о том, что перед ним стоят лакедемоняне, а не фокийцы, Гидарн спросил Эпиальта, что это за войско, и, получив точное сведение, выстроил персов к бою. Поражаемые множеством стрел, фокийцы бежали на вершину горы в том убеждении, что персы вышли именно против них, и приготовились к смерти. Так думали фокийцы, но персы с Эпиальтом и Гидарном во главе не обращали никакого внимания на фокийцев и стали поспешно спускаться с горы.

219. Находившимся в Фермопилах элинам прежде всего гадатель Мегистий объявил по рассмотрении жертвы, что на заре предстоит им смерть; потом явились перебежчики с известием о том, что персы обходят гору кругом. Это объявлено было еще ночью; третьими вестниками уже на рассвете были соглядатаи, сбежавшие с горных вершин. Тогда элины стали совещаться между собой, причем голоса разделились: одни утверждали, что не следует покидать стоянки, другие были противоположного мнения. Засим элины разошлись, одни отправились в обратный путь, рассеявшись по своим городам, другие с Леонидом во главе решили оставаться на месте.

220. Рассказывают еще, что Леонид сам отослал элинов из желания спасти их, замечая при этом, что ни ему, ни находящимся при нем спартамцам не подобает покидать стоянку, для охраны которой они присланы были вначале. Еще больше я склонен к тому мнению, что Леонид предложил союзникам возвратиться домой при виде того, как нерадивы они и как мало имеют охоты подвергаться вместе с ним опасности, но считал постыдным уходить самому: если он оставался на месте, то на его долю выпадала громкая слава, да и слава Спарты приумножалась. Дело в том, что, когда спартамцы при самом начале войны спрашивали о ней оракула, пифия отвечала, что или Лакедемон будет сокрушен варварами, или погибнет царь их. Пифия дала им ответ в шестистопных стихах следующего содержания:

У вас, обитатели обширной Спарты,
Или будет разрушен большой славный город
мужами – персеидами,
Или не будет, но тогда стогны Лакедемона
Будут оплакивать смерть царя из рода Геракла;
Ибо противостоящая мощь быков и львов не
смирит врага,
Так как сила его равняется Зевсовой.
Я объявляю, что он не смирится до тех пор,
Пока не получит на свою долю целиком одного
или другого.

Размышляя об изречении оракула, Леонид пожелал стяжать славу только для спартанцев, и, по моему мнению, вероятнее, что он отослал союзников, а не то, что они удалились сами вследствие разногласия во мнениях вопреки требованиям военной дисциплины.

221. Не последним подтверждением этого служит для меня еще следующее обстоятельство: известно, что Леонид старался отослать домой во избежание гибели его вместе со спартанцами и того гадателя, акарнанца Мегистия, почитавшегося далеким потомком Мелампода, который по жертвам предсказал угрожающий эллинам конец. Однако Мегистий не оставил Леонида, хотя тот и отсылал его; он отослал только своего единственного сына, находившегося вместе с ним в войске.

222. Итак, отпущенные союзники, согласно распоряжению Леонида, удалились; с лакедемонядами остались одни феспийцы и фиванцы. Из них фиванцы остались поневоле, против собственного желания, потому что Леонид удерживал их при себе в качестве заложников. Феспийцы, напротив, оставались добровольно, объявив, что не уйдут и не покинут Леонида с его воинами; так они остались и умерли вместе со спартанцами. Начальником их был сын Диадрома Демофил.

223. Когда солнце взошло, Ксеркс совершил жертвенное возлияние, потом некоторое время выждал, до той поры, в какую обыкновенно рынок наполняется народом, и велел начинать приступ: так приказано было Эпиальтом, ибо путь с горы вниз прямее и гораздо короче того, который идет кругом горы и вверх на нее. Варвары с Ксерксом во главе пошли на приступ, а эллины Леонида, как бы готовые идти на смерть, протеснились к более широкой части теснины гораздо дальше, чем стояли вначале. Действительно, в прежние дни одна часть эллинов

охраняла стену, а другая бежала назад к более узкому месту и там сражалась. Теперь стычка произошла по ту сторону теснины, причем варвары падали в большом числе. Позади отрядов их стояли с бичами в руках начальники и ударами гнали всех вперед все дальше и дальше. Многие из них падали в море и гибли, а другие в гораздо большем числе были растоптаны живыми. Но на погибавших никто не обращал внимания. Так как эллины были убеждены, что им предстоит гибель от тех варваров, которые обошли гору кругом, то они проявили в борьбе с врагом наивысшую степень мужества, дрались отчаянно и с бешеной отвагой.

224. Когда у большинства эллинов копья уже сломались, они рубили персов мечами. В этой битве пал и Леонид, оказавшийся доблестнейшим воином, а с ним вместе и другие знатные спартанцы; имена их, как людей достойных, я узнал, и не только их, но и всех трехсот. Однако здесь пали и многие знатные персы, в числе их два сына Дария, Аброком и Гиперанф, родившиеся у Дария от Фратагуны, дочери Артана. Артан был брат царя Дария, сын Гистаспа. Он передал Дарию вместе с дочерью и все свое имущество, потому что она была единственное дитя его.

225. Там же пали в сражении два брата Ксеркса. Из-за тела Леонида произошла жестокая свалка между персами и лакедемонянами, пока наконец эллины благодаря своей храбрости не вырвали его из рук врагов (при этом они четырехкратно обращали неприятеля в бегство). Так шло сражение до тех пор, пока не явились варвары с Эпиальтом. Лишь только эллины узнали об их прибытии, ход битвы переменился: они отступили назад, к теснине, миновали стену и все вместе, за исключением фиванцев, расположились на холме. Холм этот возвышается у входа в ущелье, где теперь стоит каменный лев в честь Леонида. В этом месте они защищались мечами, у кого мечи еще уцелели, а также руками и зубами, пока варвары не похоронили их под стрелами, причем одни напали на них спереди и разрушили до основания стену, другие обходили их с тыла и таким образом окружали со всех сторон.

226. Среди столь доблестных лакедемонян и феспийцев прославился больше всех, как говорят, спартанец Диенек. Рассказывают, что перед битвой с мидянами он сделал следующее замечание при известии кого-то трахинца, что варвары закроют солнце тучей стрел, когда спустят их с тетивы. Так велико было количество стрел их! Диенек не смутился этим и, не придавая важности количеству мидян, заметил, что гость из Трахин приносит им вполне благоприятное

известие, потому что сражение с мидянами будет происходить не на солнце, а в тени, если они закроют солнце. Говорят, что этим и другими подобными замечаниями лакедемонянин Диенек оставил по себе память.

227. После него отличились храбростью, как говорят, два лакедемонянина, сыновья Орсифанта, Алфей и Марон. Из феспийцев прославился больше всех сын Гарматиды по имени Дифирамб.

228. Над эллинами, погребенными на том самом месте, где они пали, равно как и над теми, которые погибли до удаления союзников Леонидом, поставлена была надпись, гласившая следующее:

Здесь некогда против трех миллионов
Сражались четыре тысячи пелопоннесцев.

Такова была надпись над всеми павшими. Надпись собственно над спартанцами гласила так:

Чужестранец, возвести лакедемонянам,
Что мы лежим здесь, верные законам.

Такова надпись над лакедемонянами, а над гадателем следующая:

Это могила славного Мегистия, которого убили
некогда мидяне
После перехода через реку Сперхей,
Того гадателя, который достоверно знал
надвигавшуюся гибель,
Но не захотел покинуть правителя Спарты.

Этими досками с надписями, за исключением надписи гадателя, почтили павших амфикионы; надпись над гадателем Мегистием поставил сын Леопрепея Симонид, так как они связаны были между собой узами гостеприимства.

229. О двух из этих трехсот спартанцев, Еврите и Аристодеме, рассказывают следующее: им обоим можно было при взаимном соглашении или вместе укрыться в Спарте, потому что Леонид отпускал их из лагеря и они по причине опасной болезни глаз лежали в Альпенах, или же, если не желали возвращаться домой, умереть вместе с прочими; хотя им можно было выбирать одно из двух, однако они не желали действовать сообща и разошлись в решениях. Как

рассказывают, Еврит при известии о том, что персы обошли гору кругом, потребовал себе вооружение, облекся в него и приказал илоту вести его к сражающимся; тот привел его, но потом бежал, а Еврит попал в свалку и погиб. Аристодем по робости остался позади. Если бы Аристодем болел один и по болезни возвратился в Спарту или если бы они возвратились в Спарту оба вместе, то, я полагаю, спартанцы не гневались бы вовсе. Теперь же, когда один из них погиб, а другой при тех же самых обстоятельствах не пожелал идти на смерть, спартанцы не могли не разгневаться сильно на Аристодема.

230. Итак, по словам одних, Аристодем укрылся в Спарте именно при таких обстоятельствах. Другие рассказывают, что его послали из лагеря вестником и что, хотя ему можно было поспеть к сражению, он не захотел этого, замешкался в пути и таким образом спасся, тогда как другой вестник, товарищ его, подоспел к сражению и был убит.

231. По возвращении в Лакедемон позор и бесчестие постигли Аристодема. Бесчестие состояло в том, что никто из спартанцев не давал ему своего огня, никто не говорил с ним, а позор – что он был назван Аристодемом – Трусом. Однако в сражении при Платеях Аристодем совершенно смыл с себя запятнавшую его вину.

232. Рассказывают еще о другом человеке, уцелевшем из этих трехсот благодаря тому, что он был послан вестником в Фессалию; имя его Пантит; говорят, что по возвращении в Спарту его ожидало бесчестие, и он удавился.

233. Что касается фиванцев, во главе которых стоял Леонтиад, то они вынуждены были сражаться против царского войска до тех пор, пока стояли вместе с эллинами. Но когда заметили перевес на стороне персов и когда эллины с Леонидом во главе спешили занять холм, тогда фиванцы отделились от них и с протянутыми вперед руками приблизились к варварам; при этом они открывали сущую правду, что сочувствуют мидянам, что они дали царю землю и воду в числе первых, что они явились к Фермопилам по принуждению и неповинны в поражении, понесенном царем. Такими речами они спасли себя, а для подтверждения своих слов имели свидетелями фессалийцев. Однако не все удалось им. Когда они подошли и варвары захватили их, то одни из них были тут же перебиты, другим, именно большинству их, выжжены были царские клейма, причем первым был вождь Леонтиад. С течением времени платейцы казнили сына его Евримаха, когда он во главе четырехсот фиванцев выступил против них и завладел городом Платеями.

234. Так сражались эллины у Фермопил. Ксеркс призвал Демарата и, прежде чем спросить его, сказал следующее: «Ты, Демарат, человек честный; в том убеждает меня твоя правдивость: все случилось так, как ты говорил. Теперь отвечай мне: как велико число остальных лакедемонян и сколько их, столь искусных в военном деле, или же все они таковы?» «Царь, – отвечал Демарат, – число всех лакедемонян велико, и городов у них много; но то, что желаешь узнать, ты узнаешь. В Лакедемонии есть город Спарта с населением тысяч в восемь, и все они таковы же, как и те, что сражались в этом месте; прочие лакедемоняне не таковы, но все же храбры». На это Ксеркс заметил: «Каким образом, Демарат, можно покорить этот народ с наименьшим трудом? Объясни мне. Ведь ты был царем их и тебе известны все их помыслы».

235. «Царь, – отвечал Демарат, – если ты серьезно желаешь посоветоваться со мной, то я обязан сообщить тебе самое верное средство: отряди против Лаконской земли триста кораблей из твоего флота. Подле нее лежит остров по имени Кифера. Мудрейший у нас человек, Хилон, сказал некогда, что для спартанцев было бы выгоднее, если бы остров погрузился в море, а не возвышался над водой; ибо он постоянно ждал от этого острова того, что я тебе скажу, – он говорил так не потому, что предвидел твой поход, но потому, что одинаково опасался какого бы то ни было нашествия. С этого острова пускай твои корабли наводят страх на лакедемонян. Если лакедемоняне будут заняты собственной войной на границе одной земли, то нечего опасаться, что они окажут помощь остальной Элладе, если твое сухопутное войско будет покорять ее. С покорением всей Эллады один лаконский народ станет бессильным. Если ты этого не сделаешь, то в будущем ожидай следующего: к Пелопоннесу примыкает узкий перешеек; в этом месте следует тебе ожидать сражений более жестоких, нежели бывшие раньше, потому что все пелопоннесцы заключили между собой клятвенный договор против тебя. Если же ты сделаешь это, то и перешеек, и города отдадутся тебе без боя».

236. После него говорил Ахемен, брат Ксеркса, главнокомандующий флота; он присутствовал при этой беседе и боялся, как бы Ксеркс не склонился к такому способу действий: «Я вижу, царь, ты благосклонно выслушиваешь речи человека, который завидует твоему счастью или даже питает против тебя предательские замыслы. Ведь эллины обыкновенно поступают таким образом: они завидуют благополучию других и ненавидят сильнейших. Если, невзирая на случившееся несчастье, вследствие которого погибло четыреста

кораблей, ты отошлешь из стоянки еще триста кораблей для того, чтобы они плавали кругом Пелопоннеса, тогда враги твои будут в силах воевать с тобой. Напротив, весь флот наш в совокупности неодолим для них, и они совершенно не смогут устоять против тебя; кроме того, совершая поход вместе, весь флот будет помогать сухопутному войску, а сухопутное войско флоту; если же ты разобьешь его, то ни ты кораблям не будешь полезен, ни корабли тебе. Мое мнение такое: если ты желаешь вести собственное дело правильно, не заботься о положении дел противника, о том, как они намерены вести войну, что они намерены делать и как велика численность их. Ведь они и сами умеют заботиться о себе, а мы точно так же должны заботиться о нас. Если лакедемоняне вступят в бой с персами, они не заглядят понесенного теперь поражения».

237. Ксеркс отвечал на это так: «Мне кажется, Ахемен, ты говоришь правильно, и я сделаю так. Хотя Демарат говорит то, что, по его мнению, наиболее полезно для меня, однако предложение его уступает твоему. Однако я не могу допустить, что он недоброжелатель мой, и заключаю так на основании прежних его речей и самых дел. Правда, один гражданин завидует благополучию другого гражданина и в молчании проявляет вражду свою, и если один спрашивает совета, то другой не станет высказывать того, что ему кажется наиболее полезным, разве уж он человек высокой добродетели, а такие люди редки. Но люди, связанные между собой узами гостеприимства, благожелательнейше относятся друг к другу, и всегда в случае совещания один дает другому наилучший совет. Поэтому я приказываю воздерживаться вперед от злословия против Демарата, так как он связан со мной гостеприимством».

238. Ксеркс сказал это и пошел между трупами; голову Леонида он приказал отрубить и посадить на кол, услышав, что он был царем и вождем лакедемонян. Как многое другое, так в особенности это последнее служит для меня свидетельством, что царь Ксеркс был жесточен против Леонида, пока тот жил, больше, нежели против кого бы то ни было другого. В противном случае он не совершал бы такого нечестия над его телом, потому что, насколько мне известно, персы более всякого другого народа чтут храбрых воинов. Лица, на которых это было возложено, исполнили приказание.

239. Однако я возвращусь к той части повествования, которая раньше осталась неконченной. Лакедемоняне узнали первые о том, что царь готовится к походу на Элладу; после этого они через послов обратились к дельфийскому прорицалищу, где и получили изречение, о

котором сказано выше. Узнали они о походе необыкновенным способом. Сын Аристона Демарат, бежав к мидянам, не был, как мне кажется, благорасположен к лакедемонянам, и это правдоподобно. Да и можно видеть, по расположению ли к лакедемонянам или из злорадства сделал он следующее: когда Ксеркс решил идти войной на Элладу, Демарат, находившийся тогда в Сузах и слышавший об этом, пожелал дать знать о том лакедемонянам. Он совершенно не знал, как известить их, потому что опасался, как бы не быть пойманным. Поэтому употребил такую хитрость: взял двустворчатую писчую табличку и соскоблил с нее воск, потом на дереве таблички начертал решение царя, затем написанное снова залил растопленным воском для того, чтобы несущий дощечку без письма не подвергнулся никакой задержке со стороны дорожных стражей. Когда дощечка доставлена была наконец в Лакедемон, лакедемоняне не могли разгадать ее назначения, пока, как я слышал, дочь Клеомена, жена Леонида, не догадалась и не объяснила им: она посоветовала соскоблить воск, после чего, сказала она, они найдут на дереве письма. Лакедемоняне послушали ее, нашли письма и прочли их, а потом послали дощечку остальным эллинам. Так это было по рассказам.

Книга восьмая Урания

Состав эллинского флота при Артемисии, морские битвы (1–23). Осмотр варварами поля сражения при Фермопилах (24–25). Путь варваров от Фермопил в Беотию, Фокиду и в Дельфы, чудо в Дельфах (26–39). Состав эллинского флота у Саламина (40–49). Афины заняты варварами (50–55). Распри в эллинском флоте, хитрость Фемистокла (56–64). Чудо, предзнаменующее беды варваров (65). Персидский флот у Фалера, военный совет (66–69). Сооружение стен пелопоннесцами на Истме (70–73). Распри в эллинском флоте, хитрость Фемистокла, появление Аристида на Саламине (74–82). Поражение варваров при Саламине (83–96). Сборы Ксеркса к возвращению в Азию и оставление Мардония с войском в Европе (97–103). История с Гермотимом (104–106). Отступление персидского флота и преследование его эллинами (107–120). Наказание эллинами городов, отдавшихся Ксерксу, дележ военной добычи и чествование Фемистокла (121–125). Осада Потидеи Артабазом и взятие Олинфа (126–129). Второй год войны: эллинский флот у Самоса и Делоса, пребывание Мардония в Фессалии (130–135).

Посольство от Мардония в Афины, родословная Александра, царя македонян, неудача посольства (136–144).

1. Из эллинов зачислены были во флот следующие: афиняне, доставившие сто двадцать семь кораблей, причем платейцы, хотя и не искусные в морском деле, но движимые храбростью и усердием, снабжали эти корабли людьми вместе с афинянами; коринфяне доставили сорок кораблей, мегарцы двадцать; халкидяне поставили воинов на двадцать кораблей, но корабли им даны были афинянами. Египтяне доставили восемнадцать кораблей, сикионцы двенадцать, лакедемоняне десять, Эпидавр восемь, эретрийцы семь, трезенцы пять, стирейцы два, столько же и кеосцы, да еще два пятидесятивесельных судна. Наконец, опунтские локры явились на помощь с семью пятидесятивесельными судами.

2. Таковы были эллины, отправившиеся к Артемисию, а я уже сказал, какое количество кораблей доставлено было каждым народом. Число собранных у Артемисия кораблей, за исключением пятидесятивесельных судов, было двести семьдесят один. Главнокомандующего флотом поставили спартанцы, именно Еврибиада, сына Евриклида. Союзники объявили, что они не последуют за афинскими вождями и распустят войско, какое соберется, если только главнокомандующим будет не лакедемонянин.

3. Дело в том, что уже вначале, до отправки в Сицилию послов с просьбой о помощи, шла речь о том, что командование флотом следует поручить афинянам. Так как союзники восстали против этого, то афиняне уступили, будучи сильно озабочены спасением Эллады и зная, что Эллада погибнет, если эллины станут спорить между собою из-за преобладания, и они рассуждали верно. Действительно, внутренние смуты настолько хуже войны, ведомой единодушно, насколько война хуже мира. Будучи именно такого убеждения, афиняне не противились, уступили, но так было до тех пор, пока они имели крайнюю нужду в союзниках, что и доказали потом: когда персов прогнали и стали воевать с царем уже за его землю, тогда под предлогом наглости Павсания афиняне отняли первенствующее положение у лакедемонян. Но это случилось впоследствии.

4. В то время прибывшие к Артемисию эллины объезжены были ужасом при виде огромного множества кораблей у Афет и чрезвычайной многочисленности воинов; действительно, силы варваров превзошли их представление и ожидание; поэтому они решили бежать от Артемисия внутрь Эллады. Узнав о таком решении, эвбейцы просили

Еврибиада подождать немного, пока они не поместят в надежное убежище детей своих и слуг. Когда уговорить Еврибиада им не удалось, они обратились в другую сторону и стали склонять афинского вождя Фемистокла за триста талантов к тому, чтобы афиняне оставались перед Эвбеей и дали морскую битву.

5 . Фемистокл употребил следующую меру для того, чтобы удержать эллинов: из этих денег он отдал Еврибиаду пять талантов, давая их как бы из своих денег. Еврибиад перешел на его сторону. Из прочих вождей противился этому только вождь коринфян Адимант, сын Окита, заявляя, что не останется и отплывет от Артемисия. Тогда Фемистокл стал заклинять его и сказал следующее: «Ты не покинешь нас, потому что я дам тебе большие подарки, нежели те, какие прислал бы тебе царь мидян, если бы ты покинул союзников». Он это сказал и в то же время отослал на корабль Адиманта три таланта серебра. Подарками он склонил их на свою сторону, и эвбейцы были удовлетворены. Сам Фемистокл извлек из этого выгоду, потому что тайно удержал остальные деньги для себя; те лица, которые получили долю из этих денег, думали, что для такой цели деньги получены были из Афин.

6. Так остались эллины у Эвбеи и дали морскую битву. Происходила она при следующих обстоятельствах: тотчас после полудня варвары подошли к Афетам; уже и прежде они знали, что подле Артемисия стоит небольшое число эллинских кораблей; теперь они видели это сами и возымели большое желание попытаться овладеть ими. Однако персы решили не нападать на корабли спереди для того, чтобы эллины не заметили их приближения и не обратились в бегство, причем ночь могла бы прикрыть бегущих; конечно, эллины должны были спасаться бегством, а персы говорили, что и сам огненоситель не должен уйти живым.

7. С этой целью они употребили следующую хитрость: из всех кораблей отделили двести и послали их за Скиаф для того, чтобы незаметно для неприятелей они обошли кругом Эвбеи подле Каферея и Гереста и вошли в Еврип. С прибытием в Еврип они замыкали эллинов и отрезали им обратный путь в Элладу, тогда как остальные корабли должны были напасть на эллинов спереди. Порешив так, варвары отослали назначенные для этого корабли, но сами не думали нападать на эллинов в тот самый день, до тех именно пор, пока отправившимися кругом Эвбеи воинами не будет дан сигнал о прибытии их на место. Итак, часть кораблей пошла кругом острова, а остальным сделан был смотр у Афет.

8. В то время как варвары делали смотр кораблям, некто Скиллий, уроженец Сикиона, лучший водолаз того времени, который во время кораблекрушения, что случилось у Пелиона, спас персам многие сокровища и многие приобрел для себя, – этот самый Скиллий, уже и раньше замышлявший перебежать к эллинам, теперь нашел случай привести свой замысел в исполнение. Каким образом он отсюда прибыл к эллинам, я не могу сказать с точностью, а то, что говорят об этом, меня удивляет, если только это правда; говорят именно, что он подле Афет нырнул в море и вынырнул не раньше, как по достижении Артемисия, проплыв, следовательно, под морем около восьмидесяти стадиев. Много баснословного рассказывается об этом человеке, кое-что, впрочем, и достоверное. Что касается этого случая, то, по моему мнению, он прибыл к Артемисию в лодке. Тотчас по прибытии он сообщил вождям эллинов о кораблекрушении, как оно было, и о том, что посланы корабли в обход кругом Эвбеи.

9. Получив это известие, эллины сошлись на совещание. Из множества предложений взяло верх следующее: в тот день остаться на месте в стоянке, потом, после полуночи, отступить и выйти навстречу огибавшим Эвбею кораблям. После этого, так как против них никто не показывался, эллины выждали вечернюю пору и сами поплыли на варваров с целью испытать их способ сражения и прохождение между неприятельских судов.

10. При виде того, что эллины идут против них с небольшим числом судов, воины Ксеркса, а в особенности начальники их были уверены, что враги сошли с ума и сами направили на них свои корабли в надежде без труда захватить неприятельские корабли. Надежда эта была весьма основательна: они видели, что эллинских кораблей немного, что у них в несколько раз больше и что их корабли имеют лучший ход, нежели эллинские. Все это они сообразили и стали окружать эллинов кольцом. Все из ионян, благорасположенные к эллинам и против воли отправившиеся на войну, сильно встревожены были тем, что эллинов окружают со всех сторон, и были убеждены, что ни один из них не возвратится домой: столь ничтожными представлялись им силы эллинов. Напротив, все те ионяне, которые радовались происходящему, спорили между собою из-за того, кто из них первый захватит аттический корабль и получит за то награду от царя, так как в стоянке у персов только и речи было, что об афинянах.

11. Когда эллинам дан был сигнал, они прежде всего выстроили свои корабли против варваров носами вперед и кормами внутрь, потом по второму сигналу перешли в наступление, правда, на небольшом

пространстве и только с фронта. В это время они захватили тридцать варварских кораблей и сына Херсиева Филаона, брата саламинского царя Горга, человека значительного в персидском флоте. Первым эллином, взявшим неприятельский корабль, был афинянин Ликомед, сын Эсхрея; он же получил первую награду. Войска сражались с одинаковым мужеством, и только наступившая ночь разделила сражающихся. Эллины отступили на кораблях к Артемисию, а варвары к Афетам (сражение было более тяжелое, нежели они ожидали). В этой морской битве из числа всех эллинов, находившихся под начальством царя, перебежчиком оказался один только Антидор из Лемноса, в награду за это афиняне дали ему участок земли на Саламине.

12. С наступлением ночи – время года было середина лета – полил обильнейший дождь и шел всю ночь с сильными раскатами грома с Пелиона; трупы и обломки кораблей выбрасывало к Афетам; они кружились у корабельных носов и лопасти весел приводили в беспорядок. Находившиеся там воины при известии об этом пришли в ужас, полагая, что среди стольких бед они погибнут окончательно. Ибо прежде, чем оправиться от бури и кораблекрушения, случившихся у Пелиона, попали в жестокую морскую битву, а после битвы пошел ливень, потекли к морю бурные потоки и раздались сильные громовые раскаты. Так прошла для них ночь.

13. Однако эта же ночь была еще более ужасной для тех из варваров, которым приказано было обогнуть Эвбею, ужаснее была потому, что застигла их на пути в открытом море. Действительно, конец их был печален. Когда гроза и дождь разразились над кораблями в то время, как они плыли мимо «Лощин» Эвбеи, ветер понес их, и они, сами не зная, куда несутся, ударились о скалы. Все это было совершено божеством для того, чтобы персидское могущество сравнялось с эллинским и не было гораздо сильнее его. Итак, воины эти погибли у «Лощин» Эвбеи.

14. Варвары в Афетах обрадовались, когда настало утро, и неподвижно стояли со своими кораблями на месте: они довольны были тем, что в тогдашнем положении среди стольких бед могут, по крайней мере, остаться в покое. Между тем на помощь эллинам прибыли пятьдесят три аттических корабля. Эллинов ободрило их появление, равно как и полученное известие о том, что все варвары, плывшие кругом Эвбеи, истреблены бурей. Они снова дождались той же поры дня и сделали нападение на киликийские корабли, при наступлении ночи истребили их и возвратились назад к Артемисию.

15. На третий день после этого варвары, считая великим позором для себя то, что незначительное число кораблей причинило им такой урон, а также из страха перед судом Ксеркса, не стали дожидаться, пока эллины начнут битву, и, ободряя друг друга, вывели корабли свои в море около полудня. Случилось так, что и эти морские битвы, и битва сухопутная у Фермопил происходили в одни и те же дни; кроме того, как воины Леонида дрались за охранение прохода, так сражение на море всецело происходило из-за Еврипа. Итак, одни ободряли друг друга к борьбе, чтобы не пускать варваров в Элладу, а другие – чтобы сокрушить эллинское войско и завладеть морским путем.

16. Воины Ксеркса выстроились в боевой порядок и начали наступление, а эллины неподвижно стояли у Артемисия. Варвары расположили свои корабли в виде полумесяца и стали окружать эллинов кольцом, чтобы охватить их со всех сторон. Тогда эллины также перешли в наступление и начали бой. И в этом морском сражении обе стороны оказались равносильными. Дело в том, что флот Ксеркса терпел неудобства вследствие своей же обширности и многочисленности кораблей, ибо корабли мидян смешивались в беспорядке и попадали один на другой; тем не менее они сопротивлялись и не отступали, считая позором для себя бежать перед небольшим числом кораблей. Эллинских кораблей и воинов погибло много, но варварских кораблей и людей погибло гораздо больше. После такого сражения оба войска разошлись.

17. В этой битве из воинов Ксеркса больше всех отличились египтяне: помимо других славных подвигов, они захватили пять эллинских кораблей вместе с воинами. Из эллинов в тот же день больше всех отличились афиняне, а из числа афинян сын Алкивиада Клиний; он на собственное иждивение вооружил двести воинов и прибыл на собственном корабле.

18. Обе стороны охотно прекратили сражение и поспешно возвратились к своим стоянкам. По окончании битвы и по возвращении на стоянку эллины имели в своей власти мертвые тела и обломки кораблей; но так как они пострадали жестоко, особенно афиняне, у которых половина кораблей была повреждена, то порешили бежать внутрь Эллады.

19. Однако Фемистокл сообразил, что, если от варваров отторгнуты будут племена ионийское и карийское, то эллины смогут одолеть остальное войско. Так как к тому времени эвбейцы выгоняли свой скот к морю, он собрал сюда вождей и сказал им, что знает средство, с помощью которого рассчитывает отторгнуть от царя доблестнейших из

его союзников. Только это он и открыл им. Что же касается настоящего положения дел, сказал Фемистокл, то следует поступить так: пускай каждый из них убьет столько скота эвбейцев, сколько желает, ибо лучше, чтобы скот достался эллинскому войску, а не варварам. Вместе с тем постарался уговорить начальников, чтобы каждый из них приказал своим воинам зажечь огонь. О благовременном возвращении в Элладу, прибавил Фемистокл, он позаботился сам, о том именно, чтобы эллинам возвратиться невредимыми. Начальники приняли его совет, тотчас велели зажигать огни и приниматься за скот.

20. Эвбейцы пренебрегли изречением оракула Бакида, как ничего не значащим, поэтому совершенно ничего не унесли со своего острова, не приготовили никаких запасов на случай угрожавшей осады и тем сами себе уготовили несчастный конец. Изречение об этом Бакида гласило следующее:

Позаботься о том, чтобы удалить с Эвбеи
многоблеющих коз,
Когда говорящий на варварском языке наложит на
море папирусное ярмо.

Эвбейцы не применили этих слов ни к тогдашнему своему положению, ни к будущему, и потому теперь предстояло им подвергнуться величайшим бедам.

21. Пока они были заняты этим, явился соглядатай из Трахина. При Артемисии находился соглядатай Полий, родом из Антикиры; он имел наготове хорошо устроенную лодку и должен был дать знать находившимся в Фермопилах воинам, если бы флот сильно пострадал в сражении; также был соглядатай и при Леониде, афинянин Аброних, сын Лисикла; он обязан был отправиться на тридцативесельном судне к тем войскам, что находились у Артемисия, и известить их, если бы несчастье постигло сухопутное войско. Этот-то Аброних и явился к ним с известием о судьбе Леонида и его войска. Узнав об этом, эллины не стали больше медлить с отступлением и отправились в обратный путь в том самом порядке, в каком каждый народ был в стоянке; первыми шли коринфяне, последними афиняне.

22. Тогда Фемистокл выбрал из афинских кораблей самые быстрые, поплыл с ними кругом острова и во всех местах, где находилась вода для питья, начертал надписи, которые были прочитаны ионянами на следующий день по прибытии к Артемисию. Надписи гласили следующее: «Несправедливо поступаете, ионяне, воюя против отцов и

порабощая Элладу. Лучше всего переходите на нашу сторону! Если же сделать этого не можете, то, по крайней мере, удалитесь и держитесь в стороне, и склоните к тому карийцев. Если вы не можете сделать ни того ни другого, если вы находитесь под столь тяжелым игом, что не в силах отложиться от царя, то, по крайней мере, помните, что происходите от нас и что начало этой борьбы нашей с варварами исходит от вас, поэтому в случае стычки будьте нерадивы в бою». Фемистокл начертал это с двояким расчетом, как мне кажется: или надпись останется неизвестной царю и побудит ионян изменить ему и перейти на сторону своих, или же она будет доставлена Ксерксу и истолкована в худом смысле, через то навлечет на ионян подозрение и устранил их от участия в морских сражениях. Вот что начертал Фемистокл.

23. Тотчас после этого явился к варварам в лодке некий житель Гистиеи с известием о бегстве эллинов от Артемисия. Варвары не поверили этому, заключили вестника под стражу и отрядили для расследования несколько быстрых кораблей. Когда корабли доставили известие о том, что было, весь флот целиком, с первыми лучами солнца направился к Артемисию. В том месте он прождал до полудня и затем поплыл к Гистиее. По прибытии туда варвары овладели городом гистиейцев и нападали на все приморские деревни местности Эллопии в земле Гистиеотиды.

24. Пока флот находился в этом месте, Ксеркс принял все меры касательно тел павших воинов и отправил во флот глашатая. Принятые меры состояли в следующем. Из всех своих воинов, павших подле Фермопил (а таких было около двадцати тысяч), он оставил только тысячу трупов, все остальные велел похоронить в вырытых канавах, насыпать сверху земли и набросать древесных листьев для того, чтобы воины флота не видели могил. По прибытии в Гистиею глашатай созвал на собрание все войско и сказал: «Союзники! Царь Ксеркс дает каждому из вас позволение покинуть свой пост и идти посмотреть, как он сражался с безрассудными людьми, рассчитывавшими одолеть мощь царя».

25. Когда это было объявлено, число лодок для переправы оказалось слишком недостаточным: столь многие желали поглядеть на поле сражения. Переправившись к Фермопилам, они ходили среди трупов и рассматривали их. При этом всем казалось, что павшие все лакедемоняне и феспийцы, хотя они видели тут и илотов. Однако от переправившихся не скрылось, что сделал Ксеркс с трупами своих воинов. И действительно, это было смешно: мертвых тел варваров

лежало на виду только тысяча, тогда как тела эллинов собраны были все в одном месте в числе четырех тысяч. Этот день союзники употребили на осмотр мертвецов, а на следующий одни отплыли к кораблям своим в Гистиену, другие с Ксерксом во главе продолжали путь.

26. Тем временем из Аркадии прибыли к варварам в небольшом числе перебежчики, которые просили пропитания и искали работы. Персы повели их к царю и расспрашивали, чем занимаются эллины; расспрашивал их об этом один из персов за всех. Те отвечали, что эллины устроили Олимпийские игры и любят гимнастическими и конными состязаниями. На вопрос о том, что служит наградой победителю, из-за чего происходит состязание, перебежчики отвечали, что победителя награждают оливковым венком. Тогда сын Артабана Тигран высказал благороднейшее мнение, за что царь укорил его в трусости, а именно: услышав, что наградой служит венок, а не деньги, он не мог сдержать себя, чтобы в присутствии всех не сказать: «Горе нам, Мардоний! Против какого народа повел ты нас на войну: они состязаются не из-за денег, а из-за доблести».

27. Между тем тотчас после поражения при Фермопилах фессалийцы отправили глашатая к фокийцам, на которых они всегда злобились, особенно после недавнего поражения. Дело в том, что за несколько лет до похода царя фессалийцы вместе с союзниками напали со всем войском на фокийцев, но были разбиты ими и подверглись жестокой участи. Когда фокийцы оттиснуты были к Парнасу, в числе их был и гадатель Теллий, родом из Элиды; этот Теллий придумал следующую хитрость: он побелил гипсом шестьсот храбрейших фокийцев, не только их самих, но и их вооружение, а ночью напал с ними на фессалийцев, отдав приказание убивать всякого, кого заметят непобеленным. Фессалийская стража первая увидела их и пришла в ужас, так как приняла это за нечто сверхъестественное; за стражей последовало все войско, так что фокийцы имели в своей власти четыре тысячи трупов и щитов неприятельских; половину щитов они пожертвовали в Абы, а другую – в Дельфы. На десятую долю денег, добытых в сражении, поставлены были большие кумиры вокруг треножника, что против храма в Дельфах*, а другие такие же жертвованы в Абы. Вот что учинили фокийцы с фессалийской пехотой, когда были осаждены ею.

28. Когда фессалийская конница вторглась в землю фокийцев, они нанесли ей поражение, от которого та не могла оправиться. В проходе, что у Гиамполиса, фокийцы выкопали огромную канаву, вложили в нее пустые амфоры и, набросав сверху земли, сравняли это место с

остальной почвой; так ждали они вторжения фессалийцев. Между тем фессалийцы, рассчитывая без труда окружить фокийцев, стремительно бросились на них и попали на амфоры; там их лошади поломали себе ноги.

29. Будучи озлоблены этими двумя поражениями, фессалийцы отправили к фокийцам глашатая со следующим объявлением: «Теперь, фокийцы, вы уже яснее видите, что вам не равняться с нами. В самом деле, и раньше, пока только одобрялось нами поведение эллинов, мы всегда стояли у них выше вас, и теперь у варваров мы имеем такую силу, что от нас зависит лишить вас земли и обратить в рабство. Однако мы не злопамятны и потому, хотя могли бы сделать все, удовольствуемся за прежнее зло пятьюдесятью талантами серебра и тогда обещаем отвратить от вашей земли грозящие ей беды». Вот что объявили фессалийцы.

30. Дело в том, что одни лишь фокийцы из жителей той области не склонялись на сторону мидян, притом, как я по соображению заключаю, не по какой-либо иной причине, но вследствие вражды к фессалийцам; если бы, напротив, фессалийцы были на стороне эллинов, фокийцы склонились бы на сторону мидян. В ответ на заявление фессалийцев фокийцы сказали, что денег не дадут им вовсе и что они могли бы, если бы только захотели, принять сторону мидян, но что по доброй воле никогда не будут предателями Эллады.

31. По получении такого ответа фессалийцы вознегодовали на фокийцев и проводили варваров в их землю. Варвары из Трахинии вторглись прежде всего в Дориду. Здесь тянется узкая полоса Дорийской земли в тридцать стадиев шириной между областями Малийской и Фокидской; в древности это была Дриопида. Эта же самая область есть родина пелопоннесских дорийцев. Вторгшись в Дорийскую область, варвары не разоряли ее, потому что тамошние жители были на стороне мидян, да и фессалийцы не желали того.

32. Из Дориды варвары вторглись в Фокиду, но не покорили фокийцев. Часть их взошла на высоты Парнаса; на вершине этой горы, особняком поднимающейся против города Неона, может удобно поместиться толпа народа; называется она Тифора. Туда часть фокийцев снесли свое имущество и взошли сами; большинство их удалилось к озольским локрам, в город Амфиссу, который лежит по ту сторону Крисейской равнины. Варвары исходили всю Фокиду, причем войско их имело проводников из фессалийцев; куда бы они ни приходили, везде все жгли и разоряли, бросая огонь на города и храмы.

33. Здесь шли они вдоль реки Кефис и опустошили все: сожгли города Дримос, Харадру, Эрохос, Тефроний, Амфикею, Неон, Педиен, Тритеи, Элатею, Гиамполис, Парapotамии и Абы; в Абах был богатый храм Аполлона с сокровищницами и множеством пожертвований. Там же было и теперь есть прорицалище; варвары ограбили и сожгли этот храм. Нескольких фокийцев они догнали на горах и взяли в плен, нескольких женщин толпа изнасиловала, от чего те и умерли.

34. Миновав Парapotамии, варвары прибыли в Панопей. Там войско разделилось и начиная оттуда дошло двумя путями: гораздо бо́льшая и сильнейшая часть войска с Ксерксом во главе по дороге в Афины вторглась к беотийцам в Орхоменскую область. Беотийский народ весь был на стороне мидян; города их охранялись македонянами, расставленными в них и с этой целью присланными Александром; они охраняли эти города и тем давали знать Ксерксу, что беотийцы заодно с мидянами. Итак, часть варваров направилась по этому пути.

35. Другая часть варваров со своими вождями устремилась к дельфийскому святилищу, направо от себя оставляя Парнас. Все местности Фокиды, куда проникали варвары, опустошались ими: они сожгли города панопеев, давлиев и золидов. По отделении от остального войска варвары пошли этим путем с целью ограбить дельфийское святилище и представить царю Ксерксу его сокровища. Как я слышал, все замечательные предметы в этом храме известны были Ксерксу лучше, нежели те, которые он оставил в своих храмах; действительно, многие говорили о них постоянно, в особенности о пожертвованиях Алиаттова сына Креза.

36. При известии об этом дельфийцы сильно оробели. Объятые ужасом, они вопрошали прорицалище относительно священных сокровищ: следует ли закопать их в землю, или вынести в другую страну. Однако божество воспретило касаться сокровищ и объявило, что само оно достаточно сильно для защиты их. По получении такового ответа дельфийцы стали заботиться о себе самих: женщин и детей отослали через море в Ахею, большинство их самих взойшло на вершины Парнаса, а имущество перенесено в Корикийскую пещеру; другая часть удалилась в локридскую Амфиссу. Таким образом, все дельфийцы, за исключением шестидесяти и прорицателя, покинули свой город.

37. Когда наступающие варвары были близко и уже видели храм, прорицатель по имени Акерат заметил, что перед храмом лежит священное оружие*, вынесенное из внутренней части святилища: прикасаться к нему не смел никто из людей. Прорицатель отправился

известить о чуде дельфийцев, остававшихся в городе; между тем варвары поспешно подходили к храму Афины Пронеи, и им явились чудеса еще более замечательные, нежели раньше упомянутое. Действительно, велико чудо – самопроизвольное появление военного оружия изнутри храма и нахождение перед ним. Но знаменья, следовавшие вскоре за этим, были поразительнейшими чудесными явлениями, ибо, когда варвары подошли к святилищу Афины Пронеи, в это время с неба упала на них молния, а от Парнаса оторвались две вершины, с сильным шумом устремились на них и многих задавили. Из храма же Афины Пронеи слышались громкий голос и жалобные восклицания.

38. Когда все это вместе обрушилось на варваров, ими овладел ужас, а дельфийцы, узнав о бегстве неприятелей, спустились с горы и перебили немалое число их; уцелевшие бежали прямо в Беотию. Как я слышал, спасшиеся бегством варвары рассказывали, что, кроме этих чудес, они видели и другое, а именно: два тяжеловооруженных воина сверхчеловеческого роста неотступно следовали за ними, гнали и убивали их.

39. По словам дельфийцев, эти два воина – местные герои Филак и Автоной, святилища которых находятся вблизи храма: Филаково – подле самой дороги, над храмом Пронеи, а Автоноево – подле Касталии, у подножия крутого утеса Гиампии. Что касается камней, упавших с Парнаса, то они сохранились до нашего времени и лежат в святилище Афины Пронеи, куда попали через ряды варваров.

40. Между тем эллинский флот по просьбе афинян отплыл от Артемисия и причалил к Саламину. Афиняне просили эллинов пристать с кораблями к Саламину для того, чтобы самим поместить там в безопасности своих детей и женщин, а затем обсудить, что делать дальше. Дело в том, что афиняне были обмануты в своих расчетах и теперь собирались посоветоваться о положении дел: они полагали было, что найдут пелопоннесцев со всем их войском в Беотии против варваров, но не нашли ничего подобного; они узнали, что пелопоннесцы укрепляют стеною Истм, будучи озабочены более всего спасением Пелопоннеса, что поэтому оберегают только его, а об остальной Элладе не заботятся. Вот почему при этом известии афиняне попросили союзников остановиться с кораблями у Саламина.

41. Таким образом, все союзники причалили к Саламину, а афиняне к своей земле. По прибытии сюда афиняне объявили через глашатая, чтобы каждый афинянин спасал, куда может, своих детей и слуг. После этого большинство отправили детей и слуг в Трезену, иные – на Эгину,

а иные – на Саламин; все торопились спасти свое добро в безопасном месте во исполнение оракула, но больше всего по следующей причине: афиняне рассказывают, что огромная змея, страж акрополя, обитает в храме. Впрочем, не только говорят об этом, но и каждое новое новолуние совершают и предлагают змее жертву, как будто она в самом деле находится в храме; ежемесячная жертва состоит из медовой лепешки. В прежнее время такая медовая лепешка всегда бывала съедается, а теперь осталась нетронутой. Когда жрица объявила об этом, афиняне тем скорее и с большей охотой покинули город, ибо, думали они, сама богиня покинула акрополь. Вывезя все добро свое в безопасные места, афиняне отплыли к стоянке.

42. Когда эллины, которые стояли у Артемисия, расположились с кораблями у Саламина, остальной эллинский флот при известии об этом прибыл туда же из Трезена: раньше им приказано было собираться в трезенскую гавань Погон. Там корабли собрались в гораздо большем числе, нежели сколько участвовало их в сражении при Артемисии, и от большего числа городов. Главнокомандующий был тот самый, что и при Артемисии, спартанец Еврибиад, сын Евриклида, хотя не из царского рода. Наибольше кораблей, притом с самым лучшим ходом, доставили афиняне.

43. Во флоте сражались следующие эллины: из Пелопоннеса лакедемоняне на шестнадцати кораблях, коринфяне, доставившие сюда столько же вооруженных кораблей, как и к Артемисию, сикионцы доставили пятнадцать кораблей, эпидаврийцы десять, трезенцы пять, гермионяне три. Все эти эллины, кроме гермионян, – дорийского и македонского племени; они выселились в последнее время из Эриней, Пинда и Дриопиды. Гермионяне – дриопы, вытесненные из так называемой теперь Дориды Гераклом и малийцами. Это были вышедшие из Пелопоннеса.

44. Из той части материка, что лежит за Пелопоннесом, афиняне доставили больше кораблей, чем все прочие, а именно сто восемьдесят. И притом они одни, ибо в сражении при Саламине платейцы не помогали афинянам по следующей причине: когда эллины отплывали от Артемисия и находились уже против Халкиды, платейцы высадились на противоположный берег Беотии для того, чтобы укрыть домашних своих в безопасном месте; занятые спасением их, они не участвовали в битве. Что касается афинян, то они, пока нынешнюю Элладу населяли пеласги, были пеласгами и именовались кранаями. В царствование Кекропа названы были еще кекропидами, а когда власть наследовал Эреxfей, переименованы были в афинян, наконец от Иона, сына Ксуфа, начальника афинских войск, названы ионянами.

45. Мегарцы доставили такое же число вооруженных кораблей, как и к Артемисию; ампракиоты явились на помощь с семью кораблями, а левкадцы – с тремя; эти эллины были также дорийского племени из Коринфа.

46. Из островитян эгинцы доставили тридцать кораблей; у них были и другие вооруженные корабли, но те стояли на страже у земли эгинцев; при Саламине они сражались на тридцати кораблях с наилучшим ходом. Эгинцы по происхождению дорийцы из Эпидавра; раньше имя острова их было Энона. За эгинцами следовали халкидяне с теми двадцатью кораблями, которые имели они при Артемисии, и эретрийцы с семью кораблями. Это – ионяне. Дальше следовали кеосцы ионийского племени из Афин, с теми самыми кораблями, что были и у Артемисия. Наксосцы доставили четыре корабля. Подобно прочим островитянам они были посланы своими согражданами к мидянам; но приказание это оставили без внимания и прибыли к эллинам по внушению Демокрита, человека влиятельного среди сограждан и в то время командовавшего триремой. Наксосцы – по происхождению ионяне из Афин. Стирейцы доставили те же самые корабли, с какими стояли у Артемисия, а кифнии – одно пятидесятивесельное судно; те и

другие – дриопы. Туда же вышли жители Серифа, Сифноса и Мелоса; из островитян они одни отказали варвару в земле и воде.

47. Все эти эллины, сражавшиеся при Саламине, обитают по эту сторону области феспротов и реки Ахеронт, ибо феспроты живут на границе с ампракиотами и левкадцами, которые вышли на войну из крайних областей Эллады. Из тех эллинов, какие обитают за этими пределами, одни только жители Кротона явились на помощь подвергавшейся опасности Элладе с одним кораблем; начальником корабля был некий Фаилл, трижды победивший на Пифийских играх. Кротонцы по происхождению ахейцы.

48. Все союзники доставили триремы; только мелосцы, сифнийцы и серифии доставили пятидесятивесельные суда. Мелосцы происходят из Лакедемона и доставили два судна, жители Сифноса и Серифа, ионяне из Афин, привели с собой по одному судну. Общее число кораблей, кроме пятидесятивесельных судов, было триста семьдесят восемь.

49. Сойдясь у Саламина, вожди от поименованных государств устроили совещание. Еврибиад предложил, чтобы каждый желающий высказал свое мнение о том, какая страна из остающихся в их распоряжении представляется наиболее удобной для морского сражения. Дело в том, что Аттика была уже покинута, и Еврибиад спрашивал о прочих землях. Предложения большинства ораторов сводились к одному: плыть к Истму и дать морскую битву перед Пелопоннесом, причем высказывалось следующее основание: в случае поражения на море при Саламине они были бы осаждены на острове, куда не могла бы явиться к ним никакая помощь; напротив, находясь подле Истма, они могут укрыться у своих.

50. В то время как вожди пелопоннесцев высказывали такие соображения, явился некий афинянин с известием, что варвары вошли в Аттику и всю ее опустошают огнем. Действительно, та часть войска, которая с Ксерксом во главе направилась через Беотию, сожгла город Феспии (феспийцы бежали в Пелопоннес), а также Платеи и прибыла в Аттику, где все опустошала. Феспии и Платеи варвары предали пламени после того, как узнали от фиванцев, что они не на стороне мидян.

51. Варвары со времени переправы через Геллеспонт, откуда они начали свой путь и где ради перехода в Европу провели один месяц, дошли до Аттики в три следующие месяца, когда у афинян архонтом был Каллиад. Варвары взяли пустой город, а также тех немногих афинян, которых нашли в храме, храмовых казнохранителей и бедняков; эти заградили доступ к акрополю досками и бревнами и так

отбивались от неприятеля. Они не удалились на Саламин по причине бедности и потому еще, что только себя считали верными истолкователями изречения, которое дала им пифия, а именно что деревянная стена будет неодолима и что, согласно оракулу, эта стена, а не корабли, и есть верное убежище.

52. Персы расположились на том холме, противолежащем акрополю, который афиняне называют ареопагом, и стали осаждать акрополь следующим способом: стрелы обворачивали в паклю, зажигали и потом пускали из луков в укрепление. Осаждаемые афиняне, хотя доведены были до последней крайности и укрепление обрушилось, продолжали, однако, сопротивляться. Предложение Писистратидов относительно сдачи было отвергнуто афинянами; с целью защиты они употребляли различные средства, между прочим, бросали в варваров громадными камнями каждый раз, когда те подступали к воротам. Вследствие этого Ксеркс, не будучи в состоянии взять афинян, долгое время не знал, что делать.

53. Наконец после таких затруднений доступ в акрополь открылся варварам: дело в том, что, согласно изречению оракула, всей Аттике суждено было подпасть под власть персов. Итак, перед акрополем, но позади ворот и подъема, там, где не стояло никакой стражи и куда, как всем казалось, не мог взойти никто из людей, в этом-то месте, с крутым спуском подле святилища Кекроповой дочери Аглавры*, взошли несколько человек. Когда афиняне увидели этих варваров, взошедших на акрополь, одни из них кинулись со стены вниз и погибли, а другие бежали внутрь святилища; взошедшие на стену варвары бросились прежде всего к воротам, отворили их и перебили молящих о защите; по умерщвлении всех их варвары ограбили храм и предали огню весь акрополь.

54. Вполне завладев Афинами, Ксеркс отправил в Сузы всадника с приказанием известить Артабана о достигнутом успехе. На другой день после отправки вестника он созвал афинских изгнанников, следовавших за его войском, приказал им взойти на акрополь и там по своему обряду принести жертву; он приказал это или потому, что видел во сне какой-нибудь призрак, или потому, что сожжение храма смущало его душу. Афинские изгнанники исполнили распоряжение Ксеркса.

55. Скажу теперь, почему я упомянул об этом. В акрополе есть храм Эрехфея, который почитается сыном земли, а в храме есть оливковое дерево и источник соленой воды, которые, по рассказам афинян, выставлены были свидетелями Посейдоном и Афиной в споре их из-за этой страны. Оливковое дерево истреблено было огнем вместе

с самым храмом. Но когда на другой день после пожара вступили в храм те из афинян, коим царь приказал совершить жертвоприношение, они заметили, что от ствола оливы выросла ветка почти в локоть длиной, – и рассказали это.

56. Находившиеся у Саламина эллины при известии о том, что случилось с афинским акрополем, были до такой степени поражены страхом, что некоторые вожди не стали дожидаться решения подлежащего вопросу, устремились на свои корабли, подняли паруса и отплыли; оставшиеся порешили дать морское сражение перед Истмом. Наконец, наступила ночь, эллины разошлись из собрания и удалились на корабли.

57. Когда Фемистокл возвратился на свой корабль, некий афинянин Мнесифил спросил его, какое решение они приняли. Услышав от него, что решено вывести корабли к Истму и перед Пелопоннесом дать сражение на море, он сказал: «Если только эллины уведут свои корабли от Саламина, то на море ты не будешь уже сражаться за твою родину. Эллины разойдутся по своим городам, и ни Еврибиад, ни кто другой не будет в состоянии удержать их и добиться того, чтобы войско не разбрелось: так безрассудство вождей погубит Элладу. Поэтому, если есть какая-либо возможность, иди и попытайся отменить решение; может быть, ты как-нибудь убедишь Еврибиада, он изменит свое решение и останется здесь».

58. Предложение это очень понравилось Фемистоклу. Ничего не отвечая Мнесифилу, он направился к кораблю Еврибиада. По прибытии к кораблю, Фемистокл заявил Еврибиаду, что желает поговорить с ним об общественном деле; тот предложил ему взойти на корабль и говорить, о чем желает. Тогда Фемистокл сел подле и изложил ему все слышанное от Мнесифила как бы свое собственное мнение, добавил и многое другое, пока наконец просьбами не склонил Еврибиада сойти с корабля и снова созвать вождей на собрание.

59. Когда вожди собрались, Фемистокл, прежде чем Еврибиад объяснил причину собрания их, говорил долго и убеждал настойчиво. В это время вождь коринфян Адимант, сын Окита, заметил: «На состязаниях, Фемистокл, бьют палками тех, которые поднимаются преждевременно». В свое оправдание тот ответил: «Но остающиеся позади не получают венка». Столь скромно ответил Фемистокл коринфянину.

60. Напротив, Еврибиаду Фемистокл не говорил уже ничего того, что говорил прежде, а именно что союзники рассеются, если снимутся с якоря у Саламина: в присутствии союзников не подобало жаловаться на

них. Он употреблял теперь другие доводы и говорил так: «В твоей власти спасти Элладу, если ты послушаешь меня, останешься и здесь дашь морскую битву, а не передвинешь своей стоянки к Истму в угоду людям, которые это предлагают. Если услышишь одно предложение, противопоставь ему другое. У Истма ты должен будешь сражаться в открытом море, а это для нас слишком невыгодно, так как корабли наши тяжелее на ходу и малочисленнее. Потом, если бы даже в остальном мы имели удачу, ты потеряешь Саламин, Мегары и Эгину. Ибо за флотом неприятеля будет следовать сухопутное войско, и таким образом ты сам поведешь варваров на Пелопоннес и подвергнешь опасности целую Элладу. Наоборот, если ты поступишь так, как я говорю, будешь иметь следующие выгоды: во – первых, если мы будем сражаться с немногими кораблями против многих на узком пространстве, то окажемся гораздо сильнее их, ибо сражение в узком месте выгодно для нас, а в широком для них. Во – вторых, уцелеет Саламин, где мы поместили наших детей и женщин. Наконец, в этом же способе действий содержится и то, чего вы жаждете больше всего: оставаясь и сражаясь на море в этом месте, ты будешь отстаивать Пелопоннес так же, как и битвой при Истме; кроме того, ты не поведешь варваров на Пелопоннес, если только сумеешь быть благоразумным. Если же случится так, как я рассчитываю, и мы со своими кораблями одержим победу, то варвары не явятся к вам на Истм и не подвинутся дальше Аттики. Они в беспорядке уйдут обратно, и мы поможем и даруем спасение Мегарам, Эгине и Саламину, у которого по изречению оракула нам суждено победить врагов. Если люди замышляют что-либо сообразное со здравым смыслом, то обыкновенно дело удастся; напротив, если люди задумывают что-нибудь несообразное, то обыкновенно и божество не благоприятствует решениям человеческим».

61. Когда говорил это Фемистокл, коринфянин Адимант снова стал нападать на него. Он велел молчать человеку без родины и не позволял Еврибиаду давать голос человеку, лишенному города: когда Фемистокл покажет свой город, тогда только разрешал он подавать ему голос вместе с другими. Предлагал это Адимант потому, что Афины были взяты неприятелем и находились в его власти. Тогда Фемистокл долго укорял и его, и коринфянин и в речи своей доказал, что у его сограждан и город, и земля больше, чем у них, так как у афинян есть двести вполне снаряженных кораблей и нет такого эллинского народа, который мог бы отразить их нападение.

62. Доказав это в своей речи, Фемистокл перешел к Еврибиаду и говорил с бо́льшим возбуждением, чем прежде: «Или ты останешься

здесь и покажешь себя человеком доблестным, или не останешься и погубишь Элладу, ибо в кораблях решение этой войны. Итак, послушай меня. Если же ты не поступишь так, мы немедленно забираем на корабли наших домашних и переселяемся в Италию, в город Сирис, который искони был нашим и по изречению оракула должен быть заселен нами. Вы вспомните мои слова, когда лишитесь таких союзников».

63. Эта речь Фемистокла переубедила Еврибиада, как мне кажется, потому главным образом, что он опасался, как бы афиняне не покинули эллинов, если он переведет к Истму свои корабли. Действительно, если бы афиняне оставили союзников, то эллины не были бы уже в состоянии выдержать борьбу с варварами. Поэтому он решил оставаться на месте и здесь же дать морское сражение.

64. После споров у Саламина, согласно решению Еврибиада, союзники стали готовиться к морской битве на этом месте. Когда на следующий день с восходом солнца случилось сотрясение на суше и на море, эллины решили дать обет богам и призвать на помощь Эакидов. Так они и сделали, а именно: дали обет всем богам, а потом призвали из Саламина Эанта и Теламона; за Эаком и прочими Эакидами отрядили корабль на Эгину.

65. Сын Феокида Дикей, афинский изгнанник, человек влиятельный у мидян, в то время как Аттика была покинута жителями и опустошалась сухопутным войском Ксеркса, случайно находился на Фриасийской равнине вместе с лакедемонянином Демаратом. По его уверению, они увидели идущую от Элевсина пыль, как будто тысяч от тридцати человек, и когда выражали изумление, какие люди могли бы поднять такую пыль, скоро услышали восклицание, и восклицание это показалось им мистическим иакхом¹. Демарат был несведущ в элевсинской святыне и потому спросил его, Дикей, что означает раздавшийся голос. «Демарат, – отвечал он, – царскому войску угрожает неизбежно тяжкая беда. Так как Аттика лишена своих жителей, то очевидно голос этот божественный и идет от Элевсина на помощь афинянам и союзникам. Если облако пыли опустится к Пелопоннесу, то самому царю и его войску опасность угрожает на материке; если оно обратится к кораблям, что при Саламине, то царю предстоит опасность потерять свой флот. Элевсинское празднество афиняне совершают ежегодно в честь Матери и Коры*, и каждый желающий из афинян и прочих эллинов посвящается в празднество; то восклицание, которое ты слышишь, они произносят в честь Иакха на этом празднестве». «Молчи, – сказал на это Демарат, – и не говори о том никому другому.

Если слова твои дойдут до царя, ты потеряешь голову, и ни я, ни кто другой не в силах будем спасти тебя. Поэтому молчи, а о войске позаботятся боги». Пока Демарат давал такой совет, рассказывал Дикей, на том месте, где была пыль и слышался голос, поднялось облако и понеслось к стоянке эллинов, что у Саламина. Из этого они заключили, говорил Дикей, что гибель предстоит флоту Ксеркса. Вот что рассказывал сын Феокида Дикей, ссылаясь на свидетельство Демарата и других.

66. После осмотра места поражения лакедемонян воины, находившиеся во флоте Ксеркса, переправились обратно из Трахина в Гистию. Там они прождали три дня и затем поплыли через Еврип; в следующие три дня они прибыли в Фалер. Как мне думается, варваров вторглось в Аттику с суши и с моря не меньше, чем сколько их перешло к Сепиаде и Фермопилам. Ибо вместо тех варваров, которые погибли от бури или пали при Фермопилах и в битвах на море при Артемисии, я ставлю воинов, которые тогда еще не следовали за царем, а именно: малийцев, дорийцев, локров, беотийцев, выступивших со всем своим войском, кроме феспийцев и платейцев, а также каристийцев, андросцев, теносцев и прочих островитян, за исключением жителей пяти городов, имена которых упомянуты мной выше. Вообще, чем дальше подвигался персидский царь внутрь Эллады, тем больше становилось число следовавших за ним народов.

67. Итак, все эти воины вступили в Аттику, кроме паросцев, которые остались позади у Кифна в ожидании исхода борьбы. Когда остальные воины прибыли в Фалер, к кораблям их сошел сам Ксеркс, дабы посоветоваться с начальниками кораблей и узнать их мнение. По прибытии туда Ксеркс занял возвышенное место; затем явились тираны подчиненных ему народов и начальники кораблей и сели в том порядке, в каком каждый из них пользовался почетом у царя, а именно: первым сел царь Сидона, вторым царь Тира, а за ними остальные приглашенные. Когда они сели в порядке один за другим, Ксеркс послал Мардония спросить и узнать мнение каждого о том, следует ли давать сражение на море.

68. Мардоний обходил и спрашивал всех, начав от сидонского царя; все высказывали одинаковое мнение, предлагая дать морскую битву, только Артемисия сказала следующее: «Передай, Мардоний, царю то, что говорю я, ибо в морских битвах при Эвбее я не была трусливее прочих и совершила подвиги не последнего разряда. Мне, владыка, подобает высказать перед тобой мое истинное мнение, которое я считаю наиболее выгодным для твоего дела, и потому скажу тебе: щади свои

корабли и не давай морской битвы, так как эти люди на море настолько сильнее твоих людей, насколько мужчины сильнее женщин. Неужели тебе непременно нужно подвергать себя опасности в битвах на море? Разве ты не имеешь в своей власти Афин, ради которых и предпринимал поход? Но ты владеешь и остальной Элладой, и на пути твоём нет противника; те, которые сопротивлялись тебе, подверглись заслуженной участи. Я скажу тебе, чем, по – моему, кончится дело неприятелей. Если ты не станешь торопиться с морской битвой и будешь удерживать свои корабли здесь, у берега, или подвинешься дальше еще к Пелопоннесу, то замыслы твои, владыка, осуществятся без труда, ибо эллины не в состоянии сопротивляться тебе долгое время. Ты рассеешь их, и все они разбегутся по своим городам, ибо на этом острове нет у них, как я слышала, съестных припасов. Да и невероятно, чтобы эллины, прибывшие сюда из Пелопоннеса, спокойно оставались здесь, когда ты поведешь на Пелопоннес сухопутное войско; им не придет тогда на мысль сражаться на море за Афины. Наоборот, если ты поторопишься дать морскую битву немедленно, то я опасаюсь, как бы поражение флота не принесло несчастья и твоему сухопутному войску. Наконец, царь, обрати внимание на то, что у хороших господ обыкновенно дурные рабы, а у дурных господ хорошие рабы. У тебя, лучшего из людей, есть дурные рабы, которые считаются в числе твоих союзников: египтяне, киприоты, киликийцы и памфилы. От них нет тебе никакой пользы».

69. Когда Артемисия говорила это Мардонию, все благорасположенные к ней огорчились такими речами в ожидании, что она претерпит что-либо недоброе от царя за то, что не советует давать сражение на море. Напротив, другие, злобствовавшие на нее и завидовавшие ей потому, что она почтена была царем превыше всех союзников, радовались этому разногласию в надежде, что оно погубит Артемисию. Когда мнения были сообщены Ксерксу, он остался очень доволен предложением Артемисии и, хотя и прежде считал ее превосходной женщиной, теперь превозносил еще больше. И все-таки Ксеркс велел следовать мнению большинства, полагая, что в сражении при Эвбее персы были нерадивы вследствие его отсутствия, теперь же он решил, что будет сам взирать на битву.

70. Когда дан был приказ отчалить от берега, варвары повели свои корабли к Саламину и там спокойно расположились и выстроились в боевой порядок. В тот день они уже не успели дать битву, потому что наступила ночь, поэтому готовились к следующему дню. Между тем страх и тревога овладели эллинами, особенно теми, кто явился из

Пелопоннеса; тревожились они потому, что, находясь у Саламина, должны были сражаться за афинскую землю и в случае поражения были бы отрезаны на острове и осаждены, причем родина их оставалась бы беззащитной. И в самом деле, в тот же вечер сухопутное войско варваров отправилось на Пелопоннес.

71. Однако сделано было все возможное для того, чтобы варвары не вторглись в Пелопоннес с суши, а именно: лишь только пелопоннесцы узнали о гибели Леонида с воинами при Фермопилах, они сбежали из своих городов к Истму и там расположились; начальником их был сын Анаксандрида и брат Леонида Клеомброт. Расположившись у Истма, они засыпали Скиронову дорогу, а потом, согласно общему решению, провели стену через Истм. Так как там были многие тысячи людей и все участвовали в работе, то сооружение подвигалось быстро. Сносились каменные плиты, кирпичи, бревна и полные коробки песку, причем работы эллинов, собравшихся к Истму, вовсе не останавливались – ни днем, ни ночью.

72. Из эллинов явились поспешно к Истму следующие народы: лакедемоняне, все племена аркадцев, элейцы, коринфяне, сикионцы, эпидаврийцы, флиунтцы, трезенцы и гермионяне. Таковы были эллины, поторопившиеся на защиту Истма и сильно перепуганные угрозавшей Элладе опасностью. Напротив, остальные жители Пелопоннеса не заботились о том нисколько. Между тем празднества олимпийские и карнейские уже миновали.

73. Пелопоннес занимают семь народов; два из них туземного происхождения и населяют теперь ту же самую область, что и в древности, а именно аркадцы и кинурии. Один народ, ахейский, не выходил из Пелопоннеса, но покинул свою область и теперь там занимает чужую. Прочие четыре народа из семи – пришельцы: дорийцы, этолийцы, дриопы и лемносцы. У дорийцев есть много знаменитых городов, у этолийцев один только – Элида, у дриопов – Гермиона и Асина, что подле лаконского города Кардамылы. Все парореаты – лемносцы. Из числа туземцев, кажется, одни только кинурии – ионяне; но они превратились в дорийцев частью потому, что находились под властью аргивян, а частью от действия времени: они занимают Орней и окрестности Аргоса. Остальные города этих семи народов, кроме перечисленных, стояли в стороне от защитников Эллады, а если сказать правду, то, находясь в стороне от обороны, стояли заодно с мидянами.

74. Итак, те из эллинов, какие находились на Истме, неустанно заняты были работой, как бы вступая уже в последнюю борьбу и не

питая надежды совершить что-либо славное на море. Однако эллины, стоявшие у Саламина, хотя и слышали о работах на Истме, были в тревоге, опасаясь не столько за самих себя, сколько за Пелопоннес. Некоторое время они ходили друг к другу и украдкой беседовали, изумляясь безрассудству Еврибиада; наконец недовольство прорвалось наружу. Состоялось собрание, на котором говорили много, все о тех же делах, причем, по мнению одних, следовало отплыть к Пелопоннесу и сражаться за него, а не оставаться для борьбы за покоренную страну; напротив, афиняне, эгинцы и мегарцы предлагали оставаться на этом месте для отражения неприятеля.

75. Когда предложение пелопоннесцев стало одерживать верх, Фемистокл тайком вышел из собрания и послал в стоянку мидян человека в лодке с поручением сказать там, что было нужно; человек этот, по имени Сикинн, был рабом Фемистокла и воспитателем детей его. После этих событий, когда жители Феспий принимали новых граждан, Фемистокл помог Сикинну сделаться феспийским гражданином. В то время он прибыл в лодке к варварам и обратился к их вождям с такой речью: «Меня послал начальник афинян тайком от прочих эллинов сказать – он сочувствует царю и больше желает победы вам, нежели эллинам, – что эллины в страхе замышляют бегство, и что теперь вы имеете возможность совершить славнейший подвиг, если только не дадите им разбежаться. Они враждуют друг с другом и не устоят против вас; вы увидите, что одни из них, сочувствующие вам, будут сражаться против других, вам не сочувствующих». Сикинн объявил им это и тотчас удалился обратно.

76. Варвары поверили известию и прежде всего высадили множество персов на островок Пситталию, что лежит между Саламином и материком; потом в полночь выступили в открытое море корабли, стоявшие на западном крыле, к Саламину с целью окружить остров; в то же время отчалили и те корабли, которые стояли у Кеоса и Киносур^{*}, и заняли весь пролив до Мунихия. Варвары вывели свои корабли с целью отнять у эллинов возможность убежать и чтобы запереть их на Саламине и отметить за битвы при Артемисии. С другой стороны, многие персы высажены были на островок Пситталию для того, чтобы в случае морской битвы, когда люди и обломки кораблей должны будут приставать главным образом к этому месту (остров лежал как раз в том проливе, где ожидалось сражение), – чтобы на этот случай персы могли спасать одних, своих, и истреблять других, чужих. Все это варвары делали в тишине, чтобы не проведали о том враги их, и заняты были всю ночь без сна.

77. Я не умею возражать против изречений гадателей и доказывать, что они неверны, потому что не желаю отвергать изречений метких, каково следующее:

Когда сопрягут мостом из кораблей священный
берег Артемиды
В золотом вооружении и лежащую на море
Киносуру
Преисполненные безумной надежды вследствие
разрушения
славных Афин,
Тогда божественная Правда смирит чрезмерную
Алчность,
Детище Наглости*, яростно неистовствующее и
замышляющее
сожрать все.
Ибо медь сразится с медью, и море окрасит
кровью Арес.
Тогда далеко видящий Кронид и достойная
Победа даруют Элладе
день свободы.

Так как Бакид дает столь меткое слово, то я не дерзаю говорить что-либо сам против его изречений и не верю другим.

78. Тем временем между вождями при Саламине происходил сильный спор, и они еще не знали, что варвары на своих кораблях окружили их; даже когда днем увидели их ряды, то воображали, что варвары занимали прежнее место.

79. Пока вожди спорили между собой, из Эгины переправился к ним афинянин, сын Лисимаха Аристид, которого народ предал было ostracismu. Я слышал о его характере и убежден, что это был наилучший и справедливейший человек в Афинах. Он подошел к собранию и вызвал Фемистокла, который был не друг ему, а злейший враг. Однако, ввиду тогдашних тяжелых бед, он забыл о вражде и вызвал Фемистокла, желая переговорить с ним. Раньше он слышал, что пелопоннесцы настаивали на том, чтобы флот отплыл к Истму. Когда Фемистокл вышел, Аристид сказал ему следующее: «Во всякое время, а в особенности теперь, нам следует состязаться из-за того, кто может сделать больше добра родине. Скажу тебе, что совершенно безразлично, много ли или мало будут говорить об отплытии флота отсюда к

пелононнесцам. Говорю тебе как очевидец, что теперь ни коринфяне, ни сам Еврибиад, как бы они ни желали, не могут отплыть отсюда: мы со всех сторон окружены неприятелем. Ступай в собрание и объяви это».

80. «Ты даешь очень полезный совет, – отвечал Фемистокл, – и приносишь благую весть. То, чего я так желал, теперь исполнилось, и ты сам был очевидцем этого. Узнай же, что мидяне поступили так по моему внушению. Так как эллины добровольно не желали вступить в битву, то необходимо было принудить их к тому против их желания. Так как ты пришел сюда с добрым известием, то сам и сообщи его эллинам, ибо если я передам эту весть, они подумают, что она сочинена мной, и не поверят, что так поступили варвары. Поэтому сам подойди к ним и объяви, каково наше положение. Если ты объявишь им и они поверят, это наилучше, если же не поверят, для нас безразлично: они не разбегутся более, ибо, по твоим словам, мы окружены со всех сторон».

81. Аристид подошел к эллинам и сообщил им то же самое, прибавив, что прибыл от Эгины и лишь с трудом проплыл между выстроившимися неприятельскими кораблями. Стоянка эллинов окружена со всех сторон кораблями Ксеркса, поэтому он советует готовиться отразить врага. Сказав это, Аристид вышел, а между вождями снова начались споры, потому что большинство их не верило известию Аристида.

82. Они еще не верили известию, когда явилась трирема с теносскими перебежчиками, находившаяся под начальством Пантия, сына Сосимена; трирема передала всю правду. За этот подвиг теносцы вписаны на дельфийском треножнике в числе эллинов, сокрушивших варвара. Вместе с этим кораблем, перебежавшим к Саламину, и с тем лемносским, что раньше перебежал к Артемисию, флот эллинов достиг полной цифры трехсот восьмидесяти кораблей, ибо прежде не доставало до этого числа двух кораблей.

83. Так как вожди эллинов поверили сообщению теносцев, то стали готовиться к морской битве. На заре они созвали собрание флотских воинов, перед которыми Фемистокл произнес превосходную речь и говорил лучше всех вождей. Вся его речь состояла в том, что лучшее противопоставлялось худшему, насколько то и другое содержится в природе и положении человека. Он убеждал их выбрать лучшее и в заключение речи велел взойти на корабли. Воины стали всходить на корабли, а в это время прибыла от Эгины трирема, которая послана была за прочими Эакидами.

84. Эллины вывели в море все свои корабли, и варвары тотчас напали на них. Все эллины думали было грести уже назад и пристать с

кораблями к берегу; только афинский гражданин Аминий из Паллены выступил вперед и ударил на неприятельский корабль. Один корабль сцепился с другим, и воины их не могли уже разойтись; тогда прочие корабли поспешили на помощь Аминию и вступили в битву. Так началось сражение на море по рассказу афинян, а эгинцы передают, что сражение начато было той триремой, которая отлучалась на Эгину за Эакидами. Кроме того, передают, что к эллинам явился женский призрак, отдававший приказание так, что голос его слышала вся стоянка эллинов, а перед тем стыдивший их словами: «Доколе, трусы, вы будете грести назад?»

85. Против афинян выстроились финикияне, так как они занимали северо – западное крыло со стороны Элевсина, а против лакедемонян – ионяне, занимавшие юго – восточный фланг со стороны Пирея*. Только немногие из ионян, согласно внушению Фемистокла, действовали нерадиво, большинство не последовало этому внушению. Я мог бы перечислить имена многих начальников трирем, овладевших эллинскими кораблями, но вовсе не назову их, за исключением двух самосцев: сына Андродаманта Феоместора и сына Гистиея Филака. Имена двух только начальников я называю потому, что за этот самый подвиг Феоместор сделался тираном Самоса по назначению персов, а Филак записан был в число «благодетелей» царя и награжден обширными землями. Эти «благодетели» царя называются по – персидски оросангами. Так было с этими начальниками трирем.

86. Большинство варварских кораблей погибло в сражении при Саламине, причем одни из них уничтожены были афинянами, другие эгинцами. Так как эллины сражались на море с соблюдением правил, все на своих местах, а варвары не успели еще устроиться и ничего не делали со смыслом, то неизбежно должно было случиться то, что и случилось на самом деле. Однако в тот день варвары показали себя гораздо мужественнее, нежели в сражении при Эвбее, потому что почти каждый из них из страха перед Ксерксом сражался с усердием, и каждому казалось, что на него глядит сам царь.

87. Относительно прочих воинов я не могу сказать с точностью, как сражался тот или другой из варваров и эллинов. Но Артемисия сделала следующее, чем стяжала себе у царя еще большее уважение. Когда дела царя пришли уже в большое расстройство, в это самое время за кораблем Артемисии пустился в погоню аттический корабль; корабль ее не мог спастись, потому что впереди его находились многие корабли союзников, а сам он был очень близок к неприятельским судам. Тогда-то она употребила следующее средство, которое действительно

оказалось полезным: преследуемая аттическим кораблем, она стремительно бросилась на союзнический корабль калиндян, на котором плыл и царь калиндян Дамасифим. Была ли у Артемисии вражда к нему еще в то время, когда она находилась у Геллеспонта, я не могу сказать с точностью, не знаю и того, сделала ли она это намеренно или же корабль калиндян только случайно встретился с ее кораблем. Она бросилась на корабль и быстро затопила его, извлекши для себя из этого счастливого случая двойную выгоду, а именно: когда начальник аттической триремы заметил, что Артемисия напала на варварский корабль, то или принял ее корабль за эллинский, или подумал, что корабль перебежал от варваров к эллинам и им помогает; поэтому повернул в сторону от нее и обратился на другие корабли.

88. Итак, первая выгода дня для Артемисии была та, что она избежала гибели, вторая – что этим коварным поступком она стяжала себе от Ксеркса высочайшее уважение. Как говорят, царь, наблюдая за битвой, видел, что ее корабль напал на другой, причем кто-то из приближенных сказал ему: «Видишь ли, государь, как доблестно сражается Артемисия и как она затопила неприятельский корабль?» Царь спросил, действительно ли это сделано Артемисией, на что те отвечали утвердительно, ибо хорошо знали отличительный знак ее корабля, а погибший корабль приняли за неприятельский. Как сказано выше, все случившееся послужило к ее благополучию, и то, между прочим, что с калиндского корабля не спасся ни один воин, который мог бы обличить Артемисию. Говорят, на замечание приближенных Ксеркс заметил: «Мужчины стали у меня женщинами, а женщины мужчинами». Вот что, говорят, сказал Ксеркс.

89. В этом сражении пал военачальник Ариабигн, сын Дария, брат Ксеркса; пало много и других знатных персов, мидян и прочих союзников; из эллинов пали только немногие. Так как эллины умели плавать, то те из них, у которых корабли были повреждены и которые не погибли в рукопашном бою, переплывали на Саламин; напротив, большинство варваров не умело плавать и потому гибло в море. С того времени, как первые корабли варваров обратились в бегство, они погибали в огромном числе. Дело в том, что задние ряды воинов пытались пройти на кораблях вперед, желая также отличиться перед царем каким-нибудь подвигом, и сталкивались с убегающими кораблями своих же воинов.

90. В этом смятении случилось еще следующее: несколько финикиян, корабли которых были уничтожены, явились к царю и обвиняли ионян в том, что через их предательство они потеряли свои

корабли; однако случилось так, что вожди ионян не были казнены, а оклеветавшие их вожди финикийян получили возмездие. Пока обличители еще говорили, на аттический корабль напал корабль самофракийский; аттический стал тонуть, а быстро подоспевший эгинский корабль затопил самофракийский. Но самофракийцы были искусны в метании копий; ударами копий они сбили воинов с тонувшего корабля, потом взошли на него и так завладели им. Этот-то случай и спас ионян. Действительно, когда Ксеркс увидел столь славное дело их, он в сильнейшем гневе и с ругательствами обрушился на всех финикийян, затем велел отрубить им головы, чтобы не клеветали на храбрецов, будучи сами трусами. Ксеркс сидел у подошвы горы, которая возвышается против Саламина и называется Эгалеос, и всякий раз, когда замечал, что кто-либо из его воинов отличается в морской битве, расспрашивал о нем, а писцы записывали имя начальника корабля вместе с названиями отца его и города. Несколько причастным к такой судьбе финикийян был и перс Ариарамн, друг ионян, присутствовавший при этом. Палачи обратились к финикийянам.

91. Когда варвары, спасаясь, пустились бежать к Фалеру, эгинцы устроили на них засаду в проливе и совершили замечательные подвиги. Тогда как афиняне в общем смятении разбивали те из кораблей, которые оказывали им сопротивление или убегали, эгинцы повреждали корабли, отплывавшие к Фалеру; несколько раз корабли, убегавшие от афинян, попадали на пути своем в руки эгинцев.

92. В это время случайно повстречались корабли Фемистокла, преследовавшего неприятельский корабль, и эгинца Поликрита, сына Криоса, напавшего на тот самый сидонский корабль, который захватил было корабль эгинский, стоявший на передовом посту у Скиафа. На этом корабле находился сын Исхеноя Пифей, которого персы изрубили и из удивления к его храбрости держали на корабле. Сидонский корабль, везший Пифея, взят был в плен вместе с персами, так что Пифей живым доставлен был на Эгину. При виде аттического корабля, Поликрит по особому знаку признал его за судно начальника, громким голосом вызвал Фемистокла, глумился над ним и с укоризной напоминал о «сочувствии эгинцев мидянам». Поликрит укорял в этом Фемистокла после того, как напал на неприятельский корабль. Между тем варвары, корабли которых уцелели, бежали и прибыли в Фалер под защиту сухопутного войска.

93. В этой морской битве наибольшую славу из эллинов стяжали себе эгинцы, потом афиняне, а из отдельных воинов эгинец Поликрит и афиняне – Евмен, сын Анагирунта, и Амений из Паллены, который

преследовал и Артемисию. Если бы Амий знал, что Артемисия была на этом корабле, то не перестал бы преследовать его до тех пор, пока не захватил бы корабля или сам не был бы взят в плен. Так приказано было начальникам афинских трирем; кроме того, назначена была награда в десять тысяч драхм тому, кто захватит Артемисию живой, ибо они сильно негодовали на то, что женщина пошла на войну против Афин. Но она, как мы сказали выше, убежала; в Фалере же укрылись и прочие варвары со своими уцелевшими кораблями.

94. По словам афинян, коринфский вождь Адимант, лишь только корабли сразились, немедленно в страхе и ужасе велел снять паруса и бежал; коринфяне при виде бегства начальнического судна также отступили. Когда, убегая, они находились подле святилища Афины Скирады, что на Саламине, встретилось им, продолжают афиняне, по божескому соизволению быстроходное судно, которого, как оказалось, никто не посылал; при встрече с судном коринфяне ничего еще не знали о том, что случилось с флотом. Что это было делом божества, коринфяне заключили из следующего: приблизившись к кораблям, находившиеся в судне люди сказали: «Ты, Адимант, повернул назад свои корабли, покинул эллинов и обратился в бегство, а они теперь одерживают такую победу над неприятелем, какой сами желали». Так как Адимант не верил известию, то они снова сказали, что готовы отдаться ему в качестве заложников и принять смерть, если эллины не окажутся победителями. Только после этого Адимант и прочие коринфяне повернули назад свои корабли и явились в стоянку эллинов, когда все кончилось. Такая молва о коринфянах идет от афинян; сами они отвергают этот рассказ и утверждают, что в морском сражении они были в числе первых; согласно с ними свидетельствует и остальная Эллада.

95. Сын Лисимаха афинянин Аристид, о котором я упоминал недавно как о наилучшем человеке, поступил следующим образом во время битвы при Саламине. Взял с собой много тяжеловооруженных воинов из числа расставленных вдоль саламинского берега, афинян по происхождению, и высадился с ними на остров Пситталию; они перебили всех персов, находившихся на этом островке.

96. Когда сражение кончилось, эллины вытащили на Саламин все находившиеся еще там обломки кораблей и приготавливались к новой морской битве в уверенности, что царь снова употребит в дело уцелевшие корабли. Между тем западный ветер подхватил множество корабельных обломков и понес их к берегу Аттики, к так называемому мысу Колиада. Так целиком исполнилось не только то изречение

оракула об этой морской битве, которое приписывается Бакиду и Мусею, но и те слова относительно вынесенных сюда обломков кораблей, которые за много лет до того произнесены были афинским прорицателем Лисистратом в изречении, остававшемся непонятным для всех эллинов, а именно:

Колиадские женщины будут жарить на веслах.

Это и должно было исполниться по удалении персидского царя.

97. При виде поражения Ксеркс боялся, как бы кто-либо из ионян не посоветовал эллинам или же как бы не вздумали они сами плыть к Геллеспонту для разрушения мостов; он боялся гибели, если будет отрезан в Европе, и потому стал помышлять о бегстве. Желая скрыть это намерение от эллинов и собственных воинов, он велел делать насыпь к Саламину, связать вместе финикийские суда, чтобы они служили мостом и стеной, и готовился к битве, как бы собираясь дать новое сражение на море. Видя такое поведение Ксеркса, все были вполне убеждены, что он серьезно решил оставаться и вести войну; только Мардоний, как наилучше знавший его характер, ничем этим не обманывался.

98. В то же время Ксеркс послал в Персию гонца с известием о постигшем его несчастье. Среди смертных существ нет такого, которое достигало бы места назначения быстрее персидского вестника; так искусно это устроено персами. Рассказывают, что на сколько бы дней ни тянулся весь путь, на всем его протяжении расставляется столько лошадей и людей, чтобы на каждое расстояние в один день пути приходилось по одной лошади и по одному человеку. Ни снег, ни дождь, ни жара, ни ночь не могут воспрепятствовать тому, чтобы каждый из них совершил предлежащий путь с возможной быстротой. Первый гонец передает возложенное на него поручение второму, второй третьему; и так все дальше поручение передается от одного другому, подобно тому как у эллинов совершается ношение факела на празднике Гефеста. Эту почту на лошадях персы называют «ангарейон».

99. Первое полученное в Сузах известие о том, что Ксеркс взял Афины, привело в такой восторг остававшихся дома персов, что они все улицы усыпали миртами, воскурляли фимиам, приносили жертвы и предавались пиршествам. Напротив, второе пришедшее к персам известие так потрясло их, что все они разорвали на себе одежды и разливались в бесконечных воплях и жалобах, причем Мардония считали виновником бед. Так вели себя персы не столько из горя о

гибели кораблей, сколько из страха за Ксеркса, и это продолжалось все время до тех пор, пока появление самого Ксеркса не успокоило их.

100. Когда Мардоний увидел, как тяжело удручен Ксеркс исходом морской битвы, и подозревал, что царь замышляет бежать из Афин. Сообразив, что должен будет понести наказание за то, что склонил царя идти войной на Элладу, Мардоний решил, что для него выгоднее попытаться еще счастья в битве, в надежде или покорить Элладу, или кончить жизнь с честью в борьбе за великое дело. Впрочем, он больше рассчитывал на покорение Эллады. Обдумав все это, Мардоний обратился к царю с такой речью: «Не печалься, государь, и не огорчайся слишком тем, что случилось. Ибо состязание не бревен, а людей и лошадей решит для нас исход войны. Ни один из народов, которые воображают, что все уже кончено, не дерзнет, сойдя с кораблей на сушу, противостать тебе, равно как не решится на это ни один с этого материка: те, которые сопротивлялись тебе, понесли наказание. Если тебе угодно, мы теперь же нападём на Пелопоннес, а если хочешь подождать, можно сделать и потом. Не теряй бодрости духа! Ибо эллинам нет спасения; они должны стать твоими рабами и заплатить за то, что учинили теперь и прежде; лучше всего поступи таким образом. Если же ты решишься уйти сам и увести с собою войско, у меня готов другой совет, соответствующий и такому решению. Не делай, царь, персов посмешищем для эллинов: персы не причинили тебе никакого ущерба, и ты не можешь сказать, что мы народ трусливый; если трусами оказались финикияне, египтяне, киприоты и киликийцы, то в этом несчастье персы вовсе не повинны. Итак, персы не виноваты перед тобой, а потому послушай меня: если не угодно тебе оставаться здесь, возвращайся в свои владения с большей частью войска, а я с отборными тремястами тысяч воинов обязуюсь поработить тебе Элладу».

101. Ксеркс выслушал это с удовольствием и радостью, насколько можно было радоваться после таких несчастий, и сказал Мардонию, что обсудит положение дела и ответит, то ли он сделает или другое. Когда он совещался с приглашенными персами, то решил позвать на совещание и Артемисию, потому что раньше она одна, как оказалось, понимала, что следовало сделать. Когда Артемисия явилась, царь отпустил всех персов советников и копьеносцев и сказал ей следующее: «Мардоний советует мне остаться здесь и напасть на Пелопоннес. Он говорит, что персы и сухопутное войско ничуть не виноваты в поражении и что они охотно дадут доказательство своей невиновности. Поэтому он советует мне или так поступить, или выражает желание

самому покорить моей власти Элладу с отборными тремястами тысяч войска, предлагая мне с остальным войском возвратиться в мои владения. Так как ты давала мне тогда благой совет относительно морской битвы, а именно удерживала от нее, то и теперь посоветуй, то ли мне сделать или другое, чтобы выбрать лучшее решение».

102. Ксеркс спрашивал совета, а Артемисия отвечала ему так: «Трудно, царь, найти мне самый полезный совет для тебя, но при настоящих обстоятельствах мне кажется, что тебе самому следует возвратиться домой, а Мардония, если он хочет и дает такое обещание, оставить здесь, с кем он пожелает. Ибо, во – первых, если он сделает такие завоевания, о каких мечтает, и если осуществятся замыслы, которые он высказывает, то, государь, это будет твоим делом, потому что исполнят его рабы твои. Во – вторых, если бы случилось противное желаним Мардония, то большого несчастья не будет, потому что уцелеешь ты и могущество дома твоего. Ведь если уцелеешь ты с домом твоим, то эллины многократно и часто должны будут бороться за свое существование, а для Мардония не важно, если бы что и случилось с ним. Потом, если бы даже эллины одержали над ним победу, то еще не были бы победителями, потому что они сокрушили бы твоего раба. Ты сжег Афины, ради чего и предпринят тобой поход, и возвратись домой».

103. Советом Ксеркс остался доволен: Артемисия в своем ответе советовала то, что он и сам думал. Действительно, я полагаю, Ксеркс не остался бы здесь даже в том случае, если бы оставаться советовали ему все мужчины и все женщины: до такой степени он оробел. Поэтому Ксеркс похвалил Артемисию и поручил ей отвезти сыновей его в Эфес: несколько незаконнорожденных сыновей Ксеркса следовали за ним в походе.

104. Вместе с сыновьями Ксеркс послал стража Гермотима, по происхождению педасейца, который среди царских евнухов занимал первое место. Педасейцы живут севернее Галикарнасса. У этих педасейцев, как рассказывают, случается следующее: когда жителям окрестностей этого города угрожает в близком будущем какое-нибудь несчастье, тогда у тамошней жрицы богини Афины вырастает большая борода. Это случалось у них уже дважды.

105. Из среды этих-то педасейцев и происходил Гермотим, который за нанесенную ему обиду отомстил больше всех известных мне людей. Дело в том, что он был взят в плен неприятелем и продан. Купил его житель Хиоса Панионий, который поддерживал свое существование нечестивейшим ремеслом: покупал красивых мальчиков и всех оскоплял, потом отвозил их в Сарды и Эфес и там продавал за большие

деньги, ибо у варваров евнухи за их верность во всякого рода делах ценятся дороже, нежели неоскопленные мужчины. Панионий многих подверг уже оскоплению, потому что жил с этого, и, между прочим, Гермотима. Однако Гермотим не во всем был несчастлив: из Сард он явился к персидскому царю с различными подарками и спустя некоторое время приобрел у Ксеркса из всех евнухов наивысший почет.

106. Когда царь с персидским войском шел на Афины и находился в Сардах, в это время Гермотим по какому-то делу отправился в Мисийскую область, которую занимают хиосцы и которая называется Атарней, и там встретил Паниония. Он узнал его, говорил с ним долго и ласково, причем прежде всего перечислил все блага, какими благодаря ему пользовался теперь, а потом обещал Панионию сделать ему за это много добра, если он переселится в Атарней со своими родственниками и будет жить там. Панионий с радостью принял предложение и переселился с женой и детьми. Когда Гермотим захватил Паниония со всей семьей, то обратился к нему с такой речью: «Ты, приобретающий себе средства к жизни нечестивейшим занятием, что дурного я сделал тебе, сам я или кто-либо из моих предков, тебе или кому-либо из твоих? За что ты из мужчины превратил меня в ничто? Ты воображал тогда, что скроешь свои деяния от богов? Но боги по закону справедливости предали тебя за твои нечестивые деяния в мои руки. Поэтому не жалуйся на кару, какая последует тебе от меня». Когда после этой грозной речи приведены были к нему сыновья Паниония, сему последнему приказано было отрезать детородные части родным детям, которых было четверо, что он и вынужден был сделать. Потом, когда Панионий исполнил это, Гермотим принудил сыновей совершить оскопление над своим отцом. Такая месть постигла Паниония от Гермотима.

107. Когда Ксеркс поручил Артемисии отвезти сыновей в Эфес, тогда позвал Мардония и приказал ему выбрать себе воинов, каких желает, и постараться совершить дела, достойные речей его. Так прошел этот день, а на следующую ночь вожди, согласно распоряжению царя, направились со своими кораблями из Фалера обратно к Геллеспонту с возможной для каждого быстротой, дабы охранить мосты для перехода царя в Азию. Подплыв близко к Зостеру, где к морю тянутся небольшие мысы эллинского материка, варвары приняли их за неприятельские корабли и отбежали на далекое расстояние; только со временем, узнав, что это не корабли, а мысы, они собрались снова и продолжали путь.

108. С рассветом эллины видели, что сухопутное войско остается на том же месте, и полагали, что флот по – прежнему находится подле Фалера. Они ждали, что варвары возобновят морскую битву и потому готовились к отражению. Когда же узнали, что корабли ушли, немедленно решили преследовать их; они гнались до Андроса, но флота Ксерксова не видели и по прибытии к Андросу устроили совещание. Фемистокл предлагал направить корабли между островов и в погоне за флотом плыть прямо к Геллеспонту, чтобы разрушить там мосты. Еврибиад высказал противное мнение, говоря, что если они разрушат мосты, то этим повергнут Элладу в величайшее несчастье. Ибо, говорил он, если персидский царь, будучи отрезан, вынужден будет оставаться в Европе, то он постарается не бездействовать, потому что при бездействии никакой успех не будет для него возможен, невозможным сделается и самое возвращение домой, а войско его погибнет от голода; напротив, если он будет действовать неустанно, то все в Европе может перейти к нему, город за городом, народ за народом; они или будут взяты силой, или еще раньше заключат с ним мирный договор; пропитание варварам непрерывно будут доставлять ежегодные сборы плодов у эллинов. Однако ему кажется, что после поражения на море царь персидский не останется в Европе и следует дать ему бежать, пока он не укроется в свою землю; тогда-то, предлагал Еврибиад, следует вести с ним борьбу уже за его владения. Прочие вожди пелопоннесцев присоединились к этому мнению.

109. Заметив, что не может убедить большинство собрания плыть к Геллеспонту, Фемистокл обратился от пелопоннесцев к афинянам, так как эти последние больше всех огорчены были тем, что варвары убегают, стремились плыть к Геллеспонту, хотя бы одним, если не пожелают того прочие эллины. Фемистокл сказал им: «Я сам был уже свидетелем множества таких случаев и еще большее число их знаю по слухам: когда народы, доведенные поражением до крайности, снова поднимались на борьбу и прежнее поражение заглаживалось. Мы, спасшие неожиданно и себя самих, и Элладу, отразившие такие полчища людей, не станем преследовать бегущих. Ведь не мы совершили это, но боги и герои, им ненавистно было, чтобы над Азией и Европой владычестовал один человек, нечестивый и преступный, тот самый, который одинаково обращался с храмами и частными жилищами, сжигал их и низвергал кумиры, который бичевал море и опустил в него оковы. Теперь, когда совершилось все это, для нас выгодно остаться в Элладе и позаботиться о себе самих и о своих домашних; пускай каждый восстановит свой дом и займется усердно

посевом, после того как враг будет окончательно отражен. А с весной мы поплывем к Геллеспонту и Ионии». Фемистокл говорил это для того, чтобы на будущее время обеспечить себе милость персидского царя и иметь убежище на случай, если бы от афинян постигла его какая беда. Так действительно и случилось.

110. Говоря это, Фемистокл обманывал афинян, а они верили ему, ибо и прежде он считался человеком умным, а теперь ум его и проницательность подтвердились на деле, почему афиняне с полной готовностью последовали его совету. Лишь только они согласились на это, Фемистокл немедленно отправил на судне доверенных людей (он был уверен, что они не откроют даже под пыткой того, что он велел им передать царю). В их числе опять был и слуга его Сикинн. По прибытии к берегам Аттики все остались на судне, а Сикинн поднялся к Ксерксу и сказал ему: «Меня послал Фемистокл, сын Неокла, вождь афинский, из всех союзников достойнейший и умнейший, объявить тебе, что афинянин Фемистокл с целью оказать тебе услугу удержал эллинские корабли, желавшие преследовать тебя и разрушить мосты на Геллеспонте. Теперь возвращайся совершенно спокойно». Сказав это, эллины отплыли обратно.

111. Когда решено было не преследовать дальше варварских кораблей и не плыть к Геллеспонту для разрушения переправы, эллины расположились кругом Андроса, чтобы взять остров; ибо жители Андроса были первые из островитян, к которым Фемистокл обратился с требованием денег и которые ему в том отказали. Когда Фемистокл объявил им, что явились афиняне с двумя сильными божествами, Увещанием и Принуждением, и что поэтому деньги должны быть непременно даны ему, жители Андроса отвечали на это: «Афины наверное велики и богаты, потому что имели богов полезных, тогда как андросцы бедны землей в высочайшей степени и два бесполезных божества не покидают их острова, но всегда охотно живут на нем, Бедность и Беспомощность, и обладающие такими божествами андросцы денег не дадут, ибо могущество афинян ни за что не осилит их немощи». Так отвечали андросцы и не дали денег, а потому были осаждены.

112. Фемистокл не унимался в своей корыстолюбии, и тех самых послов, которые посылались к царю, отправлял и на прочие острова с угрозами и с требованием денег, причем объявлял, что, если они не дадут требуемого, он пойдет на них с эллинским войском, осадит и завоюет их. Такими речами Фемистокл собрал большие суммы денег от каристян и паросцев. При известии о том, что Андрос за сочувствие

мидянам подвергся осаде, и зная, что Фемистокл из всех полководцев пользуется наибольшим значением, жители этих островов посылали ему деньги, опасаясь такой же участи. Я не могу сказать, давали ли деньги и какие-нибудь иные острова, но полагаю, давали не эти одни, но и некоторые другие. Однако это нисколько не отвратило беды от каристян, а паросцы умилоствовали Фемистокла деньгами и тем избежали нападения. Отправляясь от Андроса, Фемистокл собирал деньги с островитян тайком от прочих военачальников.

113. Между тем войско Ксеркса, выждав несколько дней после морской битвы, двинулось тем же самым путем обратно в Беотию. Ибо Мардоний решил, во – первых, что царя следует провожать, а во – вторых, что время года для войны было уже неудобное, что лучше перезимовать в Фессалии, а потом с весной сделать нападение на Пелопоннес. По прибытии в Фессалию Мардоний выбрал для себя из персов прежде всего всех так называемых бессмертных (кроме вождя их Гидарна, так как сей последний решил не покидать царя), потом из прочих персов тех, которые были в панцирях, тысячу человек конницы, а также мидян, саков, бактрийцев, индийцев, пехотинцев и конников. Эти народности он взял целиком, а из прочих союзников выбирал понемногу, именно таких, которые выделялись красивой наружностью или которые, как он слышал, совершили что-нибудь замечательное. Из выбранных им отдельных народностей персы были наиболее многочисленны, за ними следовали мидяне. Эти последние были не малочисленнее персов, но уступали им в силе. Таким образом, всех вообще воинов вместе с конницей было у Мардония триста тысяч человек.

114. В то время как Мардоний делил войско, а Ксеркс находился в Фессалии, лакедемоняне получили из Дельф изречение оракула, повелевавшее требовать от Ксеркса удовлетворения за смерть Леонида и принять то, что он предложит им. Спартанцы со всей поспешностью послали глашатая, который нашел еще все персидское войско в Фессалии, предстал пред Ксерксом со следующими словами: «Лакедемоняне и Гераклиды из Спарты требуют от тебя, царь мидян, удовлетворения за смертоубийство, потому что ты умертвил царя их, когда он защищал Элладу». Ксеркс рассмеялся и долгое время ничего не отвечал, наконец, указывая на Мардония, который случайно находился подле него, произнес: «Вот пускай Мардоний даст им подобающее удовлетворение». Глашатай принял это замечание и удалился.

115. Ксеркс оставил Мардония в Фессалии, а сам поспешно направился к Геллеспонту и прибыл к месту переправы через сорок

пять дней, можно сказать, совсем без войска. Куда и к какому народу варвары ни приходили, везде грабили плоды и питались ими; если же плодов не находили, то собирали вырастающую из земли траву, сдирали кору с деревьев, обрывали листья как домашних, так и диких деревьев и ели все без остатка. К этому вынуждал их голод. Кроме того, войско постигли и истребляли чума и кровавый понос. Заболевавших воинов Ксеркс оставлял по городам, через которые проходил, и приказывал жителям ухаживать за больными и кормить их; так, некоторых оставил он в Фессалии, других в Сирисе, что в Пеонии, третьих в Македонии. Там же покинул он и священную Зевсову колесницу, когда шел на Элладу; на обратном пути он не взял колесницы, потому что пеоны отдали ее фракийцам, а на требование Ксеркса отвечали, что кобылицы паслись на лугу, когда были похищены верхними фракийцами, обитающими у истоков Стримона.

116. В то время царь бисальтов и Крестонийской земли, фракиец, совершил чудовищный поступок. Он объявил, что добровольно не подчинится Ксерксу, и поднялся на вершину горы Родопы, а сыновьям воспретил идти на войну против Эллады; они же не обратили внимание на запрет или, быть может, ими овладело желание взглянуть на войну, и они отправились в поход вместе с персидским царем. Когда сыновья, все шестеро, возвратились невредимыми домой, отец за этот поступок выколол им глаза. Так они были наказаны.

117. Между тем персы по выходе из Фракии прибыли к проливу и со всей поспешностью переправились в Абидос на кораблях, ибо оказалось, что мосты не были больше протянуты; буря разрушила их. Здесь варвары замешкались и, располагая бо́льшим количеством съестных припасов, чем в дороге, наедались без всякой меры, вследствие чего, а также и от перемены воды значительная часть уцелевшего войска погибла. Остальные вместе с Ксерксом прибыли в Сарды.

118. Есть, впрочем, и другой рассказ об этом, гласящий следующее: выступив из Афин, Ксеркс прибыл в Эион, что на Стримоне, но отсюда не шел больше сухим путем, а поручил Гидарну отвести войско к Геллеспонту, сам же сел на финикийский корабль и возвратился в Азию. Во время плавания захватил его сильный, бурный ветер со стороны Стримона. Буря все усиливалась, а корабль был так переполнен, что множество персов из числа сопровождавших Ксеркса помещалось на палубе. Царь в испуге громко спросил кормчего, можно ли как-нибудь спастись. «Государь, – отвечал кормчий, – нет спасения, если только корабль не будет освобожден от большинства плывущих на нем».

Говорят, услышав это, Ксеркс сказал: «Теперь, персы, вы должны доказать свою любовь к царю, потому что спасение мое, кажется, в ваших руках». Так сказал царь, а персы благоговейно преклонились перед ним и соскочили с корабля в море; облегченный таким способом корабль благополучно достиг Азии. Лишь только Ксеркс сошел на берег, рассказывается далее, как поступил следующим образом: кормчего за то, что спас жизнь царю, наградил золотым венком, а за то, что погубил многих персов, велел обезглавить.

119. Таков другой рассказ о возвращении Ксеркса, но я не верю ему вовсе, в особенности в той части его, которая касается гибели персов. Ведь, если бы действительно так отвечал кормчий царю, то – из десяти тысяч человек ни один не станет возражать против моего мнения – царь в таком случае поступил бы так: заставил бы тех, что были на палубе (а именно знатнейших персов), сойти в нижнюю часть корабля, а столько гребцов – финикийцев, сколько было персов, велел бы выбросить в море. Однако царь, как сказано выше, пошел сухим путем вместе с остальным войском и возвратился в Азию.

120. Важным свидетельством этого служит также следующее: известно, что на обратном пути Ксеркс прибыл в Абдеры, вступил с ними в союз гостеприимства и подарил им золотой меч и шитую золотом тиару. Как передают только жители Абдер, чему я, однако, вовсе не верю, Ксеркс после бегства из Афин распоясался здесь впервые, потому что был уже в безопасности. Абдеры расположены ближе к Геллеспонту, нежели к Стримуону и Эиону, где, говорят, царь сел на корабль.

121. Между тем эллины, будучи не в состоянии взять Андрос, обратились против Кариста, опустошили его землю и возвратились на Саламин. Здесь, прежде всего, отделили из добычи первинки победы, в том числе три финикийских триремы; одну из них пожертвовали на Истм, где она была до моего времени, другую – на Суний, а третью – на Саламин и посвятили Эанту. Потом разделили добычу между собой и отборную часть отослали в Дельфы; из них сделан был кумир величиной в двенадцать локтей с корабельным носом в руке; он стоял в том же месте, где и золотое изображение македонянина Александра.

122. Отослав первинки в Дельфы, эллины от имени всех спрашивали божество, достаточны ли и приятны ему полученные дары. Божество отвечало, что от всех эллинов приношения приятны, но не от эгинцев, и требовало от них награды за победу в морской битве у Саламина. Услышав об этом, эгинцы пожертвовали три золотых звезды, которые стоят на медной мачте в углу очень близко к чаше Креза.

123. После раздела добычи эллины поплыли к Истму, чтобы воздать победную награду достойнейшему из них в этой войне. По прибытии туда военачальники у алтаря Посейдона подавали голоса с целью указать первого и второго из числа всех их; при этом каждый давал свой голос себе самому, потому что достойнейшим всякий почитал себя, а вторым большинство единодушно признало Фемистокла. Таким образом, все прочие начальники получили по одному голосу, а Фемистокл далеко превзошел их по числу голосов, присуждавших вторую награду.

124. Из зависти друг к другу эллины не желали оставить так вопрос о первенстве и, признав дело нерешенным, возвратились по своим городам. Однако по всей Элладе гремела слава о Фемистокле как об умнейшем из всех эллинов. Так как он не был награжден теми эллинами, которые участвовали в битве при Саламине, хотя и был победителем, то вскоре после этого явился в Лакедемон, желая получить там награду. Лакедемоняне приняли его прекрасно и наградили высокими почестями. Еврибиада они наградили оливковым венком за мужество и такой же венок дали Фемистоклу в награду за ум и проницательность; кроме того, подарили ему колесницу, самую лучшую в Спарте. После того как он был превознесен многими похвалами, на пути из Спарты провожали его триста отборных спартанцев, тех самых, которые именуются всадниками, до тегейской границы. Это был, насколько нам известно, единственный человек, которого так провожали спартанцы.

125. Когда из Лакедемона Фемистокл возвратился в Афины, здесь один из врагов его, житель Афидн* Тимодем, из числа людей вовсе незамечательных, но сжигаемый завистью, нападал на него, а именно: укорял за посещение Лакедемона и говорил, что не самому себе, а Афинам он обязан почестями, полученными от лакедемонян. Так как Тимодем не переставал повторять это, то Фемистокл сказал наконец: «Вот как стоит дело: будучи бельбинитом, я не получил бы почестей от спартанцев, а ты не получил их, хоть и афинянин». На этом и кончилось.

126. Сын Фарнака Артабаз уже и раньше пользовался уважением в среде персов, а после сражения при Платеях возвысился еще больше; с шестьюдесятью тысячами войска, отобранного Мардонием, он провожал царя до пролива. Когда царь был уже в Азии, Артабаз, находясь на обратном пути подле Паллены как раз во время восстания потидейцев, считал для себя недостойным не поработить потидейцев, тем более что Мардоний зимовал в Фессалии и Македонии и вовсе не

торопил его идти на соединение с остальным войском. Дело в том, что жители Потидеи открыто восстали против варваров, когда царь прошел мимо них, а персидский флот бежал от Саламина. Точно так же восстали и прочие обитатели Паллены.

127. Итак, Артабаз занялся в то время осадой Потидеи. Подозревая, что и олинфяне замышляют восстание против царя, он осадил и их город; занимали его боттией, вытесненные с побережья Фермейского залива македонянами. С помощью осады он взял олинфян, вывел их к озеру и там перебил, город передал халкидийцам, а управление его поручил торонейцу Критобулу; таким образом, Олинфом завладели халкидийцы.

128. Взяв Олинф, Артабаз со всем старанием стал осаждать Потидею. В то время, как он ревностно вел осаду города, вождь скионян Тимоксейн вступил в переговоры с ним относительно выдачи города. Каким образом начались эти переговоры, я не могу сказать, потому что не рассказывается об этом, а под конец было следующее: всякий раз, когда написанное письмо Тимоксейн желал отослать к Артабазу или Артабаз к Тимоксейну, то обворачивали его вокруг стрелы подле зарубок, стрелу обтыкали перьями и пускали в условленное место. Но замысел Тимоксейна выдать Потидею был обнаружен, ибо, пуская стрелу из лука в условленное место, Артабаз промахнулся и ранил в плечо потидейца. Сбежалась толпа и окружила раненого, как обыкновенно бывает на войне; сбежавшиеся тотчас взяли стрелу и, заметив на ней письмо, отнесли к начальникам; были при этом и союзники от остальных жителей Паллены. Хотя письмо было прочитано и виновный в измене открыт, но начальники решили ради жителей Скионы не подвергать Тимоксейна наказанию за измену, чтобы скионяне не почитались изменниками во все последующее время. Таким-то образом был изобличен Тимоксейн.

129. Артабаз осаждал Потидею уже три месяца, когда случился сильный и продолжительный морской отлив; заметив, что на этом месте образовалось болото, варвары двинулись вдоль берега на Паллену. Когда они прошли две части пути, а оставалось пройти еще три для того, дабы проникнуть в Паллену, наступил сильный морской прилив, какого, по словам туземцев, никогда не бывало, хотя он происходит часто. Одни из варваров погибли по неумению плавать, к другим, умевшим плавать, подъезжали в лодках потидейцы и убивали их. По словам потидейцев, причиной волнения на море и гибели персов было то, что именно те из персов, которые погибли через море, нанесли оскорбление храму Посейдона и кумиру, находившемуся в предместье

Потидеи. Мне кажется, они говорят это правильно. Уцелевших варваров Артабаз отвел в Фессалию к Мардонию. Такова была судьба воинов, провожавших царя.

130. Спасшийся от гибели флот Ксеркса после бегства от Саламина и переправы царя и войска из Херсонеса в Абидос прибыл в Азию и зимовал в Киме. С наступлением весны флот поспешно стал собираться к Самосу; там же часть кораблей и зимовала. Большинство флотских воинов составляли персы и мидяне. Начальниками их были Мардонт, сын Багея, и Артаинт, сын Артахея; вместе с ними был облечен властью и племянник Артаинта Ифамитра, взятый самим дядей. Потерпев тяжкое поражение, варвары не шли уже дальше вперед, на запад, и никто не принуждал их к тому; они расположились при Самосе и наблюдали за тем, как бы не отложились Иония; вместе с ионийскими у них было триста кораблей. Варвары вовсе не ждали, чтобы эллины явились в Ионию, полагая, что они удовольствуются охранением своей страны. Заключали они так из того, что эллины не преследовали их во время бегства от Саламина и с радостью отступили назад. Итак, хотя на море мужество персов было сокрушено, но они полагали, что на суше Мардоний значительно превзойдет неприятеля. Поэтому во время пребывания на Самосе они частью совещались о том, не могут ли причинить какого-нибудь зла неприятелям, а частью напряженно выжидали, чем кончится предприятие Мардония.

131. Наступление весны, а также пребывание Мардония в Фессалии тревожили эллинов. Сухопутное войско их еще не собиралось, а флот прибыл к Эгине в числе ста десяти кораблей. Предводителем их и начальником флота был Левтихид, сын Менара, внук Гегесилая, правнук Гиппократида, праправнук Левтихида, потомок Анаксилая, Архидама, Анаксандрида, Феопомпа, Никандра, Харилая, Евнома, Полидекта, Притания, Еврифонта, Прокла, Аристодема,

Аристомаха, Клеодея, Гилла и Геракла; он происходил, таким образом, из другого царского дома. Все эти личности, кроме первых семи, перечисленных мной после Левтихида, были царями Спарты. Начальником афинян был Ксантипп, сын Арифрона.

132. Когда все корабли явились к Эгине, в эллинскую стоянку прибыли от ионян вестники, которые незадолго до этого приходили в Спарту с просьбой к лакедемонянам освободить Ионию; в числе вестников находился и сын Василида Геродот. Они составили между собой заговор на жизнь хиосского тирана Страттиса; первоначально их было семеро. Однако один из соумышленников выдал их замысел, и заговор был открыт, после чего остальные шестеро бежали из Хиоса и прибыли сначала в Спарту, а потом на Эгину и упрашивали эллинов идти на Ионию, но уговорили их, да и то с трудом, дойти только до Делоса. Все, что было дальше, пугало эллинов, потому что тамошние местности были им неведомы, и казалось, что все они полны были войском; Самос они представляли себе на таком же расстоянии, как и Геракловы Столпы. Случилось так, что варвары из страха не дерзали плыть на запад дальше Самоса, а эллины, несмотря на просьбы хиосцев, не спускались на востоке ниже Делоса. Таким образом, страх охранял местности, лежавшие между варварами и эллинами.

133. В то время, как эллины плыли к Делосу, Мардоний зимовал в Фессалии. Отсюда он посылал к окрестным прорицалищам человека по имени Мис, родом из Европоса, с поручением спрашивать везде прорицалища, к которым только можно было обращаться им. Что желал узнать Мардоний от прорицалищ, когда давал такое поручение, не могу сказать, потому что об этом не сообщается; но я полагаю, что он посылал спросить относительно тогдашнего положения дел и ни о чем другом.

134. Сам Мис, как известно, прибыл в Лебадию и за деньги склонил одного из местных жителей спуститься к Трофонию; ходил он также к оракулу в фокидские Абы. С самого начала Мис явился в Фивы и там прежде всего спрашивал совета у Аполлона Исмения (здесь, как и в Олимпии, мнение оракула познается из всесожжения); потом также за деньги он уговорил какого-то иноземца лечь спать в святилище Амфиарая, ибо ни одному фиванцу не дозволяется обращаться здесь к оракулу по следующей причине. В изречениях оракула Амфиарай предложил фиванцам выбрать одно из двух по своему желанию, воздерживаясь от другого, а именно: пользоваться им или как прорицалищем, или как союзником. Вот почему никому из фиванцев не позволено засыпать в этом храме.

135. По словам фиванцев, тогда случилось нечто, на мой взгляд, необычайно чудесное, а именно: обойдя все прорицалища, житель Европоса Мис вошел и в святилище Аполлона Птойского. Святилище это называется Птойским, принадлежит оно фиванцам, а расположено за Копайдским озером, у горы, подле города Акрефии. Когда вступил в этот храм человек, называющийся Мисом, а за ним следовали по выбору от государства три фиванских гражданина, чтобы записать предстоявшее изречение, вдруг заговорил к ним прорицатель на варварском языке. Сопровождавшие Миса фиванцы были удивлены при звуках варварского языка вместо эллинского и не знали, как им поступить в этом случае; но Мис из Европоса выхватил из рук их табличку, которая была у них с собой, и стал записывать слова прорицателя; при этом он сказал, что прорицатель говорит на карийском языке. Записав изречение, он ушел обратно в Фессалию.

136. Прочитав изречения оракулов, Мардоний отправил послом в Афины сына Аминты Александра, по происхождению македонянина. Александра он выбрал, во – первых, потому, что персы были в родстве с ним, а именно: на сестре Александра Гигее, она же дочь Аминты, женился перс Бубар и имел от нее сына Аминту, жившего в Азии и названного по имени деда со стороны матери. От персидского царя дан был ему для жительства большой город во Фригии Алабанда. Мардоний и потому еще послал в Афины Александра, что он был, как узнал Мардоний, прокшеном афинян и оказал им услуги. Мардоний рассчитывал, что таким способом он скорее всего склонит на свою сторону афинян, о которых, конечно, слышал как о народе многочисленном и воинственном; притом он знал, что постигшие персов бедствия на море были главным образом делом афинян. Поэтому с переходом их на его сторону Мардоний надеялся без труда завладеть морем, что и было бы на самом деле; на суше он считал себя гораздо сильнее эллинов и потому рассуждал, что таким способом действий одержит верх над эллинами. Может быть, и оракулы предсказывали ему то же самое и советовали заключить союз с афинянами; по совету оракулов он и отправил посла в Афины.

137. Предок этого Александра в седьмом колене, Пердикка, приобрел власть над македонянами при следующих обстоятельствах. Из Аргоса бежали к иллирийцам три брата из числа потомков Темена: Гаван, Аероп и Пердикка. Из Иллирии они перешли в Верхнюю Македонию и прибыли в город Лебею. Там за плату они служили у царя; один пас лошадей, другой быков, а самый младший, Пердикка, мелкий скот. Жена царя сама пекла для них хлеб, ибо в древности были

бедны деньгами и владыки народов, не только люди простые. Каждый раз, когда хлеб был испечен, хлеб наемного мальчика Пердикки увеличивался вдвое против первоначального объема; так как это повторялось постоянно, то царица сообщила мужу. При этих словах царю тотчас пришла мысль, что это – чудо, и притом многозначительное. Он призвал наемных слуг и приказал им покинуть его страну. Те отвечали, что уйдут, когда получат заслуженные деньги. Царь, рассудок которого помрачен был божеством, услышав речь о вознаграждении, сказал: «Вот приличное вознаграждение, которое я и уплачиваю вам», при этом указал на солнце, потому что в это время солнечные лучи проникали в дом через дымовую трубу. При этих словах Гаван и Аероп, старшие из братьев, стояли молча, изумленные, а мальчик сказал: «Мы принимаем, царь, то, что ты даешь» – и ножом, который случайно был при нем, отчертил на полу солнечный свет, потом трижды зачерпнул себе солнца на грудь и удалился; за ним последовали и братья.

138. По уходе их кто-то из приближенных объяснил царю, что значит поведение мальчика и как разумно самый младший из братьев принял то, что было дано им. Царь в ярости выслушал это и послал в погоню всадников с приказанием убить бежавших. В стране есть река, которой потомки этих людей из Аргоса приносят жертвы как спасительнице. Когда Темениды переправились через реку, воды в ней прибыло до такой степени, что всадникам нельзя было перейти через нее. Между тем Темениды прибыли в другую область Македонии и поселились подле садов, которые принадлежали, как говорят, сыну Гордия Мидасу; в них растут розы в диком состоянии, причем каждая имеет по шестьдесят листиков, и по запаху превосходят все другие розы. В этих садах, как рассказывают македоняне, пойман был Мидосом Силен. Выше садов тянется гора по имени Бермий, вследствие холода труднодоступная. Овладев этой местностью и делая отсюда нападения, они покорили и остальную Македонию.

139. От этого Пердикки Александр происходит следующим образом. Александр был сын Аминты, Аминта – сын Алкета, отец Алкета был Аероп, отец Аеропа – Филипп, отец Филиппа – Аргей, отец Аргея – Пердикка, тот самый, который приобрел царскую власть. Таково происхождение Александра, сына Аминты.

140. Посланный Мардонием по прибытии в Афины сказал следующее: «Афиняне! Мардоний говорит вам так: «От царя получил я следующую весть: афинянам я прощаю все прегрешения, содеянные относительно меня. И теперь, Мардоний, поступи так: во – первых,

возврати им их землю, во – вторых, пускай, кроме этой, возьмут себе и другую, какую захотят, и остаются независимыми. Храмы их и все, что я истребил огнем, восстанови, если только они согласятся вступить в союз со мной. Получив такое приказание, я обязуюсь непременно выполнить его, если вы этому не воспрепятствуете. Вот что я говорю вам. Не безумно ли после этого воевать вам против царя? Ведь вы не можете выйти победителями, не можете все время и противиться царю. Ибо вы видели массы войск Ксерксовых и их подвиги, слышали и о том, каково у меня войско теперь. Поэтому, если бы даже вы превзошли и победили нас, на что у вас не может быть никакой надежды, раз вы рассудительны, – явится другое войско, много раз большее. Итак, не мечтайте равняться с царем, чтобы не потерять своей земли и не находиться вечно в опасности за свое существование, помиритесь и перестаньте воевать. Вы имеете возможность кончить войну с честью, потому что таково желание царя. Будьте свободны, заключите только с нами военный союз без коварства и обмана». Мардоний поручил мне сказать вам это, афиняне. О своем благорасположении к вам я не скажу ничего, потому что теперь не о том следует знать вам прежде всего; я прошу вас, послушайте Мардония. Для меня ясно, что вы не будете в состоянии вести непрерывную войну с Ксерксом; если бы я не видел этого, то с такими речами не пришел бы к вам ни за что, ибо могущество Ксеркса сверхчеловеческое, и рука у него не в меру длинная. Поэтому, если вы немедленно не заключите с ним союза, когда он столько предлагает вам под условием вашего на то согласия, я страшусь за вас, так как вы больше, нежели кто-нибудь другой из союзников, живете на военной дороге, одни подвергаетесь истреблению, ибо занимаете область отдельную от прочих, лежащую между двумя воюющими сторонами. Итак, послушайте Мардония. Вы должны высоко ценить то, что могущественный царь отпускает прегрешения вам одним из всех эллинов и желает быть в дружбе с вами». Так говорил Александр.

141. Между тем лакедемоняне узнали, что Александр явился в Афины с целью склонить афинян к союзу с варваром; тогда они вспомнили изречения оракулов, что им вместе с прочими дорийцами суждено быть изгнанными из Пелопоннеса мидянами и афинянами. Поэтому они сильно боялись, как бы афиняне не вступили в союз с персидским царем, и решили немедленно отправить в Афины послов. Случилось так, что они выступили перед народом в одно время с Александром. Ибо афиняне хорошо знали, что лакедемоняне прослышат о появлении посла от варвара, прибывшего ради заключения

союза и, прослышав о том, вскоре пришлют вестников, а потому выжидали и затягивали переговоры; они поступали так с намерением открыть лакедемонянам свое настроение.

142. Когда кончил речь Александр, вслед за ним стали говорить послы от Спарты: «Нас послали лакедемоняне просить вас не причинять Элладе никакого зла и не принимать предложений от варвара. Это было бы слишком несправедливо и позорно для всех эллинов, особенно для вас, по многим причинам. Вы подняли эту войну, когда мы того не желали; борьба шла вначале из-за ваших владений, теперь она касается целой Эллады. Далее, было бы невыносимо, если бы афиняне, навлекши на эллинов все эти беды, сделались еще виновными и в порабощении их, те самые афиняне, которые всегда, с давних уже времен известны тем, что освобождали многие народы. Правда, мы соболезнуем о вашем бедственном положении, о том, что уже дважды вы потеряли сборы плодов, что уже долгое время дома ваши в разрушении. За это лакедемоняне и союзники объявляют вам, что будут содержать ваших женщин и неспособных к войне родственников во все продолжение борьбы. Не следуйте увещаниям македонянина Александра, который старается сделать угодными вам предложения Мардония. Ему ведь необходимо действовать таким образом: сам тиран, он помогает тирану; вы же не должны делать этого, если только благоразумны, ибо вам известно, что у варваров вовсе нет ни верности, ни правды». Так говорили послы.

143. Александру афиняне дали следующий ответ: «Действительно, мы и сами знаем, что у царя мидян войско гораздо многочисленнее нашего, так что вовсе не следует укорять нас в неведении. Однако мы преданы свободе и будем сопротивляться, как только сможем. Ты не пытайся уговорить нас вступить в союз с варваром: мы не последуем твоим увещаниям. После этого объяви Мардонию, что говорят афиняне: до тех пор, пока солнце будет следовать по своему пути, мы никогда не заключим союза с Ксерксом и будем воевать против него в надежде на помощь богов и героев, которыми он пренебрегал, храмы и кумиры которых предал пламени. Впредь ты не показывайся афинянам с такими речами и не уговаривай нас совершить нечестивое дело, воображая, что радеешь о нашей пользе, ибо мы не желаем, чтобы ты, проксен и друг афинян, подвергся от нас какой-либо обиде». Так отвечали афиняне Александру.

144. Послам от Спарты афиняне дали следующий ответ: «Совершенно понятно, что лакедемоняне боялись, как бы мы не вступили в союз с варваром, однако стыдно было бояться вам этого, так

как вы знаете настроение афинян. Ибо нигде на земле нет столько золота, столь прекрасной и плодоносной страны, чтобы мы решились взамен этого и в угоду мидянам обратить Элладу в рабство. Существуют многие важные причины, препятствующие нам сделать это даже в том случае, если бы мы желали; первое и самое важное препятствие – сожжение и разрушение кумиров и храмов, за что мы обязаны мстить в наивысшей мере, а не заключать союз с тем, кто учинил это; во – вторых, единство с эллинами по крови и языку, общие с ними святилища и празднества, одинаковые нравы; стать предателям всего этого было бы невозможно для афинян. Итак, знайте, если почему-либо вы не знали раньше, что никогда мы не заключим союза с Ксерксом, пока останется в живых хоть один афинянин. Мы ценим вашу заботливость о нас, то, что вы обращаете внимание на наши разрушенные дома и даже готовы содержать наши семейства. За это мы преисполнены к вам признательности, однако, что бы с нами ни случилось, мы решились переносить все, нимало не обременяя вас. Поэтому при настоящем положении высылайте войско как можно скорее. Мы полагаем, что недалеко то время, когда варвар вторгнется в нашу страну, а именно: лишь только получит известие, что мы не сделаем ничего того, о чем он просит нас. Итак, прежде чем варвары явятся в Аттику, вам необходимо заранее вторгнуться в Беотию». После такого ответа афинян послы отправились обратно в Спарту.

Книга девятая Каллиопа

Мардоний в Аттике, вторичное разорение Афин, отступление в Беотию (1–18). Битвы подле Эрифр (19–22). Расположение войск подле Платей (23–32). Жертвенные знамена у эллинов и варваров (33–40). Медлительность противников, появление Александра в стане эллинов (41–45). Робость лакедемонян, насмешки Мардония над ними, ссоры в среде лакедемонян (46–57). Платейская битва (58–79). Дележ добычи и погребение павших эллинов (80–85). Наказание фиванцев за отпадение от эллинов (86–88). Бегство Артабаза в Азию (89). Сражение при Микале в один день с Платейской битвой (90–107). Любовная история Ксеркса (108–113). Взятие Сеста эллинами, казнь Артаукта (114–121). Замечание Кира о земле Персии (122).

1. Когда Александр возвратился и сообщил ответ афинян, Мардоний выступил из Фессалии и быстро повел войско на Афины.

Отовсюду, где ни проходил он, набирались союзники. Правители Фессалии не только не раскаивались в том, что сделано было ими раньше, но еще больше побуждали персов к походу, а Форак из Ларисы, сопровождавший Ксеркса, теперь открыто пропускал Мардония в Элладу.

2. Когда войско проходило через Беотию, фессалийцы пытались было удержать Мардония и, давая совет, говорили, что нет местности более удобной для его стоянки. Уговаривали не идти дальше, но остаться здесь и действовать так, чтобы без боя покорить себе всю Элладу, ибо завоевать эллинов силой и оружием, пока они единокорны, как были до сих пор, трудно даже для всех народов вместе. «Если ты, – сказали они, – поступишь по нашему совету, то без труда узнаешь все их враждебные замыслы. Пошли в их города влиятельным людям деньги; подарками ты разделишь Элладу; затем со своими сторонниками ты легко покорешь тех, кто против тебя». Так советовали фессалийцы.

3. Мардоний не принял совета. Но у него явилось сильное желание взять Афины вторично, частью из тщеславия, частью из желания дать знать через острова с помощью огня находившемуся в Сардах царю о том, что Афины в его власти. Мардоний явился тогда в Аттику, но не нашел афинян; ему говорили, что большинство их находится на Саламине и на кораблях, и он взял город пустой. Взятие города царем случилось за десять месяцев до этого второго занятия его Мардонием.

4. В бытность в Афинах Мардоний послал на Саламин уроженца Геллеспонта Мурихида с тем же самым предложением, с каким являлся к афинянам македонянин Александр. Хотя он уже раньше убедился во враждебности афинян, но обращался к ним вторично с предложением в той надежде, что самонадеянность их убавилась, когда вся Аттика завоевана и находится в его власти. Вот почему послал он на Саламин Мурихида.

5. Мурихид явился в помещение совета и сообщил предложение Мардония. По мнению одного из участников совета, Ликида, лучше было бы принять условие Мурихида и представить его Народному собранию. Такое мнение высказал он или потому, что был подкуплен Мардонием, или же потому, что так находил лучше. Но афиняне пришли в негодование, как члены совета, так и не участвовавшие в нем; когда услышали об этом, быстро окружили Ликида и побили камнями, а уроженца Геллеспонта Мурихида отпустили невредимым. Когда на Саламине из-за Ликида произошел шум и афинские женщины узнали о

случившемся, то, подстрекая друг дружку, собрались вместе, сами устремились к дому Ликида и побили камнями жену его и детей.

6. Афиняне перешли на Саламин при следующих обстоятельствах. В ожидании прибытия войска из Пелопоннеса афиняне оставались в Аттике. Но так как пелопоннесцы все откладывали помощь и ничего не делали, а между тем неприятель находился уже, как говорили, в Беотии, тогда только афиняне перевезли все свое достояние и сами переправились на Саламин. В то же время они отправили в Лакедемон послов, которые должны были, во – первых, укорить лакедемонян за то, что они без внимания оставили вторжение варвара в Аттику и не выступили вместе с ними навстречу ему в Беотию. Во – вторых, послы должны были напомнить им о щедрых обещаниях, данных афинянам персом, если бы только афиняне перешли на его сторону. Наконец, объявить лакедемонянам, что афиняне, если они не помогут им, и сами изыщут какой-либо выход из трудного положения.

7. Действительно, в это самое время лакедемоняне совершали празднество Гиакинфий* и были больше всего озабочены чествованием божества; вместе с тем стена, которую они возводили на Истме, уже снабжалась зубцами. По прибытии в Лакедемон афинские послы, взявшие с собой послов от мегарцев и платейцев, явились к эфорам и произнесли следующую речь: «Нас прислали афиняне сказать вам, что царь мидян, во – первых, возвращает нам нашу землю, во – вторых, желает заключить с нами союз на условии полного равенства, согласен дать нам и другую область, какую бы мы ни выбрали сами. Однако, благоговая перед эллинским Зевсом и не решаясь быть изменниками Эллады, мы не приняли этих условий и отвергли их; между тем эллины обижают нас и изменяют нам, и мы сознаем, что быть в союзе с персом было бы выгоднее для нас, нежели воевать с ним. Да мы и не вступим в союз с ним по доброй воле, и поведение наше относительно эллинов вполне чистосердечно. Вы же тогда находились в сильнейшей тревоге, как бы мы не заключили союза с персом. А потом, когда достоверно узнали наш образ мыслей (именно, что мы ни за что не изменим Элладе) и когда воздвигнутая вами поперек Истма стена почти готова, тогда вы не обращаете никакого внимания на афинян. Невзирая на то что условились с нами встретить персов в Беотии, изменили нам и допустили вторжение варвара в Аттику. Итак, в настоящее время афиняне гневаются на вас, потому что вы поступили ненадлежаще. Поэтому афиняне требуют, чтобы вы со всей поспешностью отправили войско вместе с ними, дабы у нас была возможность оказать варвару сопротивление в Аттике. После того, как мы своевременно не заняли

Беотии, наиболее удобное место для сражения находится в нашей области на Фриасийской равнине».

8. Выслушав это, эфоры стали откладывать ответ до следующего дня, а на следующий день опять до другого. Это делали они целых десять дней, откладывая со дня на день. Тем временем все пелопоннесцы с большим усердием занимались укреплением Истма стеной; наконец стена была готова. Я не могу назвать никакой другой причины, почему во время появления в Афинах македонянина Александра лакедемоняне так ревностно старались воспрепятствовать переходу афинян на сторону мидян, а теперь не обращали на это никакого внимания, – кроме той, что к этому времени Истм был у них уже укреплен стеной, и они полагали, что в Афинах более не нуждаются. Напротив, когда Александр прибыл в Аттику, стена не была еще сооружена, лакедемоняне работали над нею и пребывали в большом страхе перед персами.

9. Наконец ответ был дан, и спартанцы выступили в поход при следующих обстоятельствах. Накануне последнего появления послов перед эфорами некий гражданин Тегей Хилай, из всех иноземцев в Лакедемонии наиболее влиятельный, узнал от эфоров все, о чем говорили с ними афиняне, и затем сказал им так: «Дело обстоит вот как, эфоры: если бы афиняне не были в дружбе с нами, а состояли в союзе с варваром, то для перса открыты были бы широкие ворота в Пелопоннес, хотя бы поперек Истма и поставлена была мощная стена. Итак, послушайте послов прежде, чем афиняне примут какое-либо другое решение, пагубное для Эллады». Таков был совет его.

10. Эфоры вняли этому совету и, ничего не говоря явившимся к ним послам от различных городов, немедленно, ночью же отправили пять тысяч спартанцев, причем к каждому из них назначили по семь илотов. Идти во главе войска поручено было Павсанию, сыну Клеомброта. Командование принадлежало, собственно, сыну Леонида, Плистарху; но он был еще ребенком, а Павсаний его опекуном и двоюродным братом (ведь Клеомброта, отца Павсания, сына Анаксандрида, не было уже в живых). Клеомброт скончался немного времени спустя после того, как возвратился от Истма с войском, соорудившим там стену, а возвратился он оттуда потому, что во время совершения им жертвы против персов солнце на небе затмилось. Павсаний взял с собой Дориева сына Еврианакта, происходившего из того же самого дома.

11. Спартанцы с Павсанием во главе вышли за пределы Спарты, а с наступлением дня послы, ничего не зная о выходе войска, явились к

эфорам, решив, что каждый из них возвратится к себе на родину. Явившись к эфорам, они сказали: «Вы, лакедемоняне, остаетесь здесь, совершаете праздник Гиакинфий и устраиваете забавы, изменяя вашим союзникам. Поэтому афиняне, обижаемые вами, лишенные союзников, заключат с персом мир, как смогут, а по заключении с ним мира мы пойдем войной на ту страну, на какую они поведут нас, так как мы станем, разумеется, союзниками царя, и вы потом узнаете, чем это кончится для вас». В ответ на речь послов эфоры клятвенно уверяли, что спартанцы в пути против иноземцев находятся уже, как кажется, подле святилища Ореста (иноземцами они называли варваров). Послы не поняли и спрашивали о смысле слов их, а когда узнали все случившееся, изумились и со всей поспешностью отправились вслед за войском; вместе с ними выступили отборные тяжеловооруженные воины в числе пяти тысяч человек из периеков, окрестных жителей Лакедемона.

12. Спартанцы поспешили к Истму, а аргивяне при известии о том, что они с Павсанием во главе вышли из Спарты, тотчас отыскивали самого лучшего скорохода и послали его глашатаем в Аттику: раньше они по доброй воле дали обещание Мардонию воспрепятствовать выходу спартанцев. По прибытии в Афины глашатай сказал следующее: «Мардоний, послали меня аргивяне объявить тебе, что из Лакедемона выступило юное войско и что аргивяне были не в силах помешать выступлению его. Поэтому хорошо обдумай свое положение».

13. Глашатай сказал это и удалился, а Мардоний после такого известия вовсе не имел охоты оставаться дольше в Аттике. До получения известия он все еще держался здесь, потому что желал знать, как будут действовать афиняне, не опустошал Аттики и не причинял ей никакого вреда; все время он надеялся, что они согласятся на его условия. Но когда склонить к тому афинян не удалось и когда он узнал все положение дел, тогда решил удалиться прежде, чем спартанцы с Павсанием дойдут до Истма; при этом он сжег Афины, разрушил и сравнял с землей все, что еще уцелело от стен, частных жилищ или храмов. Мардоний ушел из Аттики по той причине, что земля ее была неудобна для конницы, и потому еще, что в случае поражения отступление возможно было бы только через такое ущелье, что даже небольшое число людей могло задержать их в проходе. Итак, Мардоний решил возвратиться к Фивам и дать битву подле города дружественного и в местности удобной для конницы.

14. Мардоний вышел из Аттики и, когда находился уже в дороге, получил известие, что в Мегары пришел другой отряд, передовой, а

именно тысяча лакедемонян. При этом известии он возымел желание захватить прежде всего этих воинов и обдумывал, как бы это сделать; потом повернул свое войско назад и пошел к Мегарам. Конница пошла впереди и уже вторглась в Мегариду. Это – наиболее далекая местность Европы на западе, до какой доходило персидское войско.

15. После этого к Мардонию пришло известие, что эллины собрались на Истме. На обратном пути он проходил через Декелею, ибо беотархи* призвали ближайших к Асопу жителей, которые и проводили варваров до Сфендалы, а оттуда до Танагры. В Танагре Мардоний переночевал и на следующий день направился в Скол, что в земле фиванцев. Там, невзирая на расположение фиванцев к мидянам, он велел вырубать деревья не из вражды к населению, но вынуждаемый крайней необходимостью соорудить ограду для своей стоянки; тем самым он заготовлял для себя убежище на тот случай, если бы сражение имело неблагоприятный исход. Стоянка его тянулась вдоль реки Асоп, начиная от владений эрифрейцев, мимо Гисий, вплоть до Платейской области. Однако ограда не имела такого протяжения; каждая сторона ее тянулась приблизительно стадиев на десять.

16. Пока варвары заняты были этой работой, фиванец, сын Фринона Аттагин приготовил великолепный пир и пригласил на него Мардония с пятьюдесятью знатнейшими персами; приглашенные явились на пир. Угощение происходило в Фивах. От орхоменского гражданина Ферсандра, одного из уважаемых людей города, я слышал нижеследующее. На пир, рассказывал Ферсандр, Аттагин пригласил его и пятьдесят фиванских граждан; при этом фиванцы и персы возлежали за столом не отдельно одни от других, но так, что на каждом ложе помещалось по одному персу и по одному фиванцу. Когда обед кончился и гости стали пить, перс обратился на эллинском языке к возлежавшему на одном ложе с ним Ферсандру и спросил, откуда он; тот отвечал, что из Орхомена. Тогда перс продолжал: «Так как теперь ты вместе со мною ел и пил, то мне хочется оставить тебе что-либо на память о моем расположении, дабы ты был предупрежден заранее и мог бы принять полезное решение касательно твоих дел. Видишь ли ты пирующих здесь персов и то остальное войско, которое мы оставили на стоянке на берегу реки? Пройдет немного времени, и ты увидишь, что из всех этих воинов уцелеют лишь немногие». Перс говорил это и горько плакал. Тогда Ферсандр, изумленный его речью, заметил: «Не следует ли сказать это Мардонию и другим персам, которые по значению следуют за ним?» «Друг мой, – отвечал перс, – что по определению божества должно случиться, того человек не в силах

отвратить, ибо обыкновенно люди даже не следуют благим советам. Хотя из нас, персов, многие убеждены в том, но необходимость вынуждает их идти. Самая тяжкая мука из тех, какими страдают люди, – многое понимать и быть не в состоянии что-либо сделать». Это слышал я от орхоменца Ферсандра; сверх того он прибавил, что немедленно передал эту беседу другим воинам, прежде чем произошла битва при Платеях.

17. В то время, как Мардоний с лагерем своим находился в Беотии, все те эллинские народы, которые сочувствовали мидянам, доставили свои отряды и вступили в Аттику, за исключением одних лишь фокийцев; фокийцы также стояли заодно с мидянами и действовали усердно, но не по доброй воле, а по необходимости. Однако спустя немного дней после прибытия Мардония в Фивы явилась тысяча тяжеловооруженных фокийцев под предводительством значительнейшего из сограждан, Гармокида. Когда прибыли в Фивы и они, Мардоний послал к ним всадников с приказанием расположиться отдельно от остального войска на равнине. Они исполнили приказание, и тотчас явилась вся конница. После этого по всему эллинскому войску, которое было с мидянами, пошли толки о том, что Мардоний велит истребить всех фокийцев стрелами; толки эти распространились и в среде самих фокийцев. Тогда начальник Гармокид обратился к ним с увещанием в таких словах: «Ясно, фокийцы, что эти люди намерены предать нас верной смерти, потому что мы оклеветаны, как я полагаю, фессалийцами. Поэтому каждый из вас должен явить себя человеком мужественным; ибо достойнее кончить жизнь в борьбе, за делом, нежели самим отдать себя в руки врагу и погибнуть позорнейшей смертью. Пускай каждый из них увидит, что они, варвары, уготовали смерть эллинам». Так увещевал он фокийцев.

18. Конные воины окружили их кольцом и устремились с намерением избивать их; уже натягивались луки, чтобы метать стрелы, а некоторые варвары спустили уже тетивы. Но фокийцы со всех сторон оказали им сопротивление, сомкнувшись в ряды и сдвинувшись возможно теснее. Тогда всадники повернули своих лошадей и ускакали назад. Однако я не могу сказать с уверенностью, действительно ли они явились сюда для истребления фокийцев по просьбе фессалийцев и потом, заметив готовность их к обороне, удалились обратно из страха, как бы не потерпеть поражения: так приказано было им Мардоном. Или, может быть, Мардоний хотел только испытать, есть ли в них хоть доля мужества. Когда всадники возвратились, Мардоний послал к фокийцам глашатая со следующим замечанием: «Будьте спокойны,

фокийцы, вы показали себя людьми мужественными, а не такими, как я слышал о вас. Теперь войну эту ведите храбро: за ваши услуги и я, и царь щедро оплатим вам». Столько о фокийцах.

19. По прибытии на Истм лакедемоняне расположились там лагерем. При известии об этом остальные пелопоннесцы – одни потому, что имели более честные намерения, другие потому, что видели выступление в поход спартанцев, – считали недостойным себя не присоединиться к походу лакедемонян. Итак, по получении благоприятных жертвенных знамений все пелопоннесцы двинулись от Истма и прибыли в Элевсин. Жертвы принесены были и здесь, и эллины, так как знаменья получались благоприятные, продолжали путь; вместе с ними шли и афиняне; они переправились с Саламина и соединились с пелопоннесцами в Элевсине. По прибытии в Эрифры, что в Беотии, они заметили, что варвары расположились лагерем подле реки Асоп, и, посоветовавшись между собой, выстроились против них у подножья Киферона.

20. Так как эллины не спускались на равнину, то Мардоний послал против них всю конницу. Командовал ею знаменитый у персов Масистий, которого эллины называют Макистием. Под ним был нисейский конь с золотой уздечкой и вообще в прекрасном уборе. В этом месте конница подскакала к эллинам и, нападая на них отрядами, причиняла большой урон и обзывала их бабами.

21. Случилось так, что мегарцы были поставлены в таком пункте, который больше всех прочих был открыт для нападения, и здесь конница наступала сильнее всего. Будучи теснимы конницей, мегарцы отправили к эллинским вождям глашатая, который по прибытии к ним сказал следующее: «Мегарцы говорят: «Союзники! Мы одни не в состоянии выдержать напор персидской конницы, пока занимаем то место, на какое поставлены были вначале; однако благодаря стойкости и мужеству мы держимся до сих пор, хотя нас и теснят. Но если и теперь вы не пошлете каких-нибудь иных воинов, которые заменили бы нас на этом месте, то мы покинем его»». Когда глашатай объявил это, Павсаний стал испытывать эллинов, не пожелает ли кто-нибудь из них добровольно отправиться на тот пост и заменить мегарцев. Когда никто из эллинов не пожелал, то приняли вызов афиняне, а именно отряд в триста отборных воинов*, который находился под начальством Олимпиодора, сына Лампона.

22. Таковы были воины, принявшие вызов и вместе со своими стрелками из луков занявшие место впереди всех эллинов, какие находились при Эрифрах. Некоторое время они сражались, а под конец

битвы случилось следующее. Между тем как конница нападала отрядами, конь Масистия, находившийся впереди всей конницы, был ранен стрелой в бок, от боли поднялся на дыбы и скинул с себя всадника. Когда Масистий упал, афиняне тотчас бросились на него; они схватили его лошадь и его самого, несмотря на сопротивление, умертвили. Сначала это не удавалось им, ибо на Масистии было следующее вооружение: на теле он имел золотой чешуйчатый панцирь, а поверх панциря надета была пурпурная туника; удары по панцирю не производили никакого действия, пока кто-то не заметил этого и не поразил Масистия в глаз. После того он упал и испустил дух. Случилось так, что прочие конные воины не заметили происшедшего; они не видели ни его падения с лошади, ни смерти и вообще во время поворота и отступления не заметили того, что происходило. Но лишь только варвары стали на месте, как начали искать Масистия, потому что ими никто не командовал. Узнав о случившемся, они все, возбуждая друг друга, поскакали на лошадях, чтобы отнять тело павшего.

23. При виде того, как конница скачет на них не отрядами, но вся разом, афиняне позвали на помощь себе остальное войско. Пока к ним спешила пехота, около трупа происходила жаркая битва. И пока триста афинских воинов оставались одни, они несли большие потери и вынуждены были уступить тело неприятелю. Но, после того как подоспело все войско, персидские всадники не смогли уже сопротивляться и похитить тело Масистия; кроме него, они потеряли и других всадников. Отъехав на два стадия, варвары стали совещаться, как им поступить, и порешили за неимением начальника возвратиться к Мардонию.

24. Когда конница возвратилась в лагерь, все войско и Мардоний сильно горевали по Масистию, остригли волосы на себе, а также шерсть на лошадях и вьючном скоте и подняли бесконечные вопли. Эхо разносилось по всей Беотии, потому что в Масистии погиб человек, пользовавшийся после Мардония наибольшим уважением у персов и у царя их. Так варвары по своему обычаю почтили Масистия.

25. Между тем эллины, выдержав напор конницы и отразив ее, сделались гораздо смелее. Прежде всего они положили труп на колесницу и возили его по рядам войск, а тело благодаря величине своей и красоте заслуживало того, чтобы поглядеть на него, – ради этого его и возили; воины покидали свои места и шли смотреть на Масистия. Потом эллины решили спуститься к Платеям, ибо платейская местность представлялась им гораздо более удобной, нежели эрифрейская, для военной стоянки во всех отношениях, особенно

благодаря обилию воды. Поэтому-то эллины решили, что им следует перейти в ту местность, к находящемуся там источнику Гаргафии и, разделившись по народам, расположиться там лагерем. И вот, забрав вооружение, они пошли у подножья Киферона мимо Гисий в Платейскую землю. По прибытии туда выстроились по племенам подле источника Гаргафии и святилища героя Андрократа – частью по невысоким холмам, частью на ровном поле.

26. Здесь во время распределения по местам произошел жестокий спор между тегейцами и афинянами. Обе стороны предъявляли свое право на занятие одного и того же крыла, причем выставялись на вид недавние и старые подвиги. С одной стороны тегейцы говорили так: «Всегда все союзники считали нас достойными занимать это место во всех походах, какие только совершались пелопоннесцами сообща в старое и позднейшее время с той самой поры, как Гераклиды по смерти Еврисфея пытались возвратиться в Пелопоннес. Тогда это место досталось на нашу долю за следующий подвиг. Вместе с ахейцами и ионянами, находившимися в то время в Пелопоннесе, мы поспешили к Истму и расположились против возвращающихся Гераклидов. Тогда, как говорят, Гилл объявил пелопоннесцам, что нет нужды одному войску вступать с другим в битву и подвергаться обоим опасности, но достаточно, если кто-нибудь из пелопоннесского лагеря, которого свои считают храбрейшим, вступит на определенных условиях в поединок с ним, Гиллом. Пелопоннесцы порешили, что следует поступить именно таким образом, и заключили клятвенный договор на следующем условии. Если Гилл одержит верх над начальником пелопоннесцев, то Гераклиды возвратятся в отцовские земли; если он будет побежден, то Гераклиды уйдут назад, уведут с собою войско и в течение ста лет не будут покушаться возвратиться в Пелопоннес. Тогда из среды всех союзников был выбран по собственному желанию Эхем, сын Аеропа и внук Фегея, наш вождь и царь, он сразился в поединке с Гиллом и убил его. Этим подвигом мы стяжали себе в то время от пелопоннесцев различные высокие почести, которыми непрерывно пользуемся до сих пор, между прочим, и право командования одним крылом во всяком общем походе. Против вас, лакедемоняне, мы не восстаем и предоставляем вам на выбор командование каким угодно крылом; но командование другим крылом, утверждаем мы, принадлежит нам, как принадлежало и в прежнее время. Да и помимо рассказанного нами подвига, мы имеем большее право на это место, нежели афиняне; ибо у нас были многие, притом счастливые битвы с вами, спартацами, и с другими. Поэтому справедливее нам, чем афинянам, занимать одно

крыло, потому что за ними нет таких подвигов, какие совершены нами, ни в новое, ни в давнее время». Так говорили тегейцы.

27. В ответ на это афиняне сказали следующее: «Мы знаем, правда, что настоящее собрание созвано для борьбы с варваром, а не для речей. Но так как тегеец первый начал перечислять, что доблестного сделано за все время обеими сторонами, в старину и в недавнюю пору, то для нас обязательно показать, почему нам за нашу доблесть скорее, нежели аркадцам, издревле подобает быть всегда на первом месте. Во – первых, тех Гераклидов, вождь которых, как они говорят, был убит ими на Истме, которые раньше того были изгоняемы всеми эллинами, к кому только ни являлись, убегая от порабощения микенцами, – этих-то Гераклидов приютили мы одни и укротили наглость Еврисфея, потому что в союзе с ними мы одержали победу над тогдашними обладателями Пелопоннеса. Потом, мы гордимся, что тела тех аргивян, которые с Полиником ходили на Фивы, кончили там дни свои и лежали без погребения, подняли мы, для чего ходили войной на кадмейцев, и похоронили их в нашей земле, в Элевсине. Есть за нами еще славный подвиг относительно амазонок, когда они пришли от реки Фермодонт и вторглись в Аттику, да и в Троянской войне мы никому не уступали. Впрочем, нет никакой пользы вспоминать это, ибо может статься, что один и тот же народ был доблестен в старину, а теперь весьма нерадив, или же нерадивый прежде теперь весьма доблестен. Поэтому о древних подвигах довольно. Если бы мы не совершили ничего другого – а мы совершили много славных подвигов, как и другие эллинские народы, – то за один только подвиг на Марафоне мы достойны пользоваться не только этой, но и другими почестями: ведь мы одни из эллинов вступили в единоборство с персом и, отважившись на столь трудное дело, вышли невредимыми и победили сорок шесть народов. Неужели за один такой подвиг мы не имеем права на это место? Впрочем при настоящем положении не подобает ссориться из-за места; мы готовы повиноваться вам, лакедемоняне, и стать там, где и против кого нам действительно подобает стоять, по вашему мнению, ибо где бы мы ни были поставлены, постараемся доказать нашу доблесть. Приказывайте, мы повинемся». Вот что возразили афиняне, и по всему стану лакедемонян раздались возгласы, что афиняне имеют больше права, нежели аркадцы одни занимать крыло. Так афиняне одержали верх над тегейцами и заняли это место.

28. Засим эллины, как подошедшие впоследствии, так и явившиеся с самого начала, распределены были следующим образом: правое крыло заняли лакедемоняне в числе десяти тысяч человек; из них пять тысяч

спартанцев имели при себе в качестве оруженосцев тридцать пять тысяч легковооруженных илотов, по семь человек при каждом спартанце. Место ближайшее к спартанцам по их же выбору заняли тегейцы ради почета и за храбрость; тегейцев было тысяча пятьсот тяжеловооруженных. За ними стояло пять тысяч коринфян, которые упросили Павсания поставить подле них находившихся здесь трехсот человек потидейцев из Паллены. Вслед за этими стояли аркадцы из Орхомена в числе шестисот человек, а дальше три тысячи сикионцев; за ними следовало восемьсот эпидаврийцев. Подле них поставлена тысяча трезенцев, а за трезенцами двести лепреатов, рядом с ними четыреста микенцев и тириинфян, а за ними тысяча флиунтцев. Рядом с ними стояло триста гермионян, а за гермионянами следовали эретрийцы и стирейцы в числе шестисот человек, за ними четыреста халкидян, а дальше пятьсот ампракиотов. Вслед за ними стояло восемьсот левкадцев и анакториев, а дальше двести палейцев из Кефаллени; вслед за ними поставлено было пятьсот эгинцев, а рядом с ними три тысячи мегарцев; за мегарцами стояло шестьсот платейцев. Последними и вместе первыми поставлены были афиняне, занимавшие левое крыло, в числе восьми тысяч человек. Командовал ими сын Лисимаха Аристид.

29. Все эти воины, за исключением поставленных к каждому спартанцу семи илотов, были тяжеловооруженные; всего их насчитывалось тридцать восемь тысяч семьсот человек. Таково было число всех собравшихся на варвара тяжеловооруженных; число легковооруженных было следующее: в рядах спартанцев – тридцать пять тысяч, ибо при каждом из них было по семи человек легковооруженных и каждый из сих последних вооружен был для войны. В рядах остальных лакедемонян и эллинов было легковооруженных тридцать четыре тысячи пятьсот, потому что при каждом из них было по одному легковооруженному воину.

30. Количество всех легковооруженных действующих воинов было шестьдесят девять тысяч пятьсот человек, а всего эллинского действующего войска, собравшегося к Платеям, как тяжело-, так и легковооруженных, было сто восемь тысяч двести человек; вместе с явившимися потом феспийцами получилось полных сто десять тысяч, ибо уцелевшие феспийцы в числе тысячи восьмисот человек явились на стоянку, но тяжелого вооружения на них не было. Распределенные таким образом, эллины расположились лагерем подле Асопа.

31. Между тем варвары с Мардоном во главе, оплакав Масистия и узнав, что эллины находятся подле Платей, подошли также к Асопу,

протекающему в этом месте. Засим Мардоний расположил их против неприятеля в следующем порядке: против лакедемонян поставил персов. Персы значительно превосходили лакедемонян численностью, так что образовали большее число рядов и тянулись вдоль тегейцев. При этом он разместил персов так, что всех сильнейших отобрал и поставил против лакедемонян, а более слабых – против тегейцев. Сделал он это по указанию и наставлению фиванцев. Вслед за персами Мардоний поместил мидян; они стояли против коринфян, потидейцев, орхоменцев и сикионцев. За мидянами поставлены были бактрийцы; они имели против себя эпидаврийцев, трезенцев, лепреатов, тиринфян, микенцев и флиунтцев. За бактрийцами Мардоний поставил индийцев, имевших против себя гермионян, эретрийцев, стирейцев и халкидян. Вслед за индийцами он поместил саков, против которых стояли ампракиоты, анактории, левкадцы, палейцы и эгинцы. Вслед за саками он поставил беотийцев, локров, малийцев, фессалийцев и тысячу фокийцев. Дело в том, что не все фокийцы были на стороне мидян; некоторые из них действовали вместе с эллинами и были оттеснены к Парнасу; отправляясь оттуда, они совершали набеги с целью грабежа на войско Мардония и на воевавших вместе с ним эллинов. Против афинян он поставил македонян и соседних с Фессалией жителей.

32. Мной поименованы многолюднейшие из народов, распределенных Мардонием; они же наиболее известны и значительны. К ним присоединены были воины и из других народов: из фригийцев, фракийцев, мисийцев, пеонов и прочих, а равно вооруженные кинжалами и именуемые гермотибиями и каласириями из числа эфиопов и египтян; это из египтян единственные воины. Мардоний высадил их на сушу с тех кораблей, на которых они находились, еще во время пребывания в Фалере; действительно, египтяне не были зачислены в то сухопутное войско, которое вместе с Ксерксом вступило в Аттику. Варваров было триста тысяч человек, как сказано мной выше; количество эллинов, воевавших вместе с Мардонием, никому не известно, потому что они не были сосчитаны, но если судить по предположению, то их собралось, как мне кажется, до пятидесяти тысяч. Эти поставленные в боевой порядок воины образовали только пехоту, конница стояла особо.

33. На другой день после того, как все воины были распределены по народам и отрядам, в обоих войсках приносились жертвы. Жертвоприносителем у эллинов был сын Антиоха Тисамен; он следовал за войском в звании гадалея. Хотя он происходил из Элиды и принадлежал к роду Иамидов, но лакедемоняне сделали его своим

гражданином. Когда Тисамен обращался к дельфийскому оракулу с вопросом относительно потомства, то Пифия отвечала, что он одержит победу в пяти величайших состязаниях. Тисамен не уразумел изречения и занялся гимнастическими упражнениями в надежде одержать победу в гимнастических состязаниях. Вступив в Олимпии в пятиборство с уроженцем Андроса Иеронимом, он одержал победу, за исключением одной лишь борьбы. Между тем лакедемоняне узнали, что полученное Тисаменом изречение имеет отношение не к гимнастическим, но к военным состязаниям, и пытались склонить Тисамена за вознаграждение принять на себя командование в войнах вместе с царями из дома Гераклидов. Видя, что спартанцы очень дорожат тем, как бы приобрести его себе в союзники, Тисамен требовал все большего вознаграждения и объявил им, что примет предложение, если они сделают его своим гражданином со всеми правами и преимуществами, но ни на каком другом условии. Первое время спартанцы негодовали на такое требование и совсем было покинули мысль об оракуле; но наконец, под сильным страхом этого похода персов они позвали Тисамена и согласились принять его условие. Узнав о происшедшей в них перемене, Тисамен объявил, что этим одним он не довольствуется, что они обязаны принять в число спартанцев и брата его на тех же условиях, как и его самого.

34. В этом случае Тисамен подражал Меламподу, если только можно уподоблять требование царского достоинства требованию звания гражданина. Дело в том, что, когда женщины в Аргосе впали в исступление и аргивяне приглашали Мелампода из Пилоса за вознаграждение для того, чтобы он излечил их женщин от болезни, Мелампод потребовал в награду половину их царства. Аргивяне не согласились и ушли обратно, а число исступленных женщин стало еще больше. Тогда они согласились на условие Мелампода и пошли к нему с намерением дать то, чего он требовал. Но Мелампод, заметив в них перемену, пожелал большего и объявил, что не исполнит их желания, если только они не дадут третьей доли царства и брату его Бианту. Доведенные до крайности, аргивяне согласились и на это.

35. Так точно и спартанцы, имея крайнюю нужду в Тисамене, уступили ему во всем. Когда они согласились на предложенные условия, элидец Тисамен, став спартанцем, действительно помог им своим искусством гадания одержать победу в пяти величайших состязаниях. Эти два лица – единственные из всех людей, какие приняты были спартанцами в число сограждан. Пять состязаний были следующие: одно – подле Платей, другое, позже, – подле Тегей с

тегейцами и аргивянами, затем следовало состязание со всеми аркадцами, кроме мантинейцев, подле Дипей; далее – с мессенцами у Ифомы*, последнее – с афинянами и аргивянами подле Танагры. Из пяти состязаний это было последнее.

36. Этот самый Тисамен, сопровождавший спартанцев в походе, был в то время подле Платей гадателем у эллинов. Жертвы давали эллинам благоприятные знамения на тот случай, если они будут только обороняться, и неблагоприятные, если они перейдут через Асоп и начнут битву.

37. Мардоний, сильно желавший начать битву, получал знамения несчастливые, но благоприятные на случай обороны. Дело в том, что и он обращался к эллинским жертвам, имея подле себя гадателем элидца Гегесистрата, знаменитейшего из рода Теллиадов. Раньше этого спартанцы схватили его и обрекли было на смерть, заключив в тюрьму, потому что претерпели от него много зла. Попав в такую беду (когда жизнь находилась в опасности, а перед смертью предстояло вынести много пыток), он учинил над собой нечто невероятное. Заключенный в колодку, обитую железом, Гегесистрат овладел железным орудием, которое случайно было занесено в тюрьму, и немедленно принялся за отважнейшее дело, какое только нам известно. Сообразив, каким образом может быть извлечена из колодки верхняя часть ноги, он отсек нижнюю ее часть; потом проломал стену, ибо выходы охранялись стражей, и убежал в Тегею; ночи он проводил в пути, а днем забирался в лес и скрывался там. Таким образом, несмотря на поиски всех лакедемонян, он на третью ночь был уже в Тегее. Лакедемоняне чрезвычайно дивились его отваге, когда увидели на земле отсеченную половину ноги и его самого не могли разыскать. Так спасся в то время Гегесистрат от лакедемонян и укрылся в Тегее, которая тогда была во вражде с лакедемонянами. По выздоровлении он приделал себе деревянную ногу и стал открытым врагом лакедемонян. Впрочем, возникшая с лакедемонянами вражда не кончилась для него благополучно: занятый гаданием в Закинфе, он был схвачен ими и убит.

38. Смерть постигла Гегесистрата уже после Платейской битвы, а в это время подле Асопа он служил жертвоприносителем у Мардония за значительное вознаграждение и обнаруживал большое усердие частью из вражды к лакедемонянам, частью из корысти. Между тем жертвы не давали благоприятных знамений относительно сражения ни персам, ни воевавшим вместе с ними эллинам (эти последние имели своего гадателя, левкадца Гиппомаха), а в эллинский стан прибывали новые силы и число их возрастало. Тогда некий фиванец Тимегенид, сын

Герпия, посоветовал Мардонию занять стражей проходы на Кифероне; при этом он указал на то, что эллины подходят непрерывно каждый день и что он может многих из них перехватить. Уже восемь дней войска стояли одно против другого, когда Тимегенид дал такой совет Мардонию.

39. Мардоний нашел совет этот здравым и с наступлением ночи послал конницу к тем проходам на Кифероне, которые ведут к Платеям; беотийцы называют их Тремя Головами, а афиняне – Вершинами Дуба. Посланные всадники прибыли на место не напрасно: они захватили пятьсот голов скота, на котором доставлялись съестные припасы из Пелопоннеса в лагерь и который в это время вступал на равнину, а также людей, следовавших за обозом. Захваченную добычу персы беспощадно истребляли, не щадя ни животных, ни людей. Насытившись избиением, они окружили остальное и погнали в свой лагерь к Мардонию.

40. После этого происшествия войска прождали два дня, так как ни одно из них не желало начинать битву. С целью испытания эллинов варвары подходили к Асопу, но ни одна сторона не решалась переходить реку. Впрочем, конница Мардония непрерывно наступала на эллинов и тревожила их. Дело в том, что фиванцы, всей душой преданные мидянам, вели войну с усердием, и каждый раз до схватки они шли впереди, указывая дорогу. Но затем на их место заступали персы и мидяне, которые, имея преимущество перед прочими, совершали подвиги храбрости.

41. Итак, в течение десяти дней ничего более не случилось. Но вот наступил одиннадцатый день с того времени, как войска расположились друг против друга при Платеях; число эллинов значительно увеличилось, а Мардоний тяготился бездействием. Тогда стали между собой совещаться Мардоний, сын Гобрива, и Артабаз, сын Фарнака, с которым лишь немногие могли равняться по значению у царя. Во время совещания высказаны были следующие мнения. Артабаз говорил, что необходимо как можно скорее выдвинуться со всем войском и идти к стенам Фив, где хлеб для них и корм для вьючного скота собраны в изобилии. Там стоять спокойно и доводить дело к концу другими средствами, а именно: у них есть множество золота, чеканенного в монету и нечеканенного, множество серебра и посуды для питья; ничего этого не следует щадить, напротив, нужно разослать сокровища эллинам, а из эллинов прежде всего тем, которые стоят во главе городов. Тогда они немедленно предадут свободу своих граждан и не захотят рисковать и вступать в битву. Таково же было мнение и фиванцев, ибо

Артабаз подобно им лучше понимал будущее, заключили они. Напротив, настроение Мардония было более стремительное, высокомерное и неуступчивое. Он говорил, что считает свое войско гораздо сильнее эллинского и что поэтому следует как можно скорее вступать в бой и не допустить, чтобы эллины собрались еще в большем числе; на жертвы Гегесистрата не обращать внимания и не испрашивать знамений насильно, а согласно персидскому обычаю ударить на врага.

42. Против такого мнения Мардония не возражал никто, и оно одержало верх, потому что он, а не Артабаз был главнокомандующим войска. Засим Мардоний пригласил начальников отрядов и вождей находившихся с ним эллинов и спрашивал, не знают ли они какого-нибудь изречения оракула о том, что персам суждено погибнуть в Элладе. Так как призванные вожди молчали – одни потому, что не знали таких изречений, другие, хоть и знали, считали небезопасным объявлять их, то сам Мардоний сказал: «Если вы или ничего не знаете, или не дерзаете говорить, то скажу я с полным знанием дела. Существует изречение, что персам суждено по прибытии в Элладу расхитить дельфийское святилище и после расхищения погибнуть всем. Мы это знаем и потому не пойдём на святилище, не станем покушаться, грабить его, так что из-за этого не погибнем. Итак, все те из вас, которые благорасположены к персам, радуйтесь тому, что мы одержим победу над эллинами». Сказав это, он велел затем все приготовить и устроить, потому что с рассветом предстояло сражение.

43. Мне известно, что изречение оракула, которое, по словам Мардония, относилось к персам, произнесено было об иллирийцах и о походе энхелеев, а не о персах. Но есть изречение Бакида, относящееся к этому сражению и гласящее так:

Подле Фермодонта и Асопа, протекающего среди
мягкой травы,

Схватка и крики эллинов и варваров.

.....

Падут там, когда наступит роковой день,

Многие из вооруженных луками мидян, даже
сверх меры судьбы.

Эти и другие подобные выражения, как мне известно, относятся у Мусея к персам. Река Фермодонт протекает между Танагрой и Глисантом.

44. После расспросов относительно оракулов и увещания вождей Мардоном приближалась ночь и расставлялась стража. В глубокую ночь, когда, казалось, все было спокойно в лагерях и люди погружены были в сон, – в это время прискакал на коне к афинской страже Александр, сын Аминты, вождь и царь македонян, и пожелал переговорить с начальниками. Бо́льшая часть стражи осталось на месте, а некоторые побежали к вождям и объявили, что некий человек верхом на лошади явился из лагеря мидян, не говорит им ни слова, желает только повидаться с начальниками, причем называет их по именам.

45. При этих словах начальники тотчас направились к страже, и когда они пришли, Александр стал говорить следующее: «Весть эту я вверяю вам, афинские граждане, с просьбой сохранить ее в тайне и не открывать никому, кроме Павсания, чтобы вы не погубили и меня. Я бы не сообщал ее, если бы столь сильно не озабочивало меня благо целой Эллады; ведь сам я издревле эллин по происхождению и не желал бы видеть Элладу поработанной, а не свободной. Итак, объявляю, что ни Мардонию, ни войску его жертвы не могут дать благоприятных знамений, иначе вы бы сражались уже давно. Теперь у него решено оставить жертвы без внимания и с рассветом начать бой, потому что он страшится, как я полагаю, того, что вы соберетесь еще в большем числе. Готовьтесь к этому. Если бы Мардоний отложил битву и не начал сражения, то и вы должны держаться дольше и пребывать на месте, так как у них остается съестных припасов лишь на несколько дней. Если война кончится так, как вам желательно, вы обязаны вспомнить обо мне и о моем освобождении, потому что я ради эллинов, из любви к ним решился на столь опасное дело: я желал открыть вам замысел Мардония, чтобы варвары не ударили на вас внезапно, совершенно неожиданно для вас. Я – Александр македонянин». Он сказал это и ускакал назад в лагерь, на свой пост.

46. Вожди афинян пришли на правое крыло и слышанное от Александра сообщили Павсанию. При этом известии на Павсания напал страх перед персами, и он сказал: «Так как на заре будет сражение, то вы, афиняне, обязаны стать против персов, а мы станем против беотийцев и тех эллинов, которые помещены против вас, по следующей причине. Вы знаете мидян и их способ битвы, так как вы сражались с ними на Марафоне, мы же не испытывали и не знаем этого народа, ибо ни один спартаец не мерялся с ними силами, но беотийцев и фессалийцев мы знаем. Поэтому беритесь за оружие и ступайте на это крыло, а мы перейдем на левое». Афиняне отвечали на это так: «Мы

уже давно, с самого начала, как только увидели, что вы поместились против персов, собирались сказать вам именно это, а вы предупредили нас и сказали сами; но мы боялись, как бы предложение наше не было неприятно вам. Теперь вы сами напомнили об этом, предложение ваше мы принимаем охотно и исполняем его с готовностью».

47. Обе стороны были довольны и потому на заре поменялись местами. Заметившие это беотийцы дали знать Мардонию; он выступил и тотчас начал перемещение с тем, дабы персов поставить против лакедемонян. Когда в свою очередь заметил это Павсаний и понял, что не может скрыть своего решения, отвел спартанцев обратно на правое крыло; точно так же поступил и Мардоний со своим левым крылом.

48. Когда войска заняли первоначальные места, Мардоний послал к спартанцам глашатая со следующими словами: «Вот как, лакедемоняне! Среди живущих в этой стране народов вы считаетесь наиболее доблестными. Люди дивятся, что вы не бежите из сражения, не покидаете вашего поста, но, оставаясь на месте, или уничтожаете врага, или погибаете сами. На самом деле это совершенная неправда: прежде чем нам сойтись и сразиться, мы уже видели, что вы убегаете и покидаете ваш пост, желая раньше испытать нас на афинянах, а себя поместить против рабов наших. Такое поведение вовсе не свойственно людям доблестным, и я сильно ошибся в вас. Мы, согласно молве о вас, ждали, что вы пришлете нам вызов через глашатая и пожелаете сражаться только с персами, и готовы были сделать это; но нам не довелось слышать от вас такие речи, и вы прячетесь из страха. Теперь так как вы первые не сделали нам этого предложения, то сделаем его мы. Почему бы нам в равном числе воинов не сразиться друг с другом – вам за эллинов, если вы считаетесь самыми доблестными, а нам за варваров? Если угодно, чтобы сражались и прочие воины, пускай они сражаются потом; если же это не угодно и достаточно сразиться нам одним, сразимся; кто из нас выйдет победителем, тот будет победителем со всеми своими войсками».

49. Глашатай сказал это и некоторое время ждал, но когда никто не давал ему никакого ответа, он удалился обратно и по возвращении в лагерь рассказал Мардонию все, как было. Мардоний чрезвычайно обрадовался этому и, гордый ожидаемой победой, отправил на эллинов конницу. Всадники ударили и причиняли вред всему эллинскому войску; они метали копья и стрелы, и сразиться с ними было трудно, потому что они метали с лошадей. Кроме того, всадники взболтали и засорили тот источник Гаргафию, из которого получало воду все эллинское войско. Подле этого источника стояли одни лакедемоняне; от

остальных эллинов, смотря по месту, которое занимал каждый из народов, источник находился далеко, а близко к ним протекал Асоп. Но к Асопу их не допускали, и потому они ходили за водой к этому источнику. Доставать же воду из реки было невозможно из-за всадников и их стрел.

50. При таком положении дел, когда войско лишено было воды и конница теснила его, начальники эллинов собрались и явились к Павсанию на правое крыло для обсуждения этого и других обстоятельств. Действительно, другие обстоятельства тревожили их еще больше: съестных припасов у них уже не было, а те слуги их, которых послали было в Пелопоннес за припасами, были отрезаны конницей и не могли возвратиться в лагерь.

51. На совещании полководцы решили идти на Остров*, если персы и тот день проведут без битвы. Остров этот удален от Асопа и источника Гаргафии, у которых находился тогда эллинский лагерь, на десять стадиев и лежит перед Платеями. Остров мог поместиться на материке при следующих условиях: образующая его река разделяется у Киферона и так течет вниз до равнины, причем два рукава отстоят один от другого стадия на три, а потом сливаются снова в одну реку. Название реки – Оероя, и туземцы почитают ее дочерью Асопа. На это-то место и решили перейти эллинские вожди дабы иметь воду в изобилии, и дабы всадники не причиняли им такого вреда, как прежде, пока стояли прямо против них. Решено было сниматься с места во время второй ночной стражи для того, чтобы персы не заметили их отступления, и всадники, пустившись в погоню, не тревожили бы их. По прибытии на место, которое омывается дочерью Асопа Оероей, текущею из Киферона, эллины решили в течение той же ночи отрядить половину всего стана к Киферону, навстречу тем рабам, которые уходили за припасами; они ведь были отрезаны в Кифероне.

52. Приняв такое решение, эллины еще целый тот день под натиском конницы терпели крайнюю беду. Только когда день стал клониться к вечеру и конница прекратила нападение, когда наступила ночь и пришла пора, в какую условлено было им отступить, большинство войска снялось с места и начало отступление, но они не думали идти к тому месту, относительно которого состоялось соглашение; напротив, лишь только они двинулись, как с радостью побежали от конницы к Платеям и на этом пути дошли до святилища Геры. Оно находится перед городом платейцев, на расстоянии двадцати стадиев от источника Гаргафии; там они остановились и перед храмом сложили оружие.

53. Эти воины расположились лагерем подле храма Геры. При виде удаления их из лагеря Павсаний отдал приказание и лакедемонянам взять на себя вооружение и следовать за выступившими вперед. Он думал, что эти последние шли в условленное место. Все начальники отрядов готовы были исполнить приказание Павсания, только сын Полиада Амомфарет, стоявший во главе отряда питанетов, объявил, что не станет убегать от иноземцев и по своей воле не навлечет позора на Спарту. Он глядел на происходящее с изумлением, так как не присутствовал раньше на совете. Павсаний и Еврианакт негодовали на его непокорность еще больше потому, что приходилось покинуть отряд питанетов, если Амомфарет откажется следовать за ними; они опасались, что, если покинут его и сделают то, о чем было условлено с прочими эллинами, покинутый Амомфарет и его воины погибнут. Среди этих соображений они оставляли в покое лаконский стан и пытались уговорить его, что не следует так поступать.

54. В то время, как они уговаривали Амомфарета, который оставался в стоянке один из всех лакедемонян и тегейцев, афиняне действовали следующим образом. Они спокойно оставались на том месте, где были помещены, зная характер лакедемонян, что они думают одно, а говорят другое. Когда же войско двинулось с места, афиняне послали своего всадника посмотреть, собираются ли спартанцы в путь или же совсем не помнят об отступлении, а также спросить Павсания, что делать.

55. Когда глашатай прибыл к лакедемонянам, он увидел, что они остаются все на том же месте и что начальники их ссорятся между собой. Дело в том, что Еврианакт и Павсаний, как ни уговаривали Амомфарета не оставаться и не подвергать опасности одних лакедемонян, никак не могли разубедить его; наконец они перешли к ссоре, а в это время предстал перед ними и глашатай. В споре Амомфарет схватил обеими руками камень, положил его у ног Павсания и объявил, что камнем этим он подает голос за то, чтобы не бежать от иноземцев, разумея под этим варваров. Но Павсаний обзвал его безрассудным и сумасшедшим, потом обратился к глашатаю от афинян и в ответ на вопрос его о том, о чем было ему приказано спросить, велел сообщить афинянам настоящее положение дела, от него просить афинян прибыть к ним и относительно отступления сделать то же, что делают они. Глашатай возвратился к афинянам.

56. Когда, наконец, заря застала их за спором, Павсаний, все время остававшийся на месте, решил, что Амомфарет не отстанет от прочих лакедемонян, если они двинутся в путь, что действительно и случилось;

поэтому подал сигнал и повел оттуда через холмы всех остальных лакедемонян; тегейцы последовали за ними. Афиняне согласно приказанию пошли совсем по другому направлению, нежели лакедемоняне, а именно: эти последние из страха перед конницей держались близ склонов и оснований Киферона, а первые повернули вниз, на равнину.

57. Сначала Амомфарет думал, что Павсаний ни за что не решится покинуть его, а потому упорствовал оставаться на месте и не уходил со своего поста. Но когда воины с Павсанием ушли далеко вперед и ему показалось, что они в самом деле покинули его, Амомфарет велел своему отряду взять на себя вооружение и военным маршем повел его к остальной массе войска. Между тем Павсаний, отойдя стадиев на десять, остановился и ожидал отряда Амомфарета подле речки Молоент, в той местности, которая именуется Аргиопий и в которой есть святилище Деметры Элевсинской. Он остановился здесь для того, чтобы обратиться на помощь Амомфарету и его отряду, если бы он не покинул того поста, на котором стоял, и оставался бы на месте. Как скоро воины с Амомфаретом во главе явились к ним, устремилась на них вся варварская конница. Ибо всадники продолжали действовать так же, как они действовали обыкновенно, но, заметив, что опустело то место, которое в прежние дни занято было эллинами, гнали лошадей все дальше вперед и, лишь только настигли эллинов, ударили на них.

58. Узнав, что эллины ушли ночью, и увидев, что местность опустела, Мардоний подозвал к себе Форака из Ларисы и братьев его Еврипила и Фрасидея и сказал им: «Ну, сыновья Алевы, что теперь скажете вы при виде опустевшей местности? Ведь вы, живущие по соседству с ними, рассказывали, что лакедемоняне не бегут из сражения, что в военном деле они первый народ. Между тем раньше вы видели, как они покинули свой пост и перешли на другой, а теперь мы уже все видим, что они в эту ночь и совсем убежали. Когда им предстояло померяться силами в битве с народом истинно доблестнейшим, тогда они доказали, что, будучи на самом деле ничтожными, выдавались только среди эллинов, также ничтожных. Впрочем, для вас, не ведавших персов и провозгласивших тот народ, о котором вы знали сами кое-что похвальное, у меня есть оправдание. Больше я удивляюсь Артабазу, тому, что он испугался лакедемонян и из страха высказал малодушное предложение, будто нам необходимо снять лагери, идти к городу фиванцев и там расположиться. Это мнение узнает еще от меня царь, и о нем будет речь в другом месте. Теперь нельзя дозволить врагам убежать; нам необходимо преследовать их,

пока мы не настигнем и не накажем их за все то, что они учинили персам».

59. После этого Мардоний переправился через Асоп и беглым маршем повел персов по следам эллинов, как беглецов, но вел он персов только против лакедемонян и тегейцев. Афинян Мардоний не замечал, потому что они повернули к равнине и были прикрыты высотами. Прочие начальники варварских отрядов, заметив, что персы пустились в погоню за эллинами, немедленно дали сигнал и последовали за ними с возможной для каждого поспешностью, без всякого порядка и очереди. Они шли с криком и шумом, как бы собираясь захватить эллинов врасплох.

60. Между тем Павсаний, теснимый конницей, послал к афинянам всадника с такой речью: «Когда, граждане Афин, нам предстоит важнейшая борьба из-за того, быть ли Элладе свободной или находиться в рабстве, мы, лакедемоняне, и вы, афиняне, покинуты союзниками, так как в эту ночь они убежали. Теперь решено, что нам делать: отражать врага и помогать друг другу по мере возможности. Поэтому если бы конница ударила сначала на вас, то нам и находящимся с нами тегейцам следовало бы поспешить к вам на помощь. Но теперь, когда вся конница ударила на нас, справедливость требует, чтобы вы шли на помощь наиболее теснимой части войска. Если же вы сами находитесь в таком положении, что не можете прийти к нам на помощь, то будьте милостивы к нам и пошлите стрелков из лука, ибо мы знаем, что в продолжение этой войны вы обнаружили наибольшую ревность, а потому исполните и настоящую просьбу».

61. Выслушав это, афиняне поспешили на помощь им со всем войском. Когда они были уже в пути, напали на них те эллины, которые находились на неприятельской стороне в стане царя, так что прийти на помощь они уже не могли: напавшие теснили их самих. Таким образом, лакедемоняне и тегейцы оставались одни вместе с легковооруженными воинами в числе пяти тысяч лакедемонян и трех тысяч тегейцев – последние никогда не отделялись от первых – и стали приносить жертвы, собираясь на битву с Мардонием и наступающим войском. Жертвы не давали благоприятных знамений, а тем временем многие из них были убиты и еще в большем числе ранены. Дело в том, что персы оградили себя щитами, плетеными из прутьев, и выпускали стрелы в огромном количестве. Когда вследствие этого спартанцы были жестоко теснимы, а между тем жертвенные знамения не были благоприятны, Павсаний обратился взорами к святилищу Геры Платейской и стал взывать к богине с мольбой, чтобы надежды их не были обмануты.

62. Он еще молился, когда прежде других воспряли тегейцы и пошли на варваров. А когда тотчас после молитвы Павсания лакедемоняне приносили жертвы, то знамения оказались благоприятными. Наконец, спустя некоторое время пошли на персов и лакедемоняне, а персы стояли против них с опущенными луками. Вначале битва происходила подле укрепления из плетеных щитов, потом, когда они упали, жестокий бой происходил уже у самого храма Деметры и продолжался долго, пока наконец войска не перешли в рукопашную; варвары хватались за копья и ломали их. В отваге и силе персы не уступали эллинам; но они были безоружны, несведущи и по ловкости не могли равняться с противником. Выбегая вперед по одному или собираясь кучей по десять человек, персы нападали на спартанцев и погибали.

63. В том месте, где находился сам Мардоний, который сражался на белой лошади, окруженный отборными храбрейшими персами в числе тысячи человек, – там варвары сильнее всего теснили противника. До тех пор, пока Мардоний был жив, персы сопротивлялись, защищались и положили многих лакедемонян; но когда Мардоний был убит и пали окружавшие его храбрейшие воины, тогда и остальные варвары оборотили тыл и отступили перед лакедемонянами. Наиболее губительно для них было их одеяние без тяжелого вооружения: легковооруженные, они должны были иметь дело с тяжеловооруженными.

64. Так на Мардонии, согласно изречению оракула, спартанцы были отмщены за смерть Леонида, а Павсаний, сын Клеомброта, внук Анаксандрида, одержал победу, блистательнейшую из всех, нам известных. Имена более ранних его предков до Леонида были уже названы мной: предки обоих одни и те же. Мардоний убит был знатным гражданином Спарты Аримнестом, тем самым, который спустя некоторое время, уже после мидийских войн, во время Мессенской войны с тремястами воинами сражался при Стениклере* против всех мессенцев и пал вместе со всеми своими воинами.

65. При Платеях персы обращены были в бегство лакедемонянами и в совершенном беспорядке бежали в свой лагерь и к той деревянной стене, которую возвели они в Фиванской области. Удивительно для меня то, каким образом после сражения персов подле роши Деметры не оказалось ни одного перса, который вступил бы в святилище или пал в его пределах, между тем как огромное множество их лежало вблизи храма на земле, не посвященной божеству. Я предполагаю, если только позволительно что-либо предполагать о предметах божеских, что сама

богиня не допустила их туда за то, что они сожгли священное жилище богини в Элевсине. Так кончилась эта битва.

66. Сын Фарнака Артабаз, с самого начала не одобрявший того, что царь оставлял Мардония в Элладе, и впоследствии настойчиво, но напрасно убеждавший не начинать этой битвы, поступил следующим образом, как человек недовольный способом действий Мардония. Всех тех воинов, какие находились под его командой – а их было немало, около сорока тысяч человек – вывел он в полном порядке в то время, как происходила битва, хорошо зная предстоявший исход сражения; при этом он приказал всем им следовать за ним, куда бы он ни вел их, с такой же скоростью, с какой шел сам. Отдав такое приказание, Артабаз повел войско как бы на бой. Так как он шел впереди, то и видел, как убегали уже персы; тогда он перестал держать своих воинов в прежнем порядке и со всей поспешностью помчался оттуда, но бежал, однако, не к деревянной стене и не в укрепление Фив, а в Фокиду с целью как можно скорее достигнуть Геллеспонта. Итак, они пошли по этому направлению.

67. Что касается эллинов, которые были на стороне царя, то все они сражались неохотно; только беотийцы дрались с афинянами очень упорно. Действительно, те из фиванцев, которые настроены были в пользу мидян, обнаруживали в битве немало усердия и настойчивости, вследствие чего триста знатнейших и храбрейших фиванцев пали здесь от руки афинян. Когда же они оборотили тыл, то бежали в Фивы, но не той дорогой, по которой убегали персы и все полчище прочих союзников (эти вовсе не сражались с врагом и ничего не совершили). Для меня ясно, что всю силу варваров составляли персы, так как и теперь союзники бежали еще до схватки с неприятелем потому только, что видели бегство персов.

68. Таким образом, бежали все варвары, за исключением конницы, особенно беотийской; она была весьма полезна для бегущих, потому что все время держалась очень близко к неприятелю и отделяла своих бегущих от преследователей.

69. Победители следовали за воинами Ксеркса, гнали их и убивали. В то время, как началось бегство, прочим эллинам, расположенным подле храма Геры и не участвовавшим в деле, дано было знать, что сражение началось и что воины Павсания одержали победу. При этом известии эллины двинулись в полнейшем беспорядке, причем коринфяне и ближайšie к ним воины направились у подножья горы по холмам, по дороге, ведущей вверх прямо к храму Деметры; мегарцы, флиунты и ближайšie к ним эллины направились по самой гладкой

дороге через равнину. Когда мегарцы и флиунтцы приблизились к неприятелю, фиванская конница, завидевшая издали, как они неслись без всякого порядка, устремилась на них с начальником своим Асоподором, сыном Тимандра, напала и положила на месте шестьсот человек, остальных преследовала и гнала вплоть до Киферона. Так погибли они, и никто не обратил на это внимания.

70. Между тем персы и остальные полчища укрылись за деревянной стеной и, прежде чем явились сюда лакедемоняне, успели уже взобраться на башни, и взобравшись, оградили стену как только могли. Когда подошли афиняне, то между ними и персами завязался ожесточенный бой подле стены. Пока афинян не было, персы отражали лакедемонян и значительно превосходили их, потому что лакедемоняне не умели осаждать стен; с прибытием же афинян возгорелась около стены жестокая и продолжительная битва. Наконец благодаря мужеству и стойкости афиняне подошли к самой стене и проломил ее, тогда в этом месте эллины ворвались в укрепление. Тегейцы первые вошли в укрепление, они же расхитили палатку Мардония и взяли из нее в числе различных предметов ясли для его лошадей, сделанные целиком из меди и замечательные на вид. Эти ясли Мардония тегейцы пожертвовали в храм Афины Алеи, а все остальное, что забрали там, они снесли в одно общее место для эллинов. Когда стена упала, варвары не собирались больше толпами и не думали об отражении врага, но металась в страхе, и многие десятки тысяч народа теснились на небольшом пространстве. Эллинам убивать было легко, так что из трехсот тысяч войска – без тех сорока, с которыми бежал Артабаз, – не осталось в живых даже трех тысяч. Лакедемонян, вышедших из Спарты, убито было в этом сражении всего девяносто один человек, тегейцев – шестнадцать, а афинян – пятьдесят два.

71. Из варваров храбростью отличались пехота персов, конница саков, а из отдельных воинов называют Мардония; из эллинов храбростью отличились больше всех лакедемоняне, хотя и тегейцы и афиняне сражались также храбро. Я могу это заключить из того только обстоятельства, так как все они побеждали своих противников, что лакедемоняне сражались с более сильной частью войска и одолели ее. По нашему мнению, больше всех отличился тот Аристодем, единственный из трехсот воинов, который сдался в Фермопилах и за то подвергся позору и бесчестию; за ним по храбрости следовали Посидоний, Филокион и спартанец Амомфарет. Впрочем, когда шла речь о том, кто из эллинов был храбрее всех, присутствовавшие здесь лакедемоняне высказали мнение, что Аристодем очевидно искал смерти

вследствие тяготевшей на нем вины, что он в слепой ярости покинул свой пост и совершил славное дело. Посидоний же был мужественным не из жажды смерти, поэтому он и доблестнее первого. Однако так они могли решить и по зависти. Названные мной личности из числа павших в этой битве были награждены почестями, кроме Аристодема, который искал смерти под тяжестью позора, о котором сказано выше. Это были наиболее прославившиеся из воинов, которые сражались под Платеями.

72. Калликрат же кончил жизнь не в сражении. В лагере это был красивейший человек своего времени не только из лакедемонян, но вообще из всех эллинов. В то время, как Павсаний совершал жертву, Калликрат спокойно сидел на своем месте в строю и был ранен стрелой в бок. И вот, когда прочие сражались, он в тяжелой борьбе со смертью сказал платейцу Аримнесту: не о том он жалеет, что умирает за Элладу, но о том, что не участвовал в бою и при всем желании не совершил ничего достойного.

73. Говорят, из афинян наиболее отличился сын Евтихида Софан, уроженец деревни Декелеи, из числа тех декелейцев, которые, как рассказывают сами афиняне, совершили некогда дело, полезное для них на все времена. Именно, когда в старину Тиндарида с многочисленным войском вторглись в Аттику для того, чтобы взять Елену обратно, и, не зная, где она скрывается, изгоняли население из деревень, тогда, по рассказу одних, декелейцы, а по словам других, сам Декел, будучи оскорблен насилием Тесея и опасаясь за всю Аттическую землю, рассказал им все, как было, и проводил до Афидн, которые предал Тиндаридам туземец Титак. За это дело декелейцы пользуются в Спарте (вплоть до настоящего времени) свободой от податей и правом на почетное место. Даже во время войны, которая возникла между афинянами и пелопоннесцами много лет спустя, лакедемоняне, опустошив остальную Аттику, пощадили Декелею.

74. Из этой-то деревни и происходил Софан, отличившийся в то время среди афинян, о чем существуют два рассказа. По одному из них, Софан носил железный якорь, прикрепленный медной цепочкой к поясу панциря. Всякий раз, когда приближался к неприятелю, он бросал этот якорь с тем, чтобы неприятели при наступлении на него не могли сдвинуть его с места; на случай же бегства врагов он решал, что поднимет якорь и пустится в погоню. Так гласит это предание. По другому рассказу, не согласному с первым, Софан носил знак якоря на щите, который у него всегда вращался, никогда не оставался неподвижным, а вовсе не железный якорь, прикрепленный к панцирю.

75. Софаном, впрочем, совершен был и другой славный подвиг, а именно: когда афиняне расположены были подле Эгины, он вызвал на борьбу аргивянина Еврибата, искусного в пятиборстве, и убил его. Впоследствии случилось так, что этот самый Софан во время командования афинянами вместе с сыном Главкона Леагром пал как храбрый воин от руки эдонян в сражении при Дате подле золотых приисков*.

76. Когда при Платеях варвары были разбиты наголову эллинами, явилась к ним перебежчица, женщина, наложница перса Фарандата, сына Теаспия. Узнав о гибели персов и о победе эллинов, она вместе со служанками своими возложила на себя многочисленные золотые украшения и самые лучшие одежды, сошла с колесницы и отправилась к лакедемонянам, занятым еще избиением врагов. Женщина видела, что всем распоряжается там Павсаний, имя и род которого знала раньше, потому что часто слышала о нем; она узнала его и, обняв его колени, обратилась к нему с такой речью: «Царь Спарты! Освободи меня, умоляющую, из военного плена. Ты помог мне уже и тем, что истребил этих людей, не чтущих ни героев, ни богов. Я родом из Коса, дочь Гегеторида, внучка Антагора. Перс силой захватили меня на Косе и владел мной». «Успокойся, женщина, – отвечал Павсаний, – и потому, что ты умоляешь меня, и потому особенно, если ты говоришь правду, что косец Гегеторид отец твой: ибо он друг мой больше всех обитателей той местности». Засим он вверил ее попечению присутствовавших эфоров, потом отослал на Эгину, куда и сама она пожелала отправиться.

77. Вскоре после появления этой женщины прибыли сюда и мантинейцы, когда все было кончено. Заметив, что пришли уже после сражения, они сильно огорчились и сами говорили, что заслуживают наказания. Узнав, что мидяне с Артабазом бежали, они, невзирая на запрещение лакедемонян преследовать бегущих, пустились в погоню за ними до Фессалии, а по возвращении на родину изгнали из страны своих военачальников. За мантинейцами прибыли элейцы, подобно мантинейцам сильно огорчились и удалились обратно; и они по возвращении изгнали своих военачальников. О мантинейцах и элейцах довольно.

78. В платейском стане в числе эгинцев был сын Пифея Лампон, один из значительнейших эгинцев. Он направился к Павсанию с нечестивейшим предложением, поспешно подошел к нему и сказал: «Ты, сын Клеомброта, совершил подвиг, по величию и блеску превосходящий всякую меру. Божество дало тебе спасти Элладу и тем стяжать величайшую славу, какой только достигали известные мне

эллины. Но ты заверши это и сделай так, чтобы слава твоя сделалась еще громче и чтобы впредь все варвары остерегались совершать относительно эллинов нечестивые деяния. Ибо, когда при Фермопилах пал Леонид, Мардоний и Ксеркс приказали отрубить ему голову и пригвоздить труп к столбу. Если ты заплатишь ему равным наказанием, то превознесен будешь сначала всеми спартанцами, а потом и прочими эллинами, ибо повешением Мардония на столбе ты отмстишь за дядю твоего Леонида». Лампон рассчитывал угодить Павсанию этой речью.

79. Павсаний возразил ему: «Любезный эгинец, я восхищаюсь твоим благорасположением и заботливостью, но предложение твое слишком неразумно: вознесши высоко меня, мой род и мой подвиг, ты низвергаешь меня до ничтожества своим предложением ругаться над покойником и заявлением, что я прославлюсь больше, если поступлю таким образом. Действия эти более приличествуют варварам, нежели эллинам; но ведь они за то и ненавистны нам. Таким способом я не желаю угождать ни эгинцам, ни вообще тем, кому нравится это; для меня достаточно, если благочестивым образом действий и благочестивыми речами я угожу спартанцам. Что касается Леонида, то, по моему убеждению, он отмщен вполне: и он сам, и остальные эллины, павшие при Фермопилах, почтены неисчислимым множеством душ лежащих здесь врагов. Никогда больше ты не обращай ко мне с таким предложением и не давай таких советов; теперь радуйся, что уходишь невредимым». Лампон выслушал это и удалился.

80. Павсаний через глашатая объявил, чтобы никто не касался добычи, и приказал илотам сносить драгоценности в одно место. Илоты рассеялись по стану и нашли палатки, полные золота и серебра, золоченые и серебряные ложки, золотые вазы, чаши и другую посуду для питья; на колесницах нашли мешки, в которых оказались золотые и серебряные умывальники; с лежащих трупов снимали запястья, ожерелья и золотые акинаки; на великолепные одежды не обращали никакого внимания. В это время илоты похищали многие драгоценности и продавали эгинцам, но многие и отдавали – все те, которых не могли скрыть; таким образом, у эгинцев впервые с этого времени собрались большие богатства именно потому, что они платили за золото как за медь.

81. По снесении драгоценностей в одно место эллины отделили десятую долю для дельфийского божества, и на нее пожертвован был золотой треножник – тот, который стоит на трехголовой медной змее очень близко к жертвеннику. Десятую долю отделили для божества в Олимпии, на которую поставлен медный кумир Зевса в десять локтей;

такую же долю для божества на Истме, на нее сделан медный кумир Посейдона в семь локтей вышиной. Отделив это, все остальное они разделили между собой, причем каждый получил по заслугам: наложниц персов, золото, серебро и прочие драгоценности, а также скот. Сколько дано было отдельно от прочих тем, которые особенно отличились подле Платей, об этом не говорит никто, хотя я думаю, что были дары и для этих людей; для Павсания было выделено и дано вдесятеро больше: женщин, лошадей, денег и верблюдов, равно как и всех прочих драгоценностей.

82. Рассказывают, между прочим, что Ксеркс во время бегства из Эллады оставил Мардонию свою утварь, что Павсаний при виде палатки Мардония, полной золота, серебра и роскошных ковров, приказал пекарям и поварам приготовить обед совершенно так, как они готовили Мардонию. Когда они согласно приказанию исполняли это, Павсаний заметил прекрасно убранные ложа, золотые и серебряные, золотые и серебряные столы и великолепный столовый прибор; он изумлен был находившимися перед ним богатствами и шуточки ради велел своим слугам изготовить лаконский обед. Так как приготовленное угощение далеко уступало первому, то Павсаний засмеялся и пригласил к себе эллинских вождей; когда они собрались, Павсаний, указывая на то, как приготовлены оба обеда, проговорил: «Я собрал вас, эллинские граждане, ради того, чтобы показать вам безумие вождя мидян: привыкши к такому образу жизни, он пришел к нам, чтобы отнять у нас столь жалкие крохи». Вот что, говорят, сказал Павсаний эллинским вождям.

83. Однако спустя некоторое время после этого многие платейцы находили еще ящики, наполненные золотом, серебром и другими драгоценностями. Кроме того, впоследствии, когда кости обнажены были от мяса и когда платейцы собрали их в одно место, найден был среди скелетов череп, не имевший ни одного шва и состоявший из одной кости; найдена была и челюсть, именно верхняя, все зубы которой, передние и коренные, имели вид одного, как бы состоя из одной кости. Найдены были также кости человека в пять локтей вышиной.

84. На следующий день труп Мардония исчез; кто похитил его, не могу сказать в точности. Я слышал только, как называли многих людей, уроженцев различных местностей, которые будто бы похоронили Мардония, и знаю многих, получивших за это большие подарки от сына Мардония Артонтеса. Однако кто из них похитил и похоронил тело Мардония, я не мог узнать достоверно. Говорят еще некоторые, что

Мардония похоронил гражданин Эфеса Дионисофан. Так похоронен Мардоний.

85. Когда раздел добычи был кончен, эллины при Платеях занялись погребением, причем каждый народ хоронил своих отдельно. Лакедемоняне сделали три могилы: в одной погребены были ирены*, в другой – прочие спартанцы, в третьей – илоты. Так погребали лакедемоняне. Тегейцы похоронили всех своих в одном месте, отдельно от лакедемонян; всех вместе афиняне схоронили своих, а мегарцы и флиунтцы – своих, тех, которые убиты были конницей. Могилы всех этих эллинов были наполнены телами. Что касается могил остальных эллинов, какие также виднеются подле Платей, то, как я слышал, это – могилы тех эллинских народов, которые, устыдившись безучастия своего в решительной битве, насыпали ради потомства пустые земельные насыпи. Действительно, там есть и так называемая могила эгинцев, насыпанная, как рассказывают, уже десять лет спустя после этого по просьбе эгинцев их проксеном, платейцем Клеадом, сыном Автодика.

86. Когда эллины подле Платей похоронили тела павших, они тотчас устроили совещание и порешили идти войной на Фивы и требовать выдачи тех из граждан, которые действовали заодно с мидянами, в числе первых Тимегенида и Аттагина, бывших главарей фиванцев. Если же они не выдадут, то эллины не отступят от их города до тех пор, пока не возьмут его. Так они решили, и на одиннадцатый день после сражения эллины подошли к Фивам и стали осаждать город, требуя выдачи этих граждан. Так как фиванцы отказали в выдаче, то эллины опустошали их землю и приступом брали стену.

87. Эллины не переставали производить опустошение; поэтому на двадцатый день осады Тимегенид обратился к фиванцам со следующими словами: «Фиванские граждане! Так как эллины решили не оставлять осады до тех пор, пока они не возьмут Фив или пока вы не выдадите им нас, то Беотийская земля не должна более терпеть из-за нас. Поэтому, если они требуют нашей выдачи только для предлога, добиваясь на самом деле денег, дадим им денег из государственной казны, – ведь действовали заодно с мидянами мы не одни, а вместе с государством; если же они в самом деле осаждают город потому, что желают получить нас, то мы выступим сами для ответа перед ними». Фиванцы нашли, что Тимегенид говорит верно и благовременно, и тотчас через глашатая дали знать Павсанию, что фиванцы решились выдать требуемых граждан.

88. Когда обе стороны согласились на этом, Аттагин тайком бежал из города; но с детей Аттагина, приведенных к Павсанию, сей последний сложил пеню, заметив, что дети вовсе не виновны в сочувствии мидянам. Что касается остальных граждан, которых выдали фиванцы, то они рассчитывали, что будут допущены к ответу, и были уверены, что с помощью денег избегнут обвинения. Получив их в свои руки и подозревая такой план их, Павсаний отпустил все войско союзников, а фиванцев велел отвести в Коринф и казнить. Вот что произошло при Платеях и Фивах.

89. Между тем сын Фарнака Артабаз, убежав от Платей, был уже далеко. Фессалийцы, когда он прибыл к ним, пригласили его к себе на угощение и расспрашивали об остальном войске, ничего не зная о случившемся подле Платей. Артабаз сознавал, что если решится открыть всю правду о происшедших сражениях, то рискует погибнуть сам и погубить свое войско; он полагал, что любой фессалиец нападет на него, если случившееся станет им известно. В силу такого соображения Артабаз ничего не открывал и фокийцам, а фессалийцам сказал следующее: «Как видите, граждане Фессалии, я тороплюсь, чтобы как можно скорее прибыть во Фракию, и спешу потому, что послан по делу из нашего стана. Сам Мардоний с войском своим идет вслед за мной, и вы должны поджидать его. Примите его радушно и окажите ему услуги; никогда не будете каяться, если так поступите». После такого обращения Артабаз поспешно отправился дальше с войском через Фессалию и Македонию прямым путем во Фракию, как человек действительно торопившийся и шедший напрямик по суше. Он прибыл наконец в Византий, потеряв много людей из своего войска: частью они были изрублены фракийцами, частью изнемогали от голода и усталости. Из Византия Артабаз переправился на судах. Так возвратился он в Азию.

90. Случилось так, что в один день с поражением при Платеях было поражение и при Микале в Ионии, а именно: когда эллины, прибывшие на кораблях с лакедемонянином Левтихидом во главе, стояли спокойно подле Делоса, явились к ним вестники с Самоса: Лампон, сын Фрасикла, Афенагор, сын Архестратида, и Гегесистрат, сын Аристагора. Они отправлены были втайне от персов и тирана Феоместора, сына Андродаманта, которого персы поставили владыкой Самоса. Когда они явились к вождям, Гегесистрат говорил долго, обсуждая со всех сторон, что если только ионяне увидят эллинов, то отложатся от персов, и что варвары при виде их не устоят на месте; если же сии последние остались, то эллины обретут такую добычу,

какая в другой раз им не достанется. Именем общих богов он умолял их и увещевал спасти эллинов от рабства и отразить варвара; для них легко это, сказал Гегесистрат, ибо корабли варваров имеют плохой ход и не способны выдержать борьбу с эллинскими судами. Если эллины подозревают послов в том, как бы они не подстрекали их из коварства, то послы согласны, чтобы их самих отвели на эллинские корабли в качестве заложников.

91. Так как самосский гость говорил настойчиво, то Левтихид задал ему вопрос – потому ли, что желал получить предзнаменование, или случайно, по соизволению божества: «Как твое имя, гость из Самоса?» «Гегесистрат», – отвечал тот. На этом и Левтихид оборвал речь Гегесистрата, который собирался говорить еще кое-что, и сказал: «Я принимаю это как счастливое предзнаменование. Однако, прежде чем отплыть, ты вместе со своими товарищами дай нам доказательство того, что самосцы действительно будут нашими усердными союзниками». За словом тотчас последовало дело.

92. Действительно, самосцы дали клятвенное уверение в союзе их с эллинами, а затем отплыли обратно; только Гегесистрату Левтихид предложил плыть вместе с эллинами, потому что принимал его имя за предзнаменование. Этот день эллины прождали, а на следующий получили благоприятные жертвенные знамения. Гадателем у них был Деифон, сын Евения из Аполлонии, что лежит в Ионийском заливе.

93. С отцом его Евением случилось такое происшествие. Есть в этой Аполлонии священные овцы Солнца. Днем они пасутся подле реки, вытекающей из горы Лакмон, проходящей через область Аполлонии и изливающейся в море подле гавани Орик; по ночам овец стерегут выбираемые из среды граждан богатейшие и знатнейшие люди, причем каждый стережет по году, ибо жители Аполлонии, согласно какому-то изречению оракула, сильно дорожат овцами Солнца. Ночуют они в пещере вдали от города. Некогда этот самый Евений был выбран стеречь овец. Однажды на карауле он заснул, а волки вошли в пещеру и зарезали около шестидесяти овец. Он заметил это, но хранил молчание и не говорил никому, решив купить других овец и подменить ими погибших. Однако случившееся не укрылось от жителей Аполлонии. Когда они узнали это, то привлекли Евения к суду и приговорили его, как проспавшего караул, к лишению зрения. Но вскоре по ослеплению Евения овцы более не ягнились, а равно и земля не приносила плодов. В Додоне и Дельфах, когда жители спрашивали о причине постигшего их бедствия, даны были им изречения оракулов, что страж священных овец Евений лишен зрения несправедливо, ибо

божества сами наслали волков, и что они не перестанут мстить аполлонийцам до тех пор, пока те не дадут Евению удовлетворения за содеянное, такого, какое он сам выберет и найдет для себя достаточным. А по исполнении этого сами божества наделят Евения даром, за обладание которым многие люди будут считать его блаженным.

94. Таковы были изречения оракулов аполлонийцам; но они держали их в тайне и поручили привести их в исполнение некоторым из граждан. Эти последние исполнили изречения следующим образом: когда Евений сидел на рынке, они подошли к нему, сели подле и, говоря с ним о разных других предметах, дошли наконец до выражения участия к его бедствию. Так исподволь приблизились они к вопросу о том, какое удовлетворение он выбрал бы для себя, если бы аполлонийцы пожелали и пообещали удовлетворить его за содеянное. Евений ничего не слышал об оракуле и сделал такой выбор: если дадут ему поле, причем назвал по именам граждан, которые, как он знал, владели наилучшими в Аполлонии участками, и сверх этого дом, который казался ему самым лучшим из домов в городе, – он сказал, что если получит это, то впредь перестанет гневаться и сочтет удовлетворение достаточным для себя. Так говорил Евений, а беседовавшие с ним граждане подхватили его речь и сказали: «Такое удовлетворение, Евений, согласно полученным изречениям оракулов, дадут тебе аполлонийцы за ослепление». Засим Евений узнал все, как было, и негодовал, так как был обманут; а аполлонийцы купили у владельцев участки земли и отдали Евению то, что он выбрал для себя сам. Тотчас после этого он преисполнен был дара прорицания, благодаря чему и стал знаменит.

95. Сыном этого-то Евения и был Деифон, который прибыл с коринфянами и производил гадания для эллинского войска. Однако я слышал также, что Деифон не был сыном Евения, что он только присвоил себе его имя и всюду в Элладе брал на себя гадания.

96. После того как жертвы дали благоприятные знамения, эллины направили корабли свои от Делоса к Самосу; а когда находились близ Калам в Самосской области, стали на якорю у святилища Геры и там готовились к морской битве. Персы услышали о прибытии их и также отплыли в море к материку на оставшихся еще кораблях; финикийские корабли они отпустили. Дело в том, что на совещании персы порешили было не давать сражения на море, так как более не считали себя равносильными эллинам. К материку они поплыли с той целью, чтобы находиться там под защитой своего же сухопутного войска в Микале, которое по распоряжению Ксеркса осталось позади всего полчища для

охраны Ионии. Численность войска была шестьдесят тысяч человек, а во главе его стоял Тигран, выдававшийся среди персов красотой и ростом. Под защиту этого-то войска и решили укрыться начальники флота, вытащить корабли на сушу и окружить себя валом, который служил бы оградой для кораблей и надежным убежищем для них самих. В силу такого решения персы и пустились в море.

97. Миновав святилище Владычиц, что на Микале, и прибыв в область Гесона и Сколопонта, где стоит святилище Деметры Элевсинской (сооружено оно сыном Пасикла Филистом в то время, когда вместе с Кодровым сыном Нелеем он отправился основывать Милет), персы вытащили на сушу корабли. Затем варвары окружили себя оградой из камней и дерева, для чего вырубали домашние деревья, а кругом ограды вбили в землю колья, и приготовились к положению осаждаемых и победителей, ибо среди приготовлений они принимали в соображение и то и другое.

98. При известии о том, что варвары ушли на материк, эллины огорчены были бегством их и недоумевали, что делать: возвращаться ли назад, или плыть дальше к Геллеспонту. Наконец решено было не делать ни того ни другого, а подплыть к материку; затем приготовили для морской битвы мостики и все, что было нужно, и поплыли по направлению к Микале. Когда они были близко к неприятельскому стану и не было видно никого, кто шел бы им навстречу, когда они увидели, что вытащенные на сушу корабли находятся за стеной, а многочисленное сухопутное войско стоит в боевой линии вдоль берега, – тогда прежде всего Левтихид поплыл на корабле вдоль берега как можно ближе к нему и голосом глашатая объявил ионянам следующее: «Будьте внимательны, ионяне, те, кто слышит меня, к моим речам: персы ведь совсем не поймут того, что я предложу вам. Когда произойдет сражение, каждый из вас должен вспомнить прежде всего о свободе, потом о боевом кличе: «Гера!» Пускай узнают это и те ионяне, которые не слышат меня, от вас, слышавших мою речь». Смысл напоминания был тот же самый, какой имело обращение Фемистокла при Артемисии, а именно: Левтихид рассчитывал, что слова его или останутся неизвестными для варваров и могут склонить ионян на его сторону, или же обращение его будет вслед за сим доложено варварам и сделает их недоверчивыми к ионянам.

99. После того как Левтихид обратился с советом к ионянам, эллины поступили следующим образом: причалили корабли свои к берегу, высадились на сушу и стали строиться в боевой порядок. Тогда персы, заметив, что эллины готовятся к битве и что они увещевали

ионян, прежде всего возымели подозрение, что самосцы расположены в пользу эллинов, и потому отняли у них вооружение. Дело в том, что самосцы по прибытии к ним на варварских кораблях пленных афинян, которые оставались еще в Аттике и взяты были войском Ксеркса, выкупили всех их и отправили в Афины, причем снабдили их на дорогу съестными припасами. По этой-то причине главным образом самосцы и навлекли на себя подозрение, ибо они освободили от рабства пятьсот душ Ксерксовых врагов. Потом персы поручили милетянам, как наилучше знавшим эту страну, охранять ущелья, ведущие к высотам Микале; это сделали они ради того, чтобы поместить милетян за пределами своего стана. Такими мерами предохраняли себя персы от тех именно ионян, которых считали способными на измену, если будут иметь к тому возможность, а сами соорудили себе укрепление из плетеных щитов.

100. Когда приготовления эллинов были кончены, они сделали наступление на варваров. В это самое время на берегу показался жезл глашатая и по всему войску пролетела молва, гласившая, что эллины одержали победу над войском Мардония в битве в Беотии. Божественное устройство событий доказывается многими примерами; так и в этом случае, когда поражение должно было случиться в один и тот же день при Платеях и при Микале, молва дошла до находившихся здесь эллинов, дабы благодаря ей войско стало гораздо смелее и с большей охотой шло на битву.

101. Случилось еще и другое совпадение, а именно: оба сражения произошли подле святилища Деметры Элевсинской. Сражение в Платейской области произошло, как сказано выше, подле самого храма Деметры, и точно так же должно было случиться и при Микале. А слух, что эллины с Павсанием во главе одержали победу, оказался абсолютно верным, ибо поражение при Платеях случилось еще в раннюю пору дня, а при Микале к вечеру. То, что оба сражения произошли в один и тот же день, в одном и том же месяце, это эллины немного времени спустя узнали точно посредством изысканий. Прежде, чем дошло до них это известие, они испытывали робость не столько за себя, сколько за эллинов материка, как бы Эллада не потерпела крушения в борьбе с Мардонием. Но когда молва эта пролетела среди них, они быстрее и увереннее пошли на врага. И эллины, и варвары горели желанием сразиться, потому что борьба предстояла из-за островов и Геллеспонта.

102. Путь афинян и подле них поставленных воинов (почти половины войска) лежал вдоль берега по ровной местности; напротив, лакедемонянам и рядом с ними стоявшим воинам – по оврагу и горам.

Пока лакедемоняне обходили окольным путем, остальные эллины на другом фланге уже сражались. Пока у персов укрепление из щитов было в целости, они отражали врагов и были не слабее их; но когда афиняне и ближайšie к ним воины пожелали, чтобы победа была делом их, а не лакедемонян, поэтому ободряли друг друга и стали действовать усерднее, с этого времени положение дела изменилось. Прорвавшись через укрепление, они стремительно, все разом бросились на персов, те встретили их и долгое время сопротивлялись, наконец убежали за стену. Вслед за ними устремились афиняне, коринфяне, сикионцы и трезенцы (ибо эти войска стояли в ряд) и ворвались за стену вместе с персами. Когда и стена была взята, варвары не защищались более и все, кроме персов, обратились в бегство; эти последние небольшими группами сражались с эллинами, которые непрерывно вторгались за стену. Из числа персидских вождей два обратились в бегство, а два пали в сражении, а именно: начальники флота Артаинт и Ифамитра бежали, а Мардонт и начальник сухопутного войска Тигран пали в битве.

103. Персы еще сражались, когда подошли лакедемоняне и с ними другие эллины и вместе довершили остальное. Однако пали здесь многие и из эллинов, в числе сикионцев пал их предводитель Перилай. Что касается самосцев, которые воевали в мидийском стане и были лишены тяжелого вооружения, то они, как только увидели, что битва в самом начале была нерешительна, делали все возможное для того, чтобы быть полезными эллинам. Когда прочие ионяне заметили такое начало со стороны самосцев, тогда и сами отложились от персов и обратились против варваров.

104. Милетянам персы приказали ради своего спасения охранять проходы с тем, чтобы иметь в них проводников и спастись бегством на высоты Микале, если постигнет их такая участь, какая действительно постигла. Вот ради чего поставлены были там милетяне, а также во избежание того, чтобы, находясь в стане персов, они не учинили измены. Однако милетяне поступили совершенно обратно данному им приказанию: они повели бегущих персов другими дорогами, которые приводили их к неприятелю, а наконец и сами с величайшим ожесточением стали истреблять их. Так вторично отложилась Иония от персов.

105. Из эллинов наиболее отличились в этом сражении афиняне, а из афинян сын Евфена Гермолик, искусный в борьбе и кулачном бою. Впоследствии этот самый Гермолик во время войны афинян с каристийцами пал в сражении подле Кирна в Каристийской области и

похоронен в Гересте. За афинянами по храбрости следовали коринфяне, трезенцы и сикионцы.

106. По избиении большинства варваров, частью в сражении, частью во время бегства, эллины предали пламени корабли их и всю стену, вынеся оттуда предварительно добычу на морской берег; они нашли несколько ящиков с драгоценностями, а сжегши стену и корабли, поплыли назад. По прибытии на Самос эллины совещались между собой относительно перемещения Ионии, а также о том, в какой части Эллады, находившейся во власти их, следует поселить ионян, саму Ионию предоставляя варварам. Ибо для самих себя эллины находили невозможным стоять на страже ионян и все время охранять их; если же они не будут оберегать ионян, то вовсе нельзя будет ожидать, что персы оставят их без наказания. Ввиду этого облеченные властью пелопоннесцы предлагали выселить из торговых местностей эллинские народности, действовавшие заодно с мидянами, а земли их отдать ионянам для жительства. Но афинянам совсем не желательно было перемещать Ионию, а также получать от пелопоннесцев советы об их колониях. Поэтому афиняне горячо восстали против этого предложения, и пелопоннесцы уступили. При таких условиях афиняне приобщили к своему союзу самосцев, хиосцев, лесбосцев и прочих островитян, которые сражались в рядах эллинов, причем взяли с них клятвенное уверение быть постоянными и не отлагаться. Получив с них клятву, эллины отправились на кораблях с целью разрушить мост: они надеялись, что найдут мосты еще протянутыми. Итак, эллины поплыли по направлению к Геллеспонту.

107. Те немногие варвары, которые убежали и были оттеснены на высоты Микале, возвращались в Сарды. Когда они находились в пути, сын Дария Масист, присутствовавший при поражении, наговорил много оскорбительного главнокомандующему Артаинту и, между прочим, сказал, что тот хуже бабы и за такое командование и за уничтожение царского дома достоин наивысшей кары. Быть названным хуже бабы величайший позор для перса. Артаинт долго слушал, наконец пришел в негодование и обнажил персидский меч с намерением убить Масиста; но в то время, как Артаинт готов был броситься на противника, заметил это стоявший позади него сын Праксилая Ксенагор, гражданин Галикарнасса, схватил его поперек, поднял и бросил оземь; тем временем перед Масистом стали его копьеносцы. Поступком этим Ксенагор стяжал себе благодарность не только от Масиста, но и от Ксеркса, потому что спас брата его. В награду за подвиг Ксенагор

получил от царя управление целой Киликией. Во время пути не случилось более ничего замечательного, и персы прибыли в Сарды.

108. Царь находился в Сардах с того времени, как потерпел поражение в морском сражении, бежал из Афин и прибыл сюда. Во время пребывания в Сардах он влюбился в жену Масиста, которая жила там же. Ксеркс посылал к ней посредника, но не мог расположить ее к себе, а из уважения к брату своему Масисту не желал прибегать к насилию; то же самое удерживало и женщину, ибо она хорошо знала, что не подвергнется насилию. Тогда Ксеркс отказался от всяких мер и устроил родному сыну Дарию такой брак: выдал за него дочь этой женщины и Масиста в той надежде, что легче овладеет матерью, если сделает это. Совершив обручение их по установленным обрядам, он удалился в Сузы. Однако когда Ксеркс прибыл в Сузы и ввел в свой дом жену Дария, то почувствовал уже охлаждение к жене Масиста и взамен ее влюбился в жену Дария, дочь Масиста, и пользовался ее взаимностью. Имя женщины было Артаинта.

109. Спустя некоторое время отношения эти обнаружили по следующему поводу. Аместрида, жена Ксеркса, соткала большой, разукрашенный и замечательный на вид плащ и подарила его Ксерксу. Царь был в восхищении от плаща, надел его на себя и так пошел к Артаинте. Восхищенный Артаинтой, он предложил ей в награду за ее ласки требовать у него все, что она только желает иметь; всякая просьба ее будет удовлетворена, прибавил царь. Та спросила Ксеркса (поэтому ей и всему дому суждено было пострадать): «Дашь ли ты мне, что бы я ни потребовала?» Менее всего ожидая нижеследующей просьбы, царь обещал и поклялся. Когда он поклялся, Артаинта, ничего не опасаясь, попросила плащ. Ксеркс всячески отказывался дарить ей плащ не почему-либо иному, как только из страха перед Аместридой, чтобы она, уже и до того подозревавшая, не уличила бы его окончательно. Поэтому он предлагал ей города, множество золота и войско с тем, что, кроме нее, никто не будет командовать им; но не мог склонить Артаинты и подарил ей плащ, а та была очень рада подарку, носила плащ и гордилась им.

110. Аместрида узнала, что Артаинта владеет ее плащом, и поняла, в чем дело; но обратила гнев свой не на нее, а на ее мать, так как ее считала виновной в поведении дочери; поэтому и возымела замысел погубить жену Масиста. Она выждала, когда ее муж Ксеркс давал царский пир; такой пир устраивается раз в году в день рождения царя. По – персидски пир этот называется *тикта* (*tykta*), что на эллинском языке значит «полный пир» (*tüleion*). Только в этот день царь умащает

себе голову и наделяет персов подарками. Аместрида дождалась этого дня и попросила Ксеркса подарить ей жену Масиста. Ксеркс находил жестоким и несправедливым дарить жену брата, к тому же неповинную в этом деле: он понимал причину просьбы.

111. Так как Аместрида не переставала просить, а царя обязывал обычай, по которому не дозволялось оставлять просящего без удовлетворения, когда дается царский пир, то он, хотя и с большой неохотой, согласился и отдал ей женщину. Потом сделал следующее. Аместриде предоставил поступать, как ей угодно, затем пригласил брата и сказал ему: «Ты, Масист, сын Дария и брат мой, сверх того достойный человек. С той женщиной, с которой живешь теперь, ты не живи более, а на место ее я даю тебе мою дочь; живи с ней. Не считай женой твою теперешнюю жену, потому что это не угодно мне». Удивленный такой речью, Масист возразил: «Государь, что за пустые речи ведешь ты? Зачем предлагаешь мне покинуть жену, от которой у меня юные сыновья и дочери, одну из них ты сам выдал замуж за родного сына? Зачем ты предлагаешь покинуть ее и жениться на твоей дочери? Быть удостоенным твоей дочери я ценю высоко, однако ни того ни другого не сделаю. Ты не проси меня об этом и не насилуй меня. Для твоей дочери явится другой муж, не менее меня достойный, а мне дозволь жить с моей женой». Так отвечал Масист, на что Ксеркс с гневом заметил: «Вот что решено о тебе Масист: не дам я тебе в замужество моей дочери, и со своей женой ты не будешь жить больше, чтобы умел принимать то, что дают тебе». Выслушав это, Масист сказал только: «Да не погубил ли ты уже меня, государь?» – и вышел вон.

112. Тем временем, как Ксеркс вел беседу с братом, Аместрида позвала Ксерксовых копьеносцев и подвергла жену Масисты жестокому насилию: она велела отрезать ей груди и бросить собакам, потом отрезала нос, уши, губы и язык и изувеченную отослала обратно домой.

113. В это время Масист, ничего еще не зная о происшедшем, но в предчувствии какой-то беды, поспешно бросился в дом. Увидев жену обезображенной, он тотчас посоветовался с сыновьями и пустился в путь в Бактры вместе с детьми и несколькими другими лицами с намерением взбунтовать Бактрийский округ и причинить царю величайшие беды. Это и случилось бы, как мне кажется, если бы только Масист заблаговременно достиг земли бактрийцев и саков, потому что они любили его, и он был наместником бактрийцев. Но Ксерксу дали знать о действиях брата; он послал в погоню за ним войско и велел

истребить в дороге его самого с сыновьями и его войско. Так было с любовью Ксеркса и гибелью Масиста.

114. Между тем эллины на пути от Микале до Геллеспонта были захвачены ветрами и в самом начале остановились подле Лекта. Отсюда они прибыли в Абидос и увидели разрушенными те мосты, которые рассчитывали найти еще протянутыми и ради которых главным образом и прибыли к Геллеспонту. Тогда пелопоннесцы с Левтихидом во главе решили отплыть обратно в Элладу, а афиняне с начальником своим Ксантиппом желали оставаться здесь и попытаться овладеть Херсонесом. Поэтому пелопоннесцы отплыли назад, а афиняне переправились из Абидоса на Херсонес и занялись осадой Сеста.

115. Так как Сест был сильнейшим из укреплений в этой местности, то при известии о прибытии эллинов к Геллеспонту собрались в него персы из других окрестных городов. Так, из города Кардии прибыл перс Эобаз, который доставил сюда канаты от мостов. Городом владели местные эолийцы, также собрались в нем персы и многие другие их союзники.

116. Тираном в этом округе был наместник Ксеркса перс Артаикт, человек жестокий и нечестивый, тот самый, который посредством обмана царя во время похода его на Афины похитил из Элеунта сокровища Протесилая, Ификлова сына. Дело в том, что в Элеунте на Херсонесе находится гробница Протесилая, а вокруг нее святилище, где были многие сокровища, золотые и серебряные чаши, медь, одежды и другие пожертвования; все это в виде подарка от царя похитил Архаикт. Он обманул Ксеркса следующей речью: «Здесь, государь, есть дом того эллина, который пошел было войной на твою землю, за что и был наказан смертью. Подари мне его дом, дабы каждый уразумел, что не следует ходить войной в твою землю». Этим ему легко удалось склонить Ксеркса подарить дом такого человека, так как царь вовсе не подозревал его умысла. Когда Артаикт говорил, что Протесилай ходил войной на царскую землю, то под этим разумел следующее: персы обыкновенно считают всю Азию принадлежащей им и тому царю, который в данное время царствует. Когда сокровища были подарены, Артаикт перенес их из Элеунта в Сест, священную землю заседал и обращал в пастбище, а сам каждый раз, как являлся в Элеунт, имел сообщение с женщиной во внутреннем покое храма. Теперь Артаикт был осажден афинянами, но он не был приготовлен к осаде и вовсе не ожидал эллинов; они напали на него совершенно неожиданно.

117. Когда осаждающих застигла осень, афиняне тяготились тем, что находились вдали от родины и не могли взять укрепление, поэтому

они просили своих вождей отвести их назад, а те отказывались сделать это до тех пор, пока не возьмут города или пока Афинское государство не отзовет их. После этого войско спокойно переносило свое положение.

118. Между тем находившиеся в городе люди дошли до крайней нужды, так что варили и употребляли в пищу кожаные ремни от постелей. Когда же и этого больше не стало, персы с Артаиктом и Эобазом бежали ночью, спустившись по задней стене в том месте, которое было наиболее свободно от неприятелей. Когда наступил день, херсонесцы с башен дали знать о случившемся афинянам и отворили ворота. Однако из афинян большинство пустилось в погоню за беглецами, а прочие занимали город.

119. Когда Эобаз бежал во Фракию, фракийские апсинфии захватили его и по их способу принесли в жертву местному божеству Плистору, а спутников его предали другого рода смерти. Те же персы, которые были с Артаиктом и позже пустились бежать, были настигнуты недалеко за Эгоспотами; они защищались долго, пока одни не пали на месте, а другие не взяты были в плен. Эллины отвели их в оковах в Сест, а вместе с ними и скованного Артаикта с сыном его.

120. По словам херсонесцев, один из стражей видел следующее чудо в то время, как жарил соленую рыбу: положенная у огня соленая рыба билась и трепетала совершенно так, как только что пойманная. Собравшиеся вокруг люди удивлялись, а Артаикт при виде чуда позвал стража, жарившего соленую рыбу, и сказал: «Чужеземец – афинянин! Ничуть не бойся этого чуда, потому что не тебе оно явилось. Это Протесилай, что в Элеунте, знаменует мне, что будучи мертвым и посоланным, он все же имеет силу, дарованную от богов, отомстить своему обидчику. Поэтому я желаю теперь наложить на себя следующий выкуп: за те сокровища, которые взял из храма, положу божеству сто талантов, а за себя и за сына, если останусь в живых, заплачу двести талантов афинянам». Но этими обещаниями он не склонил начальника Ксантиппа, потому что жители Элеунта просили в отмщение за Протесилая казнить его; такого же мнения был и сам начальник. Артаикта вывели на берег, к которому проведен был мост Ксерксом, а по другому рассказу, на холм, что возвышается над городом Мадитом, и там, пригвоздив к доскам, повесили; сына на глазах отца побили камнями.

121. После этого эллины отплыли в Элладу, причем взяли все сокровища и канаты от мостов для пожертвования в храмы. В течение этого года ничего более не случилось.

122. Дедом распятого на столбе Артаикта был Артембар, который произнес перед персами следующую речь, а они подхватили ее и передали Киру: «Так как Зевс даровал власть персам, а среди персов низвержением Астиага – тебе, Кир, то покинем нашу страну и займем лучшую, ибо мы владеем страной небольшой и суровой. По соседству с нами и дальше есть много таких земель, что, если займем какую-либо из них, станем и богаче, и славнее. Так действовать подобает народу власть имущему. Ибо когда же можно будет сделать это с большим удобством, как не теперь, когда мы властвуем над многими народами и над целой Азией?» Царь выслушал Артембара и, хотя не одобрял предложения, дозволил персам действовать согласно с ним, но вместе с дозволением советовал готовиться к тому, чтобы не властвовать, а находиться в подчинении; ибо, говорил он, в странах роскошных обыкновенно и люди бывают изнеженные: одной и той же земле не свойственно производить и достойные удивления плоды, и храбрых на войне людей. Персы согласились с ним и отказались от своего намерения, так как мнение Кира признали правильным: они предпочли владычествовать и занимать тощую землю, нежели обрабатывать почву удобную и быть в подчинении у других.

Примечания

Перевод публикуется по изданию: *Геродот*. История. В девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко. Т. 1. М., 1885; Т. 2. М., 1888. Редакция сочла себя вправе произвести стилистическую правку перевода, выправить орфографию в соответствии с современными правилами и заменить некоторые очевидно устаревшие грамматические конструкции.

Подстрочные сноски к предисловию и послесловию принадлежат Ф. Г. Мищенко. Примечания к предисловию, послесловию и основному тексту подготовлены О. А. Королевой.

История

Книга первая. Клио

...от так называемого Эрифрейского моря к Нашему... – Эрифрейское море – древнее название Красного моря. Здесь имеется в виду Персидский залив. Наше море – Средиземное море.

...между сирийцами... – Под сирийцами подразумеваются халибы – древний полумифический народ, населявший южный берег Черного моря (Гомер называет их гализонами. См. «Илиада», II, 856).

...Архилох из Пароса ... – Архилох (ок. 680–640 до н. э.) – греческий лирический стихотворец, живший во времена Ромула.

...под звуки свирелей, струнных инструментов, с женскими и мужскими флейтами. – Под «струнными инструментами» подразумеваются пектиды – 20–струнные инструменты наподобие арфы, обнимавшие две октавы. Флейта низкого тона называлась мужской, а высокого – женской.

...на храм Афины по прозванию Ассесии... – Афина Ассесия – лидийская богиня (Асви), почитавшаяся в Ассесе.

...составил дифирамб... – Дифирамб – торжественная песнь в честь бога или героя. Она пелась под аккомпанемент главным образом флейты.

...подчашник сделан Главком Хиосским, единственным изобретателем пайки железа... – Главк Хиосский – изобретатель с острова Хиос, живший примерно в VII веке до н. э. Открыл способ

спайки металла, научился изменять твердость металлов, а также был замечательным ваятелем.

...афинянин Солон ... – Солон (ок. 640 – ок. 560 до н. э.) – знаменитый афинский политический деятель, поэт и законодатель.

...отправившись путешествовать ради этого и из любопытства, Солон прибыл в Египет к Амасису и в Сарды к Крезу... – Амасис II (Яхмос II) – египетский царь XXVI (Саисской) династии, правивший с 570 по 526 год до н. э. Крез (род. 595 до н. э.) царствовал с 560 по 546 год до н. э. Путешествие Солона приходится на 594–584 годы, соответственно он не мог встречаться с Амасисом и Крезом.

...взывал к Зевсу Катарсию в свидетели того, что учинил ему гость, взывал к Зевсу Эфестию и Зевсу Этерию ... – Катарсий значит «Очиститель», Эфестий – «Хранитель очага», Этерий – «Хранитель дружбы».

...Киром, сыном Камбиса ... – Камбис I (ок. 600–558 до н. э.) – персидский царь династии Ахеменидов. Кир II Великий (ок. 590–530 до н. э.) – царь Персии и основатель Персидского государства. Взошел на трон после смерти своего отца Камбиса I в 558 году до н. э.

...одни посланцы отправились в Дельфы, другие – в фокидские Абы, третьи – в Додону; иные отправлены были также к Амфиарая и Трофонию, а иные к Бранхидам в Милетской земле . – Дельфы – город в юго – западной Фокиде у горы Парнас, центр религии Аполлона в Греции. Абы – город в восточной Фокиде, где находилось знаменитое святилище Аполлона. Додона – город в Эпире со знаменитым святилищем и оракулом Зевса. Амфиарай – в греческой мифологии герой, участник походов аргонавтов и «семерых против Фив», прорицатель; святилище Амфиарая находилось в Оропе, где он почитался как бог. Трофоний – в греческой мифологии беотийский герой, прорицатель; давал оракулы в Лебадейской пещере. Бранхиды – жреческий род, потомки Бранха, обслуживавшие храм Аполлона в Дидимах около Милета.

К Амону ... – Амон – бог египетских Фив. Отождествлялся греками с Зевсом.

...были пеласгийского происхождения ... – Пеласги – древнейшее население Греции. Будучи изгнаны из Аркадии, поселились в Фессалии, откуда после пяти поколений были изгнаны куретами и лелегами, рассеялись по Эпиру, Македонии, Италии, Эвбее, Криту и Азии.

...тот самый Писистрат ... – Писистрат (ок. 600–528 до н. э.) – знаменитый афинский тиран (правитель) с 560 года до н. э.

...между паралиями и педиэями... – Паралии (букв. – жители морского побережья) – одна из трех политических группировок в Аттике VI века до н. э. (наряду с диакриями и педиэями); торгово – ремесленная «умеренная партия». Педиэи (букв. – жители равнины) – «партия» крупных землевладельцев.

...первые с Мегаклом... вторые с Ликургом, сыном Аристолаида... – Мегакл – глава афинского знатного рода Алкмеонидов, стоял во главе городских ремесленников и торговцев. Ликург, сын Аристолаида, – вождь партии педиэев в Афинах.

...за вождя гиперакриев... – Иначе диакриев. Диакрии – одна из трех политических группировок в Аттике VI века до н. э. (наряду с паралиями и педиэями); крестьянская «партия». Писистрат опирался на крестьян, жителей северо – восточной Аттики. Вся экономическая политика Писистрата была направлена на защиту интересов беднейшего крестьянства.

...знаменитый спартанец Ликург ... – Ликург (IX-VIII вв. до н. э.) – легендарный спартанский законодатель.

...составив сплоченные клятвою дружины, отряды по тридцать человек и сисситии... – Подразделение из 25–36 человек, связанных взаимной клятвой, называлось эномотией. Триакады – подразделения из 30 человек. Сисситии – совместные трапезы у спартанцев.

...учредил эфоров и геронтов. – Эфоры – коллегия из 5 человек, выбиравшаяся на один год. Первоначально они выполняли, по – видимому, судебские функции, а позднее – функции надзора и контроля. Они узурпировали даже часть царской власти.

Совет старейшин (или герусия) состоял из 28 членов. Вместе с двумя царями совет был высшим органом власти в Спарте.

...из так называемых «благодетелей». – Здесь имеются в виду агатоерги – 5 членов спартанского корпуса из 300 всадников; служили духовными руководителями народа и послами по государственным делам.

...из священной горы Матери Диндимены ... – Диндимена – Мать богов (Великая Мать, Кибела, Рея). Эпитет связан с горой Диндим в Галатии – местом пребывания богини.

...прежний царь Сард Мелес не велел пронести льва... – Рассказ о льве Мелеса – лидийский; к нему добавлен персидский рассказ, героем которого был мард Гиреад. Лев – геральдическое животное Сард (быть может, древний тотем), изображался на лидийских монетах. Он был атрибутом божества – хранителя Сард.

...тот велел сложить большой костер, взвести на него в оковах Креза вместе с четырнадцатью сыновьями лидийцев ... – Вероятно, здесь речь идет, скорее, о самосожжении; ритуальный характер действия подчеркивает и количество сотоварищей Креза – дважды по семь (семь – священное число).

...Локсий ... – Аполлон Локсий (Светодатель) – древний эпитет Аполлона, который почитался в Малой Азии как божество света.

...казнить своего противника на «чесальном гребне»... – «Чесальный гребень» (чесалка) – орудие пытки.

...и маги ... – Маги – мидийское племя, из которого впоследствии образовалась жреческая каста.

...озером Меотида... – Меотида (Мать Понта) – современное Азовское море.

...египетский царь Псамметих ... – Псамметих I (ок. 663–610 до н. э.) – первый фараон XXVI (Саисской) династии (663–525 до н. э.), сын Нехо I.

...и ограбили храм Афродиты Урании . – Это был знаменитый храм филистимлян, посвященный Астарте (Иштар).

...которых скифы называют энареями... – Энареи (иран. «анарья» – немужественный) – кастраты, гермафродиты, жрецы богини Иштар.

...расскажу в другой истории... – Ассирийские «логосы» (описания страны) Геродота до нас не дошли. Возможно, Геродот их не успел написать.

...сына Кира ... – Кир I – царь Аншана (ок. 652–600 до н. э.), одного из главных городов древнего Элама; отец Камбиса I.

...одного назначил «оком царя»... – «Оком» и «ушами» царя назывались чиновники при дворе персидского царя, выполнявшие полицейские функции.

...вскормлен собакой. – Собака у иранцев была посвящена верховному богу Ахурамазде и считалась священным животным.

...против Дария ... – Дарий I (550–486 до н. э.) – персидский царь (522–486 до н. э.); представитель младшей линии Ахеменидов, сын Гистаспа.

У них в обычае приносить Зевсу жертвы на высочайших горах, причем Зевсом они называют весь небесный свод. – Геродот отождествляет греческого Зевса с персидским Ахурамаздой («мудрый владыка»). Эти слова напоминают место из «Фравардин – яшт», по которому Мазда небо «носит как одежду, украшенную звездами» (перевод З. Ф. Харебати).

Приносят жертвы они также солнцу, луне, земле, огню, воде и ветрам. – Перечисленные здесь божества: солнце (Митра), луна (Магх), земля (Зам), огонь (Атар), вода (Апас), ветер (Вата) принадлежат древней индоиранской религии. Поклонение этим божествам сохранила и религия Заратуштры.

Ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы – Алилат, персы – Митра. – Геродот смешивает здесь бога солнца Митру с богиней плодородия Анаит. В пограничной вавилонско – иранской области рано произошло смешение Анаит с богиней Иштар, что, по – видимому, указывает на то, что осведомитель Геродота происходил оттуда.

...украсив себя тиарой... – Тиара – головной убор персов в виде усеченного конуса.

...потом присутствующий маг поет священную песню, каковой служит у них повествование о происхождении богов. – При жертвоприношении маг пел гату (песнь из Авесты), содержание которой Геродот совершенно произвольно сопоставляет с эллинской «Теогонией» (поэмой о происхождении богов).

...то решают его во хмелю. – Здесь речь о ритуальных, а не о бытовых оргиях.

...белых голубей... – Белые голуби были посвящены Иштар. Персы считали их носителями проказы.

...совершают празднество Апатурий ... – Апатурии – греческий, особенно ионийский трехдневный праздник, во время которого вносили в списки фратрии тех, кто родился в предыдущем году. В Афинах этот праздник совершался в месяце пианепсионе (октябрь – ноябрь).

...на так называемых «Ста островах»... – «Сто островов» – многочисленная группа островков между Лесбосом и материком.

...не круглыми судами, а пятидесятивесельными. – Круглые корабли – торговые суда, имевшие малую скорость, 50–весельные военные корабли и триеры (с тремя рядами весел) развивали большую скорость.

...одержали так называемую Кадмейскую победу. – Кадмейская победа (поговорка) – гибельная для обеих сторон, как в битве Этеокла с Полиником.

Нижнюю Азию... Верхнюю... – Нижняя Азия – здесь территория Малой Азии восточнее Лидии и севернее Карики вплоть до Таврских гор. Верхняя Азия – малоазийское побережье от Карики до Трояды и Фригии, включая Лидию и Мизию.

...храм Зевса Бела... – Храм Зевса Бела, вероятно, святилище бога Мардука. Бел (Мардук) – верховный бог Вавилона; отождествлялся греками с Зевсом.

...сын Дария Ксеркс ... – Ксеркс I – персидский царь (486–465 до н. э.) из династии Ахеменидов.

...носившая имя Семирамиды ... – Семирамида – легендарная ассирийская царица (810–772 до н. э.).

...сам – двести... сам – триста. – То есть из одного зерна прорастают двести или триста зерен.

...сесам... – Т. е. кунжут.

...сыну своему Камбису ... – Камбис II – персидский царь (529–522 до н. э.); сын Кира II Великого.

Книга вторая. Евтерпа

...со жрецами Гефеста ... – Т. е. Пта (бог – покровитель кузнецов), который отождествлялся греками с Гефестом.

...первым египетским царем из людей был Мин . – Мин (Мен, Менес, Нармер) (вероятно, ок. 2950 до н. э.) – полубог-царь объединенного Египта, положивший начало I династии царей (фараонов) и основавший город – крепость Мемфис.

...от Северного моря... – Северное море – Средиземное море.

...рекой из Эфиопии . – Речь о Голубом Ниле, который приносит ил с Абиссинских гор.

...в царствование Мериды ... – Мерид (Аменемхет III, ок. 1831–1786 до н. э.) – египетский царь XII династии.

Второе объяснение еще нелепее первого ... – Первую гипотезу высказал Фалес Милетский (ок. 600 до н. э.). Второе толкование принадлежит Евфиму из Массалии (конец VI в. до н. э.). Евфимен, плывая вдоль западного побережья Африки, достиг современного Сенегала и думал, что истоки Нила находятся в Океане.

...течет из Океана ... – Океан у греков – величайшая мировая река, окружающая землю и море, дающая начало рекам, источникам, морским течениям, приют солнца, луны и звезд, которые из Океана восходят и в него же заходят.

...священных сокровищ Афины в египетском городе Саисе . – Афина отождествляется с египетской богиней Нейт, которая почиталась в городе Саис.

...признают из богов только Зевса и Диониса ... – Зевс у эфиопов – Амон – Ра. Дионис – Осирис.

Быков египтяне считают принадлежностью Эпафа ... – Эпаф – греческое название египетского священного быка Аписа с белым пятном на лбу, вестника бога Пта. Быков в Египте с древнейших времен приносили в жертву богу солнца.

...какое божество у них главнейшее и которому из них устраивается торжественнейшее празднество . – Имеется в виду праздник Исида, справлявшийся в Бусирисе.

...посвящены Исиде . – Исида – египетская богиня; первоначально почиталась в северной области Дельты как богиня неба, супруга Осириса, мать Гора.

...высокочитимый храм Афродиты . – Афродитой Геродот называет богиню Хатор, имя которой сохранилось в названии города Атарбехис.

Фиванцы и все те египтяне, которые не употребляют для жертвоприношения овец ... – Баран считался у египтян воплощением Хнума, бога плодородия.

...оба родителя Геракла, Амфитрион и Алкмена, через своих предков происходят из Египта ... – Алкей – отец Амфитриона (земного отца Геракла) и Электрион – отец Алкмены по мифу происходили из Египта.

...от восьми божеств произошло двенадцать ... – Египтяне знали две божественные группы – восьмерку (огдоаду) и девятку (эннеаду). Огдоаде поклонялись в городе Гермополе; она включала в себя четыре божественные пары – Нун и Наунет (вода), Ху и Хаухет (пространство), Амон и Амаунет (сокрытое), Кук и Каукет (мрак). Девятку почитали в Гелиополе; в нее входили боги Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет, Нефтида. Со временем в каждом египетском городе по примеру Гелиополя стали составлять свои эннеады.

...в таинства Кабириов ... – Кабиры – в греческой мифологии демонические существа, культ которых процветал на Самофракии, Имбросе, Лемносе и в Фивах; дети Гефеста и нимфы Кабиры; известны особой, унаследованной от Гефеста мудростью.

Что касается поэтов, именуемых более древними, нежели Гесиод и Гомер ... – Имеются в виду Орфей, Мусей, Лин и Олимп.

...мать Ареса ... – Арес – здесь египетский бог Гор.

...чешуйчатка... – Чешуйчатка (лепидот, нильский карп) – чешуйчатая рыба, вымерший вид.

...называется она феникс . – Феникс – воплощение бога Амон – Ра. В христианскую эпоху феникс стал символом смерти и воскрешения Христа.

...и имеют два рога на вершухе головы ... – Рогатая гадюка – весьма опасная ядовитая змея.

...и пользуются ибисы таким почетом у египтян ... – Белый ибис (птица из семейства бекасовых) был посвящен богу мудрости Тоту, который поэтому часто изображался с головой ибиса.

...весь он совершенно черный ... – Черный ибис – чапрак, вальдрап.

...песня Лина ... – Лин – в греческой мифологии сын Аполлона и дочери аргосского царя, отданный на воспитание пастухам и разорванный собаками. Горестная судьба Лина стала темой скорбных песен, которую пели на празднике в его честь в Греции, а в Финикии – на празднике Адониса.

...обычаи египтян согласуются с орфическими и вакхическими обрядами, в сущности египетскими и пифагорейскими ... – Орфизм – религиозное движение в Греции, возникшее в VIII веке до н. э. Некоторые воззрения последователей орфизма (орфики), например вера в переселение душ, напоминают египетские представления. Пифагорейцы – сторонники религиозно – философской секты Пифагора, как и орфики, были участниками вакхических мистерий (таинств), связанных с культом Диониса.

...острым эфиопским камнем ... – Эфиопский камень – гранит.

...смирной, касией ... – Смирна (мирра) – ароматическая камедь (смола) аравийского мирта. Касия – ароматическое и целебное растение (дикая корица).

...кладут в самородную щелочную соль ... – Т. е. натровый щелок.

...смазанный гумми ... – Гумми – то же, что и камедь.

...из плодов силликиприя ... – Силликиприй – разновидность клещевины.

Царица Египта называлась Нитокрис ... – Нитокрис (Нитокрида, Нейтикерт, ок. 2184–2181 до н. э.) – седьмая (последняя) правительница VI династии Древнего царства.

назывался Сесострисом . – Сесострис (Сенусерт III, ок. 1870–1831 до н. э.) – могущественный египетский царь Среднего царства XII династии.

...жившие вдоль Эрифрейского моря народы ... – Красное море – здесь Индийский океан, которого достиг египетский царь в походе в страну благовоний Пунт (сомалийское побережье).

...в следующих выражениях ... – «Илиада», VI, 289–293 (перевод Н. Гнедича).

...в «Одиссее» в следующих словах ... – «Одиссея», IV, 227–230 (здесь и далее перевод В. Жуковского).

...говорит Менелай Телемаху ... – «Одиссея», IV, 351–352.

...«Киприи» ... – «Киприи» или «Киприаки» (то есть кипрские повести) в 11 песнях описывали события, предшествовавшие действию «Илиады» и раскрывали первопричину Троянской войны. Эти поэмы до нас не дошли.

...с Деметрой ... – Деметра (в Дельте – Исида) – здесь, вероятно, Хатор, почитавшаяся в Фивах как владычица мертвых. Царство мертвых по – египетски называлось «аментет» («западная страна»), так как египтяне погребали покойников к западу от Нила.

...провожают два волка ... – Очевидно, бог мертвых Ануби, изображавшийся с головой шакала; он провожал покойника в царство мертвых.

...над преисподней царствуют Деметра и Дионис . – Т. е. Исида и Осирис.

Но после него царь египетский Хеопс ... – Геродот путает хронологию Египта: Рампсинит (Рамсес III, ок. 1184–1153 до н. э.) – царь XX династии (1186–1069 до н. э.), а Хеопс (Хуфу, ок. 2589–2566 до н. э.) – второй фараон IV династии (2613–2494 до н. э.).

По словам египтян, Хеопс царствовал пятьдесят лет, а по смерти его царская власть перешла к брату его Хефрену . – Хеопс (Хуфу) царствовал только 24 года. Ему наследовал старший сын Джедефра (ок. 2566–2558 до н. э.), после которого вступил на престол второй сын Хеопса Хефрен (Хафра, ок. 2558–2532 до н. э.).

...Микерин, сын Хеопса . – Микерин (Менкаура) – египетский царь (ок. 2532–2503 до н. э.), сын Хефрена, внук Хеопса.

...после Микерина был Асихис ... – Асихис (Шепсескаф) – египетский царь (ок. 2503–2498 до н. э.), сын Микерина.

После Асихиса царствовал в Египте человек слепой, родом из города Анисиса, по имени также Анисис . – Анисис (ок. 715 до н. э.) – неизвестный царь времен XXII династии. Геродот помещает его сразу после IV династии.

...царя Сабака ... – Сабак (Шабак) – эфиопский царь (ок. 716–702 до н. э.) XXV (нубийской/кушитской) династии.

...храм Бубастис ... – Бубастис (Баст, Бастет) – в египетской мифологии богиня радости и веселья; изображалась в виде женщины с головой кошки, отождествлялась греками с Артемидой.

...Санахариб, царь арабов и ассирийцев ... – Санахариб (Санхериб, Сеннахериб) – ассирийский царь (705–681 до н. э.), сын Саргона II.

...изображению, сидящему на троне . – Статуя Аменемхета III.

...царя Нина Сарданапала ... – Сарданапал (Ашшурбанипал, Ашшурбанапал) – ассирийский царь (669 – ок. 633 до н. э.).

...отца его Нехо ... – Нехо I – один из мелких правителей Саиса в Дельте Нила во время додекархии, правивший на протяжении 8 лет (ок. 672–664 до н. э.); считался основателем и родоначальником XXVI (Саисской) династии (664–525 до н. э.), восшедшей на египетский престол в лице его сына Псамметиха I.

...представил Артемиду дочью Деметры . – Эта драма Эсхила не сохранилась.

У Псамметиха был сын Нехо ... – Нехо II – египетский царь (610–595 до н. э.).

Псаммис царствовал в Египте только шесть лет; он умер вскоре после похода в Эфиопию, а ему наследовал его сын Априй . – Псаммис (Псамметих II) – египетский царь (595–589 до н. э.), сын Псамметиха I. Априй (Вахибр) – египетский царь (589–570 до н. э.).

Когда амфиктионы ... – Амфиктионы – члены амфиктионий, религиозных союзов соседних народов для общего почитания какого-нибудь божества без всякого отношения к племенному родству.

...пожертвовал им тысячу талантов квасцов ... – Египет был главным экспортером квасцов, которыми пропитывались деревянные доски при постройке храмов.

...убегая от сыновей Эгипта ... – Эгипт (Египет) – в греческой мифологии сын Бела, брат Даная; отец 50 сыновей – Эгиптиадов, которые силой взяли в жены Данаид – дочерей Даная.

Книга третья. Талия

...в храме ... – Имеется в виду храм богини Нейт – в египетской мифологии богини города Саиса.

...из племени ихтиофагов ... – Ихтиофаги («поедающие рыб») – племена, жившие на западных и восточных берегах Аравийского залива и Индийского океана.

...болезнью, которую иные называют «священной» . – Речь об эпилепсии.

...служивший при царе докладчиком ... – Докладчик (передаватель новостей, секретарь) – высшая придворная должность в Персии.

...на финикийские Патеки ... – Патеки – изображения бога Пта на носах финикийских кораблей.

...и храм Диктинны . – Диктинна (Бритомартис) – в греческой мифологии критское божество; дочь Зевса, спутница Артемиды,

известная своим целомудрием. Впоследствии отождествлялась с Артемидой.

...носы у кораблей их, сделанные в виде кабанов, были обрублены и посвящены в храм Афины на Эгине ... – Имеется в виду таран корабля в виде клыков вепря. Храм на Эгине был посвящен Афее (критская богиня), а не Афине. На двух фронтонных группах стояла посреди Афина, так что ошибка Геродота понятна.

...храм, обширнейший из всех известных нам храмов . – Т. е. храм Геры.

...все народы, кроме арабов ... – Страна арабов – Набатейское царство.

...третий округ . – Прежние северные провинции Лидии от Геллеспонта до устья реки Галис.

...седьмой ... – Область Пешавара и южная часть современного Афганистана.

От восьмого округа ... – Древний Элам с Сузами.

От десятого округа ... – Северо – западная Персия.

...одиннадцатый округ ... – Современный Азербайджан с Гиляном.

...от двенадцатого округа ... – Современный Северный Афганистан с долиной современной Верхней Амударьи.

...шестнадцатый округ ... – Область от низовий современной Сырдарьи до долины Херируд в современном Афганистане.

...девятнадцатый округ ... – Черноморское побережье от современного Трапезунда до Поти.

...двадцатый округ . – Современная индийская область Пенджаб.

...область Нисы ... – Ниса – мифическая гора и местность; родина Диониса. По Гомеру, Ниса находилась во Фракии или в Беотии. Геродот помещает ее в стране азиатских эфиопов в Индии.

...в песках ее водятся муравьи величиной почти с собаку, но больше лисицы . – Геродот передает здесь древнейшую форму легенды, возникшей в Ладаке на тибетско – индийской границе (легенда сохранилась в тибетской, монгольской и китайской версиях). Легенда принадлежит местным золотоискателям и купцам и выдумана, чтобы отпугнуть конкурентов.

...тамошние лошади уступают мидийским, так называемым нисейским . – Нисейские лошади – лошади конского завода в Мидии; особая порода быстрых и выносливых лошадей.

...называют Эриданом ... – Эридан – мифическая река, отождествлявшаяся с рекой По.

...*Оловянные острова* ... – Оловянные острова (Касситериды, совр. Британские острова) – острова, на которых финикийцы добывали олово.

...*привратник* ... – Точнее, страж дверей – комендант царского дворца и начальник царских телохранителей (великий визирь).

Анакреон Теосский . – Анакреон (ум. 495 до н. э.) – греческий лирический поэт, уроженец ионийского города Теоса (Малая Азия), прославившийся как жизнелюбивый певец чувственной любви и пиршеств.

...*«тысяча персов»* составляют отряд его телохранителей ... – «Тысяча персов» – персидское название отряда царских телохранителей.

...*называл себя благодетелем царя* . – Так называемые благодетели царя (оросанги) – люди, оказавшие услуги царю и государству и награжденные за это земельными угодьями.

...*спартанским царем Клеоменом* ... – Клеомен I – спартанский царь из рода Агидов (520–491 до н. э.), сын Анаксандрида.

Книга четвертая. Мельпомена

...*Дарий предпринял еще поход на скифов* . – В 514 году до н. э.

...*они отрезали свою землю широким рвом* . – Речь идет о так называемом Киммерийском вале на Керченском полуострове для защиты Босфора от кочевников.

...*никак не больше тысячи лет* . – Представление о тысячелетнем цикле истории (тысяча – одно из священных чисел) было широко распространено на Востоке, откуда проникло в Грецию и Рим, а позднее отчасти перешло в христианство, где на него наложились эсхатологические и апокалиптические настроения (ожидание конца света с наступлением миллениума).

...*рассыпаны перья* ... – Вероятно, Геродот имеет в виду метель и вьюгу.

...*гоня перед собой быков Гериона* ... – Герион – в греческой мифологии трехголовый и трехтуловищный великан, быков которого похитил Геракл, совершая тем самым свой десятый подвиг.

...*так называемый Боспор Киммерийский* . – Современный Керченский пролив.

...*а еще выше – гипербореи* ... – Гипербореи – в греческой мифологии чудесный народ, обитающий на крайнем севере мира, любимцы бога Аполлона. Время от времени Аполлон садится на колесницу и отправляется к гиперборейцам, чтобы отдохнуть среди них.

Гиперборейи живут блаженной жизнью, пируют и веселятся, поют и танцуют.

...жившие у Южного моря ... – Здесь Черное море.

От торгового города борисфенитов ... – Имеется в виду город Ольвия. Геродот описывает торговый путь от устья современного Днепра на север.

В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются ... – «Одиссея», IV, 85.

...при жертвоприношении Артемиде – Царице . – Артемида – Царица – фракийское божество.

...с данью для Илифии ... – Илифия – в греческой мифологии богиня – покровительница рожениц, дочь Зевса и Геры.

...басни об Абарисе ... – Абарис – мудрец и служитель Аполлона, выходец из страны гипербореев.

...противоположный им народ, гипернотии . – Т. е. народ, обитающий на крайнем юге.

...Океан обтекает землю кругом, причем земля представляется кругообразной, как бы циркулем сделанной ... – Геродот, быть может, воспользовался в этом рассказе древней аккадской картой мира, где центром мира была Ассирия.

...к Эрифрейскому морю ... – Т. е. к Персидскому заливу.

Так Ливия стала известна впервые . – Карфагенянин Ганнон около 520 года до н. э. обогнул Африку (первое исторически известное плавание вдоль западного побережья Африки). Он оставил описание своего путешествия, греческая обработка которого сохранилась.

...так называемый Ахиллов бег . – Ахиллов бег – низменный песчаный остров, ныне Тендра (Тендровская коса), у северного побережья Черного моря.

...чрезвычайно торжественный праздник в честь Матери богов . – Мать богов – иначе Великая Мать, Кибела, Рея. Ее обычно изображали на колеснице, запряженной четырьмя львами. Перед колесницей бежали жрецы – корибанты. Оргиастические культы (Кибелы и Великой Матери) проникли к скифам через Кизик.

...и отплыл к так называемым Кианейским скалам, которые, по словам эллинов, были некогда «блуждающими» . – Кианейские скалы – так называемые «блуждающие» скалы при входе в Черное море, Симплегады из мифа об аргонавтах, которые сталкивались и разбивали корабли, попадавшие между ними.

...на жертвенник Артемиды Орфосии ... – Орфосия значит Владычица; лакедемонская богиня, перед кумиром которой секли мальчиков в Спарте.

...к божеству Салмоксису ... – Салмоксис (Залмоксис) – полумифический социальный и религиозный реформатор, которого геты почитали как единственного бога.

...до так называемого Сурового полуострова ... – Суровый полуостров, или Скалистый Херсонес, – Крымское побережье до современного Керченского пролива.

...называют женское божество, которому приносятся такие жертвы, Ифигенией, дочерью Агамемнона . – Ифигения – в греческой мифологии дочь Агамемнона и Клитемнестры, которую принесли в жертву разгневанной Артемиде, задержавшей греческие корабли, следовавшие к Трое. Ифигения была перенесена богиней в Тавриду и сделана жрицей в ее храме.

...становится на несколько дней волком ... – Волк – тотемное животное невра, с которым они считали себя в родстве. Сообщение об оборотничестве относится к культовому празднику, участники которого носили волчьи шкуры и маски.

...животные с четырехугольными мордами ... – Здесь ошибка переписчика: вместо tetraŷgwnoj (четырёхугольный) надо читать taŷgrandoj (лось). Лоси и бобры жили в области будинов на Дону.

...Тиндариды ... – Тиндариды – сыновья царя Тиндара, Кастор и Поллукс (или Полидевк), иначе называются Диоскурами, сыновьями Дия, или Зевса (Зевс считался их божественным отцом, а Тиндар – земным).

Сын Агенора ... – Агенор – в греческой мифологии сын Посейдона и нимфы Ливии, финикийский царь.

...с гекатомбой ... – Гекатомба – в Древней Греции жертвоприношение из 100 быков. В эпоху Геродота – уже только праздничное жертвоприношение.

Четырем Баттам и четырем Аркесилаям, на время восьми поколений, дарует вам Локсий владычество над Киреной ... – Речь идет о династии Баттиадов: Батт I (631–591 до н. э.), Аркесилай I (591–575 до н. э.), Батт II Счастливый (575–554 до н. э.), Аркесилай II (554–550 до н. э.), Батт III Хромой (550–530 до н. э.), Аркесилай III (530–515 до н. э.), Батт IV (515–466 до н. э.), Аркесилай IV (466–439 до н. э.).

...появляется сильфий ... – Сильфий – кустарниковое растение; из корня его добывался сок для приправы к рыбе и мясу. Листья и сок сильфия служили важнейшей статьей экспорта из Кирены.

...живут гараманты, избегающие всякого человека и общения с кем бы то ни было ... – Гараманты – племя первобытных охотников и собирателей плодов, остатки первобытного населения Ливии.

...и вступают между собой в борьбу камнями и палками ... – Речь идет о ритуальных боях в честь богини плодородия (карфагенская Танит).

...облачение Паллады заимствовано из Ливии ... – Геродот здесь ошибается. «По происхождению» Афина – не ливийская, а древнекритская змеиная богиня (свидетельство этого – змеи на щите – эгиде). В микенских письменных памятниках линейного письма Б Афина уже «Владычица» и вместе с Посейдоном является божеством – хранителем колесничих (знатных воинов, сражавшихся на колесницах).

...а именем этих козьих кож («айгес») эллины называют свои эгиды . – Айгес – козы шкуры. Эгида – щит Афины из козьей шкуры.

Здесь водятся... слоны, медведи, рогатые ослы, люди с песьими головами, люди безголовые, с глазами на груди... дикие мужчины и такие же женщины... – Слоны и медведи в Северной Африке вымерли. Рогатые ослы – вероятно, род антилоп. Песьеглавцы и безголовые люди изображены на наскальных рисунках; вероятно, это демоны. Под «дикими людьми» подразумеваются, по – видимому, вымершие теперь в Северной Африке человекообразные обезьяны – гориллы.

...ории... дикие бараны... сухопутные крокодилы локтя в три длиной, очень похожие на ящериц, страусы и однорогие змеи . – Ории – вид антилопы, распространенный в Египте и Ливии. Дикий баран – муфлон, в Ливии вымерший. Сухопутный крокодил – панцирный крокодил. Страусы в Северной Африке вымерли. Под «однорогой змеей» подразумевается вымерший род очковой змеи.

...еще при жизни тело ее было съедено червями . – Вероятно, гангрена как следствие диабета, весьма распространенного на Востоке.

Книга пятая. Терпсихора

...фракийцы чтут только Ареса, Диониса и Артемиду . – Т. е. бога войны, бога плодородия и богиню рождения.

...к Аминте ... – Аминта I – македонский царь (540–498/95 до н. э.), сын Алкета I.

...Александр ... – Александр I – македонский царь (498/95–454/50 до н. э.), сын Аминты I.

...Зевса Агорей ... – Агорей значит «Рыночный».

...празднеству Панафиней ... – Панафиней – древнейший аттический праздник в честь богини Афины. Справлялись как Большие, так и Малые. Первые праздновали через каждые пять лет 23-го числа месяца гекатомбеона (июль – август), а Малые – ежегодно 20-го числа месяца фаргелиона (май – июнь). На Больших выносили пеплос, или покрывало Афины, на котором изображены были победы богов над гигантами и достопамятные подвиги героев.

...в Пеларгическом укреплении . – Пеларгическое укрепление (Пеларгикон, Пеласгикон) – древнейшее укрепление вокруг Акрополя, сооружение которого приписывалось преданием первоначальному населению Аттики – пеласгам.

...«совершили достойного упоминания и какие беды претерпели» ... – Ср.: «Одиссея», VIII, 490.

Правители навкрарий ... – Каждая аттическая фила делилась на 12 навкрарий (капитанств) – территориальных округов. Начальники этих навкрарий (пританы) и были тогда у власти.

...распустить совет ... – Геродот имеет в виду Совет пятисот, состоявший из представителей отдельных фил.

...в святилище богини ... – Т. е. святилище Афины в Эрехфейоне.

...они поселили на земле гиппоботов четыре тысячи колонистов по жребью ... – Раздел земель крупных землевладельцев между мелкими крестьянами (клерухами) был главным средством афинского господства в завоеванной области. Гиппоботы (коневоды) – крупные землевладельцы в Халкиде на Эвбее (в подлиннике рахеуеј (толстопузые), т. е. богатые).

...«многоголосое собрание» ... – Ср.: «Одиссея», II, 150.

...кумиры Дамии и Авксесии ... – Дамия и Авксесия – греческие божества, которых чтили во многих местах Греции, в Трезене, Эпидавре, на Эгине и Крите. Оба имени суть, вероятно, эпитеты Деметры и Персефоны. В честь их совершались одинаковые обряды и приносились одни и те же жертвы, а в Эпидавре совершались также мистерии.

...отправил послов в Феспотию на реке Ахеронт спросить оракул мертвых ... – На Ахеронте, где, по представлениям древних, был вход в подземное царство, издавна существовал оракул мертвых.

...поэт Алкей ... – Алкей (род. ок. 620 до н. э.) – знаменитый греческий лирический поэт, родился в Митилене на острове Лесбос.

...тогда как провел тридцать тысяч афинян . – Геродот имеет здесь в виду граждан с правом голоса, которых было в Афинах около 10 000 человек.

...воспетого Симонидом Кеосским . – Симонид (ок. 556 – ок. 467 до н. э.) – выдающийся греческий поэт, описал в стихах битвы при Марафоне и Саламине.

...Зевс ... – Зевс – здесь Ахурамазда.

Книга шестая. Эрато

...о нашем храме в Дидимах ... – Имеется в виду храм Аполлона в Дидимах со знаменитым оракулом.

...во время представления пьесы, сочиненной Фринихом, «Падение Милета» ... – Драма Фриниха не сохранилась. Это была первая известная попытка изобразить на сцене исторические события.

...в пританее ... – Пританей – здание, где заседали и обедали за государственный счет пританы, то есть дежурные члены афинского государственного совета, занимавшиеся текущими делами.

...в другом месте моего повествования . – См. ниже: VI, 103.

...на постройку длинных кораблей ... – Так называемые длинные корабли – боевые суда греков.

Ну, баран ... – Криос – баран.

...звание жрецов Зевса Лакедемонского и Зевса Урапия ... – Цари были верховными жрецами спартанского племенного бога и бога неба.

Каждое новолуние и седьмой день каждого месяца ... – Двумя ежемесячными праздниками у спартанцев были новолуние и день рождения Аполлона (седьмой день каждого месяца).

...назначать из граждан... проксенов ... – Проксен (гостеприимец) – гражданин, обязанный принимать в своем доме представителей другого города, угощать их и оказывать им содействие в делах.

...определенное число перизков . – Перизки – жители лаконских городов и селений, принадлежавшие к числу покоренных спартанцами дорийских и недорийских общин. Они не были полноправными гражданами, но обязаны были служить в спартанском войске. Наряду с воинской повинностью они должны были выставлять траурную свиту при погребении царей.

...стала каждый день носить девочку в святилище Елены; находится оно в так называемой Феранне, что над святилищем Фебы . – Святилище Елены и Менелая (Менелайон) находилось к юго – востоку от Спарты. Здесь, по преданию, были погребены Менелай и Елена. В святилище Феба (Фебеон), по верованию спартанцев, были погребены Диоскуры.

...и Зевса Геркейского ... – Зевс Геркейский – хранитель дома и домашнего очага.

...и заставить их поклясться «водой Стикса» . – Уже Гомер и Гесиод упоминают Стикс. Водой этой реки у Гомера клянутся боги. Вокруг Стикса образовался религиозный центр аркадских племен.

...из святилища Аргоса ... – Аргос – в греческой мифологии сын Зевса и Ниобы, бог – эпоним города Аргос в Пелопоннесе и основатель земледелия.

...трехголовый змей ... – Дракон изображался на знаменах воинов Аргоса.

...совершали на Сунии празднество ... – Праздник в честь Посейдона совершался в его храме на Сунии (мыс на юге Аттики). Знатнейшие афиняне отправлялись туда на государственном корабле.

...Деметры Фесмофоры ... – Фесмофора значит «Законодательница», «Устроительница».

...отличившийся в пятиборье . – Греческое пятиборье – состязания в прыжках, беге на скорость, метании диска, метании копья и борьбе.

...и Артаксеркса ... – Артаксеркс I – персидский царь (465–424 до н. э.), сын Ксеркса I.

...так называемой улицы Через Лощину ... – Имеется в виду дорога, начинавшаяся у Мелитских ворот и шедшая на север вдоль холма Муз.

...был девятый день месяца, а выступать в девятый день они отказались, так как не было полнолуния . – Спартанцы справляли в это время Карнеи (ежегодный праздник в честь Аполлона Карнейского). Когда послы прибыли в Спарту, оставалось еще 9 дней до полнолуния и конца праздника. Марафонская битва произошла 12 сентября 490 года до н. э.

...при совершении всенародных жертвоприношений, следовавших через каждые четыре года ... – Речь о Панафинях.

...асфальт, соль и масло, а добываются они следующим способом . – Геродот описывает метод перегонки нефти с выделением асфальта и песка, содержащего сырую нефть (песок он неправильно называет солью).

...в храме богинь преисподней . – Подземные богини – Деметра и Персефона.

Книга седьмая. Полигимния

...Дарий скончался ... – Дарий I скончался в октябре 486 года до н. э.

...привели с собою афинянина Ономакрита – гадалея, приведшего в порядок и обнародовавшего изречение Мусея . – Ономакрит (VI в. до н. э.) – афинский поэт, важнейший представитель древнегреческой мистической поэзии. Им составлены так называемые «Оракулы» – сборники пророческих песен, приписываемых Орфею и Мусею. Мусей – в греческой мифологии ученик (или сын) Орфея, поэт и прорицатель.

...Лас из Гермियोны ... – Лас из Гермियोны (ок. 500 до н. э.) – дифирамбический поэт, первый писатель по теории музыки; принадлежал к придворному кружку Писистратидов.

...созвал чрезвычайное собрание достойнейших персов ... – Имеется в виду персидский государственный совет, состоявший из сатрапов и представителей знати.

...предали пламени рощи святыни . – Речь идет о храме Кибелы, сожженном ионянами в Сардах.

...занимающий землю фригийца Пелопса ... – Пелопс – в греческой мифологии герой, сын Тантала, эпоним Пелопоннеса. С именем Пелопса связывали установление Олимпийских игр.

Я не достиг еще зрелой мудрости ... – Ксерксу в то время было около 37 лет.

...из «белого льна» ... – Имеется в виду волокно произрастающего в Испании метельника, или спартиума, служившего карфагенянам для изготовления канатов.

...к Белому мысу во Фракии ... – Т. е. Левке Акте (Белый берег) – гавань на фракийском побережье Мраморного моря.

...шла тысяча отборных персидских всадников . – «Тысяча» здесь не указание на численность телохранителей, а перевод персидского наименования для телохранителей. Их начальник назывался «хазабрапати» (начальник тысячи).

...священная Зевсова колесница ... – Т. е. священная колесница Ахурамазды (или бога солнца).

За этими десятью тысячами ... – Обозначение «десять тысяч» указывает не на численность, а только на название личной охраны царя.

...и молился солнцу ... – Ксеркс молился Митре, персидскому богу солнца.

...так называемый Черный залив и Черную речку ... – Или: залив Мелас (Меланский) и река Мелас.

...короткие мечи на правом боку ... – Имеется в виду так называемый «акинак» – оружие персов и скифов, короткий меч.

...только вместо шапки носили митру . – Митра – повязка на лбу, концы которой свешивались по обеим сторонам лица.

...и велел вычеканить изображение ее из золота . – Вероятно, золотая статуя богини Анаит, черты лица которой напоминают царицу. Само слово «Анаит», по Гесихию, означает «золотая».

...от горы Олимп ... – Имеется в виду мисийский Олимп (совр. Кешиш – даг) – гора на северо – востоке Малой Азии.

[...Халибы] ... – Лакуна в тексте. Здесь предположение переводчика.

...население островов Эрифрейского моря ... – Речь идет об островах в Персидском заливе.

...у Эрифрейского моря ... – Имеется в виду современный Персидский залив.

...было около трех тысяч . – Численность персидского флота преувеличена. По Эсхилу, персидский флот при Саламине насчитывал 1000 кораблей.

...этой реке маги принесли жертву, умертвив над ней белых лошадей . – Маги приносили жертву не богу реки, а Митре, которому были посвящены белые кони. Митра был также богом победы.

...это случилось многие годы спустя после похода персидского царя . – Именно в 430 году до н. э.

...гора Кекропа ... – Кекроп – в греческой мифологии первый афинский царь, сын Геи. Под горой подразумевается акрополь, где находилась гробница этого героя.

...даст Тритогенею ... – Тритогенея (Тритонида) – прозвище Афины, место рождения которой, по преданию, находилось на реке Тритон в Ливии.

...но потерпели столь жестокое поражение ... – Битва произошла в 473 году до н. э.

...из среды военачальников ... – Имеются в виду полемархи. Полемархи, или военачальники, во время войны предводительствовали *морой* – полком под начальством царей. В мирное время они наблюдали за порядком в городе и надзирали за общественным питанием.

...именуемые у туземцев хитрами ... – Хитры – горшки для варки.

...само имя привело его к такому концу . – «Леонт» значит по – гречески «лев». Персы считали его не только красивейшим, но и

самым сильным и доблестным пленником, так как лев, по воззрениям древних, – воплощение силы.

...вместе с Ино ... – Ино – в греческой мифологии одна из дочерей Кадма, вторая супруга беотийского царя Афаманта, мачеха Геллы и Фрикса, воспитательница Диониса.

...там же устроены места для сидения амфиктионов и находится храм самого Амфиктиона . – Здесь находились святилище союза амфиктионов – храм Деметры и святилище героя – эпонима Амфиктиона, сына Девкалиона и Пирры.

...выбрав для себя триста воинов, положенных по закону ... – Знаменитый спартанский отборный отряд трехсот состоял из членов знатнейших фамилий определенного возраста.

...и место пребывания Керкопов ... – Керкопы – в греческой мифологии два брата, уродливые существа, занимавшиеся разбоем и убивавшие путников.

Книга восьмая. Урания

...поставлены были большие кумиры вокруг треножника, что против храма в Дельфах ... – Вероятно, бронзовые статуи в человеческий рост, изображавшие Аполлона и Геракла в борьбе за священный треножник в Дельфах.

...перед храмом лежит священное оружие ... – Очевидно, лук и стрелы Аполлона, хранившиеся в святилище.

...подле святилища Кекроповой дочери Аглавры ... – Аглавра – дочь Кекропа, жрица Афины. Исполняя прорицание, она принесла себя в жертву, чтобы тем самым даровать победу отечеству в войне с элевсинцами. Афиняне посвятили ей рощу и храм близ Акрополя.

...в честь Матери и Кору ... – Т. е. Деметры и Персефоны.

...и Киносуры ... – Киносура (Собачий хвост) – мыс в Аттике к западу от Марафона.

...Тогда божественная Правда смирит чрезмерную Алчность, детище Наглости ... – В этом переводе под Правдой разумеется Дика (Дике) – божество справедливости; под Алчностью – Кор, олицетворение надменности и высокомерия; под Наглостью – мать Кора, олицетворение чрезмерного высокомерия.

...со стороны Пирея . – Пирей – афинская гавань, основана Фемистоклом в 493–478/77 годах до н. э.

...житель Афидн ... – Афидны – город на севере от Афин, близ Марафона.

Книга девятая. Каллиопа

...совершали празднество Гиакинфий ... – Гиакинфии – летний спартанский праздник в городе Амиклы в честь Аполлона и его возлюбленного Гиакинфа.

...беотархи ... – Беотархи – политические и военные руководители Беотийского союза. В то время их было одиннадцать. Во главе Беотийского союза стояли Фивы.

...отряд в триста отборных воинов ... – Геродот имеет в виду представителей знати, составлявшей афинскую конницу. «Триста» здесь не указывает на определенное количество.

...с мессенцами у Ифомы ... – Имеется в виду так называемая III Мессенская война (464–460/59 до н. э.).

...решили идти на Остров ... – Так называемый Остров образовывался рукавами реки Асоп у Платей в Беотии; находился в непосредственной близости от дороги на Мегары.

...сражался при Стениклере ... – Стениклер – город в северной Мессении близ Ифомы. Битва при Стениклере относится к III Мессенской войне. Отряд трехсот из представителей знатнейших спартанских семей был тогда полностью уничтожен.

...в сражении при Дате подле золотых приисков ... – Война с Фасосом за золотые рудники на фракийском побережье началась в 466 году до н. э. и закончилась победой афинян.

...ирены ... – Ирены – спартанцы в возрасте от 20 до 30 лет. Только после 30 лет спартанцы переходили в разряд «мужей» и становились полноправными гражданами.